В. К. Тредиаковский
Гравированный портрет работы А. Я. Колпашникова. 1775 г.

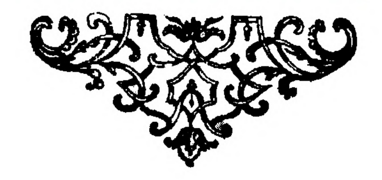
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Василий Тредиаковский

СОЧИНЕНИЯ И ПЕРЕВОДЫ

как стихами, так и прозою



Издание подготовила
Н. Ю. Алексеева

Санкт-Петербург
«НАУКА»
2009

УДК 821.1.161
ББК 84(2Рос=Рус)1
Т66

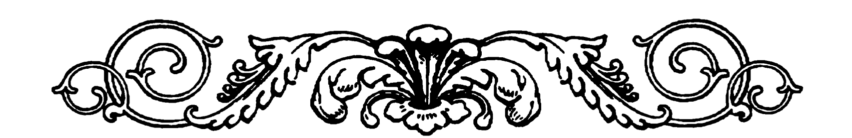
Ответственный редактор

С. И. НИКОЛАЕВ

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) проект № 06-04-16009д

ТП 2005-II-233
ISBN 978-5-02-027039-8

Том первый



К читателю

В самом начале сих моих трудов предлагается вам, благосклонный читатель, «Наука о стихотворении и поэзии», сочиненная от Боало-Депрео, французского славного сатирика. После Горациевы эпистолы о той же материи к Пизонам, римским знатным особам, сия Депреова почитается искусными за верх совершенства в сем роде. И поистине, все, что ни сочинял Боало, есть исправное и удивительное; но «Наука» его пиитическая, кажется, пред всем находится превосходная как в рассуждении состава стихов и чистоты языка, так и в рассуждении порядка и правил, в ней предлагаемых. С другой стороны, ей и не быть совершенною невозможно: почерпнута она из самого чистого источника, а именно, из помянутыя Флакковы эпистолы. В сей взял мой автор не токмо план, но и по самой большой части изображения, а правила все без изъятия; сим токмо отличается последний от первого, что переднее римское иногда есть заднее французское и что пространнейшее во французском чтется на некоторых местах сокращеннейшее в латинском писателе, и вопреки. Впрочем, коль подлинник есть неподражаемым, толь и список. Оба из сочинителей на своем языке авторы, хотя и обоим был преднейший предводитель, латинскому — греческий Аристотель в наставлениях своих о поэзии, а французскому — латинский Гораций; и потому оба велики, что у обоих были пред очами образцы всесовершенные в том.

Что ж до меня, французскую Боало-Депреову «Науку», как большей части читателей известнейшую, составил и я нашими стихами; а для показания всем, что Боало-Депрео все-на-все взял из Горациевы, не оставил я и сея и положил ее после, но токмо прозою. Довольно стихов для чтения

и в четырех песнях Боаловых, но в различение тоя ж самыя материи, рассудил я, что одно которое-нибудь из сих сочинений лучше представить прозою. Пал жребий судом моим, чтоб Горациевой эпистоле быть свободным, а Боаловой «Науке» заключенным словом и предшествовать. Причина сему не убежание от трудности, коя в обоем случае велика, но токмо мое произволение: могла и Горациева также быть составлена стихами, могли и обе предложиться прозою. Однако мне показалось пристойнее, чтоб одно предызъявляло важность токмо правил в подтверждение их в другом, а сие другое, представляя прежде ту ж самую твердость, услаждало б притом и мерою, и рифмою и чрез то б больше предуготовило разумы к внятию их в последнем; итак, другое сие преимущество присудил я Боало-Депреову сочинению. Сего главные разделы различил я между собою не одними пространнейшими пробелами, но еще и стопою стиха гексаметра, ибо, первую песнь воспев ямбическим стихом, вторую пою хореическим, равным образом и третию с четвертою песнию по пременам. Не оставляю вам донесть, благосклонный читатель, и сие, что каждый Боалов стих изображается каждым же моим одним, так что сколько у Боало во всякой песни и во всех четырех стихов, столько ж и у меня во всем том составе; сие, подлинно, весьма трудно, но сил человеческих не выше.

Как то ни есть, токмо признаваю с болезнию сердца, что сие самое донесенное теперь вам, благосклонный читатель, которое казалось бы долженствовавшим приносить мне честь за подъятие труда и за обогащение нашего языка тем, чему у нас давно быть надлежало, и еще при самом начатии словесных красных наук, напротив того, скоряе, может обратиться в причину укоризны и похуления. Различных пристрастий языки не преминут, может быть, разглашать следующее: 1) «Возможно ль статься, чтоб переводные стихи с стихов могли быть столько ж хороши, сколько подлинные, для того что и прозаический перевод теряет много силы и красоты пред подлинником, не то что стихи?» 2) «Да как сему пиитическому переводу быть притом и хорошему, потому что трудившийся употребил тут же хореический гексаметр, который токмо нежен, а не один ямбический, кой есть высок и благороден».

Весь сей вопль кто услышит издали, тому он может либо послышаться основательным, но приложившего ближе к нему свои слухи едва ль он в состоянии, обольстив, оглушить: он ни пошлыя не имеет твердости. Что ж бы сие вам, благосклонный читатель, изъяснить, то прошу вас не поскучить, читая следующее.

Да твердят стремящиеся, что переводные стихи с стихов не могут быть хорошими, но и да знают, что сие произглашаемое вообще и без

всякого изъятия есть не весьма столько праведно, сколько думается. Такая неправда изобличается многими образцами. Известны Аратовы «Феномены», сочиненные греческими стихами. Сии все переведены на латинский язык стихами ж от Цицерона. Перевода сего видим мы многие отрывки в его ж Цицероновых книгах, названных «Об естестве богов». Каков же видим сей перевод? Пускай прочтется токмо оный отрывок, который начинается «E quibus hunc subter possis cognoscere fultum» и в коем находится 475 стихов, то есть довольно для чувствования сладости и на усмотрение великолепия в переводе; но я не знаю, мог ли быть толь изряден самый подлинник Аратов, коль перевод Цицеронов. Теренций, латинский комический пиит, кому не ведом за неподражаемое свое искусство в изображении нравов, за точное следование естеству, за неухищренную простоту, за красную и нежную чистоту языка и, словом, за все, так что никто к нему ближе подойти и с ним сверстаться не мог в Риме? Одна из его комедий, названная «Евнух», в тот же самый день дважды была представлена, поутру и ввечеру, чего еще по то время там отнюдь никогда не бывало. Но Теренций все свои комедии перевел стихами с греческих Менандровых. Цицерон об нем говорит, в некоторой из своих поэзий, проименованной «Луг»,[1] следующее: «И ты также Теренций, коего стиль есть толь исправен и толь исполнен сладости, ты нам переводишь и совершенно выражаешь Менандра, да и даешь ему говорить с несравненною сладостию римским языком, избирая все, что есть самое нежное и сладостное».[2] Подлинно, все искусные утверждают, что Теренций из переводчика с греческих стихов сделался подлинником в своих латинских! Кто скажет, говоря о новейших с стихов переводчиках, что французские стихи с аглинских Поповых о нравственной материи худы? Я не умею поаглински, но читая французский перевод, чувствую, как и многие другие читатели, всю сладость и твердость подлинника; а сие самое и показывает достоинство перевода. И хотя исправность перевода ж, сделанного португальским графом Эрицейрою сей самой Боаловой «Науке», которую я ныне перевел по-нашему, нам, почитай, всем неизвестна; однако сам автор чрезвычайно похваляет оный в письме к помянутому графу, того ради должны мы поверить такому свидетелю и Эрицейрин перевод стихами ж

---

[1] Λειμών.

[2] Tu quoque, tu solus lecto sermone, Terenti,
Conversum expressumque latina voce Menandrum,
In medio Populi sedatis vocibus effers,
Quidquid come loquens, atque omnia dulcia linquens.

положить достойным и автора, и переводчика. Можно, впрочем, многих превосходных привесть из новых переводчиков с стихов стихами; можно и о Сегрее утвердить, что он латинскую «Энеиду» перевел французскими стихами преизрядно. Корнелий премного переводил с латинских, Расин еще и больше с греческих и с латинских; что самое делали и другие из французов. Сам Боало-Депрео в том числе из первых. Но все они то сделали, и ныне другие подобно делают с довольною и еще с великою похвалою.

О прозаическом переводе с прозы я уже и упоминать боюсь: задавит меня неисчетный полк достойных и великих переводчиков, теснясь предстать ко мне, как хотящему их по именам перекликать. Того ради не упоминаю об Абланкуре, переведшем Минуция-Феликса, Тацита, четыре Цицероновы слова, Луциана, «Отшествие десяти тысяч греков» из Ксенофонта, Арриана об Александровой войне, «Известия» Цесаревы, Туцидида, Греческую Ксенофонтову «Историю», «Апофтегмы древних», «Стратагемы» Фронтиновы и прочая. Не говорю об Амелоте дела Гуссее, о Лудовике Жирие, о самом Депрео, преложившем с греческого Лонгина «О высоте мыслей и слога». Умолчиваю также о Дасиерах, муже и жене, претолковавших с греческого Плутарховых «Славных мужей» и Гомера, с латинского — Горация и частию Плавта. Не привожу аббата Беленжера, сделавшего с аглинского перевод житиям: Энееву, Туллову-Гостилиеву, Аристоменову, Тарквиниеву, кой старший, Юниеву Брутову, Гелонову, Кирову и Язонову. Не воспоминаю и о Лимиере, переведшем Плавтовы комедии, а некоторые и стихами, также и об иезуите Санадоне — все дела Горациевы; ни притом еще о премногом множестве и, почитай, неисчислимом а о всех совершенных и достохвальных. Одного с меня довольно Вожласа, который один между толь многими светилами наподобие солнца, а перевел он на свой язык Квинта-Курция о делах, содеянных Александром Великим. Но как? так, что и доднесь в сомнении находится дело между искусными людьми, лучше ль Курций латинский французского Вожласова или Вожласов французский лучше Курция латинского, то есть не могут прямо определить, подлинник ли совершеннее перевода, или перевод подлинника. Правда, я сию похвалу Вожласу всегда почитал и почитаю за пребезмерную, для того что вижу в ней чрезвычайное и самохвальное пристрастие народа к своему одноземцу. Роллень один из всего того народа назвал справедливее, для того что воздержнее, перевод Вожласов преизрядным только; сие случилось ему сделать при конце вступления в шестой том «Древния» своея «истории», который и сам по большой части был во всей той «Истории» токмо преизрядный же переводчик то с греческого, то

с латинского, а часто еще и копист с французского по-французски ж. Как то ни есть, токмо ж сие непреодолеемо доказывает, что Вожласов перевод есть превосходный, что тмы находятся переводчиков прозаических с прозы самых добрых, исправных и таких, которых перевод не токмо не теряет ничего силы и красоты пред подлинником, но еще иногда несколько их подлиннику придает, а иногда и равняется с высотою оного, и что довод от меньшего, как называют, к большему (то есть понеже перевод прозы много бывает ниже подлинника, то кольми паче перевод с стихов стихами ж) есть не весьма основателен, чтоб не сказать больше и справедливее.

Я за потребно рассуждаю предложить здесь теперь главнейшие критерии, то есть неложные знаки доброго перевода стихами с стихов. И во-первых, надобно, чтоб переводчик изобразил весь разум, содержащийся в каждом стихе, чтоб не опустил силы, находящияся в каждом же, чтоб то ж самое дал движение переводному своему, какое и в подлинном, чтоб сочинил оный в подобной же ясности и способности, чтоб слова были свойственны мыслям, чтоб они не были барбарисмом опорочены, чтоб грамматическое сочинение было исправное, без солецисмов и как между идеями, так и между словами без прекословий, чтоб, наконец, состав стиха во всем был правилен, так называемых затычек, или пустых бы добавок, не было, гладкость бы везде была, вольностей бы мало было, ежели невозможно без них обойтись, и, сколько возможно, чаще б богатая рифма звенела полубогатой, без наималейшего повреждения смыслу; и ежели находятся еще какие поспешествующие доброте перевода. Впрочем, к сему не всеконечно требуется, чтоб в переводе быть тем же самым словам и стольким же — сие многократно и почти всегда есть выше человеческих сил — но чтоб были токмо равномерные и, конечно, с теми точно самыми идеями.

Итак, ежели кому дадутся перевесть следующие, например, Волтеровы стихи из его «Меропы»:

Quand on a tout perdu, quand on n'a plus d'espoir,
La vie est oprobre, la mort est un devoir,

а тот их и переведет сим образом:

Когда погибло все, когда надежды нет,
Уже поносна жизнь, оставить должно свет..,

то возможно ль без несправедливости сказать, что сей перевод худ? Он так исправен, как всякому искусному видимо, что, почитай, теми ж самыми состоит словами, не то чтоб в нем быть какому прекословию. Или также,

буде дастся сему переводчику перевесть сей Горациев стишок из несравненныя его третиея оды, книги третиея ж:

Iustum et tenacem propositi virum

так, чтоб переводу быть гексаметрами, в двух стихах и содержать бы целый разум, то есть чтоб сей стих изображал следующий смысл: муж правосудный есть непоколебим в намерении своем (как то и праведно, для того что твердое стояние в своем чем-нибудь без справедливости есть упрямство, а не постоянство), а тот и переведет его так:

Муж, праведно творяй суд купно милосердо,
В похвальнейших стоит намерениях твердо..,

то как не утвердить, по самой истине, что переводчик удовольствовал требуемое от него? Он точно изобразил Горациевы мысли, а несколько их обогащая, не подменил за них противного разума словами.

Того ради все такое разглашение может токмо до меня одного коснуться, а не обще до всех и не до превосходных переводчиков с стихов стихами. Но впрочем, я в крайнем по сей причине нахожусь затруднении, не зная отнюдь, что и как бы мне должно было за себя на сие ответствовать. Ежели предложить нечто умеренно, то как неприязнь страстей не заслужила умеренности, так и умеренность не весьма к тому преклоняет, чтоб словам моим поверить; но если б представить что-нибудь живяе, то смелость такая, и самая малая, бывает всеконечно досадна, а представляющему предосудительна. Итак, я оставляю определять о пиитическом моем переводе беспристрастным и справедливым. Да находят они, буде угодно, что такой мой перевод согласен ли несколько с критериями доброго перевода, от меня ж здесь предложенными; и да рассмотривают, «больше ль в нем покажется хорошего, нежели неподтверждаемого, дабы удостоиться ему некоторого снисходительства»,[3] я в глубоком о себе молчании пребываю, ведая что такие голосы по большой части происходят то от незнания, то от наперсничества, то, наконец, от недоброхотства.

Между тем, дабы очистить второй пункт, уверяю, что не для того мой перевод долженствует быть недостаточным, что я употребил тут хореи-

---

3 Verum ubi plura nitent in carmine, non ego paucis
offendar maculis...

Horat. Art. poet. v. 351.

ческий гексаметр при ямбическом. И поистине, я не токмо стою в моем мнении, что всякая стопа сама в себе ни благородна, ни нежна, но по речам, какими она состоять имеет, будет или нежна, или благородна, но еще и подтверждаю теперь оное следующим, что не может, как мню, всякому быть нечувствительно, ибо пример есть кратким путем, а рассказывание всякое ж долгим. Сделаем какой-нибудь стишок, состоящий ямбами и хореями в одной материи и мере, и посмотрим, который из них будет благороднее. Например, да будет сей тетраметр ямбический женский:

Я летом грому опасаюсь,

а хореический сей также тетраметр и женский же:

Летний гром мне страх и трепет.

Ясно, что оба сии стиха одну имеют меру, одно и то ж содержание, токмо стопу различную: первый составлен ямбом, а другой хореем. Но беспристрастные, бесспорно, и чувствуют притом, что второй громче. Однако ж, как мнят, первому стиху надлежит быть благородному, а другому нежному. Напротив того, Аристотель назвал стопу ямб, как то Квинтилиан свидетельствует, нежною: «Iambus humanior videtur». Посему надобно, чтоб, по Аристотелеву, хорею быть благородным. Впрочем, Гораций, пиит, величает ямб громогласным: «popularis vincentem strepitus». Вот же одна и та ж самая стопа, по-философски, людскости исполнена, а по-пиитически — громогласием и, следовательно, пышностию воспрославлена. Без сомнения, некоторых польза хотела б, чтоб верить в том больше пииту, нежели философу. Но я хотя и твердое основание имею сказать, что достовернее в сем философ пиита, для того что тот больше слыхал на своем языке звон ямбов, а сей взял и правила свои у того, однако утверждаю, что тому и другому долженствует токмо попускать так говорить, потому что они сказали, а всеконечно утверждаться на их мнении не должно, или обоих уже их надлежит между собою согласить, говоря, что *громогласие* у Горация значит *людскость* в ямбе, которая у Аристотеля. Ибо сим самым их прекословием доказывается мое мнение, что ни которая из тех стоп не имеет сама по себе и собственно в отличный характер ни благородства, ни нежности, но нежна или благородна та и другая по словам; да и самым опытом мнение мое подтверждается довольно.

Говорят: «тем есть благороден ямб, что он снизу наверх возносится; а хорей для того нежен и умилен, что сверху наниз упадает». Но я доношу, что сие есть пустое и ничего не доказывающее, ибо не можно меня никому,

ничем и никогда выбить из сих шанец, чтоб так сказать, а именно, ежели б сие было праведно, то б Гомер греческий и латинский Виргилий, два пиита, коих материи нет во всей поэзии благороднее и выше как эпическия, не писали своих поэм дактило-спондаическими стихами, кои сверху наниз упадают подобно хореическим, но употребили б анапесто-пиррихические, которые снизу наверх восходят, равно как ямбические. Не могу не донесть: некто из искусных людей, чувствуя, что сие мое доказательство, приведенное в «Известии», положенном пред тремя парафрастическими одами 1744 года, есть непреодолеемое, попытался тем оное в слабость привесть, что у помянутых пиитов количество слогов есть несходное с нашим, а именно, не тоническое, которое состоит в возвышении и понижении голоса, но временем меряющееся, то есть состоящее в продолжении и сокращении человеческого произношения. Следовательно, по его, их стихи сверху наниз не падают. Замолчать бы мне надлежало, когда б сие заключение было твердое и праведное. Но по счастию, тщетная его попытка, для того что не может она получить себе чаемого успеха. Так, следовательно, я возражаю, или они у них снизу наверх возносятся, или все по одной прямо и вровень степени катятся, ибо из сих двух которому-нибудь быть должно, когда нет того третиего? Но то и другое безместное, как всеконечно ложное. Подлинно и бесспорно, сверху наниз они упадают, для того что самый первый слог стиха всегда есть у них долгий и всегда, внятно извольте слушать сие, на вышней степени, как будто б он был всегда ударяемый, как то по самой большой части и есть ударяемый; чему я в своем месте предложу достоверный и очевидный образец, музыкальными нотами изображенный. Того ради, мню, всякому довольно есть уже чувствительно, что мой перевод не для того долженствует нехорошим быть, что я употребил хореический гексаметр попеременно с ямбическим. Но смею сказать, что еще я и очень хорошо то сделал для различия, которое всегда услаждает; а дерзаю и сие утвердить, что хореический стих при нежности своей, приписываемой ему, столько ж благороден и высок, сколько и ямбический, буде уже не можно преклонить верить, что хореический стих есть сроднее нашему языку, так что в са́мом ямбическом стихе женском рифма самая полная и ничем как не преизобилующая, так и не оскудевающая, падает не ямбом, но хореем.

Донесено уже вам мною, благосклонный читатель, что по Боаловой «Науке» увидите вы здесь Горациеву «Эпистолу» прозою. По сей положил я «Способ о составлении наших стихов». Он есть исправление и дополнение того, который выдан на свет в 1735 годе. Я рассудил, что, говоря с Горацием и Боалом о разных родах поэзии, надобно поговорить и о сло-

жении стихов, кои по большой части ныне издревле употребляет поэзия. Но не оставил я потом предложить вам мнение мое и «О первоначалии поэзии и стихов вообще»: оно мне показалось вероятным; а окончил я первый том* сих моих трудов «Письмом к приятелю о нынешней пользе гражданству от поэзии» и несколькими Эзоповыми басенками, выбранными из прозаических латинских Камерариевых и сочиненными для опытка некудреватыми стихами. Басенки Эзоповы, не знаю, что такое в себе приятное имеют, которое тотчас при первом взгляде мечется в глаза и, сердце услаждая, поражает; а еще они становятся приятнее, когда составлены стихами; кажется, что стих, или уже простенький и гладенький стих, для них токмо и сделан. Роллень, при конце второго тома «Древния истории», следующее о сих басенках говорит: «Надобно, чтоб басни, потому что они обще от всех приняты народов, как то мы всегда видим, укрывали великие истины оною нерадетельною простотою, которая есть их свойство! И поистине, Творец, хотя научить человека зрелищем самого естества, дал животным различные склонности и свойства, дабы все они были вместо сокращенных изображений различным должностям, которые надлежит ему исполнять, и также вложил в них добрые и худые качества, которых ему должно искать или от них отбегать. Итак, изобразил он чувствительное подобие тихости и простоты в агнце; верности и дружбы — во псе, напротив того, наглости, хищения, жестокости — в волке, во льве, в тигре и таким образом в прочих, да и восхотел учинить наставление и тайную укоризну человеку, ежели он нечувствителен в себе к таким качествам, которых ему невозможно не любить или не гнушаться ими в самых животных. Сей есть немой язык, который все народы разумеют; и сие чувство изображено в природе, кое всяк в себе имеет».

Второй том начат речию, которая говорена к членам бывшего при Академии наук Российского собрания, во время первого их заседания прошедшего 1735 года, марта 14 дня. Речь сия есть «О чистоте нашего языка». За сею следуют оды похвальные и приветственные, а за сими — божественные, преложенные как с Псалмов Давидовых, так и Пророческих Песней; все они положены порядком времен, в кои сочинены. В самой средине находится слово «О терпении и нетерпеливости», удостоенное негде славного награждения за красноречие. Потом

---

* Всю сию книгу разделил я на два тома. Первое для того, чтоб небольшим книжкам, для юношества по большой части сработанным, способнее в руках читающих обращаться. Второе, чтоб материям несколько чрез то между собою различиться и сим различением различным сличиться: ибо все они несоединенные и состоящие из разных содержаний, так что едва которое с другим имеет сходство.

«Несколько штук строфами о разных материях». Следует паки проза, а именно, «Рассуждение о комедии вобще», в котором доказывается, что нынешняя европейская комедия есть токмо благополучное подражение древней греческой, и той еще не Аристофановой, но Менандровой. После сего представлено несколько стихов из «Аргениды», сочиненных нашим образом и римским, дабы беспристрасным охотникам видеть, который род стихотворения есть благороднее и естественнее. Еще положена по сих речь, говоренная в Академии. За сею несколько переводных стихов нашим способом как с латинских, так и с французских. Конец увенчан «Плачем» нашими ж стихами «о кончине блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великого, самодержца Всероссийского, отца Отечествия», сочиненным уже тому двадцать седмь лет, но исправленным и последним старанием вычищенным.

Будете вы здесь читать, благосклонный читатель, многие штуки, составленные стихами, которые уже были выданы однажды на свет и из коих иным также есть лет с двадцать, меньше и больше. Но сюда они паки внесены все в новом и исправленном виде пред прежним. Некоторые из оных не имели стоп, иные были без сочетания, а иные и слова, и рифму не весьма исправную представляли. Все сие здесь, по возможности, в лучшее приведено состояние и новым, да и последним, трудом выяснено и исправлено. Не таюсь, прежде, как я начал по тоническому количеству стопы вводить в наши стихи, был я такого мнения, что стопами должно было состоять стихам гексаметру и пентаметру, прочим бы быть без стоп и всем, кроме песенных на чужие голосы, без сочетания; хотя о сем и упомянул я прежде всех из нашего народа и дал охотникам знать, не токмо в чем оно состоит, но еще и имя сие оному наложил. Однако по долгом и зрелом последующем рассуждении и размышлении удостоверился собственным доказательством себе, что как большим, так и малым стихам должно необходимо состоять стопами, для того что ничем другим прозаический член периода не может различиться от стиха, как токмо что член периода имеет безразборные ударения слогов, а стих определенные по известным местам чрез один или чрез два слога неударяемые, что самое и составляет наши стопы, из которых иные ударением начинаются, а иные окончиваются оным; то есть что существенная разность стихов от прозы есть точно стопы, определенным образом между собою в стихе совокупленные; а что, с другой стороны, сочетание есть преизрядное украшение стихам, для того что оно различает женскую рифму, впрочем лучшую, от мужеския, наполняющия слух наш не столько, сколько первая, и тем самым действительнее слух услаждает, несмотря на то (для того, чтоб дело дошло у нас до четыре-

сложных, пятисложных и далее рифм, которых в ударениях наших также премного, как в односложных) что многих бы мы звонких односложных рифм лишились.

Окончиваю с вами, благосклонный читатель, говоря Ролленовыми словами, что исправление такое первым погрешностям хотя не весьма есть приятно самолюбию, но может учинить знатную пользу охотникам, делая сочинения не толь недостаточны.* И поистине, во всяком роде писаний, равно как в нравоучительной науке, погрешения, исправленные и признанные искренно и необиновенно, от всех предаются забвению или, лучше, нет их самих, и следов уже не находится. 360

---

* Том 3 в предуведомлении.

НАУКА О СТИХОТВОРЕНИИ И ПОЭЗИИ С ФРАНЦУЗСКИХ СТИХОВ БОАЛО-ДЕПРЕОВЫХ СТИХАМИ Ж

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Вотще трудится всяк продерзостный писатель
Достичь до высоты и быть стихов издатель;
Когда в него с небес дух тайно есть не влит,
Когда в свет не рожден звездою он пиит,
Природный смысл его всегда и тесн и скуден,[1]
Феб для него есть глух и Пегаз также труден.

О! вы, которы толь, горя таким огнем,
Стараетесь о том и нощию и днем,
Не рвитесь посему бесплодно над стихами,
Не емлите за смысл охоту петь стопами,
Обмана бойтесь, коль к тому б он ни манил,
И рассмотряйте ум, способность равно сил.

Преславных в естестве умов премного зреет,
Таланты разделять писцам оно умеет.
Тот может описать к любовным жар играм,
А склонность вся в другом до кратких эпиграмм.
Малгерб превозносить дела героев силен,
Ракан, поющ леса и пастушков, умилен.
Но самолюбный ум, собою токмо льстясь,
Не знает сам себя, пред всеми возносясь.
Так, некто* преж сего с Фаретом в буйстве смелом,

---

1 Tu nihil invita dices faciesve Minerva.
Horat. Art. poet. v. 385.

* Сент-Аманд, автор «Спасенного Моисея».

Чертив стих на стенах как углем, так и мелом,
Пел гласа своего в обычном сиротстве
Бегущ еврейский род чрез море в торжестве;
И за Мойсеем вслед стремясь, в пустыне гоном
Спешит в Чермных волнах погрузнуть с Фараоном.
Когда б что ни писать, хоть важно, хоть смешно,
Чтоб с разумом всегда быть рифме заодно;
Их ненависть вотще, как кажется, друг к другу,
Тому есть та раба: должна казать услугу.
К исканию ее труд надобен сперва,
Потом ту находить — привычка уж резва:
По разуму себя легко та обращает
И не скудя ничем его обогащает;
Но будет как в ничто: в упрямстве та кружит,
А смысл, чтоб ту поймать, за нею вслед бежит.
Любите ж разум вы! творений бы убранство
Имело от него всю драгость и пространство.
Большая часть, стремясь в безумной слепоте,
Найти желает мысль бессмыслия в слоте;
Они мнят, что в кривых стихах им то позорно,
Чтоб мыслить равно так, как мог другой обзорно.
От сих излишеств прочь! Италии дадим,
Пусть ложным блеском та красуется таким.
Да идет к смыслу все. Но чтоб с ним впрямь сомкнуться,
Весьма есть труден путь и труд не поскользнуться;
Хоть мало кто сшибись, тотчас он в ров падет:
Смысл часто по тропе к концу одной идет.
Материею тот наполненный своею,
Не исчерпав ее, не расстается с нею.
Палаты ль иногда ему попались там,
Он пишет мне перед, он водит по верхам:
Здесь ставит он крыльцо, тут сени проходные,
Гульбище и его балясы золотые;
На потолоках он круг числит и овал.*
Повсюду там фестон,** повсюду астрагал.***

---

* Овал есть фигура яичного начертания.

** Фестон есть звание архитектурное. Он есть собрание овощей и цветов, связанных совокупно на одну вервь для украшения; а весь сей стих есть Скудериев.

*** Звание архитекторское ж. Он есть тот горбок, который бывает в карнизах.

Я, чтоб найти конец, вот много пропускаю
И с скуки от него чуть садом убегаю.
Прочь плодность та от вас: она есть без плода;
И да подробность вам не делает труда.
Излишное в словах невкусно есть и гадко:
Ум отвергает все, уж сытый, что не кратко.
Кто меры не познал, не знает тот писать!
        Приводит часто страх от худа хуждшим стать:[2]
Стих очень тот был слаб — ты делаешь несмачным;
Быть долгим не хочу, но становлюсь я мрачным;
Не убран лишно тот, да наг в своих строках;
Боится ползать сей, так гибнет в облаках.[3]
        Хотите ль заслужить, чтоб любовались вами?
Старайтесь различать слог непрестанно сами,
Стиль равный и всегда един имеяй глас,
Вотще блестит очам, он усыпит тотчас.
Читают мало всех, рожденных скучить — вдвое,
Что на один напев поют, как столповое.
Блажен, кому дано способность так иметь,
Что может вниз и вверх, по смехе ж дело петь!
Есть книга небу та и всем чтецам любима,
А продавцу всегда с охотою платима.
        Что ни писали б вы, стрегитесь подлы быть;
Возможет низкий сам слог благородно плыть.
Стиль шутовской, презрев рассудность головою,
Сперва всех обманул своею новизною.
Без шильца вот нигде уж не было стихов,
Парнасский стал язык, на площади каков.
Катится без узды стих вольно всяк горохом,
И Аполлин тогда сам стал быть скоморохом.
Проказа перешла сия вдаль к областям,
С подьячих и граждан пристала ко властям.
Прескверный самый шут хвалу сыскал премногу,

---

2 In vitium ducit culpae fuga, si caret arte.
Art. poet. v. 31.

3 Obscurus fio; sectantem levia, nervi
Deficiunt, animique; professus grandia, turget,
Serpit humi tutus nimium, timidusque procellae.
Ibid. v. 25.

И Дасусий* привлек чтецов к такому ж слогу.
Но наконец, уже то усмотревши, двор
Все сумасбродство сих презрел стихов и здор;
Простое отменил от смехотворна звона
И в дивность городам оставил ввек «Тифона».**
Чтоб не сквернил сей склад нимало ваших дел:
Нам красота игры в пример, Марот как пел,
Игрищам отдадим мы шутовство харь гнусно.
Но нейдем, как Бребёф шел, очень неискусно,
В Фарсальску брань валить на брег не за ничто,
«Из мертвых, мрущих там, стенающих, гор сто».
Вы пойте лучше песнь. Все будьте просты дельно,
Без спеси высоки, румяны не презельно.
Кладите пред чтецов, что любит общий дух,
А к гладкости везде да срог ваш будет слух.
Чтоб смысл всегда в стихе, секущий речь собою,
Полстишию велел при знаке стать к покою.
«В хорее женском слог есть долгий оный знак,
А в мужеском конец хорея просто так;
В иамбе ж обоем иамб сечет художно;
Кто не блюдет сего, тот падает тут ложно.
Имеющие шесть и пять мер, те секут;
Все прочие сего стихи уж не брегут.
Что ж не сечен иамб, хорей есть пятимерный,
Тот вольностию стих и в кратком всем неверный».***
Смотрите, гласной так в пути б своем спешить,
Чтоб гласною ж на том ее не раздражить:
Есть счастие, избрать чтоб речи сладкогласны,
Бежать в литерах долг злых скопов, те бессчастны;
Хоть благородно мысль и стих изображен,
Не могут милы быть, как слух есть раздражен.

* Негодный пиит, который перевел шутовскими стихами «Превращения» Овидиевы. Перевод сей есть сбор изображений самых подлых и грубых.

** Шутовская поэма. Автор ея славный Скарон. Она названа «Гигантомахиею». Тифон в ней есть самое главное лицо.

*** Сих осьми стихов, отмеченных двойчатками, во французском авторе нет. Они сюда внесены для составления российских стихов. О сем будет предложено ниже в «Способе к сложению наших стихов».

Наш в первы времена Парнасс, его довольство
Имели за устав едино самовольство:
Строк рифма на конце, тож, как бы ни пришло
В сечение, была в красу и за число.
Был прежде всех Виллон, времен кой грубых в мерах
Смесь стару разобрал, притом в романциерах.
По нем тотчас Марот в цвет произвел баллад,
Составил триолет, счетал в звон маскарад,
Возвратам он рондо подверг определенным
И новый показал стихам путь удивленным.*
Вот инако Ронсард, наследник быв сему,
Все правя, все смутил, все вел по-своему;
Однак был долго он хвалимый по судьбине,
Но в Франции глася, как грек, и по-латине,
В последующий век узрел себе на смех,
Что пала спесь его, слова и весь успех.
Тщеславный сей пиит, пад с верху сам оплота,
Воздержных сделал тем Депорта и Бертота.
Малгерб настал по сих; он первейший у нас
Дал чувствовать в стихе всю гладкость в добрый час;
Речей в своих местах нам показал державу,
Как к должности привел, так Музу сделал праву.
Разумным сим творцом очищенный язык
Уж перестал влагать жестокий в слухи зык.
Приятности могли в нем строфы научиться,
И стих в ближайший стих не стал сметь преноситься.**
Все приняло устав, а сей вождь и отец
Всем нынешним творцам еще есть в образец.
Вы следуйте по нем, любя в нем чисту гласность
И счастливый состав, и примечайте ясность.
Как в ваших смысл речах себя явить не скор,

---

* О балладах, триолетах, маскарадах и рондах чтоб ни читатель наш, ни стихотворец не изволили заботиться много, они все небольшие штучки, собственные французскому стихотворению, составляемые определенным числом стихов, рифм и определенными повторениями одного стиха. Можно их некоторым образом положить все в класс эпиграмм. Впрочем, они не безделица, но острая игра разума.

** Прежние наши стихи, составляемые польским образом, весьма подвержены сим переносам. Сей порок в них очень несносен. В нынешних перенос делается ж иногда, но не в начало стиха, в чем и есть порок, но до пресечения или до самого конца стиха.

То разум понимать не силится, мня здор:
От тех он тщетных слов отстать и сам стремится,
Вслед нейдет за писцом, искать его не тщится.
Суть в некоих умы примрачностей таких,
Что зрится быть всегда за тучею мысль их:
Луч разума сквозь ту не может ввек проникнуть.
То прежде, неж писать, вам мыслить долг навыкнуть;
Коль будет наша мысль светла или темна,[4]
Изобразится толь и в чистости она:
Что поймешь, ясно то сказать уже удобно,
И сами все слова бегут на то способно.
А больше, чтоб язык, кой на письме почтен,
И в самый жаркий труд всегда был вам священ;
Вотще разит меня всяк в гласе звоном сладким,
Как речь не та* или путем нейдет вся гладким.
Не нравится уму надменный барбарисм,**
Надутого ж стиха и пышный солецисм.***
И кратко, сколь творца есть слава ни велика,
Он без язы́ка в том негоднейшего лика.
Повольный был бы труд, коль вас ни торопят,
И спешности да в вас безумныя не зрят:[5]
Стиль борзый, и бежать которому есть шутка,
Не толь ума есть знак, коль больше нерассудка.
Мне лучше тот ручей, кой по песку течет
И по цветам в лугу свой тихо ток влечет,
А нежели поток разлитием нельготным
Свой в мутности стремит бег по местам болотным.
Спешите не спеша,[6] себе ж не ставя в труд

---

* Подлинно, тщетный будет гром в стихе, когда инако мыслит автор, а иное пишет и изображает речью.

** Барбарисм называется то, когда речь какая есть свойственно того языка, коим кто говорит или пишет, но непрямо, или написана, или выговорена, или силою ударена.

*** Солецисм есть многих прямых речей совокупление, но неправильно против свойства языка и против общих грамматических правил сочиненных.

4 Verbaque provisam rem non invita sequentur.
Ibid. v. 311.

...carmen reprehendite, quod non
Multa dies, et multa litura coercuit, atque
Praesectum deciens non castigavit ad unguem.
Ibid. v. 292.

6 Σπεῦδε βραδέως. Festina lente.

Крат с двадцать вы дела пред свой зовите суд.
Исправивши уже, еще потом их правьте;
Придайте иногда, но чаще что убавьте.
То мало, что в трудах, погрешностей где тьма,
Там инде острота в глаз мечется сама;
Да должно, чтоб всему в своем быть месте, чине;
Началу б и концу согласным быть средине;[7]
Искуснейший прибор премногих как мастей
Сшил целое одно б из разных тех частей;[8]
И речь бы никогда, свое оставив дело,
Не шла искать вдали слов звоном громких смело.
Страшитесь ли стихам от общества хулы?
То сами будьте к ним вы смотром прежде злы:
Невежество себе всегда бывает в диво.
Сыщите вы другов, судили б вас нельстиво,
Чтоб ваших им трудов поверенными быть
И погрешений всех противниками слыть;
Вы авторскую спесь пред ними отвергайте,
Но друга от лестца рассмотривать тут знайте.
Тот, мнится, хвалит вас, а то насмешка зла.
Любите вы совет, пусть не слепит хвала.
Ласкатель каждый вдруг нелепо возглашает,
В восторг его стих всяк конечно восхищает:
Все сладко, все красно, противных нет речей;
Он скачет и поток слез точит из очей,
Излишними он вас возносит похвалами.[9]
Но правда не спешит стремительно словами.

---

7 Primo ne medium, medio ne discrepet imum.
Ibid. v. 152.

8 ...sit quodvis simplex dumtaxat et unum.
Ibid. v. 23.

9 Tu seu donaris seu quid donare voles cui,
Nolito ad versus tibi factos ducere plenum
Laetitiae; clamabit enim: «Pulhcre, bene, recte»
Pallescet super his, etiam stillabit amicis
Ex oculis rorem, saliet, tundet, pede terram.
Ut qui conducti plorant in funere dicunt
Et faciunt prope plura dolentibus ex animo:
Derisor vero plus laudatore movetur.
Ibid. v. 425.

Всяк непреклонен есть друг истинный всегда,
Не даст покоя вам за худо никогда,
Порочит красоты места все обнаженны;
И шлет стихи, где быть не так расположенны.
Здесь осуждает он надменный слов эмфаз,
Там не люб смысл ему, а далее и фраз,
Грамматический чин немного тут есть мрачен,
Тот обоюдный глас ясняе не означен, —
Так говорит всегда, кто верный вам есть друг![10]
Но автор, для стихов имеющий недуг,
Мнит, что их защищать долг каждому и нужно,
Противное тотчас приемлет он недружно.
Кто скажет: «Подло стих есть сей изображен».
— «А! втуне, господин, стихом вы раздражен», —
Он будет отвечать. — «То холодно есть слово,
Я б выкинул его». — «Из красных всех мест ново». —
«Сей круг не нравен мне». — «Дивится всяк тому».
Так постоянну все не уступать кому,
Когда б в его трудах речь где не полюбилась,
Не вычернить за то причина утвердилась.
Однак он сам твердит, от критики не прочь,
И над трудом его власть крайня вам есть вточь.
Но вся та сладка речь, он коею ласкался,
Есть хитрость, вам стихов не четши б, не расстался;
Вот оставляет вас, доволен всем трудом,
И инде, но глупца бежит искать потом,
Да и находит он, как глупыми писцами
Обилен есть наш век, хвалить так шалунами;
Кроме тех, кои здесь и кои в областях,
Их много при князьях и при других властях.

---

10 Quintilio siquid recitares: «Corrige, sodes,
Hoc» aiebat «et hoc»; melius te posse negares,
Bis terque expertum frustra, delere iubebat,
Et male tornatos incudi reddere versus...
Vir bonus et prudens versus reprehendet inertes,
Culpabit duros, incomptis adlinet atrum
Transvorso calamo signum, ambitiosa recidet
Ornamenta, parum claris lucem dare coget,
Arguet ambigue dictum, mutanda notabit.
Ibid. v. 438.

Негодный самый труд изобретал в придворных
От древнейших времен хвалителей проворных:
Сатирически ж бы в сей песни свесть конец:
Глупейшим всяк еще хвалим всегда глупец.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Как пастушка в красный день праздника и в радость
Украшает не числом яхонтов всю младость
И не адамантов ставит к золоту прибор,
Но на ближнем поле лучший рвет себе убор,
Так приятнейшей на взгляд, но простой эклоге
Без богатства долг в своем нежнейшем быть слоге;
Пышного та в круге не имеет ничего
И стиха не любит, в коем чванство есть, всего.
Сладостию б нежно нам вся она дышала,
Громом бы высоких слов нас не устрашала.
Но в ея составе потерявший автор цель
С гнева повергает многократнейше свирель,
И безумною надмен с жара красотою,
Он в идиллии своей нам гласит трубою;
Чтоб его не слышать, убегает Пан в тростник,
Прячутся и Нимфы с страха в воду и в родник.
Напротив того, другой, подл в своем языке,
Говорит так в пастушках, как мужик, что в лыке;
Грубый стих, в котором красоты нет никогда,
Ползает, замаран гнусно, по земле всегда,
Всяк сказал бы, что Ронсард в деревенски дудки
В эклогах еще поет варварски прегудки
И переменяет слуху на великий страм
Лицида в Евласья, а Филису в Ховру там.
Промежду излишеств сих есть дорога бита
От Виргилия еще и от Теокрита.
Оных сладки письма чтоб не шли из ваших рук
И ни денно-нощно не было б от них вам скук;
В мудрых токмо их стихах долг искать вам средства,
Автор может как начать без вреда и бедства

Петь луга и Флору, и Помону, и сады,
Пастушков сопельми возбудить к борьбе в чреды;
Сладость величать любви сладостным напевом,
Пременять Нарцисса в цвет, Дафне быть бы древом;
И притом во время некоего как часа,
Консула достойны в эклоге поля,* леса.
Сельских пение поэм так есть удобренно!
Выше мало взносит глас, но не дерзновенно
Слезна элегия в черном платье, что с хвостом,[1]
Растрепавши волос и идя за гробом в том.
Радость и печаль в любви та нам представляет,
Молит, сердит, льстит, грозит, милу утоляет;
Но недуги б сии счастливо изобразить,
Мало быть пиитом, должно самому любить.
Ненавижу тех творцов, кои Музу нудят
Воспевать о сем огне, а себя не взбудят.
Правилом печалясь при спокойствии своем,
Всю любовь замерзлу делают свою при сем.
Самый их приятный жар — токмо речь пустая;
Связывает только их ввек цепь золотая,
Мука им любезна, тягости нет и от уз,
С разумом вот в ссоре, чувства их все давит груз.
Не таким-то в старину смеха годным звоном
Воздыхал Тибулл в стихах от любви со стоном;
Иль Овидий нежный, гласа к сладости пристав,
Своея «Науки» красный издавал устав.
Говорить долг одному сердцу в элегии!
Ода, больший блеск дая, столько ж энергии,**
Возлетает славно до превыспренних небес.
В дружбе и с богами и везде не без чудес,
То атлетам на играх подвиг отверзает
И победоносца там в лавре воспевает,
То ведет Ахилла на Троянские брега,
То здесь покоряет, гонит инде то врага.

---

* Virgil. Eclog. 4.

** *Энергия* слово греческое, оно есть звание техническое и значит по-нашему великую слога силу и дельность.

1 Flebilis indignos, Elegeia, solve capillos.
Ovid. Elegiar lib. 3. eleg. 8.

Иногда, как бы пчела, любящая дело,
Цветы на венец в полях собирает смело;
Прославляет танцы и веселый пир, и смех,
С уст и поцелуя полученного успех,
Коему Ириса быть не хотела взяту,[2]
Чтоб не данному от ней видеться б отъяту.
Быстра в оде слога часто есть отважен ход:
Красный беспорядок точно в ней искусства плод.
　　Прочь, трусливые писцы; их ум флегматичный
Наблюдает в жаре том способ дидактичный;*
Те, поя героя, много несшего бремен,
По-исторически чину следуют времен,
Не дерзают отступить на́-пядь от предлога,
Взять им город, вся б была уж взята подмога,
И в стихе б исправном следовал тех стен обвал
После, как уж сбиты обороны все и вал.
Аполлин в том помогать ввек им отказался!
　　Слух есть, некогда сей бог нравный увязался
Да в несносный вринет наших стихотворцев труд,
Тягость дать сонету, почитай, сверх сил в седьмь пуд.
Указал в двух четвернях, равных меж собою,
Осьмью слухи поражать рифмою двойною;
А потом искусно шестерню стихов срядить
Так, чтоб две тройчатки смыслу разному делить.
Особливо ж не пустил вольности в ту краткость:
Сам в сонете он число вымерял и гладкость.
Запретил жестоко слабому стиху вступать,
Бывшему и слову паки место в оном брать.
Впрочем, украсил его велелепно темы:
Стоит без хулы сонет долгия поэмы!
　　Но вотще ту сонмы получить себе мнят часть,
Счастливый сей Феникс никому не мог попасть.
Чуть в Мейнарде и в Гомбе, также и в Мальвиле,
Можно ль удивляться трем в тысящной их силе.
Всех, как Пелтиерских, прочих никогда не чтут,

* Способ учительский, пристойный каким наставлениям.

2 ...facili saevitia negat,
Quae poscente magis gaudeat eripi.
Horat. lib. 2. od. 12.

А Серсийвы в лавку на обертки вскачь бегут.
Чтоб в предписанном смысл свой заключить пределе,
Мера иль всегда долга, иль кратка при деле.
Вольность в эпиграмме больша, но кратчайший круг,
Острым словом часто в рифмах двух разит та слух.
Шилец в древни времена мы отнюдь не знали,
Из Италии потом к нам в стихи попали.
Обще ослепившись оных всех чрез тонку лесть,
Пишущие ставить начали себе их в честь.
Общество приятством глас дерзости взбудило,
Вот премножество Парнасс тотчас затопило.
Мадригал всех прежде шильцем тем был изощрен,
Сам сонет надменный равно тем же прободен;
И трагедии оно стало быть в утеху;
Элегия начала ж скорбь красить без смеху,
Без него героя в действе было не слыхать;
Без того ж любитель не дерзнул уже вздыхать.
Видели всех пастушков в жалобе и в горе,
Шильцу вернейших тому, неж пастушкам в сборе.
Каждое и слово стало быть о двух лицах,
Приняла то проза так же, как стихи, в концах.
Адвокат тем говорил, чтоб он ни затеял;
Проповедник все слова шильцами ж засеял.
Оскорбленный разум наконец отверз глаза,
Ввек из дельной речи выгнав, стал ему гроза;
Объявив бесчестным то всюду в письмах в роды,
С милости не запретил в эпиграмму входы;
Только ж бы в нем тонкость и его приличный лов
Шли собой до мыслей, а нимало не до слов.
Так во всех уже местах сгибли непорядки!
Но еще есть при дворе глумников десятки,
Шалей, смехотворцев, шутов, без успеха в том,
Кои слов игрушку грубым защищают ртом.
Мысль не та, чтоб иногда Музы хитрость мала,
Над словом вскользь идучи, тут не поиграла
И отверницею б смысла не свела в успех,
Да бежать излишеств должно в сем, они-то смех,
И не тщаться повсегда недостойным шильцем
В эпиграмме украшать кончик, как сурмильцем.

Каждый род поэмы за свою добр красоту.
Галл рондо, родившись, кажет токмо простоту.
Весь старинному баллад подданный убору
Часто блеском одолжен рифм одних прибору.
Мадригал простяе и, взнося достойней бровь,
Дышет сладость, нежность и умильную любовь.
Не взводить ложь, но себя показать бы миру
Жар стихами воружил с правдою сатиру.
Прежде всех Луцилий оную дерзнул издать
И порокам римским зеркало сие подать;
Он за добродетель мстил гордому богатству:
Конному за пешу честь, плутовству, лжебратству.
К желчи сей Гораций приложил премного крас;
На глупцов он выдал и на шалунов указ.
Горе каждым именам, хул таких достойным,
Кои могут в стих войти мер числом пристойным!
Персий стих свой мраком всюду теснейше сплотил,
Чтоб он слов тут меньше, больше б смысла уместил.
Ювенал, приобученн к воплю в римской школе,
Надлежащих свыше мер вскликнул в гиперболе.
Язв хотя ужасных полны все его черты,
Но в нем всюду блещут превысоки красоты:
Хоть когда он по письму, из Капреи данну,
Статуу Сеяна в треск крошит оплеванну;*
Хоть когда он гонит на совет в сенат отцов,
Мнительну тирану в страхе бледнейших льстецов;**
Иль когда он, низводя роскошь зла в долину,
Всем ярыгам продает римску Мессалину.***
Жаром все сияют сочинения его!
От людей сих мудрых приведенный до сего
Ренниэр у нас один на стезю готову
Старым стилем нам еще точит сладость нову.
Счастлив! если б речи, коих всяк стыдится чтец,
Местом тем не пахли, хаживал куда писец,
И когда б он звоном рифм, цинических точных,

* Сатира 10.
** Сатира 4.
*** Сатира 6.

Многажды не раздражал слухов непорочных.
        Слог бесстыдством часто у латин есть осквернен,
Всяк же наш читатель хочет быть всегда почтен;
Крошечка нечистоты в смысле разгневляет,
Ежели стыда его речь не утоляет.
Я хочу в сатире искренности самый дух,
А бегу бесстыдства, одобряюща стыд вслух.
        От сея поэмы, где острых слов обильно,
Песня-водевиль у нас утвердилась сильно;
Милая болтушка, возглашая свой распев,
С уст в уста преходит и взрастает, как бы сев.
В сих французския стихах вольности зрим сладость,
А раждается утех то дитя нам в радость.
        Только ж кто насмешки пишет те и просто вры,
Не брал бы он бога за материю игры:
Всю безбожность наконец без святого страху
Иль на рынке в срубе жгут, иль кладут на плаху.
Надобны и в песнях разум, смысл и правил чин!
Впрочем, то бывало, что вино без всех причин
Ободряло иногда грубу Музу в меру
И давало сочинить строфу Линиеру.
        Но при счастье тщетном, что вам есть успех в стихах,
Спеси вы блюдитесь в ваших с радости пыхах;
Гордый автор как своим песням зрит расходы,
В ту минуту мнит, что есть он пиит с природы,
Не сложив сонета, никогда не ляжет спать,
Скорых шесть препишет штучек, только лишь бы встать;
Да и дивно, что дела, мня свои несредни,
Он печатает, когда глупые те бредни,
Не изображает мастером себя каким,
Увенчанна лавром, пред собранием таким.

ПЕСНЬ ТРЕТИЯ

Нет змия, нет гада, ни гнусного урода,
Кой чрез искусство б быть не мог приятных рода:
Полезным нежна кисть художеством своим
Вид скаредный очам творит весьма любим.

Так, нас бы веселить, трагедия прямая
Эдипову в крови явила скорбь, рыдая —
Орестову печаль, отца убил кой сам,
И, чтоб забавить нас, тем привела к слезам.
Вы, в коих толь кипит к театру ревность честна,
И за стихи хвала где пышны вам нелестна,
Хотите ль вы на нем такой представить труд,
Чтоб град тот, зря в толпах, чрез свой одобрил суд,
И кой всегда красняй, что больше будет зримый,
По двадцати годах еще б был в вид просимый?
То в ваших всех речах там возбужденна страсть
Искала б сердца вся, палила б все, не часть.
Движение когда, восставшее внутрь махом,
Не наполняет нас повольным часто страхом
Иль жалости в душе не взбудит то у нас,
То мудрость ваша там возносит всуе глас:
Холодный ваш довод не будет покоритель,
И оному плескать всегда ленив смотритель;
Реторика красно коль тут ни говорит,
С труда он дремлет сам иль вас за то бранит.
Вся сила: быть бы вам любимым, нам — взбужденным,
Старайтесь же меня чем сделать пригвожденным.
Чтоб с первейших стихов готовый действа быт
Без трудности мне весь был в силе не закрыт.
Смеюсь я над творцом, кой медленность имеет,
Сперва, о чем весь вид, дать ведать не умеет,
И на развязку кой слаб узла, что толь крут,
Из той потехи мне там делает вот труд.
Уж лучше, чтоб скланял мне имя он без страха:
«Я есмь Агамемнон, Орест иль Андромаха»,
А нежели б чудес тех мраком, без услуг
Понятию о них, так оглушал мой слух.
Долг тотчас изъяснить всю силу, все и дело!
Чтоб место, действо где, знак твердости имело,
Писатель без беды гишпанский всяк готов
В один день там включить премножество годов.
В их зрелище герой, толь часто грубоватый,
Младенец есть сперва, в конце уж бородатый.
Но мы, что смыслом нам в том правило дано,

Хотим, чтоб действо все искусством ведено:
«В том месте, в день один, один бы случай цельный»
Наполнил до конца театр весь многодельный.
Отнюдь не представлять несбыточных вещей:
Не можно иногда и правде верить всей.[1]
Не льстит меня ничем чудесное без меры:
Не взбудится тем ум, чему он неймет веры.
Да сказывает речь, чего не должно зреть:
Глаза, зря вещь, ясняй ту могут рассмотреть;
Но много есть, что смысл рассудности по духу
Скрыть должен от очей, а предлагать то слуху.[2]
Смятение, растя от сцены в сцену там,
Способно б наконец все изъяснялось нам:
Не более всегда ум поражен бывает,
Коль есть, как в деле том, что узол заплетает,
Познанная всея уж тайны правда вдруг
Переменяет все в иной вид, в новый круг.
Трагедия сперва, имея грубость в связке,
Была прост каравод, в котором каждый в пляске
Честь Бакхусу поя как божеству гроздов,
Тем тщался получить обильный сбор плодов;[3]
Там радость при вине сердца всех возбуждала,
Искусного ж певца козлом в дар награждала.[4]
Был первый Теспис, кой дрожжами[5] гнусен весь,
Возил по слободам благополучну смесь;

---

1 Ficta voluptatis causa sint proxima veris,
Ne quodcumque volet poscat sibi fabula credi...
Horat. Art. poet. v. 338.

2 Segnius imitant animos demissa per aurem,
Quam quae sunt oculis subiecta fidelibus et quae
Ipse sibi tradit spectator. Non tamen intus
Digna geri promes in scaenam multaque tolles
Ex oculis, quae mox narret facundia praesens.
Ibid. v. 180.

Ignotum Tragicae genus invenisse Camenae
Dicitur, et plaustris vexisse poemata Thespis:
Quae canerent agerentque peruncti faecibus ora.
Ibid. v. 275.

4 Carmine qui Tragico vilem certavit ob hircum.
Ibid. v. 220.

5 Τραγῳδία ἀπὸ τράγου. Τρυγῳδία, παρὰ τῆς τρυγός.

С телеги, платье дав, кому играть, сурово,
Идущим представлял он зрелище то ново.
Эсхиль в тот прежний хор игрателей уж ввел
И харьками лицо честнейшими одел;
Он на театре, там возвышенном публично,[6]
Представил игрока, обутого прилично.
Но лучшу мысль Софокл имея отчасу,
Умножил вид и сонм, обогатил красу;
Дал в действии самом и целом хору дело;
Негладкости в стихах им слово не имело:
Сей в греках высоту трагедии ту дал,
До коея глагол латинский не достал.
Побожных дедов мысль театр все проклинала,
Тем Франция утех сих долго вся не знала.
Молебщиков, есть слух, в Париже грубый сбор
Явил, исшед пред всех, такой сперва убор,
А в глупости своей и в простоте нелестно
Играл он как Святых, так Деву, Бога честна.
Наука, наконец, их просвещая ум,
Дала знать, сколь нелеп побожный был тот глум.
Унителей тех всех непосланных прогнали;
За баснь, за Илион хвататься паки стали;
Вот только игроки без древних уж личин,
За пение и хор взята скрыпица в чин.
Немедленно любовь, в которой нег обильно,
Пленила так театр, как повести, насильно.
Описывать кому сию страсть хоть бы чуть,
То к сердцу тем идти есть достоверный путь.
Описывайте ж вы любовь героев сильных,
Но их, как пастушков, не делайте умильных.
Чтоб инак Ахиллес любил, неж Тирс, Филен.
Не сделался б у вас из Кира Артамен,
И совесть на любовь в зле многажды свидетель
Казала б слабость в ней, отнюдь не добродетель.

---

6 Post hunc personae pallaeque repertor honestae
Aeschylus, et modicis instravit pulpita tignis,
Et docuit magnumque loqui, nitique cothurno.
Ibid. v. 278.

Героя повестей от нег бежать долг вам,
Но должно ж слабость дать великим и сердцам:
Не нравен Ахиллес ни резвый, ни кипящий,
Не нелюб же, однак, в обиде тот слезящий;
По недостаткам сим, являющим родство,
С приятностию тут ум видит естество,
Чтоб в ваших письмах он описан так был живо!
Агамемнон себя б вел гордо и спесиво,
Эней бы честь к своим имел богам без мер —
Блюдите в каждом вы его вточь характер.[7]
Веков и разных стран рассматривайте нравы:
По разности земель те часто злы иль правы.
Как в «Клелии»,* так вас мысль в то б не привела,
Италии б наш вид дать, коя встарь была;
И в римских именах являть наш зрак повсюдный,
Катон чтоб щеголь был, а Брут бы — женолюбный.
В негодных повестях легко все извинить,
Довольно, что тут мог вас вымысл поманить;
Была б некстати в них излишняя жестокость,
Но в сцене быть должна исправная высокость:
Приличность в ней везде быть хочет до конца.
Хотите ль вы сыскать вид нового лица?
Чтоб пребыло во всем согласно то с собою,
Была б вся поступь та ж, сперва имело кою.
То часто и не мня, что самолюб писец
Своим героям всем есть сам за образец:
Все по-гасконски есть в писателе гасконце,
И Юба,** и Калпрнед*** взросли при том же солнце.
В нас естество во всех различнейше мудрит:
Страсть каждая своим языком говорит.
Спесив есть гнев: речей желает величавных,

* Так называемая повесть Скудерина.
** Герой в поэме «Клеопатре».
*** Автор «Клеопатрин».
7 Aut famam sequere aut sibi convenientia finge
Scriptor. Honoratum si forte reponis Achillem,
Impiger, iracundus, inexorabilis, acer
Iura neget sibi nata...
Ibid. v. 119.

Болезнь не любит слов столь гордых, сколько плавных.[8]
Чтоб пред Троей в огне Гекуба врысь и вскачь
Не бегала, глася смешно надутый плач,[9]
И без причины б там отнюдь та не кричала:
«Где устьями седмью в Эвксин река Дон впала?»*
Изображений сих толь громких пышный сбор
Витию кажет нам, слов любяща убор.
Вы в горести б своей себя уничижили,
Чтоб плакать мне, то б тут вы сами слезы лили.
В аршин слова, игрок гласит что свысока,
Из сердца нейдут так, чтоб скорбь была горька.
Исполненный театр осудчиков премногих
Есть поле, где похвал всем меньше, неж бед срогих.
Писатель нелегко там может побеждать:
В готовности уста всегда ему свистать.
Всяк судит: «Он глупец и ничего не знает»,
А право всяк сие при дверях покупает.
Долг, во сто б видов он себя преобращал:
То возносился б там, то кротко б возглашал,
Чтоб умствований в нем обильно честных было,
Чтоб твердо все, легко, глубоко, сладко плыло,
Без дивных мыслей он чтоб не был ни часа,
Бежал чтоб он в стихах с чудес на чудеса;
Чтоб, затвердивши речь его всю любопытно,
На памяти держать могли мы долгобытно.
В трагедии таков ход, действо, речи слог!
Осанистей еще есть эпический рог:
Сей действия всего в сказании пространном
Жизнь баснию ведет, весь в вымысле дух странном.

---

* Сенека, трагик, в «Троаде» явлен. I.

8 Tristia maestum
Voltum verba decent, iratum plena minarum,
Ludentem lasciva, severum seria dictu.
Format enim natura prius nos intus ad omnem
Fortunarum habitum...
Ibid. v. 106.

9 Et tragicus plerumque dolet sermone pedestri.
Telephus et Peleus cum pauper et exul uterque,
Proiicit ampullas et sesquipedalia verba,
Si curat cor spectantis tetigisse querella.
Ibid. v. 95.

Чтоб обморочить нас, так сделано творцом,
Что все там тело, дух, душа и все с лицом.
Тут всяка божеством есть добродетель сперва:
Венера — красота, премудрость есть Минерва;
Не от паров уже тут делается гром,
То Зевс, но воруженн, страшит земной сей дом;
Ужасная пловцам как буря с свистом дует,
То гневный сам Нептун в волнах тогда шурмует.
Не звон, что эхо нам, есть пущенный в воздух,
То по Нарциссе так всем Нимфа плачет вслух.
Сих вымыслов везде в преславнейшем приборе
Премножеством пиит играет сам в уборе;
Возносит, богатит, величит все собой
И всюду он цветы находит под рукой.
Энеевы суда, что ветром занесенны,
К Африцким что брегам прибиты чуть спасенны,
То в случае таком нет дивности отнюд:
Несчастия удар — его был только труд.
Но в ненависти что злопамятна Юнона*
Останкам на волнах враждует Илиона,
Что Эол, те гоня от Италии прочь,
Пускает из пещер на них все вихри вточь,
Что в гневе и Нептун сверх моря выбегает
И волны словом там и воздух укрощает,
Спасает корабли, срывает их с мелей,
Сие приводит нас в восторг в поэме сей.
Без украшений сих стих слабым становится,
Поэзия мертва иль ползающа зрится,
Оратором тогда уж больше есть пиит
Или историк он, в своей кой басне спит.
Итак, вотще писцы, обманом все объяты,
От мер стихов гоня ввек те красы прияты,
Мнят Богу действо дать, Пророкам и Святым,
Как то дано богам, в мозгу творцов слитым;
Что ступят, то чтеца ведут в Ад для прогулов,
Там только кажут всем одних Веелзевулов.
Но веры во Христа ужасных таинств глас

* Смотри книгу 1 «Энеиды» Виргилиевы.

Несроден от таких быть удобряем крас.
Евангелие нам в святой своей науке
Всем каяться велит или грозит быть в муке,
А ваших лжей таких богопреступна смесь
Вид басен правде в нем дает и оных спесь!
И что за зрак очам покажется цветущий,
Как тот Диавол, все на небеса блюющий,
В герое славу кой уничижить готов,
И часто с Богом он в борьбе стоит суров?
Мне скажут: «Тасс то все изобразил с успехом»,
Я не хочу его судить за то здесь с смехом,
Но сколько в наши дни он в славе ни процвел,
Италии б, однак, прославить не имел,
Когда б его герой в мольбе всегда исправно
Не ввел тем Сатану и в ум, и в чувство равно,
И ежели б Ринальд, Аргант, в любви Танкред
Не усладили всей той книги наперед.
Сие не для того, чтоб в слоге христианском
Хвалил пиита я в язычестве поганском;
Но в живописи чтоб мирской со всем в довод
Не сметь употребить приятных басен род,
Тритонов с вод согнать, что бытность их погана,
Ввек ножницы — у Парк, свирель отнять у Пана,
Не допускать, Харон чтоб в ладии скоря,
Равно как пастуха, так превозил царя —
То глупо, от того бежать, как от проклятства,
И угодить хотеть чтецу так без изрядства.
Вот Мудрость запретят писать с такой тоски,
Темиде на глаза — плат, в руки дать вески,
Войну являть с челом в вид медным образами,
И Время, что летит, — с песошными часами.
Как идольскую лесть из всех они речей
Аллегорию вдруг сбьют в ревности с очей,
Так заблуждая, пусть себя тем величают,
Но пустоши пускай нас сии не стращают,
И, христиане, баснь как сонный строя бред,
От Бога вечных правд весь отлучим лжи след.
Баснь подает уму красот премного разных,
В ней, мнится, имена все для стихов выразных:

Улисс, Агамемнон, Орест, Идоменей,
Елена, Менелай, Парис, Троил, Эней.
О! коль глупец пиит смешон, кой долго роя
Во множестве таком, Шилбранда взял в героя.
Жестоко иногда иль дико имя как,
Поэму вводит всю в смех, варварство иль в мрак.
Хотите ль долго вы пребыть у всех любимы?
В герое б вашем мне дела все были чтимы:
Добротен был бы он и мужеством высок,
Геройско б было все в нем, самый и порок
Достоин, дивен нам и, вкратце, б был толикий,
Что Цесарь, Александр или наш Петр Великий;*
Отнюдь не Полиник, его ни лживый брат:
Нечудный воин есть всем скучен в много крат.
В материи б не быть впадениям премногим:
Один Ахиллов гнев искусством неубогим
Вот «Илиаду» всю наполнил до конца.
Убожит лишек всяк в обильности творца!
Вы повествуйте тут поспешно все и живо,
Описывать бы ж вам богато, пышно, в диво,
Долг здесь то красоту стихов казать всегда,
За мелочи вещей не браться никогда.
Не следуйте глупцу,** кой море представляя
И раздвоенных волн в средине изъявляя
Избавлшихся жидов от лютости господ,
Там в окнах ставит всю смотрящу рыбу ход,***
А мальчик у него идет, бежит, уж скачет,
Да матери отдаст кремень, что сам не прячет.
При пустошах есть сим так медлить ко вреду.
Пространство мерно вточь давайте вы труду.
Чтоб просто, без притворств пошло у вас начало,
На Пегазе б сперва скакание не мчало

---

* В подлиннике стоит Лудовик. Я пременил на Петра Великого не для того, что он наш был самодержец, как то и Лудовик XIV — государь же автору, французского народа человеку; но для сего, что наш Петр Великий был герой в с е м больше Лудовика XIV, по мнению и чужестранных народов.

** Сент-Аманд.

*** «Рыб удивленный род их смотрит всех идущих». Сент-Амандов стих из «Моисея спасенного».

И не кричали б вы чтецам, как из шальных:
«Победника пою победников земных».*
Что ж та произведет речь громом некошная?
То мучится гора, родится мышь смешная.[10]
О! коль писатель тот любви достоин есть,
Что обещаний вдруг не восхотев принесть,
Мне гладко говорит и звона в вопль не пружа:
«Оружие пою и благосердна мужа,
Кой бегством от Трои всех прежде по судьбам
В Италии пристал к Лавинским берегам».[11]
Сия враз Муза тут всего не зажигает,
Чтоб многое подать, нам мало обещает.
Увидите ее чудесную тотчас,
Латинские судьбы произносящу в глас,
Все грозные струи являющу нам в аде
И цесарей, уж выспрь гуляющих в прохладе.

Фигурами вы труд красите без числа,
Чтоб всюду для очей веселость в нем цвела.
Возможно купно быть и пышным, и веселым;
Мне ненавистен есть, кой в высоте тяжелым.
Шутливый Ариост мне лучше наконец,
Неж в холоде всегда печальнейший творец,
Кой в мрачности своей себе б почел бесчестным,
Как взором лепоты взыграли б в нем очесным.
Всяк скажет, что Гомер с природы б угодить,
Венериным себя мог поясом снабдить:
Приятностей он всех сокровище богато,

---

* «Аларик», поэма, кн. I.

10 Nec sic incipies, ut scriptor cyclicus olim:
«Fortunam Priami cantabo et nobile bellum».
Quid dignum tanto feret hic promissor hiatu?
Parturient montes, nascetur ridiculus mus.
Quanto rectius hic, qui nil molitur inepte:
«Dic mihi, Musa, virum, captae post tempora Troiae,
Qui mores hominum multorum vidit et urbes».
Non fumum ex fulgore, sed ex fumo dare lucem
Cogitat, ut speciosa dehinc miracula promat.

Art poet. v. 136.

Arma virumque cano, Troiae qui primus ab oris
Italiam fato profugus, Laviniaque venit
Litora...

Virgil. Aeneid. lib. I. v. 1.

За что б он ни взялся, все становится злато.
Все в новой красоте есть у него всегда,
Везде он веселит, не скучит никогда.
Речь жаром вся его пылает благосчастным;
Не заблуждает вдаль по сторонам опасным:
Порядка не храня исправного в стихах,
Материя сама собой в своих кругах,
Все, не готовясь там, готовится способно,
Стих каждый, кажда речь спешит к концу особно.
Любите ж вы его, но сердцем впрямь своим:
Успех тот получил, любуется кто им.
　　Поэмы красный род, где все в обрате гладком,
Отнюдь не из трудов, свершаемых припадком:
Долг время взять на ту, прилежность положить,
За трудность ученик не может той сложить.
Но часто в нас пиит, искусство в ком нелепо
И кой таким огнем воспламенился слепо,
Родной тщеславий сын с химерою во лбу
В надмении берет геройскую трубу.
Нестройна Муза в нем, стихи рыгая клоком,
Стремится взлететь, вверх прыгая с подскоком.
Без чтения его жар — глупостей извет,
Повсюду гаснет там, питания что нет.
Но общество, вотще его толь презирая,
Из самомнений тех мнит вывесть не играя,
Исчахлому он сам плеск принося уму,
Дает себе хвалу, отказанну ему.
Обретений пред ним Виргилий не имеет,
А в вымыслах Гомер изрядств не разумеет.
Когда ж бунтует век на ложь его сию,
Взывает он тотчас потомство в судию.
Пока еще тот смысл, в сем возвратившись нраве,
На свет произведет труды его во славе,
В анбаре кучи их, во тьме, не пред очьми,
Печально с пылью все и борются с червьми.
Итак, оставим их, дерутся пусть покойно,
А мы то продолжим, что прямо нам пристойно.
　　Трагедий оных вид, толь могший преуспеть,
В Афинах стару дал комедию узреть.

Насмешник грек рожден там шуткою презлою,
Из стрел яд источил на всех между собою.
То скоморошство толь уж начало все грызть,
Что добродетель, ум и честь была в корысть.
Так было, что пиит, от общества прощаем,
Достоинству за смех бывал обогащаем,
Сократ сам от него, гнездяйся в «Облаках»,*
У подлыя толпы был также на смешках.
Но унято потом такое своевольство,
Там помощи нашлось в уставах все довольство:
Указом повелев смирняй пиитам стать,
Начальник запретил лицо именовать.
Бездельств уже театр тех древних стал бояться![12]
Безвредно начала комедия смеяться,
Без яда и без язв порочить, наставлять
И полюбила стих Менандров представлять.
Изображенный всяк в новейшем том зерцале
Приятно зрил себя иль зреть не мнил ни вмале.
Смеялся прежде всех над образом скупец,
Был коему скупых исправный образец;
И часто глупый сам, написанный нарочно,
Не узнавал, что взят с него тот сколок точно.
Итак, чтоб по одной натуре все вам весть,
Хотящие творцы взять от комедий честь;
Кто человека зрит, ума ж сам остротою
Закрытых толь сердец проникнул внутрь до слою;
Кто знает, что скупый, шалун, ревнивый, мот,
Что добрый человек, что самонравный скот,
Сей может выводить их въявь благополучно
И нам являть их жизнь, дела, слова нескучно.
Вы сходный просто вид везде кажите нам,
Чтоб живо каждый был описан по чертам.
В изводстве естество лиц есть многообразно,

* «Облака», комедия Аристофана на Сократа.

12 Successit vetus his Comoedia, non sine multa
Laude; sed in vitium libertas excidit et vim
Dignam lege regi: lex est accepta Chorusque
Turpiter obticuit...

Art. poet. v. 281.

Во всякой и душе означено то разно;
Один обрат ничто, все могут показать,
Однак не каждый ум возможет то познать.
Меняя время все и нравы в нас меняет:
Обычай свой, ум, страсть всяк возраст объявляет.[13]
Юн человек, того не думая, в чем прок,
В кипении спешит на путь, где есть порок;
В речах хвастлив и чван, в желаниях неверен,
Добру непослушлив, в утехах он безмерен.
Век средний есть зреляй, воздержнейший в нем вид,
Он ищет дружб, честей, богатств, себя хранит,
От приключений злых уйти, коль можно, тщится,
Теперь ему вдали все будущее зрится.
Угрюма старость есть, сбирает все в копну,
Блюдет не для себя в сокровище казну,
Мысль медленна ея, все с холодом та правит,
Час настоящий худ, прошедшее въявь славит,
Что нет к утехам сил, как у младых людей,
То сладость ту бранит, отъятую у ней.[14]
Чтоб ваши игроки не говорили сбродом,
Молодший — стариков, старик — младых доводом.[15]
Смотрите нрав двора и быт градских жильцов:

---

13 Aetatis cuiusque notandi sunt tibi mores,
Mobilibusque decor naturis dandus et annis.
Ibid. v. 156.

14 Imberbus iuvenis...
Cereus in vitium flecti, monitoribus asper,
Utilium tardus provisor, prodigus aeris,
Sublimis, cupidusque et amata relinquere pernix.
Conversis studiis aetas animusque virilis,
Quaerit opes et amicitias, inseruit honori,
Commisisse cavet quod mox mutare laboret.
Multa senem circumveniunt incommoda, vel quod
Quaerit et inventis miser abstinet, ac timet uti;
Vel quod res omnis timide gelideque ministrat:
Dilator, spe longus, iners, avidusque futuri,
Difficilis, querulus, laudator temporis acti,
Se puero, censor, castigatorque minorum.
Ibid. v. 161.
...ne forte seniles
Mandentur iuveni partes, pueroque viriles.
Ibid. v. 176.

В том месте и другом довольно образцов.
Сим точно Молиер, труд приводя свой в славу,
Могло быть, чтоб за то честь получил по праву,
Когда б, да угодит он больше простакам,
Кривляний не давал так часто игрокам,
Приятность остроты для шуток оставляя
И с Табарином в стыд Терентья съединяя
В мешке том, в кой Скапень наряжен удалец,
Мне «Мизантропов»* уж невидим есть творец.
Комедия, бежа от слез и горьких следствий,
Не допускает в стих всех трагических бедствий,
Но долг ея не в том, на рынок чтоб ходить
И скверностию слов чернь подло веселить.
Чтоб все персоны в ней играли благородно,
Чтоб хитрый узол весь развязывался сродно,
Чтоб действо, идучи за разумом притом,
Не гибло никогда в явлении пустом,
Чтоб низкий стиль ея прилично возносился,
Чтоб разговор везде об остроте в ней тщился,
И был бы полн страстей, взбужденных тонко с дна,
А сцена б все с другой вязалась там одна.
Вы смыслу вопреки играть не начинайте,
От естества на час отнюдь не отбегайте.
Смотрите, как отец в Теренции шумит
На сына и любовь, что оного срамит;
И как бежит тот сын к любезной на проказы,
Забыв отцовски все как брани, так наказы.
Не зрится токмо вид, ни образ тут немой,
Но сам любовник-сын и сам отец прямой.
Люб на театре мне приятнейший творитель,
Кой, честь свою храня, чтоб чтил его и зритель,
Сладит одним умом, не прекословя с ним.
Но грубый всяк глумник с обиняком своим,
Что скаредством меня забавить токмо хочет,
Пусть на-площадь идет и там, дуря, щекочет
Обставшим холуям негоднейшую старь,
Котору он слыхал сам у святошных харь.

* Комедия Молиерова, «Мизантропом» названная.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Во Флоренции давно пребывал врач славный,
Превеликий краснобай и убийца справный,
Бедностям в нем общим долго не было конца,
Там желал сиротка паки от него отца;
Брата оставлял тут брат, ядом опоенный;
Тот без крови, от лекарств сей мер убиенный.
От него колотьем делался насморки вред,
Головной боль малый пременялся в смертный бред.
Проклинаем всюду, он город оставляет.
По убитых всех один с ним друг вот гуляет,
И ведет в прекрасный оного свой дом и сад,
Здания богаты любящий то был аббат.
Там тотчас рожденный врач к оному искусству,
Говорит, как сам Мансард, по тому досужству:
Строиму столову охуждает он спреди,
«Сеням темным место, — сказывает, — посреди»,
Инак лестницу велит обратить нарядчик.
Понял все друг и зовет, шел к нему б подрядчик.
Сей приходит, слышит, хвалит сам то, дельно зря,
Наконец о чуде вкратце с смехом говоря,
Наш убийца с врачевством вовся вдруг простился
И с привесом уж в руках обществу явился.
На Галене в гробы больше сам больных не мча,
Архитект стал добрый из негодного врача.
Наставлением пример сей есть нам изрядным:
Лучше, если ваш талант, будьте зодчим рядным,
Каменьщиком хвальным в нужном мастерстве таком,
Неж писцом бездельным и пиитом канюком.
Есть в художествах других разные степени,
Можно во вторых там быть честно и без пени;
Но в науке грозной сочинять стих и писать
Самое худое и посредственное — врать.
Холоден чей склад, есть тот пакостный писатель,
За одно Боера* чтит с Пеншеном читатель.
Уж Рампаль не чтется, также и Менардиер,

* Автор посредственный.

И Меньннион с Сугетом, и Корбень, и ла Морльер.
Глупый может насмешить тем, что он затеет,
Но холодный только всяк скучить нам умеет.
Лучше в Бержераке* с смеха шутовству синеть,
Нежель от Мотеня озябать и леденеть!
Не упоивайтесь вы льстивыми хвалами,
Кои в честь вам иногда чванишки толпами,
Восклицая: «То-то!», ходя по домам, дают,
Некоторы слуху письма хорошо поют,
Кои, вышедши пред всех на свет из печати,
Не являются глазам в той же красной стати.
Авторам был многим тра́гический оборот:
В лавке спит и ныне оный хвальный толь Гомбот.
Слушайте вы рядом всех, спрашиваясь с ними:
Судит лучше иногда глупый меж другими.
Что ж бы вам составить Аполлин стихом ни дал,
Всем то честь повсюду каждый бы в вас не ристал.
Не смотрите, что писец делает бесплодный,
Кой пустых своих трудов чтец весьма голодный,
Останавливает, встретится когда кто с ним,
Да и в переулки гонит чтением своим.
Хоть бы ангелами храм чтимый был всечасно,
В тот от музы им его уходить опасно.
Сказано вам мною, хулящих любите вас
И уму в покорстве правьте хульное тотчас.
Но не должно вам смотреть, как дурак вас строчит:
Неискусна часто тварь в гордости порочит
Целу штуку злобно, сделавшись с неправды лих,
Благородну смелость и ругает красный стих.
Коль бы вам ни отражать тщетны в нем доводы,
Он свой любит ложный суд с самыя природы:
Света обнаженный вовсе слабый разум в нем,
Думает, что знает силу тонкую во всем.
Бойтесь мнений вы его, верить — вред обратно,
Инако, боясь мелей, тонете стократно.
Избирайте, твердо поправлять бы вас кому,
Быть умом водиму и наукою б тому,

* Цирано-Бержерак, автор «Путешествия в Луну».

Коего б и карандаш шел туда известно,
Слабовато место где иль от мрака тесно.
Мнения он ваши справедливо просветит
И самих от страха для сомнений свободит.
Скажет он, в восторге как и в каком успешно
Разум сильный, иногда в беге беспомешно
Правилами сжатый, столько становится смел,
Что уходит прямо за предписанный предел.
Но находится такой поправлятель редко!
Мастер рифмы сей слагать, судит же не метко:
В городе тот славу за стихи мог получить,
Что ж Лукан, Виргилий не умеет различить.*
Слушать, авторы, прошу внятно наставлений:
Хочете ль от ваших быть славны вымышлений?
Чтоб обильна Муза и плодоносяща в сто
Всюду прилагала к сладкому полезно что;[1]
От пустыя мудрый чтец бегает забавы,
Мнит свои он исправлять, и гуляя, нравы.
Чтоб изображенно сердце в ваших всех трудах
Благородно было завсе чести на следах:
Невозможно тех любить авторов безместных,
Кои в мерзостных стихах и весьма бесчестных,
Продая доброту за дешевый там оброк,
Делают любезным пред чтецами всяк порок.
Впрочем, я не из таких разумов урочных,
Что, гоня из всех любовь писем непорочных,
Красоты такия на театре не хотят,
И в Родриге видят, и в Шимене вред и яд.**
Непохвальная любовь, но в речах безгрешных
Не взбуждает в нас страстей, чистоте помешных.
Красная Дидона,*** сколько ни слезит в стыде,

---

* П. Корнелий, толь славный по своим превосходным трагедиям.

** Корнелиева самая первая трагедия, названная «Цид», в коей герои любовники Родриг и Шимена.

*** Виргилиева Энея любовница, коя по тайном от нея отплытии Энеевом сама себя заколола с отчаяния.

1 Centuriae seniorum agitant expertia frugis *etc.*
Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci,
Lectorem delectando pariterque monendo.
Art. poet. v. 341.

Я в ней грех порочу, емля часть в ея беде.
Добродетельный писец, стих поя безвинно,
Сердца не вредит, сладя словом чувства чинно:
Пламеня преступна не разжет его тот жар,
Тем, была б душевный добродетель всем вам дар,
Разум кажет нам вотще силу благородну,
Изъявляет стих всегда сердцу подлость сродну.
Бегайте всемерно от премерзких завистей,
Разума тех средня, злобна сердца пропастей.
Превосходный всяк сему не подвержен бедству,
Сроден токмо сей порок одному посредству.
Зависть — недруг славы и достоинств равно всех,
Сим во вред у знатных непрестанно строит смех;
А желая высоту так себе умножить
И сравниться б с ними ей, ищет их ничтожить.
Для того потщимся не впадать в ту мрачну страсть
И бесчестным чести ухищрением не красть.
Делом бы одним стихи не были на диво,
Знайтесь с дружными людьми, живучи правдиво:
Мало то, чтоб в книге только всеприятным быть,
Знать поступки должно и еще ж бы добрым слыть.
Упражняйтесь вы в трудах за едину славу,
Знатному б писцу корысть не была в притраву.
Знаю, что ум честный без порока и стыда
Получать законну может плату от труда.
Но терпеть я не могу авторов тех славных,
Кои, всю хвалу в ничто, деньги ж ставя в главных,
Аполлина в лавку к продавцу книг шлют в наем
И божественное кабалят искусство тем.
Прежде разум, неж еще изъясняясь гласом,
Научил, уставы дав людям добрым часом,
То природе грубой следовали все в обрез
И, живя в пустынях, бегали по пищу в лес.
Правотою в той была сила токмо разни:
Тот того, кто больше смог, убивал без казни.
Наконец вот слово, сладостную речь издав,
Умягчило оный в человеках дикий нрав:
Врозь живущих по лесам их совокупило
И стенами им места после оградило,

Все злодейства страхом удержало грозных мук,
Немощных законом отняло из сильных рук.
Сей от первых чин стихов, говорят, родился.
От того-то в свете слух всюду утвердился,
Что, Орфеев слыша на горах Фракийских глас,
Тигры, утоленны, оставляли злость тотчас;
Что чрез Амфионов звон камни обращались
И в Тебанских все стенах сами в ряд вмещались.
Те согласность сперва показала чудеса.
После стих ответам попустили небеса
С уст взбужденного жреца божеским тем жаром,
В слоге Аполлин стихов провещал там яром.[2]
Вскоре, воскрешая героичный древний век,
К мужественным действам бодро всех Гомер повлек.
Наставлением в свой ряд Гезиод полезным
На бесплодных дал полях жатвам быть любезным.
Многими твореньми мудрость изображена,
Та стихами смертным в пользу предвозвещена,
Заповедь ея умы всюду победила
А, входя чрез слухи к ним, внутрь сердец вступила.
Благодейств сих Музам за толикое число
Благодарство в долге ладан в Греции зажгло:
Их науки приводя им служений к нраву,
Удостоились себе олтарей там в славу.
Но когда уж бедность подлости могла завесть,
То свою вот перву позабыл Парнасс всю честь:
Сребролюбие, сердца гнусно заражая,
Стихотворчески ж труды лжами умножая
И родясь повсюду в мерзких слогах, как плева,
Завело торг речью, стало продавать слова.
Не бесчестьте вы себя подлым толь пороком.
Ежели ж на злато вы зрите алчным оком,

2 Silvestris homines sacer interpresque deorum
Caedibus et victu foedo deterruit Orpheus:
Dictus ob hoc lenire tigris rabidosque leones.
Dictus et Amphion Thebanae Conditor urbis
Saxa movere sono Testudinis, et prece blanda
Ducere quo vellet...

Ibid. v 391.

То все от Пермесских отбегайте вдаль брегов:
Нет на них богатству ни жилища, ни следов;
Как великих всех творцов, так героев главных,
Токмо ставит Аполлин лавр и имя в славных.
Как же? нужну Музу, коей глад пришло страдать,
Дым один, мне скажут, не возможет напитать;
Автор, с недоедков кой чуть волочит мощи,
Что ж и под вечер ворчат в нем черева тощи,
Мало почитает вкусным Геликонский лад:
Пьян тогда Гораций, видит он когда Менад;[3]
А без всяких и забот, мучащих Колтета,
Для обеда там не ждет счастья от сонета.
Правда, но такая горькая беда у нас
Редко утесняет сладкопесненный Парнасс.
И какой же страх в сей век, в кой наук соборы
Щедры на себя влекут от светила взоры,
В кой премудрый промысл скиптродержного везде
Не дает достойным бедностей познать нигде?
«Музы! славу всю его вы своим внушите:
Громче имя то одно, неж все, что гласите.
Чтоб Корнелий, смелость для него стремя нетще,
Был Корнелий „Цида" и „Горация" еще.
Чтоб Расин, производя чудеса в нас новы,
Образы героя брал с самого ж готовы.
Чтоб его поемо красотами имя в склад,
Представлял беседам с похвалою Бенсерад.
Чтоб Сегрей им же леса украшал в эклоге,
Чтоб и эпиграмме быть в остром хвал же слоге.
Но в другой „Энейде" автор кой толь вознесен,
Пойдет с сим Алцидом на трепещущий уж Рен;
Коя лира, действ его по великой славе
Камням и лесам еще даст ходить в приправе;
Воспоет батавца, бури кой не мог минуть
И себя сам топит, чтоб ему не потонуть;

---

3 ...Neque enim cantare sub antro
Pierio thyrsumque potest contingere maesta
Paupertas, atque aeris inops, quo nocte dieque
Corpus aeger satur est, cum clamat Horatius, Euhoe.
Iuvenal. sat. 7. v. 59.

Под Мастрихом возвестит войско поглощенно,
На приступах сильных там Солнцем освещенно?
При моей сей речи слава новая поет,
Вас на Альпы скоро к победителю зовет.
В иге Дола, и Салин покорен уж зрится,
На кремне сраженн, еще Безансон курится.
Воины где ж оны, коих скоп, и не один,
Сделать стержню встречу тщался множеством плотин?
Иль все бегством удержать те его слагают,
В честь приемля, что ему в руки не впадают?
Коль стен разоренных! Сильно взятых коль градов!
Коль во всех походах в славу собрано плодов!
Авторы! его чтоб петь, огнь усугубляйте:
Требует сил непростых дело, помышляйте».*
Я ж сам, кой поныне сатир пребывал в знобу,
Ни за лиру взяться, ни не смею за трубу.
Но на поле сем меня узрите вы сами,
Ободряющего вас гласом и глазами,
Приносяща речи, Муза что моя взяла
В младости у Флакка и Парнассу отдала;
Благосердствующа в вас жару и охоте,
Кажуща венец и мзду издали в доброте.
Впрочем, извините, ревности что полн сея
Что и надзиратель ваших стоп всех верный я,
Не мешаю с ложным в час золото прямое,
В грубых же браню писцах все, что есть худое;
Хулитель досадный, но полезный часто вам,
Склоннейший порочить, нежели исправен сам.

---

* Похвала Людовику 14, королю французскому, коего в королевствование автор сочинил сии о поэзии песни.

ГОРАЦИЯ ФЛАККА «ЭПИСТОЛА К ПИЗОНАМ О СТИХОТВОРЕНИИ И ПОЭЗИИ»[1]

С ЛАТИНСКИХ СТИХОВ ПРОЗОЮ

Если б живописец присовокупил к человеческой голове конскую шею, а на все б тело навел красками разных птиц перья, собрав от всех животных члены так, чтоб прекрасная сверху женская особа имела мерзким видом черный рыбий хвост, то, будучи пущены смотреть такую живописную картину, можете ль вы, дражайшие други, удерживаться от смеха? Извольте ж поверить, о! Пизоны,[2] что сей картине весьма подобна будет книга, в которой наподобие больного человека сновидениям тщетные и пустые изобразятся виды и в коей ни начало, ни конец не имеют между собою сходства и соединения.

Правда, я знаю, что живописцы и пииты всегда имели равную власть дерзать на все в своем художестве, а вольности сея и я сам себе прошу, и даю ее другим взаимно; однако не толь самовольно и дерзновенно, чтоб уже тихое совокуплять с неспокойным или змиев сопрягать бы с птицами, а с тиграми агнцев.

Часто к важным и великим повествованиям пришивается одна или по крайней мере две блистающие заплаты из парчи багряного цвета, когда или священный лесок Дианин, или ея жертвенник, и́ли приближающияся воды́ быстрым разлитием проведение и окружение по веселым полям,

[1] В предисловии объявлено мною, что Гораций все свои правила взял из Аристотелевы «Пиитики», но, сверх того, много он выбрал, по свидетельству Порфирионову, из Критона, Зенона, Демокрита, и особливо из Неоптолема Паросского.

[2] Приписано сие наставление Луцию Пизону и его двум сынам, а сей Луций был консул в 739 годе от создания Рима, торжествовал над взбунтовавшимися Фракианами в 743, был управителем в Риме после Статилия-Тавра чрез двадцать лет и умер верховным понтифексом в 786 годе, имея от рождения 80 лет. Историки похваляют его попремногу.

или реки Рен, или дожденосная описывается радуга. Однако всем тем украшениям не было тут приличного тогда места. Но может быть только и умения в таком художнике, что он искусен малевать одни кипарисы. Что ж сей живописец учинить имеет, когда его кто-нибудь из бедных мореплавателей по сокрушении и потерянии корабля просит намалевать бедствие свое и спасение от потопления? И понеже начата корчага, то чего ради на вертящемся колесе выделывается кувшин?

Впрочем, что сочинить вы хотите, то было б токмо просто[3] и одно в себе, ибо мы, пииты, по самой большой части, — о, отец! и юноши, достойные отца, — обманываемся видом правоты и исправности в вещах. Ежели я стараюсь быть сократителен, то темен и непонятен бываю; буде ж устремительно бегу за ясностию, то недостает во мне сил и духа. Кто важное и великое начинает, тот напыщается, но кто больше надлежащего бури и волнения боится, тот ползает по земле. Кто притом и различным образом щедро желает испестрить вещь, тот дельфина в лесу изображает, а вепря в море. К пороку приводит бежание от порока, если оно не имеет искусства. Статуарный художник, живущий близ так называемого места, Эмилиево мечебитное училище,[4] хотя и ногти, и мягкие волосы изрядно изобразит на меди, но вся его статуа неудачна и несчастлива, для того что не вся сделана искусно. Сему художнику толь я подобен быть желаю в рассуждении моего сочинения, коль охотно мне жить с скверным носом, имеющему только и красоты, что в черных очах и кудрях.

Писатели! выбирайте равную силам вашим материю и, чрез долгое время обращая ее, рассматривайте, чего понесть не могут и что рамена ваши снесть имеют. Кому удастся выбрать по своим силам дело, тот не будет иметь недостатка в красноречии, того также не оставит и чистый порядок в расположении. Доброта и красота порядка в сем состоять имеет, или я обманываюсь, чтоб предлагать токмо то, что прилично делу, а иное многое на другое откладывать время; чтоб надлежащее любить, а неприличное презирать автору обещанныя целыя поэмы. Притом, в словах

---

[3] Все Горациевы правила касаются токмо до эпическия и до драматическия поэмы, о прочих говорит он токмо мимоходом. Но в тех самое первое, главное и как грунтовое правило есть простота и единство, которые совершенно противны тому, что Гораций говорил выше. Неприличные и посторонние описания повреждают их и истребляют: ничему чужому и непристойному нет места в сочинении. Должно в сем последовать Гомеру, Виргилию и Софоклу, у коих все кажется нужным и необходимым.

[4] Гораций означает здесь некоторого художника статуй, жившего за цирком, близ места, называемого Эмилиево училище, для того что тут Эмилий Лепид учил прежде того гладиаторов, где по многом времени Поликлет построил всенародную баню.

рассудительны и осторожны, вы весьма можете изобразить речь, когда знаемое слово новым сделаете чрез соединение с другим. Итак, ежели по случаю надобно будет описать вновь тайное и сокровенное в вещах и вымышлять неслыханные слова самым древним римским обывателям, то можно дать на них вольность, буде она умеренно употребится, ибо новые и ныне вымышленные слова будут иметь силу, если с несколькою скупостию от греческих источников произведутся и учинятся латинскими. Чего б ради римлянам то ныне отнимать у Виргилия и Вария, что они прежде позволили Цецилию и Плавту? Для чего ж и мне запрещать, буде я в состоянии вымыслить несколько новых слов, когда Катонов и Энниев язык обогатил отечественное наше слово и новые вещам имена наложил? Сие как вольно было, так и всегда будет вольно.

Равно как на лесах листы переменяются ежегодным старых опадением, так слов древний век погибает и, наподобие молодых людей, родившись, они процветают и приходят с возрастом в силу. Мы все и все ваше подвержено пременам и смерти. Видим и море, пущенное на землю, которое корабли в Лукринской гавени[5] защищает от жестоких ветров царскою силою и иждивением; видим и Помтинское чрез долгое время неплодоносное болото[6] и токмо способное к восприятию плавания судами, ныне ближние питающее городы и тяжелым орющееся плугом; видим, что и река Тибр кривое переменила течение,[7] повреждавшее плоды, и узнала лучший путь. Все человеческие и дела исчезнут, не то чтоб словам пребывать всегда в чести и иметь всегдашнюю живность в красоте и приятности. Многие паки родятся, которые уже упали, и упадут названия, находящиеся ныне в почтении, ежели восхощет и благоволит употребление, которое токмо одно имеет власть и право, и правило, как говорить.

Деяния царей и полководцев, также и печальные брани, каким стихом и велелепием могут описываться, то показал Гомер. Стихами, неравно сочетанными, прежде жалость, но потом и успех, сбывшийся по желанию, пииты начали предлагать; однако кто первый изобрел небольшую элегию,

---

[5] Озеро Авернийское было разделено от Лукринского. Агриппа перекопал то место и собщил одно с другим в 717 годе от создания Рима, да и построил там великолепную гавень, назвав ее Portus Iulius, гавень Иулиева, в честь Августу, который назывался еще тогда Иулий Октавиан просто.

[6] Не было еще, может быть, двадцати или тридцати лет от того, как Август осушил Помтинское болото посредством канала длиною, почитай, в 23 версты и выпустил воду в море. По сему точно каналу Гораций плыл в 717 годе от создания Рима, когда он ехал в Бринд.

[7] Агриппа по Августову указу поделал каналы, в кои убиралась вода реки Тибра, потоплявшая прежде Велабр и все поля.

о том спорuются ученые люди, и ныне еще их пря решения не получила. Неистовая ярость вооружила Архилоха собственным ему ямбом. После его изобретения сею стопою начали падать комедии и важные трагедии, для того что она способна к изображению театральных бесед и к преодолению народного шума своим звоном, так что как родилась на представляемые вещи действием. Лирическим струнам определила муза воспевать богов и божеских чад, и борющегося победителя, и коня в ристальном подвиге первого, и юношеские от любви мучения, и своевольные вина и пирования. Ежели я не умею и не могу по различию вещей различать стиль, то почему меня должно называть пиитом? Чего ж ради я больше незнанием несправедливо стыжусь, нежели стараюсь?

Комическое действие не хочет представляемо быть трагическим слогом; равно ж негодует и всякая трагедия, буде она повествуется простыми и комедии приличными стихами. Всякой вещи должно иметь свою благопристойность и быть на том месте, где каждой свойственно. Однако иногда возносит голос и комедия, так что и в ней гневающийся Хремет[8] пышным ссорится словом; напротив того, часто и трагическое лицо скорбь свою изъявляет пешеходными речами.[9] Телеф и Пелей,[10] оба из царей, при-

---

[8] Хремет трагическим говорит голосом, когда он кричит на сына своего Клитифона в 4 явлен., действ. 5 Теренциевы комедии, названныя «Геавтонтиморуменос» (Сам к себе угрюм):

...Non si ex capite sis meo
Natus, item ut aiunt Minervam esse ex Iove, ea caussa magis
Patiar, Clitipho, flagitiis tuis me infamem fieri.

То есть:

«Нет, Клитифон: хотя б ты так вышел из моея головы, как объявляют о Минерве, что она произошла из Иовишевы, однако я не буду терпеть, чтоб ты меня бесчестил твоим непотребством». Также и в «Аделфах» (в двух ровных братах) Демей говорит высоко в явлен. 3, действ. 5:

Hei mihi! quid faciam? quid agam? quid clamem? aut querar?
O! caelum, o! terra, o! maria Neptuni.

То есть:

«Ах, горе! что мне делать? куда обратиться? что возопить? какую приносить жалобу? о! небо, о! земля, о! моря великого Нептуна».

[9] Мнится, что трагедии меньше случаев к простым и народным словам, нежели комедия может говорить высоко. Не токмо в гневе, но и во всякой наглой страсти употребляет она высоту. В Теренциевом «Евнухе» Херей в превеликой своей радости говорит так при окончании 5 действ., что не стыдно б отнюдь и трагедии было иметь такую речь. Что ж до трагедии, то она, кажется, долженствует быть проста в скорби токмо, как то Гораций наставляет и по нем Депрео.

[10] Телеф и Пелей, один сын Геркулесов, а другой Ахиллесов отец, когда они оба лишены были наглостию своих областей, то принуждены нашлись просить покорнейше и в бедном состоянии милости и помощи у Греческих государей. Сие самое подало материю Эврипиду к двум трагедиям, как то видно из многих мест комедии Аристофановы, названной «Жабы», или «Лягушки».

шедшие в бедность и бывшие в изгнании, на театре отвергают надутые и полторафутные слова, желая привесть в сожаление смотрителево сердце. Недовольно того, чтоб поэмам быть только изрядным, надобно, чтоб притом они были и сладки и полезны, и обращали б, куда хотят, в слушателе сердечные пристрастия. Как с смеющимися смотрители смеются, так должно, чтоб они и с плачущими то ж имели человеческое чувствие и показывали б оное на лице явно. Буде ты Телеф, или ты Пелей, худо данные вам слова от автора выговариваете, то я или дремать стану, или буду смеяться.

Жалостные речи печальному лицу приличны; гневающемуся — исполненные гроз; играющему — забавные и любовные; постоянному, наконец, — важные. Ибо сама природа изображает в нас прежде приличие всякому состоянию тем, что иногда она приводит нас к благосклонности, иногда на гнев побуждает или на землю несносною повергает печалию, а в радости воздвигает сердечные движения изъяснением языка. Ежели повествующего слова несогласны будут с его состоянием, то конные и пешие римские граждане будут ему в лицо свистать и смеяться. Того ради весьма прилежно наблюдать надобно, бог ли какой говорит или герой; зрелый ли старостию человек или еще цветущею младостию кипящий; сильная ль госпожа или неусыпная кормилица; купец ли странствующий или оратай зеленеющияся нивы; колхидянин ли или ассирианин; в Тебах ли воспитанный или в Аргосе рожденный.

Писатели! или предлагайте ведомую всем повесть, или приличную вымышляйте и вероятную. Ежели почтенного представляете Ахиллеса, то б он был устремителен, гневлив, непреклонен, храбр и силен; говорил бы, что он не подвержен уставам и что нет того, которое не должно б было уступать оружию. Чтоб Медея была свирепа и непреодолеема, чтоб Ина слезлива, чтоб Иксион вероломен, Иа повсюду скитающаяся, а печален и мрачен был бы Орест. Когда что небывалое прежде на театр выводите и дерзаете представить новое лицо, то б оно таково было до самого конца, каково сперва явилось, и всегда б свойство свое хранило.

Хотя и трудно обще многими описанную материю собственным отличить сочинением, однако вы исправнее можете Троянскую ве́домую повесть представлять действием, нежели предлагать неизвестное и прежде не описанное. Общая материя имеет быть собственною вашею, когда в ея пространном округе искусно станете обращаться, когда не от слова до слова верно переводить имеете и когда подражанием и в такую тесноту не зайдете, от которыя вам отстать стыд запрещает или закон предприятого дела.

Блюдитесь начинать так поэму, как площадной в древние времена начал писатель:[11] *Я воспою Приамову фортуну и благородную брань.*[12] Что ж сей обещатель принесет нам потом достойное толикого зевания? Ничего, как токмо что силятся родить горы, а родиться имеет смеха достойная мышь. О! коль исправнее Гомер, который ничего не предуготовляет на ветр, и некстати: *Поведай мне,* — воспевает он, — *Муза, того мужа, который после времен взятыя Трои многих человеков видел нравы и городы.*[13] Сей не дым из блистания, но из дыма помышляет дать свет, чтоб ему в последовании великолепные предложить чудеса, а именно: Антифата, Сциллу и с Циклопом Харибду. Не начинает он Диомедова возвращения от Мелеагровы смерти, ни Троянския войны от двойного Лединого яичного порождения. Всегда к окончанию поспешает, а к тем вещам, которым надлежит быть в средине, так передним повествованием похищает читателя, как будто б оные были уже ему известны; но о чем отчаивается, что оно не способно может восприять украшения, то оставляет и таким образом вымышляет и мешает праведное с подобным правде, чтоб средине с началом, а с срединою б концу быть согласну.

---

11 Некто из древних римских пиитов, коего имени Гораций нам не объявляет, сочинил поэму о Троянской войне, где он вел всю Приамову историю порядком от рождения его до смерти, не отступая ни к какому эпизодию. Таковы точно поэмы «Превращения» Овидиевы и «Ахиллеида» Стациева. Единство героев и действия не находится в первом, а второй хотя и предлагает действия одного токмо героя, но действия сии не связываются между собою и не клонятся к одному главному, которому б их все соединить.

12 Сие есть начало поэмы, содержавшия всю Приамову историю, чего ради сей пиит и назван *круговым* в Горации, коего я перевел площадным. И понеже Гораций осмехает сие предложение, то как бы уже он стал смеяться над Стацием, включившим в свою поэму всю Ахиллесову историю, как то сказывают о Мевии, что в своей поэме описал он всю Приамову, которого, может быть, и называет Гораций круговым. Стаций так начал «Ахиллеиду»:

Magnanimum Aeacidem, formidatamque Tonanti
Progeniem, et vetitam patrio succedere caelo,
Diva refer...

То есть:

«Великодушного Ахиллеса и страшное Гремящему порождение, которому не было судьбы наследником быть под отечественным небом, богиня воспой». Надобно чрезвычайное стремительство, чтоб не уронить до самого конца поэмы влагаемого мнения о герое, страшном самому Юпитеру.

13 Гораций предлагает здесь сокращенно первые три стиха Гомеровы «Одиссеи».

Ἄνδρα μοι ἔννεπε, Μοῦσα, πολύτροπον, ὅς μάλα πολλὰ
Πλάγχθη, ἐπεί Τροίης ἱερὸν πτολίεθρον ἔπερσε,
Πολλῶν δ᾽ ἀνθρώπων ἴδεν ᾽άσεα καί νόον ἔγνω.

То есть:

«Возвести мне, Муза, многообратившегося (мудрого, благоразумного) мужа, который, странствовав чрез долгое время по разорении священныя Трои, познал нравы и был в градах многих народов».

Вы, чего б я и со мною народ желал, послушайте. Ежели хотите иметь себе похваляющего плескателя, который ожидает открытия театру и сидел бы он до того времени и до того самого слова, коим некоторое из действуюших лиц при окончании объявляет: «Вы плещите!», то надобно вам наблюдать каждого возраста нравы, также и естество, пребывающее всегда в движении и переменяющееся, и притом лет приличную осанку и свойство. Отрок, который уже стал говорить и незыблющимися ногами ходить по земле, тот охотится играть совокупно с сверстниками, и как он гневается безрассудно, так и гнев оставляет, переменяясь ежечасно. Безбородый юноша после, как отлучат от него дядьку, веселится лошадями, тешится псами, всегда пребывая в чистом поле, сей как вощаный к восприятию изображения в сердце от пороков и к преклонению себя на злое; увещателям непокорив, полезных вещей медленный предусмотритель и промыслитель, расточителен на деньги, высокомерен, самомнителен и любовною страстию кипящ, а любимое отвергать устремителен. Противным сему пристрастием век и мужеское сердце ищет богатства и дружбы, старается в честь произойти, хранит себя от такого дела, от которого ему скоро отстать будет нужда. Многие беспокойства окружают престарелого человека или для того, что он ищет, а от полученного, бедный, воздерживается и боится оное употреблять, или для сего, что он всякое дело с опасностию и с холодною медленностию отправляет, будучи отлагатель на иное время, далек надеждою, ленив, желателен будущего, несговорчив, кропотлив, хвалитель прошедших времен и что он еще в отрочестве был смотритель за всеми и всех исправлял. Восходящие лета многие выгоды приносят с собою, а нисходящие уносят многие.

Того ради, чтоб не дать должности состаревшегося человека молодому, всегда долженствуем смотреть обстоятельства, приличные летам, хотя б действие на театре представлялось, хотя ж бы оно и повестию предлагаемо было. Не толь скоро слова, вложенные в слухи, возбуждают сердца, коль вещи, представленные нелгущим очам и которые смотритель сам себе и понятию своему предает. Однако для сего ж самого не извольте того представлять на театре, чему должно быть за оным, и многое укрывайте от очей, что объявить может вскоре присутствующее краснословие. Чтоб Медеа не убивала детей своих пред народом, и также не варил бы явно человеческия плоти скверный Атрей, или чтоб не превращалась Прокна в птицу, а Кадм в змия: все, что мне подобное сему представляется, я, не веря тому, ненавижу оного. Вся та драматическая поэма, чтоб ни больше ни меньше пяти действий не имела, [14]

[14] Драматическая поэма не толь долга, коль эпическая, причина сему, что первая представляется, а другая чтется. Чего ради первой надобно стало иметь предписанные пределы, так чтоб действию иметь все время к развязанию себя и не утрудить бы внимания и терпеливости

которую желаете, дабы просили к представлению и после смотрения паки б охотились видеть ее повторенную на театре. Чтоб никакого бога помощи в действии не было, разве достойный будет узол толь великого истолкователя. Четвертое лицо никогда ж бы совокупно не говорило. Чтоб хор действующих лиц свойство и мужественную должность защищал; сей хор, бывающий по окончании действий, всегда б согласен был с представленным действием и с ним бы прилично соединялся. Хор да благоприятствует добрым и да подает совет другам; хор да исправляет гневливых и да любит боящихся грешить; он да хвалит пищу непродолжительного стола, он да прославляет спасительное правосудие, уставы и спокойный мир во время отверстых Янусовых врат; он вверенное да укрывает и да просит и молит богов, чтоб возвратилось к бедным счастие, а ушло б оно от гордых.

Свирель не такая была, какая ныне золотом и серебром оправленная и подобная трубе, но небольшая и простая, имеющая немного ладов, которая приятно соглашалась с пением хора и довольна была на услышание всем, когда еще скамьи не весьма тесно имели сидящий на себе народ, который и сам приходил смотреть, будучи непорочен, чист и кроток. После, как победители римские начали распространять земли, город Рим окружать обширнейшими стенами, и вином и пированием все обыватели стали забавляться небоязненно в праздничные дни, то получила и мусикия большее своеволие в игрании и в играемых штуках. Ибо чем бы другим увеселять себя грубому и праздному земледельцу, смешавшемуся с гражданином, а бездельнику — с честным человеком? Сея ради причины к древнему искусству прибавил музыкант и движение, и роскошь, волоча уже долгия своея одежды воскрилия по всем местам орхестры, от сего и постоянные прежде струны получили себе нежное и умильное согласие, от сего устремительное слово произвело необыкновенное и странное красноречие, также и полезных вещей прежде изобретательница, божественная философия, подобна стала быть в словах неистово прорицательному дельфическому Аполлину.

Которые трагическими стихами, чтоб себе получить в воздаяние гнусного козла, препирались, те вскоре также присовокупили и лесных

смотрителевы. На сие за довольное почтено пяти действий; а Гораций и запрещает быть им как в меньшем, так и в большем числе. Следовательно, три действия италиянские есть погрешность. Впрочем, греки о сем разделении на пять действий нигде не говорили. Но Аристотелево разделение сходствует всеконечно с пятью действиями. Называет он предисловием, что мы первым действием; вступлением, что у нас делается в трех следующих; исходом, что в наших есть пятое действие. Ориген и святой Григорий Назианзин утверждают, что Саломоновы «Песни Песней» брачная есть драма. Некоторые присовокупляют, что она точно разделена на пять частей. Если сие правда, то евреи знали драматические поэмы в пять действий за шестьсот лет прежде Аристотеля.

сатиров а, не повреждая важности, шутку покусились ввесть в трагедию, ибо надлежало приманивать смотрителя и приятною новостию удерживать, кой по священной должности был уже и сыт, и пьян, и своеволен. Однако так должно выводить на театр насмешников, так прилично велеречивых сатиров, так мешать игрушку с важностию, чтоб, кто бог, кто будет герой, в царском прежде бывши златом одеянии, не пременился притом простым весьма словом в незнатного харчевника, или чтоб, убегая, ползать по земле, не хватал исчезающих облаков и всего того, что пустое. Трагедия недостойна того, чтоб ей легкомысленные произносить стихи, надобно ей так умеренно и стыдливо с сатирическою поступать шуткою, как честная госпожа по повелению пляшет во время торжественных дней. Я, писатель сатир, не токмо в них не буду любить некрасные и несвойственные каждой вещи имена и слова, но и так не потщусь от трагического различаться изображения, чтоб великой быть разности, когда Дав говорит подлый и смелая Питиа, которая, обманувши Симона, господина своего, получила целый талант на приданое дочери, и, когда произносит речь Силен, охранитель и воспитатель питомца своего, бога Бакхуса.[15] Я из ве́домыя всем материи напишу сатирический стих так, что всяк может уповать сделать то ж, но не всяк, хотя б сколько потел, будет уметь получить в том успех. Толико-то сильно есть расположение и приличное соединение! Толико-то простой материи прибывает чести! По моему совету, выведенные из лесов Фауны и Сатиры пускай берегутся, чтоб им не быть подобным народу и мещанам, чтоб не чрез лишек молодеть и юношествовать стихами, являющими негу, и чтоб также не скверносаовить нечистыми и бесчестными речами; ибо такими словами гнушаются конные граждане, сенаторы и богатые римские особы, и не всегда за то похваляют и жалуют, что любо продавцу свежего гороху и орехов.

Долгий слог после краткого называется ямбом. Сия стопа весьма скора, от чего и называются триметрами ямбические стихи, хотя и шесть мер и ударений имеют, для того что две стопы за одну почитаются. Сперва во всех местах ямбический стих одним токмо состоял ямбом и был с начала до конца себе подобен. Почитай, недавно, чтоб ему несколько медленнейшему и важнейшему входить в слухи, принял он в собственное свое

---

[15] Все древние представили нам Силена стариком, морщиноватым, плешивым, плосконосым и имевшим долгую бороду. Он у них наставником и питателем Бакхусовым, чего ради и Орфей начинает свою песнь Силену следующим стихом:

Κλῦθί μου, ὦ πολύσεμνε τροφεῦ, Βάκχοιο τιθηνέ.

То есть:
Послушай меня, о! многопочтенный, отец Бакхов питательный.

наследие постоянную стопу, называемую спондеем; однако так, чтоб во втором и четвертом месте быть непременно ямбу. Сей и в Акциевых благородных триметрах, и в Энниевых весьма редко является. И хотя народ на театре предлагаемые стихи с великим величанием и такие, кои или излишною поспешностию сочинены и нетщательно, или и совсем неискусно, осуждает и всячески хулит, однако не всяк рассудить может, в чем бездельных поэм состоит порок. Для того и попущено, но несправедливо, римским пиитам писать, как хотят. И понеже сие так, то уже посему и мне можно скитаться по ветру и сочинять своевольно? Или даром, хотя знаю, что все будут видеть мои погрешения, однако я безопасен и защищен данною вольностью? Словом сказать, сие значит, что я преступления не учинил, но не заслужил же и похвалы. Для избежания от сих пороков вы обращайте греческие сочинения денною, обращайте и нощною рукою. Что ж наши прадеды Плавтовы как стихи, так и шутки похваляли, то обоему с излишною терпеливостию, чтоб не сказать нерассудностию, удивлялись они, когда ныне я и вы умеем уже различить неучтивое слово с забавным, и не токмо руками прикасаемся к законному звону, но и слухом оный внушаем.

Повествуют, что неведомый по то время трагическия Музы род изобрел Теспис, что он в телеге прежде повсюду возил свои поэмы и что его игроки и пели, и говорили словом, вымазавши лица свои дрожжами. По нем настал Эсхиль, изобретатель благопристойныя личины и епанчи, который невысокий театр выстлал досками и научил, как высоким слогом о важных делах говорить, так и бодро поступать в трагическом украшении. За сими двумя трагедиями следовала так называемая старая комедия, не без получения себе довольныя похвалы, но в порок вольность ея обратилась, так что наглость оныя достойною нашли воздержать законом. Запрещение принято, и бесстыдный хор замолчал, для того что отнято у него право к повреждению честных людей. Наши пииты ничего не оставили сочинениями своими, так что не меньшую заслужили похвалу, дерзнувши оставить греческие следы и начавши прославлять домашние дела как теми комедиями, которые называются *претекстаты*, так и оными, кои именуются *тогаты*. И поистине, столько ж бы сильняе сделался Рим и красноречием Афин, сколько добродетелями и оружием, ежели б всяк из наших пиитов не отвращался от труда в исправлении и имел бы в том терпеливность.

Но вы, о! Пизоны, происшедшие от крови Нумы Помпилия, осуждайте тот стих, которого долгое время и многое чернение не исправляли, а и десятью выправленного еще не привели в целое совершенство. Пускай

Демокрит думает, что природа благополучнее бедныя науки,[16] и потому пускай выключает из числа пиитов и отлучает от Геликона тех, которые здраво обучены, а оных почитает пиитами, кои умышленно неистовствуют, для того что знатная и самая большая часть из них ногтей не обрезывают, бороды не бреют и живут в уединении, от общих собраний убегая. Посему тот токмо получить имеет имя пиита и за то почтение, кто ни от трех сильных проносных неисцелимыя своея головы никогда не давал стричь бритовщику Лицину. [17] О! весьма я безумен, что при наступлении весны очищаю от желчи свой желудок; ибо никто б другой не мог сочинить лучших поэм, ежели б я не имел попечения о здравии, ежели б я волосов не стриг, бороды не брил и ежели б я ногтей не обрезывал. Однако почитая, впрочем, мнение Демокритово, я послужу вместо оселки, которая способна к изощрению ножей, хотя и не может сама резать. Сам ничего не сочиняя, покажу, где надлежит получать материю, чем ее распространить и украшать, каким способом пиит может получить совершенство в своем искусстве, что пристойно и что неприлично, куда приводит наставление и куда заблуждение заносит.

Начало и источник исправного сочинения есть знание всего того, о чем можно писать. Того ради материю могут вам подать философические Сократовы книги, а речи за промышленною материею сами потекут. Кто познал чрез учение, что он должен отечеству и что приятелям, как должно почитать родителя, как любить брата и обходиться с гостем; какая сенаторская и какая судейская должность, наконец, в чем состоит служба на войну посланного полководца, — тот поистине умеет каждую особу описать прилично и дать ей слова по ея свойству. Я притом советую искусному подражателю взирать на образ жития и нравов и оттуду получать живые речи. Иногда шуточная комедия, без всякия красоты, без важных слов и без искусного расположения, но твердого наставления и нравоучительная, больше увеселяет народ и лучшую исправлению нравов приносит пользу, нежели стихи, не имеющие вещей, и громогласные пустоши.

---

[16] Диоген Лаертский объявляет, что сей философ издал между прочими своими трудами два сочинения, из которых одно о поэзии, а другое о красоте стихов. Может быть, что в котором-нибудь из тех сочинений говорил он то, что Гораций здесь о нем сказывает.

[17] Сей Лицин был славный бритовщик, коего Август произвел в сенаторское достоинство, в награждение за ненависть его к Помпею. Ему точно сочинен следующий эпитафий:

Marmoreo tumulo Licinus iacet; at Cato nullo:
Pompeius parvo. Quis putet esse deos?

То есть:

«Лицин лежит в марморном гробе; Катон ни в каком; Помпей в небольшом. Кто ж помнит, что суть боги?»

Грекам смысл и искусство, грекам Муза дала говорить учтиво, красно, твердо и исправно, которые ничего больше не желают, как токмо славы. Римляне от самых мягких своих ногтей долгими вычетами и счислениями учатся токмо разделять на сто частей целый асс (12 унций). Пускай вопросится сын лихоимца Албина,[18] что буде отнять от пяти унций одну, то сколько останется? Тотчас он может сказать, что одна четверть асса. Изрядно! Нельзя ему растерять свои деньги! Но если приложить к пяти одну, то сколько всего станет? Он: «Половина асса». Сие пристрастие к богатству, сия сребролюбная ржавчина, когда уже издавна въелась в сердце, то как мы можем надеяться сочинять стихи, достойные кедра и — на соблюдение их — кипарисных ковчегов?

Пиитам должно или полезное, или забавное, или совокупно и то предлагать, от чего может произойти добро в жизни, и также оное, что сильно есть увеселить. Вы о чем ни имеете сочинять наставление, старайтесь быть кратким, дабы тотчас то затвердили понятные разумы и верно б в памяти содержали; ибо все излишное вон выплывает источником. Что будете вымышлять ради увеселения, то б весьма подобно было правде, дабы не все, что баснь предлагает, принималось за самую истину, и чтоб она, из утробы насытившияся волшебницы живым младенцем, не извлекала его паки живого.

Подлинно, трудно всем угодить, ибо престарелые знатные особы презирают бесполезные поэмы, а молодые римские граждане отвращаются от важных. Того ради тот пиит удостояется токмо от всех обще похвалы, который соединяет *полезное* с *приятным*, услаждая читателя и совокупно преподая ему наставление. Такая книга приносит книгопродавцам Созиам[19] много денег, такая и за море отвозится, она и знатного своего творца пересылает от века в век в бессмертной памяти. Однако находятся такие погрешения, которые мы охотно извинить желаем, ибо иногда и струна не тем отзывается голосом, коего хочет рука и ум, и требующим низкого часто посылает она высокий; также и стрела не всегда в ту цель попадает, в которую из лука ею метят. Того ради где многое блистает в стихах, там мне не досадят немногие пороки, которые или от неприлежности вкрались, или их усмотреть не могло человеческое несовершенство.

---

18 Сей Албин был богатый лихоимец того времени. Знатно, что сын его был еще молод, однако ж показывал своими ответами, что он знал больше, нежели от него требовалось.

19 Созии были славные книгопродавцы того времени. Их было два брата. В те времена книгопродавцы и переплетчики не были разные люди. Кто переписывал книги, кто переплетал или, лучше, склеивал листы и столбцы, и кто продавал (Bibliographus, Bibliopegus, или Compactor, а, по Цицеронову, Glutinator и Bibliopola), был токмо один человек.

Но едва ль я не втуне сие предлагаю? Ибо как писатель книжный, ежели он многажды в том же все погрешает, хотя уж и остережен, прощения не сподобляется ни от кого, и все над музыкантом смеются, кой всегда по одной струне брячит, так я того, который, много пишучи, мало пишет доброго, почитаю за оного Херилла, коему, дважды или трижды в некоторых местах изрядно изобразившему, с смехом удивляюсь, а потом я ж сам на него негодую. Случается иногда, что и совершенный Гомер дремлет; но в долгом сочинении невозможно, чтоб когда сон не одолел.

Какова живопись, такова поэзия; есть которая вам, близко смотрящим, понравится; есть и такая, коя полюбится далеко отстоящим. Иная любит темное место, иная желает при свете быть видима, которая не боится тонкия остроты судящих. Сия угодила токмо однажды, но другая, десятью повторенная, угодить имеет. Того ради, о! старший из юнош, хотя вас и отеческое наставление к правоте направляет, хотя ж вы и сам изрядно ведаете, однако сего следующего слова не извольте позабыть: многие есть такие науки, в которых терпеливно посредственное сносится и справедливо позволяется. Некто из приказных людей посредственный, хотя и не имеет столько искусства, сколько красноречивый Мессал, и не знает так, как Авл-Касселий, однако похвалу получает. Но посредственным быть пиитам ни боги, ни люди, ни оные в лавках столпы, к коим прибиваются их поэмы, никогда не позволяют. Равно как на великолепном пировании несогласная мусикия, нечистое умащение и Сардинский горький мед с маком досаждают, для того что стол и без сих неприятностей мог отправиться, так для пользы и сладости рожденная и изобретенная поэма ежели хотя мало не достигнет до высоты, то на самый низ стремглав упадает.

Кто не обучился действовать оружием, тот в поле воином не выходит. Также: кто не умеет играть мячом, метать вверх блюдце, гонять кубарь или четыреспичное колесцо, тот за все сие и не принимается, опасаясь громкого посмеяния от многих сонмов вкруг обстоящих людей. Должно и тому равный иметь страх, кто не способен к сочинению стихов, однако дерзает. А чего б ради ему не дерзать? Особливо ежели он сам господин благородный, конному римскому дворянству положенную сумму денег Росциевым уставом имеет? и притом живет и служит беспорочно? Пускай же такой беспорочный изволяет быть порочным пиитом. Но вы ничего и не произносите и не слагайте, ежели в вас нет к тому способности; сие да будет в вас рассуждение и сие токмо мнение всегда. Ежели ж вы когда в прошедшие времена что-нибудь сочинили, то да прочтется пред искусным

критиком Мецием,[20] также пред отцом и предо мною и потом еще на девять лет да заключится в ларец.[21] Когда тетради будут лежать в доме, то вольно еще вычернить, чего не издано на свет; ибо выпущенное однажды слово не может назад возвратиться.

Орфей, священный и толкователь воли божеския, прежде в лесах живущих людей отвел от взаимного убийства и от мерзкия пищи, а за сие приписывают ему, что он укротил тигров и свирепых львов. Прославился и Амфион, Тебанския создатель крепости, что он в движение приводил игранием своея лиры дикие камни и сладким словом оные влек, куда ему надобно было. В древние времена в сем состояла мудрость, чтоб отличать общее от собственного, священное от мирского, чтоб запрещать скверное любодеяние и подавать правила к сожитию сочетавшимся законно, чтоб городы строить и уставы вырезывать на дереве. Сим честь и славу божественные прорицатели и их стихи себе получили. После сих знаменитый Гомер и Тиртей мужественные сердца на военные действия изострил стихами. Стихами ответы давались божеские. Стихами исправляемы были нравы, и все учение состояло. Стихами приходили пииты и у царей в милость. Стихами найдены забавы и от долговременных трудов покойное отдохновение. Сие я для того вам предвозвещаю, чтоб вы не почитали себе в бесчестие искусных Муз лиры и певца Аполлина.

Давно уже сей вопрос предлагается, природою ль лучше производятся стихи или наукою? Что до меня, я не вижу, чтоб учение без богатыя природныя способности или б' грубая природа одна произвесть могла что-нибудь совершенное. Посему одна вещь у другой взаимныя себе помощи просит, и обе соглашаются между собою дружески. Кто старается беганием до вожделенного достигнуть предела, тот в отрочестве многое понес и претерпел, потел и на холоде мерз, воздержался от венеры и от вина. Музыкант, который пиитические штуки в похвалу победителю Аполлину

---

20 Сей критик, или судия, есть Спурий Меций Тарпа. Он был один из пяти учрежденных на свидетельствование сочинений. Древний некто толкователь Сатиры X Горациевы, книги I, говорит об нем следующее: Metius Tarpa, iudex criticus, auditor assiduus poematum et poetarum, in aede Apollinis seu Musarum, quo convenire poetae solebant, suaque scripta recitare, quae nisi a Tarpa, aut alio Critico, qui numero erant quinque, probarentur, in scenam non deferebantur. То есть: «Меций-Тарпа, судия критический, слушатель прилежный поэм и пиитов, в храме Аполлиновом, или Музам посвященном, куда обыкновенно пииты сходились и читали свои сочинения, кои, буде Тарпою или другим критиком, а числом их было пять человек, не подтвердятся, на театр не вносились для представления». Воссий рассуждает, что сии пять человек судей, определенных в Риме, были по подражанию Афинейским и Сицилийским пяти ж судьям, рассуждавшим о театральных сочинениях. Сей есть преславный повод к нынешним Академиям Словесным и касающимся до чистоты языка.

21 Чрез девять лет должно разуметь некоторое довольно долгое время.

поет, тот прежде обучался и трепетал пред учителем. Но ныне довольно сего выговорить: «Я удивительные поэмы сочиняю». *Кто назади, тот шелудив.*[22] Мне стыдно оставаться и, чему я не обучился, признаваться, что не знаю.

Как крикун, бирюча, кличет народ покупать свои товары, так пиит повелевает идти к себе ласкателям для получения подарков, ежели который богат вотчинами и много у него денег в росту ходит. Поистине кто из достаточных, который учреждает обильный стол, ручается по подлом и бедном человеке, скупает с опухлых правежей, а буде может распознать лживого с истинным другом, то сие мне всегда имеет быть из див дивом.

Что ж до вас, то вы, хотя вас дарят, хотя вы сами желаете подарить кого-нибудь, не извольте к стихам, сочиненным от вас, приводить ласкателя, ибо он тотчас закричит: «Хорошо, изрядно, нельзя лучше». Иногда он побледнеет при другах и слезы распустит, то запляшет, то ногою станет топать в землю. Равно как те приговаривают и мечутся, почитай, подобно всем сердцем сокрушающимся, кои нанимаются по мертвых плакать во время погребения, так насмешник всегда больше истинного хвалителя движется. Объявляют и о царях, что много чаш вина в того вливают, кого усмотреть хотят, достоин ли он будет их милости.

Ежели вы станете слагать стихи и сочиненные пред кем-нибудь читать, то смотрите, чтоб вас не обмануло чье сердце, лисьим лукавством утаенное. Буде ж бы вы что читали Квинктилию-Вару;[23] то твердо знаю, что он бы вам так говорил: «Сие или то, мой друг, исправьте». Но если б вы ему представляли, что вы не можете сделать лучше и что дважды и трижды покушались без всякого успеха, однако он бы всегда чернить велел и худо сработанные стихи вновь перековать на наковальне. А когда ж бы вы ревнительнее защищать устремились ваши погрешности, нежели оные исправить, то он больше ни слова, ни суетного и тщетного не приложил бы труда, оставил бы вас без соперника любить себя и ваше сочинение.

Добрый и разумный человек неискусные стихи осудит, похулит жестокие, неукрашенные заметит черным знаком, гордые украшения отымет, темные места изъяснить принудит, двусмысленные обличит и все означит,

---

22 Сия пословица точно и на нашем языке при некоторой игре от малых ребят употребляется; а говорит ее выбранная из них Матка. Вероятно, что древних римлян отроки сию ж самую игру употребляли, которая состоит в прибежании в отверстые руки Матки, коя обыкновенно у стены стоит прислонившись.

23 Квинктилий Вар, свойственник и искренний друг Виргилию и по нем Горацию. Сей есть самый, которому Гораций приписал XVIII оду, книги I, и коего по смерти плачет он в XXIV оде.

которые должно переменить; словом, будет Аристархом,[24] доказывающим в Гомере те стихи, которые не Гомеровы, и не скажет, чего б ради мне друга оскорбить в игрушке; ибо сии игрушки в бесшуточные приводят напасти однажды осмеянного и поруганного творца. Подобно как от того бегают и боятся прикоснуться, кто в неисцельной проказе, или которого скорбь в кольцо сгибает, или кто беснуется и кого прогневанная Диана ума лишает, так рассудительные люди опасаются упрямого и тщеславного пиита и с ним не сообщаются, как с таким человеком, которого на улицах ребята дражнят и за ним гоняются.

Сей, когда, высокие стихи изрыгая, погрешает, подобно птичнику, вверх смотрящему, в колодезь или глубокую упадает яму; и хотя б сколько он ни кричал из всея силы: «Осудари, вытащите!» — однако нет ему помощника, кто и желал бы подать к нему туда вервь, но не знает, не с умысла ль он туда бросился и спастись не хочет. Пример сему явен в Сицилийском пиите Эмпедокле:[25] сей, за сочинение физических поэм желая бессмертным быть богом, с безумия бросился в горящую пламенем Этну. Пускай же будет позволено погибать упрямым и самохвальным пиитам. Нехотящего кто сохраняет, то ж делает, что и убивает его, ибо тот не однажды уж хотел быть сам себе убийцею: того ради хотя и будет спасен, однако не имеет он быть человеком и не отложит охоты к славной смерти.

Наконец я не могу догадаться, чего б ради толь великая была охота к сочинению в таком пиите? Или он законопреступно осквернил отеческий

[24] Аристарх, грамматик Александрийский, родом из Самофракии, был учителем сыну Птоломея Филометора, царя египетского. Цицерон и Элиан объявляют, что его критика была толь тонкая, достоверная и рассудительная, что стих не слыл Гомеровым, ежели коего сей искусный грамматик не признал за Гомеров. Умер он в Кипре добровольным голодом, имея от рождения 72 года, не могши терпеть водяныя болезни. Аристархами называют и поныне всех рассматривателей рассудительных, следующих красоту и исправность в разумных сочинениях.

[25] Эмпедокл был великий пиит и философ, сочинил он три книги «Об естестве вещей», кои Аристотель приводит часто. Он еще описал поход Ксерксов, но дочь его или сестра сожгла все его труды по его смерти. Процветал он около LXXX Олимпиады, почитай, за 450 лет до Христова рождества. Лукреций в первой своей книге похваляет его следующим образом:

Nil tamen hoc habuisse viro praeclarius in se
Nec sanctum magis et mirum carumque videtur.
Carmina quin etiam divini pectoris eius
Vociferantur et exponunt praeclara reperta;
Ut vix humana videatur stirpe creatus.

То есть:

«Не было в Сицилии никого знаменитее, почтеннее, дивняе и любезнее сего великого философа. Божественные его стихи объявляют всем преизрядные его изобретения, и трудно верить, чтоб он рожден был смертным человеком». Впрочем, многие мнят, что то пахнет басиею, что будто он бросился в Этну, желая быть богом. Однако сие предание, самое древнее, коему Гораций следовал.

гроб испущением урины на оный[26] и для того пришел в беснование? Или за кровосмешение, перуном пораженный, получил себе черную меланхолию? Сие токмо известно, что он неистовится и, как медведь, сорвавшийся с цепи, сей ненавистный читатель знаемого и незнакомого, искусного и незнающего разгоняет; а которого поимает, за того держится крепко и убивает чтением; такая пиявица не отвалится от тела, пока вся не напьется крови.

---

26 Древние почитали превеликим нечестием, чтоб пускать мочу в святых местах. Сия есть причина, чего ради Персий говорит в первой своей сатире:

Pinge duos angues: pueri, sacer est locus, extra
Meiite...

То есть:

«Намалюй двух эмиев на стене; дети! святое сие есть место, вон выходите ссать».

Но двойным было у них осквернением ссать на могилу; а уже странным и ужасным законопреступлением, чтоб ссать на могилу своего отца или своих предков.

СПОСОБ К СЛОЖЕНИЮ РОССИЙСКИХ СТИХОВ, ПРОТИВ ВЫДАННОГО В 1735 ГОДЕ ИСПРАВЛЕННЫЙ И ДОПОЛНЕННЫЙ

Глава первая
ВСТУПЛЕНИЕ

§ 1.

Речь есть двоякая: одна *свободная*, или проза, которая особливо принадлежит до реторов и до историков; а другая *заключенная*, или стихи, кою по большой части употребляют пииты.

§ 2.

Все что стихи имеют общее с прозою, то их не различает с сею. И понеже литеры, склады, ударение, или сила, коя однажды токмо во всяком слове и на одном в нем некотором из складов полагается, также оные самые слова, а притом самые члены периодов и периоды общи прозе и стихам, того ради всеми сими не могут они различиться между собою.

§ 3.

Определенное число слогов в старых не наших, но польских, а к нам введенных без всякого основания стихах не отменяет их от прозы, ибо члены так называемого *исоколона** реторического также, почитай, определенными числами падают; однако сии члены не стихи.

§4.

Разделение большого и среднего старого польского у нас стиха или, лучше, прозаическия строчки на две половины, также не отменяет их от прозы, ибо сверх того что все прочие малые из старых стихов не делятся надвое, члены периодов прозаических подобно ж пресекаются препинаниями, а иногда и точно на две части.

---

* Фигура, которая все члены в одном периоде полагает равные и, почитай, равносложные. По словам она: *равночленная*.

§5.

Рифма, о которой ниже будет, равным же образом не различает стиха с прозою, ибо рифма не может и быть рифмою, не вознося одного стиха к другому, то есть не может быть рифма без двух стихов; но стих каждый есть сам собою, и один долженствует состоять и быть стихом.

§6.

Все сие, совокупно восприятое, а именно: число слогов, разделение на две части и рифма, — не отменит никак стиха от прозы, ибо что порознь в себе чего отнюдь и всеконечно не имеет, то и совокупно дать того не может, для того что негде каждому взять в себе особно, да и все сие составит токмо некоторый член периода; а согласившему первую рифму с другою произойдут два некоторых же периодических членов или и один нелепый с так называемою фигурою *гомиотелевтон*.*

§7.

Высота стиля, смелость изображений, живность фигур, устремительное движение, отрывистое оставление порядка и прочее не отличают стиха от прозы, ибо все сие употребляют иногда и реторы, и историки. А хотя б они и никогда не употребляли, однако все сие особливо принадлежит до свойства поэзии, а не до состава и существа стиха.

§8.

И как иная есть речь свободная, а иная заключенная, то следует, что всеконечно надлежит быть между ними существенной разности.

§9.

Сия не может быть у нас существеннейшая, как токмо когда в речи цельной многократно повторяется тон, называемый *просодиею*, *силою* и *ударением*, по некоторым определенным расстояниям от самого себя отстоящий; сие каждому собственным опытом тотчас познать можно.

§ 10.

Расстояния сии бывают или после тона или пред тоном, да и никогда у нас как больше двух складов в себе не содержат, так и меньше одного никогда не имеют.

§ 11.

Тон с расстоянием своим от другого подобного тона называется *стопа*. Ежели расстояние его находится после тона и содержит в себе токмо один склад, то стопа сия есть *хорей* или, как другие называют, *трохей*, а обыкновенный его знак есть следующий — ◡, слово ж, состоящее хореем, есть,

* Сия фигура все члены в периоде окончивает подобно и подобным звоном. По словам значит: *подобокончащаяся*.

например: *небо*, для того что в нем самый первый склад силою ударяется, а другой не имеет силы. Когда ж расстояние будет пред тоном и состоять оно имеет одним же складом, то стопа сделается *ямб*, коего знак есть противный первому ◡ —, а слово, например: *гремит*, потому что в нем второй слог ударен силою, а первый без ударения. Но буде после тона случатся два слога без силы и также два пред тоном, то в первом случае стопа сделается *дактиль*, которого знак есть сей — ◡ ◡, а слово, например: *молния*; во втором же стопа будет *анапеста*, знак его противный дактилеву, именно ж сей ◡ ◡ —, а слово, например, следующее: *поразит*.

§ 12.

Во всяком слове ударенный, или возвышенный слог силою, то есть тоном, называется *долгий*, но прочие все в нем, сколько б их ни было, *короткие*.*

§ 13.

Нет ни одного слова, которое можно б было выговорить не ударив его по какому-нибудь слогу однажды, то есть нет ни одного слова, которое не имело б в себе долгого слога.

§ 14.

И как премножество есть слов односложных, то следует, что и они без тона выговорены быть не могут.

§ 15.

Того ради все односложные слова по естеству своему суть долгие. Однако, хотя сие есть и бесспорно, только ж употребление наших стихотворцев почитает их все в составлении стопы *общими*, то есть и долгими и короткими, смотря по потребности; сия вольность толь есть нужная, что без нея едва ль бы можно было составить один токмо стих без превеликия трудности.

§ 16.

Сия точно долгота и краткость слогов именуется в нашем стихосложении *количеством складов*, которое есть всеконечно *тоническое*,** то есть возвышающее и понижающее голос выговора нашего и разнящееся

---

* Поныне ударениям нашим, кои бывают иногда и на шестом слоге и далее от правыя руки, правилом есть токмо одно обыкновение. По сему общему употреблению часто в некоторых словах слоги двояко ударяются, например: *жесто́ко* и *же́стоко*. Таких двойных ударений премного; а в сем случае должен писатель означать всегда силою тот слог, который он ударил, но в стихах сия должность есть необходима.

** Сие в наших складах само собою есть прямое количество, а не с греческого и латинского примера названное токмо. Доказывается непреоборимо так: «где напряжение вверх голоса, там голос есть выше. Но тон есть напряжение вверх голоса. Следовательно, где тон, там голос есть выше. От голоса, кой выше, до голоса, кой ниже, есть расстояние, оно величина, а сие самое и есть истинное *количество*». Ч<то> Н<адо> Д<оказать>.

всею своею природою от количества слогов в стихотворении греческом и римском, кое у них при ударении слогов тоном размеряется временем, то есть продолжением и сокращением голоса.

§ 17.

Итак, греческое и римское количество слогов протягает и сокращает слоги, а наше возвышает и понижает оные.

§ 18.

Стопы, наибольше употребляемые в нашем ныне стихосложении: хорей и ямб. За обе сии стопы повсюду, выключая некие места в некоторых стихах, о чем ниже, полагается стопа *пиррихий*, состоящий из двух складов кратких, без чего ни единого нашего стиха составить не можно.

§ 19.

Не токмо не противны нашим стихам стопы дактиль и анапест, по примеру греческого стихосложения, но еще и приятными кажутся знающим силу особам: наш язык, не как некоторые из европейских, для ударений своих на разных слогах в словах толикую ж к тому имеет способность, коликую и греческий с латинским. Сему довольный дан образец в Барклаиевой «Аргениде», переведенной по-нашему.

§ 20.

Тоническое количество в наших стихах есть самое первое и главное основание, и как жизнь и душа оных. Введено оно в наше стихотворение в 1735 годе.

Глава вторая
О СТИХЕ

§ 1.

Стих есть речь, имеющая многие слова, определенным числом стоп с начала до конца падающая.

§ 2.

Стихи именуются и у нас от числа в них стоп разно, ибо иной стих есть *гексаметр*, то есть шесть мер имеющий, иной *пентаметр* — пять, иной *тетраметр* — четыре, иной *триметр* — три; иной *диметр* — две, и напоследок, *монометр*, в одной токмо стопе состоящий.

§3.

Стих монометр не может быть свойственно стихом, ибо каждый долженствует иметь не одну токмо стопу, как то видно из определения, или описания стиху в § 1 сея главы.

§4.

Стих гексаметр, который называется *большим*, и *героическим*, и *эпическим*, может у нас быть хорее-пиррихический и ямбо-пиррихический с рифмами; также дактило-хорее-пиррихический и анапесто-ямбо-пиррихический без рифм.

§ 5.

Стопа пиррихий для того ко всем присовокуплена названиям, что как в хореическом вместо хорея и ямбическом вместо ямба, так и в дактило-хореическом вместо хорея ж и в анапесто-ямбическом стихе вместо ямба ж она полагается. Вольность такая есть необходима ради наших многосложных слов, без которыя невозможно будет, почитай, и одного стиха сложить; о сем упомянуто в § 18 главы первыя.

Член I
О СТИХЕ ГЕКСАМЕТРЕ ХОРЕИЧЕСКОМ

§ 6.

Стих гексаметр хореический разделяется на две части, из которых каждая называется *полстишие*.

§7.

Средина, где оба полстишия соединяются так, что первое окончанием, а второе началом, именуется *пресечение*. Оно есть всегда в первом полстишии, знак его — конец слова и того первого полстишия.

§ 8.

Ибо конец второго полстишия называется *рифма*. Она состоит как в хореическом, так и ямбическом стихе иногда двумя складами, а иногда одним. Но в тетраметре, триметре и диметре хореическом токмо, употребляемом особливо в десятистишных строфах, о коих ниже, может она изрядно состоять в самой средине строфы и тремя слогами.

§ 9.

Когда двумя состоит слогами, то она есть чистый хорей, а именуется *женскою*, да и стих тот, в коем она называется от нее женским же, но стих, в котором рифма есть односложная, называемая *мужескою*, именуется по ней мужеским, а она есть конец ямба или начало хорея. Буде ж когда рифма состоять имеет тремя складами, то ей и стиху ея надлежит, кажется, именоваться по ней *обоюдным*, для того что она совокупно и мужеская и женская или, справедливее, ни та ни другая, но стопа ея есть точный наш дактиль.

§ 10.

Стиха гексаметра хореического женского первое полстишие долженствует состоять тремя стопами и долгим слогом, который есть пресечением, но второе, имеющее двусложную рифму, — тремя токмо, из них последняя стопа и есть рифма.

Пример:

1 2 3 1 2 3
Делом | бы од|ним сти|хи || не бы|ли на | диво;
Знайтесь | с дружны|ми людь|ми || живу|чи прав|диво.
1 2 3 4 5 6

Напротив того, хореического мужеского стиха первое полстишие состоять имеет тремя стопами равно, и третиею окончивать слово для пресечения; а второе, имеющее односложную рифму — тремя и долгим слогом, который и составит рифму.

Пример:

1 2 3 1 2 3
Многи|ми тво|реньми || мудрость | изоб|раже|на,
Та сти|хами | смертным || в пользу | предвоз|веще|на.
1 2 3 4 5 6

Сия есть причина, что стих гексаметр хореический как женский, так и мужеский есть *гиперкаталектик*, то есть имеющий слог лишний сверх шести стоп.

§ 11.

Стихи всякого рода и меры так между собою смешиваются, что иногда по двух стихах женских полагаются два мужеские, и, напротив того, что и делает *непрерывную* рифму, иногда по одном женском один также мужеский и, вопреки, иногда по одном женском или мужеском — два мужеские или женские, а сие производит рифму *смешанную*.

§ 12.

Первое смешение стихов женских и мужеских всякого рода, то есть когда по двух стихах женских или мужеских полагаются два мужеские или женские, бывает особливо в стихах гексаметрах и пентаметрах; прочие все принадлежат до строф, и еще так, что в десятистишных хореических токмо строфах по первом четверостишии могут положены быть два стиха обоюдныя рифмы; а строфы такие обыкновенно состоят тетраметрами,

триметрами и диметрами, о коих ниже. Впрочем, смешение сие рифм называется вообще *сочетание стихов*.

§ 13.

Наблюдать опасно должно, чтоб в мужеском стихе хореическом не начинать никогда второго полстишия односложным словом. Однако выключаются из сего следующие: 1) все односложные предлоги; 2) частицы *и, не, ни*; 3) *кто, что, тот, та, то, сей, кой, как, так, коль, толь*; 4) *но, а*; 5) *да, чтоб* и подобные, не окончивающие разум, ибо для того односложным словом не надобно начинать второе полстишие, что слово то может составить разум с первым полстишием и быть пресечением, отчего состав сделается женского первого полстишия, которого тут не надобно, но выключенные частицы разума не окончивают, и потому можно с них начинать второе полстишие мужеское как с таких, которые первого своего полстишия мужеского не могут сделать женским и быть почитаемы пресечением.

§ 14.

Есть порок в старых у нас польских стихах или, лучше, прозаических строчках, который, впрочем, — красотою в греческих и латинских, именно ж: когда переносится недоконченный разум в первом стихе в начало последующего. В сих он для того красотою, что стихи их между собою от неравности стоп неравны, и притом рифм не имеют, следовательно, один стих пред другим не делается ни хром, ни в согласии окончательного звона для неравности не предускоряет прежде, нежели слух требует, еще и больше чрез то один стих с другим сопрягается. Но в равных, каковы старые наши прозаические строчки, все сие делается необходимо противным образом, так что весьма сие в них нелепо и противно нежному слуху. Того ради в нынешнем нашем гексаметре для равности его и ради рифмы отнюдь не надлежит употреблять сей перенос из первого стиха в начало следующего. Однако сей порок и в нынешних наших твердое основание имеющих стихах сносится, когда разум переносится в следующий так, что или он доносится до пресечения включительно или до самого конца стиха. Первое полстишие есть целый же стих триметр, и для того сей порок нечувствителен бывает, да и рифма не предускоряет, для того что на пресечении всегда бывает некоторое малое и тайное, почитай, отдохновение.

Член II
О СТИХЕ ГЕКСАМЕТРЕ ЯМБИЧЕСКОМ

§ 15.

Стих гексаметр ямбический как мужеский, так и женский разделяется на два полстишия, из которых в обоих стихах первое полстишие состоит тремя стопами, но второе (в женском, а не в мужеском стихе) имеет три стопы и слог краткий.

Пример мужеского:

1 2 3 1 2 3
Поволь|ный был | бы труд, || коль вас | не то|ропят,
И спеш|ности | да в вас || безум|ныя | не зрят.
1 2 3 4 5 6

Пример женского:

1 2 3 1 2 3
Испра|вивши | уже, || еще | потом | их правь|те;
Придай|те и|ногда, || но ча|ще что | убавь|те.
1 2 3 4 5 6

Ясно, что гексаметр ямбический мужеский есть *акаталектик*, то есть цельный и совершенный всеми стопами, но женский — *гиперкаталектик*, то есть имеющий слог лишний сверх полного шестистопного числа.

§ 16.

Всемерно должно блюстись, чтоб в ямбическом гексаметре первого полстишия не окончивать пиррихием, но всегда ямбом: природа стиха не терпит сего порока. Надобно знать, что акаталектичество, то есть полная мера стиха, в ямбическом есть всегда мужеский стих. И понеже сей гексаметр состоит из двух цельных триметров, а каждый триметр порознь кончится по естеству своему ямбом, то кому не ясно, что первое полстишие, которое есть одно из тех двух триметров, долженствует пресекаться ямбом. Следовательно, употребляющие противное сему погрешают против естественного состава, должного ямбическому гексаметру. Потребно ведать и сие, что стих ямбический введен к нам с образца немецких стихов, но в немецких всегда он пресекается ямбом, как то и разум повелевает.

Член III
О СТИХЕ ГЕКСАМЕТРЕ ДАКТИЛО-ХОРЕИЧЕСКОМ

§ 17

Сей стих есть подражание греческому и римскому. Наш язык и к нему сроден, а искусные люди находят, что и ему можно дать место между нашими стихами, и еще лучше любуются им, нежели нашими обыкновенными хореическими и ямбическими. Без сомнения, привыкшие к движению латинских стихов любоваться им имеют, но все прочие и не столько и не так, для того что в нем и ход устремителен, и нет рифмы. Как то ни есть, только я его здесь для охотников предлагаю. Не мешает, что у нас многие роды стихов будут. Французы, у коих один токмо род гексаметра, болезнуют, что они тем толь скудны. Болезнование сие изображено и у Ролленя в «Древней истории», и у Дасиера в примечаниях его на переводы с Древних.

§ 18.

Итак, стих дактило-хореический гексаметр состоит шестью стопами таким образом, что в первые два места приемлет стопу дактиля или хорея, а вместо хорея пиррихия, но в третием всеконечно должно быть или дактилю, или хорею так, чтоб долгий слог дактилев или хореев был окончанием слова. В четвертом может быть дактиль или хорей, а вместо хорея пиррихий. Но в пятой степени непременно долженствует быть дактиль, а в шестой — точно хорей. Притом все односложные слова должно почитать за общие.

§ 19.

У латин и у греков многие пресечения назначаются сему стиху. Но у нас одну всегда и всеконечно наблюдать ему должно, а именно: называемую пентемимерною, которая бывает по двух целых стопах в начале третиея, начинающияся долгим слогом дактиля или хорея, и притом тут кончит слово. Прочие пресечения сами делаться будут составом стиха.

Пример:

1 2 3 4 5 6

Выше уж | звезд как взне|сли || на|ставленны | горы Ти|фона...

Всяк видит, что сей стих есть акаталектик, то есть полный и не имеющий лишка сверх числа стоп.

§ 20.

Сей стих у латин и у греков в пятое место приемлет иногда стопу спондея, который состоит из двух долгих слогов, когда или *важность*

какая вещи, или *великость*, или *презельная печаль* и *сокрушение*, или что весьма *сильное* и *крайнее* объявляется. Сему можно быть и у нас по их примеру, то есть можно полагать в пятое место стопу хорея или вместо его пиррихия за всегдашний дактиль, но в подобных же обстоятельствах.

Пример:

Стал и о|чами пол|ки || фри|гийские | осмо|трел вкруг...

§ 21.

И понеже сей род стихов есть неравен в рассуждении одного стиха с другим, для того что иной в четырех местах дактилями состоит, иной то дактилями, то хореями, а иной хореями одними до самого пятого места, в коем всегда есть дактиль, кроме помянутых обстоятельств в § 20, состоять может и также, что в нем не соглашается один стих с другим рифмою, то, следовательно, может в нем быть и перенос из стиха в начало другого, употребляемый у Древних.

Член IV

О СТИХЕ ГЕКСАМЕТРЕ АНАПЕСТО-ЯМБИЧЕСКОМ

§ 22.

Сей стих нового изобретения, и есть он подражание дактило-хореическому. Как дактило-хореический сходствует с хореическим, так и сей анапесто-ямбический с ямбическим. Он не меньше осанист дактило-хореического, как то всяк знающий охотник чувствовать может.

§ 23.

Состоит сей стих шестью стопами и на конце кратким слогом; так что в первой степени может быть анапест или ямб (а вместо ямба — пиррихий), во второй — анапест или ямб, или пиррихий, в третией — непременно или анапест, или ямб, а отнюдь не пиррихий, да и окончивать слово пресечением. В четвертой и пятой — анапест или ямб, или пиррихий; но в шестой — непременно анапест и по нем слог краткий.

Пример:

1 2 3 4 5 6

Отыди, | премер|зка мольба, || приноше|ние прочь | нечести|во...

Посему сей стих есть гиперкаталектик, то есть имеющий лишний слог сверх числа стоп.

§ 24.

Может и сей стих принять в шестое место при самом важном чего-нибудь описании стопу ямба вместо анапеста, но отнюдь не пиррихия.

Пример:

Бесмер|тных любез|нейший род! || превели | кое Зев|са пле|мя.

§ 25.

Для неравности своея, и что также долженствует он быть без рифмы с другим следующим стихом, может и сей стих переносить разум в начало следующего.

§ 26.

Превеликая красота как в дактило-хореическом, так и в анапесто-ямбическом гексаметре, когда не каждое слово каждую составляет стопу, но частию своею преходит в следующую. Чрез сие приятным образом сопрягаются между собою стопы, и меры ударяются по силам (скансиа). Сие самое должно по большей части наблюдать и в хореическом и в ямбическом гексаметрах, а словом и во всех прочих хореических и ямбических, о которых будет ниже.

Глава третия
О СТИХЕ ПЕНТАМЕТРЕ

Член I
О СТИХЕ ПЕНТАМЕТРЕ ХОРЕИЧЕСКОМ

§ 1.

Стих пентаметр хореический женский делится на два полстишия, в первом имеет две стопы и слог долгий, который есть пресечение, а во втором три стопы ровно.

Пример:

1 2 1 2 3
Злат же|лезна | коль || есть кру|шец дра|жайший,
Отра|слей сво|их || кедр коль | высо|чайший.
1 2 3 4 5

Но мужеский пентаметр в первом полстишии полагает три стопы, из коих конец последния есть пресечение, а во втором две, и по них слог долгий.

Пример:

1 2 3 1 2
Толь ты | превос|ходишь || цвето|носный | ро̄д
И цве|тущий | в твари || всякий | разный | пло̄д.
1 2 3 4 5

§ 2.

Ясно, что пентаметр хореический мужеский и женский есть гиперкаталектик, то есть лишний слог сверх числа стоп имеющий.

§ 3.

Что говорено о гексаметре хореическом во второй главе в §§ 11, 12, 13 и 14, то все должно разуметь и о сем пентаметре и при составе его наблюдать.

§ 4.

Есть пентаметр хореический и без пресечения, но сей делается по вольности; употреблять ее, всеконечно, не должно, разве уже какая необходимая нужда приведет к тому, да и то б было в некотором самом кратком сочинении, каково есть эпиграмма. Сим вольным пентаметром хотя и сочинено у меня с 20 строф, не в неприятной, впрочем, материи, однако я не прошу никого в том мне следовать.

Член II

О СТИХЕ ПЕНТАМЕТРЕ ЯМБИЧЕСКОМ

§ 5.

Стих пентаметр ямбический имеет два полстишия, то есть он пресекается. В первом полстишии мужеского стиха содержит он две стопы, из сих последния конец есть пресечение, а во втором три стопы ровно.

Пример:

1 2 1 2 3
Но вам | узреть, || потом|ки, в гра|де сем
Смотря|щих все, || дивя|щихся | о всем...
1 2 3 4 5

Но женский ямбический пентаметр в первом полстишии хотя две ж стопы имеет и последния концом пресекается; однако во втором его полстишии три стопы и слог краткий.

Пример:

1 2 1 2 3
Из всех | тех мест || слета|ющих|ся гу|сто,
Глася|щих: се || рай стал, | где бы|ло пу|сто.
1 2 3 4 5

Посему мужеский пентаметр ямбический есть акаталектик, а женский — гиперкаталектик.

§ 6.

Во второй главе, в § 16, положено наблюдение и причина наблюдению о первом полстишии стиха ямбического гексаметра в рассуждении пресечения, а именно, что оно никогда не долженствует пресекаемо быть пиррихием, но всегда и непременно ямбом; оное наблюдение есть равно наблюдением и для сего пентаметра ямбического в рассуждении того ж. Впрочем, хотя и есть также пентаметр ямбический без пресечения, однако сие делается разным же образом, как и в хореическом, по великой вольности и в самых малых штуках; сему я не советую в важном сочинении подражать.

Член III
О ПЕНТАМЕТРЕ ДАКТИЛО-ХОРЕИЧЕСКОМ

§ 7.

Пентаметр дактило-хореический по примеру греческому и латинскому никогда один быть не долженствует, но всегда с гексаметром своего рода. Сии двустишия древние прозвали *геро-элегиаческими*.

§ 8.

Он хотя у древних также есть без рифмы, но у нас изрядно рифму принять может, толь наипаче, что ему всегда надобно быть с гексаметром, то гексаметр составит женскую, а он, пентаметр, — мужескую рифму.

§ 9.

Имеет он в первом месте стопу дактиля или хорея, или вместо хорея пиррихия, во втором дактиля ж или хорея ж, или ж и пиррихия и после слог долгий, который есть пресечение и окончивает слово, но в двух последующих — непременно дактиля и слог долгий же, кой с слогом пресечения составляет пятую стопу.

Пример:

Вы скажите, брега пограничны всходящего Феба,
1 2 1 2
Коль из | ваших | вод || бог сей пре|красен вста|ет;
1 2 ½ 3 4 ½
Он зеленит когда смарагды лучами от неба,
1 2 1 2
Схожий с сво|им и|ли || блеск ада|манту да|ет.
1 2 ½ 3 4 ½

§ 10.

Когда сии геро-элегиаческие стихи без рифм, то они ограничиваются двустишиями, но с рифмами круг их состоять имеет необходимо в четверостишиях, ради двух женских рифм в двух гексаметрах и двух же мужеских в стольких же пентаметрах.

§ 11.

Пентаметр сей размеряется Квинтилианом (в кн. 6, в гл. 4) инако, именно ж: в двух первых местах так, как я объявил § 9, но в третием спондей (состоящий из двух долгих слогов) таким образом, чтоб первый его слог был конец слова, а второй начало другого; потом два анапеста.

Пример:

1 2 3 4 5
Также ба|рашком вол|на || вьет|ся и близ | берегов.

Все равно хотя первым, хотя сим вторым образом размерять сей пентаметр. Однако первым способом обыкновеннее всюду учат его мерять.

Член IV
О ПЕНТАМЕТРЕ АНАПЕСТО-ЯМБИЧЕСКОМ

§ 12.

Сей пентаметр вновь найден, он есть подражание дактило-хореическому. И понеже явился вновь же гексаметр анапесто-ямбический, то надобно стало составить и пентаметр подобный.

§ 13.

Кажется, что сему и у нас лучше быть с своим гексаметром, но притом и с рифмою, так что в гексаметре его будет женская, а в нем, пентаметре, мужеская рифма.

§ 14.

Состав его есть следующий. Сперва употребляются две стопы, которые — или два ямба, или два анапеста, или ямб с анапестом, или анапест с ямбом, так чтоб в последней которой-нибудь из сих стоп конец был также концом и слова, что и сделает пресечение, потом непременно три анапеста.

Пример:

Беззаконники! прочь от сего удаляйтесь храма священна!
1 2 3 4 5
У ко|их сердца || преиспо|лнены сквер|нейших зол.
Или утробу грызет чью зависть всегда омраченна,
1 2 3 4 5
Ненасыт|но ль кто || разграбля|ет бессиль|нейших дол.

Глава четвертая

О СТИХЕ ТЕТРАМЕТРЕ, ТРИМЕТРЕ И ДИМЕТРЕ

Член I

О СТИХЕ ТЕТРАМЕТРЕ ХОРЕИЧЕСКОМ

§ 1.

Сей стих пресечения не имеет, а состоит он четырьмя токмо стопами. Он есть также женский и мужеский.

Пример женского:

1 2 3 4
Что тво|е я| имя | знаю,
Избав|лени|я тем | чаю.

Пример мужеского:

1 2 3 4
Испо|вем те|бя во|век ∪|
Тварь Тво|я и | чело|век. ∪|

§ 2.

Всяк видит, что тетраметр хореический женский есть акаталектик, то есть полное число стоп имеющий, а мужеский *каталектик*: в нем недостает слога в полное число стоп.

§ 3.

Как составляется тетраметр хореический обоего рода, так и триметр и диметр, уменьшаясь токмо один пред другим стопою, и что женские хореические сих родов — акаталектики, а мужеские — каталектики.

Член II
О СТИХЕ ТЕТРАМЕТРЕ ЯМБИЧЕСКОМ

§ 4.

Стих тетраметр ямбический пресечения не имеет и состоит четырьмя стопами. Он есть мужеский и женский.

Пример мужеского:

1 2 3 4
Своим | Бог прав|ду со|творит,
Иста|явших | не у|морит.

Пример женского:

1 2 3 4
И у|молен | об них | он бу|дет,
Вконец | рабов | сам не | забу|дет.

§ 5.

Видимо, что тетраметр ямбический мужеский есть акаталектик, то есть полный, а женский гиперкаталектик, имеющий лишний слог сверх полного числа стоп.

§ 6.

Как тетраметр ямбический составляется, так равно и триметр и диметр с умалением стопы один пред другим, и что все сии ямбические мужеские — акаталектики, а женские — гиперкаталектики.

Глава пятая
О СТРОФЕ

§ 1.
Строфа есть совокупление многих стихов, разум полный содержащих.
§ 2.
Строфа наша не бывает меньше четырех стихов ни больше десяти.
§ 3.
Имеющие четку стихов называются *правильными* строфами, *неправильными* ж, в коих нечетка.
§ 4.
Употребительнее строфы наши состоят из тетраметров, но можно им быть из триметров и диметров, иногда, но разве весьма редко, и из пентаметров.
§ 5.
Хотя и непротивно, чтоб в строфах употреблять *непрерывную* рифму, однако обыкновеннее в них употребляется *смешанная*. Впрочем, весьма наблюдать должно, что которым родом рифмы строфа кончится, тем бы в следующей строфе первого стиха не начинать, ибо ставится сие в великий порок и нелепый и также в малое знание сочинителю.
§ 6.
Строфы, в которых все стихи единого рода и меры, называются *равными*; *неравными* ж — те, кои не один род стихов и не одну меру имеют.

Член I
ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЙ ХОРЕИЧЕСКИЕ СТРОФЫ

§ 7.
Строфа четырестишная:

Праведных стези весть Бог
И всегда их сам защитит;
Путь же злых, хотя и мног,
Грозна гибель весь похитит.

§ 8.
Строфа пятистишная:

Очи с плача помутились,
От врагов весь сокрушен:

Пагубно в себе озлились,
К ненависти уклонились;
Я надежды уж лишен.

§ 9.
Строфа шестистишная:

День всегда плывет за днем,
Нощь же нощи пременяет;
Волю благу чин являет
И строение о всем;
Нет сомнения нимало:
То от тверди твердо стало.

§ 10.
Строфа седьмистишная:

Вниду к Твоему престолу
И в олтарь священный твой,
Проявленн в горе святой,
В нем паду пред тем ниц долу.
Ты желаниям конец,
Исполнение изволу
И любви моей венец.

§ 11.
Строфа осьмистишная:

Се языки ворвались,
Боже, во Твое наследство
И святому храму в бедство
С осквернением внеслись;
Град и все его пространство
Обратили без следов
Во хранилище плодов,
Все расхитивши убранство.

§ 12.
Строфа девятистишная:

В сердце их всегдашня лесть,
Токмо ту и помышляют,
Неизвестно, что за в месть

Брани всяк день ополчают.
Весь язык их изощрен
На злоречие, как бритва,
В их руках сеть и ловитва,
След к дну злобы приведен,
Яд из уст течет и битва.

§ 13.
Строфа десятистишная:

На защиту мне смиренну
Руку Сам простри с высот,
От врагов же толь презренну,
По великости щедрот,
Даруй способ — и избавлюсь,
Вознеси рог — и прославлюсь;
Род чужих, как буйн вод шум,
Быстро с воплем набегает,
Немощь он мою ругает
И приемлет в баснь и глум.

§ 14.
Строфа десятистишная, с трисложною дактилическою рифмою в средине:

Прочь, боязнь, прочь! Бодрствуй дева:
Бытие то не мечта,
Ни судеб, ни хитрость гнева,
Ни желаний суета.
Все, что зришь, есть достоверное
Торжество нелицемерное!
Страх и трепет твой исчез,
С ними горесть и печали,
Ликовство предобручали
Оны времена и слез.

§ 15.
Строфа неравная:

Счастлив! Бога кто боится:
Заповедей всяко не преступит он Того,
Род его благословится,

Сильно будет семя на земле и, сверх всего,
Славен и богат весь дом,
Правда вечна в нем самом.

§ 16.

Строфа неравная может иметь от четырех до десяти стихов и употреблять неравную меру по произволению.

Член II
ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЙ ЯМБИЧЕСКИЕ СТРОФЫ

§ 17. Строфа четырестишная:

Простер десницу — пожрала
Земля в свои противных недра,
И укрепила правда бедра,
И всех людей тобой спасла.

§ 18.

Строфа пятистишная:

Их из Содома виноград
И от Гоморры все их розги;
Их грозд есть токмо желчь и смрад,
Их ягода горька стократ —
Сок отравляет шумны мозги.

§ 19.

Строфа шестистишная:

Затем премудр, чтоб не хвалился
Отнюдь в премудрости своей;
Ни сильный также в силе всей,
Богат в богатстве б не гордился:
Но всем бы Бога знать и чтить
И в правде суд земным творить.

§ 20.

Строфа седмистишная:

Пред ним предыдет в слове смерть,
Изыдет на поля поносно,

Падет под ноги та некосно,
Как предприимет ону стерть:
Он стал — и вся земля трясется,
Подвиглась и высока твердь,
Языки тают, весть несется.

§ 21.
Строфа осьмистишная:

О! Господи и Боже наш,
Мы много от чужих терпели,
Едва в господ не возымели,
Но молим, Ты нам буди страж;
Твоя над нами власть и воля,
Кроме Тебя мы никого
Не знаем, равно ничего,
В Твоем нам имени есть доля.

§ 22.
Строфа девятистишная:

Вся высота по мне прешла,
Вся глубина меня прияла,
Вся и широкость обошла,
Отверста мраков бездна стала;
Всего покрыли горы вод,
Шум токов оглушил ужасный,
Всему явился вид зол властный
И влажный пропастей испод.
О! коль тогда я был злосчастный!

§ 23.
Строфа десятистишная:

Являющие люто злая,
О! Господи, твоим рабам
Да постыдятся здесь, гонзая
В погибель сами по судьбам.
Да всякая б своя их сила
И крепость сломлена срамила,
Да знают, что един Ты Бог,
Что по вселенной всей Ты славен

И токмо Ты един державен,
С Тобой не сменен всяк прилог.

§ 24.
Строфа неравная:

Он сам исторгнуть нас от ада днесь судил,
Он спас от самыя нас смерти,
От пещного огня соблюсть благоволил
И злым не попустил нас стерти;
Он благ, к Нему все воззовем,
Да в благостыне поживем;
Его поем мы, человеки,
И славно величаемввеки.

§ 25.
Что говорено в члене первом в § 16 сея главы о неравных хореических строфах; то ж самое должно разуметь и о сих ямбических.

Член III
ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЙ СТРОФУ САФИЧЕСКУЮ И ГОРАЦИАНСКУЮ

§ 26.
Строфа сафическая от изобретательницы Сафы прозвана в Греции.
§ 27.
В ней обыкновенно бывает четыре стиха, из них первые три сафические, а четвертый адонический.
§ 28.
Сафические мужеские состоять у нас могут в первом месте хореем или пиррихием, во втором хореем же или пиррихием; а в третием первым слогом долгим дактиля, который есть пресечение и кончит слово, после ж кончит свою стопу дактиль следующего слова начальными двумя слогами, в четвертом хореем или пиррихием, в пятом долгим слогом, который есть рифма мужеская. Сим стихам надлежит быть двумя сряду. Но и женский во всех четырех местах составляется так, как мужеский, однако в пятом непременно имеет стопу хорея. Сей стих долженствует быть один токмо в составе строфы и чином третий, да и соглашаться рифмою с четвертым

двустопным адоническим, который по нашему количеству слогов всегда долженствует состоять дактилем и хореем.

Пример:

2 3 3 5 5

Совесть | кто в се|бе || непо|рочну | весть,

Нравов | чисто|та || завсег|да в ком | есть;

Не бо|ится тот || оху|жден про|пасти,

Бодр и в на|пасти.

1 2

§ 29.

Сафическая строфа может состоять пятью стихами сафическими, шестым адоническим, может седьмию сафическими, осьмым адоническим, может наконец и девятью сафическими, а десятым адоническим. Однако кажется, что лучше ей всегда быть или четырестишной, или о шести стихах. Впрочем, Сенека, трагик, в хоре «Тиэста» по третием действии присовокупил ко 125-ти стихам сафическим один адонический.

§ 30.

Строфа горацианская состоит всегда и непременно четырьмя разного рода тетраметрами. Называется она горацианскою, для того что Гораций часто ее употреблял в своих одах.

§ 31.

У нас ея стихам состав есть следующий: первый и вторый стих в первом месте имеют хорея или пиррихия, также и во втором; потом слог долгий, который есть пресечение и вне числа стоп. В третием и четвертом — дактиль, из сих последний есть *обоюдная рифма*. Третий стих состоит тетраметром ямбическим женским, но четвертый в первых двух местах содержит по дактилю, а в третие полагает хорея или пиррихия, в четвертое ж непременно стопу хорея.

Пример:

1 2 3 4

Кедры | не всег|да || вихрем ло|маются;

Ли́ста | не в весь | год | рощи ли|шаются;

1 2 3 4

И вед|ро по|сле туч | быва|ет,

1 2 3 4

В весну и | дерево | процве|тает.

§ 32.

Чего ради сия горацианская строфа такое составление себе иметь у нас долженствует, тому объявлена причина в «Предуведомлении» на Барклаиеву «Аргениду» в числе 22-м.

Глава шестая
О РИФМЕ И ВОЛЬНОСТИ СЛОВ

Член I
О РИФМЕ

§ 1.

Рифма есть взаимное подобное согласие, употребляемое на концах двух стихов.

§ 2.

Когда сие взаимное согласие состоит во втором стихе из тех же самых литер, из которых оно и в предыдущем есть, то рифма сия называется *богатая*, но ежели токмо подобие звона имеет то ж, а состоит не из тех же самых букв, то она есть *полубогатая*.

§ 3.

В женских стихах рифма всегда есть двусложная, и есть она точный наш хорей, но в мужеских односложная, и есть или начало хорея, или конец ямба. В старых строчках одна токмо женская рифма была употребляема, для того что польский язык во всех словах, кроме односложных, ударяет силою всегда предкончаемый слог.

§ 4.

Должно стараться, чтоб рифме быть, сколько возможно, богатой, а особливо женской, потому что она полняе мужеской и звончае, и потому чувствительнее слуху и сердцу.

§ 5.

Впрочем, рифма есть не существенная стихам, но токмо постороннее украшение, употребляемое для услаждения слуха. Выдумана она в варварские времена и введена в стихи. Ни древние греки, ни римляне отнюдь ее в своих стихах не употребляли и не знали, хотя народы сии были такие, которые достигли до самого верха в красноречии и в стихотворстве.

§ 6.

В польском стихотворении, прежде сего и у нас бывшем в употреблении, рифма называется *падением* (каденция), но весьма неправо. Падение есть

гладкость стиха, по всему стиху от начала до конца разливающаяся. Сие происходит, во-первых, от соединения стоп, от благополучного прибора гласных и согласных литер, между собою ни несражающихся, ни непроизводящих и нелепого зевания, и также от способности сочинения. Горациев гексаметр важен, но не гладок, Овидиев и нежен, и гладок, но Виргилиев гладок, нежен и важен.

§ 7.

Употребление рифмы вообще долженствует быть такое, чтоб всегда был предпочитаем ей разум, то есть чтоб всегда при составе стиха больше стараться о чистом в нем смысле, нежели о богатой рифме, буде невозможно быть сим обоим совокупно, так чтоб для богатства рифмы твердого смысла нигде и никогда не пренебрегать.

Член II
О ВОЛЬНОСТИ В СЛОВАХ

§ 8.

Вольность есть некоторое изменение слов, употреблением утвержденных.

§ 9.

Обыкновенно поступают стихотворцы свободнее и смеляе в избрании слов и употребляют иногда в стих для меры такие слова, коих в прозе отнюдь стерпеть не можно. Имеют они сие право, подтвержденное множеством веков, однако должно и им быть в сем умеренным.

§ 10.

Многие и мы в своем стихосложении такие имеем вольности: их видеть можно охотникам в стихах, на свет изданных.

§ 11.

Вольности вообще такой быть надлежит, чтоб слово, употребленное по вольности, весьма распознать было можно, что оно прямое наше и еще так, чтоб оно несколько и в употреблении находилось, а не нелепое какое, странное и дикое.

Глава седьмая
О РАЗНЫХ ПОЭМАХ, СТИХАМИ СОЧИНЯЕМЫХ

§ 1.

Эпическая поэзия, инако *эпопеическая* и *героическая*, есть самый высокий род из всех поэм. Никакая, поистине, другая поэма не могла еще

поныне толико прославить писателей. Сия одна, ежели по надлежащему сочинится, довольна к приобретению громкия славы вечно и пииту, и всему тому народу, из которого пиит. Она есть, которая знатные деяния знаменитых людей, предвосприявших нечто одно исполнить, вероятным повествованием предлагает для возбуждения любви к добродетели. Образцы ея: «Илиада» и «Одиссея» Гомеровы, а «Энеида» Виргилиева.

§ 2.

Лирическая. И сия есть высокий пиитического искусства род, однако не толь трудный, чтоб на сей Геликонов холм некоторый не всходили. Многие в сем роде показали свои опыты и лавр себе заслужили. Начало ея, мнится быть, что священствующие изобрели в честь и прославление верховного существа сию песнь и, кажется притом, что пастушеские песни подали к ней причину. Сие инако называется *ода*, которая состоит из строф и самую высокую, благородную, иногда ж и нежную материю воспевает.

§ 3.

Драматическая. Сия объемлет трагедию и комедию. В сих древние греки, напоследок дошед до точного совершенства, получили себе верх. Римляне в комедии счастливы были, но в трагедии не столько. Из нынешних народов французы трагедиею и комедиею весьма себя прославили. Драма вообще описывается так: есть поэзия, которая одно токмо некоторое дело знаменитых людей, предприятое и сделанное в одно время и на одном месте, возбуждая ужас и жалость (и сия есть трагедия), а иногда простых обывателей (а то комедия), приводя смотрителей в смех и увеселение, представляет на театре словами и действием с подражанием самой натуре для исправления нравов.

§ 4.

Буколическая. Она есть, которая представляет разные пастушеские и поселянские разговоры. Всех поэзий сия мнится быть старее. Лица ея: пастушки́, пасту́шки, жнецы, сенокосцы, садовники, огородники, ловчие, собиратели винограда, плодов и подобные. Материя — сих людей дела, неблагополучия, жалобы, труды, печали, споры, песенки, разговоры, похваления и охуждения. Вещи: леса, овцы, стада, скоты, звери, плоды, мест полевых красота, сени кустов, пещеры, рек течение, источники, ручьи и любовь, также солнце, месяц и звезды — и все, что им больше ведомо и их окружает. Буколическую поэзию Виргилий представил в «Эклогах», а Теокрит — в «Идиллиях».

§ 5.

Элегиаческая. О сей от многих утверждается, что чрез ея сладость и нежность многие записывают имена свои в вечность, и записали многие.

Преизрядный образец в сем роде поэзии есть Тибулл, Проперций и Овидий. Она есть, которая описывает особливо вещи плачевные и любовныя жалобы. Элегия разделяется на *треническую* и *эротическую*. В тренической описываются печаль и несчастие, а в эротической любовь и все из нея воспоследования. Слог ея не долженствует быть подобен слогу, каков в эклоге, она несколько выше, но без дерзновения возносит свой голос.

§ 6.

Эпиграмматическая. В сей сколько приятности и красоты, столько и трудности, и так, что утверждать смеют, что в сем роде поэзии весьма редко случалось, чтоб кто из самых превосходных пиитов не имел себе затруднения от краткия ея важности и от окончательныя остроты, ибо она есть краткая поэма, из краткого предложения хитрое и острое заключение производящая. Материя ея есть та ж самая, которая и всея поэзии. Все, что внешними чувствиями и внутреннею понимается мыслию, веществом эпиграммы почитаемо быть может. Марциал из древних весьма в ней прославился, а от некоторого кесаря собственным себе Виргилием был за то почитаем. К ней принадлежат все надписи, также эпитафии, французские мадригалы и сонеты.

§ 7.

Дидактическая. Сия описывает некоторые наставления и предначертывает правила, касающиеся до вещей естественных, нравоучительных и художественных. Сею Эмпедокл описал пифагорическую физику; Лукреций — «Об естестве вещей» по Эпикурову мнению; Виргилий — четыре книги, названные «Георгическими», о земледелании; Гораций — «Науку о поэзии» и последовавший ему на французском языке Боало-Депрео, которую я по-нашему ныне сочинил стихами ж.

§ 8.

Сатирическая. Сатира приятным и насмехательным образом исправляет человеческие пороки. Материя ея токмо что глупцы, бездельники, плуты, моты, шалуны и подобные. Сатира долженствует быть жарка, кусающа и колюща. Говорит Боало, что охота к показанию себя, а не к вымышлению ложного ругательства изобрела сатиру. Сперва введена она в употребление у римлян Луцилием. Гораций, Персий и Ювенал славны ею на латинском языке, а на французском — Боало-Депрео.

§ 9.

Эпистоларная. Эпистола изображает все то в стихах пиитическим духом и образом, что пишется в письмах прозою от отсутствующих к отсутствующим. Находятся они дидактические, любовные, нравоучительные и похвальные. Сей род принадлежит к гексаметрам и к строфам. Гораций

и Овидий на латинском, а на французском Боало за образец в них служить могут.

§ 10.

Генетлиаческая. Есть поэма, рождением какия особы или днем рождения приветствующая. Материя сея поэмы есть радость о рождении, похвала фамилии, обстоятельства времени и места, знаки, бывшие прежде рождения и после. Заключается она желаниями или благополучною приметою, или поздравлением родителям. Примеры: у Виргилия эклога 4, у Проперция в кн. 3, элег. 10, у Стация — од. 7; может сочиняться гексаметрами и строфами.

§ 11.

Эпиталамическая. Есть поэма, брачным сочетанием поздравляющая. Материя сея поэмы — обстоятельства брака, древние и новые обыкновения, похвала сочетавшимся, благополучные прознаменования и сердечные желания, радость, притом и веселие. Примеры: у Катулла в кн. 1, поэм. 56, у Стация — «Силв.» кн. 1, поэм. 2, у Клавдиана — на Гонориев брак. Сей род как героический, так и лирический.

§ 12.

Апобатерическая. Сею поэмою прощаются отъезжающие в путь с остающимися на месте. Материя ея — причина и способ отшествия, печаль и сожаление разлучения ради, приношение желаний остающимся и прочие окрестности прощающихся. Пример у Овидия в кн. 1 «Печальных элег.», 3; может она быть и лирическая.

§ 13.

Эпибатерическая. Поэма, которою возвратившиеся из пути благодарят божеству, а отечество и другов поздравляют. Материя ея — радость о возвращении и о свидании в добром здравии с присными, также и прочие подобные обстоятельства. Примера мне нигде читать не случилось. Может сочиняться гексаметром и строфами.

§ 14.

Пропемптическая. Сею провождающие отъезжающим желания свои приносят. Материя сея поэмы — окрестности пути, наблюдение ветров и погод, приметы и сердечные засвидетельствования. Примеры: у Горация в кн. 1, од. 3, у Тибулла в кн. 1, элег. 3, у Стация — кн. 1, поэм. 2; может она быть и лирическая.

§ 15.

Синхаристическая. Инако сей род называется *эвфемический*. Сим поздравляют возвратившихся в отечество или прибывших гостей. Пример ей: у Клавдиана на Гонориево возвращение. Можно ее сочинять и строфами.

XIIII.

(*) больше въ немъ попадется хорошаго, нежели не подтверждаемаго: то что вамъ и о моемъ переводѣ останется говорить? Кто съ челомъ, тотъ съ язычкомъ! Но не изволте печалиться: я не столько щастливъ, чтобъ мнѣ могли найтися защитники, или чтобъ мои словесныя дѣла были во всемъ совершенны, и выше вашего осужденія: можете до нихъ дойти.

Впрочемъ, дабы очистить второй путь, ~~вашего порицанія~~, не блятово мой переводъ должествуетъ быть [illegible] недостаточнымъ, что я употребилъ пять хореическихъ пентаметровъ [illegible] при ямбическомъ [illegible] И поистиннѣ, я не тому стою въ моемъ мнѣніи, что всякая стопа сама въ себѣ ни благородна, ни нѣжна, но по рѣчамъ, каими она состоять имѣетъ, будетъ или нѣжна, или благородна, но еще и подтверждаю теперь оное слѣдующимъ, что не можетъ, кажи мнѣ, и всякому быть нечувствительно: ибо [illegible]

(*) Verum, ubi plura nitent in carmine, non ego paucis Offendar maculis... Horat. art. poet. v. 351.

Страница рукописи «Сочинений и переводов как стихами, так и прозою», статья «К читателю»
(СПбФАРАН. Разр. II. Оп. 1. № 78. Л. 12 об.)

50

Не презри моея гласъ Музы
Молчавшія премноги дни;
Расторгла нѣмоты днесь узы,
Ея Похвалъ не отреченни:
Хотя и недостойна Слуха;
Но чиста сердца Чести и Духа:
На искренность ея воззри,
На Долъжность и подданство;
Симъ щастливу, и безъ убранства,
ТОБОЮ щасну сотвори.

* * * * *
* * * *
* * *
* *
*

ОДА VI.

БЛАГОДАРСТВЕННАЯ

Монархиня велика!
Зерцало Героинь!
Не оныхъ общихъ лица:
Въ ТЕБѢ верьхъ благостынь.
ТЕБЯ Кимбалы стройно,
Гласятъ трубы достойно.
О Муза, въ сладость гласъ, по Лиры силѣ настрой,
ЕЛИСАВЕТЪ пѣснь благодаренія ...

* *
*

Страница рукописи «Сочинений и переводов как стихами, так и прозою»,
«Ода VI. Благодарственная»
(СПбФАРАН. Разр. II. Оп. 1. № 78. Л. 152 об.)

СОЧИНЕНІЯ

И

ПЕРЕВОДЫ

какъ

стїхами

такъ и

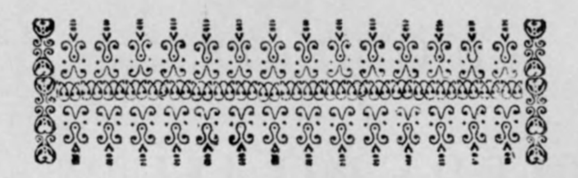
прозою

ВАСІЛЬЯ ТРЕДІАКОВСКАГО

ТОМЪ ПЕРВЫЙ

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ
При Імператорской Академіи Наукъ
1752 года.

Титульный лист первого тома издания
«Сочинений и переводов как стихами, так и прозою» (1752)



ОДА XVIII.

ПАРАФРАЗІСЪ ВТОРЫЯ ПѢСНИ МОІСЕЕВЫ

Вонми небо, и возглаголю.

Второзаконія Глава 32.

Вонми, о! Небо, и реку;
Земля да слышитъ устъ глаголы:
Какъ дождь я словомъ потеку;
И снидутъ, какъ роса къ цвѣтку,
Мои вѣщанія на долы.

* * *

Какъ туча падаетъ на злакъ;
Или какъ иней гдѣ на сѣно:
Господне Имя есть мнѣ въ знакъ,
То мыслей призвано не въ мракъ;
Славь БОГА всяко въ насъ колѣно.

* * *

БОГЪ

Страница первого тома
«Сочинений и переводов как стихами, так и прозою» (1752)

§ 16.

Эпиникическая. Торжественная есть поэма, коею пииты победителю неприятелей поздравляют. Пример сея поэмы у Овидия «От Понта» в кн. 2, элег. 1. Она есть и лирическая.

§ 17.

Сотерическая. Есть поэма, приветствующая свобождением от тяжкия болезни. Пример сея у Стация в кн. 1, поэм. 4. Она составляется и строфами.

§ 18.

Эпидиктическая, или *Панегирическая*. Сею поэмою честные добродетели и славные действия похваляются. Пример ей, почитай, весь Клавдиан. Она есть как героическая, так и лирическая.

§ 19.

Эвхаристическая. Есть поэма, которою благодарение за благодеяние приносится. Примеры ея: у Виргилия эклога 1, у Горация — кн. 1, од. 10, 21, 26, 36; кн. 3, од. 3, 22 и кн. 4, од. 9; она есть и лирическая, и героическая.

§ 20.

Эоническая. Сею по прошествии каждого века проповедуем и описываем знатные приключения, бывшие чрез все то время; благодарим Хранителю Богу; похваляем защитников и благодетелей. Пример сея поэмы: у Горация в «Эподах» ода последняя. У Катулла кн. 1, поэм. 33. Есть она лирическая и героическая.

§ 21.

Схоластическая, или *Симпосиастическая*. Описывается, возносится и прославляется ею великолепный пир. Примера мне нигде видать стихами не случилось, кроме сатирического Горациева и Боало-Депреова. Может она быть и лирическая, и героическая.

§ 22.

Просевтическая. Есть поэма, которою или о чем-нибудь Бога молим, или Ему какие обеты творим, или чего у высочайших лиц просим. Может она сочиняема быть и гексаметрами, и строфами. Пример ея у Сарбиевия в кн. 20, который весь весьма достоин есть чтения.

§ 23.

Апологетическая. Сия бывает повествованием разговаривающих между собою зверей и бездушных тварей ради исправления человеческих нравов, искоренения и обличения злонравных. Примеры сих поэм у Федра, который Эзоповы фабулы изобразил ямбическим сенарием. На нашем языке могут сии басенки сочиняться всяким родом стихов, но мнится, что им быть строфами не весьма прилично.

§ 24.

ПАРНАС. ФЕБ. МУЗЫ. ИХ ИМЕНА И ДОЛЖНОСТИ

С АВЗОНИЕВЫХ ГЕКСАМЕТРОВ ТЕТРАМЕТРАМИ

Клиа точны бытия
В память предает, поя.
Мелпомена восклицает
И в трагедии рыдает.
Талиа, да будет прав,
Осмехает в людях нрав.
Пажить, равно жатву серпа
Во свирель гласит *Эвтерпа*.
Гуслей *Терпсихора* звук
Соглашает разный вдруг.
Эрата смычком, ногами
Скачет, также и стихами.
Урания звезд предел
Знает свойство и раздел.
Каллиопа всех трубою
Чтит героев всезлатою.
Упражняясь наконец
В преклонении сердец,
Полигимниа нарядно
И вещает все изрядно.
Движет превыспренний ум
Муз сих, купно оных шум:
Посредине *Феб* сам внемлет,
А собою все объемлет.

§ 25. Заключение.

Краткое сие руководство, но, по моему мнению, весьма есть довольное к изъяснению всего способа в составлении наших стихов, для того что оно полное. Нет ничего, что до того касается, которое опущено б было: все представлено и самым ясным, по возможности, образом истолковано. Всяк искусный видит, что сей способ к сложению наших стихов есть тот же самый, который был издан в 1735 годе; но дополненный и исправленный ныне. От некоторого времени слух носится, что будто охотники жалуются на наше стихотворение, именно ж для того, что оно разнящееся так, что

они не знают, чему последовать и на чем утвердиться. Может быть, жалуются они на разность нашего нынешнего стихотворения по сей причине, что в прямых и существенных наших стихах видят они ныне при хорее и стопу ямб, а тогдашний мой «Способ» представлял токмо хорея; видят и сочетание стихов, но первый мой «Способ» токмо что об нем упомянул, дав ему то имя, а в действо в одних песенках произвел; видят, наконец, и во всех малых стихах стопы, коих по оному моему «Способу» не было в оных. Признаваюсь искренно, сим тогдашний мой «Способ» был недостаточен, чего ради в сем весь оный недостаток дополнен и исправлен. Впрочем, да не мнят охотники, что сей «Способ» есть разный от первого, ибо на том же тоническом количестве слогов, что есть душа и жизнь всего нашего стихотворения, есть основан. Хотя хорей, хотя ямб, хотя дактиль или анапест употребится в дело, но во всех сих стопах тот есть слог долгий, на который сила бьет. Да предпочитается ямб, понеже в некоторых такое есть благоволение, однако и ямб утверждается во всех наших нынешних стихах, на моем количестве слогов, как то видно в стихотворческих сочинениях, на свет изданных, и как предложено мною в сем «Способе». Правда, весь сей «Способ» составлен как не теми словами (выключая технические звания), кои были в первом, так и не таким порядком, но грунт и основание есть все то ж, и затем и он сам весь тот же, да только, повторяю, дополненный и исправленный. Мню, что позволено всякому свое пересматривать, дополнять, исправлять и в совершеннейшем виде выдавать обществу.

МНЕНИЕ О НАЧАЛЕ ПОЭЗИИ И СТИХОВ ВООБЩЕ

Как живописная картина, так поэзия: она есть словесное изображение. Преизрядно после Горация уподобляется поэзия живописи; но стих я уподобляю краске, употребленной на живопись. Что изображено краскою весьма есть различно от нея, равно и поэзия, всеконечно, есть не стих: сей есть, как краска, а поэзия, как изображенное ею. Чего ради некто Эризий Путеанский написал основательно: «Иное быть пиитом, а иное стихи слагать».

Но много есть мнений о первоначалии поэзии, а о начале стиха, почитай, нет ни единого, ибо многие, пишучи о первоначалии поэзии, иногда сливали ее с стихами. Наш язык весьма сему подвержен, когда поэзию называет с т и х о т в о р е н и е м, хотя, впрочем, прямое понятие о поэзии есть не то, чтоб стихи составлять, но чтоб т в о р и т ь, в ы м ы ш л я т ь и п о д р а ж а т ь. Творение есть расположение вещей после оных избрания; вымышление есть изобретение возможностей, то есть не такое представление деяний, каковы они сами в себе, но как они быть могут или долженствуют; а подражание есть следование во всем естеству описанием вещей и дел по вероятности и подобию правде. Всяк видит; что стих есть все не то; творение, вымышление и подражание есть душа и жизнь поэмы, но стих есть язык оныя. Поэзия есть внутреннее в тех трех, а стих токмо наружное. Можно творить, вымышлять и подражать прозою и можно представлять истинные действия стихами. Первое сделал Иоанн Барклаий в своей «Аргениде» и Фенелон в «Телемаке», а другое — Лукан в описании «Фарсалическия брани», посему первые оба — пииты, хотя и прозою писали, но последний есть токмо стихотворец, даром что он пел стихами. Сие разумение есть Аристотелево, он в своей «Поэзии», переведенной

Александром Павийским, в главе 7 определяет: «Стих и проза не различают историка с пиитом, ибо хотя Геродотова история и стихами будет сочинена, однако она всегда будет, как и прежде, историею. Но сим они между собою разнятся, что историк деяния, как были, а пиит, как оные быть могли, предлагает».

От сего, что пиит есть творитель, вымыслитель и подражатель, не заключается, чтоб он был лживец. Ложь есть слово против разума и совести, то есть когда или разум прямо не знает, так ли есть то, что язык говорит, или когда совесть точно известна, что то не так, как уста блядословят. Но пиитическое вымышление бывает по разуму, то есть как вещь могла быть или долженствовала. Пиит также есть и не мастеровый человек: всякий художник делает разным способом от пиита. Творить попиитически есть подражать подобием вещей возможных истинных образу. Но другие художества рукомесленные так дела свои представляют, как они прямо и действительно в естестве находятся или в каком состоянии находились. «Возможность пиитическая есть возможность философская, разумом доказываемая; но возможность художническая есть возможность, равно как историческая, коя повествуется, а от художников, будто как истинным повествованием, механически производится и истинно представляется». Впрочем, пииты называются еще и прорицателями. Древние предали, что они о будущем предвозвещали, бывши наполнены иногда божественным духом.

Итак, нет сомнения, что иное есть поэзия, а иное совсем стихосложение. Но той и другому было между человеками начало. Видно по всему, что поэзия родилась с человеками или в некоторых влита свыше по мере их сил. Чего ради Цицерон в слове «За Архия-пиита» утверждает, говоря, «что пиит от самого естества силу себе получает, действием ума возбуждается и как некоторым божественным одушевляется духом»; ибо каждый как животное разумное может творить, вымышлять и подражать, все ж то иной способнее, а иной не столько. Но видно и сие, что стих есть человеческое изобретение в различие обыкновенному их слову. К сему могли найтись многие побуждения, а между прочими и отмена от всех прочих вещания. Посмотрим для сего, какое приписывают первоначалие поэзии и какому ему быть по правде должно, дабы увидеть, кто есть начало стиху, то есть какому состоянию и чину человеков приличнее было восхотеть отменить себя словом от прочих.

В баснословии приписывается изобретение поэзии Аполлину, после как он убил змия Питона вскоре по Девкалионовом потопе. Мнение сие весьма темно, а хотя оно и полагает изобретенную поэзию в отдаленной древности,

однако после потопа. Но поэзия, всеконечно, была прежде, как то мы увидим ниже. Некоторые отдают сие изобретение Делфическому его ответу. А понеже ответ сей произносим был устами жрицыными и стихами, то сие может токмо разуметься о соединенной поэзии с стихами, а не об одной поэзии. Впрочем, не токмо поэзия, но и стихи старее ответов: ответы начались уже по большой части тогда, когда человеки начали жить в обществе.

Полагается еще изобретателем поэзии Бакхус, для того что он давал ответы прежде еще Аполлина. Посему и сие разуметь должно больше о стихах с поэзиею. Отдается сия честь изобретения и египетскому Озириду. Но сей Озирид многими приемлется, особливо ж из християн Евсевием, а из язычников Диодором Сицилийским, за греческого Феба, или Аполлина, и потому, что говорено об оном греческом божке в рассуждении сего, то самое должно разуметь и о сем египетском. Повествуют, что поэзию изобрел некто Македонянин именем Пиерид и оной дочерей своих обучил, а за сие отцом назван Муз, называемых от его имени Пиеридскими, или Пиеридовнами. Но кто он, о сем точно не известно. Может быть, что он токмо в большее употребление ввел поэзию в Македонии и воспевал с дочерьми своими, ходя по улицам, какие-нибудь песни, сочиненные стихами, наподобие французских водевилей, а для того не можно сего инако разуметь, как токмо о соединенной же уже поэзии с стихами. Орфей и Амфион, из которых первый уставоположник и священноначальник Фракийский, а другой Тебанского города создатель, равным же образом изобретателями почитаются поэзии, ибо по песням одного тигры и свирепые звери плясали, другого ж по сладости гласа сами камни на стены всходили и клали себя порядочно. Сие значит, что они оба живущих по лесам людей собрали в едино, уговоривши красноречием, умягчили дикие их нравы наставлениями и просветили разум, да и ввели порядочное сожитие уставами. Однако больше сие принадлежать может до стихов при поэзии, которыя начало еще долженствует быть отдаленнейшее.

Мудрые люди начало поэзии сводят с неба, утверждая, что она влита в человеческие разумы от Бога, как то я дал знать выше, а сие и всеконечно есть праведно. Чего ради Энний и называет пиитов с в я т ы м и, по свидетельству Цицеронову в слове «За Архия-Пиита». Та ж причина, что и Овидий признавает некоторое вдохновение свыше в пиитов, говоря в шестой своей книге «О фастах»: «Есть бог в нас, и его движением мы воспламеняемся: устремление сие имеет семена святого ума». По силе сего, древние нам предали, что поэзия была священнейшею и первейшею философиею, которая с начала веков образу жития научала, путь показывала к добродетелям и провождала по нем, а особливо прославляла бога и его

величие и свойства. Основательно Платон написал в третией своей книге об уставах, говоря: «Род пиитов есть божественный». Также и Блаженный Августин написанное негде оставил: «Первые пииты теологами названы, для того что они многое о бессмертном боге воспевали». Сим же, почитай, самым образом и упомянутый Платон в «Федре» утверждает еще: «Пииты, божеским благодеянием поданные, многую пользу грекам принесли». Так и на другом месте Овидий еще ж говорит: «Мы священными пиитами и божеским попечением именуемся». Так и Лукан восклицает: «О! Священный и великий всех пиитов труд». И поистине нет труда, который бы большею ума силою и сильнейшим духа напряжением и стремительством был производим, коль оные высокие пиитов размышления!

Хотя ж и все сие есть бесспорно, однако все сие полагает поэзию по изобретении ея, употребленную уже в дело и с стихами соединенную. Праведно утверждается, что она влита в человеческие разумы от Бога. Но кто первый из человеков ощутил в себе такую способность и начал *творить, вымышлять и подражать* естеству? Для сего надобно взойти до первых человеков. Священное Писание в книге «Бытия», в гл. 4, стих 21, предызъявляет, что Иувал, меньший брат Иовила, начавшего жить в кибитках и упражняться в пастушеской должности прежде потопа и немного после создания света, есть показатель певницы и гуслей. Чего ж больше? Сей есть точно первый из человеков, который ощутил в себе оное божеское движение в разуме. Сей есть самый первый пиит и первый музыкант. Певница тропологически означает песнь (ибо мнится, что без нужды б священный писатель одну мусикию изобразил двумя инструментами) и, следовательно, поэзию, а гусли — мусикию. Надобно ему было сперва петь какую-нибудь материю, надобно, чтоб сия материя имела начало, средину и конец; надобно, чтоб все сие сходствовало с тем, что его окружало, то есть надобно ему было *творить, вымышлять и подражать* так и столько, как и сколько он что знал, видел и понимал. Невероятно, чтоб сия его поэзия была сперва стихами: первая мысль обыкновенно приводит к подобной другой, поемая ж материя (ибо поэзия его природно долженствовала состоять в песенках) прямо могла его довесть до исправнейшия мусикии, а не до состава стиха: сладость, какова могла быть в начале мусикии, могла подать мысль после о сладости речи, о которой, чтоб дать ей оное совершенство, надобно было долго еще размышлять; но с него довольно быть могло *творения, вымышления и подражания*, поемого, а притом еще и приигрывания на гуслях. Итак, пел он первый творение свое, вымышление и подражание, да еще иногда соглашал свое пение и с гуслями.

Некоторые его товарыщи и сверстники, такие ж пастухи стад, как и он (ибо без сомнения, жизнь его подобна жизни, заведенной от большего брата), начали у него перенимать и ему в том следовать. Вот же поэзия и мусикия, от пастуха к пастуху переходя, дошла и до Ноя, и до Ноевых детей. Потом мир весь потоплен, но не весь род человеческий. После потопа первая жизнь была равно ж пастушеская, первые пастухи возобновили преданную от Иувала поэзию и мусикию, не стараясь еще усладить свою речь стихами, которые не могли им вдруг прийти на мысль. Между тем умножаются человеки, удаляются по столпотворении друг от друга, расходятся по лицу земли, иные забывают Сотворшего и вместо Его тварям покланяются, а чрез то род человеческий стал состоять из двух поклонников: из верующих и язычников; но все пастушеския жизни не отлагают и долго еще не отложили. Итак, поэзия и по Потопе осталась при пастухах как некоторое наследие, ибо они ее изобретатели и распространители.

Того ради правильно говорит господин де Фонтенель в красной своей речи о натуре эклоги: «Пастушеская поэзия есть древнейшая из всех поэзий, для того что пастушеское состояние есть старее всех состояний. Весьма вероятно, — продолжает он, — что первые пастухи вздумали в спокойствии своем и в праздности петь увеселения свои и любовь, да и вводили они по пристойности часто в те песни стада свои, леса, источники и все вещи, кои знакомее им были». Итак, распространение поэзии сделалось от пастухов разных племен, а самое начало произошло от Иувала, Ламехова сына, пастуха ж. Сия есть и причина, что Евсевий Памфилов в II книге о «Предуготовлении Евангельском» утверждает, говоря, что, «как все прочие преизящные науки и знания от евреев, так и сия благороднейшая от них же проистекла и, до нынешнего времени, отчасу большее получая совершенство, достигла». По сему Евсевиеву месту можно ясняе видеть истину сказанного Ролленем в предисловии на всю «Древнюю» свою «историю» на странице III, где он говорит следующее моим переводом: «Узнаваем по ней (по истории), следуя за теми (за науками) повсюду, их начало и приращение и видим с удивлением, что чем больше приближаемся к местам, где Ноевы дети жили, то больше находятся науки и знания в совершенстве, а напротив того, оные кажутся быть забыты или презрены у тех народов, которые от них были в большем отдалении, так что когда надобно стало их возобновлять, то надлежало восходить к их источнику, из которого оные проистекли».

Нашедши прямое начало поэзии, поищем теперь вероятного, буде не достоверного, начала стиху, дабы сей соединить с оною. Много уже людей скитается с места на место по степям. Житие их еще особенное: в каждой

фамилии главным есть отец, он ей царь, священник и учитель. Но одна фамилия была многолюднее другой и, следовательно, сильняе. Итак, сильнейший истреблял без всякия опасности бессильного, ежели в том состояла его польза. Разумнейшие увидели, что то смертоносный вред: надобно стало всех в округе фамилий соединить пользу и для того оные совокупить в едино общество. Но надобно было всех преклонить прежде к оставлению особенного пребывания, показав им знатнейшую пользу в общем сожитии. Уговаривание сие не могло быть без слова и слова еще такова, которое было б совокупно и сильно, и сладостно. Силу слову могла подать изобретенная уже поэзия; но сладость не могла быть в слове без некоторого различия. Весьма вероятно, что сия нужда первым оным политикам дала случай к различению в речениях долгих и кратких слогов, меряющихся временем при их ударении (которому невозможно было с самого начала вещания не быть, ибо невозможно ни слога токмо выговорить без напряжения голоса) возвышением звона, а чрез то к некоторому немерному роду стиха. Такая речи сладость, неслыханная еще по то время, могла чувствительнее поразить человеческие сердца толь наипаче, что она соединена с твердостию доказательств, именно ж с поэзиею, для того что бесспорно она есть самая первая человеческая София, то есть мудрость. Итак, я полагаю, что первый опыт стихов сделали первейшие мудрецы и уставоположники. Сей опыт не мог быть сперва-самого во всем своем совершенстве, надобно было время к приведению того в крайнюю исправность: первая мысль, приводя к подобной, делает во второй премены или исправлением, или прибавлением, или уменьшением.

Однако общества уже начались, наступили и обывателям, то есть членам общества, другие обстоятельства. Городы повсюду застроены и построены. Сделались и пространные и сильные области. Разность как преимуществ, так достоинств и состояний завелась и утвердилась. Между сими некоторое непосредственное по верховной власти, а часто и соединенное с нею пред всеми прочими предшествовать начало: сие есть священническое. Должность сего была чина молить Бога о благосостоянии, призывать Его в помощь, славословить величие Его, умилостивлять Его жертвами, благодарить Ему за благодеяния и наставлять народ о достодолжном к Нему почтении. Таких особ не могли люди не почитать мудрейшими прочих. Все в них было отменное от других: житие, поступка, одеяние; в собраниях место, почтение, сила; превеликое во всех мнение об их просвещении разума и, следовательно, крайняя им от тех поверенность. При толикой им чести, отмене и мнении об них надлежало им всячески стараться, чтоб не токмо не дать причины к умалению себе того, но и отчасу более подавать

случай к умножению оного или по крайней мере к содержанию всего на одной безвредно степени. Отменяли они и сами себя всем обхождением от прочих, чтоб стоять всегда твердо на оной. Вероятно и почти достоверно, чтоб восхотеть им себя отличить от множества и словом. С одной стороны, величество провозвещаемого и произносимого ими невидимого существа (а сие как в истинном, так и в ложном богочтении, для того что и идолопоклонники отдавали честь божеству под видом и именем многих божеств, не смысля, что многобожие есть совершенное безбожие), а с другой, и собственное честолюбие, как то невозможно, чтоб того в них не было, а оно всегда зрит и почитает себя быть лучше прочих, ибо самомнительное — приводили их к тому. Ведома уже поэзия, коя весьма способна прославлять и показывать великость, но слово ея высотою токмо отменно от обыкновенного. При высоте надобна и нежная сладость, чтоб не токмо поражать, но и внедряться во внутренность сердец. К сей путь показан от первейших законоположников чрез различение в словах долгих и кратких слогов. Изрядный и действительный способ, но не совершенный. Чего ж тут недоставало? Повторения по известным местам оных долгих и кратких совокупно слогов и сему повторению определенныя меры, коя долженствовала быть средственная по равномерности человеческого духа, дабы выразнее произносить всякий состав речи и чрез то действительнее возбуждать человеческие сердца и наставлять разумы.

Мнится, что не было другия причины к изобретению стихов, названных тогда или потом гексаметрами, пентаметрами, тетраметрами, триметрами и диметрами, смотря по различию материй, произносимых или поемых, и к изобретению тех не другим кому, но токмо и точно священствующим.*

---

* Сие равным образом я разумею и о наших самых первоначальных стихах; вероятно по всему, что и наши поганские жрецы были первыми у нас стихотворцами. И хотя нет ни одного оставшегося у нас образчика языческия нашея поэзии, однако видно и ныне по мужицким песням, что древнейшие стихи наши, бывшие в употреблении у жрецов наших, состояли стопами, были без рифм и имели тоническое количество слогов, да и односложные слова почитались по вольности общими. Стопы по большой части в них или хорей, или хорей с дактилем, или один дактиль, также ямб, или ямб с анапестом, или один же анапест, а по вольности за хорея и ямба полагается стопа пиррихий. Прошу читателя не зазрить меня и извинить, что сообщаю здесь несколько отрывченков от наших подлых, но коренных стихов: делаю я сие токмо в показание примера.

Хорей:

Отста|вала | лебедь | бела|я
Как от | ста́да | лебе|дино|ва.

Хорей с дактилем:

У ко|лодезя | у сту|денова
Доброй | молодец | сам ко|ня поил,
Красна | де́вица | воду | черпала.

Вот же приданы к высоте поэзии и совершенная сладость и красота, то есть количество слогов и мера, ограниченная стопами. Начала поэзия стихом уже быть предлагаема или воспеваема. Умножены празднования, умножены служения; умножены и песни. Прославилась вяще стиховная поэзия: большее к ней прилежание отчасу прилагается. Ею превозносится божество, ею прорицается истинно от правых, ложно от льстецов; ею преподаются наставления о добродетельном житии, ею и законы предначертаются — словом, все самое важное и превеликое ею объемлется, пока наконец по многих веках употребили уже ее и на мирские многие потребности, отвративши от первого установления. Сим образом соединенную поэзию с стихами, то есть начало стиховныя поэзии, преизрядно описывает Роллень, в самом начале второго на десять тома «Древния» своея «истории». Я рассудил за благо все оное его описание внесть сюда и тем окончить сие сочинение. Уповаю, что оно не неприятно будет читателям как нежное, высокое и праведное.

«Сие достоверно, — говорит он, — когда рассуждается о поэзии в чистоте первого ея установления, что найдена она сперва на засвидетельствование Божественному Величеству всеобщего почтения поклонением и благодарением и притом в научение человеков самым важным истинам в законном богочтении. Сия наука, которая кажется ныне оскверненная светским употреблением, родилась посредине празднований, учрежденных в честь высочайшему Существу. В сии торжественные дни (в кои евреи прославляли память чудес, проявленных Богом Израилевым в их пользу, и в которые, будучи свободны от своих трудов, попускались они в непорочное и необходимое веселие) все гремело священными песньми, которых слог благородный, высокий и величественный сходствовал с величием

Дактиль:

Я́рка не | я́рка, ба|ран не ба|ран,
Стара о|вечка не | я́рино|чка.

Ямб:

Дале́|че, ох | дале́|че во́ | чисто́м | поле
Не трав|ка, не | мурав|ка за́|шата|лася.

Ямб с анапестом:

Не шуми, | мати́ | зеле́|на дубро|ва
Не мешай | цвести | лазо|реву цве|ту.

Анапест:

Ой ты по́|люшко по́|люшко чи|стое,
Ничево | мне ты, по|ле, не ро́|дило,
Ох ты ро́|дило толь|ко роки́|тов куст.

Бога, прославляемого оными. Неисчетное множество живых красот и одушевленных в сих божественных песнях! Реки возвращаются вспять к своим истокам; моря расступаются и убегают, холмы скачут; горы тают, как воск, и исчезают, небо и земля, слушая, внушают с почтением и в молчании — все естество приходит в движение и колеблется от лица своего Зиждителя.

И как простой человеческий глас не мог снесть бремя толь дивных чудес и казался народу преизлишно слабым к изъявлению сильнейшим образом чувствий благодарения и поклонения, коих он был преисполнен, то он призывал в свою помощь гремящий звук тимпанов, труб и других мусикийских орудий. Вступая еще в некоторый род восторга и восхищения законного, восхотел он, чтоб и тело восприяло участие в святом веселии души устремленными, но сличными движениями, дабы в человеке все отдавало почтение божеству. Сии были начала мусикии, плясанию и поэзии.

Кой человек, одаренный знанием силы в вещах, хотя б он и не был исполнен почтения к Священным книгам и читал бы Моисеевы песни равно так, как Пиндаровы оды, не будет принужден признаться, что Моисей, ведомый нам как первый законодавец в свете, есть совокупно и высочайший из пиитов? В писаниях его начинающаяся поэзия* является вдруг совершенная, для того что сам Бог оную в него вдыхает, ибо что необходимость к достижению совершенства по степеням есть способ, соединенный с художествами, изобретенными от человеков. Пророки и Псалмы представляют пред нас еще подобные ж образцы, в них блещет своим величественным сиянием оная существенная поэзия, возбуждающая благополучные страсти, умиляющая сердца, а не прельщающая, угождающая нам, а не благоприятствующая нашим слабостям, пригвождающая нас, но не забавляющая сказаниями беспутными и смешными, подающая наставление без отвращения от себя, приводящая нас в познание Бога, но не представляющая Его изображениями, не достойными божества, удивляющая нас всегда, но не водящая между пустыми чудесностями. Будучи приятна и всегда полезна, благородна смелыми своими изглашениями, живыми начертаниями, а больше еще проповедуемою и возвещаемою истиною, она одна достойна именоваться Божиим языком.

---

* Сие может разуметься так, что начиналась тогда соединенная с стихами поэзия у исшедшего из Египта еврейского народа; но у египтян уж быть ей надлежало, хотя мы и не знаем в отдаленной и преглубокой сей древности их пиитов, ибо уже у них были городы, области, закон и, следовательно, законники, которые долженствовали по тогдашнему употреблять поэзию. Сам Бог дал славное засвидетельствование в Деяниях, в главе 7, стих 22, что Моисей изучен был всей премудрости египетской, следовательно, и поэзии как первенствующей тогда философии и богословии, которую он употребил толь достолепно между свободившимися евреями от ига на прославление Свободителя их, то есть Единого Всемогущего Бога.

Когда ж человеки пренесли на твари почтение, должное токмо Творцу; тогда и поэзия следовала за участию закона, однако всегда храня следы первого своего начала. Употребили ее в начатии на возблагодарение ложным богам за их мнимые благодеяния и на испрошение от них новых. Правда, определили ее вскоре на другие употребления, однако ж во всякое время старались прилежно возвращать ее к первому оныя пределу.

Гезиод составил стихами родословие богов, некто из весьма древних пиитов сочинил гимны, кои обыкновенно приписываются Гомеру, Каллимах потом изложил подобные ж. Самые сочинения, которые обращались в других материях, вели и совершили приключения помощию и споспешеством божественных сил. Они научали человеков почитать богов за производителей всего, что случается в естестве. Гомер и другие пииты представляют нам их повсюду как одних таких, кои имеют власть над нашею участию. Они у них возносят и понижают мужество, даруют и отъемлют благоразумие, посылают победу и насылают разбитие. Ничего не делается великого и героического без вспомоществования тайного или видимого от некоторого божества. А из всех правд, предвозвещаемых нам, сия следующая представляется чаще и утверждается с бо́льшим тщанием, именно ж, что храбрость и мудрость бессильны сами по себе без помощи от провидения Божиего.

Едино из главных намерений поэзии, и которое было как природное воспоследование от первого, состояло также и в том, чтоб исправлять нравы. Что ж бы о сем удостовериться, то должно токмо взирать на собственный предел в каждом роде поэм и на общественные действия пиитов самых славных. Эпическая поэма намерилась с самого начала подавать нам наставления, прикрытые аллегориею важного и героического действия. Ода — прославлять деяния великих людей и чрез то привлещи всех других к подражанию оным. Трагедия — вдохнуть в нас ужас от злодеяния смертоносными воспоследованиями, кои происходят от оного, а почтение к добродетели праведными ей похвалами и воздаяниями, которые за нею следуют. Комедия и сатира — исправить нас, забавляя, и воевать непримирительно на пороки и на все, что смеха достойно. Элегия — проливать слезы на гробе особ, заслуживших сожаление. Эклога — воспевать беззлобие и увеселения поселянского и пастушеского жития. Что ж, хотя по прошествии времен и употреблены сии роды поэм на другое, однако сие есть верно и известно, что оные отвращены от природного им предела и что с самого начала все они шли к одной цели, а именно, чтоб сделать человеков лучшими».

ПИСЬМО К ПРИЯТЕЛЮ О НЫНЕШНЕЙ ПОЛЬЗЕ ГРАЖДАНСТВУ ОТ ПОЭЗИИ

Государь мой!

Давно уже Вам, уповаю, известно, что употребление стихов и стихотворения весьма отдаленныя и преглубокия есть древности, что важная их должность в тогдашнем человеческом обществе заслужила им у всех высокое почтение и что народам, кои наилучший успех пред прочими в них имели, приобрели они крайнее прославление. Подлинно, отменным сим родом красноречия Древность описывала храбрые и славные дела великих людей, наставляла к добродетели и человеческие исправляла нравы, философические предлагала догматы, полагала уставы к получению от правосудия как истинного благополучия, так и спокойного сожития, записывала прошедшие бытия и достопамятные приключения, утверждала тайны, ныне смеха и мерзости достойные, тогда ж благоговейного страха и крайния чести удостоявшиеся языческия мнимыя богословии, а в еврейском народе и самому истинному Богу молитвы приносила, благодарения воздавала, честь воссылала, славу и должные хвалы вописывала.

Сия многодельная должность стихов в древности и получаемая тогда от них несказанная польза были б и в наши времена равныя важности и толикого ж почтения, ежели б ныне не отняты у поэзии были все оные толь высокие преимущества. Наши веки, довольствуясь другим родом краснословия, все то описывают, записывают, уставляют, утверждают, прославляют и украшают речию, данною нам с самого начала нашего выговора, именно ж прозою; а стихам отдали токмо оды, трагедии, комедии, сатиры, элегии, эклоги, басни, песенки, краткие эпиграммы и кратчайшие тех при эмблемах леммы. Ясно Вам видеть можно, государь мой, что прежде стихи

были нужное и полезное дело, а ныне утешная и веселая забава, да к тому ж плод богатого мечтания к заслужению не того вещественного награждения, которое есть нужно к препровождению жизни, но такого воздаяния, кое часто есть пустая и скоро забываемая похвала и слава.

Правда, и ныне еще в самых политичных народах знатные деяния прославившихся монархов и полководцев описывают стихами, а род сей стихотворения называется эпическим и героическим. Сие самое есть сильным побуждением к описанию жития, дел, глубокого и острого ума, добродетельных нравов и христианских добродетелей несравненного в древности и ныне, преселенного от нас по неиспытанным судьбам, но с несказанною и неутешною нашею горестию в небо у блаженного нашего автократора и императора Петра, словом, делом, сердцем и умом великого, для бессмертныя его памяти; но понеже проза великую уже получила силу, власть и честь, то чаятельно, что и сие толь важное дело возьмет на себя история.

И как Вы, государь мой, изволите меня всеприятным Вашим спрашивать, какая ж бы ныне была уже в поэзии и в стихах нужда, когда все-на-все исправляется прозою? То имею честь Вам на сие донести прямо, как обстоятельства времен советуют (оставляя уже, что святой Иоанн Дамаскин и многие из богодухновенных отцов, последовавших ему, показали, коликия важности и ныне стихи в православной церкви, для того что, как Вам самим ведомо, на нашем языке и то все, что от них составлено стихословными мерами, прозою поется и чтется), что нет поистине ни самыя большия в них нужды, ни от них всемерно знатныя пользы. Однако и при том утверждаю, что они надобны и надобны постольку между науками украшающими разум и слово, поскольку между отгоняющими всякую воздушную обиду или, правее, между защищающими от оныя поселянскими хижинами покойные, красные и великолепные знаменитых и пресловутых городов палаты, или уже потолику между учениями словесными надобны стихи, поколику фрукты и конфекты на богатый стол по твердых кушаниях. Много есть наук и знаний, «правилами состоящих и доказательствами утверждаемых», из которых иные просвещают ум, иные исправляют сердце, иные всему телу здравие подают, а иные украшают разум, увеселяют око, утешают слух, вкус услаждают. Первые гражданству чрез познание спасительныя истины, чрез изобретение потребных вещей, чрез употребление оных благовременно, чрез действие добродетелей, чрез приятность благонравия, чрез твердость искусства крайнюю приносят пользу; но другие граждан, упразднившихся на время от дел и желающих несколько спокойствия к возобновлению изнуренных сил для плодоносящих трудов,

чрез борьбу остроумных вымыслов, чрез искусное совокупление и положение цветов и красок, чрез удивительное согласие струн, звуков и пения, чрез вкусное смешение растворением разных соков и плодов к веселию, которое толь полезно есть здравию, возбуждают и на дела потом ободряют. Нет труда, чтоб предприемлем был не для какия пользы, но нет и краткия праздности, которая отвращалась бы от спокойствия и утехи. Итак, в какой бы Вы класс, из всех наук и знаний ни положили поэзию, везде найдете ее, что она не без потребности и ныне. Все что ни есть доброе, большую или не весьма великую приносящее пользу и приводящее в славу, знать и уметь по всему есть похвально, а часто и прибыточно.

Я из глубины сердца желаю, чтоб, хотя ныне сия не весьма и всеконечно надобная, но целые народы громко и прочно, да и больше, может быть, нежели все иное, и едва ль меньше, коль и пальма, полученная за доблественные деяния, воспеваемые ею в роды, прославляющая наука здесь процвела и эпическою доброгласною трубою, как цветет уже некоторых струн звоном; а с другой стороны, отнюдь не советую Вам, как то знаю Вашу склонность, чтоб стихам быть только и делом единственно Вашим или б они приносили препону чему-нибудь важнейшему. При отдохновении Вашем от порученных Вам попечений о твердейшем и плодоноснейшем да будут они токмо честною забавою; ни лучше, по моему мнению, ни похвальнее еще и ни безвреднее время Ваше препроводить Вы не возможете. Сим образом и гуляние Ваше будет иногда обществу полезно. Впрочем, остаюсь с надлежащим почтением,

Ваш государя моего покорный слуга В. Т.

НЕСКОЛЬКО ЭЗОПОВЫХ БАСЕНОК, ДЛЯ ОПЫТКА ГЕКСАМЕТРАМИ ЯМБИЧЕСКИМИ И ХОРЕИЧЕСКИМИ СОСТАВЛЕННЫХ

Басенка I
ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖИНА

Петух взбег на навоз а, рыть начав тот вскоре,
Жемчужины вот он дорылся в оном соре.
Увидевши ее: «Что нужды, — говорит, —
Мне в этом дорогом, что глаз теперь мой зрит?
Желал бы лучше я найти зерно пшеницы,
Которую клюем дворовые мы птицы.
К тому ж мне на себе сей вещи не носить,
Да и не может та собой меня красить.
Итак, другим она пусть кажется любезна,
Но мне, хоть и блестит, нимало не полезна».

Басенка II
МУХА И МУРАВЕЙ

Думаючи много Муха о себе сама
И притом же зная, что она есть не нема,
Начала уничтожать Муравья словами,
А себя превозносить пышными речами.
«Посмотри, сколь подлость, — говорила та ему, —
Есть твоя велика: слово в слово, как в тюрьму,
По́д-землю ты заключен жить бы там в домишке,
Да и ползаешь всегда только по землишке,
Ищущи с прекрайним пропитания трудом,

Силишкам же слабым с неминуемым вредом.
Но что до меня, то вверх крыльями взлетаю
И за царским я столом многажды бываю,
Из златых сосудов и серебряных тож пью,
Сладко ем, гуляю по порфире, по белью,
А к тому ж прекрасных лиц я целую щечки
И сажусь потом цветков к ним же на пучечки».
Дмящейся тем Мухе отвечает Муравей:
«Должно то прибавить к роскоши еще твоей,
Что бездельничество всем есть твое известно,
Ненавистно всем оно, от него всем тесно,
Что бичи готовят и отраву на тебя
И что счастье мнимо, ведай, матка, про себя,
Полгода твое то все только пребывает,
А зимою и с тобой бедно погибает.
Но я не чрез силу летом для того тружусь,
Что зимой в покое ни о чем уж не крушусь».

Басенка III
ЛИСИЦА В БОЛВАНЩИКОВОМ САРАЕ

В болванщиков сарай Лисица забежала,
Там много статуй зря, с веселия скакала.
Меж прочими одну всех лучшею нашла,
Та женским видом вся сработана была.
Лисица ближе к сей нарочно приступила,
С ней ласковы слова в учтивости спустила,
Вот в ласке ж начала ее уже трепать
И с нею нивесть как приятно поступать.
Но видя ту, как пень, недвижиму, бессловну,
Сказала с гневом речь сию к ней нелюбовну:
«Ты подлинно, Лицо, красно, как маков цвет,
Да в голове твоей ни крошки мозгу нет».

Басенка IV
ОБЛАКО И ЗЕМЛЯ

Как изрыгнула Земля изнутри утробы
Влажных несколько паров для своей оздобы,
То, в одну те кучку слившись меж собой клочком,
Сделались невдолге небольшим вот Облачком
И уж начали нестись к небу по воздуху.
Стала то Земля просить, чтоб оно старуху
Помнило, котора рождшая его есть мать.
Той не заставляло б по себе всегда вздыхать
И притом ее б оно вдруг не оставляло,
От нея сперва б еще не вдали гуляло.
Но стремясь безмерно Облако быть в высоте
И не зря на просьбу, вознеслось вверх в быстроте,
Там со всех сторон его сильный вихрь терзает,
Отчего то Облачко ввек и исчезает.

Басенка V
ПЕС ЧВАН

Лихому Псу звонок на шею привязать
Велел хозяин сам, чрез то б всем показать,
Что Пес тот лют добре, затем бы прочь бежали
Иль палку б на него в руках своих держали.
Но злой Пес, мня, что то его мзда удальства,
Стал с спеси презирать всех лучшего сродства.
То видя, говорил товарыщ стар годами:
«Собака! без ума ты чванишься пред нами:
Тебе ведь не в красу, но дан в признак звонок,
Что нравами ты зол, а разумом щенок».

Басенка VI
ЛАСТОЧКА И ПТИЧКИ

Лишь посеян только лен, то другим всем Птичкам,
Как то: малым воробьям малым и синичкам,

Ласточка разумно начала напоминать,
Чтоб те с ней потщались семена с гряд растаскать,
От которых израстет всем трава им вредна,
Так что будет от нея всех их жизнь уж бедна.
Но когда те Птички отреклись все от труда,
Не боясь нимало от семен себе вреда,
То она их начала всех просить вторично,
Уговаривая тут кажду самолично,
Что хотя б исшедшу травку вырвали оне,
И худое в оных было б мнение о льне.
Как же Птички и сего все не захотели
И тот Ласточкин совет за пустой имели,
То вот, отлетевши от лесов она густых,
От лугов и рощей, также и от мест пустых,
Близко общества людей жить и виться стала.
Льнова между тем трава к жатве поспевала;
Вот же уж созрелый на полях повсюду лен
Сжат, измят, растрепан и в дела употреблен;
Сетки люди поплели и обман готовят,
Да уж бедных Птичек всех оными и ловят,
Плачущих, но поздо, что совет пренебрегли,
Коим быть спасенны от напасти ввек могли.

Басенка VII
СОЛНЦЕ И БОРЕЙ (СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР)

Есть слух, что в некий день Борей был с Солнцем в споре
О силах и притом о крепости; в задоре
Ударились они друг с другом об заклад
И меж собою так поставили на лад,
Что платье кто сшибет с идущего дорогой,
Тому сильнейшим быть и слыть тем в славе многой.
Пал жребий, чтоб сперва Борею опыт дать,
Который изо всех стал сил своих свистать
И дуть остро в лицо идущего случайно.
Сей, слыша холод весь в себе необычайно,
А сколь ветр на него ни дул еще сильняй,
Столь кутался тогда одеждою плотняй.

Потом как солнце жар и пар свой напустило,
То тотчас и легко оно тем учинило,
Что путник епанчу с себя вот снял долой
И расстегал еще он и кавтан в тот зной.

Басенка VIII
ВОРОН И ЛИСИЦА

Негде Ворону унесть сыра часть случилось,
На́-дерево с тем взлетел, кое полюбилось.
Оного Лисице захотелось вот поесть,
Для того, домочься б, вздумала такую лесть:
Воронову красоту, перья, цвет почтивши
И его вещбу еще также похваливши,
Прямо говорила: «Птицею почту тебя
Зевсовою впре́дки, буде глас твой для себя
И услышу песнь доброт всех твоих достойну».
Ворон, похвалой надменн, мня себе пристойну,
Начал сколько можно громче кракать и кричать,
Чтоб похвал последню получить себе печать.
Но тем самым из его носа растворенна
Выпал на́-землю тот сыр. Лиска, ободренна
Оною корыстью, говорит тому на смех:
«Всем ты добр, мой Ворон, только ты без сердца мех».

Басенка IX
КОРШУН, ГОЛУБИ И ЯСТРЕБ

От Коршуна боясь бед, Голуби желают,
Их Ястреб бы хранил, его и принимают,
С почтением призвав в защитника себе,
И больше быть не мнят от Коршуна в гоньбе.
Но в голубятню к ним чуть Ястреб вот вселился,
Вобще на Голубей тотчас он разъярился,
Как за´ослушность всех к нему в упрямстве там,
А будто им за то дая казнь должну сам,

В один их больше день побил при том навете,
Неж Коршун в год побить возмог бы на полете.

Басенка X
ВОР И ПЕС

Лающу Собаку хлебом закармливал Вор,
Как входил он в некий, чтоб окрасть, богатый двор.
Но ему Пес говорил: «Хорошо, что буду
Ныне от тебя я сыт, только ж где добуду
Я себе уж хлеба и тогда я, что поем,
Как ты нас окрадешь при молчании моем?»

Басенка XI
ВОЛК И ЯГНЕНОК

Стоял Волк при реке Ягненка выше мало,
Сего как съесть ему намерение вспало,
А справедливым бы казалось дело то,
Он говорил тому бедняжечке вот что:
«Чего для, — сам кричит с великими грозами, —
Чего для воду, плут, ты мутишь так ногами,
Что вот ко мне течет она вся нечиста?»
«Я ль! — в страхе отвечал Ягненок, — на места
Изволь, сударь, смотреть, стою тебя я ниже,
И потому ей течь ко мне столь мутной ближе».
«О! ты, — Волк говорил, — уж стал меня бранить,
Не помня, за язык как голову сронить
Отчишку твоему от казни приключилось,
Семь месяцев чему прошло, как совершилось?»
«Я не был и рожден тогда, сударь, еще», —
Ответствовал ему Ягненок. Все вотще.
Опять Волк подхватил: «Не ты ль обширно поле
Сам выел так, что нет там ни былинки боле?»
«Не может, государь, в том быть вина моя,
Затем что без зубов живу поныне я».

Но Волк: «Хотя ж, брат, ты и отговорчив больно,
Однако ж я хочу накушаться довольно».
И так, за горло взяв, тотчас Ягненка смял
И столь зарезал вдруг, что тот ни проблеял.

Басенка XII
ПЕС И ЧАСТЬ МЯСА

Бегучи подле реки, Пес, давно голодный,
Не служащий никому, бывший всенародный,
Нес часть мяса в зеве, негде украденну им,
И как та играла видом в тех водах своим,
То Пес, мня что то была мяса часть другая,
Бросился тотчас в реку, оную хватая;
Но лишь зев разинул, чтоб и ту он ухватил,
Как тогда ж держиму и́зо-рту вон опустил.

Басенка XIII
ГОРА, МУЧАЩАЯСЯ РОДАМИ

Напружившись, Гора из глубины стонала,
Как будто час настал родить ей, тем казала;
Сей случай всех привел людей в прекрайний страх,
Боящихся, чтоб как не задавил их прах.
Но выскочила мышь из той внезапным спехом,
Итак, людска боязнь скончилась общим смехом.

Басенка XIV
ВОЛК И ЖУРАВЛЬ

Подавился костью острою Волк в некий день,
Так что не был в силе ни завыть да стал весь в пень.
Для того вот Журавля нанял он ценою,
Чтоб из горла ту извлечь носа долготою,
А Журавль способно службу ту и сослужил
И уж за работу платы он себе просил.

Улыбаясь Волк тогда с скрежетом зубами,
Журавлю так отвечал грубыми словами:
«Иль тебе та плата кажется, мой друг, мала,
Что из Волчья зева голова твоя цела?»

Басенка XV
ПОСЕЛЯНИН И УЖ

Нашел Мужик Ужа, едва не околевша
И с стужи уж почти дыханья не имевша.
Вот в жалость вдруг пришел тот полевой жилец,
Что гибнущее зрил животное вконец.
Затем он взял его под теплу шубы крышку
И в пазуху свою вложил под леву мышку.
Уж, обогревшись там, как силы оживил,
То смертно Мужика в то место уязвил.

Басенка XVI
ЛЕВ, ТЕЛИЦА, КОЗА, ОВЦА

В дружбе пребывали Лев, также и Телица,
И Овца, еще Коза, прыгать мастерица.
Четверым всем купно в пищу иск попал когда,
То на равны части разделен был он тогда.
«Первая, — Лев говорил, — есть моя особно:
Превосходству моему та должна способно.
И вторую также должен взять себе здесь я:
Сила той пред вашей удостоилась моя.
Третию себе за труд требую достойно:
Даром Льву себя трудить очень непристойно.
Кто ж себе захочет получить четверту часть,
Тот в мою немилость может бедственно попасть».
Что бессильному скоту делать надлежало?
Как сопротивляться Льву? Иль его хоть мало
Раздражить в то время дерзостно кто б захотел?
Так один корыстью всею Лев в них завладел.

Басенка XVII
ВОЛК И КОЗЛЕНОК

На пажить выходя Коза поутру с светом,
Козленку своему приказ дала советом,
Чтоб дó-вечера в хлев дверей не отпирал
И никого б отнюдь к себе он не пускал.
Едва она ушла, как Волк там появился,
И голосом он столь, сколь можно, притворился,
Подобясь Козину, а растворивши зев,
Просился у того Козленка очень в хлев.
Тот Волку отвечал: «Хоть просьба б лоб разбила,
Мне безбородых всех пускать мать запретила».

Басенка XVIII
ОСЕЛ И ЩЕНОЧЕК

Некогда увидел отдыхающий осел,
Что хозяин дому в ласку крайнюю пришел
К собачонке небольшой и навзгляд щеночку,
На колена кой вскочил к оному сам с кочку.
Того ради также уповал его привесть
И к себе тот в ласку, ежели потщится взлезть
Нá-руки тогда к нему, да и начал дело
А, на задни ноги встав, обнимает смело.
Но беспутство видя, господин осла того
Наказал дубиной за дурачество его.

Басенка XIX
МИР У ВОЛКОВ С ОВЦАМИ

Жестока у Овец война была с Волками;
Те с помощию Псов стояли бодро сами,
А часто им Волков случалось и сбивать,
И победившим их о том торжествовать.

Над сими одержать отчаявшись победу,
Что не было им к той ни малого уж следу,
Шлют Волки к тем послов, прося брань окончить
И дружеский союз навеки заключить.
Их договора все статьи в том состояли,
Чтоб Овцы от Волков за аманатов взяли
Волчонков, их детей, а чтоб Волкам оне
Всех дали бывших Псов на оных стороне.
Когда ж взаимно так на мере положили,
То клятвою свой мир законно утвердили;
Так начали уже в покое Овцы быть.
Но вскоре как у них случилось там завыть
Волчонкам, что к себе те взяли в аманаты,
Не усмотревши в том всего вреда и траты,
Напали Волки вдруг на беспомощных тех
Как нарушивших мир, сие взводя на всех,
И аманатам как на сделавших обиду,
Хотя так говорить и не было им виду.
Расхитивши ж тогда бессильных уж Овец
И их начавши рвать, заели наконец.

Басенка XX
РЕБЯТА И ПОВАР

Двое из больших ребят на поварне были
Не последни в удальстве и плутами слыли.
Вот когда там повар для стола все прибирал,
Тут один из оных мяса добру часть украл
И другому отдал, кой в пазуху ту сунул
Так искусно, как бы ртом крошечку он сдунул.
Повар как на мясо, обратившись, посмотрел
И не все, что было, оное уразумел,
Да притом и прямо знал, хоть они не рделись,
Что тогда на кухне те только два вертелись,
Говорить им начал, отдали б назад ту часть,
Тем что невозможно инак было ей пропасть.
Но принявший клясться стал, что не крал он штуки,
А укравший, что при нем нет, и пусты руки.

Выразумев повар, что бездельничают те,
Говорит: «Не знаю, мяса часть девалась где;
И меня легко провесть, заклинаясь ложно,
Только ж Бога обмануть вам никак не можно».

Басенка XXI
ПЕС И ПОВАР

Вбежав в поварню Пес (его не усмотрел
В то время повар там, имея много дел),
Лежаще на столе тут сердце от скотины
Схватил и побежал заранеи от дубины.
Того, как говорят, тогда он проводил
Такою речью вслед, которою грозил:
«Изрядно, что теперь ты мог унесть добычу!
Но даром то тебе не пройдет, стару хрычу;
Как можно, застигу тебя я где-нибудь
И палкою потщусь бока тебе все вздуть,
Не сердце у меня унесено тобою,
Но придано к тому, которое со мною».

Басенка XXII
КОЗЛЕНОК И ВОЛК

Счастливо Козленок, некогда уйти успев
От гоняща Волка, в овчий заперся вот хлев.
Волк ушедшему туда говорил то слово:
«Ты ль спасение себе мнишь тут быть готово?
Глупинькой! не знаешь, что не пройдет день такой,
Чтоб скотинки в жертву не́-брали здесь на убой».
«Даром, — отвечал ему спасшийся Козленок, —
Тем не потрясешь моих никогда коленок.
Умереть ведь должно, лучше кровь богам пролить,
Нежели мне челюсть волчью тою напоить».

Басенка XXIII
ЕЖ И ЕХИДНА

Впросился в нору Еж к Ехидне жить зимою.
И как в той тесноте своею остротою,
Щетинам что его природная всегда,
Колол Ехидну столь, что деться та куда
Не знала от беды, то стала попремногу
Просить Ежа она, чтоб хижину убогу
И тесную ея оставить восхотел,
А инде б где себе жилище изобрел,
Затем, что обоим в норе ея вместиться
Не можно им никак, ни в ней поворотиться.
Но Еж ей говорил: «Кому здесь тесно жить,
Тот волен из норы вон тотчас выходить,
Но у меня отнюдь идти прочь нет охоты.
Когда ж не видит тут себе Ехидна льготы,
То может та сама отсюду вон пойти
И место для себя покойное найти».
Так, гостя та к себе пустивши толь не в пору,
Принуждена была сама покинуть нору.

Басенка XXIV
СЫНОК И МАТЬ

Всяк день в будни мальчик в школу к мастеру ходил,
Там когда тетрадки каждый так не хоронил
Ученик, как надлежит, в ящик за замочек,
Оные тот кражей брал добренький сыночек
И домой вседневно к матери носил своей.
Кража та ребячья нравилась толь много ей,
Что не только никогда сына не стегала,
Да и окриков за ту с бранью не давала.
Воровать тот в малом утвердил свою как страсть,
Так уж и большое, выросши большой, стал красть.
Некогда ж на воровстве явном он поиман
А на пытку, много раз бывши в том, подымам.

Нá-смерть напоследок достодолжно осужден
И на место казни прямо был уж приведен.
Вот, когда увидел там мать свою стоящу
И от сердца ту по нем горестно слезящу,
Палача усильно начал он тогда просить,
Чтоб его проститься с матерью допустить.
То позволено ему. К ней лишь протеснился,
Как к ея он уху ртом тотчас прислонился,
Будто как бы тайно нечто ей сказать хотел,
А в таком прицеле ухо все прочь и отъел.
Все за то, не только мать, на него восстали
И как нечестивца все ж вора проклинали.
Надобно причину стало объявить ему,
Коя справедливо привела его к тому.
Вот же что и говорил: «Я ей отмщеваю
За сию поносну смерть, коей умираю:
Если б за тетрадки, в малолетстве что крал я,
Был хотя однажды прутом сечен от нея,
То уж красть бы больше мне было неугодно,
И сегодни б не висеть в петле всенародно».

Басенка XXV

ЧЕЛОВЕК И ИСТУКАН

Лишь некто посвятил домашний истукан
(Сей деревянный бог, не знаю, как был зван),
То начал он тому с почтением молиться,
Прося, чтоб тот над ним изволил умилиться,
И дал бы на житье достаток весь прямой,
А он к тем будет щедр, что ходят въявь с сумой.
Всегда ж тому молясь подобными словами,
Сам новыми всяк день красил его венками.
Но долго так чиня был равно все убог,
Затем что ничего не жаловал тот бог.
Вот осерчав, пред ним что втуне лоб свой парил,
Сгреб за ноги его и ó-землю ударил.
По случаю, болван как на землю упал,
То головою там на камень он попал.

Из треснувшей числом клад высыпался многим
И столь, что тот не мог молебщик быть убогим.
Он, подбирая клад в веселии своем,
В насмешке укорял кумира словом тем:
«Безумие твое, божок, есть непонятно!
Ты чтущему тебя мне не дал что приятно;
А ныне, как уж я тебе столь досадил,
Безмерно вот за то меня обогатил».

Басенка XXVI
СТАРИК И СМЕРТЬ

Дров насек старик в лесу а, связав в беремя,
Поднял на плеча и шел в дом в пристойно время.
С ношею брел долго, выбился почти из сил,
Для того вязеньку нá-землю он положил.
Там на оную когда сел и отдыхает,
Вот меж тем один с собой в мысли рассуждает
Всю свою он бедность и, во-первых, что уж стар,
Одинак, а скудость сделала пустым анбар.
От печали начал звать смерть к себе упрямо,
Чтоб пришла к нему она, поспешая, прямо
И от всех бы тяжких ныне нужд его взяла.
Смерть, услышав просьбу, тотчас к оному пришла.
И зачем бы звал он ту, спрашивает точно,
Но старик, Смерть пред собой видя незаочно,
Испужался очень и трепеща отвечал:
«Ни зачем, как только милость кто б мне показал,
Пособляя на плеча положить вязеньку,
Я котору наложил больно тяжеленьку».

Басенка XXVII
СТАРУХА, БОЛЯЩАЯ ГЛАЗАМИ

Глазами как была старушечка больна,
То лекаря к себе в дом призвала она.

Чтоб вылечиться ей и несмотря на трату,
Довольную ему та обещала плату.
Стал пользовать ее тот лекарь нанятой
И мастью он глаза по всяк день мазал той,
А как вот оставлял ничком ту на постеле
И в темноте всегда по всем своем том деле,
То что-нибудь с собой у ней втай уносил
Из платья иль что тут из серебра схватил.
Грабление сие та чувствует больная.
Когда ж не стала быть уж больше невишная,
Увидела, что дом ея оставлен пуст,
Сколь ни был преж того обильностию густ.
Вот лекарь к ней пришел, сам просит за работу
И говорит, что та всю получила льготу,
А шлется он на всех сторонних в том людей,
Что вылечены уж совсем глаза у ней.
«Неправда, друг, твоя, — ему та говорила, —
Я без твоей цельбы глазами лучше зрила:
Я видела вещей довольно у себя,
А как взяла к себе я лекарем тебя,
То ничего отнюдь, сим словом не обижу,
В дому, по-твоему, столь зрячая не вижу».

Басенка XXVIII
НЕДРУГИ

Совокупно двое ехали на корабле,
Меж собою были в крайнейшем недружбы зле.
Там один из них сидел на носу за спором,
А другой тут место взял на корме с прибором.
Вот пресильна буря стала море волновать
И корабль валами всеконечно разбивать.
Как отчаялись уж все, что спастись не можно
И что потонуть пришло всем тогда неложно,
То, кой находился на корме, пловца спросил,
Коей преж он части б корабля погрузнуть мнил?
Кормщик отвечал, что нос наперед потонет.
На сие тот: «Пусть меня в море смерть поглонет,

Мне жизнь становится не весьма уж дорога,
Тем что я увижу гибель моего врага».

Басенка XXIX
КОТ И МЫШИ

От множества Мышей, в чьем доме неизвестно,
Живущим в нем и страх, и было всем невместно.
О сем как добрый Кот по духу тех узнал,
То преселился в дом туда и жить в нем стал.
Чрез несколько дней там, ловя Мышей, труждался
И оными всегда он досыта питался.
Напаствуемый гад тем смертоносным злом
Увидел, что всяк день их меньше есть числом,
Что тот проворный Кот их всюду уловляет
И что их рядом всех он люто истребляет,
То положили все так меж собой оне,
Чтоб им не выходить из нор, а жить на дне,
Затем что Кот придти не может к каждой в нору,
Ни в свет, ни в темноту и ни в какую пору.
Кот, видя, что его совсем стал мыший лов,
На них обманом всех такой копает ров:
Повесился на гвоздь он лапами одними,
А протянулся вниз передними своими,
Показываясь тем, что будто он издох
И больше уж Мышей ловить тогда не мог.
Увидевши того, одна Мышь говорила:
«Хоть мехом бы тебя я, друг мой, усмотрила,
Однако зная, сколь нам от тебя вреда,
Не подойду к тебе я близко никогда».

Басенка XXX
МЕСК

Как овсом на стойле в тук Меск уже отъелся,
Материю он тогда очень разгорделся.

Начал уж стремиться, так же как она, скакать
Да и величался: «Кобылица мне есть мать
В бегании толь быстра, коея не ниже
Я и сам в том, сколь я с ней родом сходен ближе».
Но когда настала нужда, чтоб ристать ему,
То к отцу стал в думе обращаться своему
И припоминать, что он, больно утружденный,
В свет ленивейшим Ослом прямо порожденный.

Басенка XXXI
ЛЕВ ЖЕНИХ

В девицу негде Лев влюбился не смехом
И захотел ей быть он вправду женихом,
Затем к отцу ея пришед тогда нарочно,
Ту просит за себя отдать в замужство точно.
Отец Льву отвечал: «Твоим ли я отдам
Ногтищам так кривым и острым толь зубам
Мою в замужство дочь, толь нежную всем телом?
И может ли сие быть не опасным делом?
Без тех бы в прочем мне ты был достойный зять,
И можно б дочь мою тебе женою взять».
Лев от любви своей почти ума лишился,
Чего для, как просил отец тот, не щитился
И пазногти свои тому дал срезать он,
А зубы молотком все-на-все выбить вон.
Итак тот человек легко Льва побеждает,
Потом, ударив в лоб долбнею, убивает.

Басенка XXXII
ПЕТУХИ

Меж собою двое в доме петухов дрались,
Так что оба кровью с головы до ног лились;
Та за курицу у них сильна драка стала,
Но как быть меж ними уж битва перестала,

Тот, кой сбит был с поля и совсем разбит, Петух
Спрятался с печали и с стыда в пустой котух.
Победитель же тогда, на забор взлетевши
И сколь можно громче там кукореку певши,
Крыльями своими трепетался в торжестве
И себя не видел лучшего он в естестве;
Вот Орел, его схватив, вдруг унес с забора.
Так ушедший от того вдаль Петух с зазора
И от всех насестей, и курячьих всех хлудин
Курицами всеми пользоваться стал один.

Басенка XXXIII
ДРОВОСЕК И МЕРКУРИЙ

Сек некто при реке дрова на быт домовый,
Бессчастно опустил топор там в воду новый.
Не зная, что чинить в тот горестнейший час,
Лил слезы по лицу горючие из глаз.
Нечаянно тогда Меркурий сам явился,
Узнавши ж случай слез, над бедным умилился,
Затем нырнул он вглубь а, вынырнув из той,
Держал в руке топор, но токмо золотой,
И спрашивал того он плаксу не со властью,
Что сей ли есть топор опущен по бессчастью?
Отрекся дровосек. Меркурий вновь для слез
Нырнул и с дна топор серебряный изнес,
Но не признал за свой ни оного тот равно.
Меркурий в третий раз спустился вниз исправно
И вынес уж оттоль железный тот топор.
Тогда вот мужику не нужен стал отпор,
Затем он закричал с веселием: «Тот точно,
Который мною был утоплен ненарочно».
За совесть ту его, что бог в нем чисту зрил,
Ему все топоры щедротно подарил.
Когда ж сей мужичок рассказывал то многим
Товарыщам своим, крестьянам же убогим,
То вот один из них, мня взять корысть таку,
Топор свой утопил нарочно в ту ж реку

И, сев на берегу, там плакал неутешно.
Явился и ему Меркурий также спешно,
А плача он его причину как узнал,
То вскоре и нырять по-прежнему вглубь стал.
Нырнувши ж в первый раз, нес золотой наружу,
Мужик возмнил чрез то прогнать свою всю нужу
И, спросу не пождав: «Тот-тот! — вдруг завопил, —
Кой ненароком я в реке здесь утопил».
Но презрив бог ту ложь бесстыдну мужикову,
С тем в воду топором тотчас укрылся снову,
И больше уж наверх не выходил ни с чем,
А тот мужик лишен и собственного тем.

Басенка XXXIV
ЛИСИЦА И ВИНОГРАДНА КИСТЬ

Виноградна кисть вверху на лозе висела,
Но когда Лисица там ону усмотрела,
То с земли вот стала не однажды вверх скакать,
Прилагая силы к силам, чтоб ее достать.
Изнемогшая вконец, только ж без успеха,
И как будто ей была в том сия утеха,
Что, прочь отходящи, говорить так начала:
«Ягода ведь эта ныне очень не спела!
Мне хотя б и на пути где она попалась,
Также б от зеленой прочь я идти потщалась».

Басенка XXXV
МЫШИЙ СОВЕТ

Так Мыши все кладут, сошедшись на совет,
Чтоб колокольчик им в неложный всем извет
Отныне привязать к ловцу Коту на шею:
Все целы будут жить повесткою те сею,
Лишь Кот тем зазвенит, хоть сколько он ни скор,
Зараней убежать возможно им до нор.

Хотя ж они совет сей обще полюбили,
Но кто б в них навязал Коту, не находили.

Басенка XXXVI
ОБЕЗЬЯНА И ОРЕХИ

Вкус орехов Белка похваляла завсегда;
Слыша, Обезьяна захотела вот плода.
Что ж бы ей вкусить овощ, нивесть как искала,
Напоследок на орех негде та напала.
С жадности великой кинула вдруг оный в рот
И тотчас там стала обращать зубами тот.
Сперва горесть шелухи ей не показалась,
А потом и скорлупы, хоть и попыталась,
Но за жестотою не разгрызла в нем она.
Думая, что Белкой на смех та проведена,
Выплюнула вон, сама ж очень огорчилась,
Тем и сладости в ядре, не трудясь, лишилась.

Басенка XXXVII
ЛЕВ ПРЕСТАРЕЛЫЙ

Пришедши в старость, Лев безмерно слабым стал
А, силы потеряв, чуть члены уж таскал.
Тогда скоты его не только презирали,
Но на него уже и сами нападали;
И так, что уж Осел, в скотах всех как холоп,
Копытом улягнуть не постыдился в лоб.
Хотя ж то было Льву, по правде, и досадно,
Но говорил: «Без сил терпеть мне больше складно».

Басенка XXXVIII
ВОРОНА, ЧВАНЯЩАЯСЯ ЧУЖИМИ ПЕРЬЯМИ

Набрала Ворона перышек от прочих птиц,
Убралась та всеми снизу вверх без мастериц;

Величаться начала сею пестротою,
Презирая птичек всех в том перед собою.
Ласточка всех прежде, перышко на ней свое
Усмотревши, тотчас вырвала, сказав: «Мое».
То увидели когда и другие птички,
Щебетливы по большой части те певички,
Начали Ворону сами также все клевать
И свои природны перышки с нея срывать,
Так что наконец ее всю уж обнажили,
Чем всех обще и себя ею насмешили.

Басенка XXXIX
БРЮХО И УДЫ

Случилось Членам всем так нá-Брюхо роптать:
«Уж долго ль нам тебя лентяя всем питать?
Мы больше не хотим тебе в такой быть службе
И не желаем жить с тобой отныне в дружбе».
Но пища у него как отнята вся вдруг,
То ослабели все и Уды сами вкруг.
Итак, тогда они, что бедно погибали,
Раскаялись о том, а зависть проклинали.

Басенка XL
ЛЕВ И ЛИСИЦА

Лев, когда с великой старости весь ослабел
И ловить уж зверя в пищу силы не имел,
Вымыслом питать себя хитрым начинает,
Именно ж, что будто он слег и умирает.
Весть когда промчалась об его болезни той,
Шли к нему все звери с навещением в покой.
Сей пространный был вертеп, где лежал притворно,
В тот входящих поедал Лев всех безразборно.
Так чрез долго время содержал свою жизнь он
И, что съест там зверя, больше рыком делал стон.

После, как зверей он тем много съел над меру,
И Лисица вот пришла также пред пещеру,
Но в нее не вшедши, стала вдруг пред устьем тут,
Видя, что внутрь прямо только все следы ведут.
Лев, кой равно и ее скушать нарохтился,
Просит оную войти, с нею б он простился,
И зачем та медлит, спрашивает сам у ней.
Но ответ Лисица оному сказала сей:
«Что я вижу только внутрь здесь следов довольно,
То меня, не погневись, устрашает больно».

Басенка XLI
ПТИЧНИК И ЗМИЯ

Чуть Птичник в лес пришел с своим прибором всем,
Чтоб птичек наловить, и только сел лишь с тем,
Как на́-дереве он дрозда увидел близко,
Вот ставит он силок, а с руку где и низко,
Там смазывает все сучки своим клейком
И только смотрит вверх, поймался ль дрозд силком.
Между тем на Змию́, лежащу под травою,
Он наступил тогда там невзначай ногою.
Та, раздражившись тем, ужалила его.
Он, чувствуя себе смерть скору от того,
Сказал: «Ах, горе мне! Других ловя в обманы,
Скоряй сам уловлен и гибну я от раны».

Басенка XLII
ПЕС И ВОЛК

Волк, дивясь безмерно Псову туку и красе,
Говорил: «Сколь, братец, жизни твоея дни все
Счастливо всегда текут! И что в этом туке
Не бываешь никогда голодом ты в муке!»
На сие Пес Волку: «Пойдем в город, ну со мной,
То и сам ты будешь, равно как и я, такой».

Вот когда те шли путем Волк, смотря ловчее,
Вытертую шерсть у Пса усмотрел на шее.
Для того так начал спрашивать Пса: «Не в осуд,
Братец, это слово, знатно, носишь ты хомут,
Что так шея у тебя вытерта до кожи?»
Пес ему тут отвечал: «Речи те не гожи,
Не хомут трет шею, но ошейник, тем что днем
В цепь меня сажают, ночью не был бы я нем».
Волк тотчас: «Прощай, — сказал, — будь же ты и в холе,
Счастья не хочу отнюдь, чтоб не быть в неволе».

Басенка XLIII
ЛИСИЦА И ЛЕВ

Не видывала Льва Лисица никогда.
По случаю та с ним вдруг встретилась когда,
То так его она безмерно устрашилась,
Что с страха, почитай, и жизни всей лишилась.
Вторично ж как уже увиделась та с ним,
То с страхом пребыла, но впрочем не с таким,
А в третьи та ж к нему как на глаза попала,
То подошла и с тем речь говорить там стала.

Басенка XLIV
ЛЖИВЕЦ

Недоросль-детина, состоянием пастух,
Лживец от природы, и такой имея дух,
Часто помощи просил у других нароком,
Будто волки на овец вдруг набегли скоком.
Многажды в игрушках проводил он пастухов,
Бегавших на помощь к оному против волков.
Напоследок вправду волк прибрался уж к стаду,
Вот неложно и тому нужно стало чаду
Помощи с слезами у товарыщев просить
И молить их скорость и сколь можно голосить.

Слышавшие, крик его также мня игрою,
Как и прежде делал он, а не впрямь бедою,
С смехом отвечали: «Не обманешь, молодец!»
Так волк всех изрезал в стаде у него овец.

Басенка XLV
ПЕС В ЯСЛЯХ

Собака, щеря рот и часто лая, злилась,
А иногда к быкам и в ясли та ложилась.
Волы, боясь ее, не смели сена есть,
Затем принуждены вседневно голод несть.
Тогда один из них так говорил Собаке:
«Не зависть ли твоя? ведь мы с тобой не в драке,
А к корму ты сему не допускаешь нас,
Которого тебе не есть по смерть ни раз».

Басенка XLVI
ВДОВА И СЛУЖАНКИ

Некая вдова себя тем и содержала,
Что полотна только в ряд самы тонки ткала;
Для того служанок разбужала в ночь всегда,
Лишь сама услышит, петухи вспоют когда.
Долговременны труды всех тех изнурили,
Потому между собой обще положили,
Петуха, кой в доме находился, чтоб убить,
Так уж он не станет рано госпожу будить.
Но исполнившим сие хуже всем им стало:
Госпожа, боясь чтоб как вдруг не рассветало,
Тем, что та не знала времени когда вставать,
Подымала прежде полночи служанок ткать.

Басенка XLVII
ОСЕЛ ВО ЛЬВИНОЙ КОЖЕ

Во львиную Осел как нарядился кожу
И ею он покрыл зад, ноги, спину, рожу,
То в той он устрашал, как лев, везде зверей,
А инде приводил чрез то в страх и людей.
Усмотренны потом, сверх головы и туши,
Те долгие его, Ослу природны, уши,
Вот обличили тем, что он и весь Осел,
И только на себя ту львину кожу вздел,
Чтоб недостойно всех страшил он и гордился,
И всюду б, где ни шел, незнающими чтился.
Так признанный Осел, бит прежде дубиной,
На мельницу потом с глаз тотчас сбит долой.

Басенка XLVIII
КУРИЦА, НЕСУЩАЯ ЗОЛОТЫЕ ЯЙЦА

В доме женщина своем курицу кормила,
Золотое яицо всяк день та сносила.
Мня, что все набито брюхо золотом у ней
И что только были драгости одни во всей,
Рассудила ту убить, да и убивает.
Но, что в прочих, в той она только обретает.
Так, хотя богатства много вдруг себе набыть,
Все и небольшое возмогла тем погубить.

Басенка XLIX
ЛЕШИЙ И МУЖИК

Из леших некто чуть уж не замерз зимою
За лютостию стуж, да и за наготою;
Увидевший мужик его взял в домик свой,
В избушку теплу ввел и местичко дал в той.

Сам, руки приложив к устам своим, в них дует,
Дивился Леший тот и, мня, что он балует,
Причины у него тому дутью спросил.
Мужик ему на то как гостю доносил,
Что руки он свои озяблые тем греет.
Сказал, а сам на стол, в печи что ни имеет,
То совокупно все тогда вот начал несть
И Лешего с собой за стол зовет он есть.
Сел Леший с ним тотчас. Мужик сперва из чаши
На ложку почерпнул себе горячей каши,
А ко́-рту своему принесши, дуть же стал.
Вот Леший, пуще уж дивясь, еще спрошал,
Чего б он ради дул, и так то жарко было?
Мужик тут отвечал: «Чтоб жаркое простыло».
Вскочил из-за стола тогда тот Леший вдруг
И говорил: «Прощай, прощай навек, мой друг:
Я не хочу пробыть здесь только и наслеком,
Не то, чтоб вовся жить с таким мне человеком,
У коего из уст одних, да не одно,
А именно сказать: тепло и студено» .

Басенка L
ПАУК И ПОДАГРА

Некогда отстал Паук от трудов и дела
А, собрався, вдаль пошел, мысль куда велела.
С ним сошлась Подагра, купно начала ж идти,
Чуть-чуть успевая следовать за ним в пути.
В первый день дорогу те так-сяк совершили
И в Препутье, городок, под вечер вступили.
Пешеходцы оба вознамерились искать
Там домов пристойных, порознь где б им ночь проспать.
У немногих в том Паук, стукавшись, просился;
Вот к богатому жильцу вскоре в дом вселился.
Всюду начал сетки растягать он там свои,
Но тотчас явились, кои щетками слои
Многих оных паутин часто обметали
И везде тому ткачу места не давали.

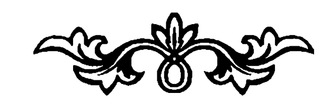
Так что хоть безмерно много полагал труда,
Да ему от щеток скорая была беда.
При обилии там всем был один он скуден
Тем, что способ, где б ему утвердиться, труден.
Что ж вот до Подагры; к нищему насилу та
В хижинку впросилась, в коей смрад и духота.
Бедности претерпевать все тут надлежало,
Захотевшей же поесть, черствого и мало
Подано ей хлеба, а и пить дано воды,
И за пешеходны чрез тот целый день труды
Место ей отводят спать на дощенках голых
В сенишках, со всех сторон, почитай, уж полых.
Не сказать не можно, нежным членам всё ея
В той лачужке было сопротивно для спанья.
Но прекрасное когда, око дней, светило
Златозарна круга зрак токмо что явило,
То Паук с Подагрой вместе вот опять сошлись
И о всех несчастьях обстоятельно снеслись.
Прежде рассказал Паук той безгоды ночи:
Перемены мест своих, как лишился мочи,
Бегая повсюду, господин сколь тех палат
Чистоту в них любит, а что превесьма богат,
То слуги все у него скороспешно метки
И, как матери одной, те по платью детки.
Вопреки, Подагра сказывает о своем
Бедствии великом, и что крайно голь гольем
Тот хозяин, где она ночь ту ночевала,
Да и пятна от досок на́-теле казала.
Впрочем, должны были далее они брести,
А Подагре нужно стало крайний в ходе труд нести.
Наконец вот прибрели в вечер в город славный,
Там Подагра уж вошла в дом богатством главный.
Лишь ее увидел у себя сам господин,
Небо! как встречает прежде всех тогда один!
Коль и благосклонно ту воспpиемлет гостью!
Тотчас он ей подает подпираться тростью!
А привед к постеле, посадил на пуховик!
До услуг приставил целый к ней рабов он лик!
Повелел на стол накрыть скатерть чисту, гладку!

И поставить пищу ей разным вкусом сладку!
Уж и пить подносит вина добрые не раз!
И чего та спросит, не был ничему отказ!
Словом, роскошей каких ни нашел свет новых,
Видела Подагра все тут себе в готовых.
А Паук, в дом бедный вшедши, вольно плел и ткал
И повсюду сети по стенам сам растыкал.
Прилежит весьма к труду и об нем радеет,
Порвалось ли что? Опять в силах не слабеет,
Тотчас то скрепляет, не докончено ль что где,
Все в успех приводит и свершает все везде.
Вкратце, властелином в нищем доме стал он так,
Что обместь вдруг трудно паутин сколь свил и как,
Не боясь же никаких бед и щеток ввеки,
Всюду там яиц наклал целые сусеки.
Долго в том пространстве весел пребывал Паук,
И Подагре также не было в богатстве мук.
Свиделись между собой, как прошло дней много.
Вот Подагра говорит, что ей не убого,
Но преизобильно в доме славном пожилось;
А Паук Подагре, что и оному нашлось
Местичко его житью там без меры сродно,
Где роскошствовал он сам, как ему угодно.
Выслушав друг друга, положили меж собой,
Что как им случится вместе в путь идти другой,
То чтоб Пауку всегда к подлым уклоняться,
А Подагре к богачам в теремы вселяться.

Басенка LI
САМОХВАЛ

В отечество свое как прибыл некто вспять,
А не было его там, почитай, лет с пfive,
То завсе пред людьми, где было их довольно,
Дел славою своих он похвалялся больно
И так уж говорил, что не нашлось ему
Подобного во всем, ни ровни по всему,

А больше, что плясал он в Родосе исправно,
И предпочтен за то от общества преславно,
В чем шлется на самих родосцев ныне всех,
Что почесть получил великую от тех.
Из слышавших один ту похвальбу всегдашню
Сказал ему: «Что нам удачу знать тогдашню?
Ты к родянам о том, пожалуй, не пиши:
Здесь Родос для тебя, здесь ну-тка попляши».



Том второй

РЕЧЬ, КОТОРУЮ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК К ЧЛЕНАМ БЫВШЕГО РОССИЙСКОГО СОБРАНИЯ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОГО ИХ ЗАСЕДАНИЯ МАРТА 14 ДНЯ 1735 ГОДА О ЧИСТОТЕ РОССИЙСКОГО ЯЗЫКА ГОВОРИЛ В. Т.

При благословенной державе великия монархини Анны и сего дождались мы счастия, господа, что и о совершенстве российского языка попечение восприемлется. Сие дело не меньше полезное, коль трудное, главный в сей Императорской Академии командир, остроумный и мудрый муж, на вас полагает, вам вверяет и всего к тому возможного прилежания к вящему прославлению российского народа и его слова от вас ожидает.

За нужное толь, но поныне оставленное сие начинающееся учреждение его превосходительству высокородному господину, господину Иоанну Албрехту барону фон Корфу, ея императорского величества действительному камергеру, в мудрых мудрой, в ученых ученой, в достойных достойной особе, неискусное мое слово, равно как и необыкший к красноречию язык довольно и достойно возблагодарить никогда в состоянии быть не может; все любители наук учинят ему за меня сию справедливость; целое оных в России потомство, благодаря, не устанет никогда в похвалах его; самая ныне еще чаемая от сего польза совершенный даст способ должно и прославить и почтить его прилично.

Я только могу пред вами сие, господа, выговорить, что его превосходительства бодрое старание, разумное управление, острое также рассмотрение как в прочих академических порядках, так и в сем новом установлении прямую к славе российской пользу в виде украшенном, прекрасном и совершенном мысленному зрению моему представляют; и кажется мне, что я вижу ее уже любезну, плодоносну, похвальну, хотя одним сим нестройну и недостаточну, что и мне с вами повелено совокупно присутствовать и трудиться.

Должность, которая на меня, но при вас, господа, налагается и по коей от меня, но не без вас, исполнение требуемо будет отныне, мне толь есть необыкновенна толь силы мои превосходяща, толь мало с тупостию моего ума сходственна и от которыя меня толь многие причины в рассуждении моих к ней недостатков и неспособностей долженствовали выключить, что в самое сие время, когда вам речь мою произношу, не знаю, что должен я о себе помышлять. Возможно ль сему статься и правда ль то, что и я удостоен действительно вашего содружества, которого токмо такой быть достоин может, кто многого есть разума, довольныя науки, твердого и зрелого рассуждения, словом, подобный вам? Впрочем, что до разума, науки, рассуждения и до многотрудного искусства, хотя я вас, господа, весьма нахожусь ниже, но послушанием, но почтением к его превосходительству с вами сравниться всячески постараюсь. Не будет во мне, да и не надлежит, никакого велениям его сопротивления, не будет отнюдь отречения, не будет и ни малого преслушания; ко всему, чего моя должность взыскивать с меня ни будет, увидит он меня готова; ко всему да и всегда прилежна; ко всему радетельна и толь, коль самая возможность до того меня допустит, и так, что наконец и его превосходительство несколько меня достойным изобрящет вашего сообщества, и вы не будете сожалеть, что искусные ваши наставления в рассуждении чистоты нашего языка в прибыток мой, к пользе ж общей, купно с вами трудясь, употреблю, что, и да будет благоуспешно, желаю.

Великая потребность в сем деле! Однако, с другой стороны, коль ни полезно есть российскому народу возможное дополнение языка, чистота, красота и желаемое по том его совершенство, но мне толь трудно быть кажется, что не не страшит, уповаю, и вас, господа, трудностию и тягостию своею. Не об одном здесь чистом переводе степенных старых и новых авторов дело идет; что и одно и само собою колико проливает пота, известно есть тем, которые прежде вас трудились в том, и вам самим, кои упражняетесь ныне; но и о грамматике, доброй и исправной, согласной во всем мудрых употреблению и основанной на том, в которой коль много потребности, толь немалая ж и трудность; но и о лексиконе, полном и довольном, кой в вас еще больше силы потребует, нежели в баснословном Си́зифе превеликий оный камень, который он на высокую гору один токмо хотя вскатить, с самого, почитай, верха на низ его не хотя опускает; но и о реторике и стихотворной науке, а сие все безмерно утрудить вас может.

Чувствуя сие толь тяжкое бремя и видя в собрании нашем толь малое нас число, сомневаюсь, отпустите моему малодушию, чтоб нами одними

толикое дело могло получить верх совершенства. Впредь, твердо надеюсь, когда малый, узкий и мелкий наш поток, наполнився посторонними струями, возрастет в превеликую пространную и глубокую реку, то есть когда число наше искусными людьми умножится и прибавится, тогда можно будет благополучного сему ожидать совершения и вновь к старому приумножения. Довольно с нас ныне и сея единыя славы, что мы начинаем, что начинаем под надзрением нынешнего главного нашего командира, что, наконец, начинаем в государствование великия и несравненныя самодержицы нашея Анны, Матери Отечества, и которая ныне есть чудо и удивление всему свету.

Поистине, господа, действия и добродетели увенчанныя сея героини толь велики, как всему земному кругу известно, что ни самый совершенно исполненный язык речей в себе равных, дабы описать оные, изобресть не может. Что ж наш? И наш, который не токмо не исполнен, но еще поныне и дополняем быть не начат? Сего точно ради ныне должность сия вам поручается, дабы, поскольку возможно, в совершенство приводить наш язык и чрез то б иметь хотя малое средствие к прославлению дел и добродетелей государыни нашея.

Не сомневаюсь, чтоб, украшая наш язык, не потщались вы описать в известие будущему роду, коль есть премудра наша императрица, коль храбра, щедра и правосудна, коль любезна в мире, страшна в приуготовлениях воинственных, глубока в рассуждениях, непроницаема в намерениях, неутруждаема в исполнении своих предприятий, небоязлива в противных приключениях, великодушна в победах, великолепна и преславна в торжествах, но чтоб и украшенным могли мы описать, коль есть она милостива, о сем не токмо сомневаюсь, но еще и отчаиваюсь. Найдите мне, прошу, такого государя, который бы во время самого сражения пленных воинов содержал как посланников; неприятелей, недобровольно покорившихся, — как другов, и который бы подданных своих любил и жаловал, как детей! А наша государыня императрица так поступила с французами, так поступает с депутатами гданскими, так жалует и снабдевает нас, своих подданных, не требуя с нас за целую половину года должных себе податей, состоящих не в нескольких тысячах, но во многих миллионах. Поистине, толико сие потомкам будет невероятно, колико есть праведно: достовернейшая сия истина такова вменится, каковы преукрашенные слогом басни древних и новых пиитов нам быть кажутся. Что ж до нынешнего времени, кто о сем сомневается? Кому сие невероятно и неизвестно из нас мнится? Глух есть, кто не слышит громогласных проповеданий во всей России от всех чинов, на всяком месте о крайней самодержицы нашея милости; слеп

есть, кто не видит повсюду текущего, неудопонятного потомкам щедрот ея источника; окаменен есть, кто не чувствует сердцем матернего ея ко всем милосердия; а продерзостен и безумен есть, кто, высоко мысля о себе, описать милости, щедроты и ея милосердия всю великость вознамерится. Всех бы разве витийствующих довольно к тому было добровещание; а единого человека всякое скудно, убого и недостаточно есть красноречие. Того ради не льститесь, господа, чтоб и все вы совокупно, как в малом находящиеся числе, могли когда изъяснить по достоинству, хотя б ваша и самая совершенная была словесность, милость правосудную и правосудие милостивое монархини нашея Анны: безмерность ея щедрот все глубочайшие умы в свете превосходит. Итак, оставим милосердие ея, чтоб продолжало свое течение, возблагодарим токмо всеблагому Богу, что милостиво свое подобие, императрицу Анну, даровал нам здесь, да здраво, благополучно и долговременно та царствует над нами.

Где ж я и слово мое? Извините меня, господа, что толь далеко отступил я в сей моей речи от намеренного предложения: истинно, всегда в живое прихожу чувство, сколько крат ни размышляю о неизмеримой и никогда достойно прославляемой милости, которую государыня наша имеет. Не знаю, благодарность ли моего сердца (ибо и я, господа, довольно оною, кто б поверил? насладился) к тому меня приводит, или чудное ея величие уму моему есть ужасно и дивно. Но к намеренной возвращаюсь речи.

Не забыл я, господа, что оставил вас при великих трудностях полагаемого на нас дела. Бесспорно, сия трудность есть превелика, однако она не из таких, чтоб не возмогла быть преодоленна. Всегдашнее тщание, непрестанное размышление, неусыпный труд и на презыблющемся океане строит городы, и на превысокие горы взводит реки, и в преглубоких безднах достает маргариты. Знаю, что трудно будет начало, но своя есть честь и начатию. Ведаю, что скучно будет продолжение, но и с тем громкая сопряжена слава. А из полезного окончания коликая похвала, коликие благодарения и коликие прославления произойти могут, кто сего не предусматривает и кто сего уразуметь не может? Одно б разве сие токмо отвратить от предприятия нас могло, что не надеемся мы быть счастливы в окончании и что другим сей преславный жребий готовится, а не нам, предприявшим. Правда. Но, господа, для себя ль единыя пчела сладкий мед собирает, а и не для нас? Для себя ль единого соболь драгоценную носит одежду, а и не для нас? Не для себя и прекрасные цветы благовонны, но для нас. На что нам завидовать счастию и славе других в окончании, когда довольно всего того с нас будет в начатии и в продолжении. Но хотя нас и устрашают трудности, однако начнем, а по начатии нечто из того

произойдет, по крайней мере побуждение других к подобному делу, не начиная ж ничего, ничего и не будет. Сверх того, первые ль мы в Европе, которым сие не токмо трудно, но, почитай, и весьма неприступно быть кажется? Были, были такие, которые, не боясь того, но смотря на будущую из сего пользу, начали, продолжали, и некоторые с похвалою окончали. Например, не нетрудно было в самом начале Флорентийской академии старание приложить о чистоте своего языка? Приложила. Не нестрашно было, мню, предприять также и Французской академии, чтоб совершеннейшим учинить свойство там употребляемого диалекта? Предприяла. Невозможно, чаю, сперва казалось Лейпцигскому содружеству подражать толь благоуспешно вышереченным оным академиям, коль те, начавши, окончали счастливо; подражает и подражало благополучно.

Нас, господа, что могло б не допустить к начатию толь полезного и толь нужного дела? Не помышляете ль вы, что наш язык не в состоянии быть украшаем? Нет, нет, господа, извольте отложить толь неосновательное мнение. Посмотрите от Петра Великого лет, обратившись на многие прошедшие годы, то, размысливши, увидите ясно, что совершеннейший стал в Петровы лета язык, нежели в бывшие прежде. А от Петровых лет толь от часу приятнейшим во многих писателях становится оный, что нимало не сомневаюсь, чтоб достославныя Анны в лета к совершенной не пришел своей высоте и красоте.

Украсит его в нас двор ея величества, в слове учтивейший и великолепнейший богатством и сиянием. Научат нас искусно им говорить и писать благоразумнейшие ея министры и премудрые священноначальники, из которых многие, вам и мне известные, у нас таковы, что нам за господствующее правило можно б их взять было в грамматику, и за краснейший пример — в реторику. Научит нас и знатнейшее и искуснейшее благородных сословие. Утвердят оный нам и собственное о нем рассуждение, и восприятое употребление от всех разумных: не может общее, красное и пишемое обыкновение не на разуме быть основано, хотя коль ни твердится употребление без точныя идеи об употреблении. Сие положив, не великий ли приступ, не великая ль удобность к начатию грамматики? Что ж еще страшит нас? Реторика? Помогут нам в ней премногие творцы греческие и римские, а наипаче хитрый и сладкий в слове Марк Туллий Цицерон. Помогут французские Балзаки, Костарды, Патрю и прочие бесчисленные. Помогут многие преславные писатели немецкие, а особливо здесь его превосходительство главный наш командир, которого в сем каково есть искусство, уже объявилось ученому свету некоторым его словом и речию, которую он говорил в здешней Императорской Академии наук к господам

профессорам. Из основательныя грамматики и красныя реторики нетрудно произойти восхищающему сердце и разум слову пиитическому, разве только одно сложение стихов неправильностию своею утрудить вас может, но и то, господа, преодолеть возможно и привесть в порядок: способов не нет; некоторые ж и я имею. Вся трудность состоит в лексиконе.

Не противлюсь вам, великое и трудное дело есть лексикон, и лексикон такой, какому быть ему надлежит, а именно, полному и совершенному. Однако не сие есть свойство лексикона, как повествуется об истинном или и ложном, лучше, Фениксе, что б единожды в пятьсот лет был созерцаем; тысяща есть издавна разных лексиконов, и на многих языках. Сие самое доказывает непреоборимо, что и лексикон не выше сил человеческих; а сего здесь и довольно. Излишно б упомянул я о переводе: некоторые и из вас самих, и не без похвалы, пускают и пустили в свет свои переводы. Того ради хотя и труден перевод, но бывает и производится; хотя он и скучен, но к окончанию своему приходит. Труд, господа, труд прилежный все препобеждает!

Ясно есть, что и трудность в нашей должности не толь есть трудна, чтоб побеждена быть не возмогла. Одно тщание, одна ревность, одна неусыпность от нас требуется. Можно ж дать и способ, чрез который тщание, ревность и неусыпность непреминуемо иметь мы будем. Верьте мне, когда о труде памятовать не станем, когда хвалы, славы и общия пользы желать станем, когда не для того будем жить, чтоб не трудиться, но ради сего станем трудиться, дабы и по смерти не умереть, тогда нечувствительно привыкнем и пристрастимся к тщанию, ревности и неусыпности.

Впрочем, господа, хотя и кажется мне, что я несколько доказал пользу, славу и препобеждаемую трудность в новой сей нашей должности, но, всеконечно, не знаю, приличным и свойственным ли словом сие я исполнил. Того ради для начатия вашего первого опыта самую сию речь, на сих листках написанную, в ваше отдаю рассмотрение, прося, да соблаговолите в ней неправильное исправить, недостаточное наполнить, непринадлежащее надлежащим украсить, лишнее вон вынять, и сим образом из несладкия сделать ее хотя несколько пошлою и приятною.

ОДЫ ПОХВАЛЬНЫЕ

Ода I
ТОРЖЕСТВЕННАЯ О СДАЧЕ ГОРОДА ГДАНСКА. 1734

Кое странное пианство
К пению мой глас бодрит!
Вы Парнасское убранство,
Музы! ум не вас ли зрит?
Струны ваши сладкогласны,
Меру, лики слышу красны —
Пламень в мыслях восстает.
О! народы, все внемлите,
Бурны ветры! не шумите,
Анну стих мой воспоет.

В слогах толь высокопарных,
Пиндар, Флакк по нем от мглы
Вознеслись до светозарных
Звезд, как быстрые орлы.
Но когда б с самим сердечным
К Анне духом сим и вечным
Песнь сравнилась днесь моя,
То б сам и Орфей Фракийский,
Амфион бы и Фивийский
Восхищен был от нея.

Се бряцаю в лиру сладку
Велелепно торжество,

К вящему врагов упадку
Величая ликовство.
О! коль доблественна сила
Нашу радость украсила
Силе равного борца;
Светлой радости нет меры,
Превосшедшей все примеры,
Усладившей в нас сердца.

Сам Нептун что ль строил стены?
Сии при море стоят?
Нет ли Тройским к ним примены,
Что пустить внутрь не хотят
Росско воинство обильно,
И тому противясь сильно?
Вислою там все рекой
Не Скамандру ль называют?
Не за Иду ль принимают
Столнценберг, кой есть горой?

То не матерь басней Троя,
Не один тут Ахиллес:
Каждый рядовой из строя
Мужеством есть Геркулес.
Что ж за власть перуны мещет?
Не Минерва ль шлемом блещет?
Явно, что от горних лиц,
Со всего богиня вида,
Без щита страшна эгида:
Анна — верх императриц.

То и росский полк намало
Гданск, град вражий, окружил;
Марсом кажда звать пристало
В воех, как на брань спешил:
Всяк готов пролить кровь смело
Иль венчать об Анне дело,
Счастьем Анны крепок всяк:
Анна — им надежда тверда,

И что та к ним милосерда,
Каждый верен, не двояк.

Европейска и Азийска
Златовидный солнца луч!
О! монархиня российска,
Сей блаженства есть твой ключ,
Что подданным толь любезна!
И владычеством полезна!
Имя чтит твое весь свет,
Славы не вместит вселенна,
Видя, коль ты проявленна,
И доброт прекрасный цвет!

Что я зрю? Не льстит ли око?
Отрок Геркулу впреки
Стал, подъемля бровь высоко,
Из оград, из-за реки!
Гданск то с помыслом неумным,
Как питьем упившись шумным,
Се противится и толь
Самодержице великой!
Бездн не видит в тьме толикой,
Всех и смертоносных доль.

Станислава принимает,
Ищет дважды кой венца,
В свой округ и уповает
Быть в защите до конца
Чрез востекшего Нептуна;
Росского ж боясь перуна,
Дальный в помощь и народ
Емлет от брегов Секваны;
Сей на бедство в барабаны
Бьет у Вексельминдских вод.

Горд огнем Гданск и железом,
И полками воев там,

Целит махины разрезом
В россов на раскатах сам.
Что ж богат и всем припасом,
Станиславу кличет гласом;
Воинов своих блажит,
Храбра сердца неимущих,
То едино стерегущих,
Жизнь спасти б, и всяк бежит.

Ах! Гданск, ах! что ты дерзаешь!
В ум приди, с ним соберись:
В пагубу себя ввергаешь,
Что стал? медлишь! покорись.
Смелость от чего имеешь,
Что пред Анной не робеешь?
Поддаются племена
Добровольно и без брани;
Чтоб не дать когда ей дани,
Хинска дважды чтит страна.

Анне не было подобной
В милосердии нигде,
Нет и к миру толь способной
С нехотящим быть в вражде.
Меч, оливою обвитый,
В бранях токмо есть сердитый.
Кинь, Гданск, помысл злобный, кинь:
Зришь, Алциды уж готовы,
Жителям беды суровы,
Слышишь Аннин гнев, не гинь.

Тысящами ты атлетов
Тесно всюду окружен,
Грозных молний от полетов
Весь ужасно сокрушен.
Устоять тебе не можно:
Гром готов уже не ложно;
Без защиты твой раскат;
Всяк дол бездну отверзает;

Всяк кров в воздух улетает;
Всех почти лишен оград.

Купно хоть державы б стали
За тебя, Гданск, от сердец,
Хоть стихии б защищали,
Многих стран бы от конец
Воины в тебе всем были
И свою б кровь щедро лили, —
Но ничто тебе от мук
Есть не сильно дать свободу,
И пресечь вконец безгоду,
И у Анны взять из рук.

Зрите вы, противны роды,
Храбрость росских воев днесь:
Не вредят им огнь и воды,
В каждом грудь открыта здесь.
Коль все дружно приступают!
Как свою жизнь забывают!
Не страшит из пушек гром!
Лезут, как плясать на браки!
И сквозь дымны видно мраки,
Что к твердыням зрят челом.

Все еще разятся страхом
Града бедного в стенах;
Падает, летит все прахом,
Осадитель на верхах!
С башни магистрат последней
Зря, что в силе не соседней,
В Станиславе, вбегшем к ним,
Суетная всем надежда,
А без смысла, как невежда,
«Пасть, — кричит, — нам роком сим».

Хочет быть, что я пророчил:
Начинает Гданск трястись;

Сдаться всяк, как биться прочил,
Мыслит купно и спастись
От оружий, бомб летящих
И от всех зараз, град тлящих,
Всяк вопит: «Час начинать!»
Всем несносно было бремя;
Ах! врата градские время
Войску Анны отверзать!

Сталось так. Знак виден к сдаче —
И повергся Гданск к ногам!
Воин рад наш об удаче;
Огнь погас; конец бедам.
Тотчас Слава полетела,
Так трубою загремела:
«Анна благосчастна есть!
Анна есть непобедима!
Анна, всеми возносима,
Обща красота и честь».

Лира! песнь скончай и, лики:
Анну венценосну петь
И доброты превелики
Невозможно мне как леть.
В сем хвала, в сем Анне многа,
Что любима есть от Бога.
Сам всегда ея блюдет,
Им победы та имеет,
Кто противником быть смеет.
Анна мног век да живет!

РАССУЖДЕНИЕ ОБ ОДЕ ВООБЩЕ

Речь *ода* с греческого есть сло́ва Ὠδή, которая по-нашему значит: *песнь*. Но в самой вещи *ода есть совокупление многих строф, состоящих из равных, а иногда и неравных стихов, которыми описывается всегда и непременно материя благородная, важная, редко нежная и приятная, в речах весьма пиитических и великолепных*.

По сему описанию оды видно, что она благородством материи и высокостию речей не разнится от эпическия поэзии, но токмо краткостию своею, также и родом стиха, для того что ода никогда не сочиняется гексаметром, или шесть мер имеющим стихом.

Всякая мирская песня, буде она от правильного сочинена песнотворца, подобна есть оде тем, что и песня из многих состоит строф, иногда равные все, а иногда и неравные стихи в себе имеющих. Но материею и словами весьма от оды отлична, ибо содержание песен часто и, почитай, всегда есть любовь либо иное что подобное, легкомысленное и только что сердце человеческое улещивающее; речь же самая бывает в них иногда сладкая, но всегда льстящая, часто суетная и шуточная, нередко мужицкая и ребячья.

Есть и еще род строф, который всегда как в средней материи, то есть ни очень благородной, ни весьма общей обращается, так и словами средними, именно ж: ни весьма высокими, ни очень низкими, больше нечто от высоты, нежели от низкости занимающими, и́дет. Сей род строф французы называют *стансами*. Но сказать праведнее, стансы их — все то ж, что оды, но токмо нежные и непарящие в высоту.

Подлинно, Пиндар, лирический пиит на греческом языке, и Гораций, подобного ж искусства на латинском, толь совершенно писали оды, что желающий ныне в том иметь успех не может им не последовать. Они только одни умели сочинять толь чудесно, когда, чтоб изъявить разум свой, как будто б он был вне себя, прерывали с умысла последование своея речи и, дабы лучше войти в разум, выходили, буде позволено так сказать после Боало-Депрео, из самого разума, удаляясь с великим старанием от исправного порядка, который имел бы отнять всю соль, весь сок или, лучше, самую душу у лирическия поэзии.

Присмотревшись к величественности и неподражаемому совершенству в одах сих великих в древности мужей, Боало-Депрео, сатирик французский, во второй песни «Науки» своея «о поэзии» так говорит об оде:

Son stile impétueux souvent marche au hasard,
Chés elle un beau désordre, est un éffet de l'art,

то есть:

Быстра в оде слога часто есть отважен ход,
Красный беспорядок точно в ней искусства плод.

Сего правила никто на французском язы́ке, как мнится, не употребил лучше самого автора Депрео, которое он самым делом совершенно всем

показал в преизрядной своей оде, сочиненной по случаю взятого города Намура от французского войска. Признаваюсь необиновенно: сия самая ода подала мне весь план к сочинению моея «О сдаче города Гданска»; а много я в той взял и изображений, да и не весьма тщался, чтоб мою так отличить, дабы никто не узнал; я еще ставлю себе в некоторый род чести, что возмог несколько уподобиться в моей толь громкому и великолепному произведению, которое так есть благоуспешно, что, по мнению знающих особ силу, ничем не отстало от всего, что мы ни имеем из сочинений в сем роде, оставшихся нам от Пиндара и Горация.

Всяк российский охотник может приметить высоту слова, какова приличествует одам, в Псалмах Святого Песнопевца псалтирического, ибо Псалмы ни что есть иное, как токмо оды, хотя на российский наш и не стихами они переведены, но на еврейском все сочинены стихами. Увидит он тут и благородство материи, и богатство украшения, и великолепие изображений; увидит мудрое прерывание разума, а от разума не отходящее; увидит удивительное вознесение слога и, по Ролленевым словам, во втором надесять томе «Древния» его «истории»: «неисчетное множество живых красот и одушевленных. В них реки возвращаются вспять к своим истокам, моря расступаются и убегают, холмы скачут, горы тают, как воск, и исчезают, небо и земля слушают и внушают с почтением и в молчании — все естество приходит в движение и колеблется от лица своего Зиждителя»; увидит он и скажет, что то, по самой истине, есть Божий язык. Такова долженствует быть совершенная ода, а особливо благородную материю воспевающая.

Что ж до моея, коль я ни тщался, однако, ведая мое бессилие, не уповаю, чтоб она столько ж сильно была сочинена, сколько Боалова, которой моя есть подражение: довольно с меня и того, что я несколько возмог оной последовать. Я, впрочем, и не даю моея оды за совершенный образец в сем роде сочинения, но при важности в материи и при имени похваляемыя и воспеваемыя в ней она нечто имеет в себе, как мнится, несколько небесславное, а именно, самая первая есть на нашем языке.

Ода II
ПОХВАЛА ЦВЕТКУ РОЗЕ

Благовонна Роза! Красота весны!
Цветников повсюдных яхонт без цены!

Госпожу всему, что красам причастно,
Иль тому тебя грунт, что есть прекрасно,
О! тебя царицу славнейшу цветов,
Не зарницу, солнце точно всех садов!
Похвалить теперь я хотя и тщуся,
Но румяну зря, и хвалить стыжуся.

Как тебя раждало естество на свет,
То всем тем снабдило, лучшего в чем нет;
Красных всех цветов тем ты и красняе,
Тем ты и честных сколько есть честняе.
Прочие красятся мало чем цветы,
А в тебе верховны видим красоты;
В белости б бледнел луч Лилей немалый,
К белизне тебе дан цвет желт и алый.

В землю посадило мягку израстать,
Мягкости б от грубой во вреде не стать;
Зефир тонкий сам над тобой летает,
В воздух аромат всюду развевает;
Естество то только тщилось о тебе,
Что тебя любиму из цветов себе
Тернием вокруг оградило смежно,
Не касалось бы к нежной, что не нежно.

Влит в тебя приятный благовоний сок,
Намащен пресладким духом всяк листок;
Чувство в нас одно, зря тебя, дивится,
А другое чувств духом тем сладится;
Благолепность много подает утех,
Благовонство равно сладостей нам всех;
Внешним кто, коль ты, столько есть богата?
Внутренним же всем уж дражайша злата.

Испытать хотела багрецом своим
И других составом многих красок с ним
Живопись всегда пестра, разноцветна,
Видима очам, слуху бесприветна,

Чтоб тебе подобный написать цвет здесь,
Зрит изобразивши в разности тот весь;
Как бы кистью то живо учредилось,
Само небо в чем тщательно трудилось?

Адамант перл сколько выше оценен,
Коль источник мутный с чистым несравнен,
Злат железна коль есть крушец дражайший,
Отраслей своих кедр коль высочайший,
Толь ты превосходишь цветоносный род
И цветущий в твари всякий разный плод.
Предо всеми что есть луна звездами,
Зришься то сама ты между цветами.

Все зрим ненасытно лепоту твою,
Большу любопытность кажет зряй свою;
Обоняем твой с неба дух богатный:
Равен твоему где есть ароматный?
Сам ты лучше знаешь, о! рой мудрый пчел,
Сколько цвет сей райский в дивный твой предел
Щедро подает от сокровищ истых
Всеприятный дар, нектар медов чистых.

Ода III
ПОХВАЛА ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ ПРАВДЕ НАД ЛЖЕЮ

О! что за злость? о! что за ярость?
Пороков что за смрадна старость?
Коль адским дышет та огнем!
Кому она во вред стремится!
Не умертвить ли стервенится!
В ней лют есть гнев, а жар лют в нем!

Чудовище свирепо, мерзко!
Три головы подъемлет дерзко!
Сверкает в том тройной язык!
Яд изблевать уже готово!

И наглостию толь сурово
Разинуло тройной же рык!

То Ложь проклята, дерзновенна,
Из Ада вышедши безденна,
Святую борет Правду злясь,
Бесстыдно гонит ту всечасно,
Тем славится уж велегласно,
Что хочет растерзать стремясь.

Укройся, Правда ты драгая,
Восстала на тебя Ложь злая,
Та нагла, ты сверх мер кротка,
Свирепа та, но ты вся сладость,
Та — древний зверь, в тебе ввек младость;
Задавит, мню, тебя слетка.

И се исходит Правда мила
С ней и Доброт премнога сила:
Честь, Постоянство, Красота,
Умильность, Светлость непремрачна,
Вся Добродетель благозрачна
И благостей всех высота.

Ко Лжи приходит тихо, прямо;
Ложь смотрит на нее упрямо!
Прочь, вселюбезна Правда, прочь:
Ложь на тебя скрежещет злобно,
Пожрать возможет та удобно,
Иль стерть вдруг, смертоносна дочь.

Ах горе! зрится брань задорна,
Жарка, хоть и единоборна:
Каков был страшный Голиат
В своих поступках и обратах,
Весь ополчен, отвсюду в латах,
Таков Лжи в смелости приклад.

А Правда сходствовала точно,
Сходясь в бой будто как непрочно,

Тому, кой пастушком успех
Весь одержал победоносный,
В проворстве ж будучи некосный,
Противника низверг в посмех.

Так равно битва началася,
Где Правда Лжи не поддалася,
Грозит ту спешно Ложь убить;
Она мнит, что тоя сильняе,
Но Правда оную больняе
Уж начала в чело разить.

Ругает пенясь та словами,
И Правда не молчит устами;
Та не пронзила уж едва;
Мечом же Правда ту острейшим
И поражением сильнейшим
Низринула до смертна рва.

О! язва, раз благополучный!
О! слава, глас победы звучный!
Лжи гордыя следов не знать!
Есть Правды торжество преславно,
Красуется за дело главно
И дивно ль ей торжествовать?

Еще торжеств всем видны следы:
Там после славныя победы
Идет за Правдою чин мног;
Все ж добрые сердца имеют,
Всклицаниями ей сипеют,
Препровождая ту в чертог.

То всеми зрелище толико
Прославлено как превелико;
Коль Правде горестно терпеть
От Лжи зло было и некратко,
Толь красно торжество и сладко
В веселии уж ныне петь.

Ода IV

ПОХВАЛА ИЖОРСКОЙ ЗЕМЛЕ И ЦАРСТВУЮЩЕМУ ГРАДУ САНКТ-ПЕТЕРБУРГУ

Приятный брег! любезная страна,
Где свой Нева поток стремит к пучине,
О! прежде дебрь, се коль населена!
Мы град в тебе престольный видим ныне.

Немало зрю в округе я доброт:
Реки твоей струи легки и чисты,
Студен воздух, но здрав его есть род,
Осушены почти уж блата мшисты.

Где место ты низвергнуть подала
Врагов своих Блаженну Александру,
В трофей и лавр там Лавра процвела,
Там почернил багряну ток Скамандру.

Отверзла путь, торжественны врата,
К Полтавским тем полям сия победа;
Великий сам, о! слава, красота,
Сразил на них Петр равного ж соседа.

Преславный град, что Петр наш основал
И на красе построил толь полезно,
Уж древним всем он ныне равен стал,
И обитать в нем всякому любезно.

Не больше лет как токмо с пятьдесят,
Отнеле ж все хвалу от удивленной
Ему души со славою гласят
И честь притом, достойну во вселенной.

Что ж бы тогда, как пройдет уж сто лет?
О! вы, по нас идущие потомки,
Вам слышать то, сему коль граду свет,
В восторг пришед, хвалы петь будет громки.

Авзонских стран Венеция, и Рим,
И Амстердам Батавский, и столица
Британских мест, тот долгий Лондон, к сим
Париж градам, как верх, или царица, —

Все сии цель есть шествий наших в них,
Желаний вещь, честное наше странство,
Разлука нам от кровнейших своих:
Влечет туда нас слава и убранство.

Сей люб тому, иному тот из нас,
Как веселил того, другой — другого,
Так мы об них беседуем мног час
И помним, что случилось там драгого.

Но вам узреть, потомки, в граде сем
Из всех тех стран слетающихся густо,
Смотрящих все, дивящихся о всем,
Гласящих: «Се рай стал, где было пусто!»

Явится им здесь мудрость по всему,
И из всего Петрова не в зерцале
Санкт-Петербург не образ есть чему?
Восстенут: «Жаль! зиждитель сам жил вмале».

О! Боже, Твой предел да сотворит,
Да о Петре России всей в отраду
Светило дня впредь равного не зрит
Из всех градов везде Петрову граду.

Ода V
ПРИВЕТСТВЕННАЯ
ВСЕПРЕСВЕТЛЕЙШЕЙ ДЕРЖАВНЕЙШЕЙ ВЕЛИКОЙ ГОСУДАРЫНЕ ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИСАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ. САМОДЕРЖИЦЕ ВСЕРОССИЙСКОЙ, ГОСУДАРЫНЕ ВСЕМИЛОСТИВЕЙШЕЙ, ВСЕПОДДАННЕЙШЕЕ ПОЗДРАВЛЕНИЕ, В ВЫСОЧАЙШИЙ ДЕНЬ КОРОНОВАНИЯ В ЦАРСТВУЮЩЕМ ГРАДЕ МОСКВЕ АПРЕЛЯ 25 ДНЯ 1742 ГОДА В ПРИВЕТСТВЕННОЙ ОДЕ ИЗОБРАЖЕННОЕ И ЕЯ СВЯЩЕННЕЙШЕМУ ВЕЛИЧЕСТВУ УСЕРДНЕЙШЕ ПОСВЯЩЕННОЕ, И В САМЫЙ ТОТ ДЕНЬ В ГРАНОВИТОЙ ПАЛАТЕ ПОДНЕСЕННОЕ РАБОЛЕПНО ОТ ВСЕПОДДАННЕЙШЕГО РАБА В(АСИЛИЯ) Т(РЕДИАКОВСКОГО)

Всемилостивейшая государыня императрица!
Самодержица Всероссийская!

Вожделенный и спасительный день всеобщия Российския радости, то есть день вашего императорского величества священнейшего коронования, расширив чувствительнейшим веселием мое сердце, не попускает и мне быть при всемирных безгласну восклицаниях. Не имея достойнейшего внешнего способа к изъявлению внутреннего моего усердия, оду сию токмо, припад к стопам вашего императорского величества, за истинный знак всеподданническия моея должности вашему императорскому величеству в приветствие посвящаю.

Дерзновению моему хотя и не можно извиниться совершенно тем, что вседостойной в свете монархине крайно недостойную песнь толикого празднования и короны, ныне вашим императорским величеством торжественно от руки Всевышнего восприятыя, приношу явно, однако несколько не может же оное во мне быть и не оправдано, что искренним сердцем, чистым духом и непритворным воспламеняемый радованием прославляю в ней, по мере слабых моих сил, ваше императорское величество, истинную нашу самодержицу.

Восприемля с благоволением в день сей великолепные отвсюду дары, да не отринет ваше императорское величество малого сего и убогого; сие ж по примеру преисполненного щедрот Бога, коего здесь на земле образ есть и подобие ваше императорское величество; ибо Его благость призирает и на драгоценное от приносящих к олтарю злато, и едва на непрезираемые некоторые вещи. Сего есть рода точно и сие мое приношение; но представляет оно в жертву вашему императорскому величеству как чистейшую ревность, так должное, совершенное и глубокое всеподдан-

ническое раболепство, с которым всегда я был, ныне есмь и пребуду до последнего издыхания,

всемилостивейшая государыня императрица,

вашего императорского величества
всеподданнейший раб В. Тредиаковский.

Устрой, давно молчаща лира,
В сладчайший глас твоих звон струн,
Да будет слышимый от мира,
Взнеси до стран, где есть перун,
Твой возглас светлый и приятный
И в звучном шуме грому внятный;
Сама в умильности в чертог
Несись к Елисавете красно,
Ту воспевая повсечасно
И повергаясь к ней до ног.

О! Матерь отчества Российска,
О! луч монархинь и красот,
О! честь Европска и Азийска,
О! плод Петров и верх высот,
Воскликнуть может кто пристойно,
Чтоб было все того достойно,
Кой зрится на главе твоей
Венец от каменя толь честна?
Моя песнь будет хоть нелестна,
Но сил к хвалению нет в ней.

Зефирный ветры дух да веют,
Да реки нектаром текут,
Скоряе все плоды да спеют,
Цветы везде да прорастут,
Да льют стихии силу нову,
К безвредию вещей готову:
Российски ныне небеса
В Елисавете обновились,
Ея и земли пременились,
И зрятся всюду чудеса.

Без дива ль очи в нас едины
Возобновление то зрят?
Не имут ли сердца причины
К веселию, что толь горят?
Законну мы главу зрим ныне,
Венцом блещащу в благостыне,
Мы все зрим, что Елисавет
Престол, власть, скипетр и державу
Наследила себе по праву
И век златый ко всем ведет.

Стремится тщетно мысль на горы,
Где сладкогласных Муз престол,
Туда возводит дерзко взоры,
Оставить пореваясь дол.
Ни Аполлин есть сам исправен,
Ни нежый хор его весь равен
Елисавету восхвалить,
Императрицу увенчанну,
В знак милостей нам свыше данну,
Мне ль достолепно вострубить?

Елисавете подобало
На троне сем давно сидеть,
Давно в руках ей надлежало
Державу с скипетром иметь:
Сама главы ея — корона,
Бедра ж искал меч оборона;
Давно быть и на раменах
Порфира златотканна тщилась,
Дабы сама вся украсилась
Толь от прекрасныя в женах.

Народ тогда колико бедный
Лил теплых к Вышнему молитв:
«Да взыдет та на трон наследный»,
Хоть был ему страх от ловитв!
О! вы, толь храбрые солдаты,
Монархини сея коль краты

Сердец желали в глубине?
Вы, о! стена России тверда,
Уж видите, что милосерда
Верховнейшею в сей стране.

Все зрите, се Елисавета
Сияет коль своим венцом!
Се в багрянице, с слов завета,
Пресветло блещет коль лицом?
Прекрасна, щедра, справедлива,
Во всех добротах особлива,
На троне важно коль сидит!
Величие в императрице
Всяк зря и красоту в девице,
Да ону достодолжно чтит.

Еще ль гласить по недостатку
Моих сил тако не боюсь?
Я ль воспою хвалу пресладку
И толь продерзостен явлюсь?
Почто я в мысли не имею,
Что с неискусства онемею?
Но всюду славят по всему
Елисавету несравненну,
Тем песнь мою неукрашенну
Скрасит усердие к тому.

О! всех сердец толь чистый пламень,
Елисавет, Петрова дщерь!
Почто ж твое к нам было камень,
Надежды заключая дверь?
Почто не прежде воцарилась?
Ни прежде в сем венце явилась?
Тебе ль всех слезы повсегда
Не объявляли предовольно,
Тобою если б было вольно,
Была б в нас главною тогда?

Поставлены уж сети были,
Ям оказалась глубина,
Беды и скорби нас губили,
И ненависть воружена;
Блевала злость змеиным ядом,
Со дна всем подымалась Адом,
России горький токмо стон:
Все без защиты от навета!
Но ты, зря, о! Елисавета,
Как будто сих не зрила спон.

Особа ж ли твоя дражайша
Тогда пребыть могла без бед?
О! дщерь, отца дщерь не нижайша,
Толикий никому был вред:
Везде обида, всюду страхи;
Уже и самые все прахи
Любезну гнали небесам.
Хотя ж сие и досаждало,
Однак тебя не возбуждало
Идти, куда твой род вел сам.

Народ, все войско, благородство,
Синклит и весь духовный чин,
Науки, суд и мореходство,
Всяк вернейший российский сын —
Все, в виде от Петра что новом,
Молило так молчащим словом:
«О! буди время, наша Мать,
Твои все и твоих неложно,
Потщись, а дело есть возможно,
Престань, всех радость, толь рыдать».

Сим дух, толь непоколебимый,
Хоть не терзаем быть не мог,
Но так был вид твой всеми зримый,
Что будто не крушил налог.
Великодушия пределы
Могли б все и тогда быть целы:

Бедам ли ты ждала конца?
У всех уже шли к смерти ноги,
Спастись не видели дороги,
Что быть коснела без венца.

Что ж то! в ревнительнейшем жаре
Поющий стих куда стремлю?
Безумно в дерзком зрюсь быть сваре,
Впреки терпению гремлю.
О! мати росских чад высока,
Не отврати во гневе ока:
Вся радость чистая моя
Хотя сие так произносит,
Но зрит и купно верить просит,
Колика мудрость в сем твоя.

Судеб я бездну вышня Бога
Чту токмо, ужасом разясь,
Испытывать ту дерзость многа
Бегу потопа, не стыдясь.
Премудрый ведал точно время,
В которое Петрово племя
Десницею благословить
Полезнее для нас всех было,
Но средство мир весь удивило,
Дал коим скипетр возвратить.

Уже зришь, коль народ подданный
Веселий выше здесь своих
Ликует, что есть непопранный
От зверства гордого чужих.
Но радости сея причина
Ты, о! монархиня, едина:
Восставил скипетр твой его,
Твоим есть утвержден престолом,
Нет места в нем фортуне с колом,
Венец твой — щит нам от всего.

Тобою все мы благосчастны,
Всяк состояние блажит;
Всем ныне дни сияют красны,
Ничто уж больше не страшит.
Мир заключаешь ли с другами —
Несутся с неба дары сами,
Обилие, богатство вновь;
Вселяется внутрь дух спокойный,
Порядок зрится всюду стройный,
Усердность, искренность, любовь.

Враги ль тебя где нудят к брани —
Остряе российский тотчас меч,
Несутся вскоре должны дани,
Ярится храбрость тех посечь.
Где воин идет — там успехи;
Моря и реки без помехи,
Поля и горы для побед,
Быстряе птицы Слава мчится,
И токмо торжество красится,
Противных погибает след.

В век долгий здравствуй, венценосна!
Красуйся в благодати сей!
К единым казнем лютым косна,
В щедроте процветай твоей!
Дарами свыше превосходна
И добродетелям всем сродна
В блаженствах весело играй!
Вкушай намерений плод чистых
В Петре с петровых ветвей истых.
Но в дар тебе? — сердца взимай.

Не презри моея глас Музы,
Молчавшия премноги дни,
Расторгла немоты днесь узы,
Ея похвал не отжени;
Хотя и недостойна слуха,
Но чиста сердца песнь и духа,

На искренность ея воззри,
На верну должность и подданства;
Сим счастливу и без убранства,
Тобою красну сотвори.

Ода VI
БЛАГОДАРСТВЕННАЯ

Монархиня велика!
Зерцало героинь!
Не оных общих лика —
Ты всех верх благостынь.
Тебе с тимпаны стройно
Гласят трубы достойно.
О! Муза, в сладость глас по мере сил настрой,
Елисавете песнь благодарений вспой.

Лиешь всем благодати
Из недр златых твоих,
Верховна россов Мати,
Ты правосудна в них;
И милость просияла,
Но толь, что всех объяла.
О! Муза, поздный род о сем ты уверяй,
Елисавету всяк день ныне прославляй.

Приводишь в честь науки,
Созиждешь им и дом;
Их предваришь докуки —
Насытишься плодом:
Те возвеличат славу,
И ублажат державу.
О! Муза, проповеждь толику благодать,
Елисавет что сим судила преподать.

Но, о! императрица,
Сокровище даров!

Пресветлая денница!
Прибежище! Покров!
Мы о твоей порфире
Прославлены уж в мире.
О! Муза, ублажи причину славы всем,
В Елисавете коль красуемся мы тем.

Служить самодержавной
Блаженство есть не тще;
Усердствовать же главной
Блаженнейше еще!
Твоя власть всеми чтима,
Особа — всем любима.
О! Муза, воструби, что дивн ея венец,
Но что Елисавет — любление сердец.

Твоя жизнь — наша радость;
Тобою все цветет;
Ты здрава — нам то сладость:
Все о тебе живет.
Храни — мы благодушны;
Вели — се мы послушны.
О! Муза, возгласи, что наша обща честь
Прехвальная во всем Елисавета есть.

Подобно вышню Богу,
Не втуне где мольба,
Творит награду многу
Твоя рабам судьба,
Там вера нас спасает,
Здесь верность украшает.
О! Муза, подтверди, что наша красота
К Елисавете внутрь сердечна правота.

Кого мы зрим уныла
При щедролюбной толь?
Ни тех ты не забыла,
В ком мало службы доль;

Тебе усердство сильно,
Да милуешь обильно.
О! Муза, проявляй чрез раболепный знак,
В нас искренность кипит к Елисавете как!

Щедрот твоих зрю тайну
Последнему и мне,
Внутрь верность чрезвычайну,
Усердие в огне
Зришь и кладешь со други
За самые заслуги.
О! Муза, в краткий слог, что в сердце, собери,
Елисавету в нем со мной благодари.

Тебе неоднократно
Угодно награждать;
Да будет и обратно
Сердца от нас взимать,
В них пламенеет чисто
Подданство само исто.
О! Муза, в краткий слог, что в сердце, собери,
Елисавету в нем со мной благодари.

Пребудет имя ввеки
Твое от рода в род,
Доколе человеки
Свой размножают плод;
Венцом здесь славну честным,
Прославит Бог небесным.
О! Муза в краткий слог, что в сердце, собрала
И благодарность тем державной принесла.

ОДЫ БОЖЕСТВЕННЫЕ

Ода VII
ПАРАФРАЗИС ПСАЛМА 1

БЛАЖЕН МУЖ

Муж поистине блажен,
Кой к совету нечестивых
Не был всяко приближен
Шествием для мнений льстивых.

Кой ниже́ когда познал
Беззаконных путь лукавый
И на том отнюдь не стал,
Зная, коль есть он неправый.

Кой не сел и на престол
Пагубников гордо-злобных,
Ни на нем судя пробол
Как чужих, так и утробных.

Но закону отдает
Послушание Господню;
И его всегда поет,
Всю кленя власть преисподню.

Сей, как древо при водах,
Процветает насажденный;

Веселится, что в плодах
Правоты есть угобженный.

Как на том же древе лист
Чрез все время зеленеет,
Так весь век в делах он чист,
Что ни начнет, преуспеет.

Все не так с грешащим, кой
Ни стыда, ни Вышня знает:
Он такия мзды в день свой
Никогда не получает.

Он презрен так равно есть,
Как валяяйся прах в доле,
Что, метя, вихрь бурный несть
Может от земли по воле.

Тем-то всяк из таковых
В милостивый суд не встанет
И ниже́ в числе святых
В вечной радости предстанет.

Праведных стези весть Бог
И всегда их Сам защитит;
Путь же злых, хотя и мног,
Грозна гибель весь похитит.

Ода VIII
ПАРАФРАЗИС ПСАЛМА 6

ГОСПОДИ, ДА НЕ ЯРОСТИЮ ТВОЕЮ

«О! не ярости во время,
Господи, мя обличи;
Зол же всех за тяжко бремя
И за многое тех племя
Не во гневе в казнь влачи.

Но помилуй попремногу
Изнемогшего меня:
Кости страждут муку срогу,
Покажи к цельбе дорогу,
Боже!» — вопию стеня.

Дух в смятении мой зельном,
Сокрушаюсь повсегда;
Ты ж о мне, толь неисцельном,
В милосерди беспредельном
Воспомянешь ли когда?

Господи мой! обратися,
И по благости Твоей
Сам отъять от тьмы потщися
Душу бедну и явися
Преклоненн к мольбе моей.

Нет по смерти таковаго,
О Тебе б кто вспомнить мог;
Возблагодарить за благо,
И за все, что в жизни драго,
Кой во гробе есть предлог?

Обессилел воздыхаяй!
Есмь еще на всяку нощь
Ложе плачем умываяй
И слезами напаяй,
Отчужден всего и тощь.

Очи с плача помутились,
От врагов весь сокрушен:
Пагубно в себе озлились,
К ненависти уклонились;
Я надежды уж лишен.

Отступите прочь, лукавцы:
Богом вопль услышан мой.
Отступите, все тщеславцы

И вы, лжи за правду давцы,
Злобе преданны самой.

Бог уж от меня молитву
Милостивым слухом внял,
Презираю вашу битву,
Лестных и сетей ловитву:
Бог моление приял.

Стыд, смятение в презоре
Всем да придет здесь врагам!
Стыд с бесчестием тем в горе,
Как не обратятся вскоре!
Их сломление рогам!

Ода IX
ПАРАФРАЗИС ПСАЛМА 18

НЕБЕСА ПОВЕДАЮТ СЛАВУ БОЖИЮ

Глупа мудрость! о! и ты
В смысле разум ослепленный!
Ваш доколе погубленный
Вне рассудок правоты?
Как! от тварей, говорите,
Вы Творца вещей не зрите?

Всяк на Небеса воззри:
Кто б возмог, кто разве Бога,
Синий тот свод без прилога
Распестрить толь? — ей, без при! —
Божия всемощна сила
И премудрость украсила.

День всегда плывет за днем,
Нощь же нощи пременяет,
Волю благу чин являет

И строение о всем;
Нет сомнения нимало:
То от тверди твердо стало.

С нашим в ней несходен глас,
Слышать звоны невозможно,
Строем всех светил неложно
Дольных уверяет нас —
Вся земля внушает слово,
Мира всем концам не ново.

Рек Господь — и подает
Солнце светлость всю златое;
Так жених лицо младое
Кажет, как оно встает,
Всем лучи лия собою,
Согревая теплотою.

Красный бег его толь скор,
Что не можно исполину,
Как течет в верх и в долину,
Быть сравненну с оным в спор,
Коль к пределу ни стремится,
Да за труд венцом почтится.

Встока шествуя с границ
В вечер в западе с зарями,
Препоножным за морями
Да подаст своих зениц
Тот же луч благотворящий,
Непрестанно в службе бдящий.

Но его свет, красота
Толь к себе не привращают
И не столько просвещают
Взор людской, коль высота
Божия закона точно,
Чтоб пожить всем непорочно.

Завещание того
Без погрешностей и верно,
Мудрый ум нелицемерно
Малым детям от него:
То свет моего есть ока!
Радость сердцу то глубока!

Господи! страх Твой есть свят,
Пребывает он всевечно;
Кривдами нигде, конечно,
Суд твой, Боже, не запят:
Он неумолим дарами,
Лжи непотемнен играми.

Злато, ни камык толь драг!
Мед и сот не толь есть сладок,
Не отымет мзды припадок,
Как Тебе не буду враг
Заповедей тех презором
И премногих скверн зазором.

Кто грехам число мог знать?
Я, от тайных преступлений
И чужих от озлоблений
Очищенн, молю предстать:
Да не буду гордых лика,
Убегу греха велика.

Боже! о! да все сие
Исповем Тебе во славу;
И да научатся праву
Мысль и сердце все мое!
Есмь Твоя тварь, есмь проситель:
Ты мне помощь и Спаситель.

Ода X
ПАРАФРАЗИС ПСАЛМА 42

СУДИ МИ, БОЖЕ, И РАССУДИ ПРЮ МОЙ

Боже! пря моя безвинна,
Ту судить благоволи,
Правды дело убели;
От народа ж пребесчинна
И от злобных человек
Немощь, что во мне тростинна,
Восхощи исторгнуть ввек.

Ты един мой щит и сила,
Ты и крепость мне един;
Что ж высот Твоих с средин
Милость мя не заградила?
Все ль в печали б я стенал?
Та всегда ль меня б томила,
Мне б коль враг ни досаждал?

Но да послется Тобою
Истины и мира свет,
Сим я свобождусь от бед;
Как пребудет он со мною,
То в селение Твое
Приведет меня собою,
Сердце веселя мое.

Вниду к Твоему престолу
И в олтарь священный Твой,
Проявленн в горе святой;
В нем паду пред тем ниц долу;
Ты желаниям конец,
Исполнение изволу
И любви моей венец.

В гуслях пропоем играя,
Что Ты Бог непобедим,

Что Ты правым всем любим
И что радость всеблагая;
Боже! Боже мой, и сил!
Отжени далеко злая,
И Тебе да буду мил.

О! душа, почто в печали
Сокрушаешься еще?
В страхе и от враг вотще?
Горести чтоб все престали,
Вся тебе надежда Бог;
Коль враги б ни восставали,
Спас мой истребит налог.

Ода XI
ПАРАФРАЗИС ПСАЛМА 51

ЧТО ХВАЛИШИСЯ ВО ЗЛОБЕ СИЛЬНЕ

Что во злобе, сильный, похваляешься всегда?
В беззаконии вседневно?
Твой язык и помысл без лукавства никогда:
Льщение втай небезгневно
Ты как бритву изострил;
Злобу паче возлюбил,
Нежель мирну благостыню,
И неправду, неж святыню;
Все слова твои — беда;
От злоречий же плачевно.

Бог по сей причине разрушит тебя вконец;
Он и яро толь восторгнет
От утех сладчайших и ласкающих сердец,
Что ни глаз так скоро моргнет;
Тем Себя не удовлит,
Но тотчас же преселит
От жилищ твоих природных:
Так, едина из негодных

Корень от земли твой, льстец,
Весь исчезнет, дух не коргнет.

Праведны то узрят, придут все и сами в страх;
Но потом те засмеются
И между собою скажут: «Человек сей, прах,
Казни коему даются,
Бога в помощь не хотел,
Тем что многое имел
С велелепием богатство
И превозмогал за братство;
Он был добрым главный враг;
Се тщеты с ним расстаются!»

Я твой раб, о! Боже, масличина как с плодом,
При твоем священном храме
Неотступно буду, уповаяй не с стыдом
На щедроты и не в сраме;
Исповем Тебя вовек
Тварь Твоя и человек;
Что Твое я имя знаю,
Избавления тем чаю:
Благо то по Аврааме
Любящим святым Твой дом.

Ода XII
ПАРАФРАЗИС ПСАЛМА 78

БОЖЕ, ПРИИДОША ЯЗЫЦЫ В ДОСТОЯНИЕ

Се языки ворвались,
Боже, во Твое наследство
И святому храму в бедство
С осквернением внеслись;
Град и все его пространство
Обратили без следов
Во хранилище плодов,
Все расхитивши убранство.

Трупы наповал лежат
Всюду слуг Твоих толь верных,
Преданы от тех прескверных
Птицам, криком что глушат;
И тела мужей удобных
В снедь повержены зверям,
Воющим в страх по зорям,
Плоти всех и преподобных.

Кровь их льется по пути
Не рекою, но потопом
И весьма ужасным соком,
Так что негде и пройти;
Но толико милосердна,
В землю б их кому погребсть,
Чтоб от алчности унесть,
Нет и толь уже усердна.

Злоключение сие
Нам сосед презлобный видя
И к тому еще обидя,
Тешит сердце тем свое;
Стали мы и всем окольным
В поругание и смех,
Наш сей горестный успех
Сладостию своевольным.

Но доколе Ты на нас
Будешь, Господи, во гневе
И не призришь бедных в реве,
Наш услышавши сей глас?
О! доколе толь палится
Рвение Твое огнем
Нощию и всяким днем
И ниже́ не утолится?

На языки гнев пролей,
Кои Тя весьма не знают,
От Тебя прочь отбегают
В непотребности своей;

И на те пространны царства,
Коими не призван Ты
И ни Имя с слепоты,
Равно и с неблагодарства.

На таких употреби
Всю Твою судьбы жестокость,
Сам безумную высокость
До конца в них потреби;
Сердце их всегда готово
Грады наши пустошить
И вконец все разрушить
Без пощады и сурово.

Первых беззаконий днесь
Помняй, Господи, не буди,
Ныне токмо не забуди,
Что уж гибнет род наш весь;
Скоро да Твои щедроты
Предварят все наше зло,
Обнищали мы зело,
Чужди Твоея доброты.

Боже! помощь сотвори
Ради Твоея державы,
Величайшия ж для славы
Наши все грехи сотри;
Чтоб языки не сказали:
«Где Бог сильный оных есть?»
И да зрим за ту кровь месть,
Как Твоих слуг здесь пронзали.

Да от узников к Тебе
Воздыхание приидет,
Мышца к нам Твоя да снидет
От величия в себе;
Всех спасти чад изможденных,
Вопиющих въявь и тай:
«Боже! Боже, не предай
Люто на смерть осужденных!»

В седьмерицу заплати
Оным гордым всем соседам,
В коих к нам и к нашим дедам
Не было толико льсти,
Коль Тебе злых поношений,
Славно низложи их в дол,
Недро их исполни зол
И повсюдных к ним гнушений.

Нас избавь: мы все Твои,
Твоея и паствы овцы,
Мы, всегдашно доброословцы,
В дальни возвестим краи
И впредь будущие веки
Сквозь языческую мглу
Должную Тебе хвалу
Как всеверны человеки.

Ода XIII
ПАРАФРАЗИС ПСАЛМА 111

БЛАЖЕН МУЖ, БОЯЙСЯ ГОСПОДА

Счастлив! Бога кто боится:
Заповедей всяко не преступит он Того;
Род его благословится;
Сильно будет семя на земле и, сверх всего,
Славен и богат весь дом,
Правда вечна в нем самом.

Он, как свет, сияет правым,
Милость и щедрота справедлива в нем везде;
Строит сердцем нелукавым,
Но и откровенным речи и дела в суде:
Он есть непоколебим,
Прямо добрыми любим.

Память будет бесконечна,
И велико имя во вселенной процветет,
Добродетель в нем сердечна
В светлость и блаженство беспорочного введет;
Страха нет от слуха зла:
Не язвит его хула.

Уповает он на Бога,
Любит чистым сердцем и взывать Его готов,
Крепость в нем о Вышнем многа,
И не устрашится хитростей и лестных слов,
Презрит он врагов своих,
Токмо что воззрит на них.

Он дает и расточает,
На него убогим твердая надежда есть:
Их отнюдь не забывает,
Тем и вознесется в силу и в высоку честь;
Ни хвалим есть толь никто,
Ни хвалить достойней что.

Грешник, так его узревши,
Примет то в досаду и впадет в великий гнев;
Поскрежещет, побледневши,
И остервенится в зельной ярости, как лев;
Грешнику коль ни желать,
Но ему ввек погибать.

Ода XIV
ПАРАФРАЗИС ПСАЛМА 136

НА РЕКАХ ВАВИЛОНСКИХ

Седши купно на брегах рек мы Вавилонских,
Все точили слезный ток
И воспоминали там о градах Сионских,
Зря наш нестерпимый рок.

Там обесили среди вербных древ органы;
Пленшие ж просили нас,
Коль ни сокрушались мы, в горести раздранны,
Песнь вознесть Господню в глас.

Как бы мы в земле чужой оную воспели?
Как в поганских бы краях,
Коль предивен Бог наш есть, прославлять имели?
Как и плача во струях?

Если, Иерусалим, я тебя забуду,
Да забвен я от руки
Благ спасительных твоих сам вовеки буду,
Все да идет мне впреки.

Да прильпнет же и язык весь к моей гортани,
Как Тебя не вспомяну,
Иль не будешь в мысли все, да приму казнь в брани;
Вне веселий да гонзну.

Но Едомский днесь народ вспомни, о! мой Боже;
Как на Иерусалим
Грозным воплем он рыкал всякого льва сроже;
Был ничем не умолим.

В ярости он повторял: «Ну-ну, обваляйте
С оснований самых град,
А живущих всех мечом люто истребляйте,
Должны пасть округу в смрад».

Ты ж, о! Вавилонска дщерь, жди зла в окаянстве;
Счастлив! кто тебе отмстит
За погибель смертну нам от тебя в наянстве
И ниже́ тебя простит.

Счастлив! в место кто твое метнет зельный пламень
И твою кровь пролиет,
Иль младенцев ухватив о жестокий камень
Головою разбиет.

Ода XV
ПАРАФРАЗИС ПСАЛМА 139

ИЗМИ МЯ, ГОСПОДИ, ОТ ЧЕЛОВЕКА ЛУКАВА

Господи! изми меня
От лукава человека
И да будеши броня,
Защищающа до века;
Но всегда готовый сам
К избавлению от мужа,
В коем есть мутна, как лужа,
Вся неправда по словам,
Делом море, вечна стужа.

В сердце их всегдашня лесть,
Токмо ту и помышляют,
Неизвестно, что за в месть
Брани всяк день ополчают;
Весь язык их изощрен
На злоречие, как бритва,
В их руках сеть и ловитва,
След к дну злобы приведен,
Яд из уст течет и битва.

Сохрани, о! Боже мой,
Сам меня от рук грешаща
И людей от рода, кой
Не таит себя, дышаща
Кривдою и крайним злом;
Сих мысль в злобе непрестанна,
Да меня в пути сем странна
Запнут, обышед кругом,
И да падша зрят попранна.

В гордости мне скрыли сеть
И с силом уж верьвь простерли,
Ноги б им мои задеть,
Иль чтоб выю мне тем стерли;

Всюду ими при стезях
Расположены соблазны
И везде обманы разны,
На земле и на морях
Мне беды лежат непраздны.

Боже! я к Тебе вещал,
Ты мой Бог, Ты мне зиждитель,
Ты всегда не запрещал,
Я ж и есмь всегда молитель;
Господи! о! Боже сил,
Ты от крепости в твердыне
И в превелией святыне
Сам главу в брань осенил
По Твоей мне благостыне.

Так и ныне не предай
В грешничи меня здесь руки,
Но желание познай
И спаси от оных муки;
Те взвели, и се беда!
Не остави бедна суща,
Непрестанно вопиюща
От великого труда;
Не взнеслась бы часть, ков шьюща.

В них скружившись голова
Да повергнет их на землю,
Да покроются слова
Тем стыдом, кой я приемлю;
Угли огненны падут
Во Твоем на них изволе,
Больше не пребудут в холе,
Как напасти нападут:
Низложи — и будут в доле.

Муж, злоречив на земле,
Не возможет быть исправен;

Муж, живяй неправды в зле,
Пагубному тлену равен;
Знаю, Боже, сотворишь
Суд и месть Ты за бессильных,
Правых же, для хвал умильных,
Пред лице Твое вселишь
В радости блаженств обильных.

Ода XVI
ПАРАФРАЗИС ПСАЛМА 143

БЛАГОСЛОВЕН ГОСПОДЬ БОГ МОЙ

⟨Рассуждение о стопе хорея и ямба⟩

NB. Сия ода есть из трех оных парафрастических одна, которые совокупно изданы в 1744 годе и при которых положено следующее спреди рассуждение моего сочинения.

Будучи мы по случаю трое совокупно, имели довольный между собою разговор о российских стихах вообще, которые ныне, после как начали исправлять их охотники, уже в совершеннейшем виде и с приятнейшим слуху стоп падением, нежели как старые бесстопные были, производятся от писателей искусных в стихотворении. Разговор наш был некоторый род спора в рассуждении так называемых двусложных стоп, хорея и ямба, которыми ныне составляются российские стихи.

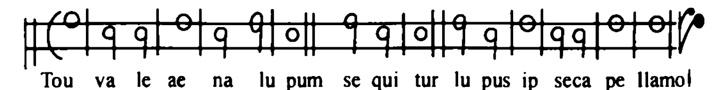
Некоторый из нас* такое имел мнение, что стопа, называемая ямб, высокое сама собою имеет благородство, для того что она возносится снизу вверх, отчего всякому чувствительно слышны высокость ея и великолепие, и что, следовательно, всякий героический стих, которым обыкновенно благородная и высокая воспевается материя, долженствует состоять сею стопою; а хорей, с природы нежность и приятную сладость имеющий сам же собою, по его мнению, должен токмо составлять элегиаческий род стихотворения и другие подобные, которые нежных и мягких требуют описаний, потому что он сверху вниз упадает, чем больше показывает нежную умильность, нежели высоту и устремительное течение.

* Сего ода есть третия парафрастическая.

Я сему прекословил и предлагал, что ни которая из сих стоп сама собою не имеет как благородства, так и нежности, но что все сие зависит токмо от изображений, которые стихотворец употребляет в свое сочинение, так что ямбом состоящий стих равно изобразит сладкую нежность, когда нежные слова приберутся, и хореем высокое благородство, ежели стихотворец употребит высокие и благородные речи. Сие я утверждал, что хорей и ямб, коль себе ни противны диаметрально, для того что первый состоит из долгого да краткого слогов, а второй из краткого да долгого, однако сие их сопротивление не толь есть неприятельское явно, чтоб не имели они между собою согласия и дружбы тайно, ибо чистым ямбом состоящий стих, ежели токмо один самый первый слог сего стиха тише обыкновенного голосом произнесется, имеет состоять в то ж самое время чистым хореем; также, буде стих составлен чистым хореем, то тишайшим произношением первого его одного токмо слога составится он совокупно чистым ямбом. От сего я наводил, что союз между сими обеими стопами долженствует быть не заключенный, но природный и братский, и, следовательно, когда ямб с природы имеет высокость, то совокупно имеет оную и хорей; когда ж в хорее также природная есть нежность, то все участие в ней по праву должно есть и ямбу, и для того как хорей нежен и высок, так ямб высок и нежен.

В рассуждении ж того, что первый приписывал чувствительное благородство ямбу для того, что он снизу вверх восходит, а хорею умильность для сего, что он противно ему падает, я тогда говорил, что ежели б ямб был высок и благороден, то б хорею, как по прямой линеи, по его, противному, надлежало быть несколько или довольно низку и подлу, а не умильну и нежну; и что ежели б восхождение снизу вверх в стопе было точным знаком благородства, а падение сверху вниз умильности, то бы Гомеровой «Илиаде»* и Виргилиевой «Энеиде», двум самым высоким героическим

* Некто из знающих людей, как то я объявил в первом томе в предисловии, чувствуя, что сие мое доказательство есть непреодолеемое, попытался привесть его в слабость тем, что у них количество слогов есть не тоническое, чего ради, по его, их стихи сверху наниз не падают. Но сия попытка есть безуспешная, ибо всеконечно и необходимо их стихи падают сверху наниз, для того что самый первый слог в их стихах как всегда и непременно есть долгий, так и всегда ударяемый, разве превесьма редко, когда неударяемый, а сие не мешает, чтоб ему и в сем случае не быть на верхней степени как всегда долгому. Следовательно, невозможно их стопам не падать сверху наниз. Сие докажется лучше образцом, музыкальными нотами изображенным. В нем такт означает слог долгий, а полтактом означается краткий. Притом все ударяемые слоги стоят на верхней степени, а неударяемые — на нижней.



поэмам, должно было состоять анапестами, которые также восходят снизу вверх, а не дактилями, кои и падают сверху вниз, несмотря на то что их количество слогов есть не тоническое, но меряющееся временем, то есть состоящее в медленном и скором произношении голоса, ибо сия их долгота и краткость, распротягающаяся временем, всячески не может быть без возвышения и понижения голоса при распротяжении, инако во всяком бы их стихе была токмо монотония (одногласие), которой и в прозе быть непристойно, а они стихи свои произношением пели, для того что был у них там некоторый род мусикии, но в мусикии монотонии, или одному звону голоса, нет места, и быть ей там без различия голоса, по крайней мере двустепенного, странно да и невозможно. А понеже не анапесты, но дактили употреблены от тех великих пиитов, того ради или каждая стопа ни благородна, ни нежна сама в себе, или всякая и нежна и благородна совокупно. К тому ж как восхождение, или вознесение, в ямбе не непрерывное, но токмо вскок, смешанный с скоком, так в хорее нисхождение, или ниспадение, не завсе продолжающееся, но также скок по пременам с вскоком. Итак, обе сии стопы по всему себе равны, так что одна пред другою никакого преимущества иметь не может, когда они сами в себе и к словам не приложенные рассматриваются.

На сие третий из нас* предлагал, что и он в ямбе находит высокость, благородство и живность, а в хорее, кроме нежности, ничего не видит и что ему в ямбических стихах речь важнейшею кажется, ибо ямб, говорил он, возвышая свой голос, несколько гордости являет, но хорей, упадая, точно изображает любовническое воздыхание. Итак, ямб уже имеет теперь двух защитников и, следовательно, два голоса, а хорей защищается одним только.

Но чтоб не показалось, что двое одного хотят преодолеть и что притом дело сие не может решено быть большинством, чтоб позволено было так сказать, голосов, того ради он рассуждает сочинить всем трем некоторый высокий род стихотворения, именно ж оду, а для сего выбрать один Псалом из Псалтиря. Находящему, то есть мне, в хорее с нежностию и благородство сочинить бы оду хореическую, а им двум, стоящим за ямбическую токмо высокость, составить одические свои стихи ямбом. Чрез

* Сего есть самая первая местом парафрастическая ода. Удивительно, что он токмо первое мнение иными повторяет словами, а отражения моего ни словечком не возражает. Мог бы он многое привесть из Горация в подтверждение первому мнению, а именно, что Архилохова ярость ямбом была вооружена, что ямб способен к преодолению народного шума и что он, как рожден на представляемые вещи, и подобное.

сие тотчас объявится, имеет ли хорей при нежности высокость, а ямб при высокости нежность.

Я хотел было пространнее доказывать, что мнение мое не в том состоит, чтоб я приписывал точно обеим сим стопам некоторое природное свойство высоты или умильности, но токмо по положению, то есть буде ямб собою высок, то он совокупно собою ж и нежен; а если и хорей собою нежен, то он также притом и высок, ибо не признаваю я ничего сего в стопах, но причитаю все разности слов. Но оба прочие не хотели от меня ничего больше слышать, только что второй склонил меня к тому, чтоб мне сочинить оду хореическую, а все трое выбрали мы себе на то Псалом сто сорок третий. Сей есть случай и причина оных двух од ямбических, названных парафрастическими, а третиея, лежащия там в самой средине, хореическия, которая следует.

Крепкий, чудный, бесконечный,
Поли хвалы, преславный весь,
Боже! Ты един превечный,
Сый Господь вчера и днесь;
Непостижный, всеблаженный,
Совершенств пресовершенный,
Неприступна сокровен
Сам величества лучами
И огньпальных слуг чинами,
О! будь ввек благословен.

Кто ин толь бы храбро руки
Без Тебя мне ополчил?
Кто б и пращу, а не луки
В брань направить научил?
Всуе меч извлек бы в дело,
Ни копьем сразил бы смело,
Буде б Ты мне не помог,
Перстов трепет ободряя.
Слабость мышцы укрепляя,
Сил Господь и правды Бог.

Ныне круг земной да знает
Милость всю ко мне Его;
Дух мой твердо уповает
На заступника Сего:

Он защитник, покровитель,
Он прибежище, хранитель,
Повинуя род людей,
Дал Он крайно мне владети,
Дал правительство имети,
Чтоб народ прославить сей.

На мою как зрю я подлость
И на то, что беден и мал,
А на прочих верх и годность,
Что ж их жребий не избрал;
Вышнего судьбе дивлюся,
Так глася, в себе стыжуся:
Боже! кто я нища тварь?
От кого ж и порожденный?
Пастухом быть учрежденный!
Как? о! как могу быть царь?

Толь ничтожному познался!
Червя точно Ты призрел!
Благ и щедр мне показался!
И по сердцу изобрел!
Лучше ль добрых и великих?
Лучше ль я мужей толиких?
Ах! и всяк из смертных нас
Гниль и прах есть пред Тобою;
Жизнь его тень с суетою,
Дни и сто лет — токмо час.

Ты противных истребляешь,
Преклони ж Твой звездный свод;
И как громы устремляешь,
Осмотри, снисшед, злой плод.
Лишь коснись горам — вздымятся;
Лишь пролей гнев — убоятся;
Грозну молнию блесни,
Тотчас сонм их разженеши,
Тучей бурных стрел смятеши;
Возъярись, не укосни.

На защиту мне смиренну
Руку Сам простри с высот
От врагов же толь презренну,
По великости щедрот,
Даруй способ — и избавлюсь,
Вознеси рог — и прославлюсь;
Род чужих, как буйн вод шум,
Быстро с воплем набегает,
Немощь он мою ругает
И приемлет в баснь и глум.

Так языком и устами
Сей злословит в суете;
Он скрежещет и зубами,
Слепо зрясь на высоте;
Смело множеством гордится,
Стройно воружен красится,
А десница хищных сих
Есть десница неправдива,
Душ их скверность нечестива;
Тем спаси мя от таких.

Боже! воспою песнь нову,
Ввек Тебе благодаря,
Арфу се держу готову,
Звон внуши и глас царя:
Десять струн на ней звенящих,
Красным строем вслух гласящих:
Славу Спаса всех царей,
Спаса и рабу Давиду,
Смертну страждущу обиду
Лютых от меча людей.

Преклонись еще мольбою,
Се к Тебе ее лию,
Сокрушен пад ниц главою,
Перси, зри, мои бию;
О! чужих мя от полчища
Сам избави скоро нища.

Резв язык их суета,
В праву руку к ним вселилась
И лукавно расширилась
Хищна вся неправота.

Сии славу посвящают
Токмо множеству богатств,
Дух свой гордо напыщают
От драгих вещей и братств,
Все красуются сынами
Больше, как весна цветами;
Дщерей всех прекрасных зрят,
В злате, нежно намащенных,
Толь нет храмов испещренных;
Тем о Вышнем не радят.

Их сокровище обильно,
Недостатка нет при нем,
Льет довольство всюду сильно,
А избыток есть во всем:
Овцы в поле многоплодны,
И волов стада породны,
Их оградам нельзя пасть,
Татю вкрасться в те не можно,
Все там тихо, осторожно,
Не страшит путей напасть.

Вас, толь счастием цветущих,
Всяк излишно здесь блажит,
Мал чтит и велик идущих,
Уступая ж путь, дрожит;
О! не вы, не вы блаженны,
Вы коль ни обогащенны:
Токмо тот народ блажен,
Бог с которым пребывает,
И Всевечного кой знает,
Сей есть всем преукрашен.

Ода XVII
ПАРАФРАЗИС ПЕРВЫЯ ПЕСНИ МОИСЕЕВЫ

ПОЕМ ГОСПОДЕВИ, СЛАВНО БО ПРОСЛАВИСЯ

Исхода глава 15

Мы Господу днесь воспоем:
Он превознесся в нас преславно;
Коня и всадника в глубь равно
Поверг в отмщении своем.

Стал мне Он помощь и покров
И был к спасению виною:
Мой Бог и Бог отцу собою;
Его я восхвалить готов.

Господь наш сокрушает брань;
Господь Ему и имя точно;
Он фараонов строй оброчно
К дну тьмы низверг и силы длань.

Избранных всадников Он тех
И в море потопил тристаты.*
Что ж быть могли нам супостаты,
Там погрузил, как камень, всех.

Десница, Господи, Твоя
Есть в крепости всегда велика:
Врагов не пощадила лика,
Противных стерла нам сия.

Ты Сам послал на них Твой гнев,
Как стебла, их поел он купно:
Вод расступился духом рев,
Была там ярость неотступно.

* Тристатами означается, что древние делали большие военные колесницы, так что в них по три человека сражающихся было. Или: тристатами назывались, кои, сидя на одной лошади, имели двух заводных. Или: чрез тристаты разумеются самые сильные люди, которые против трех могли биться. Или: тристат сидел на третием месте от царя, каков был Давид у Саула.

Сгустели воды, как стена,
Всего там моря посредине,
Никто его не зрел поныне,
Сгустела также и волна.

«Постигну их, — вещал так враг,—
Корысти на раздел похищу;
Меча убийством дух насыщу,
И буду господином в страх».

Но силою Ты дхнул среде —
Нахлынуло на них так море,
Что вскликнуть не могли: «Ах горе!»,
Погрузли оловом в воде.

Подобен кто Тебе в богах?
Кто, Господи, Тебе подобен?
Святым прославлен и особен;
Вельми предивен в чудесах.

Простерл десницу — пожрала
Земля в свои противных недра;
И укрепила правда бедра,
И всех людей Тобой спасла.

Утешил крепостию нас,
В обитель всех призвав святую;
В болезнь вот филистимцы злую,
Языки впали в гнев тотчас.

Тогда Едомские вожди,
Моавли князи вдруг потщались,
И слепо в трепете все мчались;
Ты, Ханаан, растай, зла жди.

Страх, ужас нападет на них
От мышцы Твоея глубоко;
Величием Твоим жестоко
Да жизнь окаменеет сих.

Все пройдут дондеже Твои
Владеемы Тобою люди;
К наследию сему щедр буди,
Да внидут и в места свои.

Готовое жилище дай,
Избавивши уже от муки;
Горы в святыню провождай:
Твои ту учредили руки.

Господь вовек веков царит:
Вшел фараон совсем уж в воды;
Израиль сухо те безгоды
Прешел и се благодарит.

Ода XVIII
ПАРАФРАЗИС ВТОРЫЯ ПЕСНИ МОИСЕЕВЫ

ВОНМИ НЕБО, И ВОЗГЛАГОЛЮ
Второзакония глава 32

Вонми, о! небо, и реку,
Земля да слышит уст глаголы;
Как дождь, я словом потеку;
И снидут, как роса к цветку,
Мои вещания на долы.

Как туча падает на злак,
Или как иней где на сено;
Господне имя есть мне в знак,
То мыслей призвано не в мрак,
Славь Бога всяко в нас колено.

Бог: истинны Его дела;
И все пути Его — суд правый;
Бог верен, а неправда зла,
Не зрится ни тоя в Нем мгла,
Святый весь, Он душам свет здравый.

Согрешшие вельми пред Ним,
Не чада стали уж пороком!
О! род строптив, развратен сим,
Сие ль ты Господу твоим
Воздать за благо мог оброком?

Сих оный есть народ делец,
Кой весь немудр и пребезумен,
Тябя ж не Сам ли сей Отец
Приял и был тебе Творец?
Доколе в помыслах ты шумен!

Воспомяни те дни веков
И купно разумей все лета
От рода древнего родов,
Спроси у рождшего следов,
Познаешь старших все от света.

Как Бог языки разделял,
Сынов Адамлих рассевая,
Пределов столько поставлял,
Коль верных слуг себе счислял,
От Ангельска числа то зная.

И стала быть Господня часть:
Иаков, род его избранный,
Наследием возмог подпасть
Израиль весь Ему во власть;
Всяк прочий люд уж был как странный.

В пустыне всем его снабдил:
Он жажду в превеликом зное
В земле безводной утолил,
Обвел его и сохранил,
Как зеницу очей, в покое.

Гнездо как кроет всяк орел
И над птенцами сей летает,
Простер так крила Он и сшел,

На рамена его возвел;
Подъемлет, взносит, соблюдает.

Вождем им был Господь един,
Никто бог чуждий не был с ними,
Взвел их на верх земных плотин,
Поставил свыше всех судьбин,
Насытил житами благими.

Из каменя потек им мед,
Елей из тверда ж камня равно,
Млеко, тук, масло скот дает,
И цвет пшеничный всем растет;
Их питие — вино преславно.

Иаков в сытости процвел —
Отвергся вскоре толь любимый;
Утыл и толсто расширел,
Отступством Бога он презрел;
Забыл, что Спас ему Он чтимый.

Во нравах все Творца чужих
И в мерзостях преогорчили:
Бесам пожерли в сквернах сих,
Богам, отцам что странны их,
От Напитавша ж отступили.

Узрев, Господь возревновал
И раздражился Он презельно;
В сынах и дщерях злость познал,
Которых Сам Он снабдевал,
Се взбесновавшихся бездельно.

Господь рек: «Сам Я отвращу
Лицо Мое от всех их ныне
И напоследок им отмщу:
Род развращенный, веру тщу
Не буду видеть в благостыне.

В гнев привели тем, что не бог,
И раздражили суетою:
Народом их сломлю Я рог,
Кой не народ, хотя и мног
От глупых и людей бедою.

От ярости уж Моея
Разжегся огнь палящ до ада,
Съест землю и плоды ея,
Все попалит страны всея
Гор основания для глада.

Употреблю премного зол,
Пущу на них мои все стрелы —
В снедь птицам ляжет плоть на дол,
Пожрет живых зверь в произвол,
Не будут и от змиев целы.

Внутрь истребит их самый страх,
Извне меч острый обесчадит:
Юн с девою погибнет в прах,
С седым младенца при сосцах
Смерть люта ввек и ввек изгладит.

Изрек бы: их рассею всех
И память в людях уничтожу;
Когда б не для противных тех,
Которым бы не сбить в поспех,
Я в гневе коих Сам убожу.

Еще чтоб не сказали так:
„Рукою мы свершили сею,
А не Господь то все никак“
Сей род, в чием совете мрак,
Весьма глуп мыслию своею».

О! ежели б все разуметь
И возмогли понять то ясно,
Чтоб ныне налящи посметь

И все в руках уже иметь,
Что впредь велит Он самовластно.

Как тысящи един гонить,
Как двинуть два б могли тмы целы,
Когда б не предал Бог Сам бить
И не дал бы Господь сломить,
Творя их воины толь смелы?

Но боги их не таковы,
Каков есть Бог наш, велий, сильный;
Враги ж все наши хоть, как львы,
Хотящи нашея главы,
Однак в них разум необильный.

Их из Содома виноград,
И от Гоморры все их розги,
Их грозд есть токмо желч и смрад,
Их ягода горька сто крат —
Сок отравляет шумны мозги.

Змиина ярость их вино,
И аспидов злость неисцельна.
Не богом ли отведено,
В сокровищах заключено,
Печать на всем том зле презельна?

В день мести то воздаст Он Сам,
Когда те преткнутся ногами.
О! гибели день близок вам;
И быть чему, стоит уж там:
Тем движете Его вы сами.

Своим Бог правду сотворит,
И умолен об них Он будет:
Расслабленных, бессильных зрит,
Истаявших не уморит,
Вконец рабов Сам не забудет.

Так рек Господь: «Их боги где,
На коих все вы уповали?
Тук ели оных жертв везде
И пили треб вино в чреде,
А о Сотворшем не внимали.

Да встанут и да вас спасут,
Да в помощь вашу те потщатся,
На вас покров пусть нанесут,
Врагов за вас да потрясут
И да исполнить то помчатся.

Но зрите, зрите, что есмь Я;
И нет нигде другого Бога:
Мертвит, живит, рука Моя,
Цельба и язва от нея;
Нет, кто б исторг, когда та срога.

На небо ону возведу,
Кленясь десницею Моею,
Вещая словом на среду,
Да будет слышимо преду:
Живу вовеки Сам Я с нею.

Когда Я изощрю мой меч
И на престол судебный сяду,
То тем врагов хощу посечь
И в месть нелюбящих повлечь
И ненавидящих поряду.

Я кровью стрелы напою,
Наестся меч мой мяс от тела,
От тела язвенных в бою,
От глав князей, что убию,
Их попленивши грады, села».

Возвеселитесь, Небеса,
Вы с Богом нашим совокупно;
Да прославляет чудеса

От древнего уже часа
Весь Ангельский чин неотступно.

Языки! вы с Его людьми,
В веселии сердец ликуйте;
Сынов род, крепость восприми
И радостию возгреми,
Все ныне славно торжествуйте.

Отмщает Бог за вас в день сей,
И ненавидящим сурово
Он в правде воздает Своей;
Земле ж Его чад и людей
Есть очищение готово.

Ода XIX

ПАРАФРАЗИС ПЕСНИ АННЫ, МАТЕРИ САМУИЛА ПРОРОКА

УТВЕРДИСЯ СЕРДЦЕ МОЕ ВО ГОСПОДЕ

Царств кн. 1, гл. 2

Мое все сердце утвержденно
О Господе, Он есть мой Бог;
О Нем се вознесен мой рог,
О Нем уже зло побежденно;
Разверзлись на врагов устне —
Спасение настало мне.

Весь дух мой ныне веселится,
Что спас меня Господь мой сам:
Его святяй нет по делам,
Он всюду правосуден зрится,
Его ни милостивей нет;
Един спасает Он от бед.

О! не хвалитесь вы, тщеславны,
Не говорите гордых слов;

Язык чтоб не был ваш суров,
Уста б без велеречий плавны:
Господь верх разумов есть всех,
В Нем начинаниям успех.

Лук изнемог вконец уж сильных,
А в силу слабые пришли;
Се многохлебных глад в земли,
Алкавших зрим в ней изобильных;
Неплодна родила седьм крат,
Родивша, немощна без чад.

Господь мертвит и оживляет,
Низводит и возводит в гроб;
Убожит, богатит особ,
Кротит и высит; восставляет
Ниспадших нищетою в дол,
Да их посадит на престол.

Молящимся дает обеты;
Век праведных благословил;
Не от своих муж крепок сил:
Господь Свят разорит наветы,
От супостата равно вред,
Его ж от силы в немощь свед.

Затем премудр, чтоб не хвалился
Отнюдь в премудрости своей,
Ни сильный также в силе всей,
Богат в богатстве б не гордился;
Но всем бы Бога знать и чтить
И в правде суд земным творить.

Господь восшел на небо в славе,
И се Он страшно возгремел;
Судить всю землю восхотел,
Как справедлив и дивен в праве:
Царям Он крепость в нас пасет;
Рог Своего христа взнесет.

Ода XX
ПАРАФРАЗИС ПЕСНИ ПРОРОКА АВВАКУМА

ГОСПОДИ, УСЛЫШАХ СЛУХ ТВОЙ

Аввакум, глава 3

Услышав, Господи, слух Твой,
Боязнию содрогся крайно;
Я дело выразумел тайно,
И стал быть в ужасе дух мой:
Смотрением грядешь отрада,
Душа трепещет пред Тобой,
Спасенная вовек от ада.

Двоих животных посреде
Ты будешь истинно познанный;
Предстанешь явно в нас желанный,
Как лета придут те в чреде,
Явишься, как настанет время;
И милостию всех в беде
Помянешь, облегчив зол бремя.

От юга придет Бог Святый
И от горы дубрав сенистых,
Величия доброт от чистых,
Покров есть небесам златый;
Полна земля Его вся славы;
Он Свет, в руках луч непростый,
И то печать Его державы.

Пред ним предыдет в слове смерть,
Изыдет на поля поносно,
Падет под ноги та некосно,
Как предприимет ону стерть;
Он стал — и вся земля трясется,
Подвиглась и высока твердь,
Языки тают, весть несется.

Верхи за нужду стерлись гор,
Растаяли и холмы вечно;
В труде их древний путь конечно
Боится ефиоплян сбор;
Селения их пасть готовы,
Весь в страхе мадиамский взор,
И в трепете их равно кровы.

На реки ль, Господи, твой гнев?
Водам от ярости ль есть горе?
Или стремительство на море?
На коней бурных тако всев,
Ты борзо шествуешь повсюду;
Но шествие Твое узрев,
Я и спасение зрю люду.

Твой лук уже есть налячен
По слову Твоему на скиптры;
Ты дал рекам в дол ходы хитры,
Верх гор Тобою удручен;
Текут в стремлении все воды;
Глас бездны самыя промчен;
И высота всклицает в роды.

В чин стали солнце и луна,
Они шли стрел Твоих по свету
Оружий и по блеску в мету:
Земля уже уменьшена
Прещением Твоим жестоким;
И ярость всем объявлена
Языкам гордым и высоким.

Исшел спасти людей Твоих,
Твоих помазанных всех равно,
И положил Ты Сам исправно
Смерть беззаконным сверх глав их;
Оковы с ног на них до выи,
Да мерзостей к тому своих
Творить не могут вольно злые.

Ты палицею сокрушил
Во всех градах врагов тех сильных,
Как шли в толпах они обильных,
Чтоб каждый нас опустошил,
Пожрать и въявь и втай бежали,
Но Ты к нам коньми поспешил —
И мы избавлены тем стали.

Хотя и спрятался с труда
И всем я сердцем убоялся,
Утробою поколебался
От гласа уст Твоих; тогда
Вшел трепет преужасный в кости,
Настала крепости беда,
Всего объяли смертны злости.

Возлягу, почивая, днесь
До дня скорбей неизреченных;
Ты Сам Твоих рук ополченных
До тех не хощешь двигнуть здесь,
Как в люди вниду я, пришелец.
Воздвигнется и брань и смесь;
Всяк возрыдает земледелец.

Плодов уж смоквь не принесет;
Не будет рода винограду;
Печаль всему настанет граду,
И стару, юну и кой ссет;
Солжет в успехе и олива,
Глад измождит всех и стрясет,
Что хлеба не подаст им нива.

Умалится число овец,
Волов при яслях уж не будет;
Всего и всех зло не забудет,
Всему и всем есть лют конец.
Но мне о Господе есть радость:
Он Мой един Бог и Творец,
Мне в Нем, Спасителе, вся сладость.

Господь Бог сила есть моя,
Кладет стези мне безопасны,
Творит мои Он ноги красны;
Вверх взносит, милость подая;
Да победив врагов, ликую
И да, хвалу Ему поя,
В той песни светло торжествую.

Ода XXI
ПАРАФРАЗИС ИСАИИНА ПРОРЕЧЕНИЯ

ОТ НОЩИ УТРЕННЮЕТ ДУХ МОЙ

Исаии, глава 26

К Тебе от нощи восстает,
О! Боже, в утро дух мой вольно:
Твое веление престольно
Спасительный земле есть свет.
Весь род живущих земнородных,
Ты научиться правде тщись;
О! злый, блаженным быть не мнись
Дел за нечестие неплодных.

Да потребится от среды
Всяк без пощады нечестивый,
И дух его, толико льстивый;
Да не имеет он чреды
Господню славу видеть с нами.
Твоя что, Господи, рука,
Вельми и мышца высока,
Не знают; но в стыд придут сами.

Ненаученных всех людей
Обымет скрежет, зависть злая;
Огнь супостаты пожигая
Конечно истребит в день сей.

Но нас любезным, Боже, миром,
Подав тот нам, благослови;
Сию нам милость ввек яви,
Толь всяким насладив нас пиром.

О! Господи и Боже наш!
Мы много от чужих терпели,
Едва в господ не возымели;
Но молим, Ты нам буди страж;
Твоя над нами власть и воля:
Кроме Тебя, мы никого
Не знаем, равно ничего;
В Твоем нам имени есть доля.

К тому уже те живота
Не могут видеть все отныне,
Зрим гробы токмо мы в пустыне,
Где вся была их высота;
Их воскресить врачи не сильны:
Ты Сам их ввеки погубил
И память с шумом потребил,
Коль мужи были ни обильны.

Сам, Господи, зла приложи
Тем, кои на земле толь славны,
Что мнятся быть с Тобою равны;
Но нас всех вмале накажи:
Тебя мы в скорби поминаем;
Хоть совокупно, хоть и вразнь
Мы получаем должну казнь,
Однак к Тебе все прибегаем.

Как мучащаяся родить
В болезни вопиет великой,
Так всем нам повелел в толикой
Ты скорби пред Тобой ходить;
Зачав, во чрево мы вселили,
А бремя так свое нося,

И повсегда к Тебе глася,
Спасения мы дух родили.

Не мы, но славные падут
И овладевшие землею;
Восстанут мертвые душою,
Воскреснут в жизнь, глас издадут
И о Тебе возвеселятся:
Роса Твоя им есть цельба.
Есть нечестивым та судьба,
Да падши, в дольняя вселятся.

Ода XXII
ПАРАФРАЗИС МОЛИТВЫ ИОНИНЫ

ВОЗОПИХ В СКОРБИ МОЕЙ
Ионы, глава 2

Я в скорби к Господу моей
От сердца возопил стеная;
Бог мой меня в печали сей
Услышал, милость поминая.
Услышал Ты, о! Боже, глас
И вопль мой из зверина чрева;
Хоть в глубину низверг от гнева,
Хоть реки залили там враз,
Однак не презрил горька рева.

Вся высота по мне прешла,
Вся глубина меня прияла,
Вся и широкость обошла,
Отверста мраков бездна стала;
Всего покрыли горы вод,
Шум токов оглушил ужасный,
Всему явился вид зол властный
И влажный пропастей испод.
О! коль тогда я был злосчастный.

Изрек я в горести сие:
«Отринут, обретаюсь ныне,
И все стенание мое
Здесь от Твоих очей в долине;
Уже к тому я не узрю
Жив Храма Твоего святого:
Ни в нем сияния драгого;
Взлилась вода к души за прю;
Се в бездне смерть мне, а не благо!

Глава моя в рассели гор
Уж всеконечно понырнула;
Снисшел в места подземны взор,
Земля заклеп свой где замкнула,
Ввек положивши вереи.
О! Боже, да живот спасется
И наверхи да изнесется;
Да внидут слез к Тебе струи,
Да дух в пучине не стрясется».

Когда вельми душа моя
В страданиях там сих томилась,
То милость, Господи, Твоя
Вовремя в память мне вселилась:
Молитву сам мою Ты внял;
Дошла в Храм к Твоему престолу;
Судеб Твоих по произволу
Ты ону в благости приял;
Возвед меня, не предал долу.

Хранящие ложь, суету,
Пренебрегают благодарность;
За то приимут срамоту
И казнь за лестную коварность.
Но я со гласом похвалы
И в исповедании Богу
Воздам, спасенный, жертву многу,
Котора сердце, не волы,
И весь обет мой без подлогу.

Ода XXIII
ПАРАФРАЗИС МОЛИТВЫ ТРЕХ ОТРОКОВ

БЛАГОСЛОВЕН ЕСИ, ГОСПОДИ ОТЕЦ НАШИХ
Даниила, глава 3

Благословен, о! Боже сильный
Господь и нашим всем отцам;
Ты славою имен обильный,
Ввек хвален по земным концам;
Ты праведен во всем пред нами,
Твоими истинны делами,
Твой правосуден путь во всем,
На нас Тобою наведенном,
И на Святый Град в напреженном:
Ты за грехи казнишь нас тем.

Мы пред Тобою согрешили
И беззаконно от Тебя
В бесстудстве нашем отступили,
Прельщая суетой себя;
О заповедях не радели,
Ни их соблюсть мы восхотели,
Мы делали единый срам:
Все правое пренебрегали,
Что от Тебя, восприимали,
Да благо будет в жизни нам.

Се в руки предал беззаконных
И власти нас лукавой, злой,
И всех тех идолопоклонных
И их неправде головой;
Не можем уст отверсть мы ныне
Толико в горестной пелыне,
Уже мы в стыд рабам Твоим
И в поношение всем чтущим,
Тебя единого поющим;
Мы в тягость и себе самим.

Но не предай нас всеконечно
Для имени днесь Твоего;
Мы молимся Тебе сердечно,
Не разори Сам ничего
В Твоем толь истинном завете,
Не попусти нам быть в навете,
Для Авраама, кой прият
В любление к Тебе и в дружбу,
За Исаакову всю службу,
И для Израиля, кой свят.

Ты Сам им, Боже, обещался
Умножить семя оных толь,
Как с ними устно сообщался,
Блистает звезд на небе коль
И сколько есть песку при море;
Теперь мы в превеликом горе,
Умаленные паче всех,
Уже мы на земле смиренны
И всюду и от всех презренны
К Тебе за наш великий грех.

Начальника в сие уж время
Нет, ни пророка, ни вождя;
Несем мы нестерпимо бремя,
Нас всюду обстоит беда;
Нет места к жертве всесожжений
И всех кадильных приношений,
Где б мы могли пожреть Тебе,
А отложившим всю унылость,
Твою б нам пребогату милость
Возможно приобресть себе.

Однак да в сердце мы сотренном
Прияты будем, вопия,
И в духе по всему смиренном,
Мольбу сию к Тебе лия;
Как в тельчих жжениях всештучных,
Как в овних, в тмах и агнцев тучных,

Так жертва наша пред Тобой,
О! Господи, днесь да явится,
И да в угодность совершится:
Мы в верности к Тебе прямой.

Се мы от глубины утробной
Восследуем Тебе боясь;
К Тебе в сей прибегаем гробной
Печали нашей не стыдясь.
Не посрами, но кроток буди
И в милости нас не забуди,
Сия премнога по всему;
Изми нас по Твоей державе
И по великолепной славе
Век имени здесь Твоему.

Являющие люто злая,
О! Господи, Твоим рабам,
Да постыдятся все, гонзая
В погибель сами по судьбам;
Да всякая б своя их сила
И крепость сломленна срамила,
Да знают, что един Ты Бог,
Что по вселенной всей Ты славен,
И токмо Ты един державен;
С Тобой не сменен всяк прилог.

Ода XXIV
ПАРАФРАЗИС ХВАЛЫ БОГУ ОТ ТРЕХ ЮНОШ

БЛАГОСЛОВЕН ЕСИ, ГОСПОДИ БОЖЕ ОТЕЦ НАШИХ

Даниила, глава 3

Благословен Господь, Бог наших всех отец
Прехвальный и превозносимый;
Благословен в своей и Славе наш Творец,
По долгу всеми толь гласимый;

Благословен все бездны зряй,
На херувимах Сам седяй;
Его воспойте, человеки,
И славно величайте ввеки.

Благословен Престол и Царствие Его,
Прехвально и превозносимо;
Благословенно все величие Того,
По долгу всеми толь гласимо;
Благословен на Небесах,
Всего и Мира в колесах;
Его воспойте, человеки,
И славно величайте ввеки.

Благословите вы все Господа дела,
Все купно, Ангели Господни;
Все силы, всяка тварь и также все тела
Превыспренни и преисподни;
Все воды самых с верх небес,
Всяк образ дивнейших чудес;
Его воспойте, человеки,
И славно величайте ввеки.

Благословите твердь, и солнце, и луна,
Толь многих хор звезд распещренный,
И всякий дух, душа, дождь, всех и рос вина,
Огня и вара род небренный,
И всяка стужа, всяк и зной,
И иней, лед и мраз, хвалой;
Его воспойте, человеки,
И славно величайте ввеки.

Благословите снег, слота, и день, и нощь,
Свет, молния, тьма, мраки,
Вы купно облака и воздух сил не тощь,
Земля, плоды растущи паки;
И горы, холмы, и древа,
И злаки все, и вся трава;

Его воспойте, человеки,
И славно величайте ввеки.

Благословите мгла, источники, моря,
Езера, реки, рыбы, киты,
И все, что есть в водах, вы птицы, выспрь паря,
И тмы мшиц рои знамениты,
И звери, и число скотов,
И всяких множество гадов;
Его воспойте, человеки,
И славно величайте ввеки.

Благословите днесь, о! людие, и вы,
И ты, Израиль, предызбранный;
Служащие ему священные главы,
Раб, властелин, природный, странный;
Дух правых, кроткие сердца,
Блажите общего Творца;
Его все пойте, человеки,
И славно величайте ввеки.

Благословим Того и мы превознося,
Ананий и Азарий, красно,
Мисаил третий в нас; хваление ж глася,
Почтим Всевышнего согласно
И воспрославим от сердец
Всея вселенны до конец;
А воспевая с человеки,
Достойно возвеличим ввеки.

Он сам исторгнуть нас от ада днесь сулил,
Он спас от самыя нас смерти;
От пещного огня соблюсть благоволил
И злым не попустил нас стерти.
Он благ, к Нему все воззовем
Да в благостыне поживем;
Его поем мы, человеки,
И славно величаем ввеки.

Ода XXV
ПАРАФРАЗИС ПЕСНИ БОГОРОДИЧНЫ

ВЕЛИЧИТ ДУША МОЯ ГОСПОДА

От Луки, глава 1

Величит Господа, поя,
Все сердце, вся душа моя;
Им, Богом Спасшим, дух пришел мой в крайню радость
И чувствует небесну сладость.

На низкость Он мою призрел,
Рабу смиренну изобрел;
Все роды ублажат меня уже отныне,
В толикой вечно благостыне.

Велико сотворил со мной
Всесильный и Святый собой!
От рода в род Его всем милости творятся,
Которы Оного боятся.

Державу мышцею явил
Своею, Сам и утвердил;
Гордящихся всю мысль развеял напыщенну,
В ничто в сердцах их обращенну.

Низверг в глубокий сильных дол,
Вознес смиренных на престол,
Наполнил алчных всех премногими благими,
Богатых отпустил нагими.

Израиля приял всего,
Раба Он вспомнил своего;
Так Аврааму Сам дал клятву издалека,
И семени его до века.

Ода XXVI

ПАРАФРАЗИС ПРОРОЧЕСКИЯ МОЛИТВЫ ЗАХАРИИ, ОТЦА ПРЕДОТЕЧЕВА

БЛАГОСЛОВЕН ГОСПОДЬ БОГ ИЗРАИЛЕВ

От Луки, глава 1

Благословен Господь и Бог,
Израилю себя явивый,
Избаву людям сотворивый
И всем воздвигнувый нам рог
В селении раба и отрока Давида;
Да не к тому язвит нас лютая обида.

Так Сам Он провещал
Святых Пророков всех устами
Дать верх нам славный над врагами;
Из их отъять рук обещал,
С отцами сотворить свою богату милость,
Завет свой помянуть, отгнать от нас унылость.

Он клялся Аврааму тем,
Что будем мы Ему без страха,
От вражия спасенны праха,
Служить и правдою, и всем
Говением пред Ним Святым и Преподобным,
И всяк день в животе хвалением особным.

Но о! младенец, ты Пророк
Всевышнего пронаречешься:
Ты в силу свыше облечешься
Предшествовать пред Ним в свой срок;
Да уготовишь все пути Его нелестны
И все стези Его здесь на земле небесны.

Да людям ум подашь Его,
В чем есть спасительна отрада
От всякого греховна смрада,
За милость Бога Самого;

Восток нас присетил от теней тьмы избавить,
А ноги наши ввек на мирен путь направить.

Ода XXVII
ПАРАФРАЗИС ПЕСНИ ДЕВВОРИНЫ

ВНЕГДА НАЧАТИ ВОЖДОМ ВО ИЗРАИЛИ

Судей, глава 5

Когда в Израиле вожди
Мстить начали прехрабро с Богом:
Когда в числе и люди многом
Текли так вольно, как дожди;
То Господу хвалу явите
И Вышнего благословите.

Услышьте, о! цари земли
И каждый из князей, внушая
А вопли сонмов утишая,
С благоговением внемли;
Я воспою песнь велегласно,
Я Господу пою днесь красно.

Как скоро, Боже, ты исшел
Воздвигшись грозно от Сиира,
И в молниях Твоя порфира
Блеснула от Едомских сел;
Вся потряслась земля с водами,
Смутилось небо с облаками.

Подвиглись горы от лица
Тогда все Господа превечна,
Подвиглись те от бесконечна
Царя, и Бога, и Творца;
И сам Синай так колебался,
Что на твердыне волновался.

В дни, в кои пребывал Самгар,
Анафов сын, в дни Иаили,
Уже по сгогнам не ходили,
Не зрился путник млад, ни стар;
Всяк от пути был воспященный
Иль шел в кривый и развращенный.

Израильтески все места
И все жилища опустели;
Домов уж грады не имели,
Была и кажда грань пуста:
Пока Деввора не восстала
И Матерню быть не стала.

Едва Израиль изберет
Богов, как новый хлеб ячменный,
То вдруг под грады люд военный;
А сорок тысящ общий вред
Могли ль прочь отгонять пустою,
Без копий и щитов, рукою?

Но во Израиле всех глав
И от народа добровольных,
Собравшихся от мест окольных,
Как любит сердце, так мой нрав,
О! сильные людей, гласите
И Господа превозносите.

Вы, ездящие в полы дня
Въявь на своих ослятах белых,
И вы, сидящие на целых
Судищах, кривду прочь гоня,
И в сонм ходящие, собщайте
Дела друг другу и вещайте.

Шум ополченных уж престал,
Да будет плещущих глас тамо
О правде слово токмо само,
Где вод источник Бог нам дал,

Он утвердит в нас правды дело;
Народ пошел во грады смело.

Ты встань, ты встань, Деввора, днесь
И в песни сей рцы верно слово:
Варак! восстань и ты готово
Восстань, Авинеемль сын, здесь,
Веди тобою побежденных,
Яви, колико есть плененных.

Уже ты в силах превозмог,
Народ Господень торжествует,
Обрадованный ликовствует:
Мне сильнейших уже Сам Бог
Подверг десницею Своею,
Дал быть под властию моею.

От мест Ефремлих корень их,
И даже он до Амалика,
Но был Вениамин от лика
Как брат тебе тогда твоих,
Махир моя был оборона
И письменник от Завулона.

Начальник Иссахарский с стран
Девворины стал посредине;
Был с пешими Варак в долине,
Рувим разделом где раздран;
Против противных там стояли
И в сердце бодрость восприяли.

Что ж тот хлевов в забрала сел?
Места оград сих толь нечисты,
Иль скотски слышать тамо свисты
И шествующих шум хотел
В Рувимовы тогда разделы?
Все мыслей суетны пределы!

Сбег Галаад за Иордан;
Асир, что на брегах бывает,

От пристаней не отбегает?
Почто и совокупно Дан
Из кораблей есть не исходен?
Или он ни к чему не годен?

Но Завулон есть сей народ,
Который сам подвергся смерти
Или чтоб супостатов стерти;
И Неффалим, подобный род,
Без действ не пребыл праздно в доле,
Исшел и стал на чистом поле.

Цари к нему пришли уж вблизь,
Те ополченные восстали,
Там в Фанаахе воевали,
У Магеддонских вод сошлись;
Однак коль крови ни точили,
Сребра себе не получили.

Се что? Чин воружился звезд!
Он стал против того Сисары!
Вонзает смертные удары
Лучами от своих сам гнезд;
Се Небеса все ополчились
И на него ж ожесточились!

Поток Кисонов их сглотил!
Ток наводнения подобно,
В них пролил Кадимин способно:
Поток Кисонов затопил!
Душа моя! Тем всюду рана,
И сила их тобой попранна.

С ристания от конских ног
Скочил, на полы рассекаясь
Или на части сокрушаясь,
Копыта оный твердый рог;
Толь был тогда там топот сильный
И скач во все страны обильный!

Кленитe, Ангел так велит,
Клените клятвою Мазора:
Да истребится он от взора,
Всяк житель в нем да заболит;
В Господню помощь не потщились
И в помощь сильну не собщились.

Да будет Иаиль, жена
Хавер-Кинеева, почтенна,
Во всех женах благословенна!
Да препрославится она
Всех велелепнее жен сущих,
В шатрах и на́-поле живущих!

Просил он у нея воды —
Млека та подала возвратно,
И масла кравия богатно
То изнесла все до среды,
И с тем ему отягощенну
Подносит чашу позлащенну.

Простерла левую свою
К гвоздю потом древянну в плату,
А правую к работных млату;
Сисару теми, без бою,
В висок до смерти поразила,
В кой млатом гвоздь ему вонзила.

Согнувся, пал к ея ногам,
Пад, на земле весь растянулся
И несколько еще он гнулся,
Валяясь при издохе там;
Но вскоре гнусно безобразен
Издох и стал вовеки мразен.

В окно смотрела часто мать
Сисарина и сквозь решетку
Сама всклицала, как в трещетку:
«Доколе так его мне ждать?

Его что медлит колесница?
А с сим и прочие все лица?»

На то мудрейши из вельмож,
Гадательствуя, отвещали
И купно ону улещали
Так знаменитые госпож;
Да и сама себя та льстила,
Что в сердце с ними сходно мнила.

«Корысть велику, знать, он взял,
Ту разделяет заслужившим
И всем в войне себе дружившим
Драгие утвари отъял;
Облек на рамена цветную,
На выю возложил златую».

Так, Господи, Твои враги
Всегда везде да погибают;
А равно солнцу да блистают
Возлюблшие Тебя слуги!
Да впредь не мучит зло никое!
Страна да будет вся в покое!

ОДА XXVIII. О НЕПОСТОЯНСТВЕ МИРА

Где бодрость! где веселый дух!
Какие мысли в ум вселились?
Что за несчастия случились?
Почто твой вид толико сух?
Погибло ль что и не восстанет?

Как! малая премена толь,
К болезни сердцу дав начало,
Как острое какое жало,
Хотя тебя ни мучит коль,
Однако ты будь терпеливый.

Что в мире постоянно есть?
Не все ль в нем завсегда превратно?
Не всем ли искони то знатно?
Не утре ль нет что днешня честь?
Который красный цвет не вянет?

Сперва весна, там лето здесь,
Потом уж есень прибегает,
Зима ж, наставши, отнимает
И плод с дерев, и лист их весь,
И воздух дышет особливый.

Ветр возмущает тишину;
Темнеет светлость от ненастья;
Премного в счастии несчастья;
Сей долу, тот на вышину,
Как будто не спадет, стремится.

У черного есть с белым бой,
Есть у сухого также с влажным;
У легкого подобно ж с важным;
Ни ветхость новость меж собой
Не мирны, и ни старость — младость.

Как день, так ночь есть не всегда;
Кто мощен, утре вот бессилен;
Теперь суров, потом умилен;
Жив в полдень, в вечер иногда
Труп бездыханен всеми зрится.

Иное ходит, то стоит;
Другое косно, третье скоро;
То тратится, иное споро;
Иное чувствиям вредит,
Иное тем же чувствам радость.

Нет, кратким словом, ничего,
Кроме сотворшего все Бога
(Чья к земнородным милость многа
И благость и любовь Его),
Что было б во вселенной вечно.

Он Пресвятый, Он есть един,
Он всемогущий, Он правдивый,
Всеведущ Он и прозорливый,
Над всем верховный Господин,
По воле все располагает.

Его везде во всем есть власть;
Мы должны все повиноваться,
А малодушно не терзаться,

Что мнится наша злая часть;
    Приимем токмо ту сердечно.

О! весь желание мое,
В Тебе и все мое благое,
И все сокровище драгое;
Твори со мной во всем Твое —
    Язык и сердце то вещает.

СЛОВО «О ТЕРПЕНИИ И НЕТЕРПЕЛИВОСТИ» ФОНТЕНЕЛЕВО, ПОЛУЧИВШЕЕ НАГРАЖДЕНИЕ ЗА КРАСНОРЕЧИЕ

Человек, коль ни мало употребляет в действие свой внутренний свет к познанию самого себя, однако усматривает слабости и пороки, которыми он наполнен. Сия есть причина, что немедленно человеческий разум ищет способа, как бы оные исправить, имея с природы к совершенству желание, оставшееся в нем от древния великости, коею он почтен был. Но ныне сколько сил имеет сей самый разум, будучи сомнителен, слеп, исполнен заблуждений, достоин и сам почитаться за одну из бедностей человеческих? Он токмо что умеет сопротивляться порокам чрез пороки ж или исцелять страсти страстями; а сии тщетные лекарства, изобретаемые им, не что иное, как токмо толь большее и неисцельнейшее зло, коль более нужно ему не признавать их злом и коль он вяще прельстился сам, их одобряя.

Тщетно чрез многие веки древняя Греция, бывши толь изобильна тонкими, любопытными и беспокойными умами, производила оных мудрецов, которые продерзостно старались научать последователей своих науке, как жить блаженно и сделать самих себя совершеннейшими; всуе бесчисленная разность их мнений, которая вовеки имеет быть стыдом ослабевшему природному свету, истощивала все, что человеческий разум мог изобресть для пользы земнородным: ибо действие самых сильных философских стремительств токмо что пременило пороки, производимые растленною природою в ложные добродетели, кои были, чтоб так сказать, еще достовернейшими знаками повреждения. Простой человек или не ведает своих недостатков, или признавает их с довольною искренностию, дабы их сделать некоторым способом извинения достойными; но языческий философ, тщеславясь приобретением своих несовершенств чрез многое

размышление и учение, приписывал еще тем и как всякое, так и великое похваление.

Сии непорядки, производимые человеческим разумом в Греции, где он владычествовал со всею возможною себе высокостию, вышед уже из своих пределов, также и лестные наставления, рассылаемые оттуду им ко всем света сего народам, восприимавшим оные с преизбыточным повиновением, были, поистине, немалым побуждением, приведшим Вечный Разум к сошествию на землю. Когда, с одной стороны, у иудеев славные Даниловы седьмицы, которые уже скончивались, и скипетр Иудин, прешедший в чужие руки, приводили в поспешение Избавителя, толь давно обещанного и вожделенного, то, без сомнения, с другой, греки, попустившиеся по то время в надменные заблуждения и в тщеславное неразумие, а довольствующееся самим собою, равно требовали Мессии для своих нужд, хотя и не имели права ожидать Его Пришествия. Бог долженствовал Его послать к одним, дабы исполнить Свое Слово, толь многажды предвозвещенное устами Его Пророков; а другим надлежало Ему Того подать, чтоб удовлетворить Своей благости, не могущей уже больше терпеть им заблуждений в их мудрости. Надобен был одним монарх, который бы себе учредил по всему божественное владычество над народами; надобен был великий священноначальник, который бы их научил приносить истинную жертву; но надобен же был и другим мудрец, от которого б им получить твердое наставление; надобен им также был и учитель, который бы им подал все познания, желаемые ими толь от многих веков.

Того ради наконец явился между человеками оный Мессия, толь пламенеющими чаянный желаниями от одного токмо народа, а толь всем нужный. Тогда истина и добро открыты нам быть стали без примешения всяких тучь и всякого мрака; тогда исчезли все оные привидения добродетели, родившиеся от философского мечтания, тогда все и по всему божественное врачевание начало быть прилагаемо с получением успеха ко всем нашим недугам, кои нам природны.

Да возведутся наши очи особенно на одно которое-нибудь из действий, каково произвел новый устав, возвещенный Иисусом Христом. Нетерпеливость в природном зле есть, может быть, такой порок из пороков, к которому нас несет сама ж природа, а несет и весьма обще, и вельми сильно; и также нет добродетели, о которой бы философия больше старалась, коль о терпении. Поистине, для того что нет ни единыя, которая б могла быть толь нужна несчастливому человеческому состоянию и была б толь способна к приобретению славныя отмены удостоившимся получить терпение. Сия природная нетерпеливость и ложное терпение

философии послужат нам в примеры благополучного возобновления, учинившегося тогда во Вселенной. Рассмотрим, как истинное терпение, неведомое по то время на земле, отняло место у тоя и у другого. Однако не должно нам иметь стыдения в рассмотрении всего оного несколько обстоятельнее и в познании нашея бедности. Сие рассмотрение, сие познание подаст нам средство к признанию того, что сколько мы получили Спасителевых благодеяний.

ЧАСТЬ I

Что то за устремительное движение нашея души, которая раздражается претерпеваемым злом и так на все обращается стороны, как будто б она хотела свергнуть с себя какое иго? Чего ради стараться отринуть оное далеко от нас чрез наглые стремления, в которых мы ощущаем в то ж самое время невозможность? Чего ради приобщать тому в причину или звезды, кои нимало не виновны нашим несчастиям, или Фортуну и необходимую Судьбу, которые не имеют бытности вне нашего мечтания? Что значат сии жалобы, приносимые многим без числа вещам, от которых они не могут быть слышимы? Что являет оный род исступления, в коем мы находимся против нас самих, еще меньше основательный, нежели всякое другое неистовство? Успокоиваем ли мы тем наше зло? или оное усугубляем? Несчастливы! ежели мы токмо имеем средствия, толь ложные и толь мало твердые к нашему облегчению. Безумны! если мы наше зло умножаем. Но препятствует ли что, дабы сему и не быть достоверным? Весьма и весьма известно, что мы сами наше зло увеличиваем. Наше прибавление сил к силам на извлечение стрелы, прободающия нас, еще больше углубляет и ее вонзает; душа наша сама себя раздирает сим новым смятением; а чрезвычайное усильствие, в кое она попускается, возбуждая ея чувствование, подает над нею большую силу той болезни, которою она есть мучима.

Однако ни стыд следовать за непорядочными пореваниями, ни страх умножать чувствительность нашего зла не подавляют в нас нетерпеливости. Попускаемся в нее толь способнее, что тайный глас совести нашея, почитай, не укоряет нас за нее и что не бывает в сих стремительствах толь явныя несправедливости, чтоб она могла быть нам видима и приводила б нас к ужасному ея омерзению. Вопреки кажется, зло, претерпеваемое нами, невинными нас делает; оно, кажется, увольняет нас на несколько времени от необходимости быть смысленными. Не употребляется ль еще некоторый род и хитрости, чтоб способнее извиниться в сем недостатке и предаться

ему без всякого помешательства? Не укрывается ль также многократно нетерпеливость и легчайшим именем живыя скорости? Но сие истинно, что она всегда объявляет побежденную душу своим злом и уступать ему принужденную. Впрочем, находятся такие несчастия, в которые попадшегося похваляют люди, когда он к ним чувствителен без меры; также и приключения, во время которых, как они думают, можно с благопристойностию лишиться сил и позабыть себя совершенно. Тогда точно позволено получать себе самую большую похвалу за нетерпеливость и, кто ее не отвергает, быть превозносиму. Кто б поверил, чтоб вещь, носящая наибольше всего знак на себе малодушия, могла когда быть основанием к тщеславию? Закон токмо един исправить мог толь вкорененную порочность в природу, а иногда и позволенную ложными нашими мнениями. Оный нас научает для погашения в нас нетерпеливости, всегда вредительныя и безумныя всегда, что мы все грешники, что мы должны удовлетворение учинить правосудию Божию, что всякое зло, какое претерпевать можем, мы заслужили. Что за странное утешение, рассуждая по первой мысли, на ум всходящей! Как! мы не токмо будем неблагополучны, но еще должно нам почитать себя и виноватыми? Мы имеем погубить и право к стенаниям, и воздыхания наши не могут быть больше неповинными? Повторяю, что за странное утешение!

Но только ж сие самое есть то одно из многих и есть еще твердое и действительное. Ибо, коль ни горестны иногда кажутся посещения, приходящие к нам с Неба, токмо они находят на нас оттуду благополучия ради нашего и спокойствия. Христианин, совершенно познавший, что он достоин претерпеваемого зла, никогда уже и нимало не прибавляет оного вдвое порывами нетерпеливости. Праведно есть, дабы восстанию нашея души на болезни, должные грехам нашим, быть казниму преумножением сих же самых болезней; но тот умаляет их для себя, кто подвергается без роптания получаемой казни. Сие не для того, что будто б христиане меньше искали страдания, но ради сего, что обыкновенно действия и плоды добродетели имеют себе природные воздаяния, которые от тех не отлучаются. Не можно быть в святом расположении, да чтоб не умалить жестокости в томлении. Не можно попуститься на муки, не уменьшая и не облегчая страдания, а когда мы восстаем еще на себя самих с стороны Божиего правосудия, то можно сказать, что мы некоторым образом обессиливаем могущество, которым бы оно нас преодолело.

Не должно ль мне еще также положить в число побуждающих причин к терпению, которому нас Закон научает, и вечное оное добро, кое нам повелевает он заслуживать добрым употреблением нашего зла? Но есть

ли то и может ли назваться истинным злом, что бывает средствием к получению того небесного блага, которое у нас никогда похищено быть не может? Еще ль тот страждет, кто, чувствуя больше сердцем, что на сердце человеку отнюдь здесь никогда взойти не может, оставляет в своей душе несколько места болезням и бессильным, и временным? Ах! кажется, что такое предвкушение неизреченных сладостей весьма больше препятствует нам их чувствовать, нежели помогает оные претерпевать.

Такое точно было искусство Благости Божиея, что в самых наказаниях, которые гнев Его на нас насылает, изобрела она способ снабдить нас источником бесконечного блаженства. Восприимем токмо с искренним покорением толь праведные наказания, то и пременятся оные тотчас в причину к воздаянию. Мы не токмо загладим наши преступления, но еще и получим право к крайнему и неизреченному блаженству. Природная слепота и ты, небесный свет Закона, о! коль много вы между собою противны. Природа непорядочными своими движениями умножает наши болезни; а откровение Закона отдает их, чтоб так сказать, в лихву терпением, в нас влагаемым. Ежели мы вверяемся одной, то прибавляем к необходимому добровольное зло, но если бываем послушны наставлению другого, то находим в необходимом зле величайшее всего добро.

Того ради христианское терпение есть не простое терпение, оно есть истинная любовь к страданию. Буде б не возводить мысли к оной блаженной вечности, которыя наслаждением обнадеживает нас оно, то б довольно было и того, чтоб страдать без негодования и почитать страдание за казнь, должную согрешениям, но когда мысленно взираем на бесконечное мздовоздаяние, коим страдание награждается, то не можно больше не восприимать его с радостию как милости, которыя мы недостойны. От сего точно произрастали оные предивные случаи, коими христианские наполнены летописи; оное спокойствие, которым святые наслаждались, претерпевая самые жестокие мучения; оное совершенное равнодушие и равность, какову они всегда усматривали между добром и злом; но почто говорю и равность? оное предпочтение, какое они всегда показывали природному злу пред добром; оные благополучные излишества в терпении так, что они дерзали призывать на себя такое зло, какого рука Божия на них и не насылала.

Что ж то был за вид растленному миру начатие христианства! Видит Он, что явились нечаянно и рассеялись по всей подсолнечной люди, кои не согласны со всеми другими в самых общих разумениях; люди, которые отвергают все, чего все прочие с крайнею горячестию желали и искали, и которые притом имеют искреннюю любовь ко всему тому, от чего все другие бегают. Жалобы стали быть язык, не знаемый им, разве токмо

в благополучии. Не довольно с них, что имеют в самом несчастии непоколебимое постоянство, имеют они еще в том и такую радость, которой часто не было и меры. Ежели они не отдаются сами на муки и на смерть, то им было нестерпимо. Но лютость и зверство их врагов всегда обманывались: чем и как их ни мучили, а они того токмо и так желали. Что то за чудеса, долженствовали говорить язычники? Что за превращение? Добро и зло не пременились ли в своей природе? Или человеки свою пременили? Сие удивление, без сомнения, толь большее было, что самые философы, которые, казалось, что по то время владели всеми добродетелями и истинами, были изобличены и в рассуждениях, и в делах от новых философов, несравненно совершеннейших. Были то оные преславные мудрецы или, лучше, был то Учитель их небесный, который опроверг ложные виды терпения, положенные от лестных мудролюбцев, и еще прочнейшие, может быть, нежели самая нетерпеливость природная человекам, не имеющим другого руководства, кроме своих пристрастий.

ЧАСТЬ II

Никогда человеческий разум не показал толико надмения и не попустил нигде видеть толико бессилия, колико в соборище стоиков. Сии философы предприяли тогда научить твердо всех людей, что собственное их тело было для них нечто не их, но чужое, которого пользу долженствовали они почитать за ненужную им вещь; а болезней, оскорбляющих сие тело, не надобно было ни знать, ни чувствовать мудрецу, который всеконечно и совсем прятался в душевную часть самого себя. Итак, стоик смотрел на зло с презрением, как на неприятеля, не могущего ему досадить, да и защищался он величавным терпением, основанным на бесстрастии, коим его толк особенный стороне оного льстил. Страдать постоянно было б для него нечто весьма человеческое; он нимало не страдал, равно как сам его Юпитер, которому завидовать не имел он причины ни в совершенствах, ни в блаженстве.

Куда далеко уже заблуждаете вы, о! слабые человеческие разумы, когда оставлены бываете при своем токмо свете! Как! надобно успокоить раны, ежедневно получаемые, а мы их и получаем, и от них мы стенем, но нет другого лекарства, как токмо стоять в том, что мы неуязвляемы? Весьма б были мы счастливы, ежели б, ослепившись таким образом, могли ослепление наше употребить в нашу ж пользу! Но хотя сии тщетные мысли возвышают на несколько времени и напыщают прельщенное мечтание, однако

тотчас отвлекаемся к чувствию болезни крепчайшею и сильнейшею природою; а хотя упрямство сия стороны и еще б содержало в разуме гордое такое умствование, но сердце, которое страждет, всегда б отвращалось от него и осуждало оное. Когда оный стоик, будучи нудим болезнию некотория лютыя скорби, восклицал к ней: «Однако я не имею признать, чтоб ты была зло!»*; то сие самое его принуждение себя, сие самое непризнание не было ль признанием совершенно твердым и совершенно искренним, какому быть надлежало?

Прочь от христианства заблуждение, толь противное природным чувствиям, и также гордость, толь недостойная просвещенного разума. Христианское терпение не стоит на таком основании, чтоб христианам помышлять, что они выше болезней. Они страждут, они и признаваются, что страждут; но покорение, которое они имеют тому, кто на них праведно насылает страдание, но награждение, кое им обещано за их страдание, производят оное в них постоянство, оное спокойствие, оную радость, которые толь многажды приводили гонителей их в удивление и к ним к почтению. Они не удерживают своих жалоб и стенаний для того, дабы не обесчестить стороны, при которой находятся; но Божественный Закон, коему они последуют, предваряет в них ропот и стенание святыми мыслями, наполняя их теми. Они таковы внутрь самих себя, какими стоики имели великую трудность казаться снаружи, то есть тихи, спокойны и победители претерпеваемыя болезни. Они также чувствительны, чему сама вся философия довольно надивиться не может, как и все прочие люди, ко всем человеческим бедностям, весьма довольнее сердцем в самых великих претерпениях, нежели б они были самыми благополучными из всех человеков.

Нигде не сияет с большим преимуществом терпение, как в обидах. Стоик озлобленный для того токмо показывался извне тихим, что он тотчас возносился выше озлобившего, а иногда еще гордым рассуждением дерзал лишать его свойства человеческого. Сие есть такое досаждение, которое делается без вреда своему неприятелю; сие хотя и бессильное отмщение, однако не оставляет надмения без утешения. Но христианин полагает себя в своем сердце ниже всех человеков, а однако он имеет, хотя б крайним образом был обесчестен, героическое спокойствие, которое его поставляет выше всех неприятелей. Неповинная и благополучная хитрость, которой нас благодать научает! Ибо не приемля на себя безумныя величавности

* Посидоний Анамейский Сирянин. Он пребывал в Родосе, где великий Помпей был его слушателем, да и Цицерон с ним имел дружбу и часто его посещал. Слово оное сказал сей Философ, будучи в жестокой подагре. Фабриц. Библиот. греч. кн. 3. гл. 14.

и не показывая ложного бесчувствия, надобно только нам смириться под Создателеву руку, чтоб выше всех быть созданий; надлежит нам только почитать Ее в орудиях, от Нея употребляемых, дабы нам быть непоколебимым от самых жестоких ударений, каковы претерпеть мы можем от человеков. Нет таких, кои б не имели довольно силы, чтоб нам от них страдать; но нет и таких, которые б имели ее довольно, дабы могли привесть в смятение наше спокойствие. Когда их руки обращаются на нас, тогда рука сильнейшая, приводящая их к действию, показывается очам нашея веры, удерживает болезнь нашу в раболепности и успокоивает всякое смятение, в которое она могла б привесть нашу душу. Несправедливости, претерпеваемые нами, не представляют себя нам больше случаями, происходящими от человеческия злости и долженствующими возбудить в нас ненависть и негодование: мы восходим выше и просвещеннейшим зрением усматриваем, что сии самые случаи приходят к нам с неба и как праведные наказания, коим должно есть покорение, и как причины к заслуге, которые требуют возблагодарение.

Не так многие из философов рассуждали, уверяясь, что все вещи управляемы были слепою, непременною и необходимою Судьбою, от которыя совокупно происходило и добро, и зло. Правда, они повиновались ей в своих несчастиях, а иногда и с довольною непоколебимостию. Но какой сей род был терпения? Терпение невольников, скованных узами и подверженных всякому самонравию немилосердого их господина. Терпение, которое, будучи основано на бесполезности или на тщетности к сопротивлению, жестоко удерживает душевные движения и, вместо чтоб душу утешить, оставляет в ней темную и дикую печаль; словом, отчаяние, смешанное с рассуждением больше, нежели истинное терпение. Да будет благодарение божественному нашему Закону: мы знаем, что мы не зависим от слепыя судьбы, восхищающия и привлекающия нас непобедимым и насильным способом. Наши несчастия не происходят от случайного расположения всего того, что нас окружает. Превечный разум, не меньше сильный, коль и философам казалась мечтательная их судьба, но весьма и крайно премудрейший, все управляет. Сия рука, коея ударения мы почитаем, есть рука, подающая и самое зло, смотря по нашим нуждам и силам, но, говоря свойственнее, не насылающая на нас, как токмо добро: сия рука есть Отцовская, а мы страждем, как дети, надеясь совершенно на Благость Того, который посылает к нам страдание; но не так, как невольники, подверженные всей самовольнейшей и жесточайшей свирепости. Не тщета и бесполезность к сопротивлению, которые нас удерживают, но несправедливость оного; а терпение наше есть истинное покорение духа,

разливающего повсюду в сердце утешение, почитай, столько ж сладкое, ежели смею так сказать, коль и самое наслаждение добром.

Таковы точно плоды, которые производит у христиан Божественный образ терпения, предложенный им тогда, когда Праведный и толико един токмо праведный сам собою, что не бывало и не будет такового вовеки, был при самом том часе, в который ему надлежало очистить грехи человеческого рода. Будучи оставлен от всего и от всех, кроме токмо нескольких учеников, имевших только самое малое время побыть ему верными, поражен самым лютым видом казни как поносныя, так и жестокия, которая Ему определена, вопиет Он к небесному Своему Отцу, молит Его, чтоб, ежели возможно, мучения, кои представляет себе в помысле, обошли Его. А сие желание, которое великость Его муки, уже предстоящия пред Его очами, делала толь законным, желание сие еще законнейшее было для непорочности Молящегося, желание, где смирение преизобилует совершенно и в самых словах, которыми оно составлено, однако в тот же час оставлено чрез совершенное покорение и без всякого изъятия Божиему намерению. «Буди воля Твоя», — говорил Иисус Христос Своему Отцу. Да какая воля! Знал Он, колико она была жестокая и неумолимая для Него! Видел Он себя, преданного раздраженному правосудию; видел и Благость, совершенно удержанную, однако, чтоб исполнить должности сыновского послушания, отдался Сам добровольно на собственное Себе мучение, имея одно токмо утешение в самой острой болезни страдания, обращать очи Свои на ту Десницу, от которыя Он то приемлет.

Восстенал Он еще на кресте, жаловался, что оставлен от Своего Отца, однако не роптал на сию крайнюю жестокость; объявлял нам токмо, что сколько Он был к тому чувствителен. Философы хотели иметь бесстрастие, которое в сем нашем состоянии не может согласиться с человеческим естеством; а Иисус Христос не восхотел пользоваться и оным, которое Он мог бы получить от Своего Божества. Претерпел Он самое жестокое мучение, да оставит приличный образ человекам, необходимо подверженным страданию. Восприял Он все наше чувствие, да нас сильняе приведет подражать терпению.

Вдохни в нас, о! Воплощенное Слово, сию превосходную добродетель, толь удаленную от повреждения, которое нам стало быть природно, и также от ложного совершенства, до коего философия тщалась достигнуть. Удостой нас научить науке терпения, науке весьма Небесной, и которая принадлежит токмо Твоим ученикам. Все течение жизни Твоея подает нам к приобретению тоя предивные наставления, но как их произвесть в дело без помощи Благодати Твоея? Ты токмо един, от которого мы можем

восприять истинное познание добродетелей; и Ты токмо един, могущий нам подать силу следовать оным. Ты Сам, будучи разум и премудрость покланяемого Твоего Отца, будь также и наш в исправлении непорядков, которым отдается естество наше во время тягостей. Не попусти, о! Господи, правосудию Твоему, дабы оными нас обременить прежде, нежели Ты надлежащим образом приуготовишь душу нашу, чтоб нам возмощи употребить оные в пользу нашу, и не насылай на нас всякого зла и страдания, коих мы достойны, как токмо даруя нам в то ж самое время бодрость и крепость истинно христианскую.

НЕСКОЛЬКО ШТУК, СОЧИНЕННЫХ СТРОФАМИ, О РАЗНЫХ МАТЕРИЯХ

I

СТРОФЫ ПОХВАЛЬНЫЕ РОССИИ, СОЧИНЕННЫЕ В ПАРИЖЕ 1728 ГОДА

Начни, начни, моя свирель,
Согласие стихов похвальных;
Веди твою к России трель
Сквозь множество от ней стран дальных:
Доброты ныне все ея
Взять в мысль охота есть моя.

Россия мать! любезный свет!
Позволь так твоему петь чаду;
Никоея во мне премены нет,
Чужих паств не прибегну к стаду.
О! коль прекрасна ты лицом,
Величественна коль венцом.

От скиптра красота иным,
Тем в честь порфира драгоценна,
Но ты как мужеством твоим
Ни с кем не можешь быть уж сменна,
Так трону слава твоему
Сама собою по всему.

Не ведает уж ныне кто
Повсюду в мире толь пространном
Твое есть благородство что?
По Риме, от язык попранном,

(А в Византии змий царит),
В твоих градах орел парит.

Благочестивая в тебе
Сияет, как светило, вера,
Нечестие не зрит себе
Нигде ни места, ни примера;
И недвоякий твой догмат —
Раскол стремится токмо в Ад.

Весь православен есть твой лик,
Достойны матери все чада,
Защита — всяк мал и велик,
Что ты едина всем ограда;
За храбрость есть в тебе и мзда,
На злость — прекрепкая узда.

Не изобильна чем бы ты?
Сокровище всего повсюду!
Какой в тебе нет красоты?
Богата внутрь, славна вне уду,
Оружий силою грозна,
Коварным и врагам страшна.

Звезд растворение твоих
Всем здравие вливает;
Невреден никому взор их,
Се всяк тебе взывает:
«Россия ввеки да живет!
Россию Вышний да блюдет!»

Скончи, скончи, моя свирель,
Согласие стихов похвальных;
Да замолчит дрожаща трель:
От стран зрю на Россию дальных.
Мне мало сто гласов иметь,
Ни тысящию не воспеть.

II

ПЕСНЬ НА КОРОНОВАНИЕ БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ИОАННОВНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ, СОЧИНЕННАЯ В ГАМБУРГЕ 1730 ГОДА

Да здравствует вовек императрица Анна,
Восшедша на престол, уже и увенчанна,
Краснейше всех светил
Сияющая ныне!
В своей ту благостыне
Бог свыше осенил.

Се нам всем благодать от горних мест лиется!
Монархине по сем венец и там вязется!
Златый век облистал!
Обилие велико!
И счастия колико!
Богатый мир настал!

Превыспренний весь лик и небо все играет,
Изряднейшим лучом нас солнце просвещает;
Несет земля свой плод,
Нам воздух дышит здравый,
Цветет дух всюду правый,
Вшел благостей к нам род.

Веселием у нас все плещут рек потоки!
Погибли в бездне тьмы премерзкие пороки;
Уж обстоят кругом
Честь, Правда, Богу Вера,
Усердность без примера
И Милость пред судом.

Враждебные все прочь отсюду ныне ссоры:
Монаршески уже здесь воссияли взоры,
К себе сердца всех нас
Склонила Богом данна
Императрица Анна;
Ее чтим всякий час.

О! весь российский род да ныне торжествует!
Особенно и въявь да светло ликовствует;
Всяк возраст, пол и чин
Да плещет днесь руками,
Да пляшет и ногами,
Кто верный гражданин.

Нам Вышний даровал всем радость несравненну,
Во все концы земли достойно разнесенну:
В России Анна всей
Имеет уж державу;
И в бесконечну славу
Повелевает ей.

Да здравствует вовек императрица Анна,
Восшедша на престол, уже и увенчанна,
Краснейше всех светил
Сияющая ныне!
В своей ту благостыне
Бог свыше осенил.

III
ПЕСНЬ НА НОВЫЙ 1732 ГОД

Начинаем новый год!
Росский радуйся народ;
Благодать нам изобильна
От Всевечна и Всесильна.

В-первых, здравие без бед
Спеет всем на много лет;
Мы, того желая, люди,
Возгласим: «О! тако буди».

Пойдет долгоденствен век,
Бодр пребудет человек:
Поживем все в благостыне,
Веселясь всегда отныне.

Мерен хлад внесет зима,
Сев весна взрастит сама,
Лето в влаге тот согреет,
В есень многий плод созреет.

Воздух дхнет чист, растворенн,
Влитием в нас удобренн;
Веять здраво ветры станут,
Наносить вред лют престанут.

Сокрушится всяка злость,
Как колеблемая трость;
Доброе всем будет любо,
А худое станет грубо.

Возымеем все любовь,
Ввек погибнет горда бровь;
Дружелюбность удостоим,
Искренность в сердцах устроим.

Станет правду всяк лобзать,
Лжи никто всегда не знать:
Зрим Престола одесную
В образ Истину Святую.

Нечестива прочь война!
Здесь приятна тишина,
Знай, что всю российску силу
Вознесет Господь толь милу.

Смелостию ободрит
Мужество и покорит
Всех врагов предерзновенных,
Всех врагов преухищренных.

Благочестия догмат
Устоит от адских врат;
Церковь на твердыне веры
Станет чрез Святых примеры.

И синклита тверд совет,
Дивен чрез великий свет,
Утвердит в градах изрядство,
Предусмотрит неприятство.

Процветут науки здесь
И художества отднесь,
Мудрость вяща, неж в Афинах,
Дело чище, нежель в Хинах.

Купле даст успехи Бог
И прибыток купно мног,
Все Японско с нами племя,
Содружая в скоро время.

Счастий наших всех венец
Есть и будет Сам Отец,
Сын, Святый Дух очевисно,
Ныне, и вовек, и присно.

IV

СТРОФЫ ПОХВАЛЬНЫЕ ПОСЕЛЯНСКОМУ ЖИТИЮ

Счастлив! в мире без сует живущий,
Как в златой век, да и без врагов;
Плугом отчески поля орющий,
А к тому ж без всяких и долгов.

Не торопится сей в строй по барабану,
Флот и море не страшат его,
Ябед он не знает, ни обману;
Свой палат дом лучше для него.

В нем всегда или он винградны
Вяжет лозы к тычкам и шестам;
В дни гуляет, те когда изрядны,
По долинам, либо по стадам.

Он в иной серпом день очищает
Ветви все негодные с дерев,
Добрый к оным черен прививает,
Смотрит, в хлебе нет ли вредных плев.

Либо мед и сот кладет сам в кади,
В ночь или бывает рыб ловец,
Сам же иногда волны в дом ради
Всех обросших он стрижет овец.

Осень как плодом обогатится,
Много яблок, груш и много слив,
О! как полным сердцем веселится,
Их величину, их зря налив.

Что тогда из всех плодов зреляе,
Отбирает разно по частям:
То шлет в храм к молитве, что честняе,
Приходящим часть хранит гостям.

Часть в подарок сродникам, часть брату,
Благодетель ту б взял, говорит,
Ту несите куму, ту часть свату,
Пусть за ту мне друг благодарит.

Иногда лежит под старым дубом,
Иногда на мягкой он траве,
Нет в нем скверных мыслей зле о грубом:
Что есть дельно, то все в голове.

Быстрые текут между тем речки,
Сладко птички по лесам поют,
Трубят звонко пастухи в рожечки,
С гор ключи струю гремящу льют.

Толь при разном диком сельском шуме
Ненадолго спит вздремавши он,
Что ни было доброго на думе,
Забывает все в глубокий сон.

Но зимою нападут как снеги,
И от стужи избы станут греть,
Много и тогда ему там неги,
Начнет род другой забав иметь.

В поле ездит он или с собаки,
Боязливых зайцев в сеть ловя;
То с волками смотрит псовы драки,
То медведя оными травя.

Тешит он себя и лошадями
И кладет отраву на лисиц;
Давит многих иногда силками,
Иногда стреляет разных птиц.

Часто днями ходит при овине,
При скирдах, то инде, то при льне;
То пролазов смотрит нет ли в тыне
И что делается на гумне.

Кто ж бы толь в приятной сей забаве
Всех своих печалей не забыл?
Хоть в каких бы кто честях и славе,
Как сея б он жизни не взлюбил?

Буде ж правит весь толь постоянна
Дом жена благословенный с ним,
Сарра коль была или Сусанна,
То спокойства нет, сравненна с сим.

Весь некупленный обед гóтовит,
Смотрит, пища чтоб вкусна была,
Из живых птиц на жаркое ловит
И другое строит для стола.

А потом светлицу убирает
К мужнему приходу с дел его;
Накормивши деток, наряжает,
Встретить с ними б мужа своего.

Тот, пришед в дом, кушать и садится
За накрытый, набранный свой стол,
Что ж порядочно у ней все зрится,
То причины нет, чтоб был он зол.

Каплуны прочь, птицы африкански,
Что и изобрел роскошный смак,
Прочь бургонски вина и шампански,
Дале прочь и ты, густой понтак.

Сытны токмо щи, ломть мягкий хлеба,
Молодой барашек иногда —
Все ж в дому, в чем вся его потреба;
В праздник пиво пьет, а квас всегда.

Насыщаясь кушаньем природным,
Все здорово провождает дни;
Дел от добрых токмо благородным,
Не от платья и не от гульни.

Счастлив, о! весьма, излишно,
Жить кому так ныне удалось.
Дай бог! чтоб исчезло все, что пышно,
Всем бы в простоте святой жилось.

РАССУЖДЕНИЕ О КОМЕДИИ ВООБЩЕ

Были ль у древних всего света народов какие комедии, о том нам неизвестно, как не умеющим по самой большой части их языков, а других из них и самих отнюдь не знающим. Но комедия древних греков и древних римлян продолжается и поныне подражанием у всех, почитай, европейских народов, а особливо у французов. Греки ее изобрели и привели в совершенство, римляне изобретенную греческую комедию употребили для себя на своем языке, а прочим всем европейцам образцом как сперва была, так и ныне есть латинская, хотя уже по возобновлении наук многие из ученых народов почерпают оную из самых греческих источников и видят с удивлением, что список латинский едва уступает греческому подлиннику, равно как мы ныне удивляемся греческой комедии во французской, взятой с латинския. Следовательно, нынешняя европейская комедия, на каком бы она языке ни была сочинена и представлена, есть не что иное, как токмо оная греческая в совершенство уже там же приведенная комедия.

Что мы ни намерены предложить о комедии вообще, то все касаться имеет токмо до греческия, а потому распространится и до латинския, и до прочия европейския как до некоторого рода списка с греческия и как до благополучного подражания оной же. Называю я нынешнюю комедию списком и подражанием, но в том и утверждаюсь: сие есть достоверно и праведно, и сие всяк искусный ведает. Как тогда, так и ныне осмехаются худые нравы и поступки комедиею, а осмехаемые каждого века нравы и худая сторона действий народных есть самое внутреннее и составляющее комедию: разность хульных поступок приводит к разности шутки, которая в комедиях есть, не знаю что такое, чему надлежит быть чувствуему в точной каждого века силе.

Первоначалие комедии есть столько ж темно и неизвестно, сколько и трагедии. Вероятно, впрочем, что они обе зачались в одной утробе, то есть в забавах, бывших у греков во время собирания винограда. Кажется, что они были сперва некоторые токмо песни, из которых первая, именно ж трагическая, была в честь богу Бакху, а другая (когда вино и радость возбудят сердца, по Боаловым словам в «Науке о поэзии» в 3 песни) или в собственную забаву собирающих грозды, или в увеселение там присутствующих. За первую песнь самому искусному певцу воздаянием был козел, который по-гречески называется Τράγος, отчего, мнится, и трагодия, то есть козлова песнь. Но за другую награждения не видно, может быть для того, что обе такие песни почитаемы были за нечто одно, а может же быть, что собственная забава поющего была довольною ему мздою и почестию. Такой зачин трагедии и комедии, я полагаю, в самом их отдалении, а не в том виде, в какой они после приведены и в каком образе мы их ныне видим. В нынешнее совершенство не вдруг они пришли, но по степеням: человеческого разума такое есть состояние, что одна его мысль к другой подает причину, всегда ж с некоторым или наращением, или исправлением, или убавлением первыя. Теспис к трагической оной песни многое прибавил.[1] Во-первых, начал он возить своих игроков на телеге, кои пели оную прежде не с телеги, повсюду, где ни находились. Второе, марал их лица винными дрожжами (и понеже дрожжи по-гречески называются τρύζ, то некоторые и называют трагедию не трагодиею, но тригодиею, то есть дрожжаною песнию), которые прежде того пели, не имея ничего на лице. Третие, присовокупил к поющим одно лицо, которое, чтоб дать отдохнуть певцам оным, предлагало словами некоторое приключение и похождение знатныя и знаменитыя некоея особы. Сие точно повествование и подало потом причину к прямой трагедии.

Слушатели приходили в страх и жалость, слыша предлагаемые бедствия, беспокойствия, несчастия, словом, все печальные приключения какой-нибудь славной особе. Эсхиль за сие самое ухватился и начал думать, каким бы образом оный страх и оную жалость возбуждать в слушателях действительнее.[2] И как весьма много того находится в Гомеровых поэмах

1 Ignotum tragicae genus invenisse Camaenae,
Dicitur, et plaustris vexisse poemata Thespis,
Quae canerent, agerentque peruncti faecibus ora.
Horat. Art. poét.

2 Post hunc personae pallaeque repertor honestae
Aschilus, et modicis instrauit pulpita tignis,
Et docuit magnumque loqui, nitique cothurno.
Id. Ibid.

«Илиаде» и «Одиссее», то он и почерпнул, по мнению иезуита Брюмоа в «Греческом театре», все то в тех поэмах и сделал трагедию такою, какую мы ее ныне имеем, представляя уже ее на театре, облекая действующие лица в долгую и с воскрилиями одежду, обувая в сапожки с высокими скобами, *котурн* называемыми, и употребляя в ней слова и умствования высокие, сходствующие с характером великих дел и особ знаменитых. Роллень в пятом томе «Древния» своея «истории» предлагает, что сей пиит называл обыкновенно свои трагедии крошками, оставшимися от великолепного пира, учрежденного Гомером в «Илиаде» и в «Одиссее». Как то ни есть, токмо возбуждаются ныне по Эсхиле, Софокле и Эврипиде греческих в трагедии как исторической, так и митологической страсти, а господствует в ней ужас и сожаление.[3] Первая причина ко всему тому есть токмо увеселение, но вторая, которая и цель есть трагедии, любовь к добродетели и ненависть к порокам. Блажен народ! который для сего последнего смотрит представляемые трагедии. Я уже предложил, что первая мысль всегда приводит к другой, но пременяет первую. Эсхилева точно трагедия подала причину к комедии, до которыя мне здесь и дело. Человек, коль способно приходит в умиление и в сожаление, видя злосчастного человека ж, толь есть он и любопытен знать похождения, поступку и пороки своих равных, для того что сии подают ему причину к смеху и к забаве. Первая склонность в человеке есть материю трагедии, а сие любопытство есть источником комедии, которая, говоря свойственно, есть зеркало общия жизни. Должность ея — показывать на театре пороки и недостатки не вменяемые, но точные, осмехая оные; намерение ж, дабы исправить нравы. Впрочем, комедия получила себе рождение, приращение, совершенство и различие подражанием или, лучше, повторением первых трагических мыслей, но повторением с переменою оных. Следовательно, комедия есть моложе трагедии и есть меньшая сестра той драме. Иезуит Брюмоа в «Греческом» своем «театре» утверждает, что как к трагедии, то есть к возбуждению страстей для любви к добродетели, подали причину Эсхилю Гомеровы поэмы «Илиада» и «Одиссея», так и к комедии, то есть к осмеянию пороков ради поправления во нравах, Гомерова ж сатирическая поэма, называемая «Маргитис»,[4] была предводительницею. Мнение его мне кажется весьма вероятным; а кто другое знает лучшее, того при оном оставляю, и буде должно быть имеет, то и соглашусь с ним. Ныне ж сего держусь всеконечно.

---

[3] Φόβος καὶ ἔλεος.

[4] Μαργίτης ἀπὸ τοῦ μὴ καὶ ἔργον, то есть человек, кой никакого дела не имеет, праздный, тунеядец, ни к чему годный, неключимый.

Но кто почерпнул в Греции первый прямую идею комедии в оной сатирической Гомеровой поэме, составленной героическими гексаметрами, смешанными с иамбическими, о том нам никто ни из древних, ни из новых писателей знать не дал.

Один ли кто был, как Эсхиль трагедии, или многие, неизвестно. Гораций в 4 сатире, книга 1, предлагает нам имена трех греческих комических пиитов, а именно: Эвполя, Кратина и Аристофана, других же без имен.[5] Но сии не завели комедии, да токмо ее привели в славу, а особливо Аристофан, которого токмо сочинения и дошли до нас, и те не все, ибо мы имеем только одиннадцать комедий из множайшего числа им составленных.

Комедия получила себе в Афинах в разные времена разные три вида, сие ж как по способности пиитов, так и по уставам от градоначальников. Первая комедия есть, которую Гораций в «Науке» своей «о поэзии», называет *старою*.[6] Она имела много в себе первоначальныя грубости, хотя уже и была правильна в своем составе. Представляла она, как говорит Гораций в 4 сатире, книги 1,[7] истинные дела, называла людей прямыми именами, одевала в подобную одежду, какую носили осмехаемые ею, словом, показывала точные их движения и поступку и еще изображала лицо некоторым родом личины. В области, где народ был властелином и обличал все, что имело вид честолюбия, отменности и плутовства, комедия сделала себя провозвестницею, исправительницею и такою советницею, которая способно могла прекланять народ. Не было никому пощады в городе толь вольном или, лучше, своевольном, каков был Афины. Полководцы, градоначальники, правление, самые их боги — все было предано сатирической желчи пиитов, да и все сие было за благо приемлемо, только б комедия была забавна и приправлена аттическою солию. Сия точно комедия обругала Сократа, самого добродетельного человека в язычестве, и принесла его в жертву ненависти. Все сие о старой комедии взял я из «Греческого театра» иезуита Брюмоа и по нем из пятого тома «Древния» Ролленовы «истории».

Старая комедия продолжалась до того времени, как Лизандр, завладев Афинами, переменил в сем городе правление, которое отдано было тридцати человекам из главных. Сим тогда сатирическая вольность на театре стала быть неугодна. Причина сея неугодности сама собою мечется

5 Eupolis, atque Cratinus, Aristophanesque Poetae,
Atque aliis, quorum Comoedia prisca virorum est.

6 Successit vetus his Comoedia non sine multa
Laude...

7 Si quis erat dignus describi, quod malus aut fur.
Quod moechus foret, aut sicarius, aut alioqui
Famosus, multa cum libertate notabant.

в глаза. Сии тридцать человек были тираны, демократия уничтожена, народ не имел больше участия в правлении, не мог уже он давать своих мнений о государственных делах и не смел оглашать ни сам собою, ни услугою пиитов дела своих господ. Итак, сделалось запрещение, чтоб никого не называть на театре прямым именем. Но хитрость пиитическая нашла способ прехищрять силу устава. Она ловить начала то, что было смеха достойное в человеках, и изображать прямые, вместо прямых имен, характеры и удобопознаваемые, так что делала она хитрейшее удовольствование как тщеславию пиитов, так и сбойству смотрителей. Таким образом, по словам иезуита Брюмоа, устав отсек грубость в комедии, а ввел в нее тонкость и хитрость. Сия комедия названа потом *среднею*. Находятся сего рода комедии и в Аристофане. Описание сие средней греческой комедии есть точное иезуита Брюмоа, которое из него взял от слова до слова Роллень, а я из обоих, но, сколько возможно, сокращеннее.

Продолжение средней комедии было от Лизандра Лакедемонянина до времен Александра Великого, который, утвердив за собою Греческую державу разбитием тебанцев, был причиною, что и сие своеволие пиитов обуздано, кое день от дня и от часу более умножалось. Такое обуздание и породило так называемую *новую* комедию. Она есть еще другое: хитрое очищение грязи с комедии. Ибо когда уже градоначальники запретили прямые имена, потом и прямые дела, то пииты принуждены были выводить на театр вымышленных людей, вымышленные им имена и дела их равным же образом вымышленные. Сие самое, по речам иезуита Брюмоа, как очистило театр, так его и обогатило. Стала уже сия комедия, как говорит Роллень, подражание общей жизни, а как Брюмоа еще, приятное и непорочное зеркало. О сей точно французский сатирик Боало предлагает в 3 песни «Науки» своея «о поэзии» следующее:

Изображенный всяк в новейшем том зерцале
Приятно зрил себя иль зреть не мнил ни вмале.
Смеялся прежде всех над образом скупец,
Был коему скупых исправный образец;
И часто глупый сам, написанный нарочно,
Не узнавал, что взят с него тот сколок точно.[8]

---

8 Chacun, peint avec art dans ce nouveau miroir,
S'y vit avec plaisir, ou crut ne s'y pas voir.
L'avare des premiers rit du tableau fidèle
D'un avare souvent tracé sur son modèle:
Et mille fois un fat finement exprimé
Méconnut le portrait sur lui même formé.

Сент-Эвремонт называет комедию вообще отдохновением великих особ, увеселением искусных и учтивых людей а упражнением и забавою простого народа.

Сия комедия есть самая совершенная, которой глава и слава Менандр. Из 180 или, лучше, по мнению Суидову, из 80 комедий, им сочиненных и о которых утверждают, что они все были переведены на латинский язык Теренцием, осталось нам только весьма небольшое число отрывков. Можно, впрочем, рассуждать о достоинстве подлинника по превосходству кописта его Теренция. Квинтилиан, говоря о Менандре в книге 10, в главе 1, не усумневается сказать, что сиянием своего имени и красотою сочинения помрачил он или, лучше, загладил славу всех писателей того рода.[9] Тот же Квинтилиан в книге 3, в главе 6, объявляет, что не отдана ему в его время надлежащая справедливость, как то сие и многим другим случилось, однако награжден он преизбыточно благоприятным мнением о нем и достойною ему похвалою от потомков.[10] И поистине, предпочитаем ему был Филемон, комический же пиит. Когда пристрастие было справедливо и не было слепо!

Греческая комедия, так же как и другие словесные красные науки и философия, перешла к римлянам. Сии особливо прилепились к *новой* комедии на своем языке, не употребляя в оной ни клевет, ни браней, ни поношений в лицо, ни также хора. Впрочем, хотя латинской комедии и была образцом греческая новая, однако и она счисляет разные себе веки, различенные грубостию или учтивостию сочинителей. Комедия Ливия-Андроника начинает первый век. Сей век может назван быть, по подобию греческия комедии, *старыя* латинския комедии. Включается в сей век и Невий, единовременный с Андроником, и Энний, бывший много лет спустя после них. Второй век ограничивается Пакувием, Акцием, Цецилием и наконец Плавтом, буде не основательнее сего последнего соединять с Теренцием и определять ими двумя третий и красный век комедии латинския, которую всеконечно надлежит назвать *новою*, а особливо в рассуждении Теренция, исправного Менандрова переводчика.

Но римляне, несмотря на такое родословие, различали обыкновенно комедию одеждою игроков. Ряса, называемая претекста, с широкими рукавами и с широкою по полам и по подолу опушкою багряного цвета, была одеянием действительных градоначальников. Игроки, выходящие в ней на театр, подали причину к названию такия комедии претекстата. Сей

---

9 Atque ille quidem omnibus eiusdem operis Auctoribus abstulit Nomen et fulgore quodam suae claritatis tenebras obduxit.

10 Quidam, sicut Menander, iustiora posterorum, quam suae aetatis, iudicia sunt consecuti.

род комедии был самый благородный. От претекстаты не надлежит отлучать трабеату ради тра́беи, консульского одеяния в мире и полководцев, торжествующих по войне и по одержанной победе. Вторая комедия, именуемая по платью ж, есть тогата. Тога была сенаторскою одеждою, не тех сенаторов, кои были действительно, но происшедших от патрикийския породы. Ради общия всему народу одежды, называемыя туника, или, лучше, ради невысоких зданий, именовавшихся таберны, кои тогда видимы были на театральных ширмах, комедия та была табернария. Я не говорю здесь ни о комедии, называемой ателлана,* проименовавшейся от древнего кампанийского в Италии города Ателлы, и которыя заводчиком был Мелисс, библиотекарь Меценатов, как то утверждает Светоний в сочинении «О славных грамматиках», для того что она разнилась от табернарии бо́льшим токмо своеволием; не говорю также и о той, коей имя было паллиата от греческия епанчи, в которой выходили греки на латинский театр, потому что сие платье означало токмо народ, а не состояние или достоинство, как то первые, уже описанные. По правде сказать, сии различия все пустые, полезнее и рассудительнее различается комедия общим характером, например, скупого человека, святыша и прочими. Да и всего того весьма осталось нам мало после римлян, лучше всех сих пустошей Плавт и Теренций, доставшиеся от них нам показывают истинный характер латинския комедии.

В старой греческой комедии славен Аристофан, а в новой — Менандр, но в латинской знаменит Плавт, однако знаменитее его Теренций. Того ради посмотрим, как о всех сих комиках искусные люди рассуждают. Немало я об них читал на латинском языке и на французском, однако утвердился на рассуждении иезуита Рапеня, толь наипаче, что рассуждение его о двух греческих комиках, почитай, все взято из Плутархова сравнения сих двух авторов, чего ради оно мне и показалось основательным: ведают все знающие, кто и каков Плутарх.

Аристофан, говорит иезуит Рапень, неисправен в распорядке своих басен, вымыслы его невероятны, смеется он над людьми грубо и явно. Сократ, коего он толь язвительно осмехает в своих комедиях, имел насмешку нежнейшую, да и не был он столь бесстыден. Правда, Аристофан писал еще во время непорядка и своеволия, бывшего в старой комедии,

* Ливий «Истории» в книге 7, в главе 2, повествует, что с самого начала ателланы не игроками представляемы были, но молодыми людьми из граждан, и что они не имели соединения с прямою комедиею да содержали токмо смехотворные шутки, называемые экзодия. Следовательно, они были некоторый род наших так называемых интермедий. Но Мелисс им, знатно, дал прямую форму комедии в свое время.

и по тогдашней угодности афинейского народа, который раздражаем был способно достоинством чрезвычайных мужей, над коими тот смеялся. Но преизлишнее его старание, чтоб угодить сему народу осмеянием честных людей, сделало самого его недобрым человеком и несколько повредило способность, бывшую в нем, к осмеянию, поступками его грубыми и преизбыточно излишними. Напоследок, шутка его часто состояла токмо в непотребствах и негодностях. Речь его была иногда темна, негладка, низка и подла, а частые его игрушки в словах, прекословия, смесь стиля трагического с комическим, дельного и важного с простым и дружеским не имеют никакия сладости, да и шутки его, ежели их рассмотреть пристальнее, найдутся по большой части ложны.

Что ж до Менандра, он смешон, но честным образом. Слог его чист, светел, вознесен и с природою сходен. Он прекланяет, как оратор, а наставляет, как философ. Описывает он общее гражданское сожитие приятно. Люди у него говорят по своим характерам. Изображение нравов века точное и существенное, для того что он держится естества и входит в чувствие тех особ, которым у него говорить и говорят. Наконец, Плутарх заключает о сих авторах, что муза Аристофанова подобна бесстыдной женщине, а Менандрова — честной госпоже.

Но вот разность и между обоими латинскими комиками, по мнению того ж иезуита Рапеня. Плавт есть замысловат в своем составе, счастлив в вымыслах, обилен в изобретении. Однако много в нем скаредных шуток, по Горациеву мнению,[11] а острые его слова, приводившие в смех народ, иногда были жалки честным людям. Правда, он говорит много хороших, но немало и еще часто худых. Плавт не столь исправен в распорядке своих комедий и в расположении действий, сколь Теренций, но он притом простяе в своей материи, ибо Теренциевы басни обыкновенно сложны, как то видно из «Андрии», содержащия две любви. Сим Теренция укоряли, что он одну латинскую комедию составлял из двух греческих для большего оживления своему театру. Но притом развязания Теренциевы природнее Плавтовых, как то Плавтовы природнее Аристофановых. И хотя Цесарь называет Теренция «умалившимся и половинным Менандром», для того что, по его, «в нем была только сладость оного и нежность, а силы и крепости не находилось»,[12] однако он сочиняет способом толь природным

---

11 At nostri Proavi Plautinos et numeros, et
Laudavere sales, nimium patienter utrumque,
Ne dicam stulte...

12 Tu quoque, tu in summis, o dimidiate Menander,
poneris, et merito, puri sermonis amator,

и рассудительным, что из кописта Менандрова стал быть сам образцовым подлинником. Никакой никогда автор не имел столько чистого знания силы в естестве!

Осталось теперь предложить общее правило комедиям, дабы им быть и называться хорошими во всех веках и у всех народов. Такое правило комедии я выпишу из того ж иезуита Рапеня. Оно у него положено в 25 «Рассуждении о поэзии», на странице 154 парижского издания 1684 года, то есть когда комедия уже у французов стала восходить на верх своего совершенства.

Комедия, говорит он, есть изображение общего жительства. Намерение, с каким она делается, состоит в том, чтоб представить на театре пороки простых людей, дабы тем исцелить всенародные недостатки и исправить бы весь народ боязнию осмеяния. Итак, смешное есть самое существо комедии. Впрочем, есть смешное в словах и есть смешное в вещах. Смешное есть честное, и смешное есть скоморошеское. Сие дарование есть прямо естественное, чтоб находить смешное во всякой вещи, ибо все действия в жизни имеют как хорошую, так и худую сторону и равно содержат в себе шуточное и дельное. Но Аристотель, дав наставление, как плакать на трагедии, не дал оного, как на комедии смеяться. Сие прямо происходит от природной способности: наука и руководство небольшое в том имеют участие, дело сие есть совершенно естественное токмо. Гишпанцы имеют способность видеть смешное вещей лучше нас (французов). Италианцы, будучи с природы комедианты, изображают оное лучше: язык их способнейший нашего (французского) к тому. Наш (французский) может сделаться способным, когда он будет совершеннейшим. Наконец, оная приятная окружность слов, оная веселость, которая умеет содержать нежность характера, не упадая в холодность и в скоморошество, оная тонкая насмешка, цвет острого и красного разума, есть самый тот талант, которого требует комедия. Однако надлежит наблюдать, что прямое смешное искусства, кое желается на театре, долженствует быть копиею с оного смешного, которое есть в натуре. Комедия такова есть на театре, какова дружеская беседа в гостях или с свойственниками. Она будет ни к чему годная, ежели в ней не можно узнаться и не видно тех поступок, кои показывают люди, живущие совокупно. Сим точно Менандр получил успех между греками, а римляне мнили, что они были сами в обществе и так

---

lenibus atque utinam scriptis adiuncta foret vis
comica, ut aequato virtus polleret honore
cum Graecis, neve in hac despectus parte iaceres!
unum hoc maceror, et doleo tibi deesse, Terenti.

точно разговаривали, когда присутствовали на Теренциевых комедиях, ибо находили они в них все, что обыкновенно делывалось у них в обхождении. Большое самое искусство комедии в том, чтоб держаться натуры и не отходить от нее никогда, чтоб иметь умствования и чувствования общие, а изображения такие, которые б всем были внятны и вразумительны, ибо сие должно твердо иметь в памяти, что начертания самые грубые естества нравятся всегда больше, нежели самые нежные, которые не по естеству. Однако подлые и площадные слова не долженствуют быть позволены на театре, ежели они не будут подкреплены некоторым родом разума. Присловий и острых народных речей также не должно там терпеть, буде они не имеют некоторого шуточного смысла и если они тут неприродны. Сие есть основание самое общее комедии, с сим все, что она ни представляет, не может не полюбиться; а без сего ничто не имеет быть угодно. Держась токмо твердо натуры, получается вероятность, которая есть одна неложный предводитель, за коим должно следовать на театре. Без вероятности все есть недостаточно, с нею все изрядно. Нет заблуждения следующему за нею, а несовершенства самые обыкновенные в комедии происходят от того, что благопристойность в ней не наблюдается и не приуготовляются припадки. Надобно блюстись, чтоб краски, употребляемые на приуготовление припадков, не имели ничего грубого, а оставляли б смотрителю приятность найти самому собою, что оные значат. Слабость самая обыкновенная наших (французских) комедий есть развязание, почитай, ни в которой нет в том удачи от трудности, находящияся в развязании того, что завязано. Весьма способно завязать всякий в комедии узол: сие дело есть вымысла. Но развязание есть дело рассуждения, от чего и бывает успех труден. Осталось рассмотреть, можно ль делать в комедии виды больше природных, чтоб сильняе поразить смотрителев разум бо́льшими начертаниями и сильнейшими впечатлениями, то есть может ли пиит представлять скупого, например, больше скупым и угрюмого больше негодным и несносным, нежели он есть обыкновенно. Плавт, желая угодить народу, делал так, но Теренций, угождая честным токмо людям, держался одних пределов естества и представлял пороки, не увеличивая их и не расширяя. В сем точно состоят самые общие и нужные правила комедии.

СТИХИ ИЗ «АРГЕНИДЫ»

Сии стихи из «Аргениды» и следующие для того здесь полагаются, что все они сочинены двумя родами, а именно: по-римски и по-нашему так, что который род положен в «Аргениде», тот здесь предшествует, а другой по нем следует. Охотники могут сии роды между собою сличить и заключить по своему рассуждению, кои роды стихов древнейшие, греческие ль и римские или наши с рифмами новейших времен благороднее и осанистее.

ЭПИНИКИЧЕСКИЕ
ЧАСТЬ III, ГЛАВА 2, ЧИСЛО 8

АНАПЕСТО-ЯМБИЧЕСКИЕ БЕЗ РИФМ

Победили мы! о! мольба услышана теплая богом!
Вожделеннейший ныне покой и ныне приятное время!
Божественный каждый храм да почтится и жертвенник каждый!
Веселое ж всех чело да красят венки разноцветны!
    Усмотрел неверных полков сам Марс свирепство жестоко,
Совокупно и как умы Сицилийские вредно шалели;
Хотя ж суровому меч любим и проразисты стрелы,
Стремится хотя везде тревога и бешена ярость,
Премного уже хотя ломается ратовищ в язвах,
Однак убийство сие и смерть без охоты он видел;
Тогда впервые войну ненавидеть стал, как Гигантов

Напустила злая Земля на Небо, ярящихся люто,
А боги потели с трудов, бьючись на полях Палленейских.
Того ради сердцем и всем лицом распалившись от гнева,
Из правыя страшно руки ударяя скрежещущих коней
Всем дубом, а левою их управляя, скакать понуждает.
Едва ж Фракийски поля и Фриксейски заливы оставил,
Летел над нашим уже кряжем свиреп при Пахине
В то самое время, когда меж собою полки сопротивны
Сражались, одни за царя, за себя, за богов; а другие,
Воцарить чтоб в наших странах нечестивца проклятого нагло.
Уж там стороне твоей, Мелеандр, приятствуя жарко,
Летучим облаком Марс божество свое закрывает.
Тогда разбежавшись, вдруг удивился и меч преклонил свой,
Но быстрых коней едва удержал, и сама колесница
На небе покатистом там едва ж могла удержаться.
Как скоро ж стал, тотчас говорить сие начинает:
«Какая то брань очам моим представляется ныне?
Позавижду ль я или, смотря, возрадуюсь лучше?
Нет нужды, нет никакой им во мне, доброхотнейшем Марсе:
Победят, хотя б не хотел, чтоб они без меня победили,
Добродетель и мужество все сие совершили собою.
Но что под шлемом тем видна за святая седи́на?
Ты ль храбро толь в своих престарелых почтеннейший летах
Сражаешься сам, Мелеандр, а еще стоит неприятель?
Таков иногда Сатурн, низвергаемый с звездного царства,
Себя ж защищая, когда б умел он также сразиться
И мышцею в страх привесть предприятое только что бедство,
То б в Лации не для чего ему беглецом укрываться,
Златый бы век его неизменно пребыл поныне.
Кто ж те? (о! бодрость, о! нам подобное в храбрости сердце,
Поражения будто б от них не в людей посылаются сильно!)
Кто ж те? которы уже посреди, врагов побеждая,
Разбивают весь их строй? Шишаки ж блестят равномерно?
На меч двоякий бежит коль смерть в слепоте устремляясь?
Пришельцы тот и другой в Сицилии, оба ж готовят
Торжество, Мелеандр, тебе. Того Сардиинская область
Государем чтит своим; от стран сей прибыл Ливийских.
Успевайте оба, богов порода! пребудете славны,
Пока сохраненный сей руками вашими остров

Сверх пенистых вод без вреда кругом возноситься имеет.
Что ж прочие все? что вы, полководцы? что неба достоин
Всяк воин? О! спешно иди, Победа, не медля нимало,
И лавром твоим оботри потеющий труд сей кроваво;
Иди охотно, сама ж в достолепной взносясь колеснице,
Поспешай и себя, и царей показать народу великих».
Так Марс сказал. И уже неприятель в бег обратился;
Уже вселютого их вождя голова нечестива
На конец копья поднята ратоборцем в победе Ливийским.
Тогда звезд выше шум человеческа больше вознесся
Как всех от плеска богов, так врагов от вопля стеняща.
Сие говорил мне Феб. А самый звук превеликий
Заглушил все прочее, Феб что еще говорил возвещая.

ТЕ Ж САМЫЕ ЯМБИЧЕСКИЕ

Победа наша! выспрь услышана молитва!
Приятный днесь покой! не стервенится битва!
Да чтится всяк олтарь и божеский всяк храм!
Венцы теперь чело да украшают нам!
В противных усмотрел Марс лютое свирепство,
И Сицилийский вред, и злое непотребство.
Хотя ж всегда ему любим есть меч и брань,
Тревога, ярость, огнь и воруженна длань,
Однак зрил на сие убийство без охоты,
Военны в первый раз не возлюбив заботы;
Гигантов навела на Небо как Земля,
На Палленейски свед и всех богов поля,
Так сердце и лицо в гнев ярый прелагает,
Бья коней дубом всем, скакать их понуждает.
Едва ж он пролетел Фракию, Фриксов вал,
Тотчас уже у нас вот над Пахином стал.
В то время как полки между собой сражались,
Одни себя, царя и всех богов держались,
Нечестие ж навек другим бы ободрить
И нечестивца им чтоб нагло воцарить.
Там, Мелеандр, твоим усердствуя душею,
Божественностью Марс укрылся в облак всею;

Бежа ж он и дивясь, меч вдруг свой преклонил,
Но коней тут своих едва остановил;
И на небе сама покатом колесница
Едва ж стать возмогла, держала хоть десница.
Как скоро ж стал, тотчас сам начал говорить:
«Что видится за брань? мне что теперь творить?
Я позавижду ль им, возрадуюсь ли в сходстве?
Ни малой нужды нет в моем всем доброхотстве;
Те сами победят без помощи моей,
Их в мужестве успех получит правда сей.
　　Но что под шлемом тем мне зрится за седина?
Твоя то храбрость есть так выше лет едина!
Ты сам бьешь, Мелеандр, а враг еще стоит!
И не дая плещей, преодолеть он мнит!
Подобен был Сатурн: сей, некогда с престола
Сгоняемый детьми до земнородных дола,
Когда б так за свою умел сразиться честь
И бедствие сперва в страх мышцею привесть,
То б в Лаций беглецом не скрылся в той причине,
Златый бы пребыл век бессменно и поныне.
Кто ж те? (о! доблесть нам подобна жаром их;
Они как сверх людей в сражениях своих!)
　　Кто ж те? которы се противных побеждают?
Обратами равны, весь строй их разбивают?
От них тулится всяк, и всяк в себе дрожит?
На их сугубый меч толпами смерть бежит?
Пришельцы оба те мертвят врагов и ловят.
Тебе ж, о Мелеандр, здесь торжество готовят.
Сардиния того верховную чтит власть;
Сего ж тебе дала земель Ливийских часть.
　　Вы оба — род богов! вы спейте толь исправно:
Пребудет ваше здесь все имя с делом славно,
Пока спасенный сей чрез ваш пот и труды
Весь остров будет зрим сверх пенистой воды.
Что ж полководцы все? что каждый порознь воин?
Не купно ль все и всяк есть Неба в них достоин?
О! ты среди предстать, Победа, к ним скори,
И ток кровавый весь с них лавром оботри;
А в колеснице вдруг сама вознесшись слично,

Кажи себя, царей народам всем прилично».
Так Марс сказал. И се враг обратился в бег;
Уж голова вождя, лютейшего из всех,
Подъята на копье Ливийским тем героем,
Который низложил его презельным боем.
Тогда вознесся шум сверх выспренних кругов
Как всех богов чрез плеск, так стоном от врагов.
Сие сказал мне Феб. Глас, звуки распущая,
Все ино заглушил, что тот являл вещая.

ГЕРО-ЭЛЕГИАЧЕСКИЕ
ЧАСТЬ III, ГЛАВА 3, ЧИСЛО 15

АНАПЕСТО-ЯМБИЧЕСКИЕ

Победитель, о! щедрый отец Сицилийский, грядеши преславно,
С тобою Мир, возвращенный, в одежде златой;
И с неба крилами летит благосердность белыми явно;
Воззри, как тебя осеняет бог в силе святой!
Воззри, коль землю твою согласие всю пременяет!
Непорочный покой с пребогатым содружно трудом
По всем пространным полям в веселии ныне гуляет;
Полна там цветов, изобильна там нива плодом.
Исчезни, война, и злодейств все грозы в неистовстве бледном,
Совокупно молчи, беззаконный оружия звон;
Ты сядешь един, отец, возносясь на престоле наследном,
И токмо уже воруженный с тобою закон.

ТЕ Ж САМЫЕ ЯМБИЧЕСКИЕ

С победою грядешь, отец Сицильский славно,
С тобою паки к нам в одежде Мир златой,
И чистая летит с небес усердность явно,
Зри, осеняет как бог в силе тя святой!
Согласие твою как землю пременяет!
Безгрешнейший покой с богатым сам трудом
В веселии уже по всем полям гуляет:

Цветами нива там обильна, тут — плодом.
Исчезни, вся война, в неистовстве зло бледном,
И беззаконный ты молчи, оружий звон;
На троне сам един отец седит наследном;
А воружен пред ним есть токмо что закон.

ПАНЕГИРИЧЕСКИЕ
ЧАСТЬ III, ГЛАВА 9, ЧИСЛО 54

ХОРЕИЧЕСКИЕ

Все вы счастливы седьмь крат, солнцем освещенны,
О! прекрасные древа, здесь произращенны,
Вы, качаясь буйно в царских древле сих местах,
Кажете приятно зелень на своих листах!
Сам Хаонский к вам и лес, голубина слава,
И Нисейская еще дальная дубрава
Неприменны всяко; ни жилище и богов
Главнейшия Иды, ни дремучий Пинд с верхов.
Кто стихами воспоет сей лесок достойно?
Кто блаженство все его? Кто всех нимф пристойно?
Здесь береза, ольха, ясень, ель шумит и клен,
Здесь тополь и липа, странных род совокуплен;
Всяк невреден дуб всегда, бук толь престарелый,
Друг и винограду вяз, кедр младый созрелый.
Каждого приятен собственный во всем убор,
В каждом лист различен, веселят все купно взор.
Много кипарисов, толь нежно вознесенных,
А на знак в гульбище сем ростом отмененных;
Сосны обычайны и фригийские притом,
Грозный их минует и перун, когда есть гром.
Здесь как Аполлинов лавр, дар так вседражайший,
Кой Минерва подала мира в знак блажащий.
Но внизу орешник, а густой кустарник там
При ручьях, подобных кристаллю, сплелся и сам.
Вся ж земля лицо свое цветом устилает,
Роды сих производить Зефир токмо знает;
Те и Прозерпину могут ныне утешать:

Уж ее Стигийску мужу здесь не похищать.
Смелых сей волков лесок вовся не имеет,
Ни войти в него и вепрь всячески не смеет;
В нем не слышно всюду ни блеяния овец,
Лев когда заблуждших пожирает их вконец
С голода или страшит хриплым одаль рыком,
Ближний весь округ таким оглашая криком.
Всяк здесь коз игривых токмо видит повсегда;
Быстрых и еленей доброродные стада,
Видит тех всяк и других, как иль отдыхают,
Иль от страха по леску бегая мелькают,
Те, когда заслышат восклицание и плеск,
Ветры ль к ним приносят мнимый в бодры слухи треск.
Что ж до вас, любезный род! сладостны певички!
Не обманет ни одно в роще древо птички;
При струях журчащих не находится ж силков,
Коим бы на ваши строить ножки лесть и ков;
Вольно вам летать вверх-вниз в воздухе тончайшем,
Вольно на сучках сидеть на кустке нижайшем.
О! коль любо сердцу, в ризе как златой заря
Пташек собирает; из сих множеством паря,
То садится всяка там, крила оправляет,
То всходящу уже дню песньми поздравляет!
О! коль любо сердцу слышать вразни стройный глас!
О! коль любо в роще находиться в оный час!
Малое то говорю. Пребывать в лесочке
Многим и богиням здесь мило при поточке;
Прочь, прочь, нечестивы от леска сего глаза!
В святолепной роще любопытным — смерть гроза.
Но за что леску сему честь дана толика,
Божеска в нем и почто сила так велика;
Вы, богини, сами удостойте объявить,
На корах причину перстом нежно вобразить.
Сие есть: посещать его царска непорочно
Приобыкла часто дщерь, а с собою точно
Хор девиц прекрасных совокупно иногда
Весть благоволяет, славно шествуя туда.
Для того здесь естество землю одарило
И блаженством райским толь всю преукрасило;

Нимфы ж да умножат препроводниц должных ей,
Сердцем восхотели в сени водвориться сей.
О! державных, дева, верх! свыше, о! хранима,
Вниди в рощу, Нимф там зри, им да будешь зрима,
Сами те желают. Ныне удостой, гряди;
Лик твой благочинный велелепно в ту веди,
След весь чистые поля, пойдешь где стопами,
Там означат, на траве распестрив цветами,
Тот услужны Нимфы невредимо сохранят,
Лобызать хотящих оный сами предварят.
Но не рощица одна, о! да место всяко
Здесь присутствием твоим просветится ж тако:
Ты едина в милость можешь небеса склонить,
Благ виновна многих, скверность зол искоренить,
Что Ливийская страна жаром вся сгорает,
Что с трескучих брег иной мразов умирает,
Буде ж ты восхощешь и туда пойти, везде
Укротится воздух, сколько б ни был вреден где;
Нива тотчас процветет, плевы потребятся,
В лучшее и времена все возобновятся.

ТЕ Ж САМЫЕ ДАКТИЛО-ХОРЕИЧЕСКИЕ

Счастливо ты весьма и всегда уясняемо солнцем,
О! которое вверх свои пространные ветви,
Дерево, взносишь, на сих местах качаяся царских!
Леса Хаонска с тобой сравнить, голубями гласяща,
Также ни рощи всея невозможно Нисейски, ни Иды,
Главных жилища богов, ни вершин дремучего Пинда.
Кто небольшого леска превелики стихами угодья
Может достойно воспеть? И кто положение места?
Кто всех нимф, богов и всю красоту воспрославит?
Здесь береза, и ель, и тополь, и липа, и ольха;
Здесь величаясь шумит и клен, и ясень высокий,
Кедр, от перуна и дуб невредимый, и бук престарелый;
Здесь виноградный друг, называемо дерево вязом.
Каждо приятством своим угодно, лист в каждом различный:
Все особливы во всем; здесь много к тому ж кипарисов,

Кои в приметы растут возносясь, оказуя всю нежность;
Здесь Апполинский и лавр, и здесь смолоточные сосны,
Сосны ж фригийски притом, и оливы, подарок Минервин.
Но небольшой внизу орешничек; также кустарник
При ручейках, кристаллю подобных, сплетается густо.
Вся ж земля свою устилает поверхность цветами,
Зефир их произвесть, легконосный, токмо умеет,
Кои б спроста рвать на Эннейском Прозерпине поле,
Мужем Стигийским врасплох в жену похищаемой тамо.
Смелых лесочек сей волков нигде не имеет,
Нет ни ярых вепрей с кривыми клыками в нем также;
Бедного там никогда ж неслышно блеяния всюду,
Буде когда овец заблуждших лев пожирает
С голода хриплым или страшит околицу рыком.
Всяк, напротив того, здесь видит козок игривых
И предовольны стада в покое ходящих еленей.
Видит тех и других, или отдыхающих в вечер,
Рыском или небольшим по лесочку бегущих от страха,
Ежели плеск иногда или восклицание слышат,
Также сомнительный шум когда к ним ветры приносят.
Равно и вас, о! вы сладкопесниви птички пернаты,
Дерево здесь ни одно не задержит ни клеем, ни смолкой
И при текущих струях обманных нет же силочков,
В кои б ваши могли попасться ноженочки скоро:
Вольно летать, прелетать вверх-вниз под небом свободным;
Вольно сидеть на всех деревах, на земле и повсюду.
О! коль любо, когда заря здесь в ризе багряной
Множество птичек в лесок собирает, а те, оправляя
Перышка все свои разноцветные, дню поздравляют;
Весь и толиким шумит согласием воздух исполнен!
Малое то говорю. Богиням в лесочке приятно
Многим всегда пребывать. Прочь, прочь! глаза нечестивы,
И святолепный лесок пребудь невредим от уроков!
Но превосходность за что лесочек толику имеет,
И водворяется в нем почто божественна сила,
То вы сами тому причину, богини, скажите.
То есть что посещать обыкла его непорочно
Дщерь несравненна царя великого, а за собою
Хор девиц приводит туда ж, того ради природа

Райским землю сию одарила в избыток блаженством;
Нимфы ж, дабы число препроводниц прекрасных умножить,
В сих убежищах всех восхотели охотно вселиться.
О! девица, о! державна, богами хранима!
Вниди туда, зри нимф, тебя желающих видеть;
Ныне гряди, удостой приятную рощу тобою,
Где ни пойдешь, стези упещренное поле означит,
Их благовонными ветр тотчас цветами наполнит,
И сохранят их там услужные Нимфы невредно.
Но не лесочек един, Сицилийское каждое место,
Да просветится твоим присутствием, токмо едина
К милости всех богов преклонить возможешь довольно.
Ты, хоть где земля Ливийска горит непрестанно,
Хоть помирает где естество с трескучих морозов,
Буде ж восхощешь туда пойти — укротится весь воздух,
Всякая нива тотчас процветет бесплодная тамо,
Лучшим и счастием все времена для тебя обновятся.

ЭПИТАФИЧЕСКИЕ

ЧАСТЬ IV, ГЛАВА 2, ЧИСЛО 11

ХОРЕИЧЕСКИЕ

Зря, пришедший, гроб недавный,
Зришь раскаяний вид славный;
Кто по совести своей
Быть не должен в жизни сей,
На себя так и взирает,
Тот здесь дважды умирает.
Ты ж ни клятв не говори,
Ни молитвы не твори;
Будь молчащий осторожно:
Погребенной тут не можно
Ни добра, ни зла желать,
Разве сей привет послать:
Тень! чего сама достойна,
Так бы там была спокойна.
Селенисса есть она!

Вещь сомнения полна,
Больше ль верность повредила,
Иль за то себе отмстила.

ТЕ Ж САМЫЕ ДАКТИЛО-ХОРЕИЧЕСКИЕ

Гроб, посетитель, зришь и лютых раскаяний виды!
Дважды мрет, кто себе смерть по достоинству мнит,
Ты ж, однак, удержи в уме заклинаний обиды,
Также и речь, душам коя спокойство чинит.
Здесь погребенной желать не пристойно ни мира, ни муки,
Только скажи: «Что ты, тень, заслужила, то будь».
Есть Селенисса, не знать, предательством вреднейша ль, руки
Вреднейше ль та подняла в казнь на неверную грудь.

ТЕОДИКЕИЧЕСКИЕ
ЧАСТЬ IV, ГЛАВА 10, ЧИСЛО 48

ХОРЕИЧЕСКИЕ

О! преступников сердца, кои толь делами,
Скверностию помыслов, блудными телами
Власть гневите в злобах предержавна естества!
Долготерпелива бойтесь всяко божества;
Также и готовых уж казней, и премногих
Лютых, неумытных тех, несказанно срогих
В настоящий, купно в будущий век без конца,
Бойтесь, бойтесь верно, о! грешащие сердца.
Иовиш раздражен, хотя поздо поражает,
Ни за каждо зло тотчас небо вооружает,
Но в уме пребодром (да не льстит никая блазнь)
Память пребывает, и в вес меряет он казнь.
Та причина пагуб всех скорых многобразных,
Сих и зляе совестям мук, терзаний разных.
Та вина, что реки возрастают сверх брегов,
Тритон и потопы нагло льет в среду градов.
Что про жатву говорить на полях созрелых,

Ветр ли сильный ту свалил, иль вепрей тмы смелых
На свою там пажить опровергли по ночам?
Повредить ли, съесть ли предана та саранчам?
Что ж? поветрие когда, зараженно ядом,
Острую вдыхает смерть язвою всем рядом?
Иль среде народов браноносный сам отец
Мечет огнь и точит реки крови наконец?
Сим и равным месть богов (чтоб не мнить так злобно:
Медлит вышний — оскорблен может быть удобно)
Все злотворны роды истребляет, каждый век
Яростию губит, кою тот к себе привлек.
Мы ж, несмысленная тварь, что за стрелы свищут,
И не знаючи, почто скорбь, проказы рыщут,
Отчего и крепость в летах новых так рыхла,
И редка что старость и что есть та вся дряхла,
Токмо естество виним, слабость всех составов,
От Фортуниных себе иль мним вред уставов.
Ей! не зла природа, ни порядок всех вещей,
Ни пустой рок также, звездных ни число свещей —
Сами разъяряем мы гнев толь ополченный,
И давно грехами тот движем огорченный.

ТЕ Ж САМЫЕ ДАКТИЛО-ХОРЕИЧЕСКИЕ

О! беззаконных сердца, раздражаете кои делами
Долго Небесную власть! Божества терпеливого бойтесь,
Также и грозно постичь готовых в премножестве казней.
Иовиш поздо хотя поражает стрелами своими,
Он ни за всякое зло тотчас небеса вооружает,
Но в пребодром уме пребывает всеведуща память
И справедливую казнь заслужившим меряет весом.
Та есть причина смертей различных и злейшая смерти
Мучима совесть всегда и всегда раздираемо сердце;
Та есть причина, что нет у рек берегов, и потопы
Тритон наглый среди городов смертоносно вливает;
Что вспоминать, на полях созрелых поверженну жатву
Буйный ли ветр повалил, превеликое ль стадо подрыло
Острыми ярых вепрей клыками на собственну пажить?

Что ж когда кругом зараженно поветрие ядом
Скору вдыхает смерть в пылающи язвою члены?
Сам браноносный отец или в средину народов
Мечет пожар, гася ж насыщенный кровию пламень?
Сим и подобным месть богов (да немедленно мукам,
Мним, поспешать, и быть оскорбляему Небу удобно)
Весь злотворный род истребляет и каждые веки
Всеми губит смертьми разъяренными в должную лютость.
Мы ж, несмысленна тварь, не ведая, свищут какие
Стрелы, почто или кипит возмутившийся воздух,
Немощь откуду в телах молодых и редкая старость,
Все естество виним и наших слабость составов,
Разны безумно притом припадки пустыя Фортуны.
Ей! вся тварь ничем не зла, ни вещей распорядок:
Наше несчастие мы возбуждаем сами злодейством
И распаляем гнев, огорченный давно уж, грехами.

СОТЕРИЧЕСКИЕ
ЧАСТЬ V, ГЛАВА 1, ЧИСЛО 6

ХОРЕИЧЕСКИЕ

Жизнь и здравие царю даровали боги!
Звездоносна твердь почто ж чрез обраты многи
В шуме так играет, как приять хотя его?
Что клеврета духи в вертограды ждут сего?
Царь пребудет на земле в жизни долговечно,
Мужеством прославлший сам галлов всеконечно,
В скиптродержцах велий, гордости рог сокрушил:
Сардов он тирана славно живота лишил.
Где стигийску грань делит с полем доброзлачным
Светозарнейший предел поясом безмрачным,
Где и зеленеют всецветущие сады,
В коих древо всяко жизнены родит плоды,
Тени храбрейших мужей место населяют;
В нем за беспорочну жизнь радуясь гуляют;
При струях Летейских, позабывших ссоры их,

Где совет согласный примирил вовек благих,
Там как на страну они Дитову смотрели
И в спокойстве пред очьми казни все имели.
Видя зной, колеса и воздушный род коль мглист,
Слыша стон и скрежет, фурий лютых грозный свист.
Се к ужаснейшим кряжам сонмы шли попранны,
В гнусности казались все, были все раздранны;
Кровь из них на каждом, копий язвы и мечей —
Всяк являл брань срогу, не был мирный вид ничей.
Из садов прекрасных зря праведны герои
Пораженны до конца те премноги вои,
Коль самим дивятся ранам, толь глубоким всех;
Симоент подобных не мывал тогда на тех,
Как отсюду Ахиллес тевкров неумильный,
А оттуду поражал грайев Гектор сильный,
И сие вещают: «Что за острота была
Ранивших оружий? мышца чья превозмогла
Язв толико углубить? та времен вся сила,
Коя множество сие смертно поразила,
Зрится быть не наших. О! да вяще возрастет
Храбрость в человеках. На Олимпе да не ждет
Паки Юпитер своем страха и боязни;
Нечестивых на земле да постигнут казни!»
Так их говоривших на себя всех больша тень
(И сама взирая часто на блаженных сень)
С оных вшедших уж полков там же обратила,
Лишь на Стигский брег ее ладия ссадила.
Гордость и свирепость не сошли с лица еще,
Вновь туда прибывши, грозною была вотще,
Погубленного на ней знаки царства были:
Рамена ея себя вдоль хламидой крыли;
Самую пресветлость окружил везде уж мрак;
Сползшая и с скраний выи вкруг лежала так,
Как бы давящая ту, царска диадима;
Меч в деснице хоть сверкал, хоть была с тем зрима,
Но однак казалось, что исторгнут из нея,
Тем что та защиты недостойна своея.
Что ж до взора, кровь и пыль мерзким тот казали;
Грудь раздранна, и уста дух весь прерывали.

Вдруг пристав, схвативши, непреклонный на посул,
Ту привлек насильно пред судейский важный стул.
Души раздались простых, как тиран явился,
Сам в свирепости Миной вскоре ж обратился,
Грозна честь особу осенила всю его,
Хоть места привыкли, с страха ж потряслись того.
Как же велено душе сей тиранской тамо
Весь порядок жития исповедать прямо,
Равно случай смерти, и низвержена за что
В тартар сей кромешный, и низверг ту в оный кто.
Начала так, и язык хульный, нечестивый,
Полный скверностей всегда, полный лжи и льстивый
Свой уж обращала (а сама, премного дмясь,
Быть не в раболепстве, но еще во власти мнясь)
К возвещению всех дел скаредных без меры;
Замолчал тогда заклеп, купно все пещеры,
Слушая, гремящи тише сам лил Стикс валы,
Повести о злобах не сплетет ли тень хвалы.
«Если был Радиробан ведом в безднах срогих,
(Часто, безо лжи, сюда слал противных многих
И трудил секущих спряденную жизни нить)
Сам сюда ж я ныне, Сардов царь, возмог прибыть;
Подданными были мне балеарски роды,
И подвластны также все лигурски народы;
Тщетно и некстати мужество уж прославлять,
Равно есть излишно храбро войско похвалять;
Здесь умершему когда скипетру нет славы,
Добродетели ж одни зрятся токмо правы.
Что ж Эния нудишь? иглы отыми твои:
Сам я добровольно злости все явлю мои.
О! безмерно уповал царств я на изрядство,
На благополучный верх, также на богатство;
Лишнюю надежду на честную кровь имел,
Позабыл, что смертный, доброго чтить не хотел;
Ах, зло! презирал богов, мнясь быть сам бог властный,
Славу заслужить себе не желал злосчастный;
Нарушал и верность к искренним моим другам;
Коль во всем тщеславен, пребывал толь лют к слугам.
Что к хищению являть сицилийску дерзость?

Что Ливийския войны вспоминать здесь мерзость?
Что и сердце жадно?.. Час уже постиг и рок!
От богов месть купно должна мзда мне и оброк».
Как сказав, сам воздохнул в крайнем сердца горе
И умолк тотчас по сем в Аде разговоре.
Но Миной свирепый больше вопрошал тогда:
«Что вина убийству? Сталось как то и когда?
И прехрабрый тот его кто есть победитель?»
Ах! всяк от него вопрос гордых поразитель.
«Галлия, — тот паки, — славит коего царем,
Тот меня пресилил: слава всюду там об нем;
Знаменитее его выспрь не знали веки,
И ни равного когда чтили человеки.
Он меня однако ж просто не возмог убить,
Принужден был много крови от меня пролить.
Сии ж там его едва опустили руки,
Ныне полумертв лежит иль скончался с муки.
Так я уверяю, чая, и не прежде ль он
Сшел меня к вам в пропасть, где я слышу страшный стон».
Так сказав, сам обращал взор багровый всюду,
Как соперника б чрез то он искал внутрь уду,
Сим скончил. И тотчас праведно был осужден:
В Тантальском потоке яблоко ввек принужден
В челюсти хватать от сестр тамо змиевласных,
Лютых, оных трех числом, грозных и ужасных.
Слух тогда разнесся на Элисийских полях,
Что ты жизнь кончаешь, Полиарх, на сих землях;
Уверяющий о том первый был зиятель
Сгибший уж Радиробан, твой злый неприятель.
Праведных все души возмущаются тогда,
Твоего прихода чают в сад к себе туда;
Ты клеврет им, и тебя все в вождя желают,
Лучшее земных тебе благ всё обещают.
Прежде кто десницу примет, скажет кто привет,
Кто в сады проводит, в коих зрится присный цвет,
Кто тебя там поведет к теням велеможным,
Коих слава вознесла мужеством неложным —
Все то правых духи разряжают меж собой:
Злак сей буди ложем, древо сень тебе то строй,

Ваия сия главу честно да венчает,
Сей источник язвы все там да омывает.
Так шумит подобно (от Гиблейских как долин
Отлетит пчел матка в заблуждении в край ин,
Посланные ж наперед пчелки весть крилами
О возврате подадут, веселясь уж сами)
Рой, пришедший в радость, и тогда спеша весь к ней
И в свои собравшись силы по причине сей,
Он летает и туда и сюда чрез требу,
И взвивается, жужжа, в том восторге к небу.

Се ж по частым облакам с выспреннего круга
Кастор ехал на коне прямо к ним до луга:
Он тогда на небе брату место упразднил,
Кой его в тот случай должно по чреде сменил;
Красное лицо его блеск звезды являло
И лучами окрест все чистыми сияло;
На его порфира златотканна раменах,
Был подобен Марсу, копие имел в руках.
Тотчас правых тени зря Кастора идуща,
Все возмнили, Полиарх, так тебя грядуща:
Идут и навстречу, стройно учредившись в ряд,
И вперивши купно на того блаженный взгляд.
Но приближились когда к ним Ледейски взоры,
И погрешность как свою стали знать соборы,
То вкруг обступили, удивившася, его
Все и вопрошают совокупно самого
(Конь под ним в то время стал, им же воспященный,
И в молчании на лик посмотрел священный):
«Возвести нам, просим, битву точно ты возмог
С горних мест сам видеть, в доблести кто и премог,
Оный царь еще ль в живых, коего мы ждали,
Галлия ж отдать сюда может вся в печали?
Внидет к нам откуду, ежели скончался он?
Объяви, да встретим с самых тех его сторон».

Изумившись, поражен речию такою,
Прежде тот стоял без слов, а потом звездою
Рассмеявшись всею, равно как бы тучи гнал
С гневныя пучины, кораблям же огнь ссылал:
«Знайте, тени, — говорил, — и оставьте радость,

Вашим та садам еще не приспела сладость;
Равная ж надежда выспренним была самим,
Те к престолам равно чаяли царя своим.
Ратоборцев сам я зрак видел, слабу силу
И со смертию борьбу, жизнь в крови унылу;
Слышал, как и боги вопрошали Зевса там,
В коем бы он месте тонкого эфира сам
В чистой искре сей душе повелел светиться?
И звезде его в восток, в запад ли вселиться?
Иль ей быть поставил при полунощных зверях?
Иль вместить ту хощет на полуденных зарях?
Им могущий все отец возгласил вещая
(Встрепетал небесный свод, глас сей ощущая):
„Нашему Олимпу юношу сего в дар дать
Есть предел не ныне, предлежит и вам то знать:
Пусть он брани совершит, победитель славный,
Да за мужество свое всюду будет главный;
И хотя тмы многи чрез доброты удивил,
Но не всех войною беззаконных истребил.
То не крепость ли дана ратная составам,
То не склонность ли однак к мирным в нем уставам!
О! краса всем смертным, о! богов достойный сын!
Я б желал охотно, из моих чтоб был един,
Да и ты б супруга, ты б мне то отпустила!
И младенца б ты ж сама в ласке воздоила!
Впрочем, в сей хвалился б не один утехе век,
Млад и стар он долго будет в свете человек,
Парки жизнь сплели ему сами долголетну;
Узрит сыны он сынов, давши многодетну
Всей земле породу, коя пойдет по стопам
Праотческим славно; и по вечным так судьбам
В старости маститой все станут здесь пред нами,
Освещая дольний мир в век веков звездами.
Сын! иди поспешно, коему покорны трав
Все различны соки, созданны в напиток здрав.
И по силе врачевства раны всяк раздельный
Каждыя болезни род, купно ж и смертельный,
Чадо! сам скоряе язвы тайно исцеляй,
А на них лекарства таковы употребляй,

Кои могут одолеть смерть и уязвленных
Пользовать самих богов; как из поврежденных
На войне Фригийской делал с Марсом ты моим
И лечил Венеру нежнейше тогда ж каким,
Ей когда на брани той, в самом том же прахе
Диомедова меча быть пришло толь в страхе,
Сын твой Эскулапий тотчас же с тобою б шел,
В доме Мавританском славу б он себе нашел,
Чтоб Перуна паки тот уж не опасался,
И ни гнева б моего, воскресить бы тщался.
Я желаю ныне, о! желаю я предел
Победить конечный, а чтоб я так одолел,
Вскоре исполняй мою с сыном волю властну
И великого царя жизнь спаси прекрасну“

Так едва родитель повелел и указал,
Как пред ложем царским тотчас Аполлин предстал,
К врачеванию готов и в таком уборе
Он слезящих посреде был незрим в соборе;
Смертные водою язвы сам все вымывал,
Бережно перстами по зияниям сжимал,
То лекарства на болезнь растворял и масти,
То внутрь с сыном лил, то клал к больнейшей те части.

Скоро в сердце живность возвращается уж вновь,
Бледность сходит с членов; помощь купно и любовь
Свыше царска жизнь к себе чувствует известно,
Се и в силу от цельбы та пришла чудесно!

Вы ж, о! весь лик правых, ныне невшедшего к вам
Песньми восхвалите, прославляя по делам.
Добродетели хотя пребывают в небе,
Хоть живут те на земле к вящей всех потребе,
В ваши хоть вселятся обиталища сюда,
Благочестным всюду хвальны суть они всегда».
Кастор рек. Все веселясь тени восплескали;
С ними небо, вся земля и моря взыграли.

ТЕ Ж САМЫЕ ДАКТИЛО-ХОРЕИЧЕСКИЕ

В жизни пребудет еще долговечно веселие наше!
Что ж звездоносных небес уже августейшие домы,
Будто приять хотя вседостойного, в шуме играют?
Что ожидают к себе Элисийские тени клеврета?
В жизни пребудет еще и земли не оставит надолго
Всех скиптроносных царей изящнейший, кой препрославил
Мужеством Галлов своим, убивши Сардинска тирана!
　　Где от Стигийских стран отделяет предел светозарный
Злачны поля и где никакой не приступные муке
Рощи в прохладе своем зеленеют, по коим гуляют
Тени прехрабрых мужей, которых от казней изъяла
Жизнь непорочна, и всех, при Литейской воде всеконечно
Ссоры забывших свои, согласие ввек примирило.
Там, когда они на противное царство смотрели
Дитово, также на все прежестокие казни в спокойстве,
Видели зной огней, и колес, и ужасную ярость
Свищущих зло языком и громко устами.
Се к Стигийским кряжам превелика толпа приходила
Свежая, вся в крови, и мечей с них язвы глубоки
С всех не сошли еще, все в образе лютыя брани.
Смотря из сада забав, дивятся блаженны герои
Множеству, купно мужей состоянию, также и ранам,
Быстра каких река Симоент не мывала струями,
Как и Фригийски полки, сопротивну и силу пеласгов,
С сей стороны Ахиллес поражал, с той Гектор сильнейший,
Так с собою тогда говорили: «Какое то было
Толь прободавшее их оружие? мышцы ж какие
Столько могли уязвлять? времен та сила не наших!
О! да вяще растет человеческо мужество в крепость;
И на превыспренном Зевс да не чувствует страха Олимпе!»
Так говоривших тотчас на себя их всех обратила
Знатнейша тень, на брег как скоро ладейка Стигийский
Ту ссадила, она ж свирепости гордыя мраком
Не изменила еще в лице, в мир новый пришедши;
Знаки остались на ней притом погубленного царства:
Долгая на раменах хламида, с висков диадима
Сползшая уж была, и мечом десница блистала,

Только ж вырванным тем из нея недавно, казалось;
Но все было лицо оскверненно кровию гнусно,
Так же и грудь, и уста разодраны дух прерывали.
Без замедления там ее пристав, подхвативши
Силою, сам не боясь, привлек к судейскому стулу;
Души невинных простых уступали назад; и свирепый
К ней обратился тотчас Миной; почтение грозно
Все осенило лицо его, и хотя ж приобыкли
Те места, однак потряслись с превеликого страха!
А получивши она повеление, не прекословя
Сказывать жизни весь своея порядок и случай
Смерти, и все, за что низвержена в тартар ужасный;
Так начала, еще вознозносясь, и уста нечестивы,
Мня себя царем, разверзла — замолкли пещеры!
Слушая, сам и Стикс лил тише волны гремящи!
«Буде Радиробан здесь когда был слышимый в безднах
(Часто, по правде сказать, сюда неприятелей многих
Ссылывал и утруждал пресекающих жизненны нити),
Тот сам я, земель Сардинских славный владетель,
Ныне сюда ж прихожу. Меня балеарски народы,
Лигуры также меня боялись. Но что уж некстати
Мужество мне возносить и оружие храброго войска,
Здесь никакия когда нет чести умершему скиптру,
А добродетель одна велика? Что ж нудишь, Эния?
Ах! прочь иглы твои отыми: расскажу добровольно.
О! на царства мои уповая излишно и также
На пребогатый верх Фортуны, на кровь пречестную,
Смертным себя позабыл, не чтил добродетелей в жизни
И ни богов; бог сам для себя превесьма самовольный,
Добрую славу себе заслужить никогда я не тщался;
Верность к другим нарушал, тщеславия весь преисполнен.
Что вспоминать на брегу Сицилийском хищения дерзость?
Что на Ливию войну? что ничем ненасытное сердце?
Час внезапу уже постиг и рок смертоносный,
Месть и богов!» Сказав то, вздохнул и умолк совокупно.
Но свирепый Миной тогда уж спрашивал больше:
«Что за причина была убийству? (ах! жестоко гордым
Муку сию терпеть) И кто победитель прехрабрый?»
«Галлия, — он говорил, — кого царем почитает,

Тот меня поразил; его знаменитее в славе
Не было выспрь никогда, и ни равного веки не знали.
Он, однако ж, меня не сразил без отмщения просто,
Чувствовал сам от меча моего взаимные язвы;
Сии ж руки, его обхвативши, едва опустили:
Ныне лежит полумертв и кончается тот победитель.
Так уверяю; и мню, что меня он в пропасти сии
Прежде не сшел ли?» Сказав, багрово лицо обращал вкруг,
Будто б убитого он искал неприятеля тамо.
Сим окончил. И тотчас осужденного правды пределом
К Танталовой реке и к бегущему яблоку вечно
В лютости всей отвлекли, подхвативши, сестры змиевласны.
Слух разнесся тогда по всем полям Элисийским,
Будто тебя, Полиарх, не стает, так враг твой уверил.
Все возмущаются там и надеются праведных тени,
Купно желают тебя клеврета себе и вождя всем,
Лучшее такожде все обещают оставльшему землю.
Первее кто привет говорить, и принять за десницу
Кто уж имеет, и кто путь в сад присноцветный покажет,
Также и кто поведет к душам велеможных героев —
Всё разряжают сие меж собою блаженные души:
Сей злак ложем будь, сей лавр главу да венчает;
Лучше источник сей утружденные члены омоет.
Сходственно с ними шумит (как матка пчела от Гиблейских
Прочь отлетит долин, заблуждая, предпосланны ж пчелки
Весть крилами дадут о возврате) рой в радости новой,
Весь поспешая к ней и собравшись с силою всею,
В шуме ж летает туда и сюда и взвивается к небу.
Се ж по густым облакам возвращаясь с верховного мира,
Кастор с ними прибывал, тогда по случаю с братом
С мест на небе своих сменившись. Звездою блистала
Вся особа его, окруженна отвсюду лучами,
Вдоль порфира с рамен, лицом был Марсу подобен.
Тотчас, видя его, возмнили праведных тени
В скорости той, что ты, Полиарх, к ним идешь преславно;
Уж и навстречу пошли, веселясь, порядочным строем.
Как же приближились там божества Ледейского взоры,
Как же и сами свое заблуждение тени познали,
То окружают его, дивящася, и вопрошают

Все, совокупно глася (между тем конь воспященный
Стал под ним и все осмотрел в молчании души):
«Просим, скажи (для того что ты сам сражение видел
С горних мест), царь жив ли, которого дать нам имеет
Галлия вся в слезах? И к нам он внидет откуду?»
Тот, изумившись, сперва бессловесен стоял и, звездою
Всею потом тотчас рассмеявшись, как с гневного моря
Будто он тучи сгонял, корабли огнем освещая:
«Знайте, о! тени, — сказал, — и недолжную радость оставьте,
Радость оставьте садам и рощам недолжную вашим;
Равная ж точно богов надежда верховейших льстила.
Видел я лицо ратоборцево, храбрость и силу,
Зрил и в последней крови борьбу со смертию жизни.
Слышал я и богов, вопрошающих, в коем бы месте
Тонка эфира души сей чистым огнем просветиться
Юпитер сам повелел? на востоке ль, на западе ль звезду
Он бы хотел утвердить? Или при северных Урсах?
Но вседержавный отец говорил вещая: „Не ныне
Юношу дать сего в дар нашему в славе Олимпу
Тверд положен предел. Пусть он превеликие брани,
Кои будут еще на земле, совершит, победитель;
Храбрость его не все еще места удивила,
Ни беззаконный весь мир он войнами очистил.
То ли не крепость его составов, не ратная ль бодрость!
То ли не склонность однак его ж к тихомирной оливе!
О! красота людей, О! чадо, богам вожделенно,
Я б желал, чтоб мое то было! и ты б отпустила,
Ты б, супруга, сама за него мне, сама ж бы спокойна
Млечны сосцы твои сему подавала младенцу!
Но не един же век похвалялся б утехою сею;
Долго он в летах младых процветать и в старости долго
Он же пребудет, ему даровали жизнь долгую Парки,
Узрит сыны сынов и земле даст вечну породу,
Коя имеет пойти по следам праотческим славно,
Купно в маститой потом уж старости будет звездами.
Сын мой! иди ж поспешай, которому соки покорны
Трав и искусство врачебно, и раны, и смертны болезни,
Скоро ступай, велю, и в язвы лей тайно лекарства,
Кои смерть одолеть и целить богов уязвленных

Могут; грядет ли мой Марс к тебе, повреждениа ль Венера
Чем на Фригийской войне от меча ль Диомедова в страхе;
Пусть с тобою ж идет Эскулапий, сын твой искусный,
И в Мавританском дому прославить себя да потщится:
Он не боится пускай моего уж паки перуна,
Гнева ниже ж моего. Я ныне, о! ныне желаю,
Что б смертоносну судьбу победить для царя превелика“
Так повелел лишь отец; пред лицом уж царским незримо
Спешно предстал Аполлин во врачевской готовый одежде,
Тайною все вымывал смертельные язвы водою,
Бережно то сжимал зияния их же перстами,
С сыном то растворял лекарства прилежно на немощь;
Сам и амброзии лил в умерщвленные жилы довольно.
Тотчас в сердце уже возвращается живность и сила;
Бледность уходит с лица, жизнь чувствует божеску помощь!
Вы ж затем, о! весь лик праведных, песньми хвалите
Ныне невшедшего к вам: хотя б добродетель на Небе,
Хоть на земле б была, хоть та б в обителях ваших;
Но благочестным всегда почтенна и хвальна повсюду».
Кастор сим окончил. Зашумела радость блаженных,
И совокупно Земля, Понт, Небо, ликуя, взыграли.

СЛОВО О МУДРОСТИ, БЛАГОРАЗУМИИ И ДОБРОДЕТЕЛИ

NB. *В предисловии при первом томе на XXIII странице объявлено, что в сем втором томе по стихах, сочиненных нашим образом и римским, еще положена речь, говоренная в Академии, которой на сем точно месте и быть надлежало, но она мною, как изданная уже в свет особенно, и также б не увеличить ею сея книжки, отставлена, а оставлено вместо ея сие слово, кое мне вспало на ум сочинить во время самого печатания сего второго томика. Я льщу себя, что сие слово несколько приятнее будет по содержанию моим читателям, нежели б могла быть отставленная речь.*

Преизящность человечества из всех видимых в прекрасном естестве созданий, СС, особливо состоит в умствовании. Зиждитель вещей премудростию своею, благостию и всемогуществом благоизволил, предуведав и предызбрав сей чувственный состав великолепного мира, произвесть твари, счетывая все с лучшим и бóльшим всему обществу, не токмо неисчетные по роду и подобию, но и каждой даровал различные степени совершенства, каждую притом удобряя собственным своим и ей достодолжным. Зрятся творения, которые имеют простую токмо бытность,[а] зрятся, в коих бытность и жизнь, зрятся и такие, которым с бытностию и жизнию подано еще чувствование. Но человек, пребывая в естестве вещей бытием,[б] дыша в нем жизнию, ощущая от него приятность себе или досаду, господствует в избыток пред всеми оными рассуждением. Одарен он силою, рассудительно размышляющею.[в] Известно есть, сила сия показывает себя в нас,

[а] existentia
[б] existentia
[в] facultas reflexive cogitans

во-первых, разумом и потом волею. Имеет разум свои действия, имеет и воля: хотя ж и в едином существе[а] обое председательствует и хотя обое то едино есть по естественности,[б] или сущности, но по разности действий различными означается именами. Разума есть понимать и рассуждать, то есть познавать истину и различать ее от ложного; воли ж — свободно клониться к добру, предпочитать полезное и разделять оное от вредного. Ибо как истина есть конец всего нашего познания, так добро цель всех наших есть деяний. Первая ум[в] просвещает, но другое очищает сердце и творит нас участниками не крайнего токмо человеческого блага,[г] состоящего в безопасстве общего сожития, в здравии тела и в душевном спокойствии, но и оного неизреченного вечного блаженства, кое обещано любящим Бога и служащим Ему благоговейно и усердно, оного, вещаю, блаженства, которого красоты око человеческое не возможет здесь никогда подобныя видеть, приятности — ухо слышать никогда, а сладости — никогда ж отнюдь чувствовать сердце.

Итак, пользуясь толь славною отменою от всего во всем естестве и обретаясь малым токмо нечем умаленный от горних чинов, умствует человек и произволяет. И во-первых, действует наш ум, понимая вещи просто,[д] то есть ничего им как не присвояя, так и ничего ж от них не отлучая. Производит он простое сие понятие иногда так называемою разумностию[е] или чистым разумом,[ж] познавая сим просто, что закон, обязательство, добродетель и премногое подобное; иногда познавает он чувственностию,[з] коею вещи телесные, присутствующие посредством пятерицы оныя чувств, данных нам от благодетельныя природы, понимает, как то: свет и цвет оком, глас и звон слухом, сладость и горесть языком, благоухание и зловоние обонянием, хлад и зной прикосновением всего тела он чувствует; иногда, напоследок, изображает себе вещи телесные ж, но отсутствующие и уже прежде от чувств ощущенные, образованием.[и] Но по второму образу наш ум делает не простым уже понятием,[к] да понятий самых между собою сличением, которым сходство или сопротивление их усмотривая, оные взаимно или сопрягает,

---

[а] substantia
[б] essentia
[в] mens
[г] summum bonum
[д] simplex adprehensio
[е] intellegentia
[ж] purus intellectus
[з] sensatio
[и] imaginatio
[к] idea

или одно от другого понятия отлучает так, что или одно о другом утверждает или одно отрицает другому. Сие точно есть, что именуется рассуждением.[а] Рассуждение сие есть или самозрительное,[б] или умствовательное.[в] Первым наш ум двух понятий сходство или несходство без посредства третиего понятия тотчас познавает, например: *невозможно быть и не быть совокупно*. Всяк разумеющий силу и знаменование слов видит единым взором и вдруг правду в сем предложении.[г] От сего единственно самозрения зависит всего нашего познания достоверность[д] как величайшая и такая, которая ни большего доказательства не требует, ни больше доказываема быть не может. Но вторым познавает ум двух понятий сходство или несогласие чрез посредство третиего или и многих понятий, наприклад сего предложения: *Родители власть имеют наказывать своих чад* — непосредственно утвердить невозможно, не восприяв в помощь третиего, а именно: *ибо без того воспитать их достодолжно и достолепно не возмогут*. Второе сие рассуждение точное есть умствование,[е] так что законно два токмо, а не три или четыре делания[ж] в нашем уме, ибо всякое предложение не самозрительное есть точное заключение,[з] произведенное умствованием, а не просто и без довольныя причины[и] соединенное или распряженное отречением. Когда кто говорит, что *справедливость есть похвальна*, тот для того единственно похвалу ей присвояет, что всякая добродетель похвалы есть достойна. Сим образом умствует человек, но произволяет следующим. Что разум рассуждает быть истинным, то самое воля свободно изобретает добрым. Способ воли нашея есть двоякий: хотение[к] и отвращение.[л] Первым разум наш судит и к люблению того прекланяет волю, что он почитает за доброе, но вторым отводит ее от всего, что ему судится быть злое. Воля наша, любящая всегда добро, так к нему прекланяется, что иного хощет для него самого, а иного ради добра другого. Первое добро называется концом,[м] но второе — средствием.[н] От сего различные бывают воли нашея деяния.

[а] iudicium
[б] intuitivum
[в] discursivum
[г] propositio, enuntiatio
[д] certitudo
[е] ratiocinatio
[ж] operatio
[з] conclusio
[и] ratio sufficiens
[к] volitio
[л] aversatio
[м] finis
[н] medium

Старающееся о конце хотение сие есть намерение,[а] пользующееся оным есть оно наслаждение,[б] в средствиях же упражняющееся то ж хотение есть уже избрание,[в] а отвращающееся от оных — отвержение.[г] В сем состоит нашего произволения самовластие. Великое, дивное и неоцененное человеческого умствования преимущество!

Но что сие странное, с другой стороны? Ужасное зрелище! плачевное состояние! смертоносное бедствие! трепетное воспоминовение! Сей самый разум, в коем вся наша честь и слава и по которому едва токмо мы не в равенстве с превыспренними чистыми умами, по испадении человеческом от первородного величия низвергся в преглубокую бездну заблуждения. Ослабел его свет природный; покрылся густым мраком неразумия, действует во тьме и, чтоб так сказать, осязанием. Истина и благо удалились от него, обстоят его ложь и неправота, а волю — страсть и развращение. И что я говорю, обстоят! Пленили его самого и волю, повелевают ими, обладают ими, мучат их, тиранствуют над ними. Уже разум наш не титла есть нашея первобытныя высоты, но, почитай, подлость и бедность; воля не знак благородства нашего, но бесчестия и порабощения. Осталась им токмо едина память о древнем их сиянии и способности в изобретении истины и блага злу в предпочтении. Сия побуждает их входить внутрь самих себя, видеть, что должность их последовать правде и добру и для любви самим к себе тщаться, дабы вовеки не разлучаться с теми. Бесспорно, трудятся слепотствующие наши, чтоб их осиял свет истины и извел блистательным своим лучом на стезю честности. Но сколько ж надлежит прежде им преодолеть препятствий, дабы получить вожделенный в том успех! Надобно разуму преобороть иногда заблуждение чувств, иногда — заблуждение подражания; иногда — заблуждение счетания мыслей,[д] иногда — преизбыточного любопытства, иногда — борзости, иногда — поверенности; иногда — древности и новости, иногда ж — несколько из сих, а иногда и все сии заблуждения совокупно. Сии враги разуму. Воля равным же образом долженствует повергнуть долу многих злых себе супостатов прежде, нежели возможет торжествовать в вожделенной правоте. Первый ея соперник есть любление, вторый — ненавидение, третий — надмение, четвертый — самомнение,[е] пятый — сладострастие, шестой — сребролюбие.

[а] intentio
[б] fruitio
[в] electio
[г] reiectio
[д] combinatio idearum
[е] praesumptio

Не трудность ли и не труд предлежит, предстоит и окружает всю разумную нашу силу и всю произвольную? Не может приличнее уподоблено быть, как то преизрядно и уподобляется издревле, состояние нашего умствования и произволения доброродной по естеству ниве, на которой, оставленной без чреждения, сверх посеянного плодоносного семени прозябает терние и волчец, но в толиком множестве, что они подавляют самые всходы от добрых семен и показывают, что будто б они токмо там и насеяны были. Поистине, доброродная есть нива наш разум: Творец посеял в нем семена истины и добра, но преступление произращает в оном ложь и зло. Не могу еще не воскликнуть: бедное и бедственное состояние, буде не приложится заблаговременное и трудолюбное чреждение сей нашей существенной ниве!

Кто ж бы не чувствовал, что человеческий разум, пребывающий ныне в толикой нощи и мгле неведения, долженствует быть просвещаем солнечными зарями знаний? а воля наша — изводима отмала-помалу из пропасти зол и развращений, в которой чахнет и погибает, на путь правоты, честности и достолепности? Самое природное человеку любопытство, оставшееся в памяти об его способности к понятию вещей и к рассуждению о вещах, к избранию добра или к отвержению зла, влагает в человека охоту к научению себя; нужды его дают ему чувствовать в том необходимость; должности обязывают его к тому, а успехи в том наслаждают его увеселением. Первые приобретения его умножают в нем алчность к знаниям: коль более он познает, толь более чувствует, что осталось ему еще много знать; и чем более приобрящет познаний, тем большую получит способность к деланию и к отправлению всего преизрядно. Да и действительно просвещается оным солнцем наш разум, и произволение наше изводится прямо на гладкую и равную стезю блага, когда навыкают они трудолюбно истинной мудрости,[а] истинному благоразумию[б] и истинной добродетели.[в] Сих токмо помощию достигаем мы до того, дабы нам возмощи употреблять чинно вещи чувственные, нас окружающие, исправить погрешности наших чувств, подвергнуть тело власти духа и приводить душу, оное бесплотное и бессмертное существо, к познанию наших должностей и самыя ея предела.

Сия мудрость, сие благоразумие и сия добродетель будут единственною вещию последующего моего беседования, а вашего, СС, благосклонного

[а] sapientia
[б] prudentia
[в] virtus

внимания. Продолжу слово не по важности дела прилично и достойно, но по мере сил моих и возможности верно. Недостаток моего красноречия, ожидаемого вами для услаждения слуху, наградится, без сомнения, достойностию содержания: мудрость, благоразумие и добродетель — совершенства такие, которые не могут сами собою, без всяких посторонних прикрас не возбудить любопытства и слушания. Чего ради и я всячески потщусь предлагать о трех сих главнейших и первейших разума нашего навыкновениях,[а] сколько возможно, обстоятельно, однако без вреда ясности, кратко и о каждом порознь равномерно.

Да познают нерадящие о приведении в совершенство умныя своея силы, что как просвещается она приобретенными познаниями, во-первых, простым способом,[б] то есть единою памятию, опытами или другим мужам вероимством, утвержденным на их власти, и потом сияет основательным,[в] именно ж обученным и твердым рассуждением, так и помрачается варварством, которое есть не неискусство чистого слова, но ума нашего закоснелая грубость, когда ни разум полезным знаниям, ни воля благим нравам не научается и оставляются они, как будто поля, лежащие впусте. Безумие! ежели истина и добро не распознаваются от лжи и зла, а вероятное — от невозможного. Несмысленность! ежели умствовать прескаканием[г] и без соединения, да и во всем прочем поступать беспорядочно и буйно. Неистовство! буде действия наши производить без всякого, что до окончания, предвосприятого намерения или предвосприимать дело силы наши превосходящее. Святотатство! если действовать ухищренно и лицемерно. Вертопрашество! когда безрассудно и устремительно спешить нашими делами. Нерадетельство! ежели хотеть окончания, а о средствиях не любопытствовать и не иметь попечения. Непостоянство! буде предложенное себе добро и вожделенное оставлять ради приключающихся трудностей и скучностей. Мятеж, напоследок, и беспокойство! когда похотений своих не обуздывать и непрестанно и ненасытно желать еще и еще, всегда хотеть получить больше и больше и ежечасно стремиться идти далее и далее. Все сие есть не несчастие токмо некоторое, но пагубное и смертоносное бедствие. Истинная мудрость, понеже состоит в познании правд Божественных и человеческих, умозрительных[д] и деятельных,[е]

[а] habitus
[б] historico, empirico
[в] philosophico, scientifico
[г] per saltum
[д] theoretica
[е] practica

достоверных[а] и вероятных,[б] то и мудрый муж несколько знает, многое ж верит; так что знание и вера не что иное, как токмо средствия, коими он себе навык мудрости приобретает. Сей муж истинное и благое от ложного и злого, а вероятное от несбыточного распознавает довольными доводами.[в] Он в умствовании, начинании и деянии наблюдает порядок и хранит связность. Он действует всегда такого ради конца, до которого достигнуть или достоверно, или вероятно может, разве когда нужда приводит его предначинать дела свои для окончания возможного токмо. Он творит с искренним намерением, то есть по силе законного и позволенного окончания. Он ко всякому предприятию с рассуждением, предварившим начинание, приступает, кроме токмо, когда необходимость в деле не терпит медления в размышлении. Он сильно и действительно движется к предложенному себе концу, чего ради и приписывается мудрому воля действительности,[г] желание конца с желанием средствий сопрягающая. Он справедливо в предприятом тверд и непоколебим, и сколько б к тому препон ни обреталось, все преодолевает, да достигнет до намеренного предела. Он, наконец, полученным себе спокойно, тихо и безмятежно наслаждается и ни алчет, и ни жаждет чрезмерно, дабы приобресть столько, сколько ему не нужно и не полезно. О! неоцененных плодов мудрости. О! величия ея несравненного.

Все сии действия мудрости объявляют ясно и ни малого не подают нам сомнения утвердить, что должность ея есть сугубая. Но и кто благомысленный из прошедших слов не заключит со мною, что мудрости есть, во-первых, «должные деяниям человеческим назначать причины»? Без мудрости не может получено быть твердое блаженство, которое есть последний из всего и всему конец. Твердое сие блаженство не единого есть рода: есть, которое состоит в наслаждении безопасством от приключений и бедствий в общем человеческом сожитии. И сие есть гражданское и внешнее. Есть нравственное и внутреннее,[д] в сем пользуемся здравием телесным и душевным спокойствием. Но в наслаждении Богом и с ним в соединении утверждается блаженство духовное и превосходное. И поистине, сие есть едино, приводящее к вечному оному Блаженству, в котором безопасство[е] наше, здравие[ж] и спокойствие[з] никогда не прерываются,

---

[а] certa
[б] probabilis
[в] ratio sufficiens
[г] voluntas efficaciae
[д] moralis
[е] securitas
[ж] sanitas
[з] tranquillitas animi

а в сей дольних мест жизни пресекаемое токмо подается блаженство. Вторая мудрости должность есть в том, что она «преднаписывает правило правым деяниям»; в сем точно и содержатся основания правды,[а] честности[б] и достолепности.[в]

О! коль любезно и имен сих тройцу выговорить и слышать. Но что ж их плоды и действия? Плоды, коих как нет отнюдь ничего полезнее обществу человеческому, так и невозможно никогда довольно и достойно превознесть их похвалами. Поистине, сия есть такая мудрость, в которой начать упражняться никакое время словесному человеку преизбыточно ранним быть не может; и никто преизлишно прилепившимся к ней себя не покажет, колико б он ум свой ни вперил в размышление об ней и деяния б ни напряг к произведению от нея успехов. Представим себе в мысли человека, по всему любящего правду, действующего по честности и обходящегося всюду и со всеми благопристойно. Не сей ли нам явится при сохранении своея жизни, данныя от Бога в потребу ему и обществу, не вредящий никому не токмо убиением и биением наглым кого самого, не токмо клеветою и лжесвидетельством на него, но ни уловлением, ни пресечением, ни умалением, ни похищением и ни всеконечным истреблением всего, что того есть собственное? Не сего ль увидим благотворящего прочим во всем, что полезно и прибыточно, что похвально и славно, что приятно и сладостно быть может? Не сему ль будет способнее жизни своея лишиться, нежели не сохранить данного слова, обещания, договора, верности? Не сим ли все то, что в молчании содержать должно, въявь не разгласится, а разглашаемое подолгу молчанием не покроется? Не о ревнующем ли по честности утвердиться так неложно, что он точно и есть, кой, движим разумною любовию, искренно, благоразумно и постоянно действия свои производит внутренние и внешние для получения твердого блаженства? Не оный ли есть поспешнейший не токмо в исполнении должностей правды, но еще и больше, нежели к исполнению чего правда возбуждает, всеми своими силами тщится учинить для пользы общества и ради большего в нем безопасства? Не оный ли такую показывает тихость и скромность, что ими право свое несколько умаляет, делая или опуская не то, что делать или опускать позволено, но что делать или опускать общее добро требует и советует ревность? Не оный ли трудолюбив, нерасточителен, домостроен, трезв, чист, воздержен? Не оный ли велико-

---

[а] iustum
[б] honestum
[в] decorum

душен, терпелив, равносерден, кроток, умерен и жребием своим доволен? Не наблюдающий ли благочиние в обхождении с другими поступает по природному своему состоянию и ни в чем и никогда притворности и притворного не являет? Не таковый ли ничего против общего мнения не делает, всем своим действиям приятную стать подает, преизбыточеством и недостатком не погрешает, всегда учтивость, человеколюбие и снисхождение показывает? Не сей ли муж, напоследок, страны своея обыкновениям, но достохвальным, последует, дела свои и слова соглашает с местом, время рассматривает и оному повинуется, всем почтение отдает, что и себе прилично, не забывает; а природные свои порочности и нравственные, ибо нет совершенного во всем человека, коль возможно, покрывает? И кто ж неоцененному цену поставит и бесчисленное добро, какое он себе и обществу приносит, словом исчислит? Коль больше таковых обретается в обществе, толь более общество процветает и толь меньше в нем зрится непорядков и бесчиния. Без последующих благопристойности, честности и правде все вверх дном обращается.

От мудрости, предложенныя вообще, приступаю к особливым ея частям. Мудрость вообще хотя и состоит в познании истины и блага, однако в премрачном и неизвестном. Мудрость в особливости есть твердо обученная и состоит в познании вещей явственном, различенном и, поелику возможно, доказательном. Называю твердо обученную мудрость да исключу не имеющую потребности. Ибо в коей нет никакия пользы в рассуждении благоразумия, правды и добродетели, та по достоинству принадлежит до пустошей, хотя и многому, впрочем, надлежит обучаться, что не природную пользу, но на мнении основанную, имеет. Итак, обученная твердо мудрость есть или богословствующих, или любомудрствующих, или законоучительствующих, или, наконец, врачевствующих. Богословствующих мудрость состоит в твердом и явственном вещей, в Священном Писании откровенных, в Апостольских проповеданных, а в Соборных и Учительских преданных, познании. Но любомудрствующих — в твердом же и различенном вещей полезных знании и рассуждении, однако разумом, самому себе оставленным, постигаемых. Сей подчинена, первое, мудрость законоучительствующих, состоящая в твердом и различенном гражданских и канонических законов ведении и истолковании; второе, врачевствующих, объемлющая твердое и различенное болезней и лекарств разумение; третие, счисляющих, размеряющих и сравнивающих количества; а сии особенно математиками именуются. От многих в нынешние времена любомудрие приемлется за собрание самых главных учений, коим обученный человек светом своего разума о Боге и его свойствах, о тварях и их качествах и ко-

личествах, о действиях нравственных и об их правиле нечто достоверного и твердого доказывает. Всяк ведающий, мню, чувствует, что посему, как достойно есть подтверждения любомудрие догматическое, которое твердые, сколько возможно, в учениях полагает основания и бесспорные или по крайней мере вероятные из них производит заключения, так всякое заслужило отвержение оное сцептическое, кое ничего определить и утвердить не покушается, но все во всегдашнем безызвестии и сомнении оставляет; и коль важно есть любомудрие эклектическое, не утверждающееся ни на власти, ни на древности, но то избирающее, что во всех писателях твердейше доказанное и с первыми началами соединенное обретает, толь праздно и бесполезно, которое на разные соборища,[а] или толки, разделяется. Сие последнее любомудрие мнения других людей без всякого приемлет исследования и начальникам своим не как предводителям, но как повелителям последует. Преизрядно некто из мудрых мужей изрек, что такое любомудрие есть «мудрости, состаривающаяся или уже и в бред впадшия, знамение»: истина не может быть ни двояка, ни многовидна.

Древние разделяли весь состав любомудрия на философию умственную, нравственную и естественную.[б] Но, не опровергая сего их деления, предлагаю, что она может разделиться порядочнее и полняе на предуготовляющую,[в] или служащую орудием,[г] и на главнейшую,[д] или свершающую;[е] а сия последняя действительно человека ученым, то есть мудрым и добродетельным, делает. Предуготовляющим учениям разные различное число полагают: сии одно токмо, другие — два, третие — и до трех восходят. Но нам мнится, что должно им быть шесточисленным. Первое есть *логика*. Сия обучает способу, как правильно умствовать, дабы истинное от ложного, а вероятное от невозможного отличить и одно с другим распознать явственно. Второе — *онтология*, которая есть учение о повсемственных,[ж] для того что самые общие вещей идеи и оттуду проистекающие главнейшие истины оно представляет. Например, сущее вообще[з] и естественность, или сущность сущего;[и] простые сущего свойства,[к] как то:

[а] sectae
[б] rationalis, moralis, naturalis
[в] praeparans
[г] instrumentalis
[д] principalis
[е] perficiens
[ж] universalia
[з] ens
[и] essentia
[к] simplicia entis attributa

единство его, истинность его, доброту его, место и продолжение; потом свойства сущего распряженные,[а] как то: действенность и могущество, зависящее и неподчиненное, необходимое и случайное, бесконечное и конец имеющее, начало и от него бывающее, причину и причиняемое, простое и сложное, целое и часть, то ж и разное, полное и неполное, пребывающее и преходящее, правило и правимое, знак и означаемое, подлежащее[б] и присвояемое.[в] Наконец, нижайшие свойства сущего,[г] как то: существо,[д] способы[е] и возношение.[ж] Третие — *арифметика*, коя количество рассчетанное счисляет, складывает, вычитает, умножает, делит, все ж то числами целыми и ломанными; также от трех известных числ четвертое, неведомое прежде, познавает, и, наконец, корень[з] квадратный и кубический извлекает. Четвертое — *алгебра*, сравнивающая обшие величины азбучными литерами. Пятое — *геометрия*, которая тройное распростертие[и] тел размеряет чертами[к] и ограничивает очертаниями.[л] Да и шестое не без нарочитыя пользы к сим присовокупится, именно ж: *история философическая*. Она есть, коя предлагает и повествует приращение и умаление мудрости и притом объявляет первейших ея любителей, распространителей и возобновителей. Все сии и прочие следующие учения, когда словами себя изъясняют, без *грамматики* говорят немо и неправо и потом без *реторики* вещают скудно, непристойно и несладко. Чего ради самая первая отроку наука, дабы ему после способну быть к понятию высочайших мудрости наук и знаний, есть грамматика, а по ней столько ж, буде не больше нужная, реторика. Навыкновение разным языкам, и особливо так называемым ученым и тем, кои где в большем ныне употреблении, коль есть нужно и полезно, ведают ведающие и умеющие говорить языками. Однако не желал бы я отнюдь, чтоб кто охотнее тщался о преобретении себе совершеннейшего искусства в чужих языках, нежели в своем природном, и еще с презрением его. Стыд, срам и бесчестие римлянину не уметь полатински, как то восклицает римский сатирик Ювенал! А равным образом

[а] disiuncta entis
[б] subiectum
[в] attributum
[г] inferiora entis
[д] substantia
[е] modi
[ж] relatio
[з] radix
[и] extensio
[к] linea
[л] figura

сие каждый народ к себе приложить может, пременяя Ювеналов Рим на свое отечество. Что ж до второго раздела философическому составу, то два, всеконечно, рода свершающих знаний, по которым, как прежде упомянуто, человек совершенно бывает мудрым и добродетельным. Первый есть *теоретический*, или умозрительный, сему роду предлежащее[а] есть Творца и тварей познание; но вторый — *практический*, или деятельный; а предлежащее ему — действия человеческие нравственные и их правило. Теоретических знаний три: *теология*, или *богословия естественная*, *пневматология* и *физика*.

Богословия естественная есть знание, которое единым токмо врожденным светом разума доказывает, чего Бог, да познаем Его и служим Ему, в естественном состоянии от нас требует, особливо ж для того, чтоб мы Ему ж Самому были благодарны и имели б совесть нашу естественно спокойну. Высокая, несравненная и спасительная мудрость, так что дивно и странно, чего ради многие к любопытным знаниям большее имеют прилежание, нежели рачат сей основательно навыкнуть. Нет ни науки, ни знания, которое не сию б за основание имело, и не сея б ради изучено быть долженствовало. Вотще человеку заповедь положится, дабы ему жить по правде и разумной любви, ежели прежде не докажется, что Бог есть и что Он его к сим или тем деяниям, предприемлемым или отметаемым, обязал. Вотще и бессмертие нашея души утвердится, буде мы не прежде познаем, что есть Бог и предсутствует и что благосердие Его сотворило бессмертными души наши для наслаждения вечным блаженством. О! знание всех знаний, разумом постигаемых, верх и совершение. Сия есть мудрость, которая научает нас, что Бог Существо есть пребесконечно действительное, от себя Самого предсутствующее, а прочим всем вещам бытность дарующее. Сея мудрости просвещением познаваем, что Существо оное пребесконечно действующее и предсутствует от себя Самого, как сущее необходимое и пресовершенное, коего бытность есть в самой естественности, или Его сущности. Чего ради да не помышляет безумный в сердце своем: нет Бога. Есть Бог, доказывается сие настоящею и присутствующею вещей бытностию. Есть Бог, доказывается бытностию ума человеческого. Есть Бог, доказывается бытностью всего дебелого вещества.[б] Есть Бог, доказывается внутреннею ума нашего совестию. Есть Бог, доказывается природою движения. Есть Бог, доказывается всеянною в нас о Боге мыслию. Есть Бог, доказывается порядком причин, до первых восходящим

[а] obiectum

[б] materia

токмо. Есть Бог, доказывается случайностию[а] всего мира. Есть Бог, доказывают непреоборимо сие и успокоение ума в понятии о Боге, и состояние в целости всея твари, и премудрый состав всего мира, и животных пол различный, и члены их по действию и от намерения удивительные, и согласное признание всех во вселенной народов, сколько б который ни был в другом прочем грубый и невежда, и крайнейшая безопасность в признании Бога праведного, нежели не в признании; так что не можно не возгласить торжественно: Есть и предсутствует Бог прежде веков безначален, от века и вовеки бесконечен! Того ради ни проклятому безбожию, ни мерзкому многобожию, ни ненавистному суеверию нет в помыслах и в делах наших места. Сей, вещаю, мудрости последуя, постигаем свойства и совершенства Божия, самостоятельные[б] и возносительные;[в] а сии последние как естественные,[г] так и нравственные.[д] Постигаем из самостоятельных Божию духовность, довольность, безначальность, бесконечность, премудрость, всеведение, всемогущество, единство, непременность; из возносительных естественных, что Он есть творец твари, что Он хранитель всего и что Он предусмотритель, помощник, покровитель, правитель и строитель всему; а по возносительным нравственным утверждаем в Нем благость, благоутробие, истинность, святость, правосудие и обладание Его всеми нами. Сию мудрость имея в руководство, уразумеваем, что толикому и таковому Существу должны мы служить внутренним и внешним образом. Внутренним — любить Его, повиноваться Ему, почитать Его, благоговеть пред Ним, верить Ему, уповать на Него; а внешним — взывать Его, прославлять Его, благодарить Ему и покланяться. Наконец сею мудростию осиявшись, исповедуем и проповедуем, что она есть начало и истинный вождь к Закону и благочестию христианскому.

Пневматология есть учение о духах сотворенных, об их свойствах и о разных видах. Дух вообще есть существо живое, о всех своих действиях сведомое. Многие из любомудрых три вида[е] сотворенных духов поставляют: вид нижний, имеющий силу приводить вещество в способ, проницая оное; вид средний, имеющий силу чувствовать вещество, себе сопряженное; наконец, вид вышний, имеющий силу умствования. Но как то ни есть, мы токмо предложим то, что сие учение об уме человеческом предлагает, ко-

[а] contingentia
[б] absoluta
[в] relativa
[г] physica
[д] moralia
[е] species

торый есть существо живое, силою умствования одаренное. Рассуждает оно об нем или первое, поскольку он есть дух особенный, или второе, поколику действует в теле и телом. Итак, по первому образу доказывает оно, что душа наша духовна, что размышлением рассудительным одарена, что имеет силу понятия и хотения, что она есть самовластна и что частым умствованием и хотением приобретает себе навыкновения мудрости, благоразумия и добродетели. Но по второму образу предает ее при понятиях чувствующу, образующу, памятующу; а при хотениях требующу, возмущающуся и, наконец, тела члены движущу. Премудрый и пресвятый Создатель соединил душу с телом теснейше, так что есть между ними совершенная взаимность[а] в действиях и страданиях. По силе сея все, что к телу каким-либо образом ни прикасается, от души понимаемо бывает, и равно ж склонности душевные возбуждают в теле движения. Способ их между собою соединения[б] разно пневматология предлагает. Есть, кои в ней утверждают мнение так называемого естественного натечения,[в] то есть, что душа чрез жизненные духи[г] вещественно[д] на тело, и сие взаимно на душу действием натекает. Доказывают они сие, что при ослабении тела и душа ослабевает, что беспорядочного состояния мозгом приводится и она в мыслях своих в замешательство, что поврежденные в душе деяния лекарствами исправляются и что во время какого учения словами учителевыми ученический разум совершенство получает. Картезианская пневматология содержит мнение о сем причин,[е] случай подающих, так что Бог у них непосредственно по случаю мыслей производит в теле движения, с теми сходственные, и по случаю движений в теле Он же сам и непосредственно производит о них понятия в душе. Сим мнением утверждается не токмо бытность Божия, но и действия, так что истинно о Нем есмы и движемся. Однако опровергается оно тем, что едва могут быть уроды, коих, впрочем, много, и что не было б нужды в законах движения и в членах тел, художественно состроенных. Лейбницианская вымыслила состав согласия предуставленного.[ж] Сие есть, по коему без всякого натечения единыя части на другую действуют тела, действуют так, что хотя б никаких не было душ, а сие так равно ж, что хотя б ни одного не было тела, однако обе части человека толь согласно

[а] reciprocatio
[б] unio commercium
[в] influxus physicus
[г] spiritus animales
[д] realiter
[е] causae occasionales
[ж] harmonia praestabilita

и вдруг действуют, что будто б одна на другую естественно натекала. При опровержениях и сего состава неправостию показывают ученые люди, что движения, коих требуют необходимо мысли, удержать мы можем, что ряды мыслей,[а] которые согласие предуставленное составляет, есть токмо вымысл,[б] и внутренней совести несогласный; что подложение[в] сего согласия, будто ум сам собою идеи вещей понимаемых из себя производит, есть также, по их, неправое, инако б могли мы разуметь, кто незнаемым чужим языком с нами разговаривает и что познание языков не было б навыком ума, но тела. Содержащие в пневматологии три части человека установляют, что ум непосредственно с душою, а сия с телом также сопряжены и что тело вещественно на душу, а сия равно ж на ум и, напротив того, действиями натекают. Сих доказательства: что часто мы лучшее хвалим, а делаем худое, что явственному зрению быть не можно, ежели душа не будет присутствовать в оке, и что чувствие жизни и болезни, по всему телу разлиянное, требует сраспростертыя[г] души телу. Итак, можно о соединении души с телом сказать в заключение, что вещь явственна, а способ сопряжения неведом. Впрочем, та часть тела, где ум все впечатления,[д] от чувств производимые, восприемлет и откуду всем членам повелевает, называется царственным престолом ума.[е] Престол сей поставляется одними вне головы, а другими в самой голове. Древние поставляли оный в сердце, однако мнение их противится внутренней совести. Новейшие в голове утверждают его, но не соглашаются между собою, в коей бы ему там быть части. Картезий — в железе остроголовчатой, или тюричковой;[ж] Клерик с Вортоном — в мозолистом или шероховатом тельце,[з] а Рудигер с Генриком Мором — в продолжающемся от мозга мозжечке.[и] Различающие душу от ума сего престол в голове, а тоя в сердце поставляют; так что она чрез кровь на все тела мышицы[к] по идеям от ума чрез животные духи, в нее впечатленным, действует. О размножении ж или о начале душ пневматология три предлагает мнения, и первое — чрез пресаждение от родителей;[л]

[а] series
[б] sigmentum
[в] suppositum
[г] coextensa
[д] impressio
[е] sedes mentis regia
[ж] glandula pinealis conarium
[з] corpus callosum
[и] medulla oblongata
[к] musculi
[л] per traducem

но сим бы образом как душа была раздираема, что противно естеству духа, так и многие души втуне б уничтожаемы были. Второе — чрез творение в самое время зачатия. А третие — чрез предсущее,[а] то есть чрез сотворение их в самом начале мира. Но по сей самой разности видно, что сие утаено есть Зиждителем от мудрых и разумных. Однако о бессмертии души пневматология приводит толь ясные и сильные доказательства, что отнюдь невозможно смыслящему человеку быть нечестиву в рассуждении сего и не верить твердо, что души сотворены для наслаждения вечным и необретающимся здесь блаженством, понеже никакое, никакого рода и вида, никакого избытка и никакия сладости насытить и удовольствовать желание их быть крайно благополучными отнюдь не может. Но всеблагий Творец вложил ли б в них втуне толикое к крайнему желание блаженству? В окончание о сем, онтология, теология естественная и пневматология называются все три метафизикою.

Припомнить прошу, СС, третие из умозрительных учений есть физика, предлагающая вероятным по крайней мере доказательством естественных вещей причины[б] по их производствам[в] и также оных способы делания.[г] Знания сего вещи толь многородны, многоплодны и в толиком числе находящиеся, что и ум, понимающий вместить их, и слово, прелагающее оные вкратце исчислить, мнится, не возможет никогда и никаким тщанием. Обладает физика обще всем чувственным веществом,[д] а в нем пространством,[е] местом,[ж] протяжением, или распростертием, раздельностию, непроницаемостию, очертанностию,[з] двизательностию; так что, кто не ведает, что в себе есть движение, тот отнюдь не знает всего естества, как то Аристотель произрек негде. «Сему движению, — утверждает она, — быть или прикасающимся подвигновением,[и] или отстоящим привлечением».[к] Физика рассуждает или о мире, исполненном всюду вещества, или о мире, имеющем в своем распространении пустоту,[л] по крайней мере по разным местам рассеянную, или также о мире, имеющем неисчетные вихри,[м] дабы

[а] praeexistentia
[б] causa
[в] effectus
[г] modi agendi
[д] materia
[е] spacium
[ж] locus
[з] figurabilitas
[и] impulsio
[к] attractio
[л] inane
[м] vortices

ему быть в движении и состоять в целом соединении своем, или о мире, коего все части взаимно дружка дружку привлекают к себе силою умноженного самим собою так называемого сходства обратного,[а] в рассуждении их расстояний. Она или все восписывает механисму, или приобщает для приведения всего в способ некоторый дух воображающий[б] и действующий внутренно в веществе и необходимо для известного конца, коего однако он не разумеет. Ея есть знание образы тел[в] и стихии. Ея качества естественные,[г] поражающие око, как то: свет, цвет, очертание, темное и прозрачное; слух — как то: голос и звон; вкушение — как то: сладость, горесть, сольность, пряность, кислость, пресность и безвкусность; обоняние — как то: запах добровонный и зловонный; осязание — как то: знойное, хладное, теплое, простылое, тяжелое, легкое, жестокое, мягкое, текущее, мокрое, сухое, гибкое, крепкое, густое, жидкое, масляное, клейкое, плотное, редкое, дебелое, тонкое и упругое. Ея небо, светила, звезды, планеты и кометы. Ея воздух, мгла, тучи, ветры, бури, огнь, громы, молнии, дожди, радуги, росы, снеги, иней, гололедица, мраз, грады, разные сияния. Ея земля, трясение оныя и все подземное. Ея семена, древа, древца, кусты, травы, цветы, цветки, плоды и все прозябающее и растущее. Ея металлы, минералы и камни, с песком, илом, тиною, глиною и мелом, как соли и серы, а из них простая соль, селитра, купорос, квасцы, общая сера, вар, смола, нефть; и как то: золото, серебро, медь, железо, олово, свинец и ртуть; или как то: камни простые, достойные любопытства и драгоценные, а притом и раковины. Ея вся вода, источники, ключи, родники, потоки, ручьи, реки, озера и моря. Ея черви, пауки, муравьи, мухи, мошки, мшицы, саранчи, стрекозы, кобылки, бабочки и весь род змиинный и пресмыкающийся. Ея рыбы живородные[д] и яйцеродные,[е] в водах плавающие, а яйца ж и от яиц пернатные птицы, по воздуху парящие. Ея все обоюдужительные,[ж] чрепокожные[з] и четвероножные — и все животные, правильные и уроды. Ея есть гадательствовать способ, коим магнит привлекает к себе железо, и называть электричеством некоторых тел оное свойство, которым, когда они чрез тертие разогреются, легкие тела притягивают к себе из довольно чувствительного отстояния, а буде сила разогрения увеличится, то из

[а] ratio quadrata inversa distantiarum
[б] spiritus plasticus, hilarchicus, hylostaticus
[в] forma
[г] elementum
[д] vivipari
[е] ovipari
[ж] amphibia
[з] testacea

прикасающихся тел к разогретому отскакивают искры с трещанием или иногда без треску отпрыгивает малый некакий блеск, состоящий из островоловчатых, или тюричковых, лучей, так что острый их конец всегда есть обращен к неэлектризованному телу. Словом, ея предлежащее[а] и сам есть человек по телу, когда она рассуждает и определяет о частях оного, о движении его членов, о составах их, о голоде его, о жажде, о бессоннице, о спании, о снах, о рождении, о здравии, о болезнях, о жизни и, наконец, о смерти. Да и о чем бы телесном и в естестве обретающемся сотворенном физика не мудрствовала? Доходит она до причин[б] явлений[в] и разными еще опытами,[г] что и называется физикою опытною.[д] При опытах тех естественник[е] разговаривает, беседуя с естеством весьма забавным образом: он у него вопрошает маханием, а оно ему ответствует то мгновением, то мановением, то отказывающим качанием. «Счастлив! кто мог познать причины вещей», — возглашает Виргилий в «Земледельных» своих «книгах». Впрочем, когда физика о силах причин, о способах и о действиях их рассуждает по качеству, то сия собственная и первейшая ея есть должность, но когда по количеству, то сия физика есть математическая. По сему точно и именуются смешанные математики учения:[ж] иное астрономиею, ежели о светилах, об их движении и о расстояниях их взаимных умствуем; иное географиею, если землю мерою описываем и на части разделяем ея поверхность; иное гидрографиею, буде о течении вод и моря счисление производим; иное гномоникою и хронологиею, когда времена и лета по движению небесных светил определяем; иное оптикою, когда свойства светоносных лучей разбираем; иное акустикою и мусикиею, когда звонов и согласий сходства счетываем; иное аэрометриею, когда силу воздуха расчисляем; иное форономиею, когда движения уставы под исчисление приводим; иное, напоследок, механикою, когда движущую силу твердого тела измериваем; а из художественных наук одну токмо архитектуру гражданскую, военную и морскую математическому числу и мере подвергаем. И да окончу о физическом учении, говоря с мудрым некоторым мужем настоящего века, «что хотя Всемогущий Зиждитель твари и преградил нам путь к достижению до самого твердого познания естественных вещей, однако довольно с нас знать и толико, чтоб мы о безначальном и бесконечном всесовершенстве Творца

[а] obiectum
[б] φαινόμενα
[в] δοκιμασία
[г] ἐμπειρία
[д] experimentalis
[е] physicus
[ж] mixta adplicata

нашего увериться, гнусность суеверия попрать и истребить, а тела нашего здравие соблюсть, защитить и снабдить возмогли. Ибо ежели б смертным человекам все естественные чудеса и тайны во всей своей полноте известны были, то б престали они дивиться и купно, может быть, не преминули б Премудрого Строителя всего света не в толиком иметь почтении, не упоминая уже, чтоб развращенных нравов люди, когда б они силы естества познали совершенно, уловили случай к действительнейшему повреждению других. Но настанет ли бо время, в кое еще нечто, роду человеческому полезное, ныне сокровенное и неведомое, произведет на свет должайшего века трудолюбие и рачение».

Следуют практические, или деятельные, учения. Из сих есть, во-первых, философия нравственная, и потом, философия гражданская, или политика. Нравственная философия может иметь основательно тричастный раздел: первый есть право естественное,[а] в котором предаются правила правды;[б] второй — эфика, в коей честное[в] и достолепное[г] изъясняется, именно ж: добродетель. О сих двух разделах мы уже некоторое понятие сообщили, когда изображали словом человека, любящего по всему правду, честность и благопристойность. Третий есть патология, то есть учение о страствованиях, или пристрастиях, человеческих.[д] Патология по своему существу есть способ воли, коим наш ум, представляя себе доброе и злое, чрезвычайно прекланяется к получению оного, а к убежанию от сего, равно как и кровь и жизненные духи в теле возмущаются особливо для человеческого сохранения. Превеликая в древние времена была распря между стоическими и перипатетическими философами о доброте и порочности страстей. Одни, и то стоики, всякую страсть утверждали быть злою и разуму противною; но другие называли злыми пристрастия необузданные, а добрыми — умеренные и повинующиеся рассуждению. Итак, те требовали в мудреце бесстрастия,[е] но сии мерностpастие[ж] философу препоручали. Но что сие? Много вопля, однако о словах, а не о вещах сие их было прение. Ежели страстность клонится к вещи и концу, законом ни завещанному, ни запрещенному, то страсть есть неразнственна,[з] то есть ни

[а] ius naturae
[б] iustum
[в] honestum
[г] decorum
[д] passiones adfectus perturbationes
[е] ἀπάθεια
[ж] μετριοπάθεια
[з] ἀδιάφορος

добра, ни зла. Буде ж к повеленной и позволенной вещи, то пристрастие есть нравственно добро. Но всякая страсть зла есть, когда она стремится как к вещи и окончанию, законом запрещенному, так и когда к вещи хотя позволенной, однако не с достоложною степению и напряжением. Следовательно, все обще страствования или добры, или злы, или ни злы и ни добры; добрые требуют побуждения, злые — воздержания, а неразнственные — обоего. Страстности вообще даны нам для того, чтоб им быть орудиями нашего блаженства как внутреннего, так и внешнего, то есть споспешествовали б они спокойствию душевному, здравию нашему и безопасности в сожитии. Но в особливости, да мы будем тверды в добром и да отбегаем от зла. Да они будут семенами добродетелям. Да удерживают человека в должности. И да наконец, помощь подают снабдению нашего здравия. Сии суть пристрастия, правые и мерные,[а] кои человеку полезны; но пребезмерные и необузданные страсти[б] несказанно вредны: они помрачают ум, затмевают разум, рассуждение ослепляют и развращают в умствовании порядок. Они повреждают тело, части его, или чрезвычайно стисняя, или расширяя чрезмерно, чем гибнет равновесие между твердыми, зыблющимися и жидкими текущими. Они, напоследок, тлетворною язвою и всему человеческому обществу, когда, истребивши мир и тишину, токмо что смятения, распри и брани рассевают, и притом к различным злодействам, с превеликим вредом роду нашему человеков побуждают и ожесточают. Источник всея сея злости в страстях есть общее человеческому естеству растление, о коем богословы научают, но философы полагают тому естественную причину, именно ж, что мы по большой части образованием[в] нашим о добре и зле судим, ибо образование не представляет вещей, каковы они сами в себе, но или их увеличивает, в чем состоит излишество страстей, или умаляет, а от сего недостаточны бывают пристрастия: одно твердое рассуждение знает их достодолжную средину. Но есть и врачество на пребезмерные страсти. Лекарства, его или предохраняющие, или исцеляющие от таких возмущений. Можем от них предохраниться, когда приобретаем себе внутреннее о нас самих познание. Когда будем удостоверены, что тот не сравненную ни с какою вольность имеет и большим всякого помышляемого пользуется в жизни преимуществом, кто такие свои страсти всегда приводит в мерность и их преодолевает. Когда прилежно опасны бываем в самом страсти начале, так что самое первое

[а] ὀρφοπάθεια
[б] κακοπάθεια, ὀξυπάθεια, περιπάθεια
[в] imaginatio

непорядочное движение и волнение утоляем и обуздываем стремление и порыв. Когда убегаем от содружества с злыми, а сообщаемся с добрыми. Когда тщательно удаляемся от случая и от вещи, страсть возбужающия. Когда исправно ежедневным освидетельствованием следуем сами в себе, колико утолены или обузданы наши страсти. Когда глубоким вниманием наблюдаем страдание и дела неистово в злострастии поступающих. Когда блюдемся, чтоб ни в какой недостохвальной страсти частым повторением не приобресть нам способности и вкорененныя твердости: обыкновение другая есть природа. И когда такой себе устав полагаем сами, чтоб за каждую страственную погрешность в казнь или несколько раздать денег на милостыню, или себя лишить вещи, нам любезныя. Но целить можем страсти, ежели к противному пристрастию и мерному против пребезмерныя оныя страсти обращаемся. Ежели, о страсти нашей помышлением услаждаясь, отвратимся от нея и начнем нечто другое мыслить и делать. Ежели станем иметь дружество с такими, кои противному страствованию нашим страстям, но притом не безмерному, подвержены. И ежели, напоследок, как скоро чрезвычайное в нас сделается возмущение, рассуждение наше удержим и наружное отложим дело. Всем страстностям повод есть удивление, сего содруги — почтение и презрение. Но корень страстей есть самолюбие. Главнейшие страсти — любление и ненависть. Из сих непосредственно происходящие — желание и нехотение. Из прошедших смешанные — надежда и страх, радость и печаль, гнев и доброхотство. Из всех же сих многие проистекают другие, о которых патология предлагает, присовокупляя доброе их употребление и злое, а на злое сие цельбу. Толь знаменитую пользу приносит описанное несколько сие знание!

Осталось предъявить о гражданской философии, или политике. Она есть учение, как по правилам правды город учредить и учрежденным править. Итак, предлежащая вещь сему учению есть общество сожития человеческого.[а] Описывает оно, во-первых, так называемые простые общества,[б] которые суть общество супружеское, из сего происходит общество отеческое, а последнее есть господское. Потом предает оно, что простые общества составляют домы, многие домы — город, многие городы — царство, а многие царства — империю. По долгом рассуждении о формах правления, коими управляются общества, как то: о демократическом,[в] аристократическом,[г]

[а] societas

[б] simplices societates

[в] народодержавие

[г] благородных держава

олигархическом,[а] монархическом,[б] и о разных обязательствах и должностях гражданских, чего всего, коль ни важного, краткость предложить не попускает, притом также и о так называемых смешанных державах, производит политика доказательства о власти величества [в] и заключает, что величество имеет право законы преднаписывать и к исполнению обязывать, суды установлять и расправою судить, смертию казнить и животом жаловать, производить в градоначальники и низвергать, дани и подати налагать, цехи художников и купцов заводить, университеты и академии устроять и снабдевать, в церквах и церковников благочинию быть повелевать — и все, что к общему спокойствию и потребности служить может, то вводить; также войско набирать и иметь телохранителей, брань начинать и заключать мир, в союзы вступать и рассылать посольства; а при сем том найденный клад и сокровище себе присвоять. Металлы на себя копать, монету своим токмо именем печатать и в народ пускать, да и прочее многое, все ж в пользу подданных служащее, оную размножающее и обще всех, и каждого особливо, в цветущее состояние приводящее, так что право величества есть само по себе истинный отец отечества. Ибо философия гражданская, по исчислению многих вредных и смертоносных неудобностей, во всех прочих формах правлений утверждает и разумом и опытом, что монархическое начальствование есть всех лучше, выгоднее, полезнее и преславнее обществу.

В сем состоит вся мудрость человеческая, называемая инако внешнею, ибо духовная мудрость есть внутреннейшая и превозносящая выше человеческого умствования, однако нимало не прекословящая оному, выше есть разума, но не против разума, как почерпаемая в Божием неложном и достоверном Откровении, то есть в Святом Писании Ветхого и Нового Завета. Да и сего ль последнего о мудрости вообще не воспомяну? Она никогда не бывает сама ради себя, но всегда служит или благоразумию, или добродетели. О сих точно и продолжится последующее слово, и прежде о благоразумии, но о том и другой, сколько возможно, кратчайше, и токмо как изводя их на некоторый театр, а показав явно всем смотрителям, вскоре укрою от зрения завесою, да возлюбивший их сам к ним прибыть не обленится, видеть их, беседовать с ними и вступить в крайнее содружество.

Мудрости есть не предначинать никакого дела не для законного и не достохвального окончания. Но как получить вожделенный успех без сред-

---

[а] немногих нарочитых начальствование
[б] единоначалие царское
[в] ius maiestatis

ствий? И се поспешествует к тому благоразумие. Сие такое ума нашего есть навыкновение, которое точные средствия к получению конца от мудрости предложенного и полученного к сохранению изобретает, избирает и прилагает к делу. Из сего всякому разумно есть, что при изобретении средствий необходимо нужно, во-первых, углубленное внимание.[а] Сим благоразумный муж сильно дух свой напрягает и рассматривает все околичности дела, испытывая прилежно, какая в них утаивается помощь, поспешествующая окончанию, или препона, останавливающая произведение. Посему знак есть крайния несмысленности, когда кто не может примыслить способов, к концу ведущих. Второе, при избрании средствий благоразумный человек употребляет разбор,[б] которым от изобретенных способов отлучает не весьма действительные, а восприемлет самые пристойные, имеющие соединение, по крайней мере вероятное с намеренным концом и оный сильно производящие. Таковы средствия законные и Божиим уставам непротивные, ибо действовать по несправедливости истинное есть безумие и скорой, да и достоверной, пагубе причина. Таковы средствия благопристойные, месту, времени и особам приличные: нет в том разума, а великое в нем бесстыдство, кто не достолепно дела свои отправляет. Таковы средствия легкие и которые простым, кратким и обыкновенным образом начатое совершить могут, так что глупость есть совершенная искать того окружностями, что способнее прямо отправиться может. Таковы точно и безопасные средстия, и кои без вреда жизни, без гибели имению и другому собственному добру быть могут употреблены; в сем есть всеконечное неразумие, когда кто себя и все свое ненужному бедствию подвергает, хотя, впрочем, и много есть такого добра, которое превеликими трудностями окружено, а мудрость от нас требует, дабы оное нам себе приобресть, как то: победу и мир; но в таком случае не противно есть благоразумию жизнь и имение попускать на счастие, токмо ж рассудив сперва о силах, усмотрев благовременый случай и употребив все надлежащие меры. Третие ж, в приложении средствий к делу потребна благоразумному смотреливость.[в] По сей в самом употреблении и произведении способов так он обращается, что настоящие окрестности поступку его показывают ему действительною: известен он, что в сем самом кто имеет предохранение, тот может надежно поздравить себя благополучным успехом.

Благоразумная такая обратность есть не единовидна. Действует благоразумие иногда или явно и искренно, предвозвещая всем намерения, или

а attentio
б discretio
в circumspectio

тайно и скрытно, утаивая советы и предполагая подменные, иногда или прямым образом, прилагая средствия, имеющие непосредственное соединение с намеренным окончанием, и производя оные должным порядком и путем кратчайшим или посторонним, то есть косвенными обходами, и употребляя способы, имеющие удаленнейшее соединение с окончанием; иногда, напоследок, или медленно, еще и медленнейше до намеренного конца тщится достигнуть, или, отвергнувши всякую непоспешность и собравшись со всеми своими силами, к вожделенному и предприятому спешит и стремится. Безумие есть недействительный и непристойный к отправлению дел употреблять способ: благоразумие с делом обходится как обычайно, когда явно и прямо, так и чрезвычайно, когда тайно, скрытно и косвенно движется, преуспевая. Ибо притворяется оно тогда, показывая чего нет, а укрывая, что в самом есть деле; и так то старается сделать, чему инако сделаться невозможно. И поистине, когда первейший несмысленных труд туда клонится, чтоб и самые лучшие умных предприятия людей препятствиями опровергнуть, то благоразумный муж долженствует всяким образом предохраняться, да не хитрых ухищрения, да не злых остервенение и да не безумных бесстыдство и наглость принесут делам его повреждение и остановку; он оберегается еще для сего ж самого и в растленном нашем естестве от недостойных и чрезмерно кипящих волнением пристрастий.

Однако не довольно того, да намеренный конец достодолжно и достолепно приобрящется: благоразумие далее простирается и всячески печется, чтоб полученное добро сохранить. Для сего нужно есть провидение,[a] кое учреждает настоящее и предусматривает будущее. Сим благоразумный муж от преизбыточного удаляется безопасства: ведает он, что в человеческих случаях нет ничего известного и постоянного, чего ради прилежно предзреть тщится все приключения и уклониться от угрожающих ему лишить его благополучия. Праведное есть изречение, негде обретающееся: «не меньшая есть добродетель полученное хранить, коль и о получении стараться».[1] Следовательно, знак есть глупости не радеть отнюдь о приобретенном успехе и не тщаться о соблюдении полученного добра. Есть сие причиною, что несмысленные и нерадивые люди, радующиеся ныне в сердце о своем блаженстве, воутрие о погублении оного болезнуют, горькими умываясь слезами. И в сих точно и токмо, именно ж, в углубленном внимании, в рассудительном разборе, в тонкой смотреливости и в остром провидении состоит существенная природа всего благоразумия,

[a] providentia

[1] Non minor est virtus, quam quaerere, parta tueri. Ovid.

коего должность есть «показывать способ к употреблению и способность в употреблении средствий». А соперница его — несмысленность, сим есть недостаточна и порочна, что она или ухищряет, или бесстыдствует, употребляя, по первому, подложные, но, по второму, наглые к действию орудия.

Врожденна есть нам сила благоразумия, но благоразумие не природно: оно есть навык разума, снискивается оно трудом и рачением. Попечение сие о приобретении благоразумия требует, во-первых, всемерно учения, да и должно притом тщательно читать исторические книги, должно в наших и чужих делах наблюдать не токмо падение и причины дел, несчастливо окончавшихся, но еще и способы, коими как мы себе, так и другим благополучный успех получили. Требует купно желание быть благоразумным и частого употребления, еще сверх учения, чтения и примечания, полезно нам самим собою действовать, поелику силы наши возмогают и нас допускают к деланию; употреблением раждается искусство,[a] по самой истине отцом благоразумию нарицаемое. Есть, впрочем, и степени в благоразумии, ибо есть в нем верховность, посредство и низкость. Снискавший себе долговременным употреблением толикое обилие и твердость рассуждения, что собственными своими силами во всем себе добрый совет подает, по оному начинает дело, порядочно сие производит и всегда получает вожделенный успех, не первенствует ли пред прочими благоразумием? А и неспособный хотя к поданию себе сам совета, однако увещания от других охотно приемлющий, напоминаний их слушающий и ими правим быть неотрицающийся, не второго ль чина есть благоразумный? Последний есть сей в благоразумии или, справедливее, сей точно есть безумием ослепленный, который ни сам себе здравый совет подать не в состоянии и ни другим, подающим оный, не внимает, но всегда наполнен собою, слепотствует о сверстных и мнит, о! бедность, и жалости и смеха достойная, мнит о себе, но и высокоумно, что будто он, и ничего отнюдь не видя или нечто усмотривая, много, еще и все несравненно лучше всех прочих, видит. Как же не возопить еще? бедность! подлая бедность! не больше сожаления, коль поругания удостояющаяся.

Да различается благоразумие от разных разно; мы за благо рассуждаем положить общего раздела его основание на трех блаженства человеческого степенях. Известно уже, что блаженство наше есть или гражданское, на безопастве в сожитии утвержденное, или нравственное, в здравии тела и в спокойствии духа нашего состоящее, или, напоследок, духовное, пре-

[a] experientia

бывающее в соединении с Богом; то и благоразумие преизрядно разделится на *политическое, эфическое* и *христианское*. Но не касаюсь я к политическому, а в нем к законодательному, к судебному, к расправному, к казнительному, к жаловательному и к казенному: недостаточно будет мое слово, когда помазанница Божия а самодержица наша Елисавета Первая самым делом предызъявляет всем совершеннейше, полагая уставы спасительные, судя правосудно и милостиво, производя в достоинства достойных, наказывая токмо, а не смертию казня, за преступления и наказывая еще меньше, нежели награждая за услуги по равномерности, и имея едино, почитай, токмо попечение, дабы своих снабдить и обогатить подданных. Не распостраняю речей и о христианском благоразумии, да и в нем первое о пастырском, которое есть, чтоб явный веры и дел благочестивых подавать другим образ и сим, блистая светом пред человеки, показывать им добрые дела к прославлению общего Отца, сущего на небесех, чтоб кротко и смысленно заблуждающих в православии и во нравах исправлять, чтоб утешение Евангельское и Закона устрашение к различному душ состоянию прилагать и чтоб настоять и наставлять благовременно и безвременно овец стада Христова; второе, о составляющем церковь, дабы пасомым Бога истинно почитать, дабы взаимное созидание в правоверии и в православлении иметь, дабы лицемерием, суеверием, грубым невежеством и развращением нравов никогда им не заражаться и дабы плоти и мира сластями от благодати Христовы и от дружества с Богом не отпасть, но, совлекаясь ветхого человека, а облекаясь в нового, обновляемого, в разум по образу Создавшего его Божественный в себе сей образ и подобие ежечасно б возобновлять и пещись о том единственно. Имеем правильно рукоположенных иерархов и иереев,[a] последовательных преемников апостольских, которые о всем том в винограде Христове трудятся, да он принесет плод сторичный. Предлагаю токмо о благоразумии эфическом, тщащемся верно о приобретении человекам блаженства нравственного и внутреннего, то есть душевного их спокойствия и здравия телесного.

Душеспасительное благоразумие! которое научает способу, как добрые страствования ободрять, злые страсти утолять, неразнственные пристрастия управлять и чрез то в навыке преуспевать добродетелей. Ибо как мудрость подает причины, побуждающие к добродетели, показывая вред, каков от пороков, и пользу, кою от добродетелей мы получаем, так и благоразумие представляет средствия, которыми изряднее всех порочные страстности в нас утишиться могут и приобрестись навыкновение добро-

[a] χειροτονητοί

детели. И сие самое есть добронравное, бесценное благоразумие! которым по состоянию нашего природного сложения и по наружным вещам, прикасающимся к телу, рассуждаем, что ему есть вредно и что полезно, то есть когда сим вразумлением не того ради живем, чтоб есть лакомо, но для того едим в меру, чтоб нам жить долго; и когда не порываемся за чужие здравия нетрезвым ядом опоивать и убивать исподволь собственное наше. Сие есть диететическое, с ним не надлежит сливать медическое, кое целительное есть и потому до врачей особенно принадлежащее, так что никто другой продерзостно оное себе присвоять не должен. Плодоносящее благоразумие! которое руководством нам есть к законному имения приобретению, снисканного ж к сохранению и как с плодом к расточению, так и различным и позволенным прибытком к умножению оного. Сие точно есть экономическое. Полезное и достохвальное благоразумие! которое преднаписывает правила, как с другими осторожно и благопристойно обходиться. Ибо когда другими людьми счастие наше или производится, или низвергается, то благоразумного мужа есть дело в наружных действиях так себя вести осмотрительно, чтоб у других не придти в презрение и им бы за досады от нас не омерзеть, но чтоб заживать себе приятелей и другов, а с неприятелями б и недоброхотами или примиряться, или вредные их намерения предупреждать и обращать в ничто. Сие благоразумие есть благоразумие, научающее обхождению с другими и называемое от любомудрых гомилетическим.

Но да не погрешаем и в числе благоприятствующих нам и враждующих на нас: никто есть толь глуп и развращен, чтоб не изобрел он себе другов. Никто толь мудр и добродетелен, чтоб не имел себе недругов. И едва кто есть, кой или б всем был друг или всем был бы недруг. Имеющий многих другов не меньше и недругов себе имеет. Тот благополучен токмо, который как немногими приятелями, так и немногими неприятелями приветствовать себе может. Вкратце, чистосердие привлекает многих себе в дружбу, а ласкательство весьма малым числом пользуется приятелей. Напоследок, излишнее любопытство и нескромное велеречие низвергается стремглав в пропасть неприязней премногих. Того ради наставляет нас благоразумие, первое, дабы мы, смотря по состоянию, чину и летам особ, поступали с ними, так чтоб со всеми умеренно и кротко, с высшими — покорно и почтенно, с равными — учтиво и услужно, а с нижайшими — благосклонно и ласково. Второе, дабы разность другов прилежно наблюдали, их, почитай, три рода. Иные не хотят нам вреда, но и пользы не желают. Иные доброжелательствуют нам, но без собственного своего ущерба. Иные, наконец, все истощивают, да нам учинять пособие. Следовательно, не должно того

ожидать от другов первых и вторых, что токмо последние обыкновенно приносят. Третие, да мы совершенно различаем и врагов, кои равным образом не одного ж рода. Некоторые хотя благополучию нашему завиствуют, однако о препоне оному не промышляют и не тщатся. Некоторые всяким способом счастие наше опровергнуть и истребить стараются, однако без намерения вринуть нас в напасть. Но некоторые пред всеми прочими толь злобны, что непрестанно туда стремятся, да мы будем неблагополучнейшими, причиняя всякое зло, коим мнят бедность нашу и бедствие увеличить. Оных первых благодеяниями примирять себе можем, тех вторых обиды долженствуем несть терпеливно и злое их намерение отвращать без наглости, но сих третиих нападению сильно и мужественно возражаему быть повелевает благоразумие. Ибо «не имеет тот ума, кто в надлежащее время гнева не имеет»,[2] толь наипаче, что по опыту есть, кои от снисхождения злейшими, а от сопротивления им добросовестнейшими бывают. Превеликое и преславное нечто есть мудрость, но ни мало не меньше и благоразумие, не сравненное ни с чем в жизни, кроме добродетели.

Что мудрость и благоразумие есть для разума, то самое добродетель в рассуждении сердца. Первые обе просвещением служат оному, а добродетель озаряет исправлением сие: она к мудрому должностей наших рассмотрению и к употреблению их благоразумному присовокупляет еще поспешное исполнение сих же. Но что есть сие толь драгое имя и толь красная вещь и благолепная? Что есть сия вселюбезная и великоименитая добродетель? Она есть навык воли нашея, по силе коего, разумною кто возбужденный любовию, должности, преднаписанные в Законе, охотно исполняет. О! вещь, О! действие, О! плод, О! польза. Что в жизни нашея может потребнее быть сего и дражайше? Премного, поистине, мудрость, премного и благоразумие пользы приносит человеку, еще и превозносит его величеством пред всеми животными и токмо что малым чем не равняет с небожительными силами, но более по всему и во всем добродетель: без тех в человеке надлежит быть скотствованию, но без сея зверству. Зверству? еще и диавольству, которое, всея добродетели совлекшись, дышит токмо злобою, гнусностию и всяким скаредством. Если б нужда настала быть необходимому из трех сих доброт единыя коея избранию, то б казалось, что лучше б в таком случае быть, по предпочтению, добродетельным единственно человеком, когда б уже не позволялись притом к совершенству человечества прочие две, мудрость и благоразумие. Добродетель отнюдь никому и ни себе вредительна быть не может; тем бы самым лишилась

[2] Mentem non habet, qui recto tempore iram non habet. Senec. De ira.

природного своего существа, ежели б в злое уклонилась. Но острый разум есть, как обоюдный меч, и держащего повредить, и нападающему живот может исторгнуть. Правда, и мудрость и благоразумие тем же самым преродятся в безумие и несмысленность, когда или злое одна предвосприемлет намерение, или злые другая употребляет орудия, однако блистают всегда некоторыми искрами первородныя своея светлости, буде и радетельно поспешают к злому окончанию и опасно в произведении злого дела поступают. Напротив того, добродетель уже, всеконечно, не добродетель, но порок, бесчиние, самая злость, если не по разумной любви действует, да по пристрастию необузданному и толь наипаче, что не оставляет уже она тогда в себе ни тени, не то что слабого луча от естественного своего благородства. Бесчестно человеку быть безумному, срамно несмысленному, странно неистовому, пагубно исступившему и беснующемуся; что ж быть злому? и злому еще неисцельно? Сие уже не имеет, почитай, и названия приличного, ибо сие не человеческого есть свойства, но зверского свирепства, но ярости змииныя, но остервенения демонского. Добродетель, добродетель вседрагая свершает, чтоб так сказать, человечество и творит подобным человека неогнепальных и бесплотных слуг Божиих токмо состоянию, но и самому божественному, коего по образу душою и сотворен есть.

Какое ж добродетели и существенное начало, из которого происходит! И основание ея, на коем она утверждается! Есть то любовь, но любовь разумная. Сия любовь делает, что мы не по страху казни, но по обязательству и добровольно исполняем должности наши: порок в том есть точный, когда, боясь томлений и мук, да и по принужденной неволе, отправляем повеленное Законом. Любовь сия разумная так в уме и в сердце нашем действует, что мы искренно, постоянно и благосмысленно дела наши производим. Итак, всех вообще добродетелей, кои эфика исчисляет и нарицает собственным каждую именем, как то: для безопасства в сожитии — справедливость, бескорыствование, милосердие, равномерие, человеколюбие, щедрость, верность, истинство, молчаливость, словоумие, послушание, почтение, благоутробие, доброприветливость, услужность, правота;[а] для здравия телесного — трудолюбие, ощадство, трезвость, чистота;[б] для душевного спокойствия — великодушие, крепость, терпение, правосердие, или благость, кротость, умеренность, целомудрие, или воздержание, достаточество, да и верх сих и венец — в участи своей полное

[а] iustitia, probitas, placabilitas, aequabilitas, humanitas, beneficentia seu liberalitas, fidelitas, veracitas, iusta loquendi libertas, oboedientia, reverentia, misericordia, congratulatio, diligentia, aequitas

[б] laboriositas, parsimonia, sobrietas, castitas

благотишие;[а] всех, вещаю, вообще добродетелей свойства суть искренность, благорассуждение и постоянство.[б]

Искренность[в] производит, что мы с чистодушным намерением в правом сердце и для окончания согласного Закону должности наши исправляем, так что муж добродетельный не по растленному пристрастию действует и не подобия токмо добродетелей показывает, но в истинных упражняется добродетелях. Надменного молчаливость, важность, прилежность; сладострастного людскость, щедрость, усердие; сребролюбивого скупость, трудолюбие, чистоту возможно ль назвать добродетелями, а не тению добродетелей? Следовательно, истинный есть порок действовать лукаво и лицемерно и, оказывая ложную правду, скромность и доброту, плутовству своему успех промышлять благополучнейший. Благорассуждение[г] делает, что мы в исправлении должностей наших с надлежащим предохранением обходимся, прилежно рассмотривая и самые малые, что до места, до времени, до лиц, окрестности. Не инако действует мудрый церковный пастырь, который в увещаниях своих взирает, первое, на место, наказывая прежде словами наедине, а не всенародно, второе, наблюдает время, исправляя согресшего тогда, когда он не волнуется и не кипит какою страстию, но находится в здравом и порядочном состоянии; третие, делает различие и между лицами, для того что инако с разумнейшими, инако с неискуснейшими, с высочайшими инако, нежели с равными и нижайшими, он поступает. Того ради не может не быть пороком, ежели, действуя безрассудно и продерзостно, добродетельные сокрушать силы и себе равно, как и прочим, больше делать вреда, нежели пользы. Постоянство,[д] напоследок, есть причиною, что мы в намерении действовать по честности тверды пребываем, и, хотя добродетельное дело, коль ни с великою трудностию происходит, однако стоим и бодрствуем, непрестанно ж с новыми собираясь силами, непоколебимым стремлением поражаем злодеяния, и буде когда преткнемся и упадем, то с охотнейшею восстаем поспешностию. Ибо не едино или другое от разумныя любви деяние, но непрестанный и редко прерываемый в честности подвиг, происходящий от навыкновения, добродетельным делает человека. Как же? Как посему не порок есть нега,[е]

[а] animositas, fortitudo, patientia, aequanimitas, mansuetudo, modestia, temperantia, sufficientia, α'ὐτάρκεια

[б] sinceritas, prudentia, constantia

[в] sinceritas

[г] prudentia

[д] constantia

[е] mollities

коя человека препятствиями внутренними и наружными от правыя стези отвращает? И как потому ж не негодное есть и упрямство,[a] по которому человек для навыкновения полученного себе в злотворении не токмо всегда порочно делает, но и бесчиние свое всяким образом извинить, защитить, еще, ах, зло! еще и славиться оным не усумневается?

Три сии навыкновения, то есть мудрость, благоразумие и добродетель, сопрягаются братским союзом в человеке нравственно совершенном. Но есть ли и может ли быть тот и несовершенный христианин, кто одарен есть мудростию, дабы христианские должности прямо разуметь; благоумием, дабы в оных благочинно подвизаться, и добродетелию, дабы в них преуспевать поспешно? От различного, впрочем, сих навыков и им противных сопряжения происходят четыре вида человеков, нравственно рассуждаемых. Одни, кои простоту имеют беззлобную; другие, у коих превозмогает хитрость, злость и лицемерство; третие, в коих обретается грубое нечестие, и четвертые, которые сияют мудрым и благоразумным благочестием. Жалок род человеков первый: малым детям он подобен. Ненавистен вид второй: демонов во плоти представляет. Проклинаем есть вовеки третий: сей и скотствует, и зверствует, и диавольствует. Но коль неизреченно блажен и преблажен четвертый! Сии токмо суть мужи в добродетели, исполины в ней и герои.

Предложено уже, СС, о мудрости, благоразумии и добродетели по обещанию нашему и по приличию вкратце, а по возможности обстоятельно. Собрано мною все касающееся до них в един состав, что у мудрых писателей обретается на разных местах пространно. Представлен здесь в порядочном расположении и благознаменитый труд их достохвальных вовеки размышлений, и моего некий успех странствования, и малый плод чтения и выписок, и из многих авторов изъятия; хотя притом беседа моя и некраснословна была по должности и званию, однако ж, мню, дельна и полезна по усердию к Отечеству. Назначен и ограничен округ всего человеческого внешнего и внутреннего любомудрия. Исчислены науки и знания, изъяснены их основания и свойства, означены действия, объявлена в них драгоценнейшая и богатейшая всех в свете сокровищ польза. И кто ж о сей в самый варварский какой век сомневался? Кто сея когда не чувствовал и не признавал? Однако странно нам слышать, чужде видеть, трудно понять и всему будущему потомству, в нынешние времена, в кои все науки и знания толь на высокую степень произведены и никогда больше не подавали чувствовать всем сладость зрелых своих плодов, в нынешние,

[a] pertinacia

вещаю, времена и недавно, произник некто,* который все свои напряг силы, дабы доказать, что «от учений больше повреждения произошло добронравию и что без наук и знаний добродетельнее люди пребывают и жительствуют в обществе».

Какою желчию растворю мое нарекание? или, какою не растворю оного? Что возопию? Как нападу? Чем поражу? Куда обращусь? Оглашу ль токмо? иль и поругаюсь толикому сему безместию? Ужасное и невероятное злоупотребление человеческого ума! Но еще и невероятнее кажется, что ученое негде у инославных собрание,** собрание, говорю, ученое подтверждением и одобрением своим с награждением увенчало такую оного суемысленность или, лучше, тщеславность. Разве, может быть, и он свое мнение препоручил тому клевретству на рассуждение прямо как игру своего разума, расцветив, распестрив и обогатив токмо слово пышным и велелипным красноречием; и оно либо в нем подтвердило не самую силу дела, но одни красные его начертания и изображения.

Как то ни есть, только ж лжеучение его или, лучше, блядословие, само в себе имеет и с собою несет на себя возражение и опровержение. Ибо самое добронравие, бесспорно, есть навык воли нашея к люблению всего честного и Законом повеленного. Но если навык, то как не учение? И буде ж учение, то как и неразумное? Следовательно, ни добродетель без снискания и научения не получается и признанием снискания и научения полагается уже твердо и просвещение разума, то есть мудрость и благоразумие, в сопротивление грубости и скотствованию. Вот же необходимо и, по его, нужны нам как нравоучительные, так и разумные науки, и нужны для того, что они не токмо поспешествуют очищению нравов, но без них еще и не осиявается человеческий ум, и не удобряется воля и сердце. Солнце есть для них мудрость: она там все доброе и истинное производит, согревает, оживотворяет, украшает, расцвечает, плодоносит и озаряет. Без мудрости нет совершенства в добродетели: мудрость и добродетель сестры между собою родные одного отца и матери, но старшая мудрость, приемлемая во всем своем распространении и за благоразумие, и за добродетель и токмо в собственном и теснейшем знаменовании различающаяся с оными.

Примеры, впрочем, его, что «добродетельнее некоторые мужи и общества пребывали без учений, нежели наученные жительствуют», сверх того, что все токмо частные,[a] а не общие роду человеческому, но от частного

* Жан-Жак Руссо, обыватель Женевский.
** Дижонская академия в Бургонии.
[a] particularis

ко всему без изъятия общему нет, как научают логичествующие, последовательного заключения, не сильняе ль еще, наоборот, подтверждают, что самых грубых времен в обществах не токмо не в равновесии надлежит быть добродетели с пороками, но сим и превозмогать оную? Ибо когда свет не без тьмы, твердость не без слабости, обуздание не без самовольного ристания, то какой должно быть темноте в самой глубокой нощи, изнеможению в самом расслаблении, невоздержанию в самом злодейственном бесчинии?

Итак, не говорю уже, что, а сие не может назваться софистическим, ложным и ухищренным опровержением, мнение то противно благополучному и святому употреблению всех христианских обществ, у которых мудрость, разум, совет и знание первейшими Духа Святого прославляются дарами благочестно; обличают и опровергают оное древнейшие идолопоклоннические, вознесшиеся не токмо храбростию, не токмо добродетелию, языческою впрочем, токмо ж достохвальною, но и мудростию и благоразумием. Негодование мое на толь недостойное суемудрие нового того мудреца представляет себе здесь мысленно восставшие и исшедшие на среду оные в истории неумершие роды и слышит оно их, будто как вещающие сие: что твое, о! человек и христианин, за дикое или и смехотворное мудрование? Откуду ты почерпнул такое мнение? Где преисполнился отнюдь не божеского вдохновения? Кто тебя сему научил или подустил, лучше? Кто? Скажи нам толь истинно, коль мудрствовал ты ложно. Можешь ли сею лжею обнесть наши оставшиеся писания? И буде на нас клевещешь, то с каким бесстыдством? Вами, вами самими, о! глубокие наши мудролюбцы, благоразумные законоположники, краснословные витии, сладкопесненные стихотворцы, свидетельствуемся, коих многие сочинения христианскими не без великия обращаются пользы руками, свидетельствуемся вами и вас взываем, не от вас ли предано, что «мудрость есть матерь всем изрядным учениям и царица всем добродетелям, коея ни полезнее, ни преславнее, ни бесценнее ничто не дано свыше человеческой жизни»?[3] Не наши ль восклицания побуждают не токмо обучаться мудрости, но и самой добродетели? Не гласят ли они: «научись, о! каждый отрок, добродетели и совокупно постоянному, великодушному да и достодолжному трудолюбию»?[4] Не мы ль и поныне в книгах вопием наших: «кто

---

[3] Ita fit, ut mater omnium bonarum Artium Sapientia sit: a cuius amore Graeco verbo philosophia nomen invenit, qua nihil a diis immortalibus uberius, nihil florentius, nihil praestabilius, hominum vitae datum est. Cic. De Leg. I. № 22.

Principsque omnium Virtutum est illa Sapientia, quam Σοφίαν vocant. Cic. De offic. I. № 43.

[4] Disce, puer, virtutem ex me, propriumque Laborem.

Virg. Aeneid. Lib. 12. V. 435.

обучился исправно и верно преизящным наукам, тот свои нравы и украсил добродетелию, и умягчил их, и удобрил, и совокупно не стал быть ни диким, ни грубым, ни невеждою»?[5] Так громогласно трубят на неисчетных местах в сочинениях своих все оные язычники! Того ради не науки, поистине, не науки причиною развращенных нравов, но, почитай, общее презрение к учениям и потом злое употребление рассуждения, необузданная страсть, слабость попущенная природы, прелесть мирских сластей и роскошей и, наконец, наведенная невоздержанием и суемудрием слепота умной силе и окамененное нечувствие истинного блага в прихотьствующем самоволии. Сие все есть смертоносный вред и правоверию, и добронравию, а не науки, ибо все сие и препятствует обучаться добродетели твердо.

Но вы, да к вам обращу благоуветствие моего слова, о! российские всякого чина и состояния чада, не взирая на недостойную сию клевету и злословие и удостоверяясь, всеконечно, что нет полезнее и спасительнее благих и разумных учений человеческому роду, снискивайте мудрость, научайтесь благоразумию и навыкайте добродетели от мягких ногтей. Проложен прямый и гладкий путь, ведущий к священному храму наук, отверсты и царские врата к самому их престолу — всем вам вход невозбранен. Внидите в самое их внутреннее обиталище, приимут вас там и обымут радостно, ласкосердо и приветливо святые, красноличные и сладкопесниваые музы. Не пренебрегайте, как златокованныя, сея душевныя утвари, не презирайте и бесценного сего дара, коим всем нам милостивно обогащаемым быть и наслаждаться судила, повелела и даровала к тому способ чрезвычайно действительный, как безмерно щедрый, общая Матерь Отечества, пресветлая, державнейшая, великая государыня императрица, Елисавета Первая, самодержица всероссийская.

О! Коликие и в ней самой видим дарования, видим и с благоговением проповедуем чудное сословие императорских ея добродетелей. Превозносим, во-первых, ея благочестие, прославляем мудрость, величаем миролюбивое благоразумие и мужественное геройство, провозвещаем правосудие, похваляем матернее попечение о пользе нашей, славословим великодушие, ублажаем человеколюбие и щедроту, и толь наипаче, что исперва еще не токмо подданных ея величеству народов, коликое ж притом моего благодарного сердца чувствие, то сердце мое токмо само чувствовать умеет, а изобразить языком бессильно, исперва еще, не токмо подверженных скиптру ея народов, но и всех соседних и отдаленных был сей

[5] Adde quod, ingenuas didicisse fideliter artes, / Emollit mores, nec sinit esse feros. Ovid. De Pont. Eleg. 9. V. 47.

един извет и глас: Елисавета Первая, всероссийская самодержица, не того единого ради обладать оправдана свыше, чтоб быть токмо отменною повелительницею, но дабы ей правлением своим и показать совокупно, коль многомощнее повелевать имеют превосходнейшее ея милосердие и щедрота — свойства, сродные в Вышних живущему и на кроткие помышления призирающему. Да и можно ль сему быть инако? Есть она дщерь Петра Великого, Петра, восклицаю, Великого, которого непонятными потомкам и необъятными настоящему роду делами поражен бывши восторгом ужасшийся мир и поныне оным удивляется в оцепенении и вовеки удивляться не престанет. И коль сие все ни праведно есть, однако исповедуем и не молчим и молчать о сем есть некоторый род законопреступного ухищрения, что величество твое, о! монархиня августейшая, попусти взыванию моему быть к тебе, отсутствующей от сего места, но в сердцах наших непрестанно и неисходно присутствующей, что поистине ты сама благочестивейшею в законе, премудрейшею в советах, мужественнейшею в предприятиях, правосуднейшею в уставах, усерднейшею материю в Отечестве, великою во всей империи, в снисхождении великодушнейшею, милостивейшею и щедролюбивейшею, самым делом изволяешь пребывать благопохвальнее в тысящи тысящ крат, нежели по сим хвалима быть от нас желаешь, и отнюдь не являешь ни скоропреходным мановением, чтоб все монаршеские добродетели, в умозрительном, нравственном и гражданском любомудрии описанные и на всеобщее зрение и им подражание изведенные, хотя истинно все в разуме и в сердце твоем прекрасно и благолепно сияющие, величеству твоему громогласно были присвояемы. Едва, и едва ль еще терпеливно, может сносить труб таких громкое возглашение оная неизреченная в тебе мерность; мерность, где кротость преизобилует в самом достолепном величеству сане, мерность твоя, которая, и на высочайшем вселенныя водворяясь престоле, не презирает с высоты престола дольнейших. Но сим самым коликих и коих похвал не достойно величество твое? Да и кое в нас толь отвращенное сердце, чтоб не пренаполнено было тобою? Кой гугнивый, толь и отроческий язык, дабы не поревался должные тебе произносить похваления? Нет, кто б ни видел самодержицу свою как безмерно добродетельную, так крайно от превозношения удаленнейшую. Как онеметь и не прославлять? Похвала есть природная мзда добродетелям, а побуждения к твоим похвалам толь законны и сильны, что, почитай, святотатство не провозглашать оных. Всяк верный подданный чувствует, что и колико тебе долженствует; сложенная тобою с народа твоего и ныне доимка, та ж многих сот тысящ, и еще не одного миллиона, преглубоко у всех впечатленна есть в сердце. И, о! великодушия твоего,

толь неизреченную показавши милость, желает величество твое высочайшим своим указом токмо исправных за ту должностей от каждого, в чем состоит наша ж собственная польза. Но удостоверяем, прещедрая императрица, удостоверяем все единодушно и единогласно, что не токмо в верности к тебе пребудем, радуясь о тебе и красуясь тобою, не токмо в званиях радетельны быть потщимся; но готовы и жизнь нашу положить за дражайшую и освященнейшую твою особу: благодеяния твои требуют от нас того, за которые не обретаем уже достойного слова к возблагодарению тебе; всякое название недовольно мнится: превосходишь щедротою твоею и Матери Отечества и Великия проименование.

Того ради не могу быть укорен и малейшим, а неизлишествующим, ласкательством. Как скоро произнесется сладчайшее твое имя: Елисавета, дщерь Петра Великого, то все приносимые тебе хваления несравненно ниже самыя правды усердствию нашему являются. Кое ни представится внутреннему нашему зрению из премногих твоих совершенств, каждое в то ж самое время усматривается верховнейшим из всех, первейшим в них и главнейшим над всеми; и сие по искренности, по благорассуждению и по твердому постоянству, то есть по трем свойствам существенным всех обще твоих добродетелей. Разве токмо по предпочтению наречется всем высота, начало и приснотекущий источник, православное твое благоверие: сим самым, несомненно, веришь Бога, веришь Богу и веришь в Бога с крайним упованием на Него и с пламенеющею любовию к Нему. А вещию все купно в тебе преславны и без изъятия прехвальны. Благознаменита, ибо лучезарна есть внешняя твоя красота, на сию когда едину взор наш возводим, мним, что она всякую превосходит похвалу в удивлении нашем, как и по достоинству, но тогда ж ощущаем светоноснейший и благолепнейший еще, по блистающим талантам, небесный дух в тебе и с тобою соединен пребывающ. Плоды его равномерны ему токмо самому и твоей сердечной правоте, по которой все твои действия равно велики: мысль, намерение, начинание, произведение, совершение. Всякая великость есть возносительна к другой с превосходящею равняемая, недостигающа есть она с малейшею сносимая, сама превышает. Но с каким человеческим ни сличится величество твое, узрится, что нет к нему и применения: все оно превосходит по всему; Божиего токмо зрится меньше, коего, однако, точное оно есть подобие, точное зерцало и точное изображение мудростию, благостию, силою, властию, державою, правлением, хранением, милосердием, щедростию, долготерпением, правосудием и тем милостивым. Того единого есть начертание, земного всякого истинное вещество и главизна. Но и толь благотворящее в тебе сие величие, что невидимы благодеяний твоих к под-

данным и пределы. Оно вседневно и, почитай, ежечасно, единою рукою награждает усердие, верность и заслугу щедро, а другою защищает сильно и праведно невинных, утесняемых и бедных. О! едва не безмерных твоих во всем преимуществ. И что ж прочее? Удобнее есть нам в молчании чудиться твоим великим свойствам и чувствовать сладость нашего при тебе блаженства, нежели превозносить их похвальными словами: не возмогаем, великая государыня императрица, не возмогаем мы, и особливо на то потщаясь, как достойно тебе возблагодарить за все благое, на нас богатно излиянное и ежедневно повсюду и на всех изливаемое, так и по достоинству восхвалить величество твое и прославить по усердию: сила наших восклицаний не сравнится никогда с молчащим ревности пламенем.

Итак, просим токмо и молим Всемогущего пребесконечную милость, да по безначальным и праведным своим судьбам продолжит ныне цветущее твое благополучие, твердую славу, миролюбное состояние, на ухищряющих же коих-либо неправдою да подаст от превыспренния благостыни силу к возражению или и к всеконечной победе и одолению! А более, да соблюдет здравие твое, здравие дражайшее, здравие, на котором наше всех прямое утверждено счастие, сие да соблюдет невредно и премноголетно! И да будет Ему ж, Богатодавцу всех благ, угодно при долговременном и всегда благосчастном величества твоего между земнородными сожитии и императорствовании одарять от часу обильнее и наследника твоего, благоверного государя, великого князя Петра Феодоровича, благословляя его с дражайшею и любезнейшею супругою, благоверною государынею, великою княгинею Екатериною Алексиевною (тезоименитою родительнице твоей, а нашей некогда государыне императрице и самодержице, ныне в горних уже обителях ликующей бессмертно) вожделенным им самим и всей России чадом! И равно всех по нем, в позные времена имеющих наследовать всероссийския державы императорский венец, украшать не меньшими, но толикими ж и во всем подобными твоим добродетелям в роды родов и всех веков до скончания! Дабы Первой тебе Елисавете быть и первейшим, и всегдашним, и живым образом, на который бы взирать предержащим впредь всероссийским обладателям!

И се паки к вам, российски удобопоятные юноши, слово при окончании. Не пренебрегайте, повторяю и повторить о сем не могу довольно, и не отщетевайтесь толикого вам благодеяния от толикия и таковыя монархини и Матери. Возжелайте просвещаемы быть учениями и украшаемы добронравием вяще и вяще. Все вас к тому призывает: польза Отечества, должностей звание, почесть за изрядные услуги, слава и хвала за трудоположение и подвиги; собственное при том увеселение, подражание мудрым

еще народам, честь в сравнении тем себя с ними или и в превышении оных; а всего более — душевное спасение. Но упражняясь достодолжно и трудолюбно в истинном любомудрии, познавайте исправно, что оно есть не нечто малое, не нечто также пустое и игралищное, но превеликое и преизящное, первое и последнее человечества, и не токмо не недостойное всякого благородного сердца, но и необходимое каждому. Ибо оно есть знание, по Волфию, возможных, поелику суть возможные; а разум сего, поелику вещи доказываются причинами естественности[а] их и бытности,[б] но несказанием повествуются по делам бывшим или настоящими, так что любомудрие есть знание вещей сущих или будущих и также причин или начал, чего ради они суть или бывают, или быть могут. И оно ж есть знание, по Картезию, произведенное твердо из достоверных начал.[в] Оно есть знание, по Аристотелю, истинное и достоверное по причинам. Оно есть наконец знание, по Платону, вещей божественных и человеческих и купно причин, коими сии вещи содержатся. То есть по всем сим существенным и по разноречию согласным любомудрию описаниям оно есть целая мудрость, совершенное благоразумие и спасительная добродетель.

Французский с латинского и греческого перевод философическим званиям, в сем слове употребленным по-славенски, сделанный нарочно в пользу умеющим из наших по-французски для лучшего им понятия оных званий

existentia	existence
facultas reflexive cogitans	faculté par refléxion pensante
substantia	substance
essentia	essence
mens	entendement
summum bonum	souverain bien
simplex adprehensio	perception simple
intellegentia	intelligence
purus intellectus	entendement pur
sensatio	sensation
imaginatio	imagination
idea	idée

[а] essentia

[б] existentia

[в] principia caussae

iudicium intuitivum discursivum	jugement intuitif discursif
propositio, enuntiatio	proposition
ratiocinatio	raisonnement
operatio	operation
conclusio	conclusion
ratio sufficiens	le pourquoi suffisant
volitio	le vouloir
aversatio	aversion
finis	la fin
medium	le moyen
intentio	intention
fruitio	jouissance
electio	choix
reiectio	refus, rejet
combinatio idearum	combinaison d'idées
praesumptio	presomption
sapientia	sagesse
prudentia	prudence
virtus	verru
habitus	l'habitude
historico empirico	d'une maniere simple historique
philosophico scientifico	d'une maniere solide et savante
per saltum	par sauts et par bonds
theoretica	speculative
practica	pratique
certa	certaine
probabilis	probable
voluntas efficaciae	volonté éfféctive
moralis	morale
securitas	securité
sanitas	santé
tranquillitas animi	tranquilité d'âme
iustum	le juste
honestum	l'honnête
decorum	le bienséant
sectae	partis, séctes
rationalis	la logique
moralis	la morale
naturalis	la physique
praeparans	qui prépare
instrumentalis	instrumentale
principalis	principale

perficiens	qui perfectione
universalia	les universaux
ens	un être
simplicia entis attributa	les attributs simples d'un être
disiuncta entis	les attributs séparés d'un être
subiectum	sujet
attributum	attribut
inferiora entis	les attributs inférieurs d'un être
modi	les modes ou manières d'être
relatio	relation
radix	racine
extensio	étendue
linea	une ligne
figura	une figure
obiectum	objet
materia	matière
contingentia	contingence
absoluta	perfections absolues
relativa	perfections relatives
physica	physique
moralia	morales
species	une espséce
reciprocatio	reciprocation
unio commercium	union commerce
influxus physicus	influence physique
spiritus animale	les esprits vitaux
realiter	reélement
causae occasionales	causes occasionnelles
harmonia praestabilita	harmonie préétablie
series	suite
sigmentum	fiction
suppositum	supposition
coextensa	qui est de même étendue
impressio	impression
sedes mentis regia	siège de l'âme
glandula pinealis conarium	la glande pinéale
corpus callosum	corps plein de durillons
medulla oblongata	moele prolongée
musculi	muscles
praeexistentia	préexistence
causa	cause
effectus	effet

modi agendi	manierè d'agir
spacium	espace
locus	lieu
figurabilitas	propre à être figuré
inane	le vide
forma	forme
elementum	élément
vivipari	qui engendrent
ovipari	qui pondent
amphibia	les amphibies
testacea	poissons à coquilles
Φαινόμενα	les phénoménes
δοκιμασία ἐμπειρια	l'experience
experimentalis	experimentale
physicus	physicien
mixta adplicata	les mathématiques mixtes
ius naturae	droit naturel
passiones adfectus perturbationes	les passions
ἀπάθεια	impassibilité
μετριοπάθεια	passibilité moderées
ἀδιάφορος	indiferent
ὀρφοπάθεια	passions moderées
κακοπάθεια, οζυπάθεια, περιπάθεια	passions immoderées
simplices societates	les societés simples
attentio	attention
discretio	discernement
circumspectio	circonspection
providentia	providence
χειροτονητοί	sur qui on a imposé les mains
iustitia	la justice
probitas	desinterêssement
placabilitas	facilité à s'appaiser
aequabilitas	uniformité
humanitas	humanité
beneficentia seu liberalitas	liberalité
fidelitas	fidelité
veracitas	action de dire la verité
justa loquendi libertas	raisonable franchise de parler
obedientia	obeissance
reverentia	vénération
misericordia	misericorde
congratulatio	congratulation

diligentia	soin
aequitas	équité
laboriositas	assiduité au travail
parsimonia	epargne ménage
sobrietas	sobriété
castitas	chasteté
animositas	générosité
fortitudo	valeur
patientia	patience
aequanimitas	bonté
mansuetudo	douceur
modestia	modestie
temperantia	retenue
sufficientia	sufisance
αὐτάρκεια	plein contentement de son sort
sinceritas	sincerité
constantia	constance
mollities	molesse
pertinacia	opiniâtreté
principia	principe

ПЕРЕВОД С СЕНЕКИНЫХ ЛАТИНСКИХ СТИХОВ,

НАХОДЯЩИХСЯ В ТРАГЕДИИ «ТИЕСТ» ПО ОКОНЧАНИИ ДЕЙСТВИЯ ВТОРОГО, В ХОРЕ, НАЧИНАЮЩЕМСЯ: TANDEM REGIA NOBILIS

На придворной стой, кому годно есть, дороге,
Сильным и любимым будь в царском тот чертоге.
О высокой чести да старается иной,
При царе б сесть выше, ищет пусть того другой.
Славу любит сей пускай и убор богатый,
Вид палат высоких, двор, полем не объятый,
Сребряны сосуды, села, замки, стадо слуг,
При драгой одежде намащенны кудри вкруг;
Роскошь и богатство — тот, также поступь смелу,
Да наживает другов на свою жизнь целу.
Мне в убогой жизни сладкий люб всегда покой,
Гладкое и платье, низкий чин и дом простой:
Дружеством честейших Муз веселюсь я смала,
Кротость же святою уж мне казаться стала.
Так, когда без шума пробегут мои все дни,
Толь употребленны токмо на труды одни,
Простачком и старичком рад приду я к гробу,
Оставляя в свете здесь светскую всю злобу.
О! коль мысль едина веселит меня сия,
О! конца такого совесть жаждет коль моя.
Кто излишно знаем всем в жизни сей бывает,
Часто тот, не знав себя, горько умирает.

СОНЕТ С СЛАВНОГО ФРАНЦУЗСКОГО ДЕ БАРОВА

GRAND DIEU! QUE TES JUGEMENTS

Боже! коль есть правоты полн Твой суд престольный!
Сам благоволяешь милостив всегда к нам быть,
Я ж толь пред Тобою зол человек юдольный,
Что весьма уж трудно правде мерзости омыть.
Ей! о! Господи, грех всяк мой к тому довольный,
Да не можно будет казней о Тебе избыть;
Ты преступника спасти, будто как не вольный,
Се вся и щедрота хощет скверного забыть.

Буди то, понеже так святости преславно,
Плачем умножаю пусть должну ярость равно;
Возгреми, бей: время; за войну воюй притом.

Покланяем мною гнев с страхом пребывает!
Но на кое место ни падет во мне с гор гром,
Каждое Христова кровь всюду покрывает.

ОБРАЗ ДОБРОДЕТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА

С ФРАНЦУЗСКИХ СТИХОВ: RENDÉS AU CRÉATEUR, CE QUE L'ON DOIT LUI RENDRE

Что Творцу достойно воздавать, то воздавай;
Не размыслив прежде, ничего не начинай.
Токмо с добрыми людьми в жизни сей дружися;
Преимуществом твоим никогда не льстися.
Будь согласен верно с мнением всегда других;
А не стой упрямо в мыслях только что твоих.
Внятно слушай, что тебе люди предлагают;
Больше умным не кажись, нежель почитают.
Кто чего не смыслит, с тем о том не говори;
Без речей лукавных в искренности все твори.
Слово данное держи, было б коль ни трудно;
Ничего ж не обещай вдруг и нерассудно.
Будь тих и услужен, в разговорах же учтив;
На прием будь ласков и не горд, и не труслив.
Дерзостно не будь знаком, обходися ж смело;
Не реши, не рассудив, коль ни знаешь дело.
Всех прощай без мести, без корысти всех люби;
В низкости вельможам подлостию не груби.
Дружен всем старайся быть, дружно поступая,
Тяжбы никогда ни с кем сам не начиная.
Что чинят другие, не проведывай никак;
Сам дела крой просто, не узнал бы злой дурак.
Рассмотря, давай в займы, только ж добровольно;
Если должно наградить, награждай довольно.

И как ни захочешь поступать и явен быть;
Быть во всем без лишка и себя не позабыть.
Буде страждет друг напасть, сожалей безмерно;
В друге ты порок сноси, будь и другом верно.
Дух как поддается, побеждай печаль тогда;
Никого и дельно не вини в ней никогда.
Унинить старайся мир, злобствует где ссора;
Сам же мсти за зло добром, злость на всю без взора.
Похваляй не льстивно, жарко не жури при всех;
Мерно смейся людям, да и сам терпи их смех.
Долг искусство почитать в каждом благонравно
И не должно ничего охуждать тщеславно.
Сделавши с кем милость, худо ею попрекать,
Каяться в ней дурно ж, лучше вовся забывать.
Нужну другу помогай, тот хотя не просит;
Кто дарит не так, как мот, щедрых имя носит.
Угашай гнев пылкий, ярых не кажи примет;
Говори повсюду доброе, кого где нет.
В сердце ж бы твоем была благодарность сродно;
Для забавы хоть играй, только ж благородно.
Было б слов, не мыслей, меньше, обмануть не тщись;
Что тебе ни дастся, предо всеми тем хвались.
Должника не мучь, как он к плате не исправен,
Для себя и для него будь все добронравен.
Не завидуй ближним, видя счастия их цвет;
Вверенное дело вынесть берегись на свет.
Чванство прочь, а крой твои тайности искусно;
Презирай по сем, как лгут на тебя что гнусно.

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА ХРИСТИАНИНА

С ФРАНЦУЗСКИХ: METTRE EN DIEU SEULEMENT TOUTE SA CONFIANCE

Во всем, везде, всегда на Бога уповать
И токмо на Него надежду возлагать;
Без зависти смотреть на счастливых убранство:
В том мудрость состоит, а больше христианство.
Все в помощь призывать Вселенныя Творца;
В Письме его Святом учиться без конца;
Святою б жизнь была, пещись о сем исправно:
В том мудрость и закон весь состоит преславно.
А особливо грех (сей всяк виною есть,
Что благодать от нас отъемлет Сам Бог в месть),
Не мог чтоб завладеть преклонными сердцами,
Но в мерзости б ему быть видиму пред нами.
Покорен духом будь и сердцем ты ко всем,
Смотря на образец Спасителев о сем.
Не думай обмануть и лицемерством Бога,
Не к гневу б на тебя была Ему дорога.
Согласие всегда со всеми промышляй,
Хотя ж то и с трудом вражду прочь отдаляй.
Кто знает все терять прибыток на толикий,
Тот христианин есть, тот и мудрец великий.
От пышности беги, та злая есть гроза,
Высокие места слепят у нас глаза,
Великие чины завистников рождают,
Те при бедах винят, без бед нас охуждают.
Рассказчикам оставь не к делу речи весть:

Везде вралям таким худа бывает честь.
Но ты в словах твоих безмерно будь воздержен:
Кто скромней, меньше тот погрешностям подвержен;
Кто мало слов имел, тот часто мудрым слыл;
Молчащий редко всяк где осуждаем был.
И буде ж, что ты мнишь, хотят знать всеконечно,
То мнение твое скажи добросердечно.
Сам требует покой и польза наших дел
Всяк тайну б от других скрывать из нас умел:
В чем нужды нет им знать, таить от них то можно,
Не сердится за то разумный друг неложно.
Суда зло не ищи, твоя хоть правота;
Не плакал бы должник, убогий, сирота:
Когда б нас Бог самих судил здесь без приязни,
То кто б защитить мог от лютостей и казни?
Кто больше есть богат и он сильняй тебя,
А хочет пред тобой умом вознесть себя,
Его чтоб одолеть, оставь ты порыв вредный,
Имущим уступай: всегда есть винен бедный.
Как равные б тебе, так сам им снисходи,
Несносен им не будь, их спесью не серди:
Тот подданный, едва что слушает указов,
То меньше всяк твоих послушает приказов.
О доме промышляй, не быть бы людям в смех;
Без зависти ж взирай ты ближних на успех.
Не знай соседних дел, твоим бы не мешали:
Ему тем ни себе не сделаешь печали.
Сегодня сделай то, что завтра надлежит.
На время не кладись, безвестно то бежит.
В безделках никогда отнюдь не упражняйся,
От случая чрез то дев глупых уклоняйся.
Как ближний есть любим и сам тобою Бог,
Когда не напитал того ты, кто убог?
Имений часть дели рабам господним, зная,
Что будет от Него мзда вечно преблагая.
Что ж собрано богатств впредь на премного лет,
То мудрости отнюдь великия в том нет:
Мог случай сделать то, но и в таком достатке,
Без разума, нельзя не быть когда в упадке.

Терпению учись, чрез кротость побеждай;
Сноси обиды все, а сам не повреждай:
Отмщение к своей оставив Бог потребе,
Не преминет мстить злым, благим воздать на небе.
Что ступишь, то уже ты ближе к смерти стал.
Необходимый путь! всяк смертный смерти б ждал.
Не рабски жди ж ее, но как в любви сын твердый,
На Страшном Бог Суде к тебе б был милосердый.

ПЛАЧ О КОНЧИНЕ БЛАЖЕННЫЯ И ВЕЧНОДОСТОЙНЫЯ ПАМЯТИ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКОГО ПЕТРА ВЕЛИКОГО ОТЦА ОТЕЧЕСТВА

«Что то за печаль слышится ужасно?
Не Россия ль плачет? не ея ль и стон?
Толь иным рыдать невозможно гласно!
Но какой случился ныне ей урон?
Радостей, торжеств где ея громады?
Где и повседневно всюду ликовство?
Все места ея, все слезят и грады!
Ах! знать, приключилось крайно сиротство», —

Токмо изрекла так сие Вселенна;
Се летит, о горе, в быстроте паря,
Слава всем лицом в скорбность претворенна,
Льясь сама слезами, ни на что не зря:
Всюду вопиет и ея весть здрава;
Не умеет ныне к правде прибавлять,
О! чтоб та была лучше в сем неправа,
Но не можно стало верно не являть:
«Петр Великий, ах! болий человека,
Оный Петр России сладость, красота,
Преселился уж с временного века!
Долу тем ниспала росска высота».
Не могла внушить слов Вселенна слезных:
Вопияла Слава в горе сипко их;
Паки начала Слава в неполезных
Возвещать то ж громче произносах сих:

«Всероссийский он самодержец славный,
Коего, посекши, ниспослала в гроб
Неумытна Смерть, всех в убыток главный
Малых и великих по чинам особ.
Мудрость, храбрость в нем были превосходны,
Милость же и правда в равенстве всегда;
С скипетром труды зрелись толь несходны,
Что не нес художник равных никогда.
Что ж и промысл бодр? православна вера?
Что неугасима к отчеству любовь?
В совершенствах здесь нет ему примера;
Таковому, словом, не бывать уж вновь!»

Молния и гром толь не устрашает,
Как бы прелагая в камень, в истукан,
Коль Вселенну весть Славы поражает;
Видя ж, что то правда, что и не обман,
Встрепетала вся, восстенавши зельно,
И молчала купно, будто что творить,
Взяться за кого, что и было дельно,
Вне себя не зная, что и говорить.
Но потом в слезах начала словами:
«О! Петр, толь великий, о! верх и царей,
О! героев всех храбрыми делами
Превосшедший всяко бывших в жизни сей.
Я к чему пришла? что со мною сталось?
Что и слышу ныне? мертвого Петра!
Мертвого того! был бы кто, желалось,
Не столетен токмо, но чтоб и одра
Смертоносна ввек в естестве не знавший,
Ты ль, Петр, мог скончаться! ты ль, и скоро так!
О! рок... Но предел, смертности предавший,
Повелел, покрыл бы росска Феба мрак.
Уж прости, мой Петр! многа мне доброта!
Многая надежда, краснейший мой цвет!
Дивная твоя правота, щедрота,
Вознеслись отсюду к Вышнему в совет.
Кто Вселенну толь царь другой прославит?
Ах! осталась сира ныне без тебя.

Кто толико дел, подвигов исправит?
Кто трудами столько упразднит себя?
Больше я была, мнится мне, с тобою;
Меньше стала ныне без тебя в себе.
О! Россия, долг литься, как рекою,
Вечными слезами по отце тебе».

В ужасе своем тако возглашала
Плачуща Вселенна горько по Петре,
Гневалась, что Весть дела не солгала;
А сама с собою в некоей как пре!
Зря ее, Нептун, также Марс, Минерва,
Политика равно туж, как без ума,
Изумились все о причине сперва,
Но Паллада прежде оных всех сама,
В трепете своем вся оцепенела,
Что Петра не стало на земле в живых;
Скоро с остроты то уразумела
И рекла: «Погибло! вещи нет в иных!»
Бьется по лицу, то ломает руки,
То свою одежду на себе всю рвет,
То, как претерпеть, мнит, толики муки,
То Петра в приветах паки в жизнь зовет;
То из глубины сердца воздыхает,
Иногда та стенет, иногда молчит,
Иногда копье долу повергает;
То ее к другому порыв месту мчит;
То на том же вдруг там остановится,
Сядет, встанет тотчас, горьких слез полна;
Светлость и очей в ней уж вся мутится!
Чувств уже лишенна! вполжива она!
Се, как обмерла, та на землю пала,
Но в себя пришедши в тот же самый час,
С долу телом там в слабости восстала,
И лиясь слезами издает сей глас:
«Солнце! честь моя! Петр! Сам мне Паллада!
Ты ль вменился в мертвых и подпал под смерть?
Скрылся ты ль от нас, да слезят ввек чада?
Рок, не мнилось, лютый чтоб тебя мог стерть!

Земнородный кой без тебя взыграет?
Коя и наука? добродетель? чин?
Все добро с тобой ныне умирает:
Был всему учитель в россах ты един;
Как един: глава, твердость и держава.
Любомудрство! ныне купно всё стени:
Пала вся с Петром ввек твоя уж слава;
Ты себя, искусство, в сирых же вмени:
Всех оставил Петр, преселившись верно,
Новый государства своего творец!
Ах! сия бодет мысль меня безмерно;
Но благоизволил Вышний так Отец».

Марс речь предприял: «Не о том ли дело
Есть Петре российском, коего весь мир
Выше чтит меня, называя смело
Новым Марсом всюду? Вящий кой есть Кир?
Лучший Александр? Юлий, Август болий?
Коего славняе не видал и день,
Ни взнесенна толь от земных удолий?
Наконец, при коем признаюсь быть тень?»
Сказано: «О сем». Марс взревел жестоко,
Пал было, но тотчас на ноги вскочил;
В ярости возвел к небу грозно око:
«О! судьба далека, — паки возопил, —
Иль уж и тебя зависть так объяла,
Что прехрабра мужа, мужа сверх мужей,
Россам, всем земным, Марсу мне отъяла,
Не смотря на слезы, ни на вред ничей?
Но отдай Петра, бодростию славна:
В выспреннейших оных брани нет местах;
Ах! Петра отдай, в поле толь исправна,
Не ушло б и после время быть в звездах».
Больше Марс ярясь, отметнул прочь саблю
И неистовствуя повергает шлем:
«Я всех дел один, — сам сказал, — не справлю;
Нет уж в сей мне нужды, нужды нет и в сем.
Ах! Петр, возвратись, возвратись, прехвальный,
Марсова защита, слава, возвратись,

Без тебя ль я Марс? скосырь есмь нахальный.
О! рок, хоть однажды в вечность умились.
Ах! мой храбрый Петр! как пробыть возможно,
Чтоб мне жарким сердцем без тебя не вреть?
Равного тебе нет уже неложно:
Горести мне как же ввеки не иметь?
Ты един клеврет был мне толь подобный;
Но что я за слово о тебе сказал?
Ты при всех был все, ко всему удобный;
Я ж в себе едино смельство показал.
Не могу никак быть сравнен с тобою:
Храбрость превосходну, мудрость выше той
Знал в тебе весь свет, но, кроме что к бою,
Я весь не способен к дельности другой.
Ах! несчастлив, ах! смерти что не знаю:
По тебе умершем живу ль долг мне быть?
О! судьба, почто, Марс, не умираю?
Мне мою бессмертность нельзя уж любить».
Так сказавши он, залился слезами,
Сих точа потоки, в горести молчал,
А немногий след проложив стопами,
Вне себя явился, и тотчас ниц пал.

Сердца в глубине Поли́тика рвется,
Слез хотя сначала из очей не льет:
Та не скромна быть превесьма блюдется,
Зря коль Марс нелепо в воздух вопиет.
Но как он скончил, внутрення наруже
Горесть показалась вскоре ж там и в ней,
Начала рыдать, как жена по муже,
Глас из уст тишайший испуская сей:
«Дайте моему место плачу, други!
И во мне не меньше вашея печаль:
Нельзя от Петра мне забыть услуги;
Ах! и невозможно изъявить мой жаль.
Кто меня почтил, кто толь Поли́тику?
Рассмотрел все в первых, пременил и ввел,
Нравы украсил и страну велику
Величайшу сделал. Не градов и сел,

Не земель и стран покорил что много,
Но что гнусну грубость от своих отгнал,
Но проклято злость истребил что сгого
И ученым добрым подданным быть дал,
То всему одно свету дивно, чудно!
Позным то потомкам можно ль все понять,
Что всем понимать видящим есть трудно?
Виждь, Россия, ныне можешь коль сиять!»

На сие Нептун и Моря взбуяли!
Зашумели Ветры! вспенилась Волна!
Возмутилось Дно! Бездны зазияли!
И вострепетала влажна Глубина!
Стенет Океан, что уж нет другаго
Любяща толь воды, и уж никогда
Так не будет здесь мореходство драго,
При Петре как было в первенстве всегда.
Сетуя, слезит тесное Балтийско,
Что случилась гибель при его зыбях.
С плачем вопиет, дмясь в валах, Каспийско,
Что однажды плавал на его глубях.
Мечется и Понт в несравненном горе,
Что уже российских долго кораблей
Не видать ему при Стамбуле в сборе,
Чтоб им Град исторгнуть у тирана сей.

Всюду вой! страна, близ лежаща, дальна —
Всякая рыдает, в горести слезя!
Но Россия коль по Петре печальна,
Описать толь живо никому нельзя:
Больше всех имен скорбь ея сердечна!

Радость токмо горним подана местам.
Где Блаженна жизнь Царства бесконечна:
Там Петру быть должно ввеки по делам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ИЗДАТЕЛЬ К ОБЕИМ СВОИМ КНИЖКАМ

Досужных дней труды или трудов излишки,
О! малые мои две собранные книжки,
Вы знаете, что вам у многих быть в руках
Пространных Росских царств и в дальних городах,
И знаете, что дух порочить ново дело
Не может вас минуть, к вам не коснувшись смело;
Однако преходя из рук вы в руки так,
Не бодрствуйте в таком разгнать собою мрак,
Кто смыслен находить не пользу, но погрешность,
Не ставя за порок свою суда поспешность.
Оставьте, я прошу, в покое всех таких:
Любление к себе вы найдете в других,
Которы нравом пчел цветов не презирают,
Со всякого листка свой нектар собирают.
По счастию ж когда полюбитесь кому,
То всячески донесть потщитесь вы тому,
Что вами одолжен не мне, он беспристрастный,
Но оному, кой есть цвет юношества красный,
Кой славою давно есть рода знаменит,
Кой сердцем и умом от многих отменит,
Кой всех надежда Муз, кой их плодов снискатель
И был о вас самих к монархине предстатель.

ДОПОЛНЕНИЯ

ИДИЛЛИЯ. НИСА И ТИРС

Тогда лежал
На травке Тирс, как не в игрушку
В уме держал
Он Нису там пастушку:
«Ея в селе
У нас красняе
И на земле
Нет, чай, умняе», —
В себе сказал.

Затем играть
Ей в славу буду на скрипичке
И прибирать
Слова хвалы к музычке,
Чтоб ею здесь
Мне отдавался
Лесочек весь,
Чрез то б казался
Ее ж взывать.

В резных цветах
Поставлю имя по обету
На всех древах,
Которых краше нету,
Пускай на них

То все читают
В гульбищах сих
И ту желают
Иметь в глазах.

Танцуя в лад,
Пушечку легче та летает,
Всяк видеть рад,
И просто как гуляет.
Уж дива нет
Ни в соловейке,
Когда поет
В своей семейке,
Нам Ниса склад.

Лилею цвет
Мы видим всех цветков беляе;
Видал ли свет
Где Нисы веселяе?
Что к соснам кедр,
То та к пастушкам,
Ея дух щедр
К своим подружкам,
Всем добр привет.

Луна звездам
На небе как в ночи царица,
Дней красных нам
Так Ниса есть зарница,
В ея очах
Два солнца сьяют,
В своих лучах
Остро блистают
По сим местам.

К венку свяжу
Пучок роз нежных невеличек,
Кругом снижу
Душистых ряд гвоздичек,

Вручу тот ей
В дар независтен
При речи сей:
„Хоть не корыстен,
Принять прошу“

Когда б был я
Хотя немного побогатей,
То б и дарил
Я Нису тароватей:
Купил бы лент
Цветны ей пуки
И комплимент,
Целуя руки,
Сей бы чинил:

„Я ничего,
О! Ниса, не желаю в свете
Кроме сего,
Тебе б всегда быть в цвете,
Мне б только знать,
Что ты здорова,
И наряжать
Круг наш готова
В играх его“».

ПАСТУШОК ДОВОЛЬНЫЙ

Мал пастух и не богат,
Только ж знает то в нем душка,
Сколько счастлив он и рад
Тем, что есть своя пастушка.

Он трудится день и ночь,
Все труды ему игрушки,
Всяка тягость мнится вмочь
Для любимыя пастушки.

С поля идучи домой,
Он спешит к своей избушке,
Что ни будь несет домой,
То, вошод, дарит пастушке.

О здоровье преж всего
Спрашивают дружка дружку,
И не больше та его,
Сколько он свою пастушку.

Стол их всяк вточь оценит
С небольшим одной полушкой;
Как же он обильным мнит?
Вкупе ест за ним с пастушкой?

Все его богатство есть,
Весь покой, как на подушке,
Вся приятность, радость, честь
Только в вернейшей пастушке.

РЕЧЬ ПРИВЕТСТВЕННАЯ, ГОВОРЕННАЯ ЕГО ГРАФСКОМУ СИЯТЕЛЬСТВУ КИРИЛЕ ГРИГОРЬЕВИЧУ РАЗУМОВСКОМУ,

НЫНЕ ЯСНОВЕЛЬМОЖНОМУ ГЕТМАНУ, ПРИ ПЕРВОМ ЕГО ВСТУПЛЕНИИ В ИМПЕРАТОРСКУЮ АКАДЕМИЮ НАУК В ДОЛЖНОСТИ ПРЕЗИДЕНТА 11 ДНЯ ИЮНЯ 1746 ГОДА

Императорская Академия наук праведно сей день благополучнейшим себе почитать может. Засвидетельствуя в сие время должное свое почтение вашему графскому сиятельству, достойнейшему своему президенту, давно всех академиков сердцами вожделенному и ожидаемому верх собственного своего счастия, проповедует совокупно.

Долго она стенала, как на части раздробляемая, вся колебалась долго, как не имевшая твердости, едва и едва уже не до конца изнемогши, истощилась. Однако ныне не токмо действие своего духа в благорастворенных внутренностях ощутила, но и совершенно от особенныя своея главы, то есть от вашего графского сиятельства оживотворивши все свои члены и в здравие пришедши, как с одра тяжкия болезни восстала.

По сем своем восстании или, лучше, возрождении крайнюю надежду к продолжению жизни и отчасу к успешнейшему возраста произведений Академия восприять не усумневается толь наипаче, что скиптродержавныя покровительницы ея призрение отверзло уже ей чрез вас, сиятельнейший граф, храм некоторого бессмертия и вечности. Сим настоящим и толь превосходным благополучием пользуясь, основательно заключить и всему обществу громко предвозвестить достойную имеет причину, что ни един год, месяц, неделя, словом, ни един ея день при мудром управлении, при остром рассмотрении, при твердом надзрении, при радетельном попечении и еще при таком провидении, которое ни общия, ни частныя не оставит пользы, наконец, при истинной и неугасимой ко всему ревности вашего графского сиятельства, ни един ея день, повторяю, без благотворительных излияний на российские семена и, следовательно, без принесения новых сладчайших плодов, как без Апелловы линеи, не пройдет.

Прозорливость августейшия нашея самодержицы, всемилостивейшия великия государыни, императрицы Елисаветы Петровны, в избрании и определении вашего графского сиятельства президентом твердый и недражайше неоцененяемый есть нам всем к тому залог и споручение: мудрость ея величества не могла вас избрать, как токмо благоразумием просвещенного, определить б не могла, как токмо достойного. Президентом быть не могла повелеть, как токмо такому вам пред лицом своим предстоятелю, какого давно академическое состояние требовало.

Того ради сие вашего сиятельства просвещение, достойность и степень чести при престоле ея императорского величества весьма и весьма удостоверяют, что российская Академия наук чрез вас, сиятельнейший граф, первократную из россиян в себе главу, всеконечно, изобрящет вскоре действительный способ, дабы исполнить основателя своего намерение множиться российскими членами в российских твердо обращаемыми составах.

Всемогущий с преблагостныя своея высоты да благословит отныне сей виноград учений, насажденный от Петра Великого, учрежденный от Екатерины Августейшия, но орошенный от самодержавнейшия Елисаветы в особе вашего графского сиятельства! Да дарует совершенно при трудолюбном вашем чреждении процвесть и плодоносить сему академическому древу в вящее имени своему прославление, в славу самодержице, в пользу ея подданным а в бессмертную честь и хвалу вашему сиятельству!

Сие есть приветственное желание, которое восприял я смелость произнесть из глубины моего сердца вашему графскому сиятельству, желание, в котором не токмо едина Академия, но и вся Россия, поздравляя вас сим начальством, участие имеет.

Впрочем я особливо превручаясь милости вашего графского сиятельства, с совершенною моею преданностию, с глубоким почтением и с должным послушанием, в окончание приветствия следующее токмо из стихотворца Виргилия чрез обращение речи ко всей Академии в чистой радости восклюцаю:

Собственный уже твой, о! благополучная Академия, *Аполлин в тебе господствует.*[1]

---

[1] Tuus iam regnat Apollo. Virg. Ecl. 4.

ЕМУ ЖЕ РЕЧЬ БЛАГОДАРСТВЕННАЯ,

ГОВОРЕННАЯ В УНИВЕРСИТЕТЕ ПРИ ПЕРВОМ ЭКЗАМЕНЕ, ГДЕ ЕГО СИЯТЕЛЬСТВО ИЗВОЛИЛ БЫТЬ САМ И БЫЛ ДОВОЛЕН КАК УЧАЩИМИ, ТАК УЧАЩИМИСЯ ДНЯ 1748 ГОДА

При выступлении вашего графского сиятельства от нас приемлем смелость засвидетельствовать вам самые искренние желания, приносимые от чистого нашего усердия, и совокупно за учиненную милость возблагодарить покорнейше. Всем известно по всемилостивейшему призрению великия государыни, императрицы Елисаветы Петровны, самодержицы Всероссийския, в такое уже приведена состояние вашим правлением, сиятельнейший граф, Санкт-Петербургская Академия наук, что ни в чем ей нет недостатка, но всем она тем снабдена довольно, от чего может себя почитать благополучнейшею. Без сомнения, многими благодеяниями вашими и, почитай, сверх нашего чаяния, взысканной уже ей, ваше графское сиятельство, и ныне непрестанно равные ж показывает, то порученное себе дело прилежно исправляя, то ничего другого важнее и полезнее не ставя, как токмо чтоб ее в такую всегда приводить способность, с которою б она могла исправно в должностях своих упражняться и была б отчасу достойнейшею своея чести и звания. Того ради все единодушно сие вам восклицаем из глубины нашего сердца: «Да многолетствует! да бодрствует! да здравствует ваше графское сиятельство, как во всем невредно пребывая, так и нашу ревность всегда в памяти имея! а по обыкновению вашему, ко всем благосклонно и к каждому милостиво!»

Что до сих детей, напоявшихся учением, сколько их не обретается здесь, сиятельнейший граф, то все они покорнейше ваше графское сиятельство просят, именно: да будет вам угодно причесть то краткости времени, что еще несовершенное в успехах их усмотреть изволили. Прося ж о сем самом вас совокупно при моем споручении дерзают удостоверить,

что самодержице, Отечеству и вам, сиятельнейший граф, сладчайшие и обильнейшие плоды в надлежащее свое время принесть они, всеконечно, потщатся.

ТА Ж САМАЯ НА ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ, НА КОТОРОМ И СОЧИНЕНА

Exeuntem nunc Te, Illustrissime Praeses, pietatis est nostrae prosequi fervidissimis votis, summarumque actione gratiarum. Hoc habet a clementia Optimae Autocratoris nostrae Petropolitana Academia, ut Te Coryphaeo nihil sit, quod beatius sibi umquam desiderare videatur. Plurimis utique, fidemque propemodum exsuperantibus nostram, beneficiis iam condecoratam, non nisi continue exornas, et quod partes administrationis Tuae strenue exsequaris, et quod nihil prius atque sanctius ducas, quam ut eam bene munere suo fungentem, tantoque Nomine et Omine magis magisque conspicuam reddas.

Conclamamus igitur universi ex intimis animi nostri recessibus: Vive! Vige! Vale! Tum diutissime sospes, tum Tenuitatis nostrae semper memor! Et, ut soles, omnium Fautor, Praesidium singulorum!

Unum est, quod Te, Illustrissime Praeses, hi, quot sunt Alumni, maiorem in modum deprecentur: velis scilicet id tempori interpretari, quod adhuc profectibus deesse intelligis. Verum, cum id ipsum exoratum percupiunt, simul, me Sponsore, alacres promittunt, se nimirum Augustae, Patriae, Tibi, Illustrissime Praeses, maturiores fructus, eosdemque uberiores, iusta mora exacta, tandem aliquando daturos.

ВАРИАНТЫ И РЕДАКЦИИ

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

1. РЕДАКЦИИ СП

Подготовленное Тредиаковским к изданию собрание своих «Сочинений и переводов как стихами, так и прозою» может рассматриваться как единый самостоятельный текст. Начальной, или первой, его редакцией следует считать рукопись, хранящуюся в архиве Академии наук. Рукопись «Сочинения и переводы как стихами, так и прозою Василья Тредиаковского» (СПбФАРАН. Разр. II. Оп. 1. № 78) представляет собой переплетенную книгу in folio, страницы которой заполнены переписанным рукою Тредиаковского текстом. Она обнимает 278 листов или соответственно 204 и 227 страниц, к которым приплетены еще 7 и 51 страницы авторской пагинации. Аккуратность почерка рукописи и оформление текста (шрифт заглавий, концовки) свидетельствуют о том, что это беловая рукопись, предназначавшаяся к изданию. Рукопись была подана в Академию наук отдельно по томам, которые по отдельности и издавались, что объясняет наличие двух основных авторских нумераций страниц; в одну книгу тома были переплетены позднее. Разметка страниц на полях листов указывает на то, что с этой рукописи производился набор. Обстоятельства издания привели к тому, что содержание второго тома СП менялось в ходе работы над ним прямо в рукописи, в которой вычеркивались изъятые автором произведения (см. произведения наст. раздела) и добавлялись новые (отсюда листы с дополнительной авторской пагинацией). Правке, иногда значительной, подвергались и сами произведения, включенные в СП. Беловую рукопись до внесения в нее правки следует считать первой редакцией СП, эту же рукопись с правкой автора, после которой производилась разметка страниц, — второй редакцией, или наборной рукописью (НР). Различия между изданием СП и на-

борной рукописью свидетельствуют о работе автора над текстом и на стадии корректуры. В несохранившийся корректурный экземпляр помимо корректорской правки им вносились смысловые изменения, например примечания. Корректуру следует считать окончательной редакцией СП, отражающей последнюю волю автора. Таким образом, СП имели три авторские редакции, из которых сохранились лишь первые две в рукописи Академии наук.

Издание «Сочинения и переводы как стихами, так и прозою Василья Тредиаковского», вышедшее в двух томах (объем первого тома — 226 с., второго — 332 с.) в издательстве Академии наук в начале 1753 г. (на титуле: 1752), может считаться новым, но уже не авторским вариантом текста СП. Его отклонения от авторской воли вызваны ошибками в наборе. С самого начала производства книги, при передачи рукописи первого тома в типографию, Академическая канцелярия, отвечавшая за издание, распорядилась предоставить издание и оформление книги на усмотрение автора и требовала лишь обязательного соблюдения орфографических норм, принятых в издательстве Академии наук. Однако предупреждение это, связанное с опытом издания книги Тредиаковского «Разговор между чужестранным человеком и русским об ортографии» (1748), было излишним, поскольку рукопись СП была написана в соответствии с принятыми нормами, за исключением окончаний имен прилагательных во множественном числе именительного падежа. К ним корректор А. С. Барсов, ведавший изданием, отнесся снисходительно, и набор был произведен с рукописи буква в букву и знак в знак. Допущенные при наборе ошибки носят случайный характер.

2. ТЕКСТ ИЗДАНИЯ

Текст настоящего издания представляет собой опыт реконструкции окончательной редакции СП, или несохранившегося правленного Тредиаковским корректурного экземпляра издания. Восстановление текста произведено на основании издания СП (при работе был использован экземпляр БАН: 1752/8) путем исправления допущенных в нем погрешностей в соответствии с НР. В ряде случаев, оговоренных в настоящем разделе, исправлению подверглись ошибки СП, повторяющие содержащиеся в рукописи описки автора.

3. РЕДАКЦИИ ТЕКСТОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ВОШЕДШИХ В СП

Двухтомник «Сочинения и переводы», представляющий собой собрание разных произведений, написанных в разное время, может рассматриваться как собрание текстов, каждый из которых имеет свою историю. Часть из произведений, вошедших в СП, была издана ранее, некоторые произведения создавались для других невышедших изданий. И те и другие подверглись авторской правке или переделке при подготовке СП. История текста ряда произведений, вошедщих в СП, не закончилась с их изданием в 1752 г. «Строфы похвальные поселянскому житию» были переизданы автором в 1757 г., была издана изъятая из рукописи СП идиллия «Нисса», а «Оды божественные» вошли в подготовленную к изданию «Псалтирь». По отношению к произведениям с предшествующей СП или последующей историей издания беловая рукопись СП не может считаться начальной, а корректурный экземпляр — окончательной редакцией. Однако поскольку в настоящем издании «Сочинения и переводы» воспроизводятся как памятник, такие произведения, в независимости от их истории, даются по СП. В ряде случаев при передаче текстов учитывается правка Тредиаковского, сделанная им на экземпляре второго тома СП, хранящегося в библиотеке Казанского университета под шифром р IV/32 1545 (см.: *Кочеткова Н.Д.* О правке Тредиаковского в его экземпляре «Сочинений и переводов» / В. К. Тредиаковский: к 300-летию со дня рождения. СПб., 2004. С. 70—75). Исправления в тексте или варианты этой правки даются по: *Петровский*.

4. ВАРИАНТЫ ТЕКСТОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ СП

В настоящем разделе приводятся варианты фрагментов текстов произведений, вошедших в СП. Общим для всех текстов источником вариантов служат первая и вторая редакции «Сочинений и переводов», отраженные в рукописи издания. Варианты текстов произведений, изданных автором только в СП, даются по рукописи без предварительных пояснений. Варианты текстов произведений, изданных или подготовленных к печати автором ранее или позднее СП, предваряются историей текстов и даются, помимо рукописи СП, и по другим изданиям и рукописям. При воспроизведении вариантов текста используются технические принципы, предложенные Л. С. Гейро в издании Гончаров И. А. Обломов. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1987. (Серия «Литературные памятники»). Фрагмент основного текста, подвергшийся изменениям, дается вслед за номером (номерами) строки (строк) или

стиха (стихов) настоящего издания. Если фрагмент обнимает более одной строки, приводятся только крайние его границы, опущенная середина заменяется знаком: ~.

Варианты к фрагменту основного текста даются вслед за ним через косую черту (/). Все редакторские замечания выделяются курсивом. Конъектуры даются в угловых скобках.

Удаленный автором фрагмент текста помещается (в квадратных скобках) вслед за непосредственно предшествовавшими ему словами основного текста через тире; сама статья начинается со слова «После», с двоеточием (*После*:).

Удаленные автором пометы или примечания к тексту помещаются после тех слов основного текста, к которым они относились, через тире; сама статья начинается со слов «К словам», с двоеточием (*К словам*:).

Варианты, зачеркнутые в рукописи, заключаются в квадратные скобки, не зачеркнутые, а измененные в корректурном экземпляре — даются без скобок. Слова, чтение которых предположительно, помечаются знаком вопроса (?); не разобранные в автографе слова — сокращением: [*нрзб.*].

Для текстов, изданных только в СП, следующий после косой черты вариант относится к наборной рукописи (НР) без специальных указаний. Для текстов, имеющих печатные или рукописные редакции помимо НР, после косой черты следует сокращенное указание редакции, по которой приводится вариант. В этом случае варианты, приводимые по наборной рукописи СП, сопровождаются пометой *НР*. Например: по возобновлении / *РК*: по воскресении — за косой чертой после слова основного текста «возобновлении» дается его вариант. Отсутствие варианта с пометой *НР* свидетельствует, что фрагмент («возобновлении») совпадает в СП и в НР и что слово «воскресении» было заменено Тредиаковским до перебеления статьи в рукопись СП.

В том случае, когда одному фрагменту текста предшествовало несколько вариантов одной редакции, они даются через тире в обратном порядке их старшинства. Например: Да твердят стремящиеся / Мог бы кто сказать — [Твердят] — [Вы изволите говорить]. Сокращенное обозначение редакций дается в преамбуле к произведению.

В том случае, когда варианты принадлежат разным редакциям, они даются один за другим в обратном порядке старшинства редакций и разделяются косой чертой и указанием редакции. Например: в мудрых мудрой, в ученых ученой, в достойных достойной особе / *НР*: в мудрых мудрому, в ученых ученому, в достойных достойному мужу... / *1735*: в мудрых мудрому, в ученых ученому, в славных славному мужу... («Речь 〈...〉 о чистоте российского языка...»).

В том случае, когда вариант, предшествующий основному тексту, в разных редакциях один и тот же, он дается после указания этих редакций, следующих в обратном порядке их старшинства через запятую. Например: разумное / *НР, 1735*: мудрое («Речь ⟨...⟩ о чистоте российского языка...»).

ТОМ ПЕРВЫЙ

К читателю

НР, л. 5—20 об.

7 кажется / кажется, что

13 переднее / преднее

50 может быть / [без сомнения]

55 *После*: токмо нежен — [и мы его не любим]; *после*: благороден. — [и нам искусным людям мил?]

57 *После*: сей — [жаркий]

60—61 не поскучить читая следущее / [побыть токмо на несколько времени слушателем. Я теперь желаю с разглашающими неправду поговорить заблаговременнее так, как будто б самолично, положив, что они, всеконечно, ея повсюду и при всех, где и при ком ни будут, греметь с стремлением потщатся: в том их собственная состо́ит польза; ея они пренебрещи не захотят.][1]

62 Да твердят стремящиеся / Мог бы кто сказать — [Твердят] — [Вы изволите говорить]

63 но и да знают, что сие произглашаемое вобще / Но сие сказанное вобще

64 думается — [вам мнится]

69 *После*: Каков же — [мы]

93 Эрицейрою / Эрицерою

96 Эрицейрин / Эрицерин

98 с стихов стихами / стихов стихами

114 Дасиерах / Дациерах

115 Славных мужей и Гомера / Славных мужей, Гомера

118 Тарквиниеву, кой старший / Тарквиниеву-старшему

---

1 Л. 7.

125 доднесь / донесь

139 *После*: перевод — [как то вы оглашаете]

141 и что довод / и что, следовательно, [ваш] довод

142 *После*: прозы — [по вашему]

143 с стихов стихами ж / стихами с стихов же

145 Я за потребно рассуждаю предложить здесь теперь прошу / [Позвольте мне теперь предложить вам] — [Теперь предлагаю]

148 *После*: в каждом же — [чтоб не увеличил ея и не умалил]

150 *После*: способности *в НР следуют два зачеркнутых слова нрзб.*

154 *Слова*: или пустых бы добавок *в НР отсутствуют.*

169 *После*: возможно ль — [вам]

170—171 видимо, что, почитай, теми ж самыми состоит словами, не то чтоб в нем быть какому прекословию. [Ибо жизнь тягостною и совокупно спокойною не поставлена.] Или также, буде дастся сему переводчику перевесть сей Горациев стишок из несравненныя его третиея оды, книги третиея ж *зачеркнуто и восстановлено.*

182 *После*: то как — [вам]

183—184 а несколько их обогащая, не подменил за них противного разума словами. / и еще несколько их обогатил. [Он не назвал твердого постоянства неусыпным трудолюбием, он и не положил справедливого после непоколебимого, ни непоколебимого неленивым, ни для того у него муж есть постоянен, что он правосуден и милостив.]

185—201 Того ради все такое разглашение ~ от недоброхотства [2] / [Того ради все ваше оглашение токмо язвить меня одного может, а не обще всех превосходных переводчиков с стихов стихами. Изрядно, не прекословлю: мой перевод может быть недостаточен, потому что такая есть участь моего искусства и способности. Но если, паче чаяния, люди, имеющие столько ж знания, сколько и вы сами тем отменны, но больше любящие справедливость, а меньше кипящие пристрастием, найдут, что мой пиитический перевод, о котором слово, есть по большей части согласен с критериями доброго перевода, от меня вам представленными, так что, дабы сказать с Горацием, больше в нем покажется хорошего, нежели неподтверждаемого, то что вам о моем переводе останется говорить? Кто с челом, тот с стыдом! Но не извольте печалиться: я не столько счастлив, чтоб мне могли найтись защитники или чтоб мои словесные дела были во всем совершенны и выше вашего охуждения: можете до них достать.][3]

---

[2] Вписано на отдельном вклеенном л. 11.

[3] Л. 12—12 об.

187 я в крайнем по сей причине нахожусь затруднении / здесь я теперь в крайнем нахожусь затруднении

200—201 то от наперсничества, то, наконец, от недоброхотства / то от наперсничества, то от пристрастия.

202 Между тем / Впрочем; *После*: пункт — [вашего похуления]; слово уверяю *отсутствует*.

203 долженствует быть / [долженствуете вы находить]

204 *После*: гексаметр — [по вашему нежный и умильный и вам нелюбимый]

204 *После*: ямбическом — [который вы превозносите высоким и благородным и к нему отеческую имеете горячесть: сим вы, прошу поверить мне, можете проиграть, а я выиграть]

207 всякому / [и вам самим]; ибо пример / ибо [всякий] пример

215 ясно / [вы изволите видеть]

217 второй громче / [первый, почитай, подобен оному известному «да, батюшка», а второй сему «всяк иной, а не родитель, испытал бы то в сей час». *К этому фрагменту — примеч.*: Чтоб о сем «да, батюшка» и «всяк иной, а не родитель», прочая, иметь понятие, то надобно знать, что Корнелий, французский трагик, сочинил трагедию, названную «Цид», в которой на некотором месте отец сына спрашивает так: «Родрик, имеешь ли сердце?» Сын ему там на то ответствует с почтением сыновним, но с благородством по породе: «всяк иной, а не родитель», и прочая. Но сказывают, что помянутую трагедию перевели с французского по-немецки или по-голландски, где, когда отец сына спросил о том, что выше, то сын ему отвечал: «Я папахин», то есть, «да, батюшка», вместо пышного французского «всяк иной... Без сомнения, сие выдумано на смех, но к моему здесь предложению служит.][4]

218 как мнят / [по вашему]

219 Напротив того / [Но могли ли б вы] ожидать [всего противного такому [вашему] мнению от философов]

221 *После*: Впрочем — [прошу не тревожиться]

222—228 *Слова*: Вот же одна ~ утверждаю, что *зачеркнуты и восстановлены*.

224 некоторых польза хотела б, чтоб / [ваша] польза [хочет, дабы]

244 *После*: Не могу — [вам]

245 *После*: людей — [и во всем вам подобный]

255 возражаю / заключаю

---

4 Л. 13.

263 всякому довольно есть уже чувствительно / вы уже, мню, чувствуете довольно *исправлено в корректуре.*

264 *После*: быть — по вашему *исправлено в корректуре.*

268 приписываемой ему / ему приписываемой

269 верить / признать искренно

272 *После*: но хореем — [И уже паки к вам, благосклонный читатель, обращаю мое слово, прося прощения, что несколько долее надлежащего употребил в мою пользу вашу терпеливность, защищая себя от несправедливых нареканий, [надменных и самомнительных пристрастий или оныя приводя в братолюбную должность.]]

С. 15, примеч.: все они / они все

304—324 Второй том начат речию ~ последним старанием вычищенным[5] / [Второй том начнется трагедиею моею «Деидамиею». Сия как словом бессчастия начинается, так и бессчастное есть из моих сочинений: она получила себе смерть прежде, нежели родилась, убили ее зачавшуюся и еще не происшедшую. *Далее зачеркнуто полторы строки нрзб.* Сколько об ней голосов, сколько рассуждений, сколько ухищрений было! Пускай же так, что она преисполнена недостатков, чего ради и надлежало было лучше ее погребсть в вечное забвение между негодными и черными бумагами, нежели оживлять и производить на свет. Но, впрочем, не таю усердия, обыкновенного авторам к своим сочинениям, обидно моему труду, чтоб погибнуть почти двум тысячам стихов; желаю, чтоб видел наш свет худую мою трагедию и познал бы чрез то всю доброту хорошия, а сим самым учинится действительнее должная справедливость красно, исправно и полезно составленным; ибо, как говорят по-латински, «противные вещи, будучи снесены с собою, отличаются дружка от дружки с большею ясностию».[6] С другой стороны, неужли-то нет в ней таких мест, которые несколько будут достойны правосудного чтения? Могу донесть без тщеславия, что при всех вообще порочностях, причитаемых ей, одно в ней не может, как мнится, быть похулено, а именно: изображает она добродетель теми свойственными красками, которые добродетели сродны и приличны, да и все тщится токмо что о сем едином, а сия, кажется, и цель есть всякия трагедии.

Прочетши трагедию, будете вы читать прозу, рассуждающую о комедии вообще. Сие рассуждение не токмо покажет начало и приращение комедии, но и трагедии также. Изъяснил я как греческую, так и римскую

---

[5] На отдельном вложенном л. 17, заполненном с одной стороны.

[6] К этому месту примеч.: Opposita juxta de posita, magis elucescunt.

комедию по трем оныя векам и пременам и назвал, последуя многим ученым людям, что нынешняя европейская, на каком бы она языке ни была сочинена и представлена, есть токмо подражание греческой Менандровой комедии, названной от всех *новою*, или, лучше, есть благополучный список с оныя. По окончании сего увидите вы и самую комедию, но комедию Теренциеву, переведенную по-нашему стихами ж. Она есть «Евнух». Сия из его шести, до наших времен дошедших, как самая лучшая, так и по достоинству учеными людьми прославленная. Подлинно, ничто в сем роде не может сочинено быть вымышленнее, предуготовлено вероятнее, завязано хитряе и развязано природнее и простяе. Одно меня, переводившего ее, приводило в затруднение, а именно, срамословные мысли, которые древним были любы, но нам ненавистны, как и должно по честности. Из сих некоторые совсем я выкинул, а кои состоят на самом грунте комедии и отставлены быть отнюдь не могут, те так переводил, чтоб, по мнению моему, честному устыдению не было досады; я надеюсь, что всяк благорассудный и не мнимо добродетельный не потревожится от моих изображений и за опасность и скромность толь в нежной материи несколько благодарен быть имеет. Прочее все, что касается до сея комедии, предложено в рассуждении, о котором упо⟨мя⟩нуто выше. Сим кончится второй том.][7] — [Второй том начат речию, которую я говорил к членам Российского собрания, бывшего при Императорской Академии наук, во время первого их заседания, прошедшего 1735 года, марта 14 дня. Речь сия советует прилагать старание к чистому слогу российским языком. За сею последовать имеют оды приветственные и похвальные, а за ними — божественные, претолкованные как с Давидовых Псалмов, так с песней Моисеевых и Пророческих. Потом несколько штук строфами о разных материях. *На правом поле*: В средине положено рассуждение о комедии вообще, которое показывает начало и пременение не токмо комедии, но и трагедии также. Изъяснил я как греческую, так и римскую комедию по трем оныя векам и пременам и назвал, последуя многим ученым людям, что нынешняя европейская, на каком бы она языке ни была сочинена и представлена, есть токмо подражание греческой Менандровой комедии, названной от всех новою, или, лучше, есть благополучный список с оныя. После сего пойдет несколько гексаметров хореических и ямбических, также дактило-хореических и анапесто-ямбических без рифмы. При конце положены стихи гексаметры обоего нашего рода, научающие как

---

[7] Этот первый вариант находится на л. 16, 16 об., 18 и 18 об.

гражданской добродетели, так и христианской, в коих о воспоминовении смертного часа. Но конец увенчается «Плачем».][8]

308 преложенные / [претолкованные]

318—319 положена по сих речь, говоренная / положены по сих две речи говоренные; *После*: Академии — [из которых последняя сообщена и на латинском языке, на котором она сочинена и говорена]; за сею / за сими

НАУКА О СТИХОТВОРЕНИИ И ПОЭЗИИ С ФРАНЦУЗСКИХ СТИХОВ БОАЛО-ДЕПРЕОВЫХ СТИХАМИ Ж

НР, л. 21—42 об. Отдельный лист с заглавием «Наука о стихотворении и поэзии с французских стихов Боало-Депреовых стихами ж» переплетен в НР в отрыве от перевода (л. 2) и фактически открывает рукопись СП.

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

С. 20, примеч. 2. *В НР вписано*: Horat.

С. 23. *Примеч. к ст. 167 вписано на левом поле.*

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

С. 27, примеч. к ст. 58. Энергия слово греческое / Энергия слово есть греческое

С. 28, примеч. 2. lib. 2 / *СП*: lib. X; *исправлено по НР.*

128 Шли собой / Надлежали там

136 они-то смех / те смех

138 В эпиграмме / Эпиграммы

159 Язв хотя ужасных / [Истин преужасных] — Язв хотя [смертельных]

167 Жаром все сияют / Всюду блещут жаром

---

8 Этот второй вариант находится на л. 18 об. и 19; третий, окончательный вариант — на л. 17, 19.

ПЕСНЬ ТРЕТИЯ

[30] ведать / знать мне
[197] чтеца / четца
[226] чтецу / четцу
С. 39. *Примеч. к ст. 250 вписано и вклеено на правом поле, на вклейке рукой Тредиаковского*: Песнь III, стран. 29.
С. 40, примеч. 10. *В СП опечатка* Fortuuam, *исправлено по НР.*
[371] может / *СП, НР*: *Тредиаковским была допущена исправленная здесь описка*: могут *вместо* может.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

[96] чтецами / четцами
[100] и в Шимене вред и яд / и в Шимене яд *слова* вред и *вписаны на правом поле.*
С. 47. *Примеч. к ст. 100 в НР отсутствует.*
С. 47. *Примеч. к ст. 103 в НР отсутствует.*

ГОРАЦИЯ ФЛАККА
«ЭПИСТОЛА К ПИЗОНАМ О СТИХОТВОРЕНИИ И ПОЭЗИИ»

НР, л. 43—57 об.

Заглавие заканчивается номером примечания (1), *но само примечание, как и все другие примечания, за исключением двадцать второго, отсутствует.*
[1] если б / [ежели б]
[68] болото / [озеро]
[84] бесед / разговоров
[88] юношеские / молодеческие
[91] *После*: стараюсь — [научиться]
[98] *После*: Пелей — [похожи]
[108] речи / слова
[133] прежде не описанное. Общая материя / прежде не описанное: общая материя

143 поведай / опиши

153 *После*: таким образом — [нрзб.]

157 коим / которым

159—160 естество пребывающее и переменяющееся / естества пребывающего и переменяющегося

166 на злое; увещателям непокорив / в злое; увещателям непреклонен

169 отвергать / оставлять

225 кой / которой

247 граждане / дворяне

270 терпеливостию / терпеливностию

288 столько ж бы / столько бы

328 12 унций *висано на левом поле.*

338 Вы о чем не имеете / О чем не имеете

388 обстоящих / стоящих

398 ларец / [кабинет]

427 *Слово* шелудив *было помечено:* *, *затем зачеркнуто и вставлено*: (22).

438 иногда он побледнеет при других / иногда он побледнеет, иногда при других

442 чаш / ковшей

450 когда ж бы / когда ж

451 устремились / устремитесь

452 не приложил бы / не приложит

453 оставил бы / оставит

456 места / стихи

СПОСОБ К СЛОЖЕНИЮ РОССИЙСКИХ СТИХОВ, ПРОТИВ ВЫДАННОГО В 1735 ГОДЕ, ИСПРАВЛЕННЫЙ И ДОПОЛНЕННЫЙ

НР, л. 58—85 об.

В тексте исправлены по НР допущенные в СП ошибки в обозначениях долготы и краткости слогов и их нумерации.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

[32] негде каждому взять в себе особно / негде каждому того взять в себе особно

[83] сия вольность толь есть нужная / сия вольность толь есть нужна

С. 71, примеч. где напряжение вверх голоса; тон есть напряжение вверх голоса; От голоса, кой выше, до голоса, кой ниже / где напряжение голоса; тон есть напряжение голоса; [От того что] выше [до того что] ниже; голоса кой в *НР вписано сверху.*

ГЛАВА ВТОРАЯ

[57—58] и третиею окончивать слово для пресечения *в НР вписано на правом поле.*

[69—71] иногда по одном женском один также мужеский, и, вопреки, иногда по одном женском или мужеском — два мужеские или женские / *СП*: иногда по одном женском или мужеском — два мужеские или женские; один также мужеский, и, вопреки, иногда по одном женском *восстановлено по НР.*

[75] бывает особливо / *СП, НР*: бывают; *исправлено согласно грамматике.*

[223] скансиа / скансио

ГЛАВА ТРЕТИЯ

[19—20] §§ 11, 12, 13 и 14 / *СП*: §§ 12, 13 и 14 *восстановлено по НР.*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

[19] акаталектики / все акателектики

ГЛАВА ПЯТАЯ

[202—203] один токмо в составе строфы и чином третий / один токмо в составе строфы и третий

ГЛАВА ШЕСТАЯ

14—16 была употребляема, для того что польский язык во всех словах, кроме односложных, ударяет силою всегда предкончаемый слог *в НР вписано на левом поле.*

17—20 *В СП § 4 пропущен, после § 3 следует § 5; восстановлен по НР.*

19 потому / [для того]

38—39 стараться о чистом в нем смысле / стараться о чистом в нем [разуме].

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

197 *После*: утвердиться. — [Без сомнения, сия их жалоба происходит от того, что они увидели после моего «Способа» «Письмо Харитона Макентина о сложении ж российских стихов», изданное в 1744 годе. Но сие письмо и осталось токмо письмом, а в дело от наших стихотворцев не принято, как отнюдь не могущее быть правилом нашему сложению стихов. Оно не основано на одновидном и простом, да и всюду общем и том же количестве слогов, или, лучше, нет в нем, почитай, никакого количества слогов, ни стоп, всюду одноличных; и, следовательно, оно то ж самое, что и польское, да еще и нестройнейшим ладом. Самое его главнейшее правило, как предложено в § 63, есть токмо один слух авторов, чего ничто не может быть неосновательнее.]

199—200 видят они ныне при хорее и стопу ямб / видят они ныне и стопу ямб

201 но первый мой «Способ» / но «Способ» мой

МНЕНИЕ О НАЧАЛЕ ПОЭЗИИ И СТИХОВ ВООБЩЕ

НР, л. 86—98.

6 Путеанский / Путеан

19 оныя. Поэзия есть внутреннее / оныя: поэзия есть внутреннее

26 Павийским / Павием

121 в гл. 4 / в главе 4

123 есть показатель певницы / есть показатель песни

126—128 Певница тропологически означает песнь (ибо мнится, что без нужды б священный писатель одну мусикию изобразил двумя инстру-

ментами) и, следовательно, поэзию *вписано на правом поле* / [Песнь означает поэзию]

[136] довесть до исправнейшия мусикии / довесть до мусикии

[137] о сладости речи / к сласти речи

[230] ибо самомнительное / ибо как самомнительное

[245] не другим кому / не другим

С. 106. *Примеч. подклеено внизу листа.* видно и ныне по мужицким песням / видно и ныне по песням; подлых, но коренных стихов/ простых [песен] стихов; также ямб / иль также ямб.

[251] от льстецов / от лесцев

[255] отвративши от первого установления / отвративши ея от первого [ея] установления [оныя]

[290] ибо что необходимость / и что необходимость

[302] живыми начертаниями / живыми фигурами

[340] сделать / сделали

ПИСЬМО К ПРИЯТЕЛЮ О НЫНЕШНЕЙ ПОЛЬЗЕ ГРАЖДАНСТВУ ОТ ПОЭЗИИ

НР, л. 98 об.—101 об.

Заглавие: Письмо к приятелю / Письмо [от приятеля] к приятелю

[46—47] *После*: на нашем языке и то все — что от них составлено стихословными мерами *вписано на правом поле.*

[55—56] «правилами состоящих и доказательствами утверждаемых» / *СП*: «ящих и доказательствами утверждаемых...»; *кавычки ошибочно поставлены в начале строк, начинающихся с перенесенных окончаний слов*: -ящих *и* -емых; *восстановлено по НР.*

[76—77] *После*: нежели все иное — и едва ль меньше, коль и пальма, полученная за доблественные деяния, воспеваемые ею в роды *вписано на правом поле.*

[81] приносили / [нрзб.]

[87] *После*: Ваш государя моего покорный слуга В. Т. — *внизу соскоблена дата.*

НЕСКОЛЬКО ЭЗОПОВЫХ БАСЕНОК, ДЛЯ ОПЫТКА ГЕКСАМЕТРАМИ ЯМБИЧЕСКИМИ И ХОРЕИЧЕСКИМИ СОСТАВЛЕННЫХ

НР, л. 102—121 об.

Заглавие: ямбическими и хореическими / [хореическими и ямбическими]

Басенка VII. СОЛНЦЕ И БОРЕЙ (СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР)

Заглавие: *После*: Борей — (Северный ветер) *вписано мелким почерком другими чернилами.*

Басенка X. ВОР И ПЕС

2 чтоб окрасть / чтоб обкрасть
6 Как ты нас окрадешь / Как ты нас обкрадешь

Басенка XII. ПЕС И ЧАСТЬ МЯСА

8 и́зо-рту вон опустил / и́зо-рту вот опустил

Басенка XV. ПОСЕЛЯНИН И УЖ

6 вложил под леву мышку / вложил под саму мышку

Басенка XVI. ЛЕВ, ТЕЛИЦА, КОЗА, ОВЦА

16 Так один корыстью всею Лев в них завладел / Так корыстью всею Лев один в них завладел

Басенка XXXI. ЛЕВ ЖЕНИХ

5 твоим ли-я отдам / твоим ли отдам; я *вписано сверху.*
6 и острым толь зубам / и вострым толь зубам

Басенка XLII. ПЕС И ВОЛК

[5] ну со мной / ты со мной

Басенка XLIII. ЛИСИЦА И ЛЕВ

[4] Что с страха / Что с страху

Басенка XLIX. ЛЕШИЙ И МУЖИК

[9] озяблые / [нрзб.].

ТОМ ВТОРОЙ

РЕЧЬ, КОТОРУЮ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК К ЧЛЕНАМ БЫВШЕГО РОССИЙСКОГО СОБРАНИЯ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОГО ИХ ЗАСЕДАНИЯ МАРТА 14 ДНЯ 1735 ГОДА О ЧИСТОТЕ РОССИЙСКОГО ЯЗЫКА ГОВОРИЛ В. Т.

Рукопись первой редакции речи (опубл.: Речь, которую в Санктпетербургской имп. Академии наук к членам Российского собрания ⟨...⟩ говорил Василий Тредиаковский... СПб., печ. при Имп. Акад. наук, 1735) не сохранилась. Ниже приводятся варианты по НР (л. 128—136) и по указанному изданию (1735).

Заглавие в НР: Речь, которую в Санкт-Петербургской Императорской Академии наук к членам бывшего Российского собрания во время перваго их заседания марта 14 дня 1735 года о чистоте российского языка говорил В. Т. *Слово* бывшего *вписано сверху*.

[1] великия / *1735*: величайшия

[2, 18, 26, 37, 51, 75, 110, 118, 122, 125, 137, 155, 157, 181, 185, 196, 206] господа / *1735*: мои господа

[5] остроумный и мудрый / *1735*: остроумный, искусный и мудрый

[8] за нужное толь / *1735*: За толь нуждное; по ныне / *НР*, *1735*: доныне

9 высокородному / *1735*: высокоблагородному

11—12 в мудрых мудрой, в ученых ученой, в достойных достойной особе / *НР*: в мудрых мудрому, в ученых ученому, в достойных достойному мужу / *1735*: в мудрых мудрому, в ученых ученому, в славных славному мужу

12 слово / *1735*: перо

17 почтить / *1735*: ублажить

19 разумное / *НР*, *1735*: мудрое; также / *1735*: такожде

21 росской / *НР*, *1735*: российской

22 мысленному зрению моему представляют / *1735*: пред мои представляют очи

23 уже любезну, плодоносну, похвальну, хотя одним / *1735*: уже ту любезну, прибыточну, честну, хотя единым

26—27 по коей / *1735*: по которой

27 требуемо / *1735*: требоваться

28 необыкновенна / *1735*: необычна

28—29 с тупостью моего ума сходственна / *1735*: тупости моего ума прилична

31 когда вам речь мою / *1735*: в которое вам сию речь

33—34 содружества, которого токмо такой / *1735*: сообщества, которого токмо таковый

35—36 Впрочем, что до разума / *1735*: Однако с стороны разума

37 нахожусь / *1735*: нахожуся

38 постараюсь / *1735*: тщуся

39 велениям / *НР*: [*нрзб.*]. / *1735*: повелениям

40 отнюдь отречения / *1735*: никакой отговорки

40—41 ни малого преслушания; ко всему, чего моя должность взыскивать с меня / *1735*: никакого преслушания; ко всему, чего моя должность требовать от меня

42 да и всегда прилежна / *1735*: и всегда прилежна

43—44 несколько меня достойным изобрящет вашего сообщества / *1735*: достойным меня несколько быть вашего сообщества а найдет

46—47 трудясь, употреблю, что, и да будет благоуспешно, желаю / *1735*: трудяся употреблю. *Конец фразы отсутствует.*

48 Великая потребность в сем деле! Однако, с другой стороны, коль / *1735*: Однако сие коль

52 об одном / *1735*: о едином

53 одно / *1735*: едино

54—55 кои упражняетесь ныне / *1735*: которые ныне трудитесь

56 основанной на том / *1735*: основанной на оном.

[56—57] коль много потребности, толь немалая и трудность / *1735*: коль много есть нужды, толь много есть и трудности
[57] лексиконе / *1735*: дикционаре
[58] кой в вас / *НР*: который в вас / *1735*: который в имеющих трудиться вас
[60] токмо / *1735*: все
[61] а сие все безмерно / *1735*: что чрез меру
[75] поистине / *НР*: [утверждаю] — поистине
[79] Сего точно ради / *1735*: И сего-то ради
[80] поручается дабы / *1735*: вручается чтоб
[81] средствие / *1735*: средство
[84] будущему роду / *1735*: будущим родам
[86] воинственных / *1735*: военных
[88] приключениях / *1735*: случаях
[94] А наша государыня / *1735*: А наша всемилостивейшая государыня
[95] жалует и снабдевает / *1735*: жалует и любит
[96] не требуя / *1735*: не спрашивая
[97] поистине / *1735*: Ей
[98] праведно / *1735*: истинно
[99] достовернейшая сия истина / *НР*: достовернейшая сия правда / *1735*: наивернейшая сия правда
[100] пиитов; до нынешнего времени / *1735*: пиит; до нынешних времен
[101] невероятно и неизвестно / *1735*: не достоверно
[103] о крайней / *1735*: о превеликой
[104] неудопонятного потомкам / *НР*: неудопонятного [того] потомкам
[108] Всех бы разве витийствующих / *1735*: Всея бы разве вселенныя
[109] красноречие / *1735*: краснословие
[110—111] совокупно, как в малом находящиеся числе, могли / *1735*: совокупно, повторяю, могли
[112] самая совершенная словесность / *1735*: наисовершеннейшее витийство
[120] крат / *1735*: раз
[121] прославляемой / *1735*: могущей прославиться
[123—124] чудное ея величие уму моему есть ужасно и дивно / *1735*: чудная ея великость ум мой ужасает и удивляет
[126] Бесспорно, сия трудность / *1735*: Правда, что сия трудность
[127] из таких / *1735*: из таковых
[128] презыблющемся океане / *1735*: прежидком море
[130] достает маргариты / *1735*: находит перла

133—134 кто сего не предусматривает и кто сего уразуметь не может / *1735*: кто сего не чувствует? Кто сего уразуметь не может?

136—137 а не нам, предприявшим. Правда. Но, господа / *1735*: а не нам. Но, мои господа

142 и устрашают трудности / *1735*: трудности и устрашают

142 а по начатии нечто из того произойдет / *1735*: а начав быть имеет

143 побуждение других к подобному / *1735*: поощрение другим к таковому

146 были такие; боясь / *1735*: были таковые; боясь

148 приложить / *1735*: возыметь

149 Приложила / *1735*: Возымела

150 мню / *1735*: думаю

151 там употребляемого диалекта / *1735*: их диалекта

152 содружеству / *1735*: сообществу

156 нужного дела; не помышляете; не в состоянии быть украшаем / *1735*: подобного дела; не думаете; в состоянии не находится быть украшаем

159 размысливши / *1735*: рассудив

160 бывшие прежде / *1735*: в прежде его бывшие

162 достославныя / *НР*: великия

164—165 в слове учтивейший и великолепнейший богатством и сиянием / *1735*: в слове наиучтивейший и богатством наивеликолепнейший

165—166 говорить и писать благоразумнейшие / *1735*: говорить благоразумнейшие

166 премудрые / *1735*: премудрейшие

168 краснейший / *1735*: наикраснейший

169—170 благородных сословие / *1735*: дворянство

171—173 от всех разумных: не может общее, красное и пишемое обыкновение не на разуме быть основано, хотя коль ни твердится употребление без точныя идеи об употреблении. Сие положив... / *НР*: от всех разумных: не может общее и [отменнейшее] обыкновение не на разуме быть основано. Сие положив... *Вписано сверху*: красное и пишемое... *Вписано на левом поле*: хотя коль ни твердится употребление без точныя идеи об употреблении. / *1735*: от всех разумных. Сие положив...

174 удобность / *1735*: способность

176 творцы греческие и римские / *НР*: греческие *вписано сверху* / *1735*: творцы римские

180 некоторым его словом / *НР*: [погребательным] некоторым его словом / *1735*: чрез погребательное его слово и чрез речь...

186, 187, 189, 191, 192 в лексиконе; лексикон; лексиконов / *1735*: в дикционаре; дикционар; дикционаров

189—191 Однако не сие есть свойство лексикона, как повествуется об истинном, или и ложном, лучше, Фениксе, что б единожды в пятьсот лет был созерцаем; тысящи есть издавна разных лексиконов, и на многих языках. / *НР*: Однако [дерзаю вас спросить, видели ли вы когда какой лексикон на другом языке? Вижу, что никто из вас не может отрещись, знаю, что из оных многие случалось вам видать, и на не одном языке.] / *1735*: Однако спрашиваю вас, видали ли вы когда дикционарий на каком языке?.. Вижу, что никто из вас не может отрещися, знаю, что из оных многие вы видывали и на многих языках.; тысящи есть издавна разных лексиконов [да и вы сами многие из них видели], и на многих языках.

193 Излишно б упомянул / *1735*: Напрасно говорил

198 Ясно есть / *1735*: Видите, мои господа

205 привыкнем и пристрастимся / *1735*: пристрастимся

206 Впрочем / *1735*: Напоследок

207 препобеждаемую / *1735*: могущую победиться

208 сие я исполнил / *1735*: сие я учинил

209 вашего первого опыта / *1735*: оное я учинил

209—213 сию речь, на сих листках написанную; прося, да соблаговолите в ней ~ несколько пошлою и приятною / *1735*: сию речь; прося, чтоб вы в ней неправильное исправили, недостаточное наполнили, неприличное приличным и надлежащим украсили, лишнее вон выняли.

ОДЫ ПОХВАЛЬНЫЕ

Ода I. ТОРЖЕСТВЕННАЯ О СДАЧЕ ГОРОДА ГДАНСКА

Рукопись первой редакции оды, изданной в книге: Ода торжественная о сдаче города Гданска. СПб., 1734, не сохранилась. Ниже приводятся варианты второй редакции по НР (л. 137—140) и первая редакция по указанному изданию (1734).

6 красны / ясны

17 сравнилась днесь / сравнялася

21—22 Се брящаю в лиру сладку Велелепно торжество / Пой же, лира, песнь ту сладку Аннино в ней торжество

27 борца / бойца

[28] Светлой радости нет меры / Радости нет меры
[30] усладившей / расширившей.
[32] Сии при море стоят? / Се там при море стоят
[42] тут / близ

1734:

ОДА ТОРЖЕСТВЕННАЯ О СДАЧЕ ГОРОДА ГДАНСКА

Кое трезвое мне пианство
Слово дает к славной причине?
Чистое Парнаса убранство,
Музы! не вас ли вижу ныне?
И звон ваших струн сладкогласных,
И силу ликов слышу красных;
Все чинит во мне речь избранну.
Народы! радостно внемлите;
Бурливые ветры! молчите:
Храбру прославлять хощу Анну.

В своих песнях, в вечность преславных,
Пиндар, Гораций несравненны
Взнеслися до звезд в небе явных,
Как орлы быстры, дерзновенны.
Но буде б ревности сердечной,
Что имеет к Анне жар вечный,
Моея глас лиры сравнился,
То бы сам и Орфей Фракийский,
Амфион купно б и Фивийский
Сладости ея удивился.

Воспевай же, лира, песнь сладку,
Анну, то есть благополучну,
К вящему всех врагов упадку,
К несчастию ввеки тем скучну.
О ея и храбрость, и сила!
О всех подданных радость мила!

Страшит храбрость, все побеждая,
В дивный восторг радость приводит,

Печальну и мысль нам отводит,
Все наши сердца расширяя.

Не сам ли Нептун строил стены,
Что при близком толь горды море?
Нет ли троянским к ним примены,
Что хотели быть долго в споре
С оружием в действе пресильным
И с воином в бой неумильным?
Все Вислою ныне рекою
Не Скамандр ли называют?
Не Иде ль имя налагают
Столценбергом тамо горою?

То не Троя басней причина:
Не один Ахиллес воюет;
Всяк Фетидина воин сына
Мужественнее тут штурмует.
Что ж чудным за власть шлемом блещет?
Не Минерва ль копие мещет?
Явно, что от небес посланна
И богиня со всего вида,
Страшна и без щита эгида?
Императрица есть то Анна.

И воин то российский намало
Окружил Гданск, город противный,
Марсом кажда назвать пристало,
В силе ж всяк паче Марса дивный;
Готов и кровь пролити смело
Иль о Анне победить цело:
Счастием Анны все крепятся,
Анна токмо надежда тверда;
И что Анна к ним милосерда,
На ея врагов больше злятся.

Эвропска неба и Азийска
Солнце красно, благоприятно!

О самодержица российска!
Благополучна многократно!
Что тако подданным любезна,
Что владеешь толь им полезна!
Имя уж страшно твое свету,
А славы не вместит вселенна,
Желая ти быть покоренна,
Красоты вся дивится цвету.

Но что вижу? не льстит ли око?
Отрок Геркулеса противу,
Подъемля бровь горду высоко,
Хочет стать всего света к диву!
Гданск то есть с помыслом неумным,
Будто б упившись питьем шумным,
Противится, и уже явно,
Императрице многомочной;
Не видит бездны, как в тьме ночной,
Рассуждаючи неисправно.

В нутр самый своего округа
Ищущего дважды корону
Станислава берет за друга,
Уповает на оборону
Чрез поля льющася Нептуна;
Но бояся ж росска Перуна,
Ищет и помощи в народе,
Что живет при брегах Секваны;
Тот в свой проигрыш барабаны
Се Векселминды бьет в пригоде.

Гордый огнем Гданск и железом,
Купно воинами повсюду,
Уж махины ставит разрезом
В россов на раскатах вне уду;
И что богат многим припасом,
«Виват Станислав!», — кричит гласом.
Ободряет в воинах злобу,
Храброго сердца не имущих,

Едино токмо стерегущих
Соблюсти б ногами жизнь собу.

Ах! Гданск, ах! на что ты дерзаешь?
Воззови ум, с ним соберися:
К напасти себя приближаешь.
Что стал? что медлишь? покорися.
Откуда ты смелость имеешь,
Что пред Анною не бледнеешь?
Народы поддаются целы,
Своевольно, без всякой брани;
Чтоб не давать когда ей дани,
Чтут дважды ту хински пределы.

В милости нет Анне подобной,
Кто милости у нея просит;
К миру нет толико удобной
С тем, кто войны ей не наносит.
Меч ея, оливой обвитый,
Не в мире, но в брани сердитый.
Покинь, Гданск, покинь мысль ту злую;
Видишь, что Алциды готовы;
Жителей зришь беды суровы;
Гневну слышишь Анну самую.

Тысячами храбрых атлетов
Окружен ты отвсюду тесно,
Молнии от частых полетов,
Что разбивает всё известно,
Устоять весьма ти не можно;
И что гром готов, то не ложно;
На раскатах нет уж защиты,
Земля пропасти растворяет;
Здание в воздух улетает;
И ограды многи отбиты.

Хотя б государи стали
За тебя, Гданск, ныне сердечно,

Хоть бы стихии защищали,
Всего хоть бы света конечно
Солдаты храбры в тебе были
И кровь бы свою щедро лили,
Но все оны тебя защитить,
Ей! не могут уже никако,
Старалися хотя бы всяко,
И из рук Анниных похитить.

Смотрите, противны народы,
Коль храбры российские люди!
Огнь не вредит им, ниже воды,
На всё открыты у них груди;
Зрите, как спешат до приступа!
Как и ломятся без отступа!
Не страшатся пушечна грома,
Лезут, как танцевать на браки,
И сквозь дымные видно мраки,
Кому вся храбрость есть знакома.

Еще умножаются страхи
При стенах бедна Гданска града:
Здания ломаются в прахи;
Премогает везде осада.
Магистрат, зря с стены последней,
Что им в помощи не соседней
И что в приятстве Станислава
Суетная была надежда,
Стоя без смысла, как невежда,
«Ах! — кричит, — пала наша слава».

Хочет сбыться, что я пророчил:
Начинает Гданск уж трястися;
Всяк сдаться так, биться как прочил,
Мыслит купно чрез то спастися
От бомб летящих по воздуху
И от смертоносного духу.
Всяк кричит: «Пора начинати!» —
Всем несносно было то бремя;

Ах! все врата у града время
Аннину войску отворяти.

Сталося так. Видно знак к сдаче:
Повергся Гданск Анне под ноги;
Воин рад стал быть о удаче;
Огнь погас; всем вольны дороги.
Повсюду и Слава паряща
Се летит, трубою гласяща:
«Анна счастием превосходна!
Анна, о наша всех храбрейша!
Анна Августа августейша!
Красота и честь всенародна!»

Престань, лира! время скончити:
Великую Анну достойно
Кто может, хваля, возносити
И храбрость свыше при той стройно?
В сем хвала Анне есть многа,
Что любима от вышня Бога.
О Сем побеждать ей желаю,
И побеждать всегда имеет,
Кто противен быть ни посмеет.
Тем «виват Анна!» восклицаю.

РАССУЖДЕНИЕ ОБ ОДЕ ВООБЩЕ

Рукопись первой редакции «Рассуждения», изданного в книге: Ода торжественная о сдаче города Гданска. СПб., 1734, не сохранилась. Ниже приводятся варианты второй редакции по НР (л. 140 об.—142 об.) и первая редакция по указанному изданию (1734).

Заглавие: Рассуждение об оде вообще / *1734*: Рассуждение о оде вообще

1 которая по-нашему / *1734*: которая по-российски будучи переведена

2 совокупление / *1734*: собрание; *1734 после*: строф — то есть статеек

4 редко нежная и приятная, в речах весьма пиитических и великолепных / *НР*: [не]редко / *1734*: и великолепная, в речах превесьма пиитических и очень высоких.

[6] видно / *1734*: можно выразуметь; благородством материи и высокостию речей /*1734*: важностию материи и высотою слов

[7] *1734 после*: краткостию своею — потому что ода насилу более девятнадцати строф, хотя б меньше десяти стихов каждая строфа имела, содержать может

[8—9] для того что ода никогда не сочиняется гексаметром, или шесть мер имеющим стихом. / *1734*: понеже ода никогда не пишется героическим стихом, в российской поэзии тринадцатью слогами а шестью стопами состоящим, весьма от эпическия поэзии разнится.

[10] песнотворца / *1734*: песнопевца

[11] песня из многих состоит строф / *1734*: песня многими состоит строфами

[12—13] Но материею и словами весьма от оды отлична, ибо содержание песен / *1734*: Но важностию материи и глубокостию речей весьма от оды отлична, понеже материя песней

[15—16] сладкая, но всегда льстящая / *1734*: сладкая а всегда льстящая

[17] Есть и еще род строф; в средней / *1734*: Есть и еще род статеек; около средней

[18] *1734 после*: общей — как песня; словами / *1734*: речами; именно ж / *1734*: то есть

[19—20] ни весьма; ни очень; нечто от высоты / *1734*: ни очень; ни гораздо; от высокости нечто

[21] *1734 после*: стансами — Я правильно или неправильно всегда таковым стихам налагал имя песнь, а не песня, хотя бы ж оная песнь на голос у меня положена была, хотя бы ж и просто для чтения только предлагалася. Таковые строфы, песнию от меня названные, сочинил я поздравительные новым годом, на голос положенные и петые пред ея императорским величеством Анною Иоанновною, самодежицею всеройссийскою всемилостивейшею нашея государынею в самый первый день 1733 года, которые начинаются чрез:

Новый год начинаем,
Радость всем обещаем и проч.

Но возвращаюся к оде.

[23] *1734 после*: подлинно — хотя некоторые, доброго вкуса не имеющие, и противилися было, что Пиндар, пиита лирический на эллинском языке,

[24] искусства / *1734*: ремесла

[25] иметь успех / 1734: искусен быть

[26] сочинять толь / *1734*: писать так

[27] как будто б он был вне себя / *1734*: как бы вне себя быть

[28] дабы лучше / *1734*: чтоб лучше

[29] Боало-Депрео / 1734: Боало

[29—30] исправного порядка / *1734*: того порядка методического и исправного связания сенса

[32] величественности / *1734*: величеству; неподражаемому совершенству / *1734*: совершенству неподражаемому

[33] Боало-Депрео / *1734*: господин Боало-Депрео

[34] во второй песни «Науки» своея «о поэзии» / *1734*: в «Науке» своея «о пиитике»

[38—39] *Вместо приведенного в русском переводе двустишия в 1734 было*:

Ея стиль устремленный часто ходит на отвагу,
В ней красный беспорядок умышленное есть искусство.

[40] Сего правила / 1734: Сим правилом; мнится / *1734*: кажется

[41] делом / *1734*: действом

[42] преизрядной / *1734*: преизряднейшей; взятого города / *1734*: взятья города

[43] *1734 после*: войска — Гораздо ж не мал энтузиазм в одах господина Малгерба, славного лирического пииты французского.

Говоря о греках, римлянах и французах, не могу я умолчать о природном нашем российнине, то есть о преосвященнейшем Феофане Прокоповиче, архиепископе Великоновгородском и Великолуцком, Святейшего правительствующего всероссийского синода первенствующем члене, который, поистине, как другие Горации, толь благородно и высоко, славно и великолепно вознесся в предражайшей своей оде, сочиненной им на латинском языке, когда блаженная и достославныя памяти Петр Второй, император и самодержец всероссийский, отправлялся в Москву для коронования, что Гораций бы сам, посмотрев оную, в удивление пришел и ту ж бы его преосвященству справедливость похвалы учинил, которую я ему теперь отдаю. В ней самое начало важно, средина великолепна и прямого энтузиасма пиитического, конец удивителен и достоин во всем языка священноначальнического, а наипаче парафразис сотого Псалма толь кстати, толь хитро, толь с мудрым избранием слов, равняющихся почти подлинных высоте, наконец толь рассудительно и остро от его преосвященства положен, что

сим самым, кажется, и Пиндара, и Горация, Боало и Малгерба превзошел он и почти отнял у них всегда зеленеющийся лавр лиричества. Я, когда приехал из Франции в Санктпетербург и чрез приятство одного мне друга, в Санктпетербургской академии наук достойного адъюнкта, лишь впервые стал читать сообщенную мне ту оду и почувствовал энтузиасм ея превысокий, то в толь великий энтузиасм удивления и сам пришел, что не мог, свидетельствуюся совестию моею, удержаться, чтоб сдважды или стрижды не вскричать: «Боже мой! Как эта ода хорошо и мастерски сделана!» Начинается сия ода так:

Contend Felix, auspice Numine... и проч.

[48] произведению, которое / *НР*: [*нрзб.*] котор[*нрзб.*] *вписано на месте выскобленного слова, окончание* —ое *в слове* которое *вписано на месте выскобленного окончания.*

[51—72] Всяк российский охотник ~ самая первая есть на нашем языке / *1734*:

И понеже еще я по сие место говорил все о одах, чужестранными языками написанных, того ради охотник российский может приметить высоту слова, какова должна быть в одах, в Псалмах Святого пииты псалтирического, то есть блаженного Пророка и царя Давида; ибо Псалмы не что иное, как оды, хотя на российский и не стихами переведенные, как и на прочие христианские языки; но на еврейском все они стихами сочиненные по тогдашнему еврейских стихов обычаю. Увидит он тут и *благородство материи*, и *богатство украшения*, и *великолепие слова*, увидит *мудрую прерывку разума, от разума не отходящую*, увидит *удивительное вознесение к высоте, слогом возлетающее*, какого Пиндар и Гораций имеет и какого господин Боало иметь приказывает, увидит и скажет, что то самый божий язык.

Оду, которую я сочинил и по причине которыя сие учинено рассуждение, также и которую преискуснейший из лирических пиит немецкого народа, то есть господин Юнкер, в Санктпетербургской императорской академии наук публичный профессор, благоволил перевесть на немецкий язык, не даю я за такую, каковой ей надлежало быть по правилу и каковые сам я хвалю, но только отдаю в рассуждение искусным, объявляя им, что я всячески старался пиндаризовать, то есть Пиндару во всем подражать, так что я в ней меч сердитым, а трезвым пианство назвал и прочие многие гораздо дерзновенные фигуры с великолепием наивозможным мне слов, по примеру древних пиит дифирамбических, как то видно из всея оды,

а наипаче в четвертой на десять строфе, из фигуры, называемыя гипербола, которая хотя и чрезвычайна и с правдою мало сходна, но дифирамбичества, чтоб вольно было так сказать, продерзостного законом позволенная. Не меньше ж у меня и пятая строфа смела, которая полагает, что якобы сама ея императорское величество при осаде присутствует и полководствует, вместо чтоб отдать по правде ту честь графу фон Миниху, войск императорского величества генерал-фельдмаршалу.

И поистине, где указ ея императорского величества повелевает что отправлять, там пиита присутствие самого лица, повелевающего то исполнять, может ввести и указ за присутствие взять. Говорю пиита, ибо гисторик и оратор не может тако учинить, а и пиита не всякий, да только дифирамбический, каковым мне в сей оде быть за благо рассудилося. Но буде найдется, что я в том несчастлив, то я утешать себя буду начальными словами из одной оды Горациевой, то есть:

Pindarum quisquis studet aemulari...

В которой Гораций дает довольно знать, что ежели б он сам хотел взлететь на высоту Пиндарову, то бы думал он про себя, что необходимо наниз бы имел слететь.

Я не сомневаюся, чтоб перевод немецкий по всему красняе и осанковатее, ведая искусство чрез пять-шесть од господина Юнкера, не был моего подлинного сочинения, однако ж я то себе в великую ставлю славу и за превеликое почитаю счастие, что я мог чрез сию оду изъявить в толь радостный случай ея императорскому величеству горячую мою ревность и купно чрезвычайную радость по должности всеподданейшего ея раба и по собственному к ея императорскому величеству пламенеющему моему доброусердию.

68 довольно / *НР*: [но] довольно

70 сочинения, но / *НР*: сочинения; но *вписано на правом поле.*

71—72 она нечто имеет в себе, как мнится, несколько не бесславное / *НР*: она [*нрзб.*] нечто имеет в себе несколько не бесславное; как мнится *вписано сверху.*

Ода II. ПОХВАЛА ЦВЕТКУ РОЗЕ

Рукопись первой редакции оды, изданной в книге: Новый и краткий способ к сложению российских стихов... СПб., 1735. С. 59—61, не сохранилась. Ниже приводятся варианты второй редакции по НР (л. 143—144) и первая редакция по указанному изданию (1735).

6 Не зарницу, солнце точно всех садов! / *НР*: Не зарницу, солнце всех садов!
10 лучшего в чем нет / *НР*: лучший в чем есть след
1735:

ОДА В ПОХВАЛУ ЦВЕТУ РОЗЕ

Сочинена нарочно новым российским пентаметром для примера

Красота весны! Роза о прекрасна!
Всей, о госпожа, румяности власна!
Тя во всех садах яхонт несравненный,
Тя из всех цветов цвет предрагоценный,
О цветов тя всех славную царицу,
Само цветников солнце, не зарницу!
Похвалить теперь я хотя и тщуся,
Но багряну зря и хвалить стыжуся.

Как природа в свет тя производила,
Лучшему в тебе быть определила;
Красн бы ты была цвет из всех краснейших,
Честн бы ты была цвет из всех честнейших:
Цветы мало чем прочие красятся;
А в тебе доброт совершенства зрятся.
Лилее б молчать с белостью немалой,
К белизне тебе цвет дала желт, алой.

На земле расти мягкой ти велела,
Мягкости б вредить груба не имела;
Зефир токмо тих над тобой летает,
Благовонность всю в воздух распущает.
Вся старалась толь о тебе природа,
Что любиму тя из цветов всех рода,
Тернием кругом оградила брежно,
Не касалось бы к нежной, что не нежно.

Разлила по всей благовонность многу,
Дух на всяк листок сладкий без прилогу;
Чувство в нас одно, зря на тя, дивится,
Чувство в нас одно духом тем сладится;

Красотою всех ты увеселяешь,
Благовонством же чудно услаждаешь.
Внешнее чрез всё кто, как ты, богата?
Внутренним же, ей! ты дражайша злата
Тщалась искусить чрез свои кармины,
И мешая к ним многи краски ины,
Живопись всегда пестра, разноцветна,
Оку токмо в вид одному приметна,
Чтоб цвет написать здесь тебе подобный;
А изобразив, зрила весь особный.
Кистию бы как сделать то случилось,
Само небо в чем тщательно трудилось?

Адамант от перл есть в цене коль разный,
С чистым не сравнен коль источник грязный,
Злат железна коль есть металл дражайший,
Отраслей своих кедр коль высочайший,
Весь цветущий род толь ты превосходишь,
С оных наш и взор на себя приводишь:
То, что солнце есть всеми пред звездами,
Разными между видим тя цветами.

Красоту твою мы зрим ненасытно,
И желаем зреть все ту любопытно;
Обоняем дух с неба твой приятный:
Равен твоему где есть ароматный?
Знаете и вы, мудрые о пчелы!
Коль сей райский цвет в дивны вам пределы
Щедро подает от богатства иста
Многоценный дар меда нектар чиста.

Ода III. ПОХВАЛА ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ ПРАВДЕ НАД ЛЖЕЮ

Рукопись первой редакции оды, изданной в книге: Новый и краткий способ к сложению российских стихов... СПб., 1735. С. 62—65, не сохранилась. Ниже приводятся варианты второй редакции по НР (л. 144—145 об.) и первая редакция по указанному изданию (1735).

2 Пороков что за смрадна старость? / *НР*: Пороков за смрадна старость?

3 дышет / *НР*: пышет

ОДА ВЫМЫШЛЕНА В СЛАВУ ПРАВДЫ, ПОБЕЖДАЮЩИЯ ЛОЖЬ И ВСЕГДА ТОРЖЕСТВУЮЩИЯ НАД НЕЮ

Сочинена для примера простого российского стиха

Что то за злость? и что за ярость?
Что за смрадна пороков старость?
Ах! Коль адским огнем та дышит!
Ищет кого-то уязвити;
Кого-то хочет умертвити?
Страшно, ах! Грозным гневом пышет.

Чудовище свирепо, мерзко
Три головы подъемлет дерзко;
Тремя сверкает языками!
Яд изблевать уже готово,
Ибо наглостию сурово.
Тремя же зевает устами!

Ложь то проклята, дерзновенна,
Вышла вся из ада безденна,
Правду ищет везде святую,
Бесстыдно гонит ту всечасно
И славится тем велегласно,
Растерзать смело хотя тую.

Укройся ты, Правда драгая:
Поднялась на тебя Ложь злая.
Та нагла — кротка ты безмерно;
Свирепа та — но ты вся сладость;
Та зверообразна — ты благость;
Задавит тебя, мышлю, верно.

Но Правда является мила
И доброт с нею многа сила;
Честь, купно хвально постоянство,
Красота и светлость безмрачна;

Следует кротость доброзрачна
И добродетелей убранство.

Тихо ко Лжи приходит прямо;
Ложь смотрит на нее упрямо.
Прочь, ах! Прочь, Правда вселюбезна:
Ложь тебя злобно растерзает,
Или тя страх не обнимает?
Послушай прошения слезна.

Увы! Брань уже началася!
Однак Правда не поддалася.
Грозит ложь, что тоя сильняе;
Но Правда разит глубочае
Так, что никая сила здешна.

Та ругает ложно словами;
Не молчит и правда устами.
Та чуть было уж не пронзила.
Оружием Правда острейшим
И ударом много сильнейшим
Смертно злую Ложь уязвила.

О ра́за преблагополучна.
О победа! О слава звучна!
Пропала уже Ложь спесива!
Правда торжествует известно,
Торжество всюду стало вестно;
И торжествовать той нет дива.

Еще торжества видны следы
После преславной той победы;
Следуют за Правдою многи
А все добры сердца имеют,
Восклицаниями сипеют,
Провожая Правду в чертоги.

То весело видеть всем было,
То всюду радость, то им чинило.

Коль горько тогда ей терпети
От Лжи велику злость напрасно;
Толь торжество славно и красно
Радостно ныне Правде пети.

Ода V. ПРИВЕТСТВЕННАЯ
(ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИЗАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ 1742 ГОДА)

Рукопись первой редакции оды, изданной в книге: Всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице всероссийской, государыне всемилостивейшей всеподданнейшее поздравление в высочайший день ея коронования в царствующем и столичном городе Москве апреля ... дня 1742 года в приветственной оде изображенное и ея священнейшему величеству усерднейше посвященное чрез всеподданнейшего раба Василья Тредиаковского, императорския Академии наук секретаря (СПб., 1742), не сохранилась. Ниже приводятся варианты второй редакции оды по НР (л. 147 об.—153) и первая редакция по указанному изданию (1742).

73 Се в багрянице, с слов завета / Се и порфирою одета

113 не нижайша / [*нрзб.*]

144 Впреки терпению гремлю / [что я терпение виню]

149 Но зрит и купно верить просит / *СП и НР*: Но зрит и верить просит; *исправлено по*: *Петровский.*

208 На верну должность и подданства / На должность и подданства; верну *вписано сверху.*

1742:

Господи! велия слава ея спасением Твоим

Устрой, молчаща давно лира,
В громкий глас ныне твои струны,
Чтоб услышаться ти от мира,
Вознеси до стран, где перуны,
Светлый твой купно звон приятный,
Да будет сей и грому внятный;
Но, сладостна, несись в чертоги,

Поя Элисавету красно,
Отныне в том долг твой всечасно,
И ей повергаясь под ноги.

О матерь Отчества Российска!
О императрица! о дева!
О Эвропска честь и Азийска!
О Петрова чистый плод древа!
Кому можно воспеть пристойно,
Чтобы того было достойно,
Который на главе ти зрится
Се венец от каменя честна?
Песнь моя к тому есть безместна:
Красно всё пред тобой стыдится.

Всуе восхищаюсь на горы,
Где лик нежных муз обитает,
Всуе песнописцев соборы
Ум в помощь себе призывает;
Аполлин с хором неисправен,
Ни Пиндар, ни Гораций равен.
К должной Элисаветы славе,
Днесь монархини увенчанны,
Милостей в знак от Бога данны,
Освященны в вечном уставе.

Тако ли, молчащ, покорюся
Просто сил моих недостатку?
Или тем извинен явлюся,
Что трепещу, да не к упадку
Похвал воспеть что-либ имею
И, неискусен, онемею?
Всеми ж славится в граде, в поле
Элисавета несравненна,
Тем вся песнь и неукрашенна
Красна по одной к тому воле.

Зефирный дух ветры да веют,
Реки да текут млеком, медом,

Все плоды скоряе да спеют,
Цветы да прорастают следом,
Да льют стихии силу нову,
К безвредию тварей готову:
В Элисавете обновились
Российски небеса с светилы,
Для Элисаветы толь милы
И земли ея пременились.

Сим ли наши сердца едины
К общей премене не имели
В глубокости чувствий причины,
Что необычно вспламенели?
Зрим, что глава законна ныне
Красится венцом в благостыне;
Видим, Элисавета сладость
Престол, скипетр, власть и державу —
Все же то имеет по праву, —
А мы тем из печали — в радость.

Давно на престоле сидети
Элисавете подобало,
Давно в руках скипетр имети
Державу купно надлежало,
Сама главы ея — корона,
Бедра ж искал меч оборона,
Давно порфира также тщилась
На раменах ея быть всяко;
Чтоб не девические тако,
Но от них сама б украсилась.

Колики народ тогда бедный
Проливал к Вышнему молитвы:
«Да на трон та взыдет наследный!»
Просил и боялся ловитвы.
Вы, о толь храбрые солдаты,
Монархини сея коль краты
Всем сердцем и словом желали?

Вы, империи стена тверда,
Уже от Бога милосерда
Ту достойну и мы прияли.

И се ныне Элисавета
И лицом и венцом сияет,
Се и порфирою одета,
Руками скипетр обращает,
Милостива и правосудна,
Елеем и мечом есть чудна.
Коль светло сидит на престоле!
Величество в императрице,
Красоту же мы зря в девице,
С почтением падаем доле.

Но, о сердец наших всех памень!
О Элисавета Петровна!
Почто сердце ти было камень,
Зря росса толь к тебе любовна?
Почто не скоряй воцарилась?
Ни в венце скоряе явилась?
Просьба молчаща и уж явна
Объявляла тебе довольно,
Что если б тобой было вольно,
Тогда б еще была нам главна.

Сети поставлены уж были,
Глубина же ям оказалась,
Беды и напасти губили,
Ненависть, как огнь, разгоралась,
Змииным блевала злость ядом
И всем уж подымалась адом;
Россия горестно стенала,
Нет защиты, много навета;
Но ты, зря, о Элисавета,
Токмо в жалости воздыхала.

Твоя ж ли особа дражайша
Пребывала тогда безбедно?

О дщерь! дщерь отца величайша,
Никому не было толь вредно —
Везде обида, везде страхи,
Да уже и самые прахи
Презирали небом любезну;
И сие хотя досаждало,
Однако тя не возбуждало
Взяться за часть тебе полезну.

Чин, благородство, воин, грады,
Здания, корабли, науки,
Купечество и вертограды,
Добрый нрав, искусные руки —
Все, что в виде чрез Петра новом,
Молило тя молчащим словом:
«О буди, время, наша мати!
Твои и от твоих неложно,
Ах! потщися, дело возможно,
Престань, всех нас радость, рыдати».

Сим дух твой непоколебимый
Хотя и не мог не терзаться,
Но так изволил обращаться,
Будто б народ не был любимый.
Великодушия пределы
И тогда б могли быти целы;
Еще ль бóльших бед дожидалась?
Шли почти к смерти всех нас ноги,
Спастись не имели дороги
Тем, что тогда не увенчалась.

Что сие? В ревнительном жаре
Куда песнь мою направляю?
Зрюсь безумно в дерзком быть сваре,
Что терпение обвиняю.
Чад российских, о матерь высока!
Не отврати от раба ока!
Радость чиста и непритворна
Хоть моя то и произносит,

Но подданнейше верить просит,
Что мудрости твоей покорна.

Вышня судеб глубину Бога
Чту токмо, страхом одержася,
Ту испытывать дерзость многа
Бегу потопа, не стыдяся;
Премудр ведал Он точно время,
В которо тя, Петрово семя,
Десницею благословити
Полезнее для нас ти было;
Средство же весь свет удивило,
Коим на трон повелел взыти.

Уже зришь, коль народ подданный
Веселий своих всселяе,
Всячески красясь, непопранный,
Ныне и смелости смеляе;
Радости же его причина,
Ты, о монархиня, едина,
Твоим он скипетром восставлен,
Утвержден есть твоим престолом,
Нет в нем места фортуне с колом,
Вечно твоим венцом прославлен.

Тобою мы благополучны
Толь состоянии во всяком,
Что ни случаи нам не скучны,
Всем залога венец твой зна́ком.
Заключаешь ли мир с другами —
Дары с неба несутся сами:
Льется обилие, богатство,
Внутрь вселяется дух покойный,
Порядок зрится всюду стройный,
Искренность, любовь, верно братство.

Враги ли тя нудят ко брани?
Остряе мечи становятся,

Скоро должны несутся дани,
Храбрость, сердца больше ярятся;
Где ни идет воин — успехи,
Реки и моря без помехи,
Побеждает сама победа,
Скоряе птицы слава мчется,
И токмо что триумф поется,
Противный полк гибнет без следа.

Здравствуй ввеки, о увенчанна!
Пользуйся благодатьми сими,
Императорствуй, Богом званна,
С цветами благостей твоими!
В милости, суде превосходна
И добродетельми толь плодна,
Ликуй, матерь благословенна!
Вкушай плод намерений чистых
В Петре с отраслей Петра истых!
В дар же тебе? — Мысль покоренна.

Не презри и моея музы,
Молчавшия чрез время много,
Днесь расторгла немоты узы
Да тя славит, хотя убого,
Не достойна твоего слуха,
Но песнь чиста сердца и духа;
Воззри на искренность желаний
И на должность верну подданства:
Сим счастлив, без красна убранства,
Конец творю лирных играний.

Ода VI. БЛАГОДАРСТВЕННАЯ

НР, л. 152 об.—154.

[5] Тебе с тимпаны стройно / Тебя кимвалы стройно

[7–8] О! Муза, в сладость глас по мере сил настрой, Елисавете песнь благодарений вспой / [О Муза, в краткий слог, что в сердце, собери, Елизавету в нем со мной благодари]

[15—16] О! Муза, поздный род о сем ты уверяй, Елисавету всяк день ныне прославляй / [О Муза, в краткий слог, что в сердце, собери, Елизавету в нем со мной благодари]

[23—24] О! Муза, проповеждь толику благодать, Елисавет что сим судила преподать / [О Муза, в краткий слог, что в сердце, собери, Елизавету в нем со мной благодари]

[31—32] О! Муза, ублажи причину славы всем, В Елисавете коль красуемся мы тем / [О Муза, в краткий слог, что в сердце, собери, Елизавету в нем со мной благодари]

[33—40] Служить самодержавной ~ Но что Елисавет любление сердец *написано мелким почерком внизу страницы*

[39—40] О! Муза, воструби, что дивн ея венец, Но что Елисавет любление сердец / [О Муза, в краткий слог, что в сердце, собери, Елизавету в нем со мной благодари]

[47—48] О! Муза, возгласи, что наша обща честь Прехвальная во всем Елисавета есть / [О Муза, в краткий слог, что в сердце, собери, Елизавету в нем со мной благодари]

[55—56] О! Муза, подтверди, что наша красота К Елисавете внутрь сердечна правота / [О Муза, в краткий слог, что в сердце, собери, Елизавету в нем со мной благодари]

[63—64] О! Муза, проявляй чрез раболепный знак, В нас искренность кипит к Елисавете как! / [О Муза, в краткий слог, что в сердце собери, Елизавету в нем со мной благодари]

ОДЫ БОЖЕСТВЕННЫЕ

Оды настоящего раздела вошли позднее в книгу «Псалтирь, или Книга псалмов блаженного пророка и царя Давида, преложенных лирическими стихами и умноженных пророческими песньми» (см. преамбулу к коммент. к «Одам божественным», с. 600). При работе над «Псалтирью» вошедшие в СП парафразисы подверглись правке, которая осуществлялась, в частности, на страницах экземпляра СП, принадлежавшего автору и хранящегося ныне в библиотеке Казанского университета. Часть правки касается ошибок в версификации, допущенных самим Тредиаковским при создании парафразисов или при их переписке, другая часть правки направлена на изменение стиля или версификации од. Ниже приводятся варианты од по НР (л. 155—187 б), а также позднейшие их варианты

в книжной авторской правке (Петровский) и в «Псалтири» (1753) по изданию: *Trediakovskij V. K.* Psalter 1753. Besorgt und kommentiert von A. Levitsky. Hrsg. von R. Olesch und H. Rothe. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1989.

Ода VII. ПАРАФРАЗИС ПСАЛМА 1

Заглавие: Парафразис / *НР*: [Претолкование]; Парафразис *вписано над строкой.*

Стрф. 1. *1753*:

Муж поистине блажен,
Кой с советом нечестивых
Не был мнением спряжен;
Ни ходил в него при льстивых.

Ода VIII. ПАРАФРАЗИС ПСАЛМА 6

Заглавие: Парафразис / *НР*: [Претолкование]; Парафразис *вписано над строкой.*

[5] Не во гневе в казнь влачи / *СП, НР*: Не во гневе к казни повлачи. *Метрическая погрешность исправлена по*: *Петровский; 1753*: В казнь не в гневе повлачи.

[36] Отступите прочь, лукавцы / *СП, НР*: Отступите от меня, лукавцы. *Метрическая погрешность исправлена по*: *Петровский; 1753*: Отступите прочь, лукавцы

[3] И вы лжи за правду давцы / *Петровский*: Все и лжи за правду давцы; *1753*: И вы лжи за правду давцы

Ода IX. ПАРАФРАЗИС ПСАЛМА 18

Заглавие: Парафразис / *НР*: [Претолкование]; Парафразис *вписано над строкой.*

Стрф. 1. *1753*:

Слава Божия от дел
Возвещается толь гласно,

Что помыслить есть ужасно,
А не то, что кто был смел
Говорить: «Се тварь обширна,
Но Творца ей нет премирна».

[33] течет / *1753*: мечет

[39] препоножным / *СП, НР*: преконожным / *1753*: препоножным; *исправлено в тексте по*: *1753*.

[44] привращают / *1753*: превращают

Ода X. ПАРАФРАЗИС ПСАЛМА 42

Заглавие: Парафразис / *НР*: [Претолкование]; Парафразис *вписано над строкой*.

[42] Спас мой истребит налог. / *1753*: Спас мой, истребить налог.

Ода XII. ПАРАФРАЗИС ПСАЛМА 78

Заглавие: Парафразис / *НР*: [Претолкование]; Парафразис *вписано над строкой*.

[50] Всю твою судьбы жестокость / *СП, НР*: Всю твою жестокость. *Ошибка в нехватке стопы исправлена по*: *Петровский; 1753*: Всю твою судьбы жестокость.

[67] *После*: величайшия — [*нрзб.*].

Ода XIII. ПАРАФРАЗИС ПСАЛМА 111

Заглавие: Парафразис / *НР*: [Претолкование]; Парафразис *вписано над строкой*.

[5–6] Славен и богат весь дом, Правда вечна в нем самом. / *1753*: Славен и богат весь дом радостный, Правда вечна в нем самом в век сладостный.

[11–12] Он есть непоколебим, Прямо добрыми любим. / *1753*: Всяк к нему вред не приближится, В твердости он не подвижится.

[17–18] Страха нет от слуха зла: Не язвит его хула. / *1753*: Нет от слуха зла опасности, Ни хулам к нему причастности.

[22–24] И не устрашится хитростей и лестных слов ~ Токмо что воззрит на них. / *1753*:

И не устрашится бедства от сетей и слов,
Презрит всех он неприятелей,
Лишь воззрит на тех зиятелей.

[27] Их отнюдь не забывает / *1753*: Сих он прочь не отлучает

[28] и в высоку честь / *1753*: и в отменну честь

[29—30] Ни хвалим есть толь никто, Ни хвалить достойней что. / *1753*: Не хвалим никто есть стройнее, Ни хвалить есть что достойнее.

[32] впадет в великий гнев / *1753*: разжется в наглый гнев

[35—36] Грешнику коль ни желать, Но ему ввек погибать. / *1753*: Но в грешащем изволение, Самому ввек погубление.

Ода XV ПАРАФРАЗИС ПСАЛМА 139

Заглавие: Парафразис / *НР*: [Претолкование]; Парафразис *вписано над строкой.*

[5] Но всегда / Повсегда

[24] Сих мысль в злобе непрестанна / *СП*, *НР*: Сих мысль непрестанна. *Метрическая погрешность исправлена по*: *Петровский*; *1753*: Сих мысль в злобе непрестанна.

Ода XVI. ПАРАФРАЗИС ПСАЛМА 143

Заглавие: Парафразис / *НР*: [Претолкование]; Парафразис *вписано над строкой.*

⟨Рассуждение о стопе хорея и ямба⟩

Рукопись первой редакции ⟨Рассуждения...⟩, изданного в книге: Три оды парафрастические псалма 143, сочиненные чрез трех стихотворцов, из которых каждый одну сложил особливо. СПб., 1744. С. 3—7, не сохранилась. Ниже приводятся варианты по *НР* и по указанному изданию (1744).

[4] Будучи мы по случаю трое совокупно / *НР*: Будучи [сих следующих од авторы] совокупно; мы *и* трое *вписано над строкой* — *1744*: Будучи по случаю совокупно сих следующих од авторы

[8] Разговор наш / *НР*: Разговор [*нрзб.*]; наш *вписано над строкой* — *1744*: Разговор их

[11] Некоторый из нас* / *1744*: Некоторый из них; *примеч. отсутствует.*

[15] воспевается материя / *1744*: материя поется

[21] Я сему прекословил / *НР*: Я сему прекословил [*нрзб.*] — *1744*: Другой прекословил сему

[26] Сие я утверждал / *1744*: Сие он утверждал еще

[29] чтоб не имели они между собою / *1744*: чтобы они не имели между собою

[34] От сего я наводил / *НР*: От сего он наводил

[36] и следовательно / *1744*: а следовательно

[42] я тогда говорил / *1744*: сей второй говорил

[43] как по прямой линеи, по его, противному / *1744*: как по прямой линеи противному

[47—48] двум самым высоким героическим поэмам / *1744*: двум наивысочайшим героическим поэмам

[49—58] несмотря на то что их количество слогов ~ по крайней мере двустепенного, странно, да и невозможно. / *1744*: даром что их количество слогов не состоит в возвышении и понижении голоса, то есть в различии тона, но в протяжении и сокращении оного, то есть в медленном и скором произношении голоса, ибо сия их долгота и краткость, меряющаяся временем, всячески не могла быть без возвышения и унижения голоса, инако бы во всяком их стихе была токмо монотония, которой и в прозе, то есть не в пиитической речи, быть непристойно, хотя в ней и нет пения, а они стихи свои произношением пели, то есть был у них некоторый род музыки, но в музыке монотонии, то есть одному звону голоса нет места, и быть ей там без различия голоса, по крайней мере двустепенного, странно.

[59] от тех великих пиитов / *1744*: от сих великих стихотворцев

[60] ни нежна сама в себе / *1744*: ни нежна собою

[63] не завсе продолжающееся / *1744*: не все продолжающееся

[63—64] но также скок по пременам с вскоком. Итак, обе сии стопы / *1744*: но также скок, смешанный с вскоком. Итак, наконец, обе сии стопы

[65—66] они сами в себе / *1744*: они токмо сами в себе

[67] На сие третий из нас / *1744*: На сие третий из них же

[70] но хорей, упадая / *1744*: а хорей, упадая

[72—73] хорей защищается одним только. / *1744*: хорея защищает один токмо голос.

[75—76] дело сие не может решено быть большинством, чтоб позволено было так сказать, голосов, / *1744*: сие дело не может решиться большеством, чтоб дозволено так сказать, голосов

[77] именно ж оду / *1744*: а именно оду

[78] Находящему, то есть мне, в хорее / *1744*: Находящему в хорее

[83] Я / *1744*: защитник хорея, как прочие оба его называли

[84] чтоб я / *1744*: чтоб он; природное / *1744*: особливое

[85] токмо по положению / *1744*: по положению токмо

[86] если и / *1744*: буде

[88] ибо не признаваю я ничего сего в стопах, но причитаю / *1744*: ибо, впрочем, не признавает он, как говорил выше, ничего сего в стопах, но причитает

[89—90] больше слышать, только что второй склонил меня / *НР*: больше слышать, второй склонил меня к тому, чтоб мне сочинить / *1744*: больше слышать, да токмо склонил его к тому, чтоб ему сочинить

[90] а все трое выбрали мы себе / *1744*: и выбрали себе

[92] оных двух од ямбических, названных парафрастическими, а третиея, лежащия там в самой середине, хореическия, которая следует / *НР*: оных двух од ямбических, названных парафрастическими, а третиея, лежащия там в самой середине, хореическия, которая следует / *1744*: сих трех од, двух од ямбических, а одной хореическия, которые ныне свету выдаются.

Рукопись первой редакции оды, изданной: Три оды парафрастические псалма 143, сочиненные чрез трех стихотворцов, из которых каждый одну сложил особливо. СПб., 1744. С. 12—18, не сохранилась. Ниже приводятся варианты по *НР* и указанному изданию (1744).

[5] всеблаженный / *1744*: неизменный

[7] сокровен / *1744*: окружен

[9] чинами / *1744*: зарями

[11] Кто ин толь бы храбро руки / *1744*: Кто ин толь прехрабро руки

[13] Кто б и пращу, а не луки / *1744*: Кто бы пращу, а не луки

[15] Всуе меч извлек бы в дело / *1744*: Ей! бы меч извлек я тщетно

[16] Ни копьем сразил бы смело / *1744*: Ни копьем сразил бы метно

[31] На мою как зрю я подлость / *1744*: Но смотря мою на подлость

[39] Пастухом быть учрежденный / *НР*, *1744*: Пастухом определенный

[41] Толь ничтожному познался / *1744*: Толь ничтожну, а познался

[42] Червя точно Ты призрел / *1744*: Червя точно, а возвел

[47] Ах! и всяк из смертных нас / *НР*, *1744*: Ах! и весь род смертных нас

[51] Ты противных истребляешь / *НР*: Ты злых всяко истребляешь / *1744*: Ей! Злых всяко истребляешь

[53] И как громы устремляешь / *НР*: И тогда как гром катаешь / *1744*: И коль яро гром катаешь

[54] Осмотри, снисшед, злой плод / *НР*: Осмотри, снисшед, тот род / *1744*: Осмотри, снисшед, злой род

[86] Красным строем в слух гласящих / *1744*: Стройно и красно гласящих

[91] Преклонись еще мольбою / *1744*: Преклонись теперь мольбою

[101] Сии славу посвящают / *1744*: Сии славу полагают

[104] От драгих вещей и братств / *НР*: От других своих изрядств / *1744*: Велелепных от изрядств

[129] И Всевечного кой знает / *1744*: И который Вечна знает

Ода XVII. ПАРАФРАЗИС ПЕРВЫЯ ПЕСНИ МОИСЕЕВЫ

Заглавие: Парафразис / *НР*: [Претолкование]; Парафразис *вписано над строкой.*

[3—4] Коня и всадника вглубь равно Поверг в отмщении своем / *Петровский, 1753*: Поверг в отмщении своем Коня и всадника вглубь равно

[7—8] Мой Бог и Бог отцу собою; Его я восхвалить готов. / *Петровский, 1753*: Его я восхвалить готов, Мой Бог и Бог отцу собою.

[11—12] Он фараонов строй оброчно К дну тьмы низверг и силы длань. / *Петровский, 1753*: К дну тьмы низверг он силы длань И фараонов строй оброчно.

[13] всадников / *1753*: конников

[15—16] Что ж быть могли нам супостаты, Там погрузил, как камень, всех. / *Петровский, 1753*: Там погрузил, как камень, всех, Что ж быть могли нам супостаты.

[19—20] Врагов не пощадила лика, Противных стерла нам сия. / *Петровский, 1753*: Противных стерла нам сия, Врагов не пощадила лика.

[23—24] Вод расступился духом рев, Была там ярость неотступно. / *Петровский, 1753*: Была там ярость неотступно, Вод расступился духом рев.

[27] Никто его не зрел поныне / *НР*: Никто сего не зрел поныне

[27—28] Никто его не зрел поныне, Сгустела также и волна. / *Петровский, 1753*: Сгустела также и волна, Никто его не зрел поныне. / *1753*: зрил

[31—32] Меча убийством дух насыщу, И буду господином в страх». / *Петровский, 1753*: И буду господином в страх, Меча убийством дух насыщу». / *1753*: Я буду

[34] Нахлынуло на них так море / *Петровский*: Нахлынуло на них всех море

[35–36] Что вскликнуть не могли: «Ах горе!», Погрузли оловом в воде. / *Петровский*: Погрузли оловом в воде И вскликнуть не могли: «Ах горе!» / *1753*: Погрузли оловом в воде, Что вскликнуть не могли: «Ах горе!»

[39–40] Святым прославлен и особен; Вельми предивен в чудесах. / *Петровский, 1753*: Вельми предивен в чудесах, Святым прославлен и особен.

[43–44] И укрепила правда бедра, И всех людей Тобой спасла. / *Петровский, 1753*: Но всех людей Тобой спасла, И укрепила правда бедра.

[47–48] В болезнь вот филистимцы злую, Языки впали в гнев тотчас. / *Петровский, 1753*: Языки впали в гнев тотчас, В болезнь вот филистимцы злую.

[50] Моавли князи вдруг потщались / *Петровский*: Моавли князи вдруг смешались / *1753*: С Моавли князи в смесь потщались

[51–52] И слепо в трепете все мчались; Ты, Ханаан, растай, зла жди. / *Петровский, 1753*: Ты, Ханаан, растай, зла жди; Все смело в трепете помчались.

[55–56] Величием Твоим жестоко Да жизнь окаменеет сих. / *Петровский, 1753*: Да жизнь окаменеет сих Величием Твоим жестоко.

[59–60] К наследию сему щедр буди, Да внидут и в места свои. / *СП, НР*: К наследию сему щедр буди, Да внидет и в места свои. — *Петровский, 1753*: Да внидут и в места свои, К наследию сему щедр буди. Внидет *на* внидут *исправлено согласно грамматике на основании позднейшей авторской правки.*

[63–64] Горы в святыню провождай; Твои ту учредили руки. / *Петровский, 1753*: Твои ту учредили руки, Горы в святыню провождай.

[67–68] Израиль сухо те безгоды Прешел и се благодарит. / *Петровский, 1753*: Израиль се благодарит, Прешедший сухо те безгоды.

Ода XVIII. ПАРАФРАЗИС ВТОРЫЯ ПЕСНИ МОИСЕЕВЫ

Заглавие: Парафразис / *НР*: [Претолкование]; Парафразис *вписано над строкой.*

[83] Народом их сломлю Я рог / *Петровский*: Народам их сломлю — *1753*: Народом их сломлю Я рог

[96] Внутрь истребит их самый страх / *НР, СП*: Внутрь истребит их страх — *Петровский, 1753*: Внутрь истребит их самый страх; *исправлено по*: *Петровский.*

[100] Смерть люта ввек и ввек изгладит / *НР, СП*: Смерть люта ввек изгладит — *Петровский, 1753*: Смерть люта ввек и ввек изгладит... *исправлено по*: *Петровский.*

[177] Вы с Богом нашим совокупно / *НР*, *СП*: Вы с Богом нашим купно — *Петровский*, *1753*: Вы с Богом нашим совокупно; *исправлено по: Петровский*.

Ода XIX. ПАРАФРАЗИС ПЕСНИ АННЫ, МАТЕРИ САМУИЛА ПРОРОКА

Заглавие: Парафразис / *НР*: [Претолкование]; Парафразис *вписано над строкой*.

[36] Его ж от силы в немощь свед / *НР*: Того ж от силы в немощь свед

[47] Царям Он крепость в нас пасет / *НР*: Царям Он нашим крепость шлет

Ода XX. ПАРАФРАЗИС ПЕСНИ ПРОРОКА АВВАКУМА

Заглавие: Парафразис / *НР*: [Претолкование]; Парафразис *вписано над строкой*.

Ссылка на источник: глава 3 / *НР*, *СП ошибочно*: глава 2; *1753*: глава 3. *Исправлено в соответствии с местонахождением стиха в книге пророка Аввакума*.

[29] Верхи за нужду стерлись гор / *Петровский*, *1753*: Хребты за нужду стерлись гор

[71] Хотя и спрятался с труда / *1753*: Как уж и спрятался с труда

Ода XXV ПАРАФРАЗИС ПЕСНИ БОГОРОДИЧНЫ

Заглавие: Парафразис / *НР*: [Претолкование]; Парафразис *вписано над строкой*.

[14] Своею Сам и утвердил / *Петровский*, *1753*: И Сам Своею утвердил

Ода XXVII. ПАРАФРАЗИС ПЕСНИ ДЕВВОРИНЫ

НР (л. 247–250).

[78] И письменник от Завулона / *НР*: И пишущий от Завулона

Ода XXVIII. О НЕПОСТОЯНСТВЕ МИРА

Рукопись первой редакции «Оды о непостоянстве мира», изданной в разделе «Стихи на разные случаи» (Езда в остров Любви. СПб., 1730. С. 184—186), не сохранилась. Ниже приводятся варианты оды по НР (л. 187—188 об.) и ее первая редакция по указанному изданию (1730).

В НР ода следует после «Оды XXVI. Парафразис пророческия молитвы Захарии, отца Предотечева» под первоначальным номером XXVII, затем рукой Тредиаковского на конце числа приписано: I; *на л. 250, следующем после*: Ода XXVIII. Парафразис песни Девворины, *значится*: Ода XXVIII. О непостоянстве мира.

53 А малодушно не терзаться / *НР*: Ни малодушно не терзаться

1730:

Где бодрость! где надея!
Откуду дики мысли?
Что случилось всех злея?
Мир сей из сердца высли?
Все зло отстанет.

Так малая премена,
В сердце взявши начало,
В теле всем размноженна,
Хоть мучит и немало,
Будь терпеливый.

Что в мире постоянно?
Сие всем очень знатно.
Смотря на все созданно,
Не все ли есть превратно?
Кой цвет не вянет?

Весну сжигает лето,
Осень то пременяет,
Плодом древо одето
Зима нам отнимает,
А ветр гневливый

Уносит у нас тихость,
Боится свет ненастья,
В счастьи много несчастья,
Скорый припадок![1]

Бой у черного с белым,
У сухого есть с влажным;
Младое потом спелым
Бывает, легко — важным,
Низким — высоко.

Не больше есть дня ночи,
Ни ночи есть дня больше;
Сила? ан и нет мочи;
Жизнь? но не ста лет дольше;
В чести упадок.

То стоит, то восходит,
Сие тут пребывает;
Глядишь, другое сходит,
Иное пропадает
В ничто глубоко!

Словом, нет и не будет
Ничего, кроме Бога
(Который не избудет,
Ни милость Его многа),
Что б было вечно.

Сей единый, Сей вечный,
Сей сильный, Сей правдивый,
Благий и бесконечный,
Всеведущ, прозорливый
Вся управляет.

Сего должно единa
Повиноваться воли:

[1] Так у Тредиаковского — четыре стиха в строфе.

Первая (Он) причина,
Дарующая доли.
Примем сердечно.

Чтоб от Него ни было,
Который не даст злаго,
О великая сило!
В Тебе мне есть все благо,
Сердце вещает.

СЛОВО «О ТЕРПЕНИИ И НЕТЕРПЕЛИВОСТИ» ФОНТЕНЕЛЕВО, ПОЛУЧИВШЕЕ НАГРАЖДЕНИЕ ЗА КРАСНОРЕЧИЕ

Первая редакция перевода слова Б. Фонтенеля «О терпении и нетерпеливости» относится к 1743 г. и входит в рукописный сборник переводов Тредиаковского «Речей кратких и сильных» (СПбФАРАН. Разр. II. Оп. 1. № 67). Весь сборник написан рукой Тредиаковского, раздел «Речи краткие и сильные» выполнен скорописью, с обильной правкой. Очевидно, что рукопись СПбФАРАН и есть тот черновой список книги, о котором Тредиаковский упоминает в своем доношении в Сенат от 28 февраля 1744 г.: ...перевел я ныне недавно с латинского уже небольшую ж книгу именем „Речи краткие и сильные“ и поднес ее его императорскому высочеству, благоверному великому князю Петру Феодоровичу, которыя черную по приказу отдал я в Канцелярию Академии наук 19 дня Генваря, сего 1744 года» (Москвитянин. 1851. № 11. С. 229). Требование И. Д. Шумахера представить в Канцелярию рукопись «Речей кратких и сильных» связано с хлопотами Тредиаковского опубликовать ее в виде книги, на что можно было рассчитывать ввиду полученного одобрения наследника (см.: Пекарский. С. 102). Беловой список книги находился в это время у Я. Я. Штелина, который поднес его вел. кн. Петру Федоровичу, а теперь, по просьбе Тредиаковского, должен был его передать Н. Ю. Трубецкому, ведавшему цензурированием светских изданий, для получения разрешения к печати ([Письмо Тредиаковского Я. Я. Штелину от 28 января 1743 г.] // Москвитянин. 1843. № 1. С. 270—271; русский перевод его части см.: Пекарский. С. 102). Местонахождение белового списка неизвестно. Отдавая черновой список в Канцелярию в надежде на получение впоследствии белового списка, с которого могла бы осущест-

вляться печать (см.: [Письмо Тредиаковского Я. Я. Штелину от 28 января 1743 г.] // Пекарский. С. 101—102), Тредиаковский сопроводил рукопись оглавлением и приложил к ней перевод слова Фонтенеля «О терпении и нетерпеливости». Перевод слова Фонтенеля, приплетенный к основной части сборника, занимает последние его листы (л. 137—146 об.), следующие после оглавления, написанного одним почерком и одними чернилами (л. 136), а значит, уже после решения включить в книгу перевод Фонтенеля. «Слово „О терпении и нетерпеливости"» внесено в оглавление с указанием начальной его страницы — 257, однако авторская пагинация в «Слове „О терпении и нетерпеливости"» отсутствует. Рукопись «Слова „О терпении и нетерпеливости"» отличается значительно большей аккуратностью от рукописи основной части сборника и представляет собой беловой, авторский список. Сборник СПбФАРАН «Речей кратких и сильных», переплетенный вместе со словом «О терпении и нетерпеливости», до 1924 г. хранился в библиотеке Академии наук и был известен П. П. Пекарскому, который в своей работе приводит по нему фрагменты и относит его ко времени, «когда он (Тредиаковский. — *Н. А.*) уже был профессором» (Пекарский. С. 103, примечание), т. е. после 1745 г. В своей датировке Пекарский основывается на титульном заглавии сборника «Речи краткие и сильные, состоящие в рассуждениях 〈...〉 переведены с латинского чрез особливое тщание между академических трудов Василья Тредиаковскаго Императорския Академии Наук публичнаго ординарнаго профессора Российския и латинския элоквенции В Санктпетербурге» (л. 2). Однако лист с заглавием и следующие за ним листы с посвящением вел. кн. Петру Федоровичу (л. 3—4) и предисловием (л. 5—5 об.) были вклеены позже. Тредиаковский мог позднее вернуться к рукописи 1743 г. и оформить ее в надежде на издание, но сведений о его подготовке после января 1745 г. нет.

Новая редакция «Слова „О терпении и нетерпеливости"», сделанная Тредиаковским для СП, находится в НР на л. 189—198.

Редакцию перевода 1743 г. предваряет следующее замечание переводчика: [Для известия. Прилагается здесь следующее слово для того особливо, что оно совершенно христианския высокия материи, которая, почитай, всю сию книгу составляет. Притом и для сего, дабы самым делом показать, что истинное витийство может состоять одним нашим употребительным языком, не употребляя мнимо высокого славенского сочинения].[1]

---

[1] Л. 136 об.

[1—2] коль ни мало употребляет в действие свой внутренний свет / *1743*: коль ни мало употребляет внутренний свой свет

[6—7] будучи сомнителен / *1743*: будучи сумнителен

[8] токмо / *1743*: только

[10] изобретаемые им / *1743*: которые он изобретает

[11—12] коль более нужно ему не признавать их злом и коль он вяще / *1743*: коль больше ему нужно за зло и коль он больше; их одобряя / *1743*: в их пользу

[13] бывши / *1743*: будучи

[15—16] последователей своих науке, как жить блаженно / *1743*: своих последователей науке, как жить счастливо

[18—19] истощавала все, что человеческий разум мог изобресть для пользы земнородным / *1743*, истощала все, что человеческий разум мог для пользы человеческия; *НР*: истощала *затем сверху вписано* «ва» — истощавала

[19] самых сильных / *1743*: наисильнейших

[20] стремительств / *1743*: устремлений

[20—21] производимые растленною природою / *1743*: которые производит поврежденная природа; кои / *1743*: которые

[25] тщеславясь / *1743*: тщеславяся

[26—27] тем и как всякое, так и великое похваление / *1743*: оным своим недостаткам как всякую, так и многую похвалу

[28] производимые человеческим разумом / *1743*: которые человеческий разум производил

[29] владычествовал; вышед уже / *1743*: царствовал; когда уже он вышел

[30] наставления, рассылаемые оттуду / *1743*: правила, которые он рассылал оттуда

[31—32] с преизбыточным повиновением / *1743*: с излишним понятием и почтением; *в НР после*: преизбыточном — [*нрзб.*]

[32] приведшим / *1743*: которое привело

[33] Когда / *1743*: Ежели

[34—35] прешедший в чужие руки, приводили в / *1743*: который уже прешел в чужие руки, понуждали; *НР*: *перед* прешедший [*нрзб.*]; *после*: прешедший — *же*

[36] без сомнения / *1743*: что без сомнения

[37] надменные / *1743*: гордые

[39] ожидать Его Пришествия. / *1743*: ожидать.

[41—42] надлежало Ему Того подать, чтоб удовлетворить Своей благости, не могущей уже больше терпеть им / *1743*: долженствовал Он Его подать,

дабы удовольствовал Свою благость, которая больше не могла уже им терпеть

[44] божественное владычество / *1743*: божественную империю

[46] от которого б / *1743*: от которого бы

[47] твердое наставление / *НР*: твердыя наставления; был и учитель / *1743*: был и главный учитель

[49—50] пламенеющими / *1743*: горячими

[52] всякого мрака / *1743*: всякия темноты

[53] родившиеся / *1743*: которые родились

[54] врачевание начало быть прилагаемо / *1743*: лекарство начало прилагаться

[55] ко всем нашим недугам, кои нам природны / *1743*: ко всему нашему злу, которое нам природно

[56] особенно / *1743*: особливо

[60] вельми; также / *1743*: весьма; что также

[61] коль; единыя, которая б / *1743*: как; единыя, которая бы

[62—63] была б толь / *1743*: и которая бы толь была

[63] приобретению славныя отмены, удостоившимся / *1743*: приобретению славныя отмены тем, которые удостоились

[64] природная нетерпеливость / *1743*: нетерпеливость природы

[65] в примеры благополучного возобновления, учинившегося / *1743*: примерами благополучному возобновлению, которое тогда учинилось

[66] Рассмотрим / *1743*: Посмотрим

[67—68] Однако и не должно нам иметь стыдения в рассмотрении всего оного / *НР*: Однако не должно нам иметь стыда в рассмотрении всего оного / *1743*: Не должно нам иметь стыда в рассмотрении всего его

[70] средство / *1743*: способ

[73—75] которая; и так; она; хотела / *НР*, *1743*: которое; которое и так; оно; хотело

[76] стремления / *1743*: устремления

[77] Чего ради / *1743*: Для чего

[78—79] необходимую Судьбу / *1743*: предопределения

[81] являет; в коем / *1743*: значит; в котором

[82—83] всякое другое неистовство / *1743*: всякая другая ярость

[85] твердые; если / *1743*: основательные; буде

[85] Безумны! если мы наше зло умножаем. — *в НР вписано сверху зачеркнутых слов нрзб.*; сему и не быть достоверным / *НР*: о том и сомневаться / *1743*: Но что о том и сомневаться?

[88] прободающия нас / *1743*: которая нас прободает

[90] усильствие, в кое / *НР, 1743*: движение, в которое

[91] которую она есть мучима / *1743*: которая ее мучит

[92] пореваниями / *НР, 1743*: движениями

[94] глас совести нашея / *1743*: голос нашея совести

[95] стремительствах / *НР, 1743*: стремлениях

[96—97] и приводила б нас; Вопреки, кажется, зло, претерпеваемое нами / *1743*: и чтоб она приводила нас; Напротив того, зло, которое мы претерпеваем

[98] оно, кажется, увольняет нас / *НР*: кажется, что оно нас увольняет / *1743*: кажется, что оно увольняет нас

[100] хитрости / *1743*: искусства

[100—101] предаться ему / *НР*.: попуститься в него / *1743*: чтоб попустить в него

[101—102] Не укрывается ль также многократно / *1743*: Не укрывается ли также часто

[102—103] Но сие истинно / *1743*: Сие ж правда

[103] душу своим злом и уступать ему принужденную / *1743*: душу ему уступать

[104] Впрочем / *1743*: Но

[105] когда / *1743*: ежели

[106] приключения / *1743*: случаи

[107] Тогда точно позволено / *1743*: Тогда позволено

[108—109] кто ее не отвергает, быть превозносиму. Кто б / *1743*: кто не отвергается, быть возносиму. Кто бы

[111] един; вкорененную порочность / *1743*: один; вкорененный порок

[112] позволенную / *1743*: позволенный

[113—114] безумныя всегда / *1743*: всегда безумныя

[116—117] на ум всходящей / *1743*: какова на ум приходит

[117—118] неблагополучны, но еще должно нам почитать себя и виноватыми? / *1743*: неблагополучны, но еще и виноваты?

[118] право к стенаниям / *1743*: чтоб нам жаловаться, также

[119] Повторяю / *1743*: Еще

[121] Но только / *1743*: Но впрочем

[122—123] горестны иногда кажутся посещения, приходящие к нам с Неба / *НР*.: [печальна кажется истина, которая на нас с Неба приходит] / *1743*: печальна кажется истина, которая к нам с Неба приходит

[123—124] они находят на нас оттуду благополучия ради нашего / *1743*: она приходит к нам для нашего благополучия

[125] достоин претерпеваемого зла / *1743*: заслужил претерпеваемое зло

126 порывами; дабы / *НР, 1743*: чрез движения; *1743*: чтоб

127 грехам нашим / *1743*: нашим грехам

128 умаляет их для себя / *1743*: умаляет оные для себя

129 роптания / *1743*: негодования

130 ради сего / *1743*: для того

132—133 не умалить жестокости в томлении / *1743*: не уменьшить жестокости в мучении

135 что мы некоторым образом / *1743*: что мы якобы некоторым образом

138—139 кое нам повелевает он / *НР, 1743*: которое он повелевает нам

139 добрым употреблением / *1743*: чрез доброе употребление

141 небесного блага / *1743*: небесного добра

142 Еще ль тот страждет, кто, чувствуя больше сердцем, что на сердце / *1743*: Еще ли тот, кто, чувствуя больше сердцем то, что на сердце

143 отнюдь / *1743*: совершенно

148 изобрела / *1743*: нашла

152 и неизреченному блаженству / *1743*: благополучию

154 непорядочными своими движениями / *1743*: чрез непорядочные свои движения

155 откровение Закона / *1743*: Закон

155 в лихву терпением, в нас влагаемым / *1743*: в процент чрез терпение, влагаемое в нас

157 добровольное зло, но если / *1743*: зло добровольное, буди

157—158 находим в необходимом зле величайшее / *1743*: мы находим в необходимом зле наивеличайшее

161 наслаждением обнадеживает нас / *1743*: пользованием нас обнадеживает

162—163 чтоб страдать без негодования и почитать страдание за казнь должную / *1743*: чтоб страдать без роптания и почитать страдание за казнь достойную

163 но когда мысленно взираем / *1743*: но когда взираем

164 коим / *1743*: которым

164—165 не восприимать / *1743*: не принимать

166 коими / *1743*: которыми

167 наслаждались / *1743*: наслаждалися

168 оное совершенное равнодушие и равность, какову / *1743*: оная равность совершенная, которую

169 почто / *1743*: что

170 какое / *1743*: которое

172 какого / *1743*: которого

174 подсолнечной люди, кои / *1743*: вселенной люди, которые

178—179 разве токмо в благополучии / *1743*: кроме токмо в благополучии

181—182 они не отдаются сами на муки и на смерть, то им было нестерпимо. Но лютость и зверство / *1743*: они не отдадутся сами на муки и на смерть, то им было несносно. Но жестокость и зверство

182 врагов / *1743*: неприятелей

186—187 которые, казалось, что по то время владели / *1743*: которые по то время владели

188 в делах от / *1743*: в действиях чрез

191 от лестных мудролюбцев / *НР*: от лестных [любомудрцев] *вписано сверху*: мудролюбцев / *1743*: чрез лестных мудрецов

192 не имеющим / *1743*: которые не имеют

193 пристрастей / *1743*: страстей

195 толико надмения / *1743*: столько гордости

196 толико; колико в соборище / *1743*: столько; сколько в секте / *НР*: в толке

198 но чужое / *1743*: да чужое

200—201 всеконечно и совсем прятался в душевную часть самого себя / *1743*: совершенно всеконечно и совсем прятался в духовную часть самого себя

203 величавным / *1743*: величайным

203—204 коим его толк особенный стороне оного льстил / *1743*: которым его же секта льстила

204—205 было б для него / *1743*: было бы для него

205 равно / *1743*: властно

209 когда оставлены бываете при своем токмо свете / *1743*: когда оставлены при своем токмо свете

210 от них мы стенем, но / *1743*: от них мы стонем, а

212 Весьма б были мы счастливы, ежели б, ослепившись / *1743*: Весьма и весьма бы еще были счастливы, ежели бы мы, ослепившись

212—213 могли ослепление наше употребить / *НР*: могли [бы] ослепление наше употребить

216 хотя / *НР*: хотя ж

217 такое / *1743*: сие

219 лютыя / *1743*: наглыя

220—221 то сие самое его принуждение себя, сие самое непризнание / *1743*: то сие самое непризнание

226 помышлять / *1743*: думать

226—227 Они страждут, они и признаваются, что страждут; но покорение / *1743*: Они страждут, но покорение

228 кое / *1743*: которое

229 оное ~ постоянство, оное спокойствие, оную радость / *1743*: сие ~ постоянство, сие спокойствие, сию радость

230 толь многажды / *1743*: толь часто

231—232 дабы не обесчестить стороны / *1743*: чтобы не обесчестить стороны

232—234 коему они последуют, предваряет в них ропот и стенание святыми мыслями, наполняя их теми / *1743*: которому они последуют, предупреждает их жалобы и стенания чрез святые мысли, которыми он их наполняет

235 то есть тихи, спокойны и победители / *1743*: то есть тихи и победители

236—238 философия надивиться не может ~ ко всем человеческим бедностям / *1743*: философия не может надивиться ~ ко всем человеческим ведомостям

238 в самых великих претерпениях / *1743*: будучи в самых великих ведомостях

239 нежели б они были самыми благополучными / *1743*: весьма нежели бы они были наиблагополучнейшими

240 как в обидах / *1743*: как токмо в обидах

241 извне тихим / *1743*: снаружи тихим

242 возносился выше / *1743*: возносится в своем сердце выше

244 без вреда / *1743*: без напасти

245 надмения / *1743*: гордости

248 Неповинная и благополучная хитрость / *НР*: Неповинная сия и благополучная есть хитрость

254 кои б не имели / *1743*: которые б не имели

257 приводящая / *1743*: которая приводит

258 в раболепности / *НР*: в почтении

259 в которое она могла б / *1743*: в которое бы она могла

260 претерпеваемые нами / *1743*: которые мы претерпеваем

263—264 праведные наказания, коим должно есть покорение, и как причины / *1743*: праведные наказания и как причины

266 уверяясь / *1743*: будучи уверены

268—269 они повиновались ей в своих несчастиях / *1743*: они покорялись ей в своих несчастиях

269 непоколебимостию / *1743*: постоянством

270 узами / *1743*: цепями

272—273 или на тщетности к сопротивлению / *1743*: на сопротивления

279—280 Превечный разум, не меньше сильный, коль и философам казалась / *1743*: Вечный разум не меньше сильный, сколько казалась философам

281—283 коея ударения мы почитаем, есть рука, подающая и самое зло ~ но, говоря свойственнее, не насылающая на нас / *1743*: которыя ударения мы почитаем, есть рука, которая подает и самое зло ~ но которая, говоря свойственнее, не насылает к нам

285 посылает к нам страдание / *1743*: на нас страдание насылает

286—288 всей самовольнейшей и жесточайшей свирепости. Не тщета и бесполезность к сопротивлению, которые нас удерживают, но несправедливость оного / *1743*: всей наисамовольнейшей и наижесточайшей свирепости. Не бесполезность сопротивления, которая нас удерживает, но несправедливость к сопротивлению

288—289 духа, разливающего / *1743*: духа, который разливает

291—292 Таковы точно плоды, которые производит у христиан Божественный образ терпения / *1743*: Извечны уже теперь действия силы, которые производит у христиан Божественный терпения образец

292—293 един токмо праведный сам собою, что не бывало и не будет такового вовеки / *1743*: один токмо праведный сам собою, колико не бывало и не будет вовеки

296 имевших только самое малое время побыть ему верными / *1743*: которые имели токмо самое малое время быть ему верными

297 самым лютым видом казни как поносныя / *1743*: самым наипротивнейшим видом казни как бесчестныя

298 Ему определена / *1743*: Ему определена была

299 чтоб, ежели возможно, мучения, кои представляет себе в помысле / *НР*: чтоб, ежели возможно, его мучения, кои представляет себе в помысле — *1743*: чтоб, ежели возможно, то бы мучения, которые он представляет себе в мысли

302 желание, где смирение преизобилует / *1743*: желание сие еще, где смирение изобилует

306 колико она была жестокая / *1743*: сколько она была жестокая

310—311 в самой острой болезни страдания, обращать очи Свои / *1743*: в наиострейшей болезни страдания, то есть обращать Свои очи

311 Десницу / *НР*: [*нрзб.*] Десницу / *1743*: Руку

312—313 Восстенал Он еще на кресте, жаловался, что оставлен от Своего Отца, однако не роптал на сию крайнюю жестокость / *1743*: Вздохнул

Он еще на кресте, жаловался Он, что оставлен от Своего Отца, но не негодовал на сию крайнюю жестокость

[317—318] которое Он мог бы; самое жестокое / *1743*: которое бы Он мог; наижесточайшее

[318] да оставит / *1743*: чтоб оставить

[319—320] чувствие, да нас сильняе приведет / *1743*: чувство, чтоб нас сильняе привести

[323] до коего философия тщалась / *1743*: до которого философия хотела

[326] к приобретению тоя предивные наставления, но как их произвесть / *1743*: к получению тоя удивительные наставления, но как их произвести

[328—329] Ты токмо един, могущий нам / *1743*: Ты же токмо един, который нам можешь

[334] коих / *1743*: которых

НЕСКОЛЬКО ШТУК, СОЧИНЕННЫХ СТРОФАМИ О РАЗНЫХ МАТЕРИЯХ

I. СТРОФЫ ПОХВАЛЬНЫЕ РОССИИ, СОЧИНЕННЫЕ В ПАРИЖЕ 1728 ГОДА

НР, л. 198 об.—199 об. Рукопись первой редакции стихотворения, изданного в разделе «Стихи на разные случаи» (Езда в остров Любви. СПб., 1730. С. 160—161), не сохранилась. Ниже приводятся варианты стихотворения по: *Петровский* и его первая редакция по указанному изданию (1730).

[9] Никоея во мне премены нет / *Петровский*: Отнюдь во мне перемены нет

[44] Всем здравие вливает / *Петровский*: Всем здравие сердцам вливает

[46] Се всяк к тебе взывает / *Петровский*: Се всяк тебе душой взывает

СТИХИ ПОХВАЛЬНЫЕ РОССИИ

Начну на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны:
Ибо все днесь мне ея доброты
Мыслить умом есть много охоты.

Россия мати! свет мой безмерный!
Позволь то, чадо прошу твой верный,
Ах, как сидишь ты на троне красно!
Небо российску ты солнце ясно!

Красят иных всех златые скиптры
И драгоценна порфира, митры;
Ты собой скипетр твой украсила
И лицом светлым венец почтила.

О благородстве твоем высоком
Кто бы не ведал в свете широком?
Прямое сама вся благородство:
Божие ты, ей! светло изводство.

В тебе вся вера благочестивым,
К тебе примесу нет нечестивым;
В тебе не будет веры двойныя,
К тебе не смеют приступить злыя.

Твои все люди суть православны
И храбростию повсюду славны;
Чада достойны таковой мати,
Везде готовы за тебя стати.

Чем ты, Россия, не изобильна?
Где ты, Россия, не была сильна?
Сокровище всех добр ты едина,
Всегда богата, славе причина.

Коль в тебе звезды все здравьем блещут!
И россияне коль громко плещут:
«Виват Россия! виват драгая!
Виват надежда! виват благая».
Скончу на флейте стихи печальны,
Зря на Россию чрез страны дальны:
Сто мне языков надобно б было
Прославить всё то, что в тебе мило!

II. ПЕСНЬ НА КОРОНОВАНИЕ БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ИОАННОВНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ, СОЧИНЕННАЯ В ГАМБУРГЕ 1730 ГОДА.

Рукопись первой редакции оды, изданной отдельно: Песнь. Сочинена в Гамбурге к торжественному празднованию коронации ея величества государыни императрицы Анны Иоанновны, самодержицы Всероссийския, бывшему тамо августа 10-го (по новому стилю) 1730, СПб., 1730, не сохранилась. Ниже приводятся варианты оды по НР (л. 200—201) и ее первая редакция по указанному изданию (1730).

27 К себе сердца всех нас / *НР*: К себе в любовь всех нас

32 въявь / *СП*: вявь; *исправлено по НР*.

ПЕСНЬ. СОЧИНЕНА В ГАМБУРГЕ К ТОРЖЕСТВЕННОМУ ПРАЗДНОВАНИЮ КОРОНАЦИИ ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ИОАННОВНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ, БЫВШЕМУ ТАМО АВГУСТА 10-го (ПО НОВОМУ СТИЛЮ) 1730

Да здравствует днесь императрикс Анна!
На престол седша увенчанна,
Краснейше солнца и звезд сияюща ныне!
Да здравствует на многа лета,
Порфирою златой одета,
В императорском чине.

Се благодать всем от небес лиется:
Что днесь венцом Анна вязется.
Бегут к нам из всей мочи сатурновы веки!
Мир, обилие, счастье полно
Всегда будет у нас довольно;
Радуйтесь, человеки.

Небо все ныне весело играет,
Солнце на нем лучше катает,
Земля при Анне везде плодовита будет!
Воздух всегда в России здравы,
Переменятся злые нравы,
И всяк нужду избудет.

Речные в брегах станут своих токи,
Выбегут все мерзки пороки.
Правда, Благочестие Анну окружают,
Любовь к подданным, Суд и Милость
Из всех сердец гонят унылость;
Тем Анну прославляют.

Прочь все отсюду враждебные ссоры:
Анна краснейша Ауроры
Всех в любовь себе сердца преклонила вечну!
Всё почитает должно Анну,
Самодержицу богом данну,
Верность имать сердечну.

Торжествуйте вси российсти народы:
У нас идут златые годы.
Восприимем с радости полные стаканы,
Восплещем громко и руками,
Заскачем весело ногами
Мы, верные граждане.

Имеем мы днесь радость учрежденну,
Повсюду славно разнесенну:
Анна над Россиею воцарилась всею!
То-то есть прямая царица!
То-то бодра императрица!
Признают все душою.

Да здравствует нам императрикс Анна,
На престол седша, увенчанна,
Краснейше солнца и звезд сияюща ныне!
Да здравствует на многа лета,
Порфирою златой одета,
В императорском чине.

III. ПЕСНЬ НА НОВЫЙ 1732 ГОД

НР, л. 201—202. Рукопись первой редакции стихотворения, опубликованного в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов...

(СПб., 1735. С. 74—79), не сохранилась. Ниже приводится первая редакция по указанному изданию (1735).

ПЕСНЬ, СОЧИНЕННАЯ НА ГОЛОС И ПЕТАЯ ПРЕД ЕЯ ИМПЕРАТОРСКИМ ВЕЛИЧЕСТВОМ АННОЮ ИОАННОВНОЮ, САМОДЕРЖИЦЕЮ ВСЕРОССИЙСКОЮ

Новый год начинаем,
Радость все ощущаем:
Благодать изобильна
От бога нам всесильна, —
Счастием Богом данны
Самодержицы Анны.

В первых здравие цело,
В много лет ей приспело;
И желаем ей люди,
Вопия: О так буди!
Здравие Богом данны
Самодержицы Анны.

Пойдет век долговечен
И многочеловечен;
Поживем в благостыне
Мы все везде отныне, —
Счастием Богом данны
Самодержицы Анны.

Зима внесет хлад мерен,
Весна не растлит зерен,
Лето оны согреет,
В осень мног плод поспеет, —
Счастием Богом данны
Самодержицы Анны.

Воздух чист, растворенный,
Влитием удобренный;
Веять здравый ветр станет,
Вред наносить престанет, —
Счастием Богом данны
Самодержицы Анны.

Всяка злость истребится,
Злой нрав искоренится;
Добро само всем любо,
Худо явится грубо, —
Счастием Богом данны
Самодержицы Анны.

Любовь все удостоят,
Сердца к оной пристроят;
Жить имеет в нас тая,
Умрет ненависть злая, —
Счастием Богом данны
Самодержицы Анны.

К правде склонен всяк будет,
Лжи и след весь забудет;
Трона зрим одесную
Уж мы правду святую:
Ná-троне Богом данна
Самодержица Анна.

Трусил Марс и с войною
Пред нашей тишиною;
А росскийскую силу
Превознесет Бог милу, —
Счастием Богом данны
Самодержицы Анны.

Храбрость страшит рассудна,
Смыслу наша подсудна,
Всех врагов дерзновенных,
Всех врагов ухищренных, —
Счастием Богом данны
Самодержицы Анны.

Благочестие право
Пребудет всегда здраво:
Тверда церковь сияет,
Раскол в ад убегает, —

Счастием Богом данны
Самодержицы Анны.

И министры советны
Поживут безнаветны,
Зло усмотрят проклято,
Научат всех жить свято, —
Счастием Богом данны
Самодержицы Анны.

Процветут здесь науки
И ремесленны руки;
Мудрость больша, неж в Афинах,
Дело чище, неж в Хинах, —
Счастием Богом данны
Самодержицы Анны.

Купля благословенна
Придет обогащенна,
Нам содружит народы,
Американски роды, —
Счастием Богом данны
Самодержицы Анны.

Счастие будет вечно
Счастливей непресечно:
Пошлет все благодати,
Даст во всем успевати, —
Твоим счастьем, венчанна!
Самодержица Анна!

IV СТРОФЫ ПОХВАЛЬНЫЕ ПОСЕЛЯНСКОМУ ЖИТИЮ

НР, л. 204—205 об.

Стихотворение было подвержено авторской правке на полях издания СП, а позднее опубликовано автором в статье «О беспорочности и приятности деревенской жизни» (Ежемесячные сочинения. 1757. Июль.

С. 77—79). Ниже приводятся варианты по: *Петровский* и по указанному изданию (1757).

[1] в мире / *1757*: в свете

[5] не торопится / *Петровский, 1757*: не спешит

[13] Он в иной серпом день очищает / *1757*: Он серпом в иной день очищает

[23] как / *1757*: коль

[25] Что тогда из всех плодов зреляе / 1757: Что из всех тогда плодов зреляе

[41] Толь при разном диком сельском шуме / 1757: Толь по разном диком сельском шуме

[93] Счастлив, о! весьма, излишно / *Петровский, 1757*: Счастлив, о! весьма, весьма излишно

РАССУЖДЕНИЕ О КОМЕДИИ ВООБЩЕ

«Рассуждение о комедии вообще» представляет собой сокращенную редакцию статьи «Рассуждения о комедии вообще и в особливости» (см. преамбулу к коммент. к «Рассуждению о комедии вообще», с. 625—626). «Рассуждение о комедии вообще и в особливости» известно по рукописи, хранящейся в СПбФАРАН (разр. II. оп. 1. № 141. Л. 74—89 об.). Оно входит в сборник, включающий в себя также трагедию Тредиаковского «Деидамия, трагедия Василья Тредиаковского в Санктпетербурге 1751» (л. 2—72 об.) и комедию «Евнух, комедия в пять действий, с латынския Теренциевы от мерзких самых срамословий очищенная стихами Василья Тредиаковского 1752» (л. 90—152 об.). «Рассуждение о комедии вообще и в особливости» непосредственно предшествует «Евнуху», следуя сразу за листом с названием комедии (л. 73). Сборник заключает в себе оглавление со специальной графой «стран ⟨ицы⟩», которые в ней не проставлены. Весь сборник написан аккуратным почерком Тредиаковского, таким, каким он переписывал свои произведения набело, готовя их в печать. Л. Б. Модзалевский, опубликовавший заключительную часть «Рассуждения о комедии вообще и в особливости» вместе с первым актом комедии «Евнух» («Евнух» В. К. Тредиаковского // XVIII век. М.; Л., 1935. [Сб. 1]. С. 312—326; впервые фрагмент этой части был опубликован П. П. Пекарским: Пекарский. С. 168—169), по непонятному недоразумению считал, что сборник написан писарской рукой

и является академическим списком произведений Тредиаковского (см.: *Модзалевский Л. Б.* «Евнух» В. К. Тредиаковского. С. 311). Несмотря на то что почерк Тредиаковского в сборнике, с его характерными заглавными «э», в которых поперечная черта дается в виде косого крестика, с заглавными «с», «е» и другими буквами, не оставляет сомнения в подлинности авторской рукописи, исследователя могли ввести в заблуждение две маргиналии на сборнике. На одну из них, стоящую на последнем листе (154 об.) «списана оная книга 1755 года ... дня», Модзалевский ссылается, другая — находится на л. 1: «списаны при Академии 1756 году». Обе надписи сделаны скорописью, разными почерками. Однако очевидно, что сборник представляет собой оригинал и список делался с него (судьба его неизвестна).

Сборник драматических сочинений Тредиаковского, позднее, уже в XIX в., переплетенный вместе с комедиями А. П. Сумарокова в фолиант, описанный Пекарским (см.: Пекарский. С. 168) и Модзалевским (см.: «Евнух» В. К. Тредиаковского. С. 311), по своему оформлению похож на те сборники, которые Тредиаковский отдавал в печать. На это указывают и составленное им оглавление, и аккуратные концовки в виде треугольников, обычные в его беловых рукописях, и авторская пагинация. С небольшой долей осторожности можно предположить, что именно этот сборник мыслился Тредиаковским как второй том СП, содержание которого было описано им в первом варианте предисловия «К читателю» (см.: «Варианты и редакции», с. 359—360). По-видимому, он и должен был быть подан в Академию наук в июне 1752 г. в виде второго тома СП. Отчерк красно-коричневым карандашом заключения «Рассуждения о комедии вообще и в особливости», изъятого в новой редакции статьи, может свидетельствовать, что именно с ним работал Тредиаковский при подготовке статьи «Рассуждение о комедии вообще». Начало изъятого места помечено на правом поле крестом, а далее на протяжении всего исключенного фрагмента следует на полях красно-коричневая линия. Вероятно, она принадлежит Тредиаковскому. Если это предположение верно, то сборник можно датировать 1752 г. и считать его непосредственно связанным с работой над изданием СП.

Ниже приводятся разночтения с рукописью «Рассуждения о комедии вообще и в особливости» (РК) и с наборной рукописью «Рассуждения о комедии вообще» (НР, л. 206 об.—216).

8 по возобновлении / *РК*: по воскресении

18 как до некоторого рода списка / *РК*: как до списка

21—22 Как тогда, так и ныне осмехаются худые нравы и поступки комедиею, а / *РК*: И хотя в нынешней европейской зрятся другие нравы, изображающие нынешний век, его употребления и его обыкновения, но нравы как нравы не существенный состав есть комедии, но наружная материя. Подобно как разная одежда на человеке не есть человеческое, но токмо внешнее украшение, человек есть человеком по своему сложению, а не по одеянию, хотя оно будет на нем греческое, хотя французское или какое другое. Но просто нравы, но

24 к разности шутки, которая / *РК*: однако к шутке, которая

30—31 из которых первая, именно ж трагическая, была в честь богу Бакху / *РК*: из которых первая была в честь богу Бакху

32 в «Науке о поэзии» в 3 песни / *РК*: в «Науке о поэзии»

33 или в собственную забаву собирающих грозды, или в увеселение / *РК*: или в собственную забаву собирающих, или в увеселение

35—36 был козел, который по-гречески называется Τράγος ~ Но за другую награждения не видно / *РК*: был козел; но за другую

40 отдалении / *РК*: отдаленном распространении

47—49 винными дрожжами (и понеже дрожжи по-гречески называются τρύξ, то некоторые и называют трагедию не трагодиею, но тригодиею, то есть дрожжаною песнию), которые / *РК*: винными дрожжами, которые

52 некоея; / *РК*: некия

53 прямой / *РК*: нынешней

С. 251, примеч. 2. *В РК примеч. отсутствует, в НР примеч. вынесено на правое поле.*

63 называемыми / *РК*: называемый

66 крошками, оставшимися / *РК*: останками

71 *После*: трагедии — *РК*: и сию токмо от нея получает пользу, но кажется, что корысть и приятство забавы премогают похвальное и полезное оное приобретение, и именно ж воспламения любви к доброму, а омерзения к скаредному.[1]

74 но / *РК*: но и

79 склонность / *РК*: способность

С. 252, примеч. 3. *В НР примеч. отсутствует.*

82 не вменяемые, но точные, осмехая / *РК*: не вменяемые, осмехая

83 *После*: исправить нравы — *РК*: но правда сея неоцененныя пользы есть токмо правда, ибо в самом деле по большой части в Греции смотрели комедию не для того, чтоб в лучшее привесть нравы, но чтоб праздным

---

[1] Л. 76 об.—77.

людям препроводить время и посмеяться, а часто и с убиением чести в ближнем.[2]

[84] различие подражанием или, лучше *в РК вынесено на левое поле*

[94] всеконечно / *РК*: неотменно

[97] сатирической Гомеровой поэме, составленной *в РК вынесено на левое поле.*

[100] в 4 сатире / *РК*: в сатире 4

[101] других же без имен / *РК*: а других без имен; *знак сноски в этой строке в РК отсутствует.*

[104] из множайшего числа им составленных / *РК*: из множайшего числа составленных

[109] составе / *РК*: плане

[118] самые их боги / *РК*: самые боги

[130] услугою / *РК*: слугою

[142] Продолжение / *РК*: Предложение

[150] по речам / *РК*: по словам

[200] сенаторскою одеждою / *РК*: одеждою сенаторскою

С. 256, примеч. Мелисс им, знатно / *РК*: Знатно, Мелик им

[207] *В НР* Меценатов *вписано сверху зачеркнутого слова нрзб.*

[209] коей / *РК*: кой

[214] *После*: прочими — *в РК*: Также и силою дела.

[231] по тогдашней угодности / *РК*: по тогдашнему нраву

[232] над коими / *НР, РК*: над которыми

[241] *После*: ложны — *РК*: Но коль ни несовершенен есть Аристофан по сему описанию, только ж Клименд Александрийский часто приводит его, а святый Иоанн Златоуст непрестанно его читал и полагал на ночь под головы, ежели верить Алду Мануцию в дедикации пред комедиями сего комика.

[250] обоими / *РК*: двумя

[251] в своем составе / *РК*: в своем плане

[263] крепости / *РК*: твердости

[268—269] правило комедиям, дабы им быть и называться хорошими / *РК*: правило комедии, дабы ей быть и называться хорошею

[269—270] правило комедии я выпишу / *РК*: правило я перепишу

[274—275] Намерение, с каким / *РК*: Конец ея, для коего

[275] состоит в том / *РК*: есть сей

[276—277] исправить бы весь народ / *РК*: исправить народ

---

[2] Л. 77—77 об.

[293—294] что прямое смешное искусства, кое / *СП*: что смешное искусства, кое; *восстановлено по РК и НР* / *РК*: которое

[297] ежели в ней не можно узнаться и не видно тех поступок, кои показывают люди, живущие совокупно / *РК*: ежели в ней не можно узнаться

[300] так точно разговаривали / *РК*: так разговаривали

[307] площадные слова / *РК*: слова площадные

[317] благопристойность; наблюдается / *РК*: благопристойности; наблюдаются

[320] Слабость / *РК*: Но слабость

[331] *После*: нужные правила комедии *в РК следует заключение*:[3]

Всяк искусный чувствует ясно, что сии Рапеневы правила основательны, тверды, истинны[4] и токмо одни для комедии всех веков и народов. Но что он обнял толь многими словами, то самое сатирический французский пиит Боало заключил двумя стихами только в 3 песни «Науки о поэзии», говоря:

Смотрите нрав двора и быт градских жильцов:
В том месте и другом довольно образцов.*

Теперь, при окончании, должно объявить нечто о переводе моем Теренциева «Евнуха». К труду сему побудила меня трагедия «Деидамия», которую я сочинил в прошлом 1750 годе. Что об ней знающие и незнающие, беспристрастные и завиствующие[5] рассуждают, о том я не весьма пекусь: слышал я ей хвалы, иные праведные, по моему мнению, а иные излишние, но слышал и[6] хулы, из которых большая часть таких, кои равномерны несовершенству трагедии, а о прочих смешно и упоминать: толь они сами смеха достойны! Как то ни есть, только сочинена мною трагедия, а оставить ее одну и без товарыща мне уже самому не похотелось. Обыкновенно трагедия препровождаема бывает некоторым родом служанки, называемыя малая комедия, какие явились и на нашем языке прозою, а чтоб сказать об них по совести, больше сквернящие наш язык, нежели обогащающие. Не токмо с⟨и⟩ми[7] нашими негодницами и беспутными я гнушаюсь, но и всеми

* Étudiez la cour et connaissez la ville:
L'une et l'autre toujours en modèlles fertiles.

[3] Л. 87—89 об.

[4] *В тексте* истинный; *у Модзалевского* истинны.

[5] *В тексте* знающии и незнающии, беспристрастныи и завиствующии; *у Пекарского* знающии и незнающии, беспристрастныи и завиствующии; *у Модзалевского* знающий и незнающий, беспристрастный и завиствующий.

[6] *У Пекарского* и *отсутствует.*

[7] *В тексте* сами; *у Пекарского* сими; *у Модзалевского* самими.

на других языках прозаическими малыми комедиями: они все как противны уставу комедии, так и недостойны твердого разума. Того ради рассудил я дать моей трагедии в товарыща[8] родную ея сестру, то есть прямую комедию и в пять действий, и стихами.*

Собственную сочинить не нашел я в себе столько ни довольства, ни способности: известно, что на сочинение комедии, почитай, вдвое надобно искусства против трагедии. Перевесть французскую можно б мне было, хотя Мольерову, хотя другую какую из лучших, но я уже доносил, что французская комедия есть только сама список, а не подлинник. Из подлинных, ежели взять Аристофанову, кои находятся у меня все в «Греческом театре» иезуита Брюмоа, то как старую греческую и с нашим веком не сходствующую нашел я неприличною, но из новых Менандровых не имеем ни единыя, кроме отрывков. Следовательно, взялся я за латинского Менандра и Менандра всех народов и веков, именно ж за Теренция. В нем из шести его комедий, для нас соблюдшихся, выбрал самую лучшую, по общему мнению искусных людей, то есть «Евнуха», которого я преложил нашими стихами, но каково, о том да рассуждают, ежели угодно, искусные.

Я токмо сие доношу, что я все мое употребил[9] прилежание и все силы на исправное и точное изображение Теренциева «Евнуха», разве токмо где меня принудила наша мера и рифма или нечто прибавить, или нечто малое убавить, однако так, чтоб грунту Теренциева разума и замысла пребыть ненарушиму. Впрочем, учинил я в нем некоторые самые легкие и токмо искусным нечувствительные перемены, применяясь к обыкновению нынешнего театра. Сии перемены, по самой большой части, касаются токмо до разделения явлений в действиях и до уничтожения срамословных мест, которые могли быть противны честному устыдению.[10] Пролог оставлен мною не переведен, первое, для того что такие прологи ныне неупотребленны, а второе, что «Евнухов» пролог не частию есть «Евнуха», но токмо в нем пиит отражает некоторых своих соперников и превручает смотрителям как себя, так и свою комедию. Стих я употребил в перевод мой пентаметр хореический: он мне показался наибольше сходствующим с сенарием латинским. Сей наш пентаметр мужеския и женския рифмы есть гиперкаталектик. Женский стих имеет в первом полстишии две стопы с половиною, которая половина есть слог долгий и пресечение, а во втором три ровно, но мужской — в первом полстишии три стопы ровно, коих самый последний слог краткий есть

---

* Neve minor, neu sit quinto productior actu
Fabula, quae posci volt, et spectanda reponi.
Horat. Art. poet.

8 *У Модзалевского* в товарищи; *у Пекарского* в товарыща.

9 *У Модзалевского* употреблял.

10 У *Пекарского* остудению.

пресечением; а во втором две стопы с половиною. Рифма во всем переводе положена прерывная, или смешанная, дабы стиль казался быть несколько будто прозаическим и похожим на дружеские разговоры, ибо сие есть комедия. Перечневого описания здесь я не приобщаю: комедия сия вся на все вымышленная, а не основана ни на истории, ни на митологии. Читатели (ибо я мой перевод не для представления сделал, но для чтения) выразумеют сами, читая, о чем есть комедия и чего ради названа «Евнухом». Стыд живописцам подписывать имена портретов.

СТИХИ ИЗ «АРГЕНИДЫ»

Первые стихотворения из предложенных Тредиаковским пар были опубликованы им в составе перевода романа «Аргенида»: *Барклай И.* Аргенида. СПб., 1751. Т. 2. Ниже приводятся варианты стихотворений по НР (л. 216—229) и варианты первых стихотворений по указанному изданию (1751).

Заглавие: Стихи из «Аргениды» / *СП, НР*: Стихи эпиникические из Аргениды

ГЕРО-ЭЛЕГИАЧЕСКИЕ

АНАПЕСТО-ЯМБИЧЕСКИЕ

[3] благосердность / *1751*: благочестие
[7] в веселии / *1751*: с веселием

ПАНЕГИРИЧЕСКИЕ

ХОРЕИЧЕСКИЕ

[14] друг и винограду вяз / *1751*: друг и виноградный вяз

ДАКТИЛО-ХОРЕИЧЕСКИЕ

[10] и липа / *НР*: рябина
[31] еленей / *НР*: оленей
[42] ризе / *НР*: [одежде]

ТЕОДИКЕИЧЕСКИЕ
ХОРЕИЧЕСКИЕ

[1] толь / *1751, НР*: мерзкими.

СОТЕРИЧЕСКИЕ
ХОРЕИЧЕСКИЕ

[44] грозною / *1751*: гроз полна

[126] Лучшее земных тебе благ всё обещают / *1751*: Лучшее тебе земных всё благ обещают

[132] древо сень тебе то строй / *1751*: сень тебе то древо строй

[155] Но приближились когда к ним Ледейски взоры / *1751*: Но приблизившись когда божества Ледейска взоры

[195] Да и ты б супруга, ты б мне то отпустила / *СП*: опустила; *исправлено по НР и по 1751.*

[236] Се и в силу от цельбы та пришла чудесно / *1751*: Се и в силу по цельбе та пришла чудесно

СЛОВО О МУДРОСТИ, БЛАГОРАЗУМИИ И ДОБРОДЕТЕЛИ

НР, л. 251—277.

[4—5] как изданная уже в свет особенно, и также б не увеличить ею сея книжки *в НР вписано над строкой другими чернилами.*

[9] речь *в НР вписано другими чернилами.*

[19] бытием / [сущностию]

[105] чувств / [неведения]

[230] но ни уловлением / но ни преуловлением

[234—235] способнее жизни своея лишиться / способнее и сноснее жизни своея лишиться

[252] общего разумного мнения / *СП*: общего мнения; *исправлено по НР, где* разумного *вписано на левом поле.*

[316] *После*: сущее — [*нрзб.*]

[317—319] *В НР и СП остутствуют знаки сносок над словами* простые сущего свойства *и* свойства сущего распряженные, *напротив этих слов*

на правом поле значатся их латинские термины: simplicia entis attributa *и* disiuncta entis; *исправлено по смыслу*.

319 действенность и могущество / действенность и [*нрзб.*] могущество *вписано на левом поле*.

353 *Слова* действия человеческие нравственные и их правило *в НР взяты в кавычки*.

374—375 сущее необходимое / [бытие] необходимое

376 сущности / [бытовстве]

470 или тюричковой *в НР вписано над строкой*.

478 уничтожаемы были / [*нрзб.*] были

483 смыслящему человеку / смыслящему и внимающему человеку

490 все три *в НР вписано на левом поле*.

501—502 *В НР цитата из Аристотеля написана на отдельно приклеенной сургучом полоске*.

505—512 или также о мире, имеющем неисчетные вихри ~ он не разумеет *написано на приклееной сургучом полоске*.

513 очертание *в НР вписано на правом поле*.

515 кислость, пресность *в НР вписано на правом поле*.

534—541 Ея есть гадательствовать ~ электризованному телу *в НР вписано на приклеенной сургучом полоске*.

564 твердого / *СП*, *НР*: твердыя; *исправлено согласно грамматике*.

647 вещи, нам любезныя / вещи, [себя] любезныя

680 к общему спокойствию и потребности служить может / к общему спокойствию и пользе служить может

681 также войско ~ телохранителей *в НР вписано на правом поле*.

704—705 не для законного и не достохвального окончания / не для законного и не достохвального ради окончания

780—782 или ухищряет ~ к действию орудия *в НР взято в кавычки*.

805—806 мнит о себе, но и высокоумно, что / мнит о себе, что

828 добрые дела / добрые деяния

886 с нижайшими благосклонно и ласково / *НР*: с низшими благосклонно и ласково; *СП*: с нижайшими благосклонно; ласково *восстановлено по НР в соответствии с ритмом фразы*.

904 бывают *в НР вписано на правом поле*.

956—959 в сожитии — справедливость, бескорыствование, милосердие, равномерие, человеколюбие, щедрость, верность, истинство, молчаливость, словоумие, послушание, почтение, благоутробие, доброприветливость, услужность, правота / *СП*: в сожитии — справедливость, бескорыствование, истинство, молчаливость, словоумие, послушание, почтение,

благоутробие, доброприветливость, услужность, правота; *восстановлено по НР в соответствии с перечнем латинских терминов, данным в примечании.*

961 или благость *в НР вписано на правом поле.*

961—962 или воздержание *в НР вписано на правом поле.*

963 благотишие / благостояние

1026 объявлена в них драгоценнейшая и богатейшая всех в свете сокровищ польза / объявлена в них человеческому роду нужда и доказана от них драгоценнейшая и богатейшая всех в свете сокровищ польза

1062—1063 и за благоразумие ~ различающаяся с оными *вписано на левом поле.*

1152 *После*: великодушнейшую — человеколюбивейшую

1165—1184 Да и кое в нас толь отвращенное сердце ~ матери отечества и великия проименование *написано на отдельном вклеенном между 46-й и 47-й стр. листе без авторской пагинации (л. 274).*

1193 высота *вписано на правом поле.*

1196—1197 все купно в тебе преславны и без изъятия прехвальны / все в тебе преславны и прехвальны; *слова* купно *и* без изъятия *вписаны над строкой.*

1198 на сию когда / когда на сию

1233 благосчастном / благостоящем

1234 наследника твоего / преемника твоего

1241 украшать *вписано на левом поле.*

1260 бытности / [сущности]

ПЕРЕВОД С СЕНЕКИНЫХ ЛАТИНСКИХ СТИХОВ...

Рукопись первой редакции стихотворения, изданного в разделе «Стихи на разные случаи» (Езда в остров Любви. СПб., 1730. С. 183—184), не сохранилась. Ниже приводятся варианты стихотворения по НР (л. 233 об.) и его первая редакция по указанному изданию.

13—14 Дружеством честейших Муз веселюсь я смала, Кротость же святою уж мне казаться стала *в НР в кавычках.*

19—20 О! коль мысль едина веселит меня сия, О! конца такого совесть жаждет коль моя *в НР в кавычках.*

СТИХИ СЕНЕКОВЫ О СМИРЕНИИ
Переведены с латинских

Стой, кто хочет, на скользкой придворной дороге,
Будь сильным и любимым при царском чертоге;
Старайся иной всяко о высокой чести,
Ищи другой, чтоб выше всех при царе сести;
Пускай сей любит славу и убор богатый,
Палаты высоки, двор полем необъятый,
Слуг, стадо, села, замки, суды позлащенны,
Одежду дорогую, власы намащенны,
Той — богатство, веселье, также поступь смелу —
Заживай приятелей сильных на жизнь целу.

Но мне в убогой жизни люб есть покой сладки,
Дом простой и чин низкой, к тому ж убор гладки;
А компания с Музы веселит мя смала,
Покорность уж святою казаться мне стала.
Тако, когда мои дни пробегут без шума
(Приятна во дни, в ночи сия мне есть дума!),
Простачком и старичком весел приду к гробу,
Оставивши на свете всю светскую злобу.
Тот, кто очень всем знатен в сей жизни бывает,
Часто не знатен себе горько умирает.

СОНЕТ С СЛАВНОГО ФРАЦУЗСКОГО ДЕ БАРОВА

Рукописи первой и второй редакций сонета, изданных соответственно: Примечания на Санкт-Петербургские ведомости. 1732. Апрель. Ч. XXVI. С. 132 и в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» (СПб., 1735. С. 31), не сохранились. Ниже приводится вариант сонета по НР (л. 234 об.), а также редакции по указанным изданиям. НР содержит третью редакцию сонета (л. 235), предшествовавшую, очевидно, окончательной. Л. 234, на котором помещена последняя четвертая редакция сонета, вклеен позднее, его оборот пуст.

13 Но на кое место ни падет во мне с гор гром / *НР*: Но во мне на кое место тот падет с гор гром?

1732:

Боже! коль твои судьбы правости суть полны!
Благоволяешь всегда щедротен к нам быти,
Но пред Тобою я только зол человек дольны,
Что правде Твоей трудно мя весьма простити.
Ей! Мой Боже! грехи уж мои предовольны
Не могут, хоть Ты силен, всяко мук избыти;
Ты сам в моем блаженстве якобы не вольны,
Милость Твоя меня вся хощет погубити.
Буди же по Твоему, ибо Твоя воля,
Гневись на слезы, ныне что моя есть доля,
Греми, рази, пора! Будь противну противный;
Я чту причину, что так Тя ожесточает;
Но по коему месту поразишь мя, дивный?
Всюду бо Христова Кровь меня покрывает.

1735:

Боже мой! твои судьбы правости суть полны!
Изволяешь ты всегда к нам щедротен быти,
Но я тако пред Тобой человек зол дольны,
Что уж правде мя Твоей трудно есть простити.
Ей! мой Господи! грехи что мои довольны,
То не могут и Тобой всяко мук избыти;
Ты в моем блаженстве сам будто бы не вольны,
Вся и милость мя Твоя хочет погубити.

Буди же по Твоему, то когда Ти славно,
Слезы на мои гневись, очи льют что явно;
Ин греми, рази, пора! противна противный.

Чту причину, что Тебя так ожесточает;
Но по месту поразишь каковому, дивный,
Мя всего Христова Кровь щедро покрывает.

НР:

Боже! о! коль правоты полн Твой Суд престольный!
Сам благоволяешь милостив всегда всем быть,
Но я пред Тобою так человек зол дольный,
Что меня уж трудно правосудию простить.

Ей! о! Господи, мой грех всяк к тому довольный,
Чтоб стать невозможным казней о Тебе избыть;
Ты преступника спасти, будто как не вольный,
Се вся и щедрота хощет люто погубить.

Буди ж то по Твоему, что Судьбам преславно,
Плачем умножаю пусть ярость должну равно;
Возгреми, бей! время, за войну воюй притом.

Покланяемым сей гнев свято пребывает!
Но на кое место ни падет во мне тот гром,
Каждое Христова Кровь всюду покрывает.

ОБРАЗ ДОБРОДЕТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА

НР, л. 235 об.—236 об.

Рукопись первой редакции стихотворения, вошедшего в «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (СПб., 1735. С. 27—29) не сохранилась. Ниже приводится редакция по указанному изданию (1735).

ПРАВИЛА БЛАГОРАЗУМИЯ, ИЛИ ОБРАЗ ДОБРОДЕТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА

Отдавай то все Творцу, долг что отдавати;
Без рассудка ж ничего ти б не начинати.
Токмо с добрыми людьми в жизни сей дружися,
А таланты чрез твои никогда не льстися.
С мнением других всегда будь согласен прямо;
Никогда в твоем стоять не изволь упрямо.
Внятно слушай, что тебе люди предлагают;
Больше умным не кажись, нежели тя знают.
С тем о том не говори, смыслит кто что мало;
Проста сердца быть тебя речь и все б казало.
Слово данное держи, было б как ни трудно;
Ничего ж не обещай вдруг и нерассудно.
Будь услужен, будь и тих, ласков в разговоре;

Всех приятно принимай, был ни кто б в презоре.
Дерзостно не будь знаком, обходися ж смело;
Не размыслив не вступай ни в какое дело.
Без корысти всех люби, а прощай без мести;
Низок будь большим, себя ж подлым не бесчести.
Дружен всем старайся быть, дружно поступая,
Тяжбы никогда ни с кем сам не начиная.
Не проведывай никак, что чинят другие,
Просто крой дела твои, чтоб не знали злые.
Рассмотря, давай в займы, только ж добровольно;
Если надо наградить, награждай довольно.
И каким бы не хотел образом ты быти,
Быть без лишка и себя ж в том не позабыти.
Страждет кто твой друг напасть? сожалей безмерно,
В друге ты порок сноси, будь и другом верно.
Побеждай печаль, как дух оной поддается,
Не вини в ней никого, та как и минется.
Учинить старайся мир, ссоры где злодейство;
Инак и не отмщевай, как чрез благодейство.
Жарко не жури людей и хвали не льстивно;
Мерно смейся над людьми, смех терпи взаимно.
Кажда в ремесле своем чти ты без упрямства,
Также ничего не хуль одного для чванства,
Благодетельством твоим худо попрекати,
Лучше оное всегда вовся забывати.
Нуждну другу помогай, тот хотя не просит;
Кто дарит не так, как мот, щедрых имя носит.
Пылка гнева угашай жар и ненасытность;
Говори добро всегда в чью-либо небытность.
Благодарность бы была в сердце ти природно;
Для забавы хоть играй, только ж благородно.
Мысля, мало говори, обмануть не тщися,
Что б ти ни было дано, тем всегда хвалися.
Должника не мучь, как он к плате не исправен,
Для себя и для него будь все добронравен.
Ближних счастия твоих не завидуй цвету;
Вверенное так храни, что б не вынесть свету.
Крой, не чваняся ничем, тайну ти искусно;
Презирай по сем, как лгут на тебя что гнусно.

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА ХРИСТИАНИНА

НР, л. 236 об.—237 об.

Заглавие: Mettre en Dieu seulement toute sa confiance / Mettre en Dieu seulement toute confiance, *затем* sa *вписано после* toute

[40] защитить мог / защитил нас

ПЛАЧ О КОНЧИНЕ БЛАЖЕННЫЯ И ВЕЧНОДОСТОЙНЫЯ ПАМЯТИ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКОГО ПЕТРА ВЕЛИКОГО ОТЦА ОТЕЧЕСТВА

Самая ранняя редакция стихотворения относится к 1725 г., список с нее сохранился в рукописном сборнике (см.: *Николаев С. И.* Ранний Тредиаковский (К истории «Элегии о смерти Петра Великого») // Рус. лит-ра. 2000. № 1. С. 126—132). Рукопись элегии, изданной в корпусе «Стихов на разные случаи», приложенном к изданию «Езда в остров Любви» (СПб., 1730. С. 154—159), не сохранилась. Ниже приводятся варианты стихотворения по НР (л. 238—241 об.) и первая редакция по указанному изданию (1730).

[2] Не Россия ль плачет? не ея ль и стон? / Не Россия ль плачет? не ея ль то стон?

[10] Се летит, о горе, в быстроте паря / Се летит, [ах!] горе[сть], в быстроте паря

[14] Не умеет ныне к правде прибавлять / Не [умея] ныне к правде прибавлять

[18] Оный Петр России сладость, красота / Оный Петр России слава, красота

[28] Малых и великих по чинам особ / Малых и великих без изъятия особ; без изъятия *подчеркнуто и помечено на полях* NB.

[30] Милость же и правда в равенстве всегда / Милость же и правда удивительны всегда; удивительны *подчеркнуто и помечено на полях* NB.

[56] Повелел, покрыл бы росска Феба мрак / Повелел, покрыл бы росска Солнца мрак; солнца *подчеркнуто и на полях вписано* Феба

[89] То на том же вдруг там остановится / Иногда на том же вдруг остановится; том же *подчеркнуто и помечено на полях* NB.

116 Новым Марсом всюду? Вящий кой есть Кир? / Новым Марсом всюду? Кой есть вящий Кир? *Над строкой цифрами размечен новый порядок слов.*

178 Но что гнусну грубость от своих отгнал *в НР* от своих отгнал *вписано сверху двух зачеркнутых слов.*

180 И ученым добрым подданным быть дал *в НР* подданным *и* дал *вписано сверху двух зачеркнутых слов.*

ЭЛЕГИЯ О СМЕРТИ ПЕТРА ВЕЛИКОГО

Что за печаль повсюду слышится ужасно?
Ах! знать Россия плачет в многолюдстве гласно!
Где ж повседневных торжеств, радостей громады!
Слышь, не токмо едина, плачут уж и чады!
Се она то мещется, потом недвижима,
Вопиет, слезит, стенет, в печали всем зрима.
«Что то за причина?» (лишь рекла то Вселенна)
Летит, ах горесть! Слава весьма огорченна,
Вопиет тако всюду, но вопиет право,
Ах! позабыла ль она сказывать не здраво?
О когда хоть бы и в сем была та неверна!
Но вопиет, вопиет в печали безмерна:
«Петр, ах! Алексиевич, вящий человека,
Петр, глаголю, российский отбыл с сего века».
Не внушила Вселенна сие необычно,
Ибо вещала Слава уж сипко, незычно.
Паки Слава: «Российский император славный,
Всяку граду в мудрости и в храбрости явный.
Того правда, того милость тако украсила,
Что всю тебя Вселенну весьма удивила.
Кто когда во искусстве? кто лучший в науке?
Любовь ко отечеству дала ль место скуке?
Что же бодрость? что промысл? Православна вера?
Ах! не имам горести ныне я примера!»

Паче грома и молни се Мир устрашило,
И, почитай, вне себя той весь преложило.
Но по удивлении в незапной причине,

Со стенанием в слезах Вселенная ныне:
«Увы, мой Петре! Петре, верх царския славы!
Увы, предрагоценный! о судеб державы!
Увы, вселенныя ты едина доброта!
Увы, моя надежда! тяжка мне сухота!
Увы, цвете и свете! увы, мой единый!
Почто весьма сиру мя оставил, любимый?
Кто мя, Вселенну, тако иный царь прославит?
Кто толики походы во весь свет уставит?
Всюду тебе не могла сама надивиться.
Но уже Петр во мне днесь, Петр живый, не зрится!
Ах, увяде! ах, уже и сей помрачися!
Праведно Россия днесь тако огорчися».

Се бегут: Паллада, Марс, Нептун, Поли́тика,
Убоявшеся громка Вселенныя крика.
«Что тако (глаголют), мати, ты затела?»
Но Паллада прежде всех тут оцепенела,
Уразумевши, яко Петра уж не стало;
Петра, но российска: «Ах! — рече, — все пропало».
Падает, обмирает, власы себе комит,
Всё на себе терзает, руки себе ломит,
Зияет, воздыхает, мутится очима,
Бездыханна, как мертва, не слышит ушима,
Всех чувств лишенна, мало зде в себе приходит,
Тихо, непостоянно, так гласом заводит:
«Мое солнце и слава! моя ты Паллада
Куды ныне убегла? до коего града?
Я прочих мудрости всех мною наставляла;
А тебя я сама в той слышати желала.
О премудрый Петре! ты ль не живеши ныне?
Кая без тебя мудрость уставится в чине?
Плачь, винословна, плачи, плачь, Философия,
Плачьте со мною ныне, науки драгие.
Стени, Механика, вся Математи́ка,
Возопий прежалостно и ты, Полити́ка.
Но тебе плакать будет в своем свое время,
Оставь мя ныне мое оплакать зол бремя.
Плачь со мною, искусство, но плачи чрезмерно:

Оставил нас Петр, что я узнала ей верно.
Ах! покинул всех нас Петр, мудростей хранитель,
Своего государства новый сотворитель».

Марс: «Не о российском ли, мати, Петре слово,
Нарицаемом Марсе во всем свете ново,
Ему же в храбрости я не могу сравниться,
Разве только сень его могу похвалиться?»
Сказала Вселенна, Марс завопил жестоко,
Пал было, но встал зараз, на небо взвел око:
«О небесни! небесни! и вы зависть взяли,
Что толика прехрабра у земных отняли?
Большу же мне нанесли ныне вы обиду.
Попротивился бы вам без почтенна виду.
Но отдайте мне Петра, Петра, в мощных славна,
В храбрости, в бодрости и в поле исправна».

В большу пришед Марс ярость, кинув шлем и саблю;
«Дела, — рече,— храбра я один не исправлю.
О Петре! Петре! Петре! воине сильный!
При градех и во градех, и в поле весь дивный.
Возвратись моя радость, Марсова защита:
Марс не Марс без тебя есмь, ах! но волокита.
Увы, мой Петре! како возмогу стерпети
Тебе, не сущу, в слезах чтобы не кипети?
Вем, что не должно храбру; но быти не можно,
Егда вем, яко уснул ныне ты не ложно.
Уснул сном, но по веках возбнуться имущим.
Уснул сном, но нам многи печали несущим.

Впрочем пойду скитаться, лишившись клеврета.
Оплачу Петра, всегда землею одета».

Починает по том здесь Политика стужна
Рыдати не инако, как жена безмужна:
«Дайте,— глаголет,— плачу мому место, други:
Не могу бо забыти Петра мне услуги.
Кто ин тако первее скрасил Полити́ку!
Кто меня вконец достигл толь весьма велику?
Рассмотрил, ввел; пременил, укрепил он нравы,

Много о том глаголют изданные правы.
Но о и его правивш, боже ты державный!
Почто мне Петра отнял? тем подал плач главный.
Я толику на него надежду имела,
Чтоб воистину в первом месте уж сидела
Предо всеми; но твоя то божия сила:
Хотя сия причина весьма мне не мила».
Се под Нептуном моря страшно закипели,
Се купно с ветры волны громко заревели!
Стонет Океан, что уж другого не стало
Любителя, Балтийско — что близко то стало
Несчастье при берегах. Каспийско же ныне
Больше всех — что однажды плавал по нем сине.[1]

Всюду плач, всюду туга презельна бывает.
Но у Бога велика радость процветает:
Яко Петр пребывает весел ныне в небе,
Ибо по заслугам там ему быти требе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

НР, л. 242.

[3] Вы знаете, что вам у многих быть в руках / Вы знаете, что быть у многих вам в руках

[7—8] Однако, преходя из рук вы в руки так, Не бодрствуйте в таком разгнать собою мрак / Однако преходя [вы в руки так из рук], Не [делайте собой отнюдь нигде докук]

[10] Не ставя за порок свою суда поспешность *вписано между 9-м и 11-м стихами.*

[13—14] Которы нравом пчел цветов не презирают, Со всякого листка свой нектар собирают *вписано на правом поле.*

[14] Со всякого листка свой нектар собирают; *на правом поле под этим вариантом была строка, затем выскобленная;* листка / [себе]

[15] По счастию ж когда полюбитесь кому / [Когда ж случится, что полюбитесь кому]

---

[1] *В издании «Езда в остров Любви»* силне, *откуда такое чтение перешло во все переиздания стихотворения (см.: Избранные произведения. С. 59). Однако в приложенном к книге списке «Типографские погрешения» (б. с.)* силне *заменено на* сине.

15—16 По счастию ж когда полюбитесь кому, То всячески донесть потщитесь вы тому; *эти стихи первоначально были 13—14-м.*

ДОПОЛНЕНИЯ

ИДИЛЛИЯ. НИСА И ТИРС

По второму плану издания идиллия предназначалась к включению во второй том СП, в раздел «Несколько штук, сочиненных строфами о разных материях». В НР следует после «Песни на новый 1732 год» на л. 202 об.—204. Позднее была напечатана анонимно в «Ежемесячных сочинениях» (1757. Март. С. 283—286). Ниже приводятся варианты журнальной публикации (1757).

Заглавие: Идиллия. Ниса и Тирс / *1757*: Идиллия. Нисса.

1—4 Тогда лежал ~ Он Нису там пастушку / *1757*:

На травке Тирс один в лачужке
Тогда лежал,
Как рассуждал
О Ниссе так пастушке:

10—11 Затем играть Ей в славу буду на скрипичке / *1757*: Ей в славу буду на гудочке Затем играть

13 Слова хвалы к музычке / *1757*: В двойной слов хвал строчке.

19—20 В резных цветах Поставлю имя по обету / *1757*: Поставлю имя по обету В резных цветах

28—29 Танцуя в лад, Пушечку легче та летает / *1757*: Пушечку легче та летает, Танцуя в лад,

31 И просто как гуляет / *1757*: Ту видя, лишь узнает

37—38 Лилею цвет Мы видим всех цветков беляе / *1757*: Мы видим всех цветков беляе Лилею цвет

42 То та к пастушкам / *1757*: Она к пастушкам

46—47 Луна звездам На небе как в ночи царица / *1757*: На небе как в ночи царица Луна звездам

55—56 К венку свяжу Пучок роз нежных невеличек / *1757*: Пучок роз нежных невеличек К венку свяжу

57 Кругом снижу / *1757*: Вокруг снижу

64—72 Когда б был я ~ Сей бы чинил / *1757*:

Когда б хоть мало побогатей
Себя я зрил,
То б и дарил
Я Ниссу тароватей:
Лент до услуг
Купил бы пуки
И так бы вслух
Ей без докуки
Сам говорил

73—74 «Я ничего, О! Ниса, не желаю в свете / *1757*: «О! Нисса, не желаю в свете Я ничего,

75 кроме / *1757*: опричь

РЕЧЬ ПРИВЕТСТВЕННАЯ, ГОВОРЕННАЯ ЕГО ГРАФСКОМУ СИЯТЕЛЬСТВУ КИРИЛЕ ГРИГОРЬЕВИЧУ РАЗУМОВСКОМУ ⟨...⟩ 11 ДНЯ ИЮНЯ 1746 ГОДА

НР, л. 229 об.—231 об.

Речь была опубликована в отчете о первом посещении президента Академии наук К. Г Разумовского (Прибавления к «Санкт-Петербургским ведомостям». 1746. 13 июня). При подготовке речи в СП Тредиаковский внес в нее несущественные изменения, которые приведены ниже по этому изданию (1746).

1 *Перед*: Императорская Академия наук / *1746*: Сиятельнейший граф

7 твердости / *1746*: основания; едва / *1746*: едва и едва

9—10 от особенныя своея главы; от вашего графского сиятельства / *1746*: чрез главу свою; чрез ваше графское сиятельство

13 произведений / *1746*: произведению

17 пользуясь / *1746*: пользуяся

18 имеет причину, что / *1746*: имеет причину, то есть что

22 наконец / *1746*: напоследок

35 удостоверяют / *1746*: уверяют

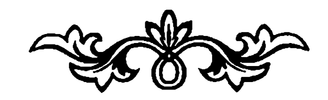
37 первократную из россиян в себе главу / *1746*: первую из россиян свою главу

[40] с преблагостныя / *1746*: с преблагостынныя
[51] превручаясь / *1746*: превручаяся

ЕМУ ЖЕ РЕЧЬ БЛАГОДАРСТВЕННАЯ ⟨...⟩ 1748 ГОДА

НР, л. 231 об.—232 об.

На левом поле [На латинском языке]



ПРИЛОЖЕНИЯ

Издание «Сочинений и переводов как стихами, так и прозою» В. К. Тредиаковского было задумано в 2002 г. В. П. Степановым, и начальная работа по его подготовке осуществлялась нами совместно. Приношу сердечную ему благодарность за школу, полученную в ходе нее, а также за постоянную поддержку в уже самостоятельной моей работе над книгой.

При подготовке издания меня окружало неизменное внимание коллег, щедро делящихся необходимыми для комментирования Тредиаковского знаниями. Всем им выражаю свою глубокую признательность. В особенности издание обязано В. В. Зельченко, С. И. Николаеву, К. А. Богданову, А. В. Вознесенскому, П. Р Заборову, Е. В. Лудиловой, И. Г. Яковлевой.

Н. Ю. Алексеева

«СОЧИНЕНИЯ И ПЕРЕВОДЫ КАК СТИХАМИ, ТАК И ПРОЗОЮ» В ТВОРЧЕСТВЕ В. К. ТРЕДИАКОВСКОГО

«Сочинения и переводы как стихами, так и прозою» — единственное собрание сочинений Василия Кирилловича Тредиаковского (1703—1768), вышедшее при его жизни.[1] Литературная судьба и репутация писателя сложились таким образом, что не издай он двухтомника своих сочинений, его имя в истории русской литературы могло остаться полузабытым. Чудаковатый переводчик Шарля Роллена и автор «Тилемахиды» — вот, собственно все, что сохранила бы о Тредиаковском культурная память в 1820—1830-е гг., в период возникновения истории русской литературы как науки. Другие его труды к началу века были либо рассыпаны по разным периодическим и редким изданиям, либо не опубликованы. В складывающуюся историю русской литературы Тредиаковский вошел как автор «Сочинений и переводов» и довольно долго в таком качестве в ней оставался. Этому способствовало переиздание двухтомника, осуществленное в середине XIX в. А. Ф. Смирдиным.[2] Вскоре, во второй половине XIX в., началось изучение Тредиаковского, результат которого сказался на восприятии писателя в XX в.

Изданный в 1935 г. сборник в серии «Библиотека поэта»[3] определил образ Тредиаковского в XX в. С его выходом «Сочинения и переводы», редкие уже и в издании Смирдина, отошли для читателя на дальний план. Новый сборник, вышедший в серии в 1963 г.,[4] при всем своем отличии

---

[1] *Тредиаковский Василий.* Сочинения и переводы как стихами, так и прозою: В 2 т. СПб., 1752.

[2] Сочинения Тредиаковского. Изд. Александра Смирдина. СПб., 1849. Т. 1.

[3] *Тредиаковский.* Стихотворения / Под ред. акад. А. С. Орлова. [Л.], 1935. (Б-ка поэта).

[4] *Тредиаковский В. К.* Избранные произведения / Вступ. ст. и подгот. текста Л. И. Тимофеева, примеч. Я. М. Строчкова. М.; Л.,1963. (Б-ка поэта).

от первого, в частности и своим составом, сохранил сложившийся уже облик поэта. Оба они включают в себя преимущественно стихотворения, причем по большей части ранние, силлабические и силлабо-тонические по способу Тредиаковского, а также небольшие не совпадающие в своем составе подборки его филологических работ. Тредиаковский XX в. — это Тредиаковский обоих сборников «Библиотеки поэта»: поэт 1730-х гг., реформатор стиха и уже в этой связи филолог. Тредиаковский конца XVIII—XIX в. — это Тредиаковский в первую очередь «Сочинений и переводов»: поэт начала 1750-х гг., автор статей о поэзии, моралист. При определенном взгляде это два разных автора.

Издания Тредиаковского XX в. помогают по-новому отнестись к «Сочинениям и переводам». Если в XVIII в. их читали на фоне блестящих творений Ломоносова, а в XIX в. воспринимали через призму современной поэзии и прозы, то сегодня появилась надежда прочитать книгу без эстетических пристрастий. Знание Тредиаковского 1730-х гг. позволяет, наконец, взглянуть на его зрелое творчество исходя не из опыта русской литературы второй половины XVIII—XIX вв., а из опыта ее начал, не в обратной перспективе, а в прямой. Предоставленная предыдущими поколениями издателей и читателей Тредиаковского возможность исторического его понимания должна помочь оценить «Сочинения и переводы» не как итоговое слово писателя, а как этап в его долгом и трудном творческом пути.

Выброшенный на верх гребня происходившего в культуре перелома, Тредиаковский стал участником, свидетелем и жертвой смены русских литературных культур: старой и новой. Разрушение старой традиции и создание новой были главным событием его творчества, а возникший в результате этого разрыв культуры — главным условием его жизни. Единая и целостная литературная культура усилиями сначала Тредиаковского, а затем идущих вслед за ним поэтов распалась. Он был единственным, кто оказался распластанным между старой традицией и новой. Во многих отношениях его литературные понятия были ближе Феофану Прокоповичу, литературному авторитету его молодости, чем Г Р. Державину, начинавшему свой поэтический путь в годы его заката. Между тем Тредиаковский стоит в ряду новых авторов XVIII в., в том же ряду, что М. В. Ломоносов, А. П. Сумароков, Г. Р. Державин. А он был шестью годами старше А. Д. Кантемира. Невозможно представить, что Кантемир так легко замахнулся бы на вековую традицию русской поэзии. Укорененность в культуре, образование, глубина позволяли ему чувствовать себя в пространстве русской традиции свободно. Тредиаковский же был разно-

чинцем, со свойственным этой прослойке социальной и культурной подвижностью, амбициями, уничижением паче гордости. Его образование, полученное в разных учебных заведениях, раскрывало перед ним разные типы культуры. Четыре года он проучился в школе итальянских капуцинов, где познакомился, в частности, с культурой Гуманизма; затем два года — в Славяно-греко-латинской академии. Уже в Академии Тредиаковский выделялся в среде студентов как лучший поэт, как своего рода лицейский Пушкин: две его драмы «Язон» и «Тит» идут на школьной сцене, на траурном торжестве прощания с императором Петром Великим, устроенном Московской Академией 20 марта 1725 г., он произносит «надгробную похвалу». В это же время он, по-видимому, сближается с преподавателями, интересовавшимися европейским Гуманизмом. Под их влиянием, а может быть, и указанию, в последний год своего пребывания в стенах академии Тредиаковский перевел роман Дж. Барклая «Аргенида» (1611). Написанная великолепной, как считалось, латинской прозой, перемежаемая стихотворениями, «Аргенида» была посвящена животрепещущему вопросу века — политике. Переведенная на все европейские языки и выдержавшая десятки изданий, она занимала почетное место в кругу чтения интеллектуалов XVII века. Работа над переводом «Аргениды», для студента, несомненно, трудная, приобщала к малоизвестному в России направлению европейской мысли. Желание Тредиаковского учиться в Европе и выбор Парижа для изучения богословия и философии свидетельствуют не столько о литературных, сколько о гуманистических его интересах. Судить об уровне полученного им в Сорбонне образования трудно, не многим легче оценить глубину приобретенной им в Париже литературной культуры. За два года пребывания в столице литературы он познакомился с новым для себя явлением — французским классицизмом — вероятно, до него доходили веяния раннего Просвещения. Однако едва ли русский неофит за столь короткий срок мог глубоко проникнуться французской культурой. Он начал, по-видимому, ориентироваться в именах и важнейших событиях французской литературы, но вряд ли понимал обсуждаемые во французской филологии и критике проблемы. Из Парижа он вывез одно подлинное пристрастие, но уже на всю жизнь, это — историк Шарль Роллен, чей курс он слушал в Сорбонне. Впечатления от французской культуры заслонили отмеченный ранее интерес Тредиаковского к Гуманизму. Попав после Парижа в Гамбург, он «со скуки» взялся переводить роман П. Тальмана «Le voyage à l'île d'Amour» (1663). С переведенным романом и с европейским лоском он возвратился в августе 1730 г. в Россию.

Приезд Тредиаковского означил новую эру русской литературы. В его лице европейская современность впервые представала перед русской культурой. А русская литературная культура, еще вполне цельная в своей традиционности, впервые начала поверяться европейской. Однако на первых порах начавшееся, еще скорее подспудное, чем действительное, взаимодействие русской и новой европейской традиций самому Тредиаковскому не виделось борьбой не на жизнь, а на смерть. Ополчаясь «на всех Спасского моста стихотворцев» (то есть силлабиков) в предисловии к изданию «Езда в остров Любви», он, видимо, не предполагал, что начатое им обновление языка и стиха с неизбежностью приведет к полному разрушению старой литературной традиции.

Изданный уже в декабре 1730 г. роман «Езда в остров Любви» вместе с подборкой стихотворений «Стихи на разные случаи» вызвал моду на Тредиаковского, он с наслаждением отдался успеху. В этот короткий период беспечности и славы он походил, должно быть, на пушкинского Моцарта. Благодаря известности и связям Тредиаковский был определен в Санкт-Петербургскую Академию наук. Это была своего рода ниша для молодого русского европейца, талантливого литератора, уже заявившего о себе новыми литературными вкусами. По-видимому, так понимал положение Тредиаковского в Академии наук ее фактический глава И. Д. Шумахер. Хотя основная обязанность нового сотрудника состояла в выполнении переводов, он был принят не в штат академических переводчиков, среди которых были и талантливые поэты, а на специально введенную для него должность секретаря. Переводить он должен был в первую очередь произведения литературы: итальянские комедии, во множестве ставившиеся тогда в Петербурге; немецкие проекты иллюминаций и фейерверков, с включенными в них стихами; панегирические стихотворения императрице Анне Иоанновне, сочинявшиеся на разных языках гостившими в Петербурге иностранцами. В работе над переводами иностранных, прежде всего немецких, стихотворений русский поэт вырабатывал новый поэтический стиль, осваивал новые для русской поэзии жанры. Поощрялось в ту пору и собственное поэтическое творчество Тредиаковского. При поддержке Академии наук он написал и издал две первые русские оды: «Ода приветственная всемилостивейшей государыне ⟨...⟩ Анне Иоанновне ⟨...⟩ 19 генваря для радостного всем нам восшествия е. в. на всероссийский престол» (1733) и «Ода о сдаче города Гданска» (1734). В начале 1734 г. при переводе немецких од петербургского поэта Фр. В. Г. Юнкера им была обнаружена способность русского силлабического стиха звучать тонически. Более года ушло на освоение и обосно-

вание новой версификации. Только осенью 1735 г. вышел в свет «Новый и краткий способ к сложению российских стихов».

В неустанном и кропотливом труде лоск постепенно начал сходить. Однако следы его и желание первенствовать довольно долго давали о себе знать. До конца 1730-х гг. Тредиаковский был не только признанным поэтом, но и лидером русской поэзии, смелым ее реформатором. Изданные им литературные манифесты «Рассуждение о оде вообще» (1734) и «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» сыграли решающую роль в становлении новой русской лирики и стихосложения. Если «Рассуждение о оде вообще», при всем своем значении в судьбе русской поэзии, написано еще в ранней манере Тредиаковского, восторженно и неглубоко, то в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» впервые проступают черты филолога. Как руководство для стихосложения «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», уже через шесть лет отмененный блестящим успехом силлаботонического стиха Ломоносова, оказался однодневкой, но сам системный подход к стихосложению не устарел и сегодня. Стиль трактата заметно проще и яснее, чем стиль «Рассуждения о оде», но здесь явно обнаруживается желание Тредиаковского писать занимательно, украшая свою речь бытовыми сравнениями, пословицами. Таким образом Тредиаковский добивался снятия дистанции между собой и читателем, приятельства с ним на грани панибратства. Это давалось ему легко, поскольку в ту молодую пору его остроумие било через край. Тредиаковского этой поры отличают отношение к античности накоротке, грубоватое приноравливание ее к повседневности. ...Автор славенския грамматики 〈...〉 так свою просодию количественную смешно написал, что, сколько раз за оную ни примешься, никогда не можешь удержаться, чтоб не быть, смотря на оную, смеющимся Демокритом»,[5] а в 1731 г. в том же смысле он говорил о Катоне: «Par ma foi, monsieur, fussiez-vous mille fois plus grave que Caton, vous ne sauriez vous tenir ici ferme, et sans fair un grandissime éclat de rire» (будь вы в тысячу раз суровее Катона, вы не удержались бы от громкого хохота),[6] а в 1733 г. — о «diablesses des Muses» (своенравных Музах) и «franc causeur d'Apollon» (сущем болтуне Аполлоне).[7] Происхождение этого

[5] *Тредиаковский В.К.* Новый и краткий способ к сложению российских стихов // Тредиаковский В. К. Избранные произведения. С. 366.

[6] Письмо В. К. Тредиаковского к И.-Д. Шумахеру от 18 января 1731 г. // Письма русских писателей XVIII века. Л., 1980. С. 45, 47.

[7] *Пекарский П.* Тредиаковский Василий Кириллович // Пекарский П. История имп. Академии наук. СПб., 1873. Т. 2. С. 42.

приема следует, вероятно, объяснять принадлежностью Тредиаковского семинарской культуре. Между тем другие писатели середины XVIII в., вышедшие из Славяно-греко-латинской академии или семинарий и, видимо, шутившие в юности в том же духе, оставили этот стиль за дверями школы. Вероятно, Тредиаковский воспроизводил в этих своих шутках определенную и потом утраченную культуру.

Новый способ стихосложения имел сенсационный успех в среде молодых петербургских поэтов, близких к Академии наук. На удивление легко они переходили в новую веру и один за другим осваивали «правильное стихотворение». Писать силлабикой в этой среде казалось уже неприличным. Успех «Нового и краткого способа...» и открытие незадолго до его выхода, весной 1735 года, Российского собрания преисполнили Тредиаковского честолюбивыми планами возглавить преобразования русской литературы по образцу европейской. Одним из действенных средств на пути к этому он считал переводы. В 1737 г. выходит первый его перевод, сделанный по собственному усмотрению, а не по распоряжению Академии наук, — книги Н. Ремонда де Кура «Истинная политика знатных и благородных особ». Сразу после ее выхода он берется за перевод «Древней истории» Роллена.

Новая эпоха началась для Тредиаковского в 1740 г. В январе Российским собранием было получено «Письмо о правилах российского стихотворства», подписанное находившимся во Фрейберге для изучения горного дела студентом Михайлой Ломоносовым. Небольшая емкая статья в форме письма была написана совсем в другой манере. Она также заключала в себе остроумие, но остроумие иного рода. Студент опровергал предложенный Тредиаковским «способ к сложению российских стихов», позволяя себе насмешливые против него выпады. Позднее Тредиаковский справедливо говорил, что стихосложение, предложенное Ломоносовым, было развитием его способа, но в 1740 г. отнесся к неожиданной и новой для себя системе версификации болезненно. Он написал пространный ответ, заканчивая его в трагический момент своей жизни, — после избиения А. П. Волынским, причина которого так и остается неизвестной. «Думая, что ⟨...⟩ от сих смертных побой, может быть, жизни»[8] лишится, он уже делал распоряжения своим имуществом и спешил прочесть перед Российским собранием свое письмо Ломоносову, чтобы успеть отослать его адресату. До Академии он, должно быть, добирался с трудом; посетивший

---

[8] [*Тредиаковский.* Доношение в Академию наук от 10 февраля 1740 года] // Москвитянин. 1845. № 2. Материалы. С. 43.

его накануне доктор свидетельствовал, что «спина была у него в те поры вся избита от самых плеч далее поясницы, да у него ж под левым глазом было подбито и пластырем залеплено».[9] Когда он читал свое ученое письмо, присутствующие не могли не видеть следы его увечий. Его выступление может рассматриваться как героический поступок самоотверженного поэта. Сам он, видимо, так его и оценивал. Подписывая ответ именем Российского собрания, он думал, что находится в кругу единомышленников. Но это было не так. Двое ведущих членов Российского собрания, В. Е. Адодуров (когда-то приятель Тредиаковского) и И. К. Тауберт (чьи школьные стихи за десять лет до того Тредиаковский переводил), посчитали себя вправе воспрепятствовать отсылке письма за границу. Начальству они представили ответ Тредиаковского как «учеными ссорами наполненный» и посоветовали «для прекращения дальних и бесполезных напрасных споров» его «к Ломоносову не отправлять и на платеж за почту денег напрасно не терять».[10] В словах бывших товарищей различимо пренебрежение и к самому способу стихосложения Тредиаковского, и к характеру его ученых рассуждений. Но очевидно такое отношение к системе стихосложения Тредиаковского в стенах Академии не было неожиданным. Едва ли Ломоносов стал бы открыто насмехаться над мэтром в «Письме о правилах российского стихотворства», адресованном Собранию, если бы не чувствовал, что это позволительно. Что-то в Российском собрании, русской поэзии, судьбе Тредиаковского произошло, чего он мог вовремя не заметить. Возможно, толчком начавшемуся падению послужил первый опыт силлабо-тонического стиха Ломоносова при переводе оды Ф. Фенелона, присланный в Академию наук в 1738 г., когда Тредиаковский находился в отъезде. Еще до «Письма о правилах российского стихотворства» с приложенной к нему одой «На взятие Хотина» этот перевод мог убедить «академических знатоков» в несостоятельности стиха Тредиаковского. После возвращения из годового отпуска в феврале 1739 г. Тредиаковскому более не поручают переводов стихотворений и од. Теперь их переводит прозой Адодуров. Предпочтение прозы стиху для литературной культуры Академии наук было ново и знаменательно. Отныне Тредиаковский уже никогда не будет считаться внутри Академии поэтом и авторитетом в науке поэзии. Время Тредиаковского навсегда ушло. Он это понял не сразу.

Возвращение Ломоносова в Петербург летом 1741 г. окончательно изменило положение Тредиаковского. Успех Ломоносова-поэта и в Академии

---

9 Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1886. Т. III. С. 388.

10 Библиографические записки. 1861. С. 356.

наук, и при дворе, и среди читателей был быстрым и шумным. Про Тредиаковского забыли. По совету своего покровителя Б. А. Куракина, он напомнил о себе одой на коронацию императрицы Елизаветы Петровны (24 апреля 1742 г.), оставившей ее равнодушной. Больше подобных советов Тредиаковскому, очевидно, не поступало, и подносных стихотворений он уже никогда не писал. Со свойственной Ломоносову напористостью, он сразу устремился к полному завоеванию русского Парнаса: издавал на собственный счет свои прекрасные оды, планировал прочесть курс лекций по стихосложению, написал риторику. Тредиаковский в свои неполные сорок лет оказался вчерашним днем русской поэзии.

Причина мгновенной архаизации Тредиаковского заключалась в его верности своим представлениям о стихе и языке поэзии. Коронационную оду 1742 г. он, например, пишет согласно своему пониманию стиха средней длины, силлабическим стихом, когда в Петербурге, в Академии наук, было уже ясно, что силлабика неприемлема для русской поэзии. Не сразу и раздумчиво он переходит к новой версификации Ломоносова, и сам его переход свидетельствует о его редкой для сложившегося поэта способности перенимать новое. Однако он относится к новому с осторожностью, как только и может относиться к новым течениям зрелый автор. Безоглядной зависимости от Ломоносова он не может себе позволить не столько из гордости, сколько потому, что испытывает ответственность за русское слово, которое знает и чувствует, как он полагал, не хуже молодого Ломоносова. Совершенный Ломоносовым полный и окончательный разрыв с силлабическим стихом Тредиаковского, видимо, пугает. Вместе с ним оказывается отброшенной и вся силлабическая традиция, ориентированная на поэзию и стих Древних.

1740-е гг. ушли на поиск своего места в быстро меняющейся культуре. Перестав быть поэтом, Тредиаковский оставался только переводчиком. Те, с кем он начинал когда-то службу в Академии, обходили его в должностях и жаловании. Он по-прежнему числился секретарем, а «уже входил в лета», как писал в прошениях, и был обременен семейством. Необходимо было менять свое положение. С 1743 г. Тредиаковский начал добиваться своего назначения профессором латинской и русской элоквенции (красноречия). Не встретив никакого сочувствия в Академии наук, он обратился за помощью в Синод и Сенат, нарушая этим обычную процедуру представления к званию и тем восстанавливая против себя коллег.

Звание профессора Академии наук, полученное Тредиаковским в январе 1745 г. (одновременно с Ломоносовым), не было напрямую связано с преподаванием. До 1748 г. регулярных занятий в Академическом

университете не было и в обязанности нового профессора входили по-прежнему переводы, к которым добавилось рецензирование трудов по гуманитарным знаниям. Желанием оправдать полученное звание можно объяснить начавшиеся в 1745 г. научные занятия Тредиаковского. Первая статья, написанная по-латыни и посвященная вопросу окончаний имен прилагательных множественного числа в русском языке, появилась в начале 1746 г. в связи с порученной ему доработкой немецко-французско-русских разговоров. За нею последовала «книжка, названная пасхальным кругом, или церковным счислением», и наконец — пространный трактат «Разговор об ортографии», то есть о русских звуках, буквах и шрифтах.[11]

В «Разговоре об ортографии» ранее проступавшие в Тредиаковском черты филолога обрели свое завершение. Громоздкая ученость трактата с трудом позволяет вспомнить автора «Нового и краткого способа к сложению российских стихов». От того раннего поэта-законодателя осталось лишь желание предписывать законы и, несмотря на всю «угрюмость содержания», быть занимательным. Для достижения последнего он построил трактат в форме разговора, подражая «Разговору о правильном латинском произношении греческого» Эразма Роттердамского.[12] «Разговор об ортографии» близок к нему не только формой, но и способом изложения, противоположным в известном смысле классицистическому. Несмотря на свою ученость труд Тредиаковского обращен к любому заинтересованному читателю: студенту, семинаристу, просто грамотею (к «простым людям и ученикам, для которых наибольше я трудился»[13]) — и написан он с позиций ученого, но простого человека, без облагораживающих котурнов приличий, допустимости, сглаженности стиля. Установка на живость, достигаемая свободой разговорной манеры его участников, с какой-то особенной откровенностью, простоватостью шуток, упоминанием бытовых деталей, имитирует античную простоту. Трудно представить манеру более не соответствующую устанавливавшимся в ту пору в русской литературе вкусам, чем это ученое балагурство Тредиаковского, чем тяжеловатые его шутки, которые «у него, — как думал один из руководителей Академии наук литератор Г Н. Теплов, — за bons mots приемлются». Нечаянное слово обнаруживает возникшее культурное разноязычье. Если в молодости

---

[11] *Тредиаковский В.* Разговор между чужестранным человеком и российским об ортографии старинной и новой и всем что принадлежит к сей материи. СПб., 1748.

[12] Erasmus Roterodamus. De recta Latini Graecique sermonis pronuntiatione dialogus. Basileae, 1529.

[13] *Тредиаковский В.* Разговор между чужестранным человеком и российским об ортографии... С. [9].

от Тредиаковского, может быть, и следовало ждать bons mots, то здесь он и не стремился к изысканности французской фразы: его шутки, стиль — из другой культуры. А русская литература уже тоскует по изяществу, утонченности, на которые, впрочем, никто из русских еще способен не был. «Разговор об ортографии» выявил противоположность устремлений Тредиаковского и его передовых современников: те движутся вперед, к классицизму, а Тредиаковский — назад, к Гуманизму.

Однако русской, только еще зарождавшейся гуманитарной науке, к которой теперь причислял себя Тредиаковский, гуманистический дух был ближе классицистического. «Разговор об ортографии» шокировал Теплова (сейчас речь идет только о форме трактата, а не о высказанных в нем взглядах), но едва ли вызывал неприязнь у таких, например, сотрудников Академии и отчасти литераторов, как К. А. Кондратович. Русская образованность, сосредоточенная вокруг школы (Киево-Могилянской и Славяно-греко-латинской академий и многочисленных уже семинарий), при всем своем отличии и отставании, принадлежала к тому же пространству постсредневековой латинской культуры, что и Гуманизм. А классицизм уже к другому. У Тредиаковского, должно быть, были заинтересованные читатели, но не из лидеров Академии наук и новой литературы. Еще в рукописи трактат встретил сочувствие неизвестных покровителей, оплативших при бедственных в то время материальных обстоятельствах автора издание. Читателями Тредиаковского могли быть учителя, священнослужители, подьячии, просто грамотные люди, принадлежавшие, независимо от сословий, к старому исконному типу культуры. И в ту пору именно они составляли большинство русского образованного общества, а такие, как Теплов, — исключительное его меньшинство. Служа в Академии наук, центре новой культуры, Тредиаковский оказывался ближе именно этой обреченной на забвение и небытие тогдашней русской интеллигенции, а не прогрессивным новым. Этого и без его характера, становившегося несносным, было достаточно, чтобы Академия относилась к нему враждебно.

О поэтической деятельности Тредиаковского середины 1740-х гг., когда талант Ломоносова достиг своего расцвета, нам почти ничего не известно. Видимо, почувствовав себя безнадежно устаревшим, он ничего не писал, переключившись на ученые труды и переводы. Но именно труд филолога помог не умереть в нем поэту. В примечаниях к «Разговору об ортографии» помещено несколько переводов латинских отрывков, в которых предугадывается будущий переводчик стихов из «Аргениды» и автор «Тилемахиды». Здесь при переводе Горация мы встречаем первые

ямбы Тредиаковского: «Как лист с древес в лесах погодно опадает, Так век старинных слов в языке пропадает...»,[14] а при переводе Овидия — первые дактило-хореические гекзаметры:

Всяк о полезном сперва, не о хвальном печется прилежно,
И с Фортуной стоит Верность и падает с ней.
Скоро найти одного из тысяч отнюдь не надежно,
Кто б добродетель себе ж платою мнил от людей;
Самая честь правоты без награды хоть красная нежно,
Только ж не льстит, и жаль даром быть доброй при сей.[15]

Когда после выхода «Разговора об ортографии» президент Академии наук К. Г Разумовский поручил Тредиаковскому перевод «Аргениды», важную часть которой составляют вкрапленные в нее стихотворения, Тредиаковский был готов к осуществлению не просто перевода, какой сделал некогда в молодые годы, а перевода в настоящем смысле художественного. Размышления о стиле, опыт переводов новолатинской прозы и наконец уже начатые эксперименты при переводе латинских гекзаметров позволили ему сделать русский перевод превосходящим переводы на другие иностранные языки этого знаменитого романа. Все тридцать семь стихотворений «Аргениды» Тредиаковский перевел эквиметрично (равным размером) латинским оригиналам, добиваясь от русского стиха имитации латинского звучания и нередко благородства в стиле. Изданию «Аргениды» было предпослано «Предуведомление от трудившегося в переводе», распадающееся на две самостоятельные статьи. Первая посвящена объяснению достоинств романа и биографии его автора, вторая — теоретическому обоснованию новых русских размеров, использованных при переводе стихотворений. В работе над переводами стихотворений из «Аргениды» и обязательно сопутствующими им стиховедческими исследованиями Тредиаковский возродился и как поэт, и как теоретик стиха.

* * *

В конце января 1751 г., когда «Предуведомление от трудившегося в переводе» проходило цензуру, Ломоносов отнес в типографию рукопись своих од и единственного к тому времени слова («Слово похвальное

[14] См. с. 538 наст. изд.

[15] *Тредиаковский В.* Разговор между чужестранным человеком и российским об ортографии... С. 157.

императрице Елисавете Петровне... (1749)), с тем чтобы издать первое в России собрание сочинений одного автора. П. П. Пекарский, биограф Тредиаковского, вероятно, прав, считая, что известие о готовившемся издании Ломоносова зародило в Тредиаковском мысль издать свои сочинения.[16] Замысел издания «Сочинений и переводов» действительно, по-видимому, связан с «Собранием разных сочинений в стихах и в прозе» Ломоносова, изданию которого академическое начальство придавало большое значение. Пока Тредиаковский трудился над переводами, Ломоносов из первого поэта стал прижизненным классиком. Ему не просто подражали все, кто считал себя новым поэтом, его оды перепевали, варьируя слова и строки. Одновременно с занимательным для ученых простецов «Разговором об ортографии» Тредиаковского Ломоносов издал «Краткое руководство к риторике», ставшее важнейшим пособием по русскому языку и стилю уже для всех, невзирая на звания и типы культуры. Тредиаковский не мог, вероятно, без ревности относиться к Ломоносову, обходившему его и в славе, и в почестях, но издание «Сочинений и переводов» могло быть замышлено и осуществлено только потому, что к весне 1751 г. у Тредиаковского накопился для него материал. Вернее думать, материал большей частью еще не готовый, но просившийся быть воплощенным. Независимо от желания Тредиаковского не отстать от Ломоносова, так получилось, что два года с осени 1750 по осень 1752 г. были порой поразительной творческой интенсивности писателя. Этому было несколько причин, совпавших во времени.

Самая из них, по-видимому, важная была связана с работой над стиховедческой частью «Предуведомления» к «Аргениде», писавшегося, вероятно, в течение 1750 г. Вступительная статья к роману, сколь она ни была пространна, не вмещала всех накопившихся у Тредиаковского знаний и соображений о русском стихе. Требовалось создать самостоятельный трактат по теории русского стиха. Так возник замысел «Способа к сложению российских стихов».[17] Работа над трактатом привела к постоянному размышлению о стихе, к разного рода экспериментам («опыткам») с метрами и строфами, подсобным материалом для которых служили собственные старые стихотворения. Создавались и новые стихотворения, частью в виде эксперимента («Оды божественные»), частью же потому, что стихи, на-

---

16 *Пекарский П.* Тредиаковский Василий Кириллович. С. 163.

17 В большинстве исследований о Тредиаковском «Способ к сложению российских стихов» до сих пор неверно считается новой редакцией «Нового и краткого способа к сложению российских стихов». О различии между ними см. преамбулу к комментариям «Способа к сложению российских стихов».

конец, пошли. Так собрался корпус новых стихотворений поэта. В то же время трактат о стихе предполагал дополнение его статьями о поэзии. Так, вероятно, родился замысел «Мнения о начале поэзии и стихов вообще» и «Письма о пользе гражданству от поэзии».

Вместе с тем задуманное издание сочинений позволяло наконец опубликовать перевод «Науки о стихотворении и поэзии» Н. Буало, который, по-видимому, был единственным оконченным произведением на момент принятия решения об издании книги. Проблема перевода вызывала споры, и публикация «Науки о стихотворении и поэзии» становилась в них существенной репликой. Для большей ее убедительности, согласно взглядам Тредиаковского на перевод, было желательно сопроводить издание стихотворного перевода французской поэтики прозаическим переводом латинской. Перевод «Эпистолы о стихотворстве» Горация, как и его второго эпода («Строфы похвальные поселянскому житию»), был напрямую связан с важными в тот период спорами о переводе и с публикацией поэтики Буало. Работа над ними велась, вероятно, в период времени с весны 1751 по весну 1752 г.

В 1750 г., пока Тредиаковский работал над «Предуведомлением» к «Аргениде», погруженный в размышления о гекзаметрах и цезурах, в жизни русского театра произошли важные события, в которые Тредиаковский, совершенно видимо неожиданно для себя, оказался втянутым. В июле 1750 г. на сцене придворного театра была впервые сыграна первая русская комедия начинавшего в ту пору драматурга А. П. Сумарокова. В ней был выведен Тредиаковский в жалкой роли ученого дурака. Комедию играли молодые люди, ученики Шляхетного корпуса, зрителями были и двор, и тогдашняя просвещенная юность. Близкая к Академии наук, она легко узнавала в Тресотиниусе (от фр. très sot — очень глупый) профессора элоквенции. Смеха, вероятно, было много, комедию играли в течение всего сезона, она была и издана. Оскорбленный Тредиаковский долго не мог понять, как ответить обидчику. Он, вероятно, пробовал с ним объясниться, но тем только усугублял комизм своего положения, доставляя Сумарокову и его молодому окружению пищу для зубоскальства. В ту пору Сумароков вызывал неприязнь не у одного осмеянного ученого. Летом 1750 г. Теплов, так не любивший Тредиаковского, заказал ему критический разбор сочинений молодого набиравшего силу поэта. В «Письме, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне в свет изданном от автора двух од, двух эпистол и двух трагедий, от приятеля к приятелю» у Тредиаковского хватило такта (возможно, это было условием Теплова) не касаться комедийного

творчества Сумарокова. Хотя к письму прилагалось как бы новое явление «Тресотиниуса», в котором был выведен Сумароков. Вероятно, тогда, в период написания статьи, у Тредиаковского уже созрело решение достойного ответа заигравшемуся весельчаку. Необходимо было показать ему и его окружению, какой должна быть подлинная комедия, далекая от грубого фарса. Так родился замысел перевода комедии Теренция «Евнух» с сопутствующим ей «Рассуждением о комедии вообще и в особливости» (т. е. о «Евнухе»).

Когда Тредиаковский трудился над «Письмом, в котором содержится рассуждение о стихотворении...», первой русской критической статьей, в Академию наук поступил указ императрицы написать ему и Ломоносову по трагедии. Хотя Тредиаковский в юности и написал две школьные драмы, а затем во множестве переводил итальянские комедии, своей теории драмы у него, очевидно, не было. Для изучения дела он обратился к классическому во Франции труду П. Брюмуара, из которого и почерпнул основу для «Рассуждения о комедии вообще...» и общие правила трагедии. Трагедия «Деидамия» писалась быстро, издания ждала сама императрица, первые два акта уже были отнесены в типографию, когда по неизвестной причине печатание было запрещено. Тредиаковский был сильно обескуражен, тем более что трагедия Ломоносова «Тамира и Селим» уже была издана и сыграна на сцене. Принятое решение об издании сочинений было связано, вероятно, и с вновь появившейся надеждой издать трагедию.

Таким образом, по своему начальному замыслу «Сочинения и переводы» должны были включать в себя теоретические статьи о стихе и поэзии, образцы переводов, с сопутствующим им рассуждением, которое, возможно, планировалось в виде отдельной статьи, но вошло в предисловие к изданию, и большой раздел, посвященный театру. Театр должен был составить второй том, переводы и статьи о поэзии — первый. Как видим, «Сочинения и переводы» в таком составе были далеки от вышедшего в августе 1751 г. первого тома «Собрания разных сочинений в стихах и в прозе» Ломоносова. Ломоносов представал перед читателем как поэт и ритор, Тредиаковский должен был предстать писателем, близким к французским литераторам-филологам — переводчиком, теоретиком стиха, автором рассуждений о поэзии и комедии — а как оригинальный поэт, лишь автором «Деидамии». Такой состав издания соответствовал, по-видимому, не только интересам Тредиаковского в период подготовки книги, но и сложившемуся к тому времени внутреннему представлению о себе. В этот период Тредиаковский уже не мыслит себя оригинальным поэтом, а в то же время он уже не ученый-гуманист, темно рассуждающий о буквах

и звуках. Он становится на путь филологии в новом ее значении, близком французскому классицизму.

Более, чем установка на подражание Древним, нормативность поэтики, соблюдение жанровой чистоты, французский классицизм характеризует особая филологическая культура, заключавшаяся в новом уровне освоения Древности. Переход на национальный язык литературы и филологии установил между Древностью и современностью дистанцию, позволившую, наконец, рассматривать Древность критически, подступаясь к историческому ее осмыслению. Работа по переводу древних памятников на французский язык (а почти все классицисты много переводили) привела к очищению французского языка, а критическое их издание — к высвобождению Древности от христианских на нее напластований в период латинского Средневековья. Одновременно с этим начало распадаться стройное учение о поэзии, проецировавшееся на поэтики Древних: Аристотеля и Горация. Распад этот заключался пока не в отказе от смысла их учения, а в выделении отдельных вопросов, традиционно решавшихся в рамках поэтик, в самостоятельные филологические проблемы, рассматриваемые в первых французских филологических статьях.

Переводы Тредиаковского, намеченные ко включению в «Сочинения и переводы»: «Наука о стихотворении и поэзии» Буало, «Эпистола» Горация, «Евнух», были выполнены поэтом (в случае прозаического перевода Горация — стилистом) и одновременно ученым-филологом, что проявилось не только в их уровне, но и в сопровождавших их примечаниях и теоретических обоснованиях. Такой подход отличает переводы французского классицизма, выполнявшиеся поэтами-учеными или учеными-литераторами. В России, где, начиная с Петровского времени, переводилось довольно много иностранной, в том числе и древней, литературы, сочетание художественности и учености в переводе было открытием Кантемира при подготовке «Писем» Горация (1744), теперь Тредиаковский продолжал и закреплял традицию.

Связь с французским классицизмом обнаруживается и в оригинальных статьях писателя. «Рассуждение о комедии вообще» явилось русской компиляцией французских ученых трудов. Зависимость же от французской филологии «Мнения о начале поэзии и стихов вообще» и «Письма о пользе гражданству от поэзии» более сложна. Их можно соотнести с французскими филологическими эссе, но одновременно они могут восприниматься и как развитие разделов русских школьных поэтик, посвященных вопросам происхождения и значения поэзии. Для понимания места этих работ в истории русской филологии более важными представляются не прямые

или косвенные их переклички с французскими эссе или русскими учебниками, а самый факт их появления. Оно связано с важнейшей новацией Тредиаковского в теории поэзии — с отказом от поэтики.

Тредиаковский, размышлявший в продолжение всей своей жизни о стихе и поэзии, став главным их теоретиком не только для своей эпохи, но и для всего русского классицизма, поэтики не создал и, видимо, не стремился к ее созданию. Исключительность этого факта становится очевидной в контексте современной ему русской, да и европейской литературы. Середина XVIII в. — еще время поэтик. В 1748 г. Ломоносов, издав риторику, совершенно традиционный по своему типу трактат, планирует написать поэтику. Не сумев по разным причинам этого сделать, он и не писал о поэзии. Мыслить о поэзии вне традиционной формы поэтики было, по-видимому, трудно. И Сумароков, только-только почувствовав себя автором, создает в 1748 г. поэтику — «Эпистолу о стихотворстве». Пусть она не оригинальна, заимствована из Буало, в данном случае это не имеет значения. В те же годы во Франции выходит поэтика Ш. Батте «Traité des beaux arts» («Трактат об искусстве», 1746), а в Германии — поэтика немецкого классицизма К. Готшеда «Versuch einer kritischen Dichtkunst» («Опыт критического рассмотрения поэзии», 1730; 2-е изд.: 1742). Это новые поэтики, поэтики классицизма, но построены они традиционно, т. е. традиционно заключают в себе целостное и универсальное учение о поэзии. Поэтическая культура XVI—XVIII вв., независимо от направлений внутри нее, была неотделима от поэтик, несущих в себе учение о неразрывном единстве стиха и смысла, непреходящем значении образцов, едином и неизменном идеале поэзии. Создав стиховедческий трактат и отдельно от него два самостоятельных рассуждения о поэзии, Тредиаковский тем самым отказался от выработанной веками формы науки о поэзии. Очевидно, это было не осознанным решением, а следствием его сосредоточенности на исследовании стиха, далеко выходившем за пределы поэтики. Нет, он не мыслит поэзию иначе, чем как науку о поэзии, в полном соответствии с ее пониманием в поэтиках, просто пространство поэтики ему оказывается тесным, и он, вынося за его пределы традиционные для нее вопросы, тем самым его разрушает. Он явно не стремился к разрушению. Напротив, дополняя стиховедческий трактат росписью возможных в поэзии жанров («Способ к сложению российских стихов», глава седьмая), а также двумя статьями, раскрывавшими традиционные для поэтики темы происхождения поэзии и ее значения, он старается удержать, пусть в новой форме, присущее поэтикам единство учения о стихе и поэзии. Но нарушение формы с неизбежностью при-

водило к изменению содержания, к иному, чем в поэтиках, распределению значимости отдельных вопросов, к отступлению в их решении. Так, говоря о происхождении стиха вообще, Тредиаковский упоминает и начало русской поэзии, предопределяя этим свою статью «О древнем, среднем и новом стихотворении российском».[18] Эта первая история русской поэзии могла быть создана лишь потому, что Тредиаковский уже умел мыслить о поэзии вне жестких рамок поэтик, в которых вневременной идеал поэзии несовместим с ее историческим осмыслением. Поэтики сменяет история, и здесь Тредиаковский предвосхищает исторический взгляд на поэзию, появившийся только в эпоху романтизма. Родственным романтизму он оказывается и тогда, когда утверждает в статье «Мнение о начале поэзии и стихов вообще» высокое божественное значение поэзии, известное и классицизму, но той его стороне, которая была обращена к грядущему за ним романтизму.

А между тем, забегая столь смело вперед, в самой теории стиха Тредиаковский оказывался отстающим. Хотя он и первым ввел в русский стих тоническую меру, а затем, приняв силлабо-тонический принцип стиха Ломоносова, разработал систему русского стихосложения, он мыслил стих по-старинному. В его учении о стихе центральной категорией оставалось стиховое единство — размер, а не метр. Стих определяется Тредиаковским не видом стоп, а их числом: гекзаметр, или шестистопный, пентаметр, или пятистопный, тетраметр, или четырехстопный и т. д. При этом ямбические ли это, хореические, или трехсложные шестистопники и соответственно пяти-, четырех- и трехстопники, — для Тредиаковского имеет второстепенное значение. С этим связано употребление им (в отличие от Ломоносова) греческих терминов, в которых сам вид метра опущен. Не четырехстопный ямб или хорей, а тетраметр, тетраметр вообще. В соответствии со своим пониманием стиха как целого, в котором значение метра второстепенно, он выстроил структуру «Способа к сложению российских стихов»:

Глава вторая. О стихе гексаметре. Член I. О стихе гексаметре хореическом. Член II. О стихе гексаметре ямбическом. Член III. О стихе гексаметре дактило-хореическом. Член IV О стихе гексаметре анапесто-ямбическом.

Глава третия. О стихе пентаметре. Член I. О стихе пентаметре хореическом. Член II. О стихе пентаметре ямбическом. Член III. О пентаметре дактило-хореическом. Член IV О пентаметре анапесто-ямбическом.

---

[18] Ежемесячные сочинения. 1755. Июнь. С. 467—510. Так же: *Тредиаковский В. К.* Избранные произведения. С. 425.

Глава четвертая. О стихе тетраметре, триметре и диметре. Член I. О стихе тетраметре хореическом. Член II. О стихе тетраметре ямбическом.

Диаметрально противоположно строит классификацию стиха Ломоносов. Соответствуя природе силлаботоники, она и легла в основу всех последующих классификаций русского стиха:

«Первый род стихов называю ямбическим 〈...〉 второй — анапестическим 〈...〉 Третий — из ямбов и анапестов смешанным 〈...〉 четвертый — хореическим 〈...〉 пятый — дактилическим 〈...〉 шестой — из хореев и дактилей смешанным...».[19]

Выделение Тредиаковским в качестве основной категории стиха стиховой целостности (размера) своими корнями уходило в силлабическое учение о стихе, в котором стих и не может характеризоваться не чем иным, как только своим размером — длиной. К силлабической культуре стиха восходила и обязательная проекция современного стиха на стих Древних. С этой укорененной в сознании установкой на уподобление связана сама возможность, теоретически обоснованная Тредиаковским еще в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов», замены хорея другими двусложными метрами: спондеем, пиррихием и ямбом. И хотя Ломоносов мыслил стих совершенно иначе, чем Тредиаковский, он, также исходя из опыта стиха Древних, считал допустимыми замены внутри стиха трехсложных стоп двусложными, первым предложив гибридные дактило-хореи и анапесто-ямбы. Замена стоп связана с представлением об их синонимии. Однако Ломоносова, для которого метр, вид стопы были кровью и плотью стиха, возможность замены стоп не привела к утверждению семантического их тождества, а Тредиаковского — закономерно привела. Мысля о поэзии в чем-то много смелее, чем Ломоносов, Тредиаковский в вопросе о сущности метра и соответственно сущности новых метрических русских стихов оставался заложником прошлого. Интерпретация его утверждения о тождестве значения ямба и хорея в духе семиотического учения XX в.[20]

---

[19] *Ломоносов М. В.* Письмо о правилах российского стихотворства // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 13—14.

[20] См. основные работы, в которых взгляд на стопу Тредиаковского трактуется исходя из формалистического понимания: *Бонди С. М.* Тредиаковский — Ломоносов — Сумароков // Тредиаковский. Стихотворения. С. 112; *Якобсон Р. О.* Лингвистика и поэтика // Структурализм «за» и «против». М., 1975. С. 218; *Лотман Ю. М.* Лекции по структуральной поэтике. Вып. I. Введение, теория стиха // Ученые записки Тартуского гос. ун-та. 1964. Вып. 164. С. 114; *Тарановский К.* О взаимоотношении стихотворного ритма и тематики // О поэзии и поэтике. М., 2000. С. 372—403; *Гаспаров М. Л.* Семантический ореол метра. (К семантике русского трехстопного ямба) // Лингвистика и поэтика. М., 1979. С. 282. Теоретики стиха даже говорили о «характерной ошибке» Ломоносова в понимании метра; см., например: *Тимофеев Л. И.* Очерки истории и теории русского стиха. М., 1958. С. 5.

глубоко не исторична, поскольку противоречит его мировоззрению. Он не менее, чем Ломоносов, был убежден в изначальном смысле стиховой формы. Как бы иначе он мог расписать соответствия между родами стиха и жанрами («Способ к сложению российских стихов», глава седьмая), если бы не был убежден, что гекзаметрам и соответственно другим размерам присущ свой смысл. «Омир употребил на слово свое ⟨...⟩ стих ексаметр ⟨...⟩ сему не иная мнится быть причина, как токмо что первое, шесть стоп есть посредственная длина, измеряющая дух человеческий в произношении и состоящая между самою сокращенною и продолжительною самою».[21] Различие во взглядах Тредиаковского и Ломоносова на значение двусложных стоп происходило не из разности их понимания формы, а из разности понимания сущности стиховой формы. Если для Ломоносова стих определялся в первую очередь метром, то для Тредиаковского — длиной стиха, размером, вид же стопы виделся ему второстепенным.

В выдвижении на первое место в учении о стихе размера Тредиаковский исходил из традиционного понимания стиха как вневременной и даже внеязыковой сущности. Гекзаметр остается гекзаметром, будь он квантитативным, силлабическим, силлабо-тоническим, русским, французским или латинским. И безусловно он остается гекзаметром, будь он двустопным или трехстопным. На таком представлении основывалось учение о стиховой синонимии, преподававшееся в русских школах. В них учили синонимичному переводу латинских стихов на русский язык с соблюдением размера подлинника. Эквивалентом латинских размеров выступала длина стиха. Русские тринадцати-, одиннадцати-, девяти- сложники считались синонимичными гекзаметрам, пентаметрам, тетраметрам Древних. Определяя современные русские силлабо-тонические стихи греческими размерами, а не метрами, Тредиаковский включал их в тот же синонимический ряд и тем самым делал их прозрачными для перевода Древних.

Такой подход, традиционный для русской поэтической культуры, дал возможность Тредиаковскому стать виртуозным переводчиком стихотворных произведений. До начала XIX в. он был единственным из русских поэтов, кто переводил латинские стихи эквиметрично, а часто и эквилинеарно (с равным числом строк), соблюдая в этом принципы силлабических школьных переводов. Открывшаяся с силлабо-тонической версификацией возможность ритмического соответствия русского стиха латинскому предоставила Тредиаковскому широкое поле для эксперимента. Мысля перевод

[21] [*Тредиаковский В.*] Предызъяснение об ироической пииме // Фенелон Фр. Тилемахида, или Странствование Тилемаха сына Одиссеева... СПб., 1766. Т. 1. С. XXXV.

по-прежнему как синоним подлинника, он выстраивал новые синонимические ряды размеров. Стихотворные строки в разных метрических системах оказывались обратимыми и синонимичными. Французскому 12-сложнику соответствовали шестистопники, ямбические и хореические, латинскому гекзаметру — также шестистопники, ямбические, хореические, анапесто-ямбические и дактило-хореические. Но несмотря на признание стихов внутри этих рядов синонимичными, Тредиаковский не считал их, по-видимому, равными друг другу. С этим связано устроенное им соревнование собственных переводов в «Стихах из „Аргениды“». Роман был издан, стихотворения давно переведены, но вопрос о том, «кои роды стихов древнейшие ль греческие и римские или наши с рифмами новейших времен благороднее и осанистее», оставался для Тредиаковского открытым. Представление о синонимии родов стиха, но не их тождественности вело Тредиаковского к поиску русского эквивалента подлиннику, к непрестанной работе, к открытиям. В конце 1740-х—начале 1750-х гг. он был, по-видимому, погружен в мир стиха как такового, звучащего многоязыко и в разных метрических системах. Упражнения в синонимии и высчитывание правильных мест цезур и опорных слогов было, по-видимому, одним из постоянных его занятий. Поэтому, когда Сумароков задал ему вопрос об уместности латинских соответствий в русских горацианских строфах, он с легкостью навыкшего в решении задач математика сделал выкладки латинских цезурных мест, утверждая возможность полного им соответствия в русских стихах.[22] У него в отличие от Сумарокова не возникало вопроса о необходимости эквиметрии русского стиха латинскому. Поскольку в стихе Древних был воплощен идеал стиха, русский стих был тем лучше, чем более ему соответствовал. Этой позиции Тредиаковский был обязан всеми своими успехами и в переводе стихов, и в создании русских антикизированных размеров. Его работу по созданию русских эквивалентов стиху Древних могли бы понять его предшественники, поэты-силлабики, мыслившие стих так же, как Тредиаковский, а вместе с тем, намного опередив будущие поиски русских поэтов-переводчиков, она была оценена ранними романтиками. Но русскому классицизму, стремящемуся к созданию национальной поэзии, такое понимание стиха и все поиски и открытия Тредиаковского в этой области казались чуждыми и опасными. Он не мог различить в них будущие достижения русской поэзии, а видел лишь мешавшее жизни прошлое.

---

[22] *Тредиаковский В. К.* Ответ на письмо о сапфической и горацианской строфах // Пекарский П. История имп. Академии наук в Петербурге. Приложения к жизнеописанию Тредиаковского. СПб., 1873. Т. 2. С. 250—257.

Первый том получился бы стройным и в целом классицистичным, если бы Тредиаковский не включил в него переводы басен Эзопа. Казалось бы, том, который открывает манифест французского классицизма (перевод поэтики Буало), должны были бы заключать если басни, то классицистические, в духе Лафонтена. Но Тредиаковский берет источником для своих басен не прославленного Лафонтена, а известного некогда гуманиста Иоахима Камерария. Передавая прозаические латинские басни стихами, он следует классицистическому пониманию басни как жанра стихотворного, но сами стихи и стиль его басен противопоставлены классицизму. В выборе гуманистического источника для басен и в передаче его своим особым «спотыкающимся» стихом Тредиаковский как будто нарочно демонстрирует разнеженному читателю, что классицизмом отнюдь не исчерпывается ни литература, ни его собственное творчество. Помещение в том басен показывает, что Тредиаковский не стремился к соблюдению стилистического единства, и, по-видимому, вообще категория стиля не была для него определяющей. Басни Лафонтена он не взял за образец потому, что не находил их смешными. Они и не были смешны, они были остроумны. Но остроумие классицизма, заключающееся в тонкости ума, точности слова, Тредиаковскому не понятно, он ценит смешное, основанное, напротив, на простоте ума, несоответствии слов, их неожиданности, неточности. Его басни — образцы его юмора, сходного с тем, каким исполнен «Разговор об ортографии», — восходят к шутке гуманистов, умолкнувшей вместе с появлением нового остроумия. В культуре, где в продолжение двух веков господствовали вкус и приличие, его басни казались верхом уродливого тупоумия, оставлявшим в недоумении не только Сумарокова,[23] но и такого знатока поэтических стилей, как Л. В. Пумпянский.[24] Однако заключенный в них элемент абсурдности, сама их глуповатость делают их родственными басням Козьмы Пруткова и Осипа Мандельштама, и сегодня они скорее могут развеселить читателя, чем изящные басни Лафонтена.

* * *

Теория стиха и стихотворный перевод, составляя главный интерес Тредиаковского в канун подготовки издания, определили лицо «Сочинений

---

[23] *Сумароков А. П.* О стопосложении // Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе / Собраны и изданы Н. Новиковым: В 10 т. 2-е изд. М.: Унив. тип., у Н. Новикова, 1787. Т. 10. С. 71.

[24] См.: *Пумпянский Л. В.* Тредиаковский // История русской литературы. М.; Л., 1941. Т. III. Ч. 1. С. 228.

и переводов» в большей мере, чем первоначально планировал автор. Когда оказалось, что «Деидамия» в Собрании сочинений напечатана быть не может,[25] он исключил из второго тома и комедию «Евнух». Первоначальный замысел тома распался. Оставалось либо издать в одном томе свои теоретические работы о поэзии вместе с переводами Буало, Горация и Эзопа, либо наполнить второй том новым содержанием. Тредиаковский выбрал последнее, возможно, и потому, что уже получил (или надеялся получить) ассигнование на издание двух томов. По новому замыслу второй том должны были составить стихотворения, переделанные и написанные в период работы над «Способом к сложению российских стихов».

Переделка Тредиаковским своих старых стихотворений не знает аналогий и может быть понятна лишь в свете его теории стиха и теории перевода. Переход русской поэзии в новую систему версификации обозначил пропасть между старой силлабической поэзией и новой силлабо-тонической. В начале 1750-х гг. силлабикой еще писали, но на периферии литературной культуры, в провинции ее довольно долго еще читали и пели, но час ее уже пробил и силлабическое наследие русской поэзии вдруг оказалось отмененным. Крупных силлабиков уже не было в живых, и все их наследие так и осталось «странными не́какими строчками», созданными как бы до настоящей эры в поэзии. Пришедшие в 1740-х гг. новые поэты, Ломоносов и Сумароков, а с начала 1750-х гг. и М. М. Херасков, за ним другие — силлабикой никогда или не писали, или, как Ломоносов, никогда об этом не вспоминали. Тредиаковский единственный, кто перевел свои старые стихотворения через разверзшуюся в русской поэзии бездну, и исходил он при этом из известной уже нам синонимии размеров разных метрических систем. Решение о переделке своих силлабических стихотворений возникло у него сразу после совершенной им реформы стихосложения. Уже в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» он заверяет, что «переправит все свои стихи»,[26] и предлагает там первый образец такой переработки в сонете Ж.-В. Барро, вышедшем за три года до того в силлабической форме.[27] Так же смело он «переменяет» в «Новом и кратком способе» первый стих первой сатиры Антиоха Кантемира «Уме слабый, плод трудов недолгой науки» на «Ум толь слабый, плод трудов краткия науки», раскрывая при этом принципы переработки: «Оный стих я не-

---

[25] Историю издания «Сочинений и переводов» см. в статье «„Сочинения и переводы“ В. К. Тредиаковского: история издания» в наст. изд.

[26] *Тредиаковский В.К.* Новый и краткий способ к сложению российских стихов // Тредиаковский В. К. Избранные произведения. С. 377.

[27] Примечания на Санкт-Петербургские ведомости. 1732. Апрель. Ч. XXVI. С. 132.

сколько переменил, не переменив нимало содержащегося в нем разума, и почти теми же самыми словами, из которых оный прежде был составлен».[28] Испытывая все же неловкость от вольного обращения с чужим стихом, он тут же высказывает свои соображения, почему он на это решился, а далее советует Кантемиру, «буде он благоволяет еще когда забаву иметь для препровождения своего времени в сложении стихов», «из старых стихов новые сделать», т. е. переменить свои силлабические стихи по новому «легкому способу».[29] Для Тредиаковского было очевидно, что с введением нового способа стихосложения силлабические стихи сразу устареют и, чтобы продлить им жизнь, их надо переделать. Такой взгляд лишь кажется противоречащим представлению о вневременной сущности стиха, на самом деле он естественное его продолжение. Если сущность стиха идеальна, независимо от реального его облачения, то стихи принципиально переводимы. Перевод сохраняет «разум», «почти те же самые слова», наконец, размер. Меняется только метрика, а она, как мы уже знаем, для стиха наименее значима.

Неизвестно, сколько стихотворений успел переработать Тредиаковский до перехода русской поэзии в новую силлабо-тоническую систему версификации, введенную уже Ломоносовым. Кроме сонета Барро, другие стихотворения в трех вариантах: силлабическом, силлабо-тоническом по способу Тредиаковского и в новой силлаботонике, не известны. Поскольку по первоначальному замыслу Тредиаковский не намеревался печатать в «Сочинениях и переводах» свои стихотворения, можно думать, что он или планировал издать их отдельно, или вообще не придавал им существенного значения, создавая новые варианты старых стихотворений для упражнения в новом стихе. Но, напечатав переделанные старые стихотворения, он возвратил им жизнь, а одновременно вернулся в литературу как поэт.

С включением во второй том четырех поэтических разделов он становился по преимуществу стихотворным, по-своему иллюстрируя теоретические положения о стихе и поэзии, высказанные в первом томе. Однако Тредиаковский не считал разделение томов на строго прозаический и строго поэтический желательным. Он исходил из того, что стихотворная речь должна перемежаться прозаической, и старательно перекладывал стихотворные разделы имевшейся у него прозой. Но новой прозы, кроме «Рассуждения о комедии вообще», у него не было. Приходилось включать старые работы, часть из которых была уже напечатана ранее. К последним

---

[28] *Тредиаковский В. К.* Новый и краткий способ к сложению российских стихов. С. 418.
[29] Там же. С. 419.

относились три речи, имевшие к 1752 г. исключительно исторический интерес: «Речь о чистоте российского языка» и две речи К. Г Разумовскому 1746 и 1748 гг. Кроме них, он решил издать старый перевод слова Б. Фонтенеля, утративший свою остроту как произведение русской прозы, но сохранивший морализаторское значение. Прозаический раздел издания явно отставал от стихотворного, теоретического и переводного. Так бы и было, если бы Тредиаковский вдруг не решил написать «Слово о мудрости, благоразумии и добродетели».

Как признается он сам, «Слово о мудрости...» ему «вспало на ум сочинить во время самого печатания сего второго томика». Включение новой вещи в книгу, находящуюся уже в производстве, событие чрезвычайное. Тредиаковскому пришлось на ходу внести последние изменения в состав второго тома, исключив из него речь К. Г Разумовскому 1746 г., затем последовали хлопоты с прохождением слова в печать.[30] Внезапность написания «Слова о мудрости...» и целеустремленная борьба за его издание заставляют отнестись к его появлению с большим вниманием. Его создание, очевидно, связано с неким событием, произошедшим осенью 1752 г. Не вызывавшее прежде интереса исследователей, «Слово о мудрости... стало в последние годы фигурировать в работах, посвященных рецепции Ж.-Ж. Руссо в России.[31] Действительно, значительный его фрагмент содержит полемику с «Рассуждением о науках и искусствах» Ж.-Ж. Руссо, удостоившимся премии Дижонской академии в конкурсе, объявленном ею на сочинение трактата на тему «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов?». Однако фрагментом, в котором упоминается Руссо, связь слова с «Рассуждением о науках и искусствах» не ограничивается. Оно все целиком представляет собой ответ Руссо. Этим и следует объяснять внезапность его появления. Только осенью 1752 г. Тредиаковский, видимо, получил книгу Руссо, изданную в конце 1750 г., и возмущенный ею начал писать опровержение. Такая реакция может показаться чудачеством Тредиаковского, но именно так поступали поэты и ученые разных стран. Отрицательный ответ Руссо на поставленный Дижонской академией вопрос вызвал у них, как и у Тредиаковского, негодование. Из ответов собралось два томика «Собрания всех статей,

[30] О перипетиях, связанных с написанием и изданием «Слова о мудрости...», см. преамбулу к его комментарию (с. 641—642).

[31] См.: *Крашенинникова О. А.* Литературная история Франции глазами В. К. Тредиаковского // Россия и Запад: горизонты взаимодействия. Литературные источники XVIII века (1726—1762). М., 2003. Вып. 2. С 336—341 (в статье опубликован отрывок «Слова о мудрости...», с. 315 наст. изд.); Ж.-Ж. Руссо: Pro et contra. Антология / Сост. А. А. Златопольская. СПб., 2005. С. 71—74 (в книге опубликован тот же отрывок).

которые появились в связи с „Рассуждением" г-на Жан-Жака Руссо», вышедших уже в 1753 г.[32] По своим доказательствам ab ovo и многоречию «Слово о мудрости...» вполне схоже со статьями европейских авторов. Ответ русского мыслителя мог бы занять в двухтомнике 1753 г. свое достойное место, но Тредиаковский едва ли знал о готовившемся издании, да и убедить ему важнее было не «обывателя Женевского», а своих соотечественников.

Прямое упоминание Руссо и опровержение его «лжеучения» находятся в конце слова и кажутся случайной репликой в пространном рассуждении Тредиаковского о мудрости. Между тем, напротив, целостное учение о разуме, которому отведена основная часть слова, Тредиаковскому нужно было изложить для того, чтобы подвести читателя к прямому возражению Руссо. Существо изложенных Тредиаковским взглядов заключается в утверждении необходимого единства разума врожденного, разума приобретаемого (просвещения) и добродетели, т. е. «мудрости, благоразумия и добродетели». Только доказав необходимость этого единства, Тредиаковский может прямо опровергнуть учение Руссо, считавшего, как известно, что науки вредят добродетели. Для Тредиаковского же очевидно, что «самое добронравие, бесспорно, есть навык воли нашея к люблению всего честного и Законом повеленного. Но если навык, то как не учение? И буде ж учение, то как и неразумное? Следовательно, ни добродетель без снискания и научения не получается, и признанием снискания и научения полагается уже твердо, и просвещение разума, то есть мудрость и благоразумие, — в сопротивление грубости и скотствованию». Учение Тредиаковского о разуме и добродетели основано на первичном условии христианского вероучения, состоящем в необходимости для человека совершенствования. Казалось бы, Тредиаковский ясно доказывает, что добродетель невозможна без просвещения, но он исходит из того, что на человеке от рождения лежит прародительский грех, а трактат Руссо и грядущая с ним философия признают человека от рождения совершенным и безгрешным. Следует учитывать, что поставленный в основу рассуждений русского мыслителя вопрос о первородном грехе и природе человека был в эту эпоху в европейской мысли основополагающим.[33] Тредиаковский, скорее всего, этого не знал, но, отвечая Руссо по самому существу, сумел дойти до первопричин новой антропоцентрической философии.

[32] Recueil de toutes les pièces qui été publiées à l'occasion du Discours de M. J.-J. Rousseau. 2 part. Gotha, 1753.

[33] См.: *Кассирер Э.* Философия Просвещения. М., 2004. С. 155—219.

Доказательство нелепости нового учения обрамлено изощренной руганью в адрес «обывателя Женевского». Пожалуй, нигде Тредиаковский, по натуре своей человек страстный, любивший сильные выражения, так яростно не негодует, как в этой части «Слова о мудрости... Думается, причина тут не в том, что его оппонент на этот раз был далеко, в то время как в случае споров с Ломоносовым и Сумароковым ярость была чревата ответными действиями, а в том, что предмет спора был для него чрезвычайно важным. О философских взглядах Тредиаковского судить пока преждевременно, они не только не изучены, но и философские труды его еще не прочитаны. Однако некоторые общие наблюдения, без которых не совсем понятен смысл полемики Тредиаковского с Руссо, высказать все же можно. Наивысшим авторитетом в философии на протяжении всей жизни для Тредиаковского оставался С. Пуфендорф, труды которого пропагандировались в России еще в Петровское время. Остальные ведущие философские учения XVII—XVIII вв. Тредиаковским или отвергаются вовсе, как философия Спинозы, или принимаются частично, как философия Хр. Томазия и Хр. Вольфа, Лейбница и Декарта, и оспариваются в части сомнительной с точки зрения веры.[34] В основе горячей приверженности Тредиаковского к философии Пуфендорфа лежало не только сочувствие к его охранительной политической философии, но и приемлемость для русского писателя его учения о разуме, исходящего из начального и безусловного признания бытия Божьего.[35] Тредиаковскому, очевидно, была важна целостность системы Пуфендорфа, в которой вопросы онтологии, гносеологии, нравственной и политической философии не вступают в противоречие ни друг с другом, ни внутри себя, благодаря признанию Бога. Сам Тредиаковский философские вопросы мыслил в жесткой системе, обнаруживая явное стремление замкнуть их круг, и, видимо, достигая этого. Прилаженность всех поднимаемых им вопросов друг к другу заставляет вспомнить о схоластике. Как и в ней, нарисованная им картина мира не оставляет впечатления губительной упрощенности

---

[34] Ср., например: ...против некоторых славных писателей [в сноске: «Христиана Томазия и Христиана Вольфа». — *Н. А.*], у коих достоверность о существовании Божием не полагается первейшим основанием всему практическому учению» ([*Тредиаковский В. К.*]. Предуведомление от трудившегося в переводе // Римская история Шарля Ролленя. Т. 5. СПб., 1760. С. VI—VII).

[35] «В предводителя восприял я себе преславнейшего Самуила Пуффендорфия... (Там же. С. IV). «Самуил Пуффендорфий в изданной от себя преславной книге „О праве естества и народов" особливо о сем потщился, что, отделив все почерпаемое из Писания одним естественным разумом, ясно и всем вразумительно довел, какая есть должность человеков, пребывающих в обществе» (Там же. С. X).

лишь благодаря темному стилю изложения и эмоциональному напряжению речи, выдающему усилие автора замкнуть заведомо разомкнутое кольцо познания мира.

Отрицая скептицизм всех родов, Тредиаковский чувствует или осознает, что приемлемая для него картина мира с эмансипацией разума неизбежно рушится, и вместе с новой философией грядет неверие. Об этой угрозе он думает постоянно, и, кажется, у него единственного из русских будущее вызывает тревогу. Лишь в следующем поколении был осознан произошедший разрыв разума и веры, повергший таких мыслителей, как А. Н. Радищев и М. Н. Муравьев, в пессимизм. Тредиаковский же никакого пессимизма как будто не знает. Он деятельно борется с грядущей, по его мнению, «языческой мглой» и неустанно доказывает, наиболее подробно в «Слове о мудрости...», что единство разума, веры и добродетели обязательно и что оно возможно при самоограничении разума и строгой нравственности его устремлений.

Как «басенки» нарушили стройность первого тома, так «Слово о мудрости...» расстроило классицистическую целостность второго. Его темный тяжелый стиль резко отличается от «Рассуждения о комедии вообще» и переведенного «Слова о терпении» Фонтенеля. Сама манера изложения, система аргументации, примеры — все из другого мира. Косноязычность «Слова о мудрости...» заставляет вспомнить хореические гекзаметры Тредиаковского. И там и здесь речь трудная, негладкая, спотыкающаяся. И это происходит не оттого, что «Слово о мудрости...» писалось быстро или цезурные места и окончания хореических гекзаметров мешали гладкости. Тредиаковский также сбивчиво умел писать ямбами. А в то же время умел писать и ямбами, и хореями гладко. Он как заика, который в иных случаях может говорить вполне ровно, или как вития, вдруг начинающий заикаться и путаться. Наблюдение Л. В. Пумпянского, касающееся стихотворной речи Тредиаковского: «Тредиаковский умеет писать и нормальной для XVIII века стихотворной речью, если он в ряде случаев пишет иначе, то это не каприз, не косноязычие, как черта индивидуальная, не стилистическая бездарность, а осуществление своей стилистической нормы»,[36] может быть отнесено и к его прозе. В каких-то вещах, связано ли это с их содержанием, сказать пока трудно, препинание речи становится ему как будто необходимым. В стихах оно происходит за счет коротких слов, их неправильного порядка, синтаксиса, в прозе — за счет длины

[36] *Пумпянский Л. В.* Тредиаковский. С. 234.

фраз, вводных слов, союзов, частиц, уточнений, задерживающих речь, делающих ее дробной. Эта неточность речи, требующая на ходу поправок, уточнений, звучащих как извинения, передавала его самоощущение. Он не стремился произнести последнего, точного слова о мире, его речь, напротив, словно бормотание начерно. Погружаясь во тьму речи, он, видимо, чувствовал себя безопаснее, чем в холодной прозрачной ясности классицизма. В дробности фраз, остановках, поправках слышно смирение, на дне которого различимо все же тайное самодовольство. Авторский образ, проступающий через стихию его темной речи, и прозаической, и стихотворной, соответствует тому простачку-старичку из переведенного им отрывка Сенеки: «Простачком и старичком рад приду я к гробу, Оставляя в свете здесь светскую всю злобу». Когда он писал в прозе более или менее понятно, это была не ясность классицизма, а, возможно, сознательное упрощение речи, вызванное учебными целями. Ясный стиль классицизма вел к обеднению бескрайнего богатства мира, к мучительной его ясности, к уплощению мысли. Физически ощущаемая Тредиаковским огромность мира подавляла и требовала слова, только и способного превратить хаос в космос. Отсюда в его речи экспансия слова, стремящегося все назвать и упорядочить: «Сколько их ни есть на небе, на воздухе, на земле, между водами и в водах, то есть: или звезды, светила, огни; или планеты, кометы, ветры, дожди, громы, радуги; или каменья, жемчуги, травы, древа, плоды, птицы, скоты, человеки; или моря, источники, реки, рыбы, киты и прочие бесчисленные, в сем общем прекрасном и удивительном мире вещей находящиеся, — сии все обще и каждая особливо элоквенции в рассуждение приходят».[37] Перечисления, подобно только что приведенному, отображали иерархию мира, его полноту и стройность. Предложения, призванные исчерпать отведенные им темы, разветвлялись и вырастали до сотни слов. Речь, нацеленная на передачу многообразия и стройности мира, получалась заведомо многословной и нестройной. В вопросах речи и стиля Тредиаковский, наиболее яркий и последовательный русский классицист по своему пониманию задач литературы и прививаемой им литературной культуре, оказывался далее всех своих современников от классицизма и даже как будто сознательно противостоял ему.

---

[37] *Тредиаковский В. К.* Слово о богатом, различном и несходственном витийстве. СПб., 1745. С. 37.

* * *

«Сочинения и переводы» создавались и вышли в период времени, когда, как уже отмечалось, между Ломоносовым, Тредиаковским и Сумароковым обозначилась острая борьба. Когда-то чуть не приятели, затем оппоненты в спорах, к 1750—1751 гг. они стали непримиримыми противниками. Этому способствовала подготовка «Собрания разных сочинений» Ломоносова с намеченной публикацией в них его первой оды «На взятие Хотина» (1739). Хотя Ломоносов печатал новую ее редакцию, ода должна была продемонстрировать читателю, что именно Ломоносов ввел в России правильное силлабо-тоническое стихосложение. До этого времени неопубликованные «Письмо о правилах российского стихотворства» и ода «На взятие Хотина» были известны лишь узкому кругу членов Российского собрания и близким к Академии наук молодым поэтам. Публикация оды и разговоры вокруг нее впервые со всей остротой поставили вопрос о первенстве в создании нового русского стиха. И Ломоносов, и Тредиаковский — каждый из них имел свои веские основания претендовать на первую роль в этом великом деле.

Уже в «Предуведомлении» к «Аргениде», законченном накануне передачи Ломоносовым рукописи своего «Собрания разных сочинений...» вместе с Хотинской одой в Канцелярию Академии наук, Тредиаковский справедливо обосновал свое первенство. Но так же справедливо Ломоносов пришел в негодование, когда прочел это обоснование еще в рукописи, увидев в нем умаление своих заслуг. Пользуясь своим служебным положением, он вымарал это место. В спор о первенстве ввязался Сумароков, что было уже нелепо, однако подлило масла в огонь. Все остальные споры: о семантике двусложной стопы, о пиррихиях и спондеях, о формах перевода — в контексте вопроса о первенстве приобретали болезненный характер.

Все более шатким становилось положение Тредиаковского и в Академии наук. По возобновлении Академического университета он приступил летом 1748 г. к чтению курса лекций по латинскому красноречию. Его слушатели состояли из учеников, отобранных им самим из студентов Славяно-греко-латинской академии, Новгородской и Александро-Невской семинарий.

Набор был на редкость удачным, среди других учеников, ставших впоследствии заметными литераторами и учеными, в него входили Н. Н. Поповский и А. А. Барсов. О том, что Тредиаковский гордился своими учениками, мы узнаем из реплики Тресотиниуса: «У меня едакие ученики, каков

ты учен».[38] Но в феврале 1749 г. его устранили от преподавания, а весной 1752 г. самый яркий из учеников Поповский был определен слушать «стихотворческие лекции» Ломоносова и полностью подпал под его влияние. Кроме того, весной 1751 г. Ломоносов по императорскому указу получил чин коллежского советника с жалованьем 1200 рублей, что было для Академии событием исключительным. Узнав об этом, Тредиаковский просил и ему повысить жалованье и, ничего не добившись, заболел. За 1748—1751 гг. и в Академии, и при дворе, и в глазах читающей публики Ломоносов вырвался далеко вперед, а Тредиаковский все более становился фигурой маргинальной, странной, с которой можно не считаться. Выход «Сочинений и переводов» мог бы поправить его положение, но этого не случилось.

После выхода «Сочинений и переводов», в 1750-е гг., началось вытеснение Тредиаковского из литературы, а в то же время и из Академии. Это делалось шаг за шагом, чувствительно и болезненно. Тредиаковский принимал меры, не всегда благовидные, чтобы этому воспрепятствовать, но только вредил делу. Очень быстро все большую силу набирал Сумароков. Это проявилось уже в 1753 г. во время так называемой литературной полемики, отчасти инспирированной Сумароковым и направленной против Ломоносова. В ней досталось и Тредиаковскому, но сама редкость попаданий в него свидетельствовала о том, что он был мало кому интересен. В том же 1753 г. Тредиаковский пробует напечатать свое только что законченное стихотворное переложение всей «Псалтири», а в 1754 г. — «Феоптию», но Академия наук открыто устраняется от печатания трудов своего члена «во убежании, — как выразился Теплов, — стыда Академии».[39] В 1755 г. начинает выходить первый русский журнал «Ежемесячные сочинения», издаваемый Академией наук. Напечатав в самом начале издания стихотворение («В крайности терпение пользуют») и две статьи («Об истине сражения у Горациев с Курциями, бывшего в первые римские времена в Италии» и «О древнем, среднем и новом стихотворении российском»), Тредиаковский уже в ноябре 1755 г. жалуется, что поданные им в журнал две статьи о языке и басенка «лежат презренно и брошенно Мюллером».[40] Связывая трудность прохождения своих вещей в печать с личным недоброжелательством редактора Г Ф. Миллера (Мюллера), он в следующем 1756 г. смог опубликовать в журнале оду «Вешнее тепло» лишь под именем

---

[38] *Сумароков А. П.* Тресотиниус // Сумароков А. П. Драматические сочинения. Л., 1990. С. 298.

[39] [Записка Г Н. Теплова по поводу извета Тредиаковского] // *Пекарский П.* Василий Кириллович Тредиаковский. С. 191.

[40] *Пекарский П.* Василий Кириллович Тредиаковский. С. 195.

А. Нартова, а в 1757 г. идиллию «Нисса» и статью «О беспорочности и приятности деревенския жизни» — анонимно. Доступ в журнал был Тредиаковскому негласно закрыт (примерно также будут обстоять дела и с печатанием в новом журнале «Трудолюбивая пчела», издававшемся в 1759 г. Сумароковым). В 1757 г. Тредиаковский предпринимает новую попытку издать «Псалтирь» и «Феоптию». Заручившись поддержкой Синода, он отсылает их в Синодальную типографию, находившуюся в Москве. Уже должен был начаться набор, когда книги были снова пересмотрены и запрещены в печать. Как выяснилось недавно, в этом случае недоброхотом Тредиаковского выступил молодой М. М. Херасков, только что назначенный директором типографской конторы.[41] Новый лидер поэзии, в будущем чувствительный сентименталист, посчитал для себя возможным использовать свое служебное положение в литературной борьбе. О вмешательстве в судьбу «Псалтири» и «Феоптии» Хераскова Тредиаковский мог знать и счесть его (не вполне несправедливо) как сговор против него новых поэтов. Неудача с изданием стала последним ударом. Он слег (заболел или запил) и перестал ходить в Академию. Когда через год академическое начальство призвало его к ответу, он объяснил свое отсутствие «ипохондрией», а свое положение описал следующим образом: «ненавидимый в лице, презираемый в словах, уничтожаемый в делах, охуждаемый в искусстве, прободаемый сатирическими рогами, изображаемый чудовищем, еще и во нравах оглашаемый». Однако он, как уверял в том же ответе, продолжает трудиться, «когда попускает слабость» или «когда хорошее и погодное время настоит», над переводом «Римской истории» Роллена, а также над диссертациями (статьями) «о первенстве славянского языка над тевтоническим», «о родоначалии россов» и «о варягах руссах».[42] Академия перестает ему платить жалованье, и, согласно поданному прошению, 23 марта 1759 г. Тредиаковский был из нее уволен. Решение об увольнении было принято ведущими в то время академические дела Ломоносовым и Таубертом.

Оставшись в почти шестидесятилетнем возрасте без службы, без естественного в таком возрасте почтения к себе, без средств к существованию, Тредиаковский стал зарабатывать уроками. Страницы «Санкт-Петербургских ведомостей» сохранили объявление с предложением

---

[41] *Шишкин А. Б.* Судьба «Псалтири» Тредиаковского // Trediakovskij Vasilij Kirilovič. Psalter 1753 / Besorgt und kommentiert von A. Levitsky; hrsg. von R. Olesch und H. Rothe. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1989. С. 531, 533. В статье, основанной на архивных документах о печатании «Псалтири» и «Феоптии», А. Б. Шишкин лишь подводит к мысли о роли Хераскова в деле. Его предположения кажутся более чем вероятными.

[42] *Пекарский П.* Василий Кириллович Тредиаковский. С. 209.

«г. профессора Тредиаковского» обучать детей французскому, латинскому, русскому языкам, праву, истории, географии».[43]

В это трудное время наметилась новая область занятий Тредиаковского. В 1760 г., отложив в сторону диссертации,[44] он издал свой перевод книги Д. Маллета «Житие канцлера Франциска Бакона».[45] С этих пор философия стала одним из главных направлений творчества Тредиаковского. Начавшие выходить с 1761 г. тома «Римской истории» Роллена (на счет Академии наук) почти все были сопровождены «предуведомлениями» переводчика, статьями, не связанными по своему содержанию с содержанием томов. В такой форме Тредиаковский, справедливо рассчитывая на недосмотр Академической Канцелярии, печатал свои работы, посвященные главным образом нравственной и политической философии. Отдельные из них по своей проблематике тесно связаны со «Словом о мудрости... и стиль их, темный и сбивчивый, — стиль слова.

В 1766 г., за два года до смерти, Тредиаковский опубликовал на свой счет «Тилемахиду», поэтический перевод романа Ф. Фенелона «Приключения Телемака» («Les aventures de Télémaque», 1699), заплатив за издание гонораром, полученным за указатели к последнему тому «Римской истории». С «Тилемахидой» и изданным в следующем году последним шестнадцатым томом «Римской истории» главные труды жизни Тредиаковского были завершены. Он умер 6 августа 1768 г., успев отдать в печать свой новый перевод «Опыт исторический и критический о разногласиях церквей в Польше» Вольтера.[46]

* * *

Созданные еще в относительно благополучный период жизни Тредиаковского, «Сочинения и переводы» обозначили рубеж в его жизни. Новые литераторы, видимо, считали, что, издав свои произведения, Тредиаковский публично доказал свою авторскую несостоятельность. Так, например, думал Теплов, осенью 1755 г. писавший: «Что бы за нужда брать его сложения стихи в образец, когда по сие время, кроме его самого, еще никто

---

43 Санкт-Петербургские ведомости. 1760. 25 августа. № 68; 29 августа. № 69.

44 Опубл.: *Тредиаковский В.* Три рассуждения о трех главнейших древностях российских. СПб., 1773.

45 Об этом переводе см. основательное исследование В. Я. Лакшина «О деятельности Тредиаковского-просветителя» (XVIII век. Вып. 5. Л., 1965. С. 223—248).

46 [*Вольтер*]. Опыт исторический и критический о разногласиях церквей в Польше. СПб.: Тип. Морского корпуса, 1768.

для показания красоты стихотворческой их не принимал...».[47] Запреты, налагаемые Академией наук и новыми литераторами на издания произведений Тредиаковского, были, кажется, единственным откликом на выход «Сочинений и переводов». Ни прямых, ни косвенных отзывов на них, ни ссылок, ни упоминаний мы не встретим в продолжение всего XVIII в. «Сочинения и переводы» словно канули в лету.

Лишь много позднее выяснится, что без «Сочинений и переводов» не было бы Державина. В годы, когда новые литераторы открыто насмехались над поэтом, преображенский солдат «упражнялся тихонько от товарищей в чтении книг и кропании стихов, стараясь научиться стихотворству из книги о поэзии, сочиненной г. Тредиаковским».[48] Зная с тех пор и стихотворения «Сочинений и переводов», Державин позднее (вопреки мнению Теплова), взял их «в образец» своим одам. План и отдельные мотивы Гданьской оды использованы им в оде «На взятие Измаила» (1791). Картины сельской жизни, нарисованные в «Строфах похвальных поселянскому житию», определили характер и тональность описания русской деревни в одах «Похвала сельской жизни» (1798) и «Евгению. Жизнь Званская» (1807), а уже через них — «Евгения Онегина».

Опыт Державина показывает, что «Сочинения и переводы» были как раз необходимы читателю. В течение долгого времени, вплоть до 1774 г., когда вышли «Правила пиитические» Аполлоса Байбакова, молодые люди могли учиться новому стихосложению только по «книге о поэзии» Тредиаковского, других руководств не было. Трактат Тредиаковского использовали в качестве учебника, видимо, те из начинавших стихотворцев, да и просто читателей, кто не принадлежал к литературным центрам эпохи: сначала Академии наук, потом Московскому университету, к кружкам Хераскова, — а они составляли большинство грамотных юношей. Им Тредиаковский и предназначал свои «Сочинения и переводы», «для юношества, — как говорил он, — по большой части сработанные». В этот период русская образованность уже не была единой. Молодые люди, получавшие образование в Славяно-греко-латинской академии или в других русских школах были еще носителями традиционной культуры. Для такого читателя статьи Тредиаковского о поэзии и его «Рассуждение о комедии вообще» могли представлять интерес своей узнаваемостью и в то же время

---

47 [Записка Г. Н. Теплова по поводу извета Тредиаковского]. С. 189.

48 *Державин Г. Р.* Записки // Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. К. Грота. Т. 6. СПб., 1871. С. 443. «Записки» Державина, написанные в 1811 г., оставались до 1860 г., когда были изданы П. И. Бартеневым, в рукописи.

новой огласовкой известных по поэтикам вопросов. Нечувствительным для себя образом такой читатель приобщался к классицизму.

Распространявшееся по мере развития просвещения самообразование формировало новый тип русского образованного человека. Он не учился в русских школах, не знал латыни, в какой-то мере мог владеть немецким и французским языками. Однако интерес к современной европейской литературе, питавшийся главным образом переводной литературой, делал его русским европейцем. К 1750-м гг. такие юноши становятся явлением уже заметным. В них, по-видимому, Тредиаковский и видит в первую очередь своих читателей. Так, он убежден, что «Наука о стихотворении» Буало должна быть известнее его читателю (см. «К читателю», с. 7), чем «Эпистола» Горация; стало быть, это не студент-семинарист. Для такого юноши все статьи о поэзии Тредиаковского были своего рода откровением. Впервые на родном языке он мог познакомиться с наукой поэзии, без знания которой в ту эпоху не мог обходиться ни поэт, ни простой любитель поэзии. Чтение «Сочинений и переводов» объединяло семинариста и русского европейца.

В «Сочинениях и переводах», как и в «Разговоре об ортографии», как и в своих переводах, Тредиаковский ориентировался не на передовой тончайший слой русского образованного общества, а на его толщу, оставшуюся в большинстве своем безвестной, однако давшую России Державина. Обращение в продолжении всего своего творчества к интеллигенции, в широком и самом демократическом понимании этого слова, сделало его писателем для интеллигенции, вернее, для интеллигентных юношей. Его переводы «Древней» и «Римской истории» Роллена составляли важный этап в самообразовании нескольких поколений. Еще в 1855 г. их рекомендовал как «сочинения, доселе остающиеся на русском языке лучшими по своему предмету» и «ничем не заменимыми для русского читателя»[49] Н. Г Чернышевский, сам переживший в отрочестве увлечение ими.[50] Для верного понимания значения Тредиаковского в истории русской культуры следует осознавать, что не только его язык и стиль долго сопровождали русскую культуру в лице читающих мальчиков, но и высказанные им взгляды не могли в ней подспудно не присутствовать. На дорогой русской мысли республиканский идеал оказывало влияние чтение Роллена, а поиски равновесия между отечественной традицией и западноевропейской вос-

[49] *Чернышевский Н. Г.* Пропилеи // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1949. Т. 2. С. 545.

[50] *Чернышевский Н. Г.* Из автобиографии // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. М., 1939. Т. 1. С. 597.

ходят к оригинальным трудам Тредиаковского. Хотя это не генетическая, а историческая или, скорее, типологическая связь, решаемая Тредиаковским на протяжении всей его жизни проблема русского европеизма принадлежит к числу вечных вопросов новой России. Его опыт в ее решении имеет уже не только исторический интерес. Борьба традиции и новаторства, русской косности и европейской подвижности в его творчестве носит трагический характер, чуждый большей части деятелей русской культуры и становящийся понятным, может быть, в наши дни.

И все же значение Тредиаковского для русской культуры характеризуется не его участием в формировании будущего русской литературы и русского самосознания, участием несомненным, но не идущим в сравнение с вкладом Ломоносова, Державина или Карамзина, а его созданием прошлого. Тредиаковский подарил России классическую Древность, с уже готовым стихом и стилем, отчасти Гуманизм и даже отсветы Возрождения. Благодаря своему еще в сущности средневековому пониманию прошлого Тредиаковский сумел воспринять не только верхний слой современной ему европейской культуры, но традицию в ее глубине. Стараясь дотянуться до Древности, он проходил сквозь классицизм, Гуманизм, Возрождение, латинское Средневековье, вбирая в себя из разных культурных эпох знание Древности, и эти культуры, подобно геологическим слоям, отложились в его творчестве. Уникальность Тредиаковского заключается в том, что он успел припасть к уже уходящим в XVIII в. Гуманизму и Возрождению как к еще живой традиции и в великом шествии Муз шагал замыкающим. Русская литература, поздно вступавшая в круг европейских литератур, благодаря Тредиаковскому причащалась к европейской литературе и мысли в их сложном многообразии, приобретала необходимое для европейской литературы измерение. Когда уже следующее поколение русских юношей стали читать Петрарку, в идеях и общих местах его знаменитого «Слова на Капитолии» они могли узнавать «Мнение о начале поэзии и стихов вообще». Речь Петрарки и статья Тредиаковского принадлежали одной традиции. Сама возможность узнавания в произведении европейском произведения русского, открывшаяся с трудами Тредиаковского, превращала русскую литературу в литературу европейскую.

Н. Ю. Алексеева

«СОЧИНЕНИЯ И ПЕРЕВОДЫ КАК СТИХАМИ, ТАК И ПРОЗОЮ» В. К. ТРЕДИАКОВСКОГО: ИСТОРИЯ ИЗДАНИЯ

История издания «Сочинений и переводов» Тредиаковского сложна и запутанна. Причина ее сложности связана не только с характером Тредиаковского, избегавшего во всех делах, включая издания своих произведений, простых решений, но и с наметившимся уже к 1752 г. недоверием Канцелярии Академии наук к своему сотруднику.

К истории издания «Сочинений и переводов» исследователи обращались дважды: в 1873 г. и в 1982 г. Первым был П. П. Пекарский, посвятивший ей небольшой фрагмент жизнеописания «Тредиаковский Василий Кириллович»,[1] вторым — А. Б. Шишкин, написавший статью о рукописи «Сочинений и переводов».[2] Пекарский опирался на архивные документы дела об издании книги, важнейшие из которых он привел в своей работе, Шишкин — на рукопись книги, самые значительные из исключенных фрагментов которой были опубликованы в его статье. При этом Пекарский явно не был знаком с рукописью двухтомника, а Шишкин ограничился теми архивными документами, которые цитирует Пекарский. Неполнота источников, использованных обоими исследователями, привела к несколько упрощенному пониманию истории издания «Сочинений и певодов», хотя уже и в их работах она не выглядит простой.

В своем рассказе об издании «Сочинений и переводов» Пекарский использует прошение Тредиаковского, поданное в Канцелярию Академии наук, резолюцию Канцелярии на это прошение, рецензию Г Ф. Миллера

---

[1] *Пекарский П.* Тредиаковский Василий Кириллович // *Пекарский П.* История императорской Академии наук. Т. 2. СПб., 1873. С. 163—166.

[2] *Шишкин А. Б.* К истории работы В. К. Тредиаковского над «Сочинениями» (неизданные материалы) // Русская литература. 1982. № 3. С. 138—142.

и И. К. Тауберта на «Сочинения и переводы», а также документы об оплате расходов на издание. Вне связи с изданием «Сочинений и переводов» Пекарский говорит об истории цензурирования «Слова о мудрости, благоразумии и добродетели», цитируя заключение на него Миллера и Тауберта и письмо Тредиаковского с протестом против этого заключения. По мнению Пекарского, «доводы» Тредиаковского «не убедили академическую Канцелярию дать разрешение на печатание помянутого слова».[3] Из этого можно заключить, что «Слово о мудрости...» Пекарский считал ненапечатанным, а значит, при работе над монографией не пересматривал «Сочинений и переводов». Отсутствие датировки части документов, приведенных Пекарским, а также явно пропущенные звенья в цепи его рассказа не позволяют ответить на ряд встающих перед читателем жизнеописания вопросов.

Первый из них касается времени подачи Тредиаковским прошения в Канцелярию; не приведенная Пекарским дата должна служить верхним пределом при датировке произведений первого тома, поскольку вместе с прошением, как явствует из него, автор подал в Канцелярию первый том. Не вполне ясным остается и вопрос о пожаловании императрицей на издание «Сочинений и переводов» суммы в 300 рублей, поскольку, говоря об этом пожаловании и об участии императрицы в издании, Пекарский ссылается только на прошение Тредиаковского. Наконец, отзыв Миллера и Тауберта от 18 июня 1752 г. приведен Пекарским как отзыв на «Сочинения и переводы» в целом, т. е. на оба тома. В таком случае непонятно, когда же Тредиаковский подал в Канцелярию второй том. Пекарским здесь допущена явная неточность. Отчасти потому, что он не был знаком с рукописью, отчасти потому, что не считал «Слово о мудрости...» принадлежащим «Сочинениям и переводам», он недооценивал трудности создания второго тома и отзыв Миллера и Тауберта на первый том посчитал отзывом на «Сочинения и переводы» вообще. Между тем во всех документах от 9—26 июня 1752 г. в деле об издании «Сочинений и переводов»[4] ясно говорится, что речь идет лишь о первом томе. На него и давали отзыв Миллер и Тауберт 18 июня. Кроме того, в деле есть документ о передаче Тредиаковским рукописи второго тома в Канцелярию, которая

[3] *Пекарский П.* Тредиаковский Василий Кириллович. С. 168.

[4] «Дело о книге профессора господина Тредиаковского „Сочинения и переводы как стихами, так и прозою"» подшито в рукопись «Дела текущие» Канцелярии Академии наук за июнь 1752 г. (СПбФАРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 166. Л. 530—563). Поскольку во времена П. П. Пекарского это дело хранилось в другом фонде и имело другой шифр, а Пекарский не дает ссылок на листы, в сносках приводятся номера листов по настоящему адресу дела.

состоялась 26 июня 1752 г.,[5] и отзыв Миллера и Тауберта на второй том, датированный 17 сентября 1752 г.[6]

О сложности, необычности истории издания позволяет судить уже первый документ, касающийся «Сочинений и переводов», — упомянутое прошение об издании, поданное Тредиаковским в Канцелярию 8 июня 1752 г.[7] и рассмотренное ею уже 9 июня. Тредиаковский говорит в нем о «высочайшей апробации материи» его «Сочинений и переводов» и о 300 рублях, пожалованных ему на издание. Не только у позднейших исследователей этого вопроса, но и в Канцелярии могло возникнуть сомнение и в «высочайшей апробации» «Сочинений и переводов», и в наличии у их автора суммы в 300 рублей. Такой формы высочайшего покровительства изданиям Канцелярия не знала. Книги издавались либо по решению Канцелярии, либо по указу президента Академии наук К. Г Разумовского, либо по именному императорскому указу. В последних двух случаях они освобождались от прохождения внутренней академической цензуры. Чтобы разрешить сомнение, Канцелярия в тот же день, 9 июня, предложила Тредиаковскому «от ея величества о напечатании его томов настоящее повеление исходатайствовать».[8] Передача Тредиаковским уже 10 июня «Сочинений и переводов» в Историческое собрание «для освидетельствования» означает, что он даже не делал попытки исходатайствовать требуемое «настоящее повеление», т. е. императорский указ. Роль императрицы в издании оказывается загадочной.

Рекомендовав Тредиаковскому «настоящее повеление исходатайствовать», Канцелярия в тот же день, 9 июня, сама обратилась с запросом к императрице о том, как поступить с книгой Тредиаковского. 10 июня Канцелярия ссылалась на уже полученный «указ ея императорского величества», согласно которому «оную книгу» (т. е. первый том «Сочинений») надлежало отослать в Историческое собрание и «освидетельствовать во оном собрании, заседающими во оном господами членами, достойна ли оная напечатания».[9] Наряду с другими обязанностями Историческое собрание выполняло роль цензурного комитета гуманитарных изданий Академии наук. Таким образом, не только не было получено императорского указа о напечатании книги, освобождавшего от прохождения академической цензуры, но был получен указ об «освидетельствовании»

5 СПбФАРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 166. Л. 540.
6 Там же. Л. 543.
7 Там же. Л. 530—531.
8 Там же. Л. 532.
9 Там же. Л. 533.

книги Тредиаковского. Возникает вопрос, имела ли место императорская «апробация материи» «Сочинений», на которую ссылается Тредиаковский в прошении? Или она была заочной и недостаточной? А может быть, были другие причины, по которым императрице или неизвестному третьему лицу академическая цензура в отношении «Сочинений» представлялась желательной.

О существовании посредника между императрицей и автором в деле издания «Сочинений» мы узнаем из прошения Тредиаковского. Сам Тредиаковский, очевидно, не осмелился обратиться к императрице с просьбой о помощи в издании книги, но, изыскивая потребную сумму, «услышал с крайнею радостию, что ⟨...⟩ всемилостивейшая наша государыня и самодержица уведомилась» о его «старательстве» в поиске денег и «на другой день» после того, как Тредиаковский узнал об этом, «изволила ⟨...⟩ пожаловать сумму точно на печатание оных ⟨...⟩ двух томов».[10] Очевидно, что было некое третье лицо, которое сначала объявило императрице о финансовых затруднениях Тредиаковского, а потом передало ему деньги. Сам Тредиаковский с императрицей не встречался, иначе бы он обязательно об этом написал в прошении, и рукописи «Сочинений и переводов» ей не посылал, он и об этом не преминул бы сообщить.

Тредиаковский хорошо понимал, что императрица в действительности ему не покровительствует. В случае высочайшего покровительства он непременно посвятил бы «Сочинения и переводы» государыне, что отвечало бы не только любви Тредиаковского к посвящениям, но и простым правилам этикета.[11] Но ни посвящения, ни даже намека на высочайшее покровительство в книге нет. Заключающее издание стихотворение обращено к меценату, не названному по имени лицу, который помог в издании книг. Прощаясь со своими книжками и обращаясь к ним, Тредиаковский говорит:

По счастию ж когда полюбитесь кому,
То всячески донесть потщитесь вы тому,
Что вами одолжен не мне он, беспристрастный,
Но оному, кой есть цвет юношества красный,
Кой славою давно есть рода знаменит,
Кой сердцем и умом от многих отменит,

---

10 [Прошение Тредиаковского от 8 июня] // *Пекарский П.* Тредиаковский Василий Кириллович. С. 162—163. Здесь и далее прошение Тредиаковского от 8 июня цитируется по изданию П. П. Пекарского, с ссылкой в сносках лишь на источник цитаты.

11 См.: *Кочеткова Н. Д.* Литературные посвящения в русских изданиях XVIII века. Статья вторая. Посвящениия государю // XVIII век. Сб. 23. СПб., 2004. С. 22.

Кой всех надежда Муз, кой их плодов снискатель
И был о вас самих к монархине предстатель.

Эта характеристика более всего соответствует И. И. Шувалову, который и был, очевидно, тем третьим лицом, принявшим участие в издании. Слово «предстатель» в поэтическом языке середины века имело значение, близкое слову «меценат» (так Тредиаковский и Ломоносов иносказательно называли сначала К. Г Разумовского, а затем и И. И. Шувалова[12]). О вероятной причастности Шувалова к изданию и о его покровительстве в этот период Тредиаковскому может свидетельствовать цензурная история «Слова о мудрости...», включенного автором в «Сочинения и переводы». На сомнения цензоров в возможности его печатания Тредиаковский отвечает ссылкой на мнение нескольких авторитетных, по его мнению, читателей слова, в числе которых называет Шувалова («видел его и его высокопревосходительство г. камергер Иван Иванович Шувалов»[13]). Правда, в отличие от других мнений мнения Шувалова о слове он не приводит. Видимо, для того чтобы преодолеть затруднения с публикацией «Слова о мудрости... Тредиаковский обратился к Шувалову, и тот его посмотрел (именно так: не прочитал, а посмотрел) и, возможно, помог. Во всяком случае слово было напечатано.

Итак, по всей видимости, не кто иной, как Шувалов, узнав от Тредиаковского или от общих знакомых о готовящемся издании, доложил о нем императрице, испросил на него денег или выдал ее именем свои. «Апробация», на которую ссылается Тредиаковский, носила более чем условный характер. В прошении говорится следующее: императрица «изволила ⟨...⟩ пожаловать сумму точно на печатание оных моих двух томов, коих материю высочайшею своею апробациею чрез то ж удостоила». Очевидно, что Тредиаковский и хотел выдать пожалование императрицей денег за высочайшую апробацию: императрица узнала о намечавшемся издании и дала денег, тем самым как бы разрешая его. При этом Тредиаковский, вероятно, считал, что, говоря об этом глухо, он не обманывает Канцелярию, а лишь отвлекает ее в надежде «проскочить» цензуру. Канцелярия не поддалась на это. В ответ на запрос Канцелярии Шувалов или императрица, оба знавшие о двух недавних скандалах, связанных с изданиями Тредиаковского,[14] велели передать «Сочинения» в Ис-

---

12 См. коммент. к «Заключению» в наст. изд., с. 652.

13 *Пекарский П.* Тредиаковский Василий Кириллович. С. 168.

14 Первый по времени скандал связан с изданием «Предуведомления от трудившегося в переводе» к роману И. Барклая «Аргенида» (январь 1751 г.), о нем см.: 1) *Пекарский П.*

торическое собрание для «освидетельствования». Их осмотрительность была вполне оправданной.

Рукопись предисловия, открывающего первый том, содержит три варианта содержания второго тома. В первом из них названы трагедия «Деидамия», перевод комедии Теренция «Евнух» и «Рассуждение о комедии вообще и в особливости». Этот вариант предисловия перечеркнут в рукописи крестом, а затем на следующих листах вписан новый, второй, вариант состава второго тома. Потом и он частично перечеркнут крестом и на отдельном листе изложен новый, третий, состав второго тома. Сама рукопись второго тома в целом соответствует этому третьему плану, однако уже после ее подачи в Историческое собрание в нее вносились изменения. Работа над составом тома велась автором до самых крайних сроков, даже после передачи рукописи в типографию и начала ее набора.[15]

При знакомстве с рукописью предисловия в первую очередь обращает на себя внимание факт, отмеченный А. Б. Шишкиным,[16] а еще ранее И. З. Серманом, опубликовавшим фрагмент предисловия, который касается «Деидамии».[17] В предисловии дается описание «Деидамии» и «Евнуха», намеченных к включению во второй том, но оба произведения в рукописи второго тома отсутствуют. Этот простой факт заставляет задуматься над вопросом, когда и по какой причине первый план второго тома, отведенного драме, был полностью отменен и заменен другим? Можно было бы согласиться, что изменение состава тома — свободный акт авторской воли, если бы из исключенного фрагмента предисловия мы не узнали печальной истории «Деидамии».

Трагедия «Деидамия» создавалась Тредиаковским осенью 1750 г. по изустному повелению императрицы «сочинить Тредиаковскому и Ломоносову по трагедии».[18] Вопрос об обязательном ее печатании решался самим указом. Однако если трагедия Ломоносова «Тамира и Селим» действительно была напечатана в конце ноября 1750 г. [19] (Ломоносов узнал о вы-

---

Тредиаковский Василий Кириллович. С. 146—150; 2) *Гринберг М. С., Успенский Б. А.* Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х—начале 1750-х годов. М., 2001. С. 44—48. Второй — с изданием «Деидамии».

15 См. преамбулу к комментарию к «Слову о мудрости, благоразумии и добродетели» (с. 641—642).

16 *Шишкин А. Б.* К истории работы В. К. Тредиаковского над «Сочинениями» (неизданные материалы). С. 138—140.

17 *Serman I. Z.* Trediakovskii and his «Deidamia»: An Unpublished Document // Study Group on Eigtheenth-Century Russia. Newsletter. 1979. N 7. P. 23—28.

18 *Пекарский П.* Тредиаковский Василий Кириллович. С. 157.

19 См.: *Ченакал В. Л., Андреева Г. А., Павлова Г. Е., Соколова Н. В.* Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. Л., 1961. С. 171.

сочайшем повелении еще весной 1750 г. и, тогда же начав работу,[20] окончил ее ранее Тредиаковского), «Деидамия» после подачи автором 28 ноября 1750 г. первого акта [21] уже на этой стадии была забракована. Как говорит Тредиаковский в предисловии к «Сочинениям и переводам», трагедия «получила себе смерть прежде, нежели родилась, убили ее зачавшуюся и еще не происшедшую». Побуждением к окончанию трагедии служила обида автора, «чтоб погибнуть почти двум тысячам стихов». Следовательно, решение о запрете печати в 1750 г. было принято, когда Тредиаковский работал над третьим актом, объем которого вместе с двумя первыми актами составляет более двух тысяч стихов. Говоря в том же месте предисловия о «недостатках» и «порочностях», «причитаемых» трагедии ее многочисленными судьями («Сколько об ней голосов, сколько рассуждений, сколько ухищрений было!»), Тредиаковский нигде не указывает, в чем, по их мнению, они состояли. Маловероятно, что обычный для Тредиаковского темный стиль трагедии помешал ее изданию. Сомнительно также, что причина ее «бессчастия» состояла в неудачно выбранном сюжете, который трагическим счесть было трудно, о чем говорит сам Тредиаковский в «Перечневом описании» к ней.[22] Вероятнее всего, строгость по отношению к «Деидамии» цензуры была связана с ее политическим содержанием. Эта причина, впрочем, возможно и не единственная, невыхода в свет «Деидамии» в 1750 г. ставит под сомнение вероятность ее апробации императрицей в 1752 г., о которой писал Тредиаковский в прошении от 8 июня. В прошении от 8 июня Тредиаковский не только ни словом не упоминает о намерении печатать «Деидамию», но дает описание своим намеченным к изданию «сочинениям и переводам», исключающее вопрос о трагедии: «Собрав несколько из моих старинных сочинений и переводов как в стихах, так и в прозе, из коих бóльшая часть была уже произведена в печать, и выправив их все последним трудом, также и вновь несколько сочинив и перевед, составил я два небольших тома... . Данная характеристика никак не соотносится с трагедией, комедией и с «Рассуждением о комедии вообще и в особливости», т. е. с произведениями, намеченными во второй том в первом варианте предисловия, написанными в недавнее время и никогда прежде не печатавшимися. Не мог Тредиаковский под «старинными сочинениями и переводами» иметь в виду и произведения первого тома, из которых лишь «Способ к сложению российских стихов», упорно выдаваемый им за редакцию «Нового и краткого способа к сложению

[20] Там же. С. 161.
[21] См.: *Пекарский П.* Тредиаковский Василий Кириллович. С. 157—158.
[22] См.: Сочинения Тредиаковского. Изд. Александра Смирдина. СПб., 1849. Т. 1. С. 584.

российских стихов», он мог считать «прежде напечатанным». Очевидно, что характеристика произведений в прошении относится не к первому составу второго тома, а ко второму. Однако частично перечеркнутый крестом фрагмент предисловия недвусмысленно свидетельствует о намерении автора составить второй том из драматических произведений.

Как видно из отзыва Миллера и Тауберта на второй том, данного ими 17 сентября 1752 г., трагедии в томе не содержалось и его состав соответствовал третьему варианту предисловия, совпадавшему с окончательным, за исключением внесенных позднее, уже в ноябре—декабре 1752 г., изменений. Следовательно, 26 июня 1752 г. Тредиаковский передавал в Канцелярию рукопись второго тома в том виде, в котором она хранится ныне в архиве, за вычетом позднейших изменений. Из отзыва также следует, что не Миллер и Тауберт, т. е. не академическая цензура, запретили печатать трагедию, а вместе с ней комедию и первый вариант «Рассуждения о комедии», а сам Тредиаковский отказался от этого намерения. Судя по рукописи, он отказался в спешке, наскоро зачеркнув и переписав соответствующее место предисловия. Это, очевидно, было сделано уже после подачи прошения и после того, как было принято решение об «освидетельствовании» рукописи. Если бы Тредиаковский отказался от замысла печатать «Деидамию» до подачи прошения, он переписал бы предисловие, заменив листы рукописи с описанием «Деидамии» и «Евнуха» на новые.

Вероятно, Тредиаковский хорошо понимал, что напечатать «Деидамию» будет трудно, а может быть, и невозможно, но горячее желание спасти трагедию заставило его попытаться все же пойти на риск. Для этого он составляет прошение таким образом, чтобы имя императрицы и ее денежное пожалование на издание могли убедить Канцелярию в ее покровительстве и тем освободить его книги от цензуры. Характеристика произведений также должна была успокоить Канцелярию: если произведения были напечатаны прежде, зачем им проходить новую цензуру? Именно так, без всякого «освидетельствования», год назад была напечатана книга «Собрание разных сочинений...» Ломоносова, составленная главным образом из уже напечатанных прежде произведений.[23] То, что Тредиаковский

---

23 О составе «Собрания разных сочинений в стихах и прозе» Ломоносова см.: *Алексеева Н. Ю.* Два издания середины XVIII века: «Собрания разных сочинений» Ломоносова и «Сочинения и переводы» Тредиаковского (к вопросу об их подготовке) // Вторые Лупповские чтения. Доклады и сообщения. М., 2006. С. 35—41. Прошение Ломоносова об издании «Собрания сочинений» было рассмотрено Канцелярией Академии наук 11 февраля 1751 г. и тогда же было принято решение о его напечатании на счет Академии, после чего рукопись поступила в типографию (см.:

надеялся избежать цензуры, подтверждает и задержка с подачей второго тома. 8 июня вместе с прошением он подает в Канцелярию лишь первый том, заверяя, что вскоре представит и второй. Если бы его уловка удалась и надежды сбылись, он передал бы второй готовый том с «Деидамией», «Евнухом» и «Рассуждением о комедии вообще и в особливости» прямо в типографию. Но этот план действий не удался, и надо было спешно готовить новый состав второго тома.

В первую очередь Тредиаковским было исправлено то место предисловия, в котором говорится о составе второго тома. По отзыву Миллера и Тауберта на первый том «Сочинений», представленному ими в Канцелярию 18 июня, ...2) не нашли они во всей книге ничего противного честным нравам. 3) А что показалось им в предисловии несколько жестковатым или чтобы за уязвление от кого-нибудь принято быть могло, оное все автор при них переправил...».[24] Отметки рецензентов на полях предисловия и исправления Тредиаковского, внесенные им тут же в Историческом собрании, касались резких выпадов против Ломоносова и Сумарокова. Часть предисловия, где говорилось о «Деидамии» и «Евнухе», критике рецензентов не подверглась, а значит, она была уже исправлена. Тредиаковский передавал в Историческое собрание рукопись первого тома с уже исправленным местом предисловия, т. е. во втором его варианте. Это исправление он внес, вероятно, 9 или 10 июня, после того как стало ясно, что рукопись будет отправлена в Историческое собрание для освидетельствования.

Между решением о передаче рукописи на «освидетельствование» (10 июня) и подачей автором второго тома (26 июня) прошло 15 дней. За это время Тредиаковский подготовил новый вариант второго тома. Подготовка состояла в переписке тех «старинных произведений», о которых говорилось в прошении от 8 июня. Будь беловая рукопись нового состава второго тома готова раньше, Тредиаковский раньше бы и подал ее. Из прошения от 8 июня явствует, что Тредиаковскому важно было «поспеть» с напечатанием книг «к первым числам будущего сентября месяца сего 1752 года» — срок, названный им на вопрос неизвестного лица (Шувалова?) «как скоро те две книжки могут выйти из печати». За 15 дней он переписал своим аккуратным почерком 120 страниц, составлявших, по его новому замыслу, второй том. Сочинить или перевести

Ченакал В. Л., Андреева Г. А., Павлова Г. Е., Соколова Н. В. Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. С. 175).

[24] *Пекарский П.* Тредиаковский Василий Кириллович. С. 164. (СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 166. Л. 536 об.).

что-нибудь новое он за это время едва ли мог. Таким образом, новый состав тома им был в своей основе определен уже к 10 июня и произведения, намеченные к включению в него, лежали под рукой. Состав тома продолжал уточняться в течение этих 15 дней, и в рукопись на ходу вносились небольшие изменения. Наиболее значимые из них коснулись «Рассуждения о комедии вообще и в особливости». Его заключительная часть, посвященная комедии «Евнух» и своему ее переводу, т. е. комедии «в особливости», была отброшена, соответственно этому было исправлено заглавие, дорабатывалось оно уже в беловой рукописи.

В тот же день, 26 июня, когда Тредиаковский подал второй том «Сочинений и переводов» в Канцелярию, первый том был отправлен Канцелярией в типографию.[25] Новое, второе, изменение в предисловии (т. е. его третий вариант), касающееся состава второго тома, должно было быть сделано до этого момента. Исправляя предисловие первый раз 9 или 10 июня, Тредиаковский исходил из того, что вместо «Деидамии» и «Евнуха» во второй том войдут «Речь о чистоте российского языка... похвальные и божественные оды, исправленное «Рассуждение о комедии вообще», «Несколько штук о разных материях» и «Плач о кончине государя императора Петра Великого».[26] Остальной состав тома виделся тогда еще смутно. Тогда, во втором варианте предисловия, он говорил о «нескольких гексаметрах хореических и ямбических, также дактилохореических и анапесто-ямбических без рифмы», вовсе не обязательно имея в виду «Стихи из „Аргениды"», о которых в окончательном варианте этого места предисловия говорится: «представлено несколько стихов из „Аргениды", сочиненных нашим образом и римским». Названные во втором варианте предисловия «стихи гексаметры обоего нашего рода, научающие как гражданской добродетели, так и христианской», в том не попали. Их заменили «переводные стихи нашим способом как с латинских, так и с французских». Нет в томе и «стихотворения о воспоминовении смертного часа». Зато в томе и соответственно в третьем варианте предисловия появились две речи Разумовскому и «Слово „О терпении и нетерпеливости" Фонтенелево», о которых во втором варианте предисловия не говорилось. Речи Разумовскому, не представлявшие особенного интереса ни для читателя, ни для их автора,[27] были внесены в том за отсутствием других готовых прозаических сочинений, недостаток которых

---

[25] См.: СПбФАРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 166. Л. 538.

[26] См. публикацию этого фрагмента в разделе «Варианты и редакции» в наст. изд., с. 360.

[27] См. оценку слова Разумовскому в преамбуле Тредиаковского к «Слову о мудрости, благоразумии и добродетели» (с. 284).

Тредиаковский, по-видимому, остро ощущал. Второй том в его втором составе, кроме двух небольших по объему произведений: «Речи о чистоте российского языка...» и «Рассуждения о комедии вообще», составляли стихи, что нарушало равновесие стихов и прозы, заявленное в заглавии. Перевод «Слова "О терпении и нетерпеливости"», выполненный еще в 1743 г. и оставшийся тогда ненапечатанным, был внесен в новый (третий) состав тома также для того, чтобы увеличить в томе прозаическую часть. Возможно, в тот же период в том намечались еще два прозаических произведения: следы этого в рукописи «Сочинений» остались лишь в содержании ко второму тому. В нем после зачеркнутой строки «Речь благодарственная» Разумовскому стоит «Письмо к милостивцам» и «Письмо к приятелю», затем вычеркнутые.

В отличие от первого тома, рассмотренного Миллером и Таубертом в течение недели и уже через две недели отправленного в типографию, второй том проходил освидетельствование почти два месяца. Причина такой задержки остается неизвестной. Только 17 сентября, т. е. уже после того срока, когда Тредиаковский надеялся увидеть оба тома отпечатанными, Миллер и Тауберт дали на него отзыв. Как и отзыв на первый том, он носит разрешительный характер; лишь по поводу «Од божественных» они отказались дать свое заключение, «понеже господин автор объявил, что божественные его оды читаны и опробованы святейшим синодом».[28] Однако на ответе из Синода, разрешающем печатание «Од божественных», стоит дата 7 октября 1752 г.[29] Имея давние связи в Синоде, Тредиаковский мог быть уверен в его положительном отзыве и сослаться на него до того, как он был получен в Канцелярии Академии наук. Возможно также, Канцелярия, не поверив на слово Тредиаковскому, сама отослала «Оды божественные» в Синод уже после полученного ею заключения Миллера и Тауберта. В самой передаче духовных од на «освидетельствование» в Синод не стоит, кажется, усматривать особого нерасположения Канцелярии к Тредиаковскому. По указу от 9 декабря 1743 г. все духовные сочинения подлежали синодальной цензуре.[30] В этой связи стоит обратить внимание на исключение, которое делалось для духовных од Ломоносова, как, впрочем, и для всех других его сочинений, не знавших цензуры с 1744 г.[31] Из отзыва Синодальной конторы не ясно, какие именно

---

28 См.: СПбФАРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 166. Л. 543.

29 Там же. Л. 542.

30 Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 11. № 8832. С. 960—961.

31 Единственным литературным трудом Ломоносова, подвергшимся «освидетельствованию» ученого собрания, было «Краткое руководство к риторике», рассмотренное Академическим

«преложения» псалмов были ею рассмотрены. Лишь из прошения Синода, поданного в Канцелярию Академии наук спустя более года, 13 декабря 1753 г., с просьбой прислать «точную копию» освидетельствованных ею в прошлом 1752 г. «преложений»: «10 давидовых псалмов, 10 пророческих песней, с присовокупленною к оным Деввориною»,[32] мы узнаем, что тогда ей был послан весь раздел «Од божественных». «Песнь Девворина», отсутствующая в первоначальном составе «Од божественных» и вписанная Тредиаковским на отдельных листах в конце рукописи второго тома, была создана, таким образом, до осени 1752 г., но, вероятно, уже после подачи второго тома в Канцелярию, т. е. после 26 июня. Включение ее в июле или в августе в том явилось, вероятно, причиной изъятия из него идиллии «Нисса и Тирс» и стихотворения «Пастушок довольный», перечеркнутых крестом прямо в рукописи. Внесение нового стихотворения в том требовало сокращения числа уже наличествующих в нем стихотворений. Том оставался по преимуществу поэтическим.

Документов о передаче второго тома в типографию в деле о «Сочинениях и переводах» нет. Можно только предполагать, что он был передан после полученного из Синода заключения, т. е. после 7 октября. Затем начался набор. Уже во время печатания второго тома, т. е. предположительно во второй половине октября или даже в ноябре, Тредиаковский задумал написать «Слово о мудрости...»,[33] которое закончил, вероятно, к первым числам декабря. Вопрос о сроках издания книги, поставленный им жестко в прошении от 8 июня, как будто перестал его волновать. Причина этого остается неясной. Издержав уже, по-видимому, императорские деньги, он создает большое по объему «Слово о мудрости...», сильно увеличивая этим планировавшийся в июне объем издания. 11 декабря Миллером и Таубертом было дано заключение на «Слово о мудрости...», в котором высказано пожелание, чтобы оно было проверено и русскими членами Исторического собрания.[34] 11 же декабря Тредиаковский опротестовал этот отзыв, и вскоре «Слово о мудрости...», а вместе с ним и остававшаяся ненапечатанной почти третья часть тома пошли в набор. Перед этим были сделаны по-

---

собранием в марте 1744 г. и рекомендованное к доработке. Все остальные литературные и филологические труды, включая «Российскую грамматику», из Канцелярии шли прямо в печать.

[32] См.: СПбФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 166. Л. 561. Просьба Синода была вызвана поданным Тредиаковским 9 декабря 1753 г. прошением в Синодальную контору освидетельствовать переложенную им на стихи «Псалтирь».

[33] См. преамбулу к комментарию к «Слову о мудрости, благоразумии и добродетели» (с. 641—642).

[34] *Пекарский П.* Тредиаковский Василий Кириллович. С. 166—167.

следние изменения в составе тома: перечеркнуты две речи Разумовскому и вписано последнее стихотворение тома «Заключение. Издатель к обеим своим книжкам». Тогда же были пронумерованы страницы и вписаны соответствующие номера страниц в содержание второго тома.

По условиям издательского дела печатание почти 100 страниц должно было занять не менее двух недель. Четыре дня в декабре попадали на праздники и были нерабочими (18 декабря — день рождения императрицы Елизаветы Петровны, 24—25 декабря — Рождество и 1 января — Новый год), таким образом, печатание не могло быть окончено ранее начала января 1753 г. Действительно, из документов становится ясно, что печатание закончилось только в январе 1753 г.[35] 14 января Канцелярия распорядилась отослать президенту Академии наук Г К. Разумовскому только что вышедшие книги. Начиная с 27 января последовали прошения корректора А. Барсова, связанные с оплатой издательских расходов.[36] 28 января, по сообщению «Санкт-Петербургских ведомостей», книги поступили в продажу.[37]

История издания «Сочинений и переводов» заканчивается просьбой их автора вычесть потребовавшуюся на издание сумму из его будущего жалования.[38] 300 рублей, пожалованных императрицей, о которых он с гордостью говорил в начале июня «у меня деньги готовы», были вечно нуждающимся Тредиаковским в продолжении так затянувшегося издательского процесса «издержаны».[39] 376 рублей 26 копеек, стоивших издание, составляли более половины его годового жалования.[40]

В создание книг «Сочинений и переводов» Тредиаковский вложил так много энергии, времени, сил, что и поныне от документов по делу их издания, от листов рукописи и страниц книжек веет теплом. В деле издания «Сочинений и переводов» Тредиаковский проявил присущую ему целеустремленность, переходящую в настойчивость, настойчивость,

---

35 См.: СПбФАРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 166. Л. 553.

36 См.: Там же. Л. 547.

37 «В Санкт-Петербургской Академической книжной лавке продается новоизданная книга в осьмую долю, состоящая в 2 томах и названная „Сочинения и переводы как стихами, так и прозою" Василья Тредиаковского по 1 рублю 20 копеек каждая, о чем охотникам объявляется» (Санкт-Петербургские ведомости. 1753. 28 января. № 9. С. 70). Согласно прошению Тредиаковского от 8 июня было отпечатано 604 экземпляра, из которых 4 экземпляра были напечатаны на александрийской бумаге (подносные экземпляры), 200 на любской и 400 на коментарной (см.: СПбФАРАН. Ф. 3. Оп. 1. № 166. Л. 530 об.).

38 Там же. Л. 548.

39 Там же.

40 После производства в профессоры в 1745 г. Тредиаковский получал 660 рублей в год.

граничащую с упрямством, упрямство, не разбирающее уже средств для достижения цели. Ревностная любовь Тредиаковского к своим сочинениям, внутренняя потребность обязательно доводить до конца всякое начатое дело заставляли его идти на уловки и хитрости.[41] В создании своих трудов он проявлял неутомимость и старательность, в деле их издания — редкую изобретательность, в их оформлении — какую-то особую затейливость. Несмотря на неудачу начального замысла издания, «Сочинения и переводы» явились целостным памятником, не только литературным, но и книжным. Таким его сделала строгая забота автора-издателя о книге, начиная с ее содержания и заканчивая рисунком страницы. Расположение произведений внутри томов, обрамление томов вступительной статьей и заключительным стихотворением, перекличка стихотворений второго тома с теоретическими трудами первого тома создают редкую в русской культуре атмосферу барочной книжной культуры.

Старания Тредиаковского, его рачительность, а вместе с тем способность вдруг забыться и предаться творчеству, задерживая набор и рискуя всем предприятием, превратили простое дело публикации сочинений в драматичную историю издания, создав этим из «Сочинений и переводов» не только литературный, не только книжный памятник середины XVIII в., но и памятник Тредиаковскому-издателю.

---

[41] Так, он мог издать свои стихи под чужим именем (см.: *Пекарский П.* Тредиаковский Василий Кириллович. С. 187), свои научные статьи — в виде предисловий к «Римской истории» Роллена (см.: статью «„Сочинения и переводы как стихами, так и прозою“ в творчестве В. К. Тредиаковского» в наст. изд., с. 477).

ПРИНЦИПЫ ИЗДАНИЯ

Проблема публикации произведений XVIII в. принадлежит к дискуссионным вопросам современной текстологии. В традиции русской академической науки издание памятника понимается как критическое издание, предполагающее издательские конъектуры в авторский текст. Сторонники противоположной позиции считают идеальным такое издание, в котором были бы точно воспроизведены все знаки текста. При этом разные представители этого подхода исходят из разных оснований. Одни понимают текст как законченную и нерушимую систему знаков, выражающих определенный смысл, другие, напротив, не видя в знаках текста жесткой системы, точной его передачей надеются достичь минимального вмешательства в замысел автора. При всей разности исходных посылок сторонники аутентичной текстологии сходятся в общем основании — они публикуют текст, не учитывая при этом различие таких категорий, как текст и произведение. Различение этих категорий с необходимостью приводит к пониманию эдиционной задачи как издания произведения, а не копирования текста. Издание произведения не может быть осуществлено без его понимания, а стало быть, его интерпретации и толкования, что не только не исключает, а как раз предполагает критику текста. Достигнутое понимание произведения может быть зафиксировано лишь современными средствами письма. Возникшее в результате орфографических реформ XIX и XX вв. отличие современного правописания от орфографической практики XVIII в. служит передаче той неизбежной и важной для издания дистанции между авторским и критически подготовленным текстами, обозначая условность знака в отношении к смыслу и текста в отношении к произведению.

Сам Тредиаковский к проблеме печати своих произведений относился, видимо, сходно с высказанными выше соображениями. Хотя он начиная с 1743 г. изобретал графические и орфографические правила русского языка, ни в рукописи «Сочинений и переводов как стихами, так и прозою», ни в их издании нет и следа тех особенных норм, над выработкой которых он трудился в предшествующие годы и которых придерживался с той или иной строгостью в своих письмах и доношениях. И орфография, и пунктуация рукописного и печатного текстов «Сочинений и переводов» отвечают принятым в типографии Академии наук нормам. Исключение составляют окончания имен прилагательных множественного числа, против модификации которых в изданиях Академической типографии Тредиаковский выступал начиная с 1745 г. Разная орфографическая позиция Тредиаковского начала 1750-х гг. в бумагах, не предназначавшихся к изданию, и в рукописях, на издание рассчитанных, продиктована в первую очередь требованием Академической канцелярии. Вместе с тем не только в рукописях, подготовлявшихся Тредиаковским к изданию, но и в рукописях, к изданию не предназначавшихся, но адресованных более или менее широкому кругу читателей (например, в «Письме, в котором содержится рассуждение о стихотворении...»), соблюдены существовавшие внутри Академии наук орфографические нормы. Это означает, что Тредиаковский при всем своем увлечении принципами письма вполне отдавал себе отчет в их условности и в изданиях своих произведений стремился лишь к последовательности в написании корней и флексий слов, а также в расстановке знаков препинания.

Настоящее издание произведений Тредиаковского представляет собой опыт критического издания, в котором тексты даются по современным нормам орфографии. Такое решение отвечает и потребности сделать старинные произведения доступными современному читателю, превратив их тем самым в факт современной культуры. В издании приняты следующие принципы:

1. Графика.

1) Опущена буква «ер» во всех словах, на него оканчивавшихся: *въ самомъ* → *в самом*.

2) Буква «ять» в корнях слов и флексиях заменена на букву «есть» (е).

3) Буква «и десятиричное» в корнях слов и флексиях заменена на букву «и восьмеричное».

4) Буква «ижица» в корнях слов заменена на букву «и восьмеричное».

5) Буква «фита» в корнях слов заменена на букву «ферт» (ф).

6) Заглавные буквы в нарицательных именах существительных и образованных от них прилагательных заменены строчными (например: *из Прозаических Латинских* → *из прозаических латинских*). Исключение составляют притяжательные прилагательные, образованные от собственных имен, в которых, вопреки современным нормам, сохранена заглавная буква, поскольку конструкция притяжательное прилагательное с существительным синонимична современной конструкции существительное с существительным родительного падежа, например: *Горациев стишок*, *Ролленева «История»*.

7) В глаголах второго лица единственного числа после шипящих вставлен мягкий знак, например: *чванишся* → *чванишься*.

8) Названия произведений, встречающиеся в текстах, поставлены в кавычки, например: *Волтерова Меропа* → *Волтерова «Меропа»*; в случае разрыва названия произведения притяжательным прилагательным или местоимением кавычки ставятся вокруг обеих частей названия, но первое слово названия после разрыва дается со строчной буквы, например: *Роллень в древней своей истории* → *Роллень в «Древней» своей «истории»*.

9) Сохранены все написания собственных имен, например: Волтер вместо *Вольтер*, *Деввора* вместо *Девора*, *Кирила* вместо *Кирилл*, *Баро* вместо *Барро*, *Гданск* вместо *Гданьск*, *Роллень* вместо *Роллен*.

10) Сохранены написания слов *олтарь*, *кавтан*, *дражнят* (дразнят), *товарыщ*.

11) Изменено написание слова *дрожди* на *дрожжи*.

2. Орфография.

Корни слов:

12) Восстановлены пропуски согласных в корнях слов, например: *лесный* → *лестный*, *жалосный* → *жалостный*, *упразнившись* → *упраздившись*.

13) Исправлено написание корней слов, например: *истинна* → *истина*, *протчие* → *прочие*.

14) Исправлено написание конечных согласных корней, искаженных вследствие оглушения или озвончения суффиксом, например: *порятка* → *порядка*, *обрасцы* → *образцы*, *слатко* → *сладко*, *бутто* → *будто*, *лехко* → *легко*.

15) В слове «счастие» и производных от него восстановлено «сч», например: *щастие* → *счастие*, *злощасный* → *злосчастный*, *безщасны* → *бессчастны*, *благощасны* → *благосчастны*.

16) Сохранены написания Тредиаковского корней с чередованием гласных, например: *окончивать, умолчивать, истощивать, прекланять* и *преклонять, опоивать* и *напаяяй, усмотривать* и *усматривать*.

17) Сохранены написания Тредиаковского слов *срогу* (строгу), *поздо* (поздно).

18) Убран мягкий знак в корнях слов, например: *верьх* → *верх, горьняя* → *горняя*.

19) Заменено «о» после шипящих на «е», например: *щочки* → *щечки*.

20) Слово *иамб* и производные от него передается как *ямб*, за исключением перевода «Науки о стихотворении» Буало, где *иамб* составляет двусложную стопу.

Префиксы:

21) По современным нормам дается написание конечных согласных префиксов, например: *безсмысленных* → *бессмысленных, возпоминаю* → *воспоминаю, зделаю* → *сделаю*.

22) Сохранено написание Тредиаковского префикса в слове *обышед*.

Суффиксы:

23) Сохранено написание Тредиаковского суффикса сравнительной степени прилагательных и наречий *-яе*, например: *красняе*.

24) Сохранено написание Тредиаковского суффикса деепричастия *вошод* вместо *вошед*.

25) Сохранено написание Тредиаковского суффикса в слове *семен* (семян).

26) Сохранены написания Тредиаковского суффиксов в слове из басни «Леший и мужик» *местичко* и в словах *глупинькой* и *добринькой*.

27) Суффикс страдательного причастия прошедшего времени в краткой форме дается с двойным «н», например: *Коим быть спасены от напасти ввек могли* → *Коим быть спасенны от напасти ввек могли*; *Преклонен к мольбе моей* → *Преклоненн к мольбе моей*.

28) Вставлен мягкий знак в личных формах глагола *взять*, например: *возмет* → *возьмет*.

29) Исправлено написание суффикса *-ива*, например: *окончаваю* → *окончиваю, истощавало* → *истощивало, рассматревать* → *рассмотривать, умолчеваю* → *умолчиваю, опоевать* → *опоивать*.

30) Исправлено написание суффикса *-ат* после шипящих в слове *остроголовчетый* → *остроголовчатый*.

31) Исправлено написание суффикса *-ечк* после шипящих, например: *пучочки* → *пучечки*.

Окончания:

32) Заменены окончания прилагательных и местоимений именительного падежа мужского рода единственного числа: *-ой* → *-ый*/*-ий*, за исключением прилагательных *глупинькой* и *добринькой*.

33) Заменены окончания прилагательных и местоимений родительного падежа мужского рода единственного числа: *-аго* → *-ого*; *-яго* → *-его*, *какова* (писавшемуся и произносившемуся так из благозвучия) → *какого*.

34) Заменены окончания прилагательных и местоимений именительного падежа мужского рода множественного числа: *-ии* → *-ие*.

35) Заменены окончания прилагательных и местоимений именительного падежа среднего рода множественного числа: *-ия* → *-ие*.

36) Заменено личное местоимение женского рода множественного числа: *оне* → *они*.

37) Заменено личное местоимение женского рода единственного числа винительного падежа: *ея* → *ее*.

38) Заменены окончания прилагательных и местоимений женского рода винительного падежа: *-ея* → *-ее*.

39) Сохранено личное местоимение женского рода единственного числа родительного падежа *ея*.

40) Сохранены окончания прилагательных и местоимений родительного падежа женского рода единственного числа *-ия* / *-ыя*.

Наречия и союзы:

41) Слитное или раздельное написание наречий и союзов дается по современным нормам. Например: *в век* → *ввек; сего дни* (в значении «в настоящее время») → *сегодни; длятого что* → *для того что*; *тогоради* → *того ради*.

42) Сохранена форма *дни* в наречии *сегодни*.

Местоимения:

43) Местоимения с частицами *нибудь*, *либо*, *то*, писавшиеся Тредиаковским раздельно, даются согласно современным правилам через дефис, например: *которое нибудь* → *которое-нибудь*.

Частицы:

44) Написание частиц *ни* и *не* дается по современным нормам.

45) Написание частиц *же* (*ж*), *ли* (*ль*), *бы* (*б*) согласно современным правилам дается раздельно, например: *однакож* → *однако ж*; *большель* → *больше ль*; *ежелибы* → *ежели бы*.

46) Уточняющая частица *то есть* дается раздельно: *тоесть* → *то есть*.

Междометия:

47) Сохранены все написания междометий, например: *кукореку*.

3. Пунктуация:

Пунктуационные знаки расставлены согласно современным нормам. При этом сохранены периоды речи Тредиаковского, разделяемые им точкой, а в длинном предложении точкой с запятой.

Французские, латинские и греческие цитаты даются в современной орфографии. В комментариях при локализации цитат исправление орфографических ошибок не оговаривается.

КОММЕНТАРИИ

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

БАН — Библиотека Российской академии наук (Санкт-Петербург)

РНБ — Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург)

СПбФАРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук (Санкт-Петербург)

НР — рукопись «Сочинений и переводов как стихами, так и прозою» (СПбФАРАН. Разр. II. Оп. 1. № 78)

СП — *Тредиаковский В.* Сочинения и переводы как стихами, так и прозою. Т. 1—2. СПб., 1752

коммент. — комментарии составителя

примеч. — примечания Тредиаковского к своим сочинениям

с. — страница

ст. — стих

стр. — строка

стрф. — строфа

црксл. — церковно-славянский

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ ИЗДАНИЙ, ИСПОЛЬЗУЕМЫХ В КОММЕНТАРИЯХ

Алексеева. Русская ода — *Алексеева Н. Ю.* Русская ода. Развитие одической формы в XVII—XVIII веках. СПб., 2005.

Байбаков, 1774 — [*Аполлос Байбаков*]. Правила пиитическия в пользу юношества, обучающагося в Московской славено-греко-латинской академии, в заиконоспасском монастыре. Выбранные и в вольном российском собрании, что

при Императорском Московском университете одобренные. Собрал из разных мест Мос⟨ковской⟩ Ак⟨адемии⟩ поэзии учитель и того ж собрания почетный член Андрей Байбаков 1774 года. М., при Императорском Московском университете, [1774].

Байбаков, 1780 — *Аполлос Байбаков.* Правила пиитическия в пользу юношества, обучающагося в Московской славено-греко-латинской академии, в заиконоспасском монастыре. М., при Императорском Московском университете. М., 1780.

Избранные произведения — *Тредиаковский В. К.* Избранные произведения / Вступ. ст. и подгот. текста Л. И. Тимофеева, примеч. Я. М. Строчкова. М.; Л., 1963. (Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.).

Ломоносов. Письмо о правилах российского стихотворства — *Ломоносов М. В.* Письмо о правилах российского стихотворства // Поли. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 9—18.

Новый и краткий способ к сложению российских стихов — *Тредиаковский В. К.* Избранные произведения / Вступ. ст. и подгот. текста Л. И. Тимофеева, примеч. Я. М. Строчкова. М.; Л., 1963. (Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.). С. 365—424.

О древнем, среднем и новом стихотворении российском — *Тредиаковский В. К.* Избранные произведения / Вступ. ст. и подгот. текста Л. И. Тимофеева, примеч. Я. М. Строчкова. М.; Л., 1963. (Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд.). С. 425—452.

Пекарский — *Пекарский П.* Тредиаковский Василий Кириллович // Пекарский П. История императорской Академии наук. СПб., 1873. Т. 2. С. 1—232.

Петровский — *Петровский М. П.* Библиографические заметки о некоторых трудах В. К. Тредиаковского. Казань, 1890.

Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении... — *Тредиаковский В. К.* Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне в свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю // Куник А. Сборник материалов для истории имп. Академии наук. СПб., 1865. Ч. 2. С. 435—500.

Предуведомление — [*Тредиаковский В.*]. Предуведомление от трудившегося в переводе // Барклай И. Аргенида. СПб., 1751. Т. 1. С. I—CIV

Предызъяснение — [*Тредиаковский В.*]. Предызъяснение о ироической пииме // Фенелон Фр. Тилемахида или странствование Тилемаха сына Одиссеева... СПб., 1766. Ti. 1. С. I—XLIII.

Псалтирь — *Trediakovskij V K.* Psalter 1753. Besorgt und kommentiert von A. Levitsky / Hrsg. von R. Olesch und H. Rothe. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1989.

Стихотворения — *Тредиаковский.* Стихотворения / Под ред. акад. А. С. Орлова. [Л.], 1935. (Б-ка поэта).

Феофан Прокопович. О поэтическом искусстве. — *Феофан Прокопович.* О поэтическом искусстве. (De arte poetica). (Пер. Г А. Стратановского) // Феофан Прокопович. Сочинения / Под ред. И. П. Еремина. М.; Л., 1961. С. 229—454.

ТОМ ПЕРВЫЙ

Содержащееся в заглавии «Сочинения и переводы как стихами, так и прозою» слово «проза» (от фр. prose, f.) было новым в русском языке. В 1733 г. Тредиаковский, поступая на службу в Академию наук, брал на себя обязательство «переводить как стихами, так и нестихами» (Материалы для истории имп. Академии наук. СПб., 1886. Т. 2. С. 231), а в 1735 г. в записке, поданной в Тайную канцелярию (см. о ней в коммент. к ранней редакции «Песни на коронование ⟨...⟩ Анны Иоанновны ⟨...⟩», с. 621), уже употребил термин «проза»: «...в прозе, то есть в том, что не стихами пишется» (Пекарский. С. 61—63). Разделение художественной речи на поэзию и прозу, введение этих понятий и терминов в русское сознание и язык принадлежит Тредиаковскому (см. преамбулу к коммент. к «Мнению о начале поэзии и стихов вообще», с. 563).

К читателю

Печатается по СП (т. 1, с. I—XXVI).

Вступительная ко всему изданию СП статья «К читателю» была первым в России предисловием к собранию сочинений. По всей видимости, она задумывалась Тредиаковским как подобные авторские вступления к западноевропейским сборникам конца XVII—начала XVIII в., представлявшие собой, как правило, обзоры включенных в издание материалов. В статье Тредиаковским перечисляются и характеризуются вошедшие в СП произведения или разделы по порядку их размещения в томах. Обсуждение первого труда, перевода «Науки о стихотворении и поэзии» Н. Буало, заняло, однако, бóльшую часть статьи «К читателю», превратив предисловие в теоретическую статью. Основная ее часть отведена изложению теории перевода стихотворных произведений (с. 8—12), другой обсуждаемый здесь вопрос касается семантики метра (с. 13—14). Подробное освещение обеих проблем было вызвано, очевидно, суровой критикой перевода поэтики Буало, исходившей от Ломоносова и Сумарокова, ознакомившихся с ним, по-видимому, еще в рукописи. Содержавшаяся в статье полемика о переводе, особенно явная в первом варианте предисловия, различима и в окончательном его тексте (подробнее об этом см.: *Алексеева Н. Ю.* Литературная полемика середины XVIII века о переводе стихов // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24.

С. 15—34). Споры вокруг перевода поэтики Буало послужили Тредиаковскому лишь поводом изложить свою теорию перевода, имевшую принципиальное значение не только для всего издания СП, примерно треть которого представлена переводами, но и для его творчества в целом. Отличающаяся своей цельностью теория перевода Тредиаковского основывалась на русской переводческой традиции конца XVII—начала XVIII в., в которой главным достоинством перевода признавалась его эквивалентность подлиннику, а также на древнеримских и французских опытах перевода стихотворных произведений, на которые он ссылается (см. с. 9—10). Не воспринятая в XVIII в. теория и практика стихотворного перевода Тредиаковского предвосхитила достижения русской переводческой школы XIX—XX вв., соответствующей учению Тредиаковского и в какой-то мере к нему восходящей.

Обсуждение в предисловии вопроса о семантике метра связано с решением Тредиаковского перевести песни поэтики Буало попеременно шестистопным ямбом и шестистопным хореем. Само это решение было вызвано не только желанием «различить» «разделы 〈...〉 между собою 〈...〉 стопою стиха гексаметра», но и давним, начатым еще в 1743 г. спором между Тредиаковским, с одной стороны, и Ломоносовым и Сумароковым, с другой — о смысловой сущности хорея и ямба (о споре и позиции в нем Тредиаковского см.: *Бонди С. М.* Тредиаковский — Ломоносов — Сумароков // Стихотворения. С. 112; статью «„Сочинения и переводы как стихами, так и прозою" в творчестве В. К. Тредиаковского» (в наст. изд., с. 462—464)). Соединение внутри одного произведения хорея и ямба должно было наглядно доказать их принципиальную равнозначность. Однако Ломоносов, продолжавший отстаивать значение ямба как высокого метра и хорея как нежного, остался, очевидно, не убежден опытом Тредиаковского. Теоретическое обоснование своей позиции в этом споре, данное Тредиаковским в предисловии, относится к наиболее обстоятельным из оставленных им по этому вопросу и, так же как и теория перевода, имеет значение для всего издания в целом.

Рукопись статьи содержит отличные от ее книжного варианта фрагменты (см. раздел «Варианты и редакции», с. 356—361). Отдельные места и фразы были изменены или удалены Тредиаковским под давлением рецензентов издания, Г Ф. Миллера и И. К. Тауберта, опасавшихся, что они «за уязвление от кого-нибудь приняты быть могли». Эту часть правки Тредиаковский внес в рукопись, по-видимому, 18 июня 1752 г.; наиболее важные начальные варианты этой части статьи впервые были опубликованы А. Б. Шишкиным (К истории работы В. К. Тредиаковского над «Сочинениями» (неизданные материалы) // Русская литература. 1982. № 3. С. 138—142). Изменения фрагмента, в котором говорится о составе второго тома СП, связаны с работой над его содержанием. Первоначальный вариант фрагмента, опубликованный И. З. Серманом (Trediakovskii and his «Deidamia»: An Unpublished Document // Study Group on Eighteenth-Century Russia. Newsletter. 1979. N 7. P. 23—28), был заменен на второй предположительно 9—10 июня 1752 г.; второй вариант

исправлен на окончательный не позднее 26 июня 1752 г. (см. статью «„Сочинения и переводы“: история издания»). На этих основаниях предисловие датируется весной-летом 1752 г., первоначальный вариант — не позднее 10 июня 1752 г., когда рукопись первого тома СП была отдана в Канцелярию АН; окончательная редакция — не позднее 26 июня, когда рукопись первого тома СП была отдана в типографию.

И в статье «К читателю», и в других произведениях настоящего издания сохранена двойная система примечаний, традиционно используемая Тредиаковским, — под цифрами в сносках даются переводы и цитаты, под «звездочками» — прочие примечания автора.

С. 7. *...сочиненная от Боало-Депрео, французского славного сатирика.* — Н. Буало-Депрео (Boileau-Despréaux N., 1636—1711) — выдающийся поэт эпохи классицизма.

С. 7. *...латинскому — греческий Аристотель в наставлениях своих о поэзии...* — Имеется в виду «Поэтика» Аристотеля, на которую ориентировался Гораций; ср.: примеч. 1 Тредиаковского к «Эпистоле к Пизонам» (с. 52), см. коммент. к нему (с. 537).

С. 7. *...Боало-Депреову «Науку», как большей части читателей известнейшую...* — Утверждение, что поэтика Буало более известна, чем поэтика Горация, показывает, что Тредиаковский обращался к русскому читателю новой генерации, не получившему образования в Славяно-греко-латинской академии или семинариях, где «Эпистола к Пизонам» лежала в основе обучения поэзии.

С. 8. *...Горациевой эпистоле быть свободным, а Боаловой «Науке» заключенным словом...* — т. е. прозаической и стихотворной речью.

С. 8. *...главные разделы различил я между собою ~ еще и стопою стиха гексаметра...* — Здесь и далее Тредиаковский называет гекзаметром шестистопность как таковую.

С. 8. *...каждый Боалов стих изображается каждым же моим одним...* — Тредиаковский перевел поэтику Буало стих в стих, лишь в Песни первой введя 8 новых стихов, отсутствующих у Буало. О соответствии стихов перевода «Науки о стихотворении» Буало оригиналу см. преамбулу к ее коммент. (с. 515).

С. 8. *Различных пристрастий языки ~ он ни пошлыя не имеет твердости.* — Данный пассаж обращен против Ломоносова и Сумарокова; первое приведенное Тредиаковским сомнение в успехе перевода поэтики Буало принадлежит, вероятно, Сумарокову, второе — Ломоносову (см.: *Алексеева Н. Ю.* Литературная полемика середины XVIII века о переводе стихов. С. 17—30). «Ни пошлыя не имеет твердости» — т. е. обыкновенно принятых оснований.

С. 8. *...не поскучить, читая следущее...* — Этот оборот, характерный, видимо, и для устной речи Тредиаковского, был осмеян Сумароковым в комедии «Тресотиниус» (1750): «Однако ж не поскучите ль послушать, а песенка сочинена очюнь, очюнь, подлинно говорю, что очюнь хорошо...» (явл. III).

С. 8. *Да твердят стремящиеся, что переводные стихи с стихов не могут быть хорошими...* — Здесь приводится мнение о переводе, принадлежащее, по-видимому, Сумарокову. Взгляд Сумарокова на перевод, который обсуждается в настоящей статье, высказан им в эпистоле «О русском языке» (ст. 77—95):

По сем скажу, какой похвален перевод:
Имеет в слоге всяк различие народ,
Что очень хорошо на языке французском,
То может в точности быть скаредно на русском.
Не мни, переводя, что склад в творце готов:
Творец дарует мысль, но не дарует слов.
В спряжение речей его ты не вдавайся
И свойственно себе словами украшайся... и т. д.

(*Сумароков А. П.* Эпистола I [О русском языке] // Сумароков А. П. Избранные произведения / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. П. Н. Беркова. Л., 1957. С. 114. (Б-ка поэта)). См. также: *Алексеева Н. Ю.* Литературная полемика середины XVIII века о переводе стихов. С. 15—34.

С. 9. *...известны Аратовы «Феномены» ~ перевод Цицеронов.* — Арат (ок. 315—ок. 240 до н. э.) — автор высокоценимой в Древности, Средние века и Возрождение дидактической поэмы «Явления» («Phainomena»), переведенной в юности Цицероном на латинский язык, о чем он говорит в книге «О природе богов», цитируя из нее отрывки в своем переводе. Кроме этих строк из перевода Цицерона известен и фрагмент, о котором говорит Тредиаковский («E quibus hunc subter possis cognoscere fultum», «По ним ты сможешь узнать его, лежащего сверху...», перевод с лат. В. В. Зельченко). Этот отрывок «Явлений» (ст. 645—724), в переводе Цицерона насчитывающий 480 стихов, начиная с венецианского издания латинского перевода поэмы Германика (1488) сопровождал многочисленные последующие издания Арата в латинском переводе, по одному из них он и был, вероятно, известен Тредиаковскому.

С. 9. *Теренций, латинский комический пиит ~ перевел стихами с греческих Менандровых.* — Теренций (190—159 до н. э.) — римский комедиограф, автор шести комедий, из которых четыре основаны на комедиях Менандра. Менандр (342/341—293/290) — греческий комедиограф, представитель новоаттической комедии, автор более 100 пьес, полные тексты которых были обнаружены лишь в 1905 г. Ср. также с оценкой Теренция, данной Тредиаковским в «Рассуждении о комедии вообще» (с. 255).

С. 9. *Цицерон об нем говорит, в некоторой из своих поэзий, проименованной «Луг» ~ «И ты также Теренций ~ что есть самое нежное и сладостное».* — Тредиаковский цитирует отрывок из несохранившегося сочинения Цицерона, известного из жизнеописания Теренция, сделанного Гаем Светонием Транквиллом; отрывок приведен Э. Донатом в составленном им жизнеописании Теренция, приложенном к изданному им корпусу комедий (Terentii vita // Publii

Terentii Carthaginiensis Afri comoediae... Francofurti, 1623. Par. VII). Ср.: коммент. к с. 257—258 «Рассуждения о комедии вообще» (с. 632).

С. 9. ...*французские стихи с аглинских Поповых...* — Имеется в виду поэма А. Попа (1688—1744) «Опыт о человеке» (1733), которая была переведена на французский язык стихами Ж.-Ф. Дюренелем (Du Resnel J.-F., 1692—1767) в 1737 г.

С. 9. ...*перевода ж, сделанного португальским графом Эрицейрою сей самой Боаловой «Науке»...* — Фр. Эрицейра (Ericeira Fr. X. de Menezes, 1673—1743) послал Буало свой перевод на португальский язык его поэтики. Ставший широко известным ответ Буало, исполненный высоких похвал, был признан в литературных кругах Франции образцом изящной иронии, не понятой адресатом. Как видно, Тредиаковский не знал об этом.

С. 10. ...о *Сегрее...* — Сегре (Segrais J.-R., de, 1624—1701) — видный литератор своего времени, перевел «Энеиду» Вергилия (1668).

С. 10. *Корнелий* — Пьер Корнель (Corneille P., 1606—1684), знаменитый французский драматург, перевел с латинского труд Фомы Кемпийского «О подражании Христу», многократно переиздававшийся в XVII в.

С. 10. *Расин* — Жан Расин (Racine J., 1639—1699), знаменитый французский драматург, перевел «Пир» Платона и известные в то время фрагменты из Менандра.

С. 10. ...*Боало-Депрео в том числе из первых.* — О его переводе Тредиаковский говорит ниже (см. коммент. к этому месту).

С. 10. *Абланкур* (Ablancourt N. P., 1606—1664) — переводчик «Октавий» Феликса Минуция (I—II вв.), христианского прозаика, писавшего на латыни, а также Ксенофонта, Плутарха, Цицерона, Тацита и других древних авторов; составитель сборников из трудов Плутарха «Апофтегмы семи мудрецов Греции», «Апофтегмы царей и знаменитых полководцев» и «Стратегемитикона» Секста Юлия Фронтинуса (40—106).

С. 10. ...*Туцидида...* — т. е. Фукидида (ок. 460—400), древнегреческого историка, автора «Истории», описывающей Пелопоннесскую войну.

С. 10. ...об *Амелоте дела Гуссее...* – Французский историк и публицист А.-Н. Амело (Amelot de la Houssaye A.-N., 1634—1706) переводил и издавал Тацита (1690), Б. Грасиана (1684), Н. Макиавелли (1683).

С. 10. ...о *Лудовике Жирие, о самом Депрео, преложившем с греческого Лонгина...* — Правовед Луи Жири (Giry L., 1595—1666) перевел Исократа (1640), Цицерона (1638), Тертуллиана (1636), Платона (1643), Блаженного Августина (1665). Перевод Буало трактата Псевдо-Лонгина «О возвышенном» («Traité du sublime», 1674) сыграл важную роль в развитии классицизма, в том числе русского (см.: *Серман И. З.* Неизданный конспект М. В. Ломоносова «Трактата о возвышенном» Псевдо-Лонгина в переводе Буало // XVIII век. СПб., 2002. Сб. 22. С. 333—347; Алексеева. Русская ода. С. 160—172).

С. 10. *Умолчиваю также о Дасиерах ~ и частию Плавта.* — Филолог Андре Дасье (Dasier A., 1651—1722) перевел среди прочего «Жизнь знаме-

нитых мужей» Плутарха (1694) и все сочинения Горация (1681—1689); филолог и переводчик Анна Дасье (урожд. Лефевр, 1651—1720) перевела, в частности, «Илиаду» (1711) и «Одиссею» (1716) Гомера и две комедии Плавта (1683). Перевод Горация, выполненный Андре Дасье, в продолжение долгого времени считался наиболее авторитетным и много раз переиздавался, о его использовании Тредиаковским при переводе «Эпистолы к Пизонам» см. преамбулу к коммент. к ней (с. 536—537).

С. 10. *...аббата Беленжера...* — Франсуа Беланжер (Bellenger F., 1688—1749) — переводчик.

С. 10. ...о *Лимиере...* — Литератор Анри-Филипп Лимьер (Limiers H.-P., ?—1725) перевел и издал в 10 томах все комедии Плавта (1719).

С. 10. ...*об иезуите Санадоне — все дела Горациевы...* — Один из виднейших французских латинистов своего времени аббат Санадон (Sanadon N.-E., 1676—1733), автор перевода всех произведений Горация (1728), признанного столь же авторитетным, как и перевод А. Дасье; о его использовании Тредиаковским в работе над «Эпистолой к Пизонам» см. коммент. к ней (с. 536—537); «дела» — т. е. труды, произведения, — часто употребляемый Тредиаковским полонизм (dzieło — труд, творение).

С. 10. *Вожлас* — К. Вожла (Vaugelas Cl. F., de, 1585—1650), литератор и филолог, организатор работы над составлением академического словаря французского языка, перевел сочинение Квинта Курция «Жизнь и деяния Александра Великого» («De la vie et des actions d'Alexandre le Grand», 1653).

С. 10. *Роллень один из всего того народа ~ в шестой том «Древния» своея «истории»...* — Ш. Роллен (Rollin Ch., 1661—1741) — выдающийся историк XVIII в. Его «Древняя история об египтянах, о карфагенянах, об ассирианах, о вавилонянах и о греках» (Histoire ancienne des Egyptiens, des Carthagenois, des Assyriens, des Babyloniens, des Medes et des Perses, des Macedoniens, des Grecs. Paris, 1731—1738. V. 1—13) была переведена Тредиаковским, за исключением последних трех томов (СПб., 1749—1762. Т. 1—10). «Вступление» к шестому тому «Древней истории» заканчивается словами: ...только я великую имел помощь от сего автора (Квинта Курция. — *Н. А.*) и от преизрядного с него перевода, сделанного господином Вожласом» ([*Роллен Ш.*]. Древняя история... СПб., 1760. Т. 6. С. 4).

С. 10. *...который ~ часто еще и копист с французского по-французски ж.* — В предисловии к «Древней истории» Ш. Роллен писал: «...я не имею ни опасения, ни стыда выбирать отвсюду, а часто и не объявляя именно (т. е. по именам. — *Н. А.*) авторов, с которых я списываю», своим непосредственным французским источником он называет при этом «Рассуждение о всемирной истории» (1681) Ж.-Б. Боссюэ (Древняя история... СПб., 1749. Т. 1. С. XXXIX—XL); о заимствованиях Роллена из П. Брюмуа см. коммент. к с. 253—255 «Рассуждения о комедии вообще» (с. 628—630).

С. 11. *...чтоб слова ~ не были барбарисмом опорочены ~ без солецисмов...* — Определения барбарисма (варваризма) и солецизма Тредиаковский дал ранее

в «Слове о богатом, различном и несходственном витийстве» (СПб., 1745): «Неприродное или нечистое какого языка слово»; «Природное и чистое какого языка слово, но не в той употребленное речи, и не в той силе» (с. 63), ср. с определениями этих понятий, данными Тредиаковским в примеч. к ст. 167 и 168 Песни первой «Науки о стихотворении и поэзии» на с. 23.

С. 11. *...требуется, чтоб в переводе быть тем же самым словам и стольким же...* — По поводу этого «критерия доброго перевода», высказываемого Тредиаковским, вероятно, ранее обсуждавшегося в разговорах с Сумароковым, последний писал: «Иль слово в слово он в слог русский переводит, Которо на себя в обнове не походит» (*Сумароков А. П.* Эпистола I [О русском языке] // Сумароков А. П. Избранные произведения. С. 113).

С. 11. *...ежели кому дадутся перевесть ~ быть какому прекословию.* — В этих строчках — выпад против Сумарокова. Неудачный перевод двух стихов из трагедии Вольтера «Меропа», использованный Сумароковым в трагедии «Хорев» (1747): «Когда погибло все, когда надежды нет, Жизнь — бремя, и одна она покой дает» (действие 4-е, явление 7-е), Тредиаковский подробно разбирает в «Письме, в котором содержится рассуждение о стихотворении...» (1750), где приводит другой вариант своего перевода этих строк:

Когда погибло все, когда надежды нет,
Уже бесчестна жизнь, оставить должно свет.

(Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении... С. 485). Во втором издании «Хорева» (1768), вероятно под влиянием критики Тредиаковского, это место было Сумароковым изъято. Приведенное в статье «К читателю» двустишие перевода Тредиаковского дает Аполлос Байбаков во второй редакции «Правил пиитических» как пример полного полустишия в ямбе с мужским окончанием (Байбаков, 1780. С. 12).

С. 11—12. *Или также, буде дастся сему переводчику ~ противного разума словами.* — Этот фрагмент содержит выпад против перевода 3-й оды из III книги Горация, выполненного Н. Н. Поповским четырехстопным ямбом (тетраметром). Очевидно, что Тредиаковский считал свой приведенный здесь перевод двух первых стихов оды, выполненный шестистопным ямбом (гекзаметром), эквиметричным. Однако 9-ю оду II книги Горация, написанную той же алкеевой (горацианской) строфой, что и 3-я ода III книги, он в 1750 г. перевел разработанной им русской горацианской строфой, снабдив публикацию перевода теоретическим обоснованием (Предуведомление. С. LXXIV—LXXIX); в качестве образцовой вторая строфа этой оды приведена в «Способе к сложению российских стихов» (глава пятая, § 31, с. 91). Недостаток перевода Поповского Тредиаковский видит также в несоблюдении числа стихов оригинала: первые два стиха оды им превращены в шестистишную строфу. Очевидно, что была более ранняя редакция перевода Поповского, известного нам по изданию (*Гораций Флакк.* Письмо о стихотворстве

к Пизонам. СПб., 1753. С. 29) и по рукописи («Оды, сочиненные о стихотворстве к Пизонам»: СПбФАРАН. Р. II. Оп. 1. № 58. Л. 4), совпадающей с изданием, за исключением двух слов: «гром» вместо «гроз» (ст. 3) и «нарочно» вместо «народный» (ст. 4):

Кто правдой жить на свете тщится
И постоянным быть привык,
Тот гроз, мятежей не боится,
Его ниже народный крик,
Ни сам мучитель взором зверским
Не склонит к действиям продерзким.

(Ср.: *Поповский Н. Н.* [Из Горация] // Поэты XVIII века. Л., 1972. Т. 1. С. 117. (Б-ка поэта. Большая серия)). Критика Тредиаковским первых стихов перевода Поповского обнаруживает, что в его начальном варианте были следующие слова и обороты: *твердое стояние* (стр. 178), *неусыпное трудолюбие, неленивое, правосуден, милостив* и др. (см. вариант к стр. 183—184, на с. 357), — исправленные, возможно, под воздействием замечаний Тредиаковского. Двустишие перевода Тредиаковского приводит Аполлос Байбаков во второй редакции «Правил пиитических» как пример укороченного второго полустишия в ямбе с женским окончанием (Байбаков, 1780. С. 12).

С. 12. *Того ради все такое разглашение ~ то, наконец, от недоброхотства.* — Весь фрагмент полемически обращен к Ломоносову и Сумарокову. «Больше ль в нем покажется хорошего, нежели неподтверждаемого, дабы удостоиться ему некоторого снисходительства» — неточный перевод приведенного Тредиаковским в примечании 351-го стиха из «Поэтики» Горация; ср. с переводом Тредиаковского этого места в «Эпистоле к Пизонам»: ...где многое блистает в стихах, там мне не досадят немногие пороки, которые или от неприлежности вкрались, или их усмотреть не могло человеческое несовершенство» (с. 63).

С. 12—14. *Между тем, дабы очистить второй пункт ~ падает не ямбом, но хореем...* — Данный отрывок отражает полемику с Ломоносовым о семантике стоп ямба и хорея (см. начальный вариант фрагмента на с. 358—359), ср.: «⟨Рассуждение о стопе хорея и ямба⟩» (с. 192—193).

С. 13. *...Аристотель назвал стопу ямб, как то Квинтилиан свидетельствует, нежною: «Iambus humanior videtur».* — «Ямб кажется человечным» («Institutio oratoria», IX, 4, 88). Ссылка на Марка Фабия Квинтилиана (35—100), римского оратора, автора знаменитого «Наставления оратору» («Institutio oratoria», кн. 1—12), высочайшего авторитета в эпоху Возрождения и Гуманизма, ниспровергаемого «новыми» в споре Древних и Новых, вероятно, не списана Тредиаковским с чужого труда, а принадлежит ему самому. «Institutio oratoria» относится к тем, возможно, и немногим классическим трудам по древней литературе, которые Тредиаковский хорошо знал. На него он многократно ссылается в «Разговоре между чужестранным человеком и русским об ортографии» (1748),

в «Способе к сложению российских стихов», в «Предызъяснении о ироической пииме». В настоящее время к слову «humanior» принята конъектура П. Питу (Pithoeus): humilior (1580), т. е. низменный, простоватый, меняющая смысл цитаты на противоположный.

С. 13. ...*«popularis vincentem strepitus».* — «побеждающий шум толпы» (*Гораций.* Поэтика. Ст. 81—82); ср. с переводом Тредиаковского этого стиха в «Эпистоле к Пизонам»: «преодоление народного шума своим звоном» (с. 55, стр. 84—85).

С. 13. ...*чтоб верить в том больше пииту, нежели философу.* — Под философом подразумевается Аристотель, под поэтом — Гораций.

С. 13. *Говорят: «тем есть благороден ямб, что он снизу наверх возносится, а хорей для того нежен и умилен, что сверху аниз упадает».* — Здесь Тредиаковский приводит аргументацию Ломоносова в споре о значении двухстопного метра; ср.: «ямбические стихи 〈...〉, поднимаяся тихо вверх, материи благородство, великолепие и высоту умножают. Очень также способны и падающие, или из хореев и дактилей составленные, стихи к изображению крепких и слабых аффектов...» (Письмо о правилах российского стихотворства. С. 15; ср. также: «〈Рассуждение о стопе хорея и ямба〉», с. 191—192, см. коммент. на с. 605).

С. 13. *Шанцы* — т. е. укрепление; широко употребляемый в петровское время и позднее полонизм (szaniec).

С. 14. ...*некто из искусных людей...* — Возможно, имеется в виду Ломоносов. Судя по приведенной ниже аргументации неизвестного, это высокоэрудированный и талантливый знаток поэзии, проявивший понимание истории и теории стиха, предвосхитившее открытия в этой области конца XVIII—начала XIX в. Замечания Ломоносова о русском, греческом и латинском стихе в «Письме о правилах российского стихотворства» (с. 10, 11) в целом соответствуют мнению неизвестного. «Некоторым искусным человеком» Тредиаковский называет Ломоносова в «Предуведомлении от трудившегося в переводе» (с. LXX), приводя его мнение в споре об ударности русских односложных слов и о допустимости пиррихия в дактилическом гекзаметре (см. коммент. к с. 71 главы первой «Способа к сложению российских стихов», с. 547—548).

С. 14. ...*мое доказательство, приведенное в «Известии», положенном пред тремя парафрастическими одами 1744 года...* — Издание «Три оды парафрастические псалма 143, сочиненные чрез трех стихотворцев из которых каждый одну сложил особливо» (СПб., 1744) было сопровождено статьей Тредиаковского «Для известия» (ее новейшую редакцию см. на с. 191—194).

С. 14. ...*у помянутых пиитов количество слогов ~ их стихи сверху аниз не падают.* — О термине «количество слогов» см. коммент. к с. 71—72 главы первой «Способа к сложению российских стихов» (с. 548). Высказанное здесь неизвестным знатоком мнение о квантитативной природе древнегреческого стиха, основанной на различии гласных по долготе, в русском стиховедении было обосновано А. Х. Востоковым (Опыт о русском стихосложении. СПб., 1817). Под

возвышением и понижением голоса имеется в виду ударность слогов, отличающая новые европейские языки и делающая возможным в них тоническое стихосложение.

С. 14. *...я возражаю ~ как будто б он был всегда ударяемый...* — Возражение Тредиаковского неизвестному соответствует распространенному в то время пониманию природы стиха Древних; сходным образом позднее опровергал Востокова Н. И. Гнедич: «Как будто у греков и римлян ударение производило над словами не то же действие, был не тот же закон природы, определяющий высокие и низкие слоги» (Замечания на опыт о русском стихосложении г-на В⟨остокова⟩ и нечто о прозодии древних // Вестник Европы. 1818. № 11. С. 191).

С. 14. *...достоверный и очевидный образец, музыкальными нотами изображенный.* — См. примеч. Тредиаковского к «⟨Рассуждению о стопе хорея и ямба⟩» на с. 192.

С. 14. *...хореический стих есть сроднее нашему языку ~ падает не ямбом, но хореем.* — Тредиаковский высказывает здесь свое давнее убеждение, лежащее в основе произведенной им реформы стихосложения (см.: Новый и краткий способ к сложению российских стихов. С. 383—384).

С. 15. *...несколькими Эзоповыми басенками ~ сочиненными для опытка некудреватыми стихами.* — См. преамбулу к коммент. к разделу «Несколько Эзоповых басенок, для опытка гексаметрами ⟨...⟩ составленных» (с. 571—572).

С. 15. *...«Надобно, чтоб басни ~ кое всяк в себе имеет».* — Тредиаковский цитирует «Древнюю историю» Роллена по своему переводу (СПб., 1751. Т. 2. С. 344—345), в издании: вместо «всегда» — «всюду», а вместо «нечувствителен в себе к таким качествам» — «нечувствителен в себе таким качествам».

С. 15. *...все они положены порядком времен, в кои сочинены.* — Тредиаковский не совсем точен, когда говорит о полном соответствии хронологии написания божественных од порядку их публикации (см. преамбулу к коммент. к «Одам божественным», с. 600).

С. 15. *...слово «О терпении и нетерпеливости», удостоенное негде славного награждения за красноречие.* — См. преамбулу к коммент. к слову «О терпении и нетерпеливости» (с. 613—615).

С. 16. *...«Несколько штук строфами...».* — Штука — т. е. пьеса — полонизм (sztuka), употребляемый Тредиаковским как калька с французского (la pièce). Впервые Тредиаковский употребил термин *пиеса* в своей статье «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» (1755); см. также преамбулу к коммент. к разделу «Несколько штук, сочиненных строфами о разных материях» (с. 616—617).

С. 16. *...несколько стихов из «Аргениды», сочиненных нашим образом и римским...* — Под «нашим образом» Тредиаковский понимает ямбические и хореические стихи с рифмами, ср.: ...в рассуждении так называемых двусложных стоп, хорея и ямба, которыми ныне составляются российские стихи»

(«⟨Рассуждение о стопе хорея и ямба⟩», с. 191); под «римским» — анапесто-ямбические и дактило-хореические стихи без рифм, имитирующие звучание латинских гекзаметров и пентаметров.

С. 16. *...речь, говоренная в Академии.* — Имеется в виду «Речь приветственная» К. Г Разумовскому (см.: Дополнения, с. 348—349), намеченная ко включению во второй том СП и на последнем этапе замененная «Словом о мудрости...» (см. преамбулу Тредиаковского к «Слову о мудрости...», с. 284).

С. 16. *Конец увенчан «Плачем» ~ исправленным и последним старанием вычищенным.* — См. преамбулу к коммент. к «Плачу о кончине ⟨...⟩ государя императора ⟨...⟩ Петра Великого...» (с. 650).

С. 16. *...иные были без сочетания...* — Здесь сочетание — смешение мужских и женских стихов (см.: «Способ к сложению российских стихов», глава вторая, § 12, с. 74—75).

С. 16. *...прежде, как я начал по тоническому количеству ~ без сочетания...* — В «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» Тредиаковский предлагал введение хореической меры лишь в длинные силлабические стихи: 13-сложник превращался в гекзаметр, т. е. шестистопный хорей, а 11-сложник — в пентаметр, т. е. пятистопный хорей; короткие стихи оставались силлабическими. Употребление мужской рифмы и соответственно смешанной рифмы допускалось лишь в песнях, положенных на музыку (см.: Новый и краткий способ к сложению российских стихов. С. 381—385).

С. 16. *...существенная разность стихов от прозы есть точно стопы...* — Ср. с определением отличия стиха от прозы, данным в «Способе к сложению российских стихов» (глава первая, § 1—9, с. 69—70).

С. 17. *...исправление такое первым погрешностям ~ делая сочинения не толь недостаточны.* — Неточная цитата из перевода Тредиаковского третьего тома «Древней истории» Роллена: «Сие небольшое собрание исправок, то есть погрешений, собранных и представленных читателям, не может быть очень приятно самолюбию, но может учинить пользу народу, делая книгу не толь недостаточну... ([*Роллен Ш.*]. Древняя история... СПб., 1752. Т. 3. С. 4).

КОММЕНТАРИИ К ВАРИАНТАМ РУКОПИСИ С. 356—361.

Стр. 55—272. Исключенные строки и фрагменты обращены к Ломоносову и Сумарокову и содержат доказательства позиции Тредиаковского в полемике с ними о переводе и семантике метра (см. коммент. к с. 8, 12, 13).

Стр. 217. *первый, почитай ~ вместо пышного французского «всяк иной...* — Место, о котором говорит Тредиаковский, в трагедии П. Корнеля «Сид» звучит так: «D. Diègue: Rodrigue, as-tu du coeur? D. Rodrigue: Tout autre que mon père L'éprouverait sur l'heure» (I, 5; «Дон Дьего: Родриго, храбр

ли ты? Дон Родриго: Я бы не ждал с ответом, Не будь вы мой отец», перевод М. Л. Лозинского). Немецкого или голландского перевода с текстом, который приводит Тредиаковский, найти не удалось.

Стр. 304—324. *Второй том начнется ~ и последним старанием вычищенным.* — О вероятной причине изменения изложенных здесь планов второго тома см. статью «„Сочинения и переводы“: история издания», с. 490; о первоначальном варианте «Рассуждения о комедии вообще» и о комедии «Евнух» см. преамбулу к коммент. к «Рассуждению о комедии вообще» (с. 625—626). О произведениях, указанных во втором варианте фрагмента, см. преамбулы к коммент. к ним.

Стр. 319. *положены по сих две речи...* — Имеются в виду речи К. Г. Разумовскому (см.: Дополнения).

НАУКА О СТИХОТВОРЕНИИ И ПОЭЗИИ С ФРАНЦУЗСКИХ СТИХОВ БОАЛО-ДЕПРЕОВЫХ СТИХАМИ Ж

Печатается по СП (т. 1, с. 3—51) с учетом разночтений по НР (л. 21—42 об.).

Перевод «Науки о стихотворении и поэзии» был сделан, по-видимому, до возникновения замысла издания СП и относится к наиболее ранним из поэтических произведений Тредиаковского, вошедших в СП. В «Способе к сложению российских стихов» Тредиаковский упоминает о своем уже готовом переводе «Науки о стихотворении и поэзии» (глава седьмая, § 7, с. 95), там же, в главе второй, приводятся строки из него (с. 74, 76), в «Рассуждении о комедии вообще» (1751—1752) и в «Рассуждении об оде вообще» (1752) поэтика Буало цитируется по этому переводу. О заблаговременной подготовке «Науки о стихотворении и поэзии» свидетельствует и минимальная правка текста в НР.

Первый перевод на русский язык знаменитой поэтики Н. Буало «L'Art poétique en vers» (1674) служил прежде всего просветительской цели ознакомления русского читателя с важнейшим трактатом классицизма. Замысел перевода связан, вероятно, с вышедшей в конце 1748 г. эпистолой «О стихотворстве» Сумарокова. Как считал Тредиаковский, она «и по плану, и по изображениям, но токмо сокращенна, вся Боало-Депрова» (Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении... С. 485). Отрицательный отзыв Тредиаковского на эпистолу «О стихотворстве» (его внутренние академические рецензии на «Две эпистолы» Сумарокова см.: Пекарский. С. 131, 132) был вызван, вероятно, не только содержащейся в эпистоле грубой над ним насмешкой, но и его общей негативной оценкой сочинений Сумарокова в этот период (см.: Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении... С. 495—496). Выбор Сумароковым формы свободного переложения для переноса на русскую почву поэтики классицизма отвечал его пониманию возможностей стихотворного перевода (см. коммент. к с. 8 статьи «К читателю», с. 506; см. также: *Алексеева Н. Ю.* Литературная полемика се-

редины XVIII века о переводе стихов // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 15—34). По всей видимости, в конце 1740-х гг. между Сумароковым и Тредиаковским шла острая полемика о переводе вообще и о стихотворном переводе в частности. Точный перевод «L'Art poétique» должен был послужить важным аргументом позиции Тредиаковского. Будучи эквилинеарным и дословно точным, перевод Тредиаковского отвечал критериям «доброго перевода», предложенным им в статье «К читателю» (с. 11), на основании которых он им и оценивался (там же, с. 11—12). Однако, очевидно, он не удовлетворил Сумарокова и не повлиял на его позицию в вопросе стихотворного перевода (см. цитируемое Тредиаковским в статье «К читателю» высказывание, принадлежавшее, по всей видимости, Сумарокову, с. 8). Полемика о переводе позволяет предположительно датировать перевод «Науки о стихотворении и поэзии»: он был выполнен, вероятно, после создания Сумароковым эпистолы «О стихотворстве», т. е. после 1748 г. и до января 1751 г. Разразившийся в начале 1751 г. скандал вокруг «Предуведомления от трудившегося в переводе» к «Аргениде» (см.: *Гринберг М. С., Успенский Б. А.* Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х—начале 1750-х годов // *Успенский Б. А.* Вокруг Тредиаковского. М., 2008. С. 232—233) надолго исключил для Тредиаковского возможность обсуждения с Ломоносовым и Сумароковым своих произведений, а значит, их знакомство с переводом Буало должно было состояться раньше этого срока.

Критика Сумароковым перевода поэтики Буало, известная нам только из статьи «К читателю», в которой она наверное смягчена, имеет веские основания. «Наука о стихотворении и поэзии» принадлежит к числу наиболее трудных и темных поэтических произведений Тредиаковского. Вопреки требованиям ясности и благозвучия стихотворной речи, выдвинутым Буало, русский текст его поэтики оказался перенасыщен инверсиями, трудными грамматическими конструкциями; нередко смысл отдельных строк не понятен без обращения к оригиналу. Причина усложненности поэтической речи «Науки о стихотворении и поэзии» во многом объяснима поставленной переводчиком задачей перевести французские стихи эквилинеарно: «...каждый Боалов стих изображается каждым же моим одним; так что сколько у Боало во всякой песни и во всех четырех — стихов, столько ж и у меня во всем том составе; сие, подлинно, весьма трудно, но сил человеческих не выше» («К читателю», с. 8). Действительно, число стихов в песнях оригинала и перевода в точности совпадает, за исключением Песни первой, в которую Тредиаковским введены восемь дополнительных стихов, что оговорено им в примечании к ст. 114 (с. 21). Кроме того, Тредиаковский явно стремился дать перевод слово в слово с сохранением числа слов в строке, в соответствии с правилом: «в переводе быть тем же самым словам и стольким же — сие многократно и почти всегда есть выше человеческих сил» («К читателю», с. 11). Решение этих задач сделало перевод Тредиаковского одним из самых точных русских переводов поэтики Буало (поэтику переводили также Д. И. Хвостов (1808), С. С. Нестерова, С. Г. Припов (1937), Э. Л. Линецкая (1957)). Возможно, именно это его достоинство имел в виду автор

«Учебника русской словесности» А. Охотин, говоря: «„Наука о стихотворстве“ Буало и „Езда в остров Любви“ приобрели Тредиаковскому справедливое уважение современников и потомства» (Кронштадт, 1854. Ч. 2. С. 47), оценка, показавшаяся Н. Г Чернышевскому несуразной (см.: *Чернышевский Н. Г.* Поли. собр. соч. М., 1949. Т. 2. С. 423).

Сложность стиля «Науки о стихотворении и поэзии» объясняется не только переводным характером этого произведения. Особый спотыкающийся стиль Тредиаковского, обычно связываемый с изобретенным им хореическим гекзаметром, отличает все песни перевода, написанные попеременно шестистопным ямбом и хореем. Близость стиля ямбических и хореических песен указывает на непрямую зависимость стиля от метра. Действительно, инверсии в строках перевода не всегда продиктованы соблюдением стиховой меры и выполняют, возможно и вопреки намерениям автора, стилистическую функцию.

Важной заслугой перевода Тредиаковского стало введение в русский язык большого числа литературоведческих терминов. Тредиаковский взялся за перевод трактата о литературе в момент, когда в русском языке новые литературные понятия только вырабатывались, русских эквивалентов большинству французских литературных терминов еще не было. Как и ранее, в первых своих литературных трактатах — в «Рассуждении о оде вообще» (1734) и в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» (1735) — Тредиаковский осваивает новые для русского языка понятия путем перевода французских терминов или транскрипции французского или стоящего за ним латинского слова.

В работе Тредиаковский пользовался, вероятно, одним из изданий Буало 1701—1713 гг., на что указывает дословный перевод включенных в этот тип изданий авторских примечаний с воспроизведением их редких ошибок в цитатах из Древних и отсылках к ним. Впервые поэтика с примечаниями Буало была напечатана в издании: Œuvres Diverses du sieur D***. Avec le Traité du Sublime ou du Merveilleux dans le discours, traiduit du Grec de Longin. P., 1674. Образцовое для своего времени собрание сочинений Буало, подготовленное К. Броссеттом и многократно переиздававшееся (1-е изд.: Œuvres de M. B.-D., avec de eclarcissemens historiques donnez par lui-meme [et des remarques par Brossette]. Geneve, 1716. 4° 2 vol.), включающее и исправления допущенных Буало погрешностей в примечаниях, — Тредиаковским, по всей видимости, использовано не было. Маловероятно, что он не знал о нем или что оно было недоступно ему в Петербурге (экземпляр роскошного издания (Haye, 1729) с суперэкслибрисом И. И. Шувалова хранится в РНБ). Допущенная Тредиаковским при подготовке издания поэтики Буало на русском языке известная небрежность не соответствует его работе над переводом и изданием «Эпистолы к Пизонам» Горация (см. преамбулу к коммент. к ней, с. 536—537). Она может свидетельствовать о восприятии Тредиаковским Буало: он хорошо ориентировался в изданиях Горация, то есть в классической филологии, и был невнимателен к изданиям «нового» Буало. Расточаемые в «Рассуждении о оде вообще» и в «Новом и кратком способе к сло-

жению российских стихов» в адрес Буало похвалы не означают, что Тредиаковский признавал законодателя французского классицизма классиком, сопоставимым с Горацием. Хотя Тредиаковский во многих своих высказываниях предстает сторонником «новых», воспитавшая его русская литературная культура не могла не сказываться на его предпочтении «новым» «древних».

Буало дал к своей поэтике двойную систему подстрочных примечаний: в первой, — обозначенной цифрами, — приводятся строки из древних авторов (в основном — «Ars poetica» Горация), парафразы которых находятся в тексте поэтики; в другой, — обозначенной звездочками, — объясняются содержащиеся в тексте намеки на современную литературу. Тредиаковский перенял у Буало двойную систему отсылок, сохраненную и в настоящем издании. Первая система примечаний Тредиаковским заимствована из Буало полностью. В комментарии, при подготовке которого использовалось издание: Œuvres Diverses du sr. B.-D. Avec le Traité du sublime ou du Merveilleux dans le discours, traiduit du Grec de Longin. Nouvelle édition, revue et augmentée... Amsterdam, chez Henri Schelte. 1702, это не оговаривается, а указываются лишь случаи повторения или исправления Тредиаковским ошибок Буало, а также привнесения новых; перевод с латинского цитат из поэтики Горация дается по изданию: *Гаспаров М. Л.* Композиция поэтики Горация // Очерки истории римской литературной критики. М., 1963. С. 100—108. Примечания второй системы в большей своей части представляют собой буквальный перевод с французского, в отдельных случаях Тредиаковский уточняет отсылки Буало к французским авторам; эту систему примечаний он расширил собственными толкованиями терминов, в редких случаях — исторических реалий. Все оригинальные примечания Тредиаковского или вставки в примечания Буало поясняются в комментариях. В примечаниях, содержащих переводы, сохранены традиционные отсылки к первому стиху цитируемого фрагмента.

С. 18. *Наука о стихотворении...* — Стихотворение здесь означает стихосложение. Нежелание Тредиаковского ограничиться одним, как в оригинале, термином связано с актуальностью для него в этот период проводимого им разграничения между поэзией и стихотворством (см. преамбулу к коммент. к «Мнению о начале поэзии и стихов вообще», с. 563—564).

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

С. 18, примеч. 1. *Tu nihil ~ Minerva.* — Перевод: Ты ничего не будешь делать против воли Минервы.

С. 18, ст. 4. *...Когда в свет не рожден звездою он пиит...* — Инверсия: Когда он звездою не рожден в свет пиит, т. е. не одарен поэтическим даром свыше.

С. 18, ст. 12. *...И рассмотряйте ум, способность равно сил.* — Инверсия: И рассмотряйте ум, равно способность сил.

С. 18, ст. 17—18. *Малгерб ~ Ракан...* — Малерб (Malherbe Fr., 1555—1628) — выдающийся французский поэт, знаменитый одописец; см. о нем далее, ст. 139—149 Песни первой. Ракан (Racan H., 1589—1670) — поэт школы Малерба, прославившийся своими идиллиями.

С. 18, ст. 21. *Так, некто преж сего с Фаретом...* — Фарет (Faret N., 1600—1647) — французский поэт, друг указанного в примеч. Сент-Аманта (Saint-Amant, 1594—1661) — одного из поэтов круга Ш. Перро; в молодости оба были известны своими буйными проказами.

С. 19, ст. 24—26. *Бегущ еврейский род ~ в Чермных волнах погрузнуть с Фараоном.* — Здесь передается сюжет поэмы Сент-Аманта «Спасенный Моисей» (1653); «в Чермных волнах» — т. е. в Красном море.

С. 19, ст. 40. *Слот* — здесь: шутка, пустословие.

С. 19, ст. 43—44. *Италии дадим, Пусть ложным блеском та красуется таким.* — Здесь содержится намек на итальянский маринизм.

С. 19—20, ст. 51—58. *Палаты ль иногда ~ садом убегаю.* — Здесь Буало критикует поэму Ж. Скюдери «Аларих, или Падение Рима» (1664), в которой дано чрезвычайно пространное описание дворца. Подобные детальные описания зданий были характерны для поэзии барокко; в русской поэзии описание дворца было сделано Симеоном Полоцким в вероятно известном Тредиаковскому «Приветстве 〈...〉 царю 〈...〉 Алексею Михайловичу 〈...〉 о вселении его благополучном в дом...», 56 стихов которого посвящено новому Коломенскому дворцу (см.: *Симеон Полоцкий.* Избранные произведения / Подгот. текста, ст. и коммент. И. П. Еремина. М.; Л., 1953. С. 103—108). «Перед» — т. е. фасад. Ст. 56 выделен у Буало как цитата: «Ce ne sont que Feston, ce ne sont que Astragales», к нему дается примечание: «Vers du Scuderi»; здесь пародируется стих «Se ne sont que Feston, se ne sont que couronnes» из поэмы Ж. Скюдери «Аларих».

С. 20, ст. 59. *Прочь плодность та от вас: она есть без плода...* — Тредиаковский здесь применил барочную игру слов, как раз осуждаемую Буало; в оригинале: «Fuyez de ces auteurs l'abondance stéril, Et ne vous chargez point d'un détail inutile».

С. 20, примеч. 2. *In vitium ducit culpae fuga, si caret arte.* — Перевод: Избегая ошибки, впадаешь в порок, если не владеешь искусством.

С. 20, ст. 66. *Быть долгим не хочу, но становлюсь я мрачным...* — т. е.: не желая быть долгим, подробным, я становлюсь темным, неясным. Здесь и далее Тредиаковский переводит термин obscur (у Буало: «et je deviens obscur...») словом мрачный.

С. 20, примеч. 3. *Obscurus fio ~ timidusque procellae.* — Перевод: Я силюсь быть кратким, а становлюсь темным; кто ищет гладкости, того покидает сила и страсть; посягнувший на великое впадает в напыщенность; кто слишком осторожен и страшится бурь, тот пресмыкается по земле.

С. 20, ст. 70. *Старайтесь различать слог...* — т. е. меняйте стиль; у Буало: «variez vos discours...

С. 20, ст. 74. ...*Что на один напев поют, как столповое.* — Столповое пение — знаменное, степенногласное чтение на распев в две ноты. У Буало: «Qui toujours sur un ton semblent psalmodier...

С. 20, ст. 76. ...*Что может вниз и вверх, по смехе ж дело петь!* — т. е. петь после низкой высокую материю; в отличие от Буало Тредиаковский разворачивает сравнение сочинения с пением.

С. 20, ст. 77. *Есть книга небу та и всем чтецам любима...* — Инверсия: Та книга есть любима небу и всем чтецам.

С. 20, ст. 80. ...*Возможет низкий сам слог благородно плыть.* — Инверсия: Сам низкий слог возможет благородно плыть; т. е. и простой, невозвышенный стиль может быть благородным; низкий слог в данном случае означет простой стиль; у Буало: «le style le moins noble».

С. 20, ст. 81. *Стиль шутовской...* — т. е. бурлескный; у Буало: «le bourlesque».

С. 20, ст. 83. *Шильце* — так Тредиаковский на протяжении всей поэтики переводит термин «pointe» (острота).

С. 21, ст. 90. *Дасусий* — Д'Асуси (d'Assouci Ch. C., 1604—1674), автор бурлескных поэм.

С. 21, примеч. *Шутовская поэма. Автор ея славный Скарон.* — Поль Скаррон (Scarron P., 1610—1660) — поэт и романист, создатель бурлескного поэтического стиля, которому принадлежит названная поэма «Тифон, или Гигантомахия» (1644).

С. 21, ст. 96. *Марот* — Маро (Marot Kl., 1496—1544), выдающийся французский поэт, автор первых сонетов на французском языке.

С. 21, ст. 98. *Бребёф* (Brébeuv G., de, 1618—1661) — автор перевода на французский язык знаменитой эпопеи римского поэта Лукана (39—65) «Фарсалия, или О гражданской войне», изданного им в 1648 г.

С. 21, ст. 100. ...«*Из мертвых, мрущих там, стенающих, гор сто*». — Перевод стиха Буало: «De morts et de mourants cent montagnes plaintives» («из мертвых и умирающих составилось сто стенающих гор»), приведенного им как цитата из перевода Бребёфа «Фарсалии» Лукана: «De mourants et de morts cent montagnes plaintives».

С. 21, ст. 101. *Вы пойте лучше песнь.* — Смысл этого не вполне понятного призыва проясняется при сопоставлении с оригиналом, у Буало: «Prenez mieux vôtre ton...», т. е. вы лучше держитесь взятого вами тона (и не впадайте в комические преувеличения).

С. 21, ст. 105—106. *Чтоб смысл ~ при знаке стать к покою.* — Речь идет о месте цезуры, которая должна проходить по границе смыслового и грамматического единства полустишия.

С. 21, ст. 107—114. «*В хорее женском ~ в кратком всем неверный*». — Оригинальные стихи Тредиаковского. О тех же правилах русской силлаботоники Тредиаковский говорит в третьей главе «Способа к сложению российских стихов» (с. 79—81).

С. 21, примеч. *Сих осьми стихов, отмеченных двойчатками...* — Слово «двойчатки», по-видимому, означает кавычки. «Словарь русского языка XVIII века», приводя в статье «двойчатки» строки этого примечания Тредиаковского, толкует слово «двойчатка» как «знак на письме, состоящий из двух звездочек (**)» (Л., 1991. Вып. 6. С. 52), что не оправдано как употреблением этого слова во множественном числе, так и отсутствием у Тредиаковского графического обозначения.

С. 21, ст. 118. *...Бежать в литерах долг злых скопов...* — Инверсия: Долг бежать злых скопов в литерах; т. е. следует уклоняться от скопления одних и тех же букв (во французской поэзии классицизма благозвучие определялось не только на слух, но и зрительно).

С. 22, ст. 121—124. *Наш в первы времена Парнасс ~ была в красу и за число.* — Смысл этих строк, по-видимому, следующий: наша ранняя поэзия (Парнас) подчинялась лишь своеволию, состоявшему в употреблении на конце строк рифмы, а также, даже если это нарушало правила языка, рифмы в конце полустиший перед цезурой, рифма и была украшением стиха.

С. 22, ст. 125—126. *Был прежде всех Виллон ~ Смесь стару разобрал...* — Инверсия: Виллон, кой стару, грубых времен смесь в мерах разобрал; у Буало: «Débrouiller l'art confus... Виллон — Вийон (Villon Fr., 1431—1463?), выдающийся французский поэт, среди прочего писал и романсиеры.

С. 22, ст. 128. *...счетал в звон маскарад...* — т. е. начал писать маскарады (театральные пьесы) стихами.

С. 22, ст. 131. *Ронсард* — Ронсар (Ronsard P., 1524—1585), выдающийся поэт французского Возрождения, стремившийся воссоздать во французской поэзии звучание и стиль стиха Древних.

С. 22, ст. 137. *Оплот* — т. е. вал, укрепление.

С. 22, ст. 138. *...Депорта и Бертота.* — Депорт (Desportes F., 1545—1606) — крупнейший французский поэт своего времени; Берто (Bertaut J., 1570—1611) — признанный в свое время французский поэт, автор многочисленных любовных стихотворений и стихотворений на случай.

С. 22, ст. 140. *...Дал чувствовать в стихе всю гладкость...* — У Буало: «une juste cadens».

С. 22, ст. 144. *Зык* — т. е. звук.

С. 22, ст. 145. *Приятности могли в нем строфы научиться...* — Инверсия: В нем строфы могли научиться приятности; в данном случае речь идет о стансах (les stances — строфы), т. е. небольших одах, которые также писал Малерб, более известный своими большими одами. Ср. с названием раздела «Несколько штук, сочиненных строфами...» (см. преамбулу к коммент. к нему, с. 616–617). Свое понимание жанра стансов Тредиаковский изложил в статье «Рассуждение об оде вообще» (см. с. 157).

С. 22, примеч. *Прежние наши стихи, составляемые польским образом...* — т. е. силлабические; ср.: «Способ к сложению российских стихов» (глава первая, § 3, с. 69, глава вторая, § 14, с. 75).

С. 23, примеч. 4. *Verbaque provisam rem non invita sequentur.* — Перевод: За обдуманным содержанием сами собою последуют слова.

С. 23, примеч. *Барбарисм называется то ~ или силою ударена; Солецисм есть ~ против общих грамматических правил сочиненных.* — Ср. с определениями этих терминов, данными Тредиаковским в «Слове о витийстве» и приведенными в примеч. в статье «К читателю» (с. 11).

С. 23, ст. 171—172. *Повольный был бы труд ~ безумныя не зрят...* — Эти строки приведены в качестве примера ямбического мужского гекзаметра в «Способе к сложению российских стихов» (глава вторая, § 15, с. 76); «повольный» — неторопливый, медленный.

С. 23, примеч. 5. *...carmen reprehendite ~ ad unguem.* — Перевод: осуждайте стихотворение, которое не обработано многими днями тщательной полировки и, десятикратно подскобленное, не вылощено под ноготь.

С. 23, ст. 173. *...Стиль борзый, и бежать которому есть шутка...* — Инверсия: Борзый стиль, которому и бежать есть шутка; т. е. стиль, в котором речь легко льется; у Буало: «Un style si rapide».

С. 23, ст. 179. *Спешите не спеша...* — Буало цитирует известную поговорку, оставляя ее без примечания. Оригинальное примечание Тредиаковского перекликается с примечанием к этой строке К. Броссетта: «Ce mot renferme un grand sens. Il étoit familier à l'Empereur Auguste, à l'Empereur Titus, et à plusiers autres grands Hommes. Σπεῦδε βραδέως. Festina lente. Voiez les „Adages" d'Erasme» («Это изречение заключает в себе глубокий смысл. Его часто употребляли император Август и император Тит и другие великие люди. „Адагия" Эразма»). «Адагия» (1536) — книга поговорок, издание Эразма Роттердамского. Идея комментирования этой строки могла быть подсказана Броссеттом; это единственное место русского перевода поэтики, допускающее вероятность использования Тредиаковским в работе его издания. Впрочем, Тредиаковский знал, по-видимому, эту поговорку не от Эразма и Броссетта. Так, позднее он делает примечание в своей философской статье: «Σπεῦδε βραδέως. Festina lente. Спеши не спеша. Светон⟨ий⟩. Август. 25». ([*Тредиаковский В. К.*]. Предуведомление от трудившегося в переводе // [Роллен Ш.]. Римская история... СПб., 1766. Т. 15. С. XIV).

С. 24, ст. 180. *...вы дела пред свой зовите суд...* — Здесь дела — сочинения (у Буало — «votre ouvrage»); ср.: «К читателю», с. 10, см. коммент. на с. 508.

С. 24, ст. 181—182. *Исправивши уже ~ но чаще что убавьте.* — Эти строки приведены в качестве примера ямбического женского гекзаметра в «Способе к сложению российских стихов» (глава вторая, § 15, с. 76).

С. 24, примеч. 7. *Primo ne medium, medio ne discrepet imum.* — Перевод: Чтобы началу не противоречила середина, середине конец.

С. 24, примеч. 8. *...sit quodvis simplex dumtaxat et unum.* — Перевод: что бы у тебя ни было, пусть оно будет простым и единым.

С. 24, ст. 190. *...Не шла искать вдали слов звоном громких смело.* — Инверсия: Не шла смело искать вдали слов, громких звоном.

С. 24, примеч. 9. *Tu seu donaris ~ Derisor vero plus laudatore movetur.* — Перевод: Если ты кому-нибудь что-нибудь подарил или хочешь подарить, не думай приглашать его, полного радости, слушать сочиненные тобою стихи: конечно, он будет кричать: «прекрасно, отлично, верно!», будет над ними бледнеть, будет даже слезы проливать из дружеских глаз, подскакивать, топать ногами о землю. Как те, кто наняты плакать на похоронах, шумят и суетятся едва ли не больше, чем те, кто горюет от души, так и насмешник волнуется больше, чем истинный хвалитель.

С. 25, ст. 211. *Эмфаз* — ср. с определением эмфазиса Тредиаковского в «Письме, в котором содержится рассуждение о стихотворении... ...эмфазис, то есть сильное изображение» (с. 462) и с определением Ломоносова 1748 г.: «Эмфазис есть когда действие или состояние вещи не прямо изображается, но разумеется из другого и чрез то великолепно возвышается» (*Ломоносов М. В.* Краткое руководство к красноречию // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 253).

С. 25, ст. 214. *Обоюдный глас* — двусмысленность (у Буало: «equivoque»).

С. 25, примеч. 10. *Quintilio siquid recitares ~ mutanda notabit.* — Перевод: Если ты что-нибудь читал Квинтилию, он говорил: «Исправь-ка вот это и вот это». Если ты утверждал, что лучше не можешь, и уже дважды и трижды пробовал понапрасну, то он советовал уничтожить дурно обточенные стихи и вновь положить их под молот. Если же ты охотней защищал ошибку, чем исправлял ее, то он больше не тратил попусту ни слов, ни дел, чтобы ты один, без соперника, мог бы любить и себя, и свои сочинения. Всякий честный и разумный муж побранит вялые стихи, осудит грубые, недоработанные заклеймит, повернув перо, черным знаком, урежет избыточные украшения, неясным местам убедит придать ясности, оспорит двусмысленности, отметит то, что следует переделать.

С. 25, ст. 223. *Круг* — здесь: оборот речи (у Буало «ce tour»).

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

С. 26, ст. 14. ...*Он в идиллии своей нам гласит трубою...* — У Буало: d'un églogue entonne la trompette.

С. 26, ст. 18. ...*в лыке...* — в лаптях.

С. 26, ст. 25—26. *Промежду излишеств сих ~ и от Теокрита.* — т. е. эклоги Вергилия и идиллии Феокрита служили образцом для бесчисленных подражаний в жанре идиллии. Феокрит (Теокрит, 1-я пол. III в. до н. э.) —древнегреческий поэт; «дорога бита» — «избитый», общий путь.

С. 27, ст. 32. *Сопель* (цркcл.) — свирель.

С. 27, ст. 36. *Консула достойны в эклоге поля, леса.* — Буало выдвигает требование к жанру идиллии, основываясь на 3-м стихе 4-й эклоги Вергилия: «Лес воспоем, но и лес пусть консула будет достоин» (перевод С. Шервинского).

С. 27, ст. 39. ...*в черном платье, что с хвостом...* — т. е. в траурном платье. Примечание к этой строке принадлежит Тредиаковскому. Отсылка к 8-й элегии III книги Овидия дана по принятой тогда нумерации, здесь цитируется элегия «На смерть Тибулла» (Любовные элегии. III, 9, ст. 3). Этот и следующий стих Овидия приведены Тредиаковским в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» в разделе, посвященном элегии, со следующим переводом:

Плачевная элегия! Распусти неубранные свои волосы,
Ах! Излишно по правде ты ныне имя возымеешь.
(с. 395).

Оба этих латинских стиха приводились в школьных поэтиках, см., напр.: «De arte poetica» Феофана Прокоповича (Прокопович. О поэтическом искусстве. С. 439).

С. 27, ст. 55—56. ...*Иль Овидий нежный ~ издавал устав.* — Инверсия: Иль Овидий нежный, пристав к сладости гласа, издавал красный устав своея «Науки»; т. е.: Овидий, присоединившись к сладким звукам, издал законы своей «Науки» («Науки любви»).

С. 27, ст. 61. ...*То атлетам на играх подвиг отверзает...* — Здесь обыгрывается тема од греческого поэта Пиндара (521—441 до н. э.), воспевшего олимпийские состязания; о его восприятии Буало и Тредиаковским см.: «Рассуждение об оде вообще», с. 157 и коммент. на с. 586—587.

С. 28, ст. 68. ...*С уст и поцелуя полученного успех...* — Инверсия: И успех полученного с уст поцелуя.

С. 28, примеч. 2. ...*facili saevitia negat... ~ Horat. lib. 2. od. 12.* — Тредиаковский вслед за Буало неверно указал оду Горация: «lib. 2. od. 2». Перевод: «в шутку упорствуя, Отстранит, чтоб силком ты поцелуй сорвал» (перевод Г. Ф. Церетели).

С. 28, ст. 71. *Быстра в оде слога часто есть отважен ход...* — Инверсия: В оде ход быстра слога часто есть отважен.

С. 28, ст. 85. ...*в двух четвернях...* — т. е. в четверостишиях (катренах); у Буало: «deux quatrains».

С. 28, ст. 87. ...*шестерню стихов...* — т. е. шестистишие, два терцета; у Буало: «six vers».

С. 28, ст. 88. ...*Так, чтоб две тройчатки смыслу разному делить.* — Инверсия: Так, чтобы разному смыслу делить две тройчатки; т. е. терцеты в сонете должны быть разделены по смыслу.

С. 28, ст. 92. ...*Бывшему и слову паки место в оном брать.* — Инверсия: И бывшему слову паки брать место в оном; т. е. повторять уже употребленные слова.

С. 28, ст. 95. *Но вотще ту сонмы получить себе мнят часть...* — Инверсия: Но вотще сонмы мнят получить себе ту часть; у Буало: «Mais en vain mille auteurs y pensent arriver».

С. 28, ст. 97. *...в Мейнарде и в Гомбе ~ в Мальвиле...* — Менар (Maynard Fr., 1582—1646) — религиозный писатель, поэт; Гомба (Gombauld J.-O., de, 1570—1666) — автор панегирических стихов; Мальвил (Malleville Cl., 1596—1647) — поэт школы Малерба; все трое писали главным образом сонеты.

С. 28, ст. 99. *...как Пелтиерских...* — т. е. принадлежащих Пелтье (у Буало: «que ceux de Pelletier»). Ж. Пелетье (Pelletier J., 1517—1582) — заметный литератор и переводчик своего времени, но малозначительный поэт.

С. 29, ст. 100. *...А Серсийвы в лавку на обертки вскачь бегут.* — У Буало: «N'a fait de chez Sercy, qu'un saut chez l'épicier»; Тредиаковский, видимо, не знал, что Ш. Серси — парижский продавец, и исказил смысл стиха.

С. 29, ст. 101. *Чтоб в предписанном смысл свой заключить пределе...* — Инверсия: Чтоб заключить в предписанном пределе свой смысл. У Буало этот и следующий стих: «Pour enfermer son sens dans la borne prescrite, La mesure est toujours trop longue ou trop petite».

С. 29, ст. 103. *Вольность в эпиграмме больша, но кратчайший круг...* — т. е. эпиграмма не требует такой строгости формы, но она короче. Буало называет эпиграммой стихотворение в несколько строк с пуантом на конце. В поэтиках барокко, в том числе русских, жанр эпиграммы понимался много шире: к нему относили все небольшие по объему стихотворения. Ср.: примеч. Тредиаковского на с. 22 Песни первой, где мадригалы, триолеты и рондо им зачисляются в «класс эпиграмм». В барочной классификации к эпиграмме относили и сонеты (ср.: «Способ к сложению российских стихов», глава седьмая, § 6, с. 95).

С. 29, ст. 107. *Обще ослепившись оных всех чрез тонку лесть...* — Инверсия: Обще ослепившись чрез тонку лесть всех оных.

С. 29, ст. 109. *Общество приятством глас дерзости взбудило...* — Инверсия: Приятством общество взбудило глас дерзости; т. е. своим приятием остроумия в поэзии общество возбудило (поощрило) дерзость.

С. 29, ст. 116. *Любитель* — т. е. влюбленный.

С. 29, ст. 131. *...Шалей...* — т. е. дураков.

С. 29, ст. 133—136. *Мысль не та, чтоб иногда ~ они-то смех...* — Общий смысл этих четырех стихов: имеется в виду не то, чтобы иногда Муза, касаясь слов, не играла чуть-чуть лукаво и намеками не обеспечивала успех смысла, но следует в этом избегать излишеств, так как они комичны. «Отверница» — иносказание, намек.

С. 29, ст. 138. *Сурмильце* — палочка для сурмления (чернения) бровей, усов.

С. 30, ст. 140. *Галл рондо, родившись...* — Инверсия: Рондо галл, родившись; т. е. рондо галлов, точнее было бы: рондо, рожденное галлами; у Буало: «Le rondeau, né gallois...».

С. 30, ст. 141—142. *Весь старинному ~ рифм одних прибору.* — Инверсия: Весь баллад, подданный старинному убору, одолжен часто блеском прибору одних рифм; т. е. вся баллада, подчиненная старинным правилам украшения,

своим блеском часто обязана употреблением на всем своем протяжении одной-единственной рифмы; у Буало: «au caprise des rimes».

С. 30, ст. 143. *...взнося достойней бровь...* — т. е. благороднее; у Буало: «et plus noble en son tour».

С. 30, ст. 146. *...Жар стихами воружил с правдою сатиру.* — Инверсия: Жар воружил сатиру стихами с правдою; т. е. правдивыми стихами. Стихи 145—146 приведены А. Байбаковым в качестве примера женского хореического гекзаметра в «Правилах пиитических» (см.: Байбаков, 1774. С. 9).

С. 30, ст. 147—148. *Прежде всех Луцилий ~ зеркало сие подать...* — Эти стихи приведены А. Байбаковым в качестве примера мужского хореического гекзаметра в «Правилах пиитических» (см.: Байбаков, 1774. С. 9). Луцилий (ок. 180—102 до н. э.) — изобретатель жанра сатиры; сохранились фрагменты 30 книг его сатир, определивших форму и характер сатир Горация и Персия.

С. 30, ст. 155. *Персий стих свой мраком всюду теснейше сплотил...* — У Буало: «Perse, en vers obscurs, mais serrés et pressans». Персий (34—62) — римский сатирик.

С. 30, ст. 157. *Ювенал* (60—127) — римский поэт, автор эпиграмм и сатир.

С. 30, ст. 158. *...Надлежащих свыше мер вскликнул в гиперболе.* — Инверсия: Свыше надлежащих мер вскликнул в гиперболе. «Гипербола» — ср. с определением Ломоносова: «Ипербола есть повышение или понижение слова невероятное» (*Ломоносов М. В.* Краткое руководство к красноречию // Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 251).

С. 30, ст. 162. *...статуу Сеяна...* — Сеян — наместник императора Тиберия.

С. 30, ст. 164. *...Мнительну тирану в страхе бледнейших льстецов...* — Инверсия: бледнейших льстецов мнительну в страхе тирану. Впрочем, «в страхе» может относиться и к льстецам; у Буало: «D'un Tyran soupçonneux, pâles adulateurs».

С. 30, ст. 165. *...низводя роскошь зла в долину...* — Инверсия: низводя роскошь в долину зла.

С. 30, ст. 166. *...ярыгам продает римску Мессалину.* — Ярыга — мелкий служащий из блюстителей порядка; Мессалина — жена императора Клавдия, имя которой, опозоренное развратом, осталось в веках благодаря сатирам Ювенала.

С. 30, ст. 169. *Ренниэр* (Régnier M., 1573—1613) — французский поэт, автор сатир.

С. 31, ст. 182. *Песня-водевиль* (forma le vaudeville) — во второй половине XVII—первой половине XVIII в. шутливые песни-импровизации, певшиеся на известные мелодии. В таком значении их упоминает Тредиаковский в статье «Мнение о начале поэзии и стихов вообще» (Пиерид «воспевал с дочерьми своими, ходя по улицам, какие-нибудь песни, сочиненные стихами, наподобие французских водевилей», с. 102). Позднее водевили стали включаться

в драматические спектакли, а затем, видоизменившись, приобрели сценическую самостоятельность. В старинном значении термина водевили в России писал Сумароков (см. его театральные песни и хоры: *Сумароков А. П.* Полное собрание всех сочинений. М., 1787. Т. 8).

С. 31, ст. 184. ...*С уст в уста преходит и взрастает, как бы сев.* — т. е. переходя из уст в уста, она вырастает, как будто посев.

С. 31, ст. 194. *Линиер* (Lenière Fr., 1628—1704) — французский поэт-сатирик.

С. 31, ст. 197. ...*Гордый автор как своим песням зрит расходы...* — Инверсия: Как гордый автор зрит расходы своим песням; т. е. когда гордый автор видит, что его песни расходятся.

С. 31, ст. 198. ...*пиит с природы...* — т. е. настояший, прирожденный поэт (а не стихотворец).

С. 31, ст. 200. ...*Скорых шесть препишет штучек...* — т. е. перепишет шесть наскоро написанных пьесок; «штучка» — см. коммент. к с. 15 статьи «К читателю», с. 512.

С. 31, ст. 201—204. ...*Да и дивно, что дела ~ пред собранием таким.* — т. е.: удивления достойно, что, думая, что его труды выше среднего, он печатает их, в то время как они лишь глупые бредни, в таком их собрании он не выглядит каким-либо мастером, увенчанным лавром.

ПЕСНЬ ТРЕТИЯ

С. 31, ст. 2. ...*Кой чрез искусство б быть не мог приятных рода...* — т. е. который не мог бы с помощью искусства стать приятным.

С. 31, ст. 3. ...*Полезным нежна кисть художеством своим...* — Инверсия: Нежна кисть своим полезным художеством.

С. 32, ст. 5—8. *Так, нас бы веселить ~ тем привела к слезам.* — т. е. таким образом, для того, чтобы нас развлечь, настоящая трагедия изобразила скорбь Эдипа в крови, Орестову печаль, убившего своего отца, — рыдая, и, вместо того чтобы нас позабавить, привела этим к слезам. Имеется в виду трагедия Софокла «Эдип-царь» и трагедия Еврипида «Орест».

С. 32, ст. 10. ...*И за стихи хвала где пышны вам нелестна...* — Инверсия: И где хвала за пышны стихи вам не лестна; т. е. в театре (в драме) похвала за пышные стихи не лестна.

С. 32, ст. 11. ...*на нем такой представить труд...* — т. е. поставить в театре такую вещь, пьесу.

С. 32, ст. 12—14. ...*Чтоб град тот, зря в толпах ~ в вид просимый?* — т. е. чтобы город, люди («град... в толпах»), смотря пьесу, одобрили ее своим судом, и, чтобы чем больше эту пьесу смотрели, тем прекраснее она становилась, и спустя двадцать лет еще просилась к постановке.

С. 32, ст. 27. ...*действа быт*... — т. е. существо действия, сюжет.

С. 32, ст. 31. ...*узла, что толь крут*... — У Буало: «une pénible intrigue».

С. 33, ст. 45. ...«*В том месте, в день один, один бы случай цельный*»... — Сформулированное в этом стихе знаменитое правило триединства классицистической драмы в отличие от Буало выделено Тредиаковским кавычками и в СП, и в НР.

С. 33, примеч. 1. *Ficta voluptatis causa ~ poscat sibi fabula credi*... — Перевод: Все, что вымышлено ради наслаждения, пусть будет близко к действительности, пусть пьеса не требует, чтобы ей верили во что бы то ни стало.

С. 33, примеч. 2. Segnius irritant ~ facundia praesens. — Перевод: То, что дошло через слух, слабее волнует души, нежели то, что предстало непогрешающим очам и в чем зритель сам себе отдает отчет. Однако не выноси на сцену того, чему подобает совершаться внутри, и скрой от глаз многое, о чем поведает красноречие очевидца.

С. 33—34, ст. 60—74. ...*Переменяет все в иной вид ~ Представил игрока, обутого прилично*. — Ср.: «Рассуждение о комедии вообще», с. 252.

С. 33, примеч. 3. Ignotum Tragicae genus ~ peruncti faecibus ora. — Перевод: По преданию, Феспис первый открыл неведомый дотоле род трагической музы, и возил на телегах свои произведения, в которых пели и играли актеры, вымазавшие лица дрожжами. Феспис (VI в. до н. э.) — легендарный основатель древнегреческой трагедии; в 534 г. на Великих Дионисиях он впервые представил трагедию, где наряду с хором участвовал актер-декламатор.

С. 33, примеч. 4. *Carmine qui Tragico vilem certavit ob hircum*. — Перевод: Кто трагическою песнью состязался за жалкого козла.

С. 33, примеч. 5. Τραγῳδία ~ τρυγός. — Перевод: Трагедия — от козла. Тригедия — от виноградных дрожжей.

С. 34, ст. 69—70. ...*С телеги, платье дав ~ зрелище то ново*. — Инверсия: Он представлял идущим с телеги то ново зрелище, дав (тем), кому играть, сурово платье; т. е. он давал представления прохожим прямо на телеге, раздавая играющим грубые костюмы.

С. 34, ст. 71. ...*игрателей*... — У Буало: «les personages».

С. 34, ст. 72. ...*харьками*... — т. е. масками; у Буало: «un masque».

С. 34, примеч. 6. *Post hunc personae ~ nitique cothurno*. — Перевод: После него Эсхил, изобретатель маски и благородного плаща, настлал подмостки на высоких брусьях и научил трагедию говорить великое и опираться на котурн.

С. 34, ст. 78. ...*негладкости в стихах*... — У Буало: «des vers trop raboteux».

С. 34, ст. 81. *Побожных*... — т. е. набожных (польск. pobożny).

С. 34, ст. 83—86. *Молебщиков, есть слух ~ Бога честна*. — Речь идет о средневековых мистериях; «молебщики» — богомольцы (у Буало: «de pélerins»);«грубый сбор» — труппа (у Буало: «une troupe grossière»).

С. 34, ст. 90. ...*За баснь, за Илион хвататься паки стали*... — т. е. снова для пьес стали брать вымышленные сюжеты, сюжет Троянской войны.

С. 34, ст. 92. *...скрыпица...* — т. е. скрипка.

С. 34, ст. 94. *...повести...* — У Буало: «des romans»; здесь и далее Тредиаковский так переводит термин «роман».

С. 34, С. 98. *...Но их, как пастушков, не делайте умильных.* — т. е. не делайте их умильными пастушками.

С. 34, ст. 100. *Не сделался б у вас из Кира Артамен...* — Стих содержит выпад Буало против претенциозного романа М. Скюдери «Артамен, или Великий Кир» (1649), в котором персидский царь изображен галантным вельможей.

С. 35, примеч. 7. *Aut famam sequere ~ Iura negat sibi nata...* — Перевод: Или следуй преданью, писатель, или соблюдай, сочиняя, внутреннее соответствие. Если, к примеру, ты вновь выводишь славного Ахилла, пусть он будет неутомим, гневлив, непреклонен, пылок, пусть отвергает законы над собой.

С. 35, ст. 117. *...наш зрак...* — т. е. облик; у Буало: «notre portrait».

С. 35, ст. 130. *...И Юба, и Калпрнед взросли при том же солнце.* — т. е. Юба и Калпрнед, — герой и его автор, схожи между собой; Готье де Коста Ла Кальпренед (G. De Coster La Calprenede, 1610—1663) — французский писатель, уроженец Гасконии.

С. 36, примеч. 8. *...tristia maestum ~ Fortunarum habitum...* — Перевод: Горестные слова приличествуют скорбному лицу, гневному — полные угроз, веселому — игривые, суровому — строгие. Ведь природа сперва внутренно настраивает нас применительно ко всякому стечению обстоятельств.

С. 36, примеч. 9. *Et tragicus plerumque dolet sermone pedestri. ~ tetigisse querella.* — У Буало пропущено начальное «Et». Перевод: Телеф и Пелей, тот и другой в нищете и изгнании, забывают о пышности и словесах в полтора фута, то часто и трагик изъявляет их скорбь приниженной речью, если старается тронуть сетованием душу зрителя.

С. 36, ст. 138. *...«Где устьями седмью в Эвксин река Дон впала?»* — Буало цитирует во французском переводе стих из «Троянок» («Troades») Сенеки: «Septena Tanain ora pandentem bibit» (v. 9).

С. 36, ст. 160. *...эпический рог...* — т. е. сила эпический поэзии; толкование слова «рог» см.: *Алексеев М. П.* «Пророче рогатый» у Феофана Прокоповича // Алексеев М. П. Сравнительное литературоведение. Л., 1983. С. 96—118.

С. 37, ст. 170. *...шурмует.* — т. е. воюет, полонизм (szurmować).

С. 37, ст. 193—203. *Итак вотще писцы ~ богопреступна смесь...* — В статье «Предызъяснение о ироической пииме» Тредиаковский дважды ссылается на это место, повторяя найденный им при переводе оборот «богопреступство правде»: «„производящих в действо Бога, Пророков его и Святых, равно как вымышленных оных богов пиитических“ называет он (Буало. — *Н. А.*) *богопреступством* данный вид басен *правде*» (с. XVI, XLI).

С. 37—38, ст. 195—216. *Мнят Богу действо дать ~ Не усладили всей той книги наперед.* — Фрагмент содержит выпад против поэмы «Освобожденный

Иерусалим» Торквато Тассо (1544—1595), высоко ценимой в XVII в. и последовательно критикуемой Буало. В 1735 г. Тредиаковский называл Тассо в числе пяти лучших авторов в роде «эпической поэзии» (см.: Новый и краткий способ к сложению российских стихов. С. 417). Веелзевул (ст. 198) — здесь: одно из имен сатаны.

С. 37—38, ст. 199—200. *Но веры во Христа ~ быть удобряем крас.* — Инверсия: Но глас ужасных таинств несроден быть удобряем от таких крас веры во Христа; т. е. оглашение таинств, вселяющих ужас, не должно поддерживаться прикрасами веры во Христа.

С. 38, ст. 217—221. *Сие не для того, чтоб в слоге христианском ~ Тритонов с вод согнать, что бытность их погана...* — Тредиаковский, видимо, разделял мнение Буало о неуместности в современной поэзии мифологических персонажей. Ср.: ...на что сии Нептуновы песнопевцы здесь? Не можно ль бы христианину было и без них обойтись толь в важном описании? Боже преблагий! Благочестивейшему императору, истиннейшему христолюбцу и правовериейшему христианину, в вере скончавшемуся, богомерзкие Тритоны песнь поют!» (Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении... С. 467).

С. 38, ст. 227—236. *Вот Мудрость запретят писать с такой тоски ~ От Бога вечных правд весь отлучим лжи след.* — Перевод Тредиаковского не совсем ясен. Речь идет о том, что злоупотребление украшением сочинений мифологическими персонажами приводит к гонению на аллегории вообще.

С. 38, ст. 238. *...имена все для стихов выразных...* — т. е. имена наполняют стихи выразительностью, звучностью; «выразных» — т. е. выразительных.

С. 39, ст. 242. *Шилбранд* (Хильдебрант) — герой поэмы Ж. Карель де Сент-Гарда «Childebrand, ou les Sarrasins chassés de Françe» («Хильдабран, или Сарацыны, изгнанные из Франции», 1666).

С. 39, ст. 243. *Жестоко иногда иль дико имя...* — т. е. имя жесткое, неблагозвучное или дикое, без культурных ассоциаций. Ср. с прозаическим переводом Тредиаковского этого места: ...ибо жестокое, дикое и новое в сей пииме имя приводит всю ее в осмеяние и дает сей вид грубый и варварский» (Предызъяснение. С. XVI). В другом месте «Предызъяснения... Тредиаковский, рассуждая об именах героев эпопеи, ссылается на этот стих Буало: ...но *Генрик*, поражающий наши слухи не знаю чем гофическим и неприятным, для того что ирой *Шилбранд*, осмеянный от Боало-Депрео, и *Генри* ирой суть одного поля, да так сравню, ягоды» (с. XXXIX—XL).

С. 39, примеч. *...наш Петр Великий был герой в с е м больше Лудовика XIV, по мнению и чужестранных народов.* — Вероятно, Тредиаковский имел в виду «Сравнение между Людовиком XIV и Петром Алексеевичем, Российским императором, в рассуждении славы», переведенное им из английского «Спектатора» (опубл.: *Левин Ю. Д.* Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века // Эпоха Просвещения. Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967. С. 81—83). О перекличке основной мысли

«Сравнения» с этим примечанием см.: *Серман И. З.* Тредиаковский и просветительство (1730-е гг.) // XVIII век. Л., 1968. Вып. 5. С. 217.

С. 39, ст. 251. *Полиник* — один из двух сыновей царя Эдипа, вражда между которыми легла в основу сюжета трагедии Эсхила «Семеро против Фив» и эпопеи Публия Папиния Стация (ок. 45—96) «Фиваида», против которой и направлены эти стихи.

С. 39, ст. 253. *...впадениям...* — т. е. отступлениям.

С. 39, ст. 258—259. *...Описывать бы ж вам богато, пышно, в диво, Долг здесь то красоту...* — т. е.: чтобы описывать богато, пышно, удивительно, должно всегда заботиться о красоте стихов.

С. 39, ст. 262—264. *...И раздвоенных волн ~ всю смотрящу рыбу ход...* — Инверсия: И изъявляя в средине раздвоенных волн жидов, избавлшихся от лютости господ, ставит там в окнах всю рыбу, смотрящу ход.

С. 39, примеч. *«Рыб удивленный род их смотрит всех идущих» ~ из «Моисея спасенного».* — То же у Буало, который приводит, обыгрывая, строку из поэмы Сент-Аманда «Спасенный Моисей»: «Les poisons èbahis les regardent passer».

С. 40, ст. 272. *...«Победника пою победников земных».* — Перевод приведенного Буало первого стиха поэмы Ж. С. Скюдери «Аларих»: «Je chante le Vainqueurs de la terre».

С. 40, ст. 273. *Некошный* — нечистый, дьявольский (црксл.). В сознании современников это слово было закреплено за творчеством Тредиаковского (ср.: «Дорогу некошну, вонючие лисички...» — *Ломоносов М. В.* Зубницкому // Ломоносов М. В. Поли. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 630).

С. 40, примеч. 10. *Nec sic incipies ~ miracula promat.* — Перевод: И не начнешь так, как некогда киклический оный писатель: «Участь Приама и достославную войну буду я воспевать... Что достойное толь великого зачина дает такой возвещатель? Горы измучатся родами, а родится смешная мышь. Насколько правильнее поступает тот, кто нимало не надрывается понапрасну: «Поведай мне, Муза, о муже, который по взятии Трои многих людей повидал города и обычаи... Ни дым из света, но свет из дыма замышляет он исторгнуть, чтобы явить из него дивные красоты.

С. 40, примеч. 11. *Arma virumque cano ~ Laviniaque venit Litora...* — Примечение принадлежит Тредиаковскому.

С. 40, ст. 291. *Ариост* — Людовико Ариосто (1674—1533), итальянский поэт, автор поэмы «Неистовый Роланд» (1516—1532), исполненной веселости.

С. 40, ст. 293—294. *...Кой в мрачности своей ~ взыграли б в нем очесным.* — Инверсия: Кой в своей мрачности почел б себе бесчестным, Как лепоты взыграли б в нем очесным взором; т. е.: который в своей мрачности почел бы для себя бесчестным, если бы красоты видимо, явно («очесным взором») взыграли в нем.

С. 40, ст. 295—296. *Всяк скажет, что Гомер ~ Венериным себя мог поясом снабдить...* — Речь идет о том, что Гомер обладал чудесным талантом, тайна

которого подобна тайне обаяния Венеры, скрытой в «венерином поясе», ее постоянном атрибуте.

С. 41, ст. 309. ...*в обрате гладком*... — т. е. написанной гладким стилем.

С. 41, ст. 310. ...*припадком*... — т. е. в спешке.

С. 41, ст. 312. ...*за трудность*... — т. е. за трудностью, по причине трудности.

С. 41, ст. 313. ...*в нас пиит*... — т. е. между нами поэт.

С. 41, ст. 315. ...*с химерою во лбу*... — т. е. с бреднями в голове; у Буало: «son esprit chimérique».

С. 41, ст. 325. *Обретений*... — т. е. изобретений; у Буало: «invention».

С. 41, ст. 329—330. *Пока еще тот смысл, в сем возвратившись нраве, На свет произведет труды его во славе*... — У Буало: «le bon sens de retour».

С. 41—42, ст. 336—354. ...*В Афинах стару дал комедию узреть. ~ иль зреть не мнил ни вмале.* — Ср.: «Рассуждение о комедии вообще», с. 253—254.

С. 42, ст. 339. ...*скоморошство*... — У Буало: «une bouffone joie».

С. 42, ст. 342. ...*Достоинству за смех бывал обогащаем*... — Инверсия: Бывал обогащаем за смех достоинству; т. е. за осмеяние достоинства.

С. 42, примеч. *«Облака», комедия Аристофана на Сократа.* — Тредиаковский добавил к примечанию Буало «на Сократа».

С. 42, ст. 346. ...*Там помощи нашлось в уставах все довольство*... — Инверсия: Там нашлось все довольство помощи в уставах.

С. 42, примеч. 12. *Successit vetus his Comoedia ~ Turpiter obticuit.* — Перевод: Тредиаковский исправил допущенную Буало ошибку: «his» вместо «huic». Перевод: За ними последовала древняя комедия, и не без великой славы; но ее свобода впала в порочную крайность и стала насилием, заслуживающим вмешательства закона; был принят закон, и комедийный хор постыдно умолк, лишенный возможности вредить.

С. 42, ст. 352. *Менандр* — см. коммент. к с. 9 статьи «К читателю» (с. 506).

С. 42, ст. 353—354. *Изображенный всяк ~ не мнил ни вмале.* — Эти стихи Тредиаковский приводит как цитату из поэтики Буало в «Рассуждении о комедии вообще» (см. с. 254) и в переводе «Древней истории» Роллена (СПб., 1760. Т. 5. С. 99).

С. 42, ст. 369. *В изводстве естество лиц есть многообразно*... — Смысл стиха не вполне ясен, вероятно, он следующий: в выборе лиц природа многообразна; у Буало: «La nature, féconde en bizarres portraits».

С. 43, ст. 371. ...*Один обрат*... — У Буало: «un geste».

С. 43, ст. 373. *Меняя время все и нравы в нас меняет*... — Инверсия: Время, все меняя, меняет и нравы в нас.

С. 43, примеч. 13. *Aetatis cuiusque notandi ~ naturis dandus et annis.* — Перевод: Ты должен примечать характер каждого возраста и придавать должное соответствие переменчивости природы и лет.

С. 43, примеч. 14. *Imberbis iuvenis... ~ Se puero, censor, castigatorque minorum.* — Перевод: Безбородый юноша ⟨...⟩ податлив, как воск, на дурное, противится увещателям, поздно начинает заботится о пользе, сорит деньгами, высокомерен, жаден, но быстро бросает желанное. В пору мужества душевные склонности переменяются, человек ищет богатств и связей, рабски гоняется за почетом, избегает браться за то, что затем придется переделывать. Старец окружен многими беспокойствами — потому ли, что он, несчастный, ищет, но от найденного воздерживается, потому ли, что всем он распоряжается боязливо и равнодушно; медлительный, с дальними замыслами, бессильно жаждущий пожить, своенравный, брюзгливый, он хвалит былые времена своего детства, судит и бранит тех, кто моложе его.

С. 43, примеч. 15. *...ne forte seniles ~ pueroque viriles.* — Тредиаковский к этому стиху и ст. 388 дал по примечанию, в отличие от Буало, сделавшего в примечании к ст. 388 отточие в цитате, за которым следуют строки настоящего примечания. Перевод: пусть же не поручаются роли стариков — юноше, а роли взрослых — мальчику.

С. 44, ст. 398. *...И с Табарином в стыд Терентья съединяя...* — Табарин (Tabarin J.-S., 1584—1633) — знаменитый балаганный актер и автор фарсов, имя которого стало нарицательным, а найденное им амплуа — маской табарин; Терентий — Теренций, см. коммент. к с. 9 статьи «К читателю», с. 506.

С. 44, примеч. *Комедия Молиерова, «Мизантропом» названная.* — Здесь варьируется примечание Буало, сделанное им к слову «Scapin» в ст. 399.

С. 44, ст. 415—420. *Смотрите, как отец в Теренции шумит ~ Но сам любовник-сын и сам отец прямой.* — Пересказ сюжета комедии Теренция «Свекровь».

С. 44, ст. 424. *...с обиняком...* — У Буало: «à grossiére équivoque»; ср.: ст. 214 Песни первой, с. 25.

С. 44, ст. 427. *...обставшим...* — т. е. окружившим.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ

С. 45, ст. 4. *...желал сиротка паки от него отца...* — т. е. сиротка хотел, чтобы врач вернул ему отца.

С. 45, ст. 6. *...мер...* — т. е. умирал.

С. 45, ст. 7. *От него колотьем делался насморки вред...* — Инверсия: Вред насморки (насморка) делался от него колотьем (т. е. лихорадкой).

С. 45, ст. 12. *...Здания богаты любящий то был аббат.* — Инверсия: То был аббат, любящий богаты здания.

С. 45, ст. 14. *Мансард* — Мансар (Mansard Fr., 1597—1666), выдающийся французский архитектор.

С. 45, ст. 15. *...столову...* — У Буало: «un salon».

С. 45, ст. 16. ...«*Сеням*... — У Буало: «la vestibule».

С. 45, ст. 22. ...*с привесом*... — т. е. с отвесом.

С. 45, ст. 23. ...*на Галене*... — Тредиаковский не понял смысла стиха Буало: «Laissant de Galian, la science suspecte» («Галена тяжкий труд навек оставил он», пер. Э. Линецкой). Гален (129—199) — знаменитый римский врач.

С. 45, ст. 28. ...*канюком*. — т. е. попрошайкой.

С. 45, ст. 34. ...*Боера ~ с Пеншеном*... — Боер — Буае (Boyer Cl., 1618—1698), французский поэт и проповедник; Пеншен (Pinchêne É. M., 1616—1703) — французский поэт.

С. 45—46, ст. 35—36. *Уж Рампаль не чтется ~ и Менардиер, И Меньнион с Сугетом, и Корбень, и ла Морльер*. — Рампаль (Rampalle, ?—1660), Менардиер (La Mesnardière H.-J. Pilet, de, 1610—1663), Меньнион (Magnon J., ?—1662), Сугет (Souhait Du, кон. XVII—нач. XVIII в.), Корбен (Corbin J., 1580—1653) — французские поэты; ла Морльер (La Morlièr A., de, первая половина XVII в.) — историк древностей, писавший стихи.

С. 46, примеч. *Цирано-Бержерак, автор «Путешествия в Луну»*. — Сирано де Бержерак (Cyrano de Bergerac S., 1619—1655) — французский писатель, поэт. Философский роман «Иной свет, или Государства в империи Луны» («L'autre monde ou les Etats et les Empires de la Lune»), изданный посмертно в 1757 г., содержит резкие и остроумные выпады против властей и церкви.

С. 46, ст. 40. *Мотень* (Motin P., ?—1613) — французский поэт круга Малерба и Ракана (см. коммент. к с. 18, ст. 17 Песни первой, с. 518).

С. 46, ст. 47. ...*трагический оборот*... — т. е. поворот судьбы; у Буало: «l'aventure tragique».

С. 46, ст. 48. *Гомбот* — Гомбо (Gombauld J. O., de, 1590—1666), французский поэт, панегирист, пользовавшийся большим успехом при дворах Генриха IV и Людовика XIII, но вскоре затем забытый.

С. 46, ст. 49. ...*рядом*... — т. е. подряд.

С. 46, ст. 52. ...*Всем то честь повсюду каждый бы в вас не ристал*. — т. е. каждый из вас не избегал бы читать это всем повсюду.

С. 46, ст. 67. ...*Света обнаженный вовсе слабый разум в нем*... — Стих не понятен; возможно, следовало бы читать: «свету обнаженный вовсе слабый разум в нем»; у Буало этот и следующий стихи: «Son esprit se complait dans ses faux jugemens; Et sa foible Raison, de clarté dépourvue».

С. 47, ст. 77—80. *Скажет он, в восторге как ~ за предписанный предел*. — Инверсия: Он скажет, как и в каком восторге разум сильный, иногда беспомешно сжатый в беге правилами, столько становится смел, что успешно уходит прямо за предписанный предел.

С. 47, ст. 83—84. *В городе тот славу за стихи мог получить, Что ж Лукан, Виргилий не умеет различить*. — т. е. несмотря на то что стихотворец бойко пишет, он не видит разницы между Луканом и Вергилием; у Буало: «Tel s'est fait par ses vers distinguer dans la ville? Qui jamais de Lucain n'a distingué

Virgile». Неразличение Лукана и Вергилия выявляет, по Буало, полное непонимание поэзии (см. примечание Тредиаковского к этому стиху, где таким писателем назван Корнель). Возможно ориентируясь на это место поэтики, высказался в том же смысле Роллен, слова которого сочувственно повторил Тредиаковский: «Равнять Лукана Марону, — как то умствует Роллин, — то тем не превозносить первого, но показывать в себе самом малое знание силы в деле» (Предызъяснение. С. XVII). См. также коммент. к с. 100 «Мнения о начале поэзии...» (с. 564—565).

С. 47, примеч. 1. *Centuriae seniorum ~ Lectorem delectando pariterque monendo.* — В первом стихе цитаты в русском тексте была допущена опечатка: «cet» вместо «etc». Перевод: Старшие центурии возмущаются тем, что не приносит пользы ⟨...⟩ Общее же одобрение получит тот, кто смешает полезное с приятным, равным образом и развлекая и поучая читателя.

С. 47, ст. 97. *...разумов урочных...* — т. е. назидательных умов.

С. 47, примеч. *Корнелиева самая первая трагедия ~ Родриг и Шимена.* — Примечание принадлежит Тредиаковскому.

С. 47, примеч. *Виргилиева Энея любовница ~ себя заколола с отчаяния.* — Примечание принадлежит Тредиаковскому.

С. 48, ст. 106. *...Сердца не вредит, сладя словом чувства чинно...* — Инверсия: Не вредит сердца, чинно сладя чувства словом; «сладя» — подслащая.

С. 48, ст. 108—109. *...Тем, была б душевный добродетель всем вам дар, Разум кажет нам вотще силу благородну...* — т. е.: в том случае, если для вас добродетель не есть душевный дар, разум проявляет благородство напрасно.

С. 48, ст 116. *...у знатных...* — т. е. у известных, прославленных; у Буало: «les grands».

С. 48, ст. 118. *...с ними...* — т. е. со знатными (славными).

С. 48, ст. 120. *...И бесчестным чести ухищрением не красть.* — Инверсия: И не красть чести бесчестным ухищрением.

С. 48, ст. 121—122. *Делом бы одним стихи ~ живучи правдиво...* — Эти стихи приведены в качестве примера хореического женского гекзаметра в «Способе к сложению российских стихов» (см.: глава вторая, § 10, с. 74).

С. 48, ст. 133—134. *Прежде разум, неж еще ~ добрым часом...* — Инверсия: Еще прежде, неж разум, изъясняясь гласом, научил, дав добрым часом людям уставы; у Буало: «la raison, s'expliquant par la voix...

С. 49, ст. 143. *...Все злодейства страхом удержало грозных мук...* — Инверсия: Удержало все злодейства страхом грозных мук.

С. 49, ст. 145. *Сей от первых чин стихов, говорят, родился.* — Инверсия: Говорят, сей чин родился от первых стихов; «сей чин» — т. е. порядок; у Буало: «Cet ordre fut, dit-on, le fruit des premiers vers».

С. 49, ст. 152—153. *После стих ответам ~ божеским тем жаром...* — Инверсия: После небеса попустили стих ответам с уст жреца, взбужденного тем божеским жаром.

С. 49, ст. 154. ...*В слоге Аполлин стихов провещал там яром.* — Инверсия: Там Аполлин провещал в яром слоге стихов.

С. 49, примеч. 2. *Silvestris homines sacer interpresque deiorum ~ Ducere quo vellet...* — Перевод: Орфей, святой толкователь воли богов, отвратил лесных людей от резни и от гнусной пищи, потому и говорят, что он укрощал тигров и яростных львов. И Амфион, говорят, основатель фиванского града, звуками черепаховой лиры сдвигал каменья и сладостными заклинаниями вел их, куда хотел.

С. 49, ст. 159—160. *Многими твореньми мудрость изображена ~ в пользу предвозвещена...* — Эти стихи приведены в качестве примера хореического мужского гекзаметра в «Способе к сложению российских стихов» (см.: глава вторая, § 10, с. 74).

С. 49, ст. 163—164. *Благодейств сих Музам ~ в Греции зажгло...* — Инверсия: За толикое число сих благодейств благодарство в долге зажгло в Греции ладан музам.

С. 49, ст. 165. ...*Их науки приводя им служений к нраву...* — Инверсия: Их науки служений, приводя им к нраву.

С. 50, ст. 179. ...*нужну...* — т. е. нуждающуюся.

С. 50, примеч. 3. ...*Neque enim cantare sub antro ~ cum clamat Horatius, Euhoe.* — Перевод Д. С. Недовича:

...Не будет певцом пиэрийского грота,
Тирса не сможет держать — бедняк печальный, лишенный
Всех тех средств, что нужны его телу днем или ночью:
Клич заздравный творя, Гораций, конечно, был сытым!

С. 50, ст. 185. *Колтет* — Фр. Кольте (Colletet Fr., 1628—1680), французский поэт.

С. 50—51, ст. 193—222. «*Музы! славу всю его вы своим внушите ~ Требует сил непростых дело, помышляйте*». — Стихи посвящены успехам французских войск в кампании 1772—1773 гг. войны 1771—1778 гг., в ходе которой к Франции была присоединена Фландрия.

С. 50, ст. 195. ...*Чтоб Корнелий смелость для него стремя нетще...* — П. Корнель, автор трагедий «Сид» и «Гораций», в 1667—1672 гг. создал ряд поэм, прославляющих Людовика XIV («Poemes au Roi») и его военные успехи во Фландрии.

С. 50, ст. 200. *Бенсерад* (Benserade I., de, 1613—1674) — французский поэт, чьи стихи и балеты пользовались успехом при дворе Людовика XIV

С. 50, ст. 201. *Сегрей* — Ж. Сегре (см. о нем коммент. к с. 10 статьи «К читателю», с. 507) перевел «Георгики» Вергилия (опубл.: 1711).

С. 50, ст. 207. ...*батавца...* — т. е. голландца; см. коммент. к с. 164, ст. 30 «Похвалы Ижорской земле...», с. 595.

С. 51, ст. 209. *Мастрих* — место в Нидерландах, где в 1672 г. шли военные действия.

С. 51, ст. 213—214. ...*Дола, и Салин ~ Безансон...* — Дола (Dôle), Салин (Salins), Безансон (Besançon) — города Франш-Конте, занятые в 1673 г. французскими войсками под командованием Людовика XIV

С. 51, ст. 223—228. *Я ж сам, кой поныне сатир пребывал в знобу ~ В младости у Флакка и Парнассу отдала...* — До создания «Науки о поэзии и стихотворении» Буало славился более всего своими сатирами; Флакк — Гораций.

С. 51, ст. 232. *Что и надзиратель ваших стоп всех верный я...* — Единственное место перевода, в котором, не оговаривая этого, Тредиаковский изменяет французский стих, наполняя его смыслом, возможным только при силлабо-тонической системе версификации, и говорит как бы от своего лица. У Буало: «De tous vos pas fameux observateur fidèle» («блюститель верный вашей славы»).

ГОРАЦИЯ ФЛАККА «ЭПИСТОЛА К ПИЗОНАМ О СТИХОТВОРЕНИИ И ПОЭЗИИ»

Печатается по СП (т. 1, с. 52—91) с уточнениями по НР (л. 43—57 об.).

Перевод эпистолы «К Пизонам» («De arte poetica») Горация (далее «Эпистола к Пизонам») был выполнен не ранее зимы 1751 г. и не позднее мая 1752 г. В «Предуведомлении» к «Аргениде» (зима 1751 г.) переводы цитат из «De arte poetica» даются не по этому переводу (см. коммент. к с. 63); в «Способе к сложению российских стихов» (1751) Тредиаковский, говоря о поэтиках Горация и Буало, упоминает о своем переводе Буало (глава седьмая, § 7, с. 95), а о переводе Горация таких сведений не сообщает.

Как и перевод «Науки о стихотворении и поэзии» Буало, перевод «Эпистолы к Пизонам» Горация преследовал просветительские цели. Одновременно при переводе Горация решались литературные задачи. Форма, избранная Тредиаковским для перевода стихотворной эпистолы, должна была продемонстрировать возможность сохранения поэзии оригинала в прозе. В предисловии «К читателю» он говорит о сопоставимой трудности прозаического и стихотворного перевода стихов (см. с. 8). На решение перевести поэтику Горация прозой повлияла французская филологическая традиция, в первую очередь переводы Горация в прозе А. Дасье и Н.-Е. Санадона. В своей работе Тредиаковский использовал издания обоих замечательных переводчиков и толкователей Горация: 1) Œuvres d'Horace en Latine et en François avec remarque par M. Dacier. Paris, 1689. In 8° V 1—10 (затем до 1752 г. 9 переизданий); 2) Les Poésies d'Horace traduiter en François avec des remarques par R. P. Sanadon. Paris, 1728. Folio. V 1—2. Об этом свидетельствуют примечания Тредиаковского, которые все, за исключением примеч. 22, были заимствованы им из примечаний Дасье и Санадона, но существенно сокращены в своем числе и объеме. Прямой зависимости русского текста эпистолы от французского установить не удалось, однако, по всей видимости, Тредиаковский в работе над переводом соотносил латинский оригинал с французскими переводами (во всех

изданиях Дасье и в издании Санадона латинский и французский тексты даны параллельно).

Спустя три месяца после выхода СП был издан стихотворный перевод поэтики Горация, принадлежащий Н. Н. Поповскому (*Гораций Флакк*. Письмо о стихотворстве к Пизонам. СПб., 1753). По всей вероятности, он был выполнен для демонстрации преимуществ стихотворного перевода перед прозаическим и делался уже после ознакомления с работой Тредиаковского. Инициатором соревнования с Тредиаковским в переводе поэтики Горация был, по-видимому, Ломоносов, в то время наставник Поповского в стихосложении. Он же, вероятно, принял непосредственное участие в работе своего ученика над переводом. Таким образом, перевод поэтики Горация Тредиаковского оказался аргументом в чрезвычайно острой в те годы полемике о переводе (см.: *Алексеева Н. Ю.* Литературная полемика середины XVIII века о переводе стихов // XVIII век. СПб., 2006. Сб. 24. С. 15—34). В комментариях текст примечаний Дасье приводится по изданию: Œuvres d'Horace en Latine et en François, avec remarques critiques et historiques. Par Mr. Dacier. V 10. Paris, 1709; текст примечаний Санадона: Les Poésies d'Horace traduiter en François avec des remarques par R. P. Sanadon. V. 2. Paris, 1728. Folio. В НР примечания отсутствуют, за исключением примеч. 22, работа над ними осуществлялась, по-видимому, на стадии корректуры.

С. 52, примеч. 1. *В предисловии объявлено мною ~ особливо из Неоптолема Паросского.* — В предисловии — т. е. во вступительной статье «К читателю» (см. с. 7). Указанные источники поэтики Горация полностью заимствованы Тредиаковским из преамбулы к примечаниям Дасье (р. 81). Критон (Критий, 460—403 до н. э.), Зенон (ок. 335—ок. 262 до н. э.), Демокрит (460—371 до н. э.) — древнегреческие философы, труды которых о поэзии не сохранились. Порфирион — Порфирий (ок. 233—305), античный философ-неоплатоник, комментатор Аристотеля. Неоптолем Паросский — автор трактата о поэзии (III в. до н. э.), легшего в основу поэтики Горация.

С. 52, примеч. 2. *Приписано сие наставление Луцию Пизону...* — Приписано — т. е. посвящено, адресовано. Со слов «Луцию Пизону» и до конца фрагмент представляет собой дословный перевод примечания Санадона (р. 565).

С. 52. *...а вольности сея и я сам себе прошу, и даю ее другим взаимно...* — Ср. с позднейшим переводом этого места: «Но как им попускаю сие употребление, как и себе в моем прошу взаимного позволения» (*Тредиаковский В. К.* Предуведомление от трудившегося в переводе // [*Роллен Ш.*]. Римская история. СПб., 1761. Т. 1. С. Л.

С. 53. *Корчага* — большой глиняный горшок (диалект.).

С. 53, примеч. 3. *Все Горациевы правила ~ у коих все кажется нужным и необходимым.* — Перевод примечания Дасье (р. 86—87).

С. 53. *...мечебитное...* — т. е. гладиаторские.

С. 53, примеч. 4. *Гораций означает здесь ~ Поликлет построил всенародную баню.* — Скомпилировано из примечаний Дасье и Санадона (Дасье: p. 108; Санадон: p. 567). Поликлет (2-я пол. V в. до н. э.) — знаменитый древнегреческий скульптор.

С. 54. *Варий* Руф Луций (2-я пол. I в. до н. э.) — римский поэт, друг и издатель Вергилия.

С. 54. ...*Цецилию и Плавту?* — Цецилий Стаций (ум. 168 до н. э.) — самый ранний римский комедиограф, комедии которого (свыше 40) были вольными переделками комедий Менандра; Плавт Тит Макций (250—184) — знаменитый римский комедиограф, широко использовавший, как и его предшественники, новоаттическую комедию, модернизируя ее за счет контаминаций, народных песен, фольклорных элементов.

С. 54. ...*Катонов и Энниев*... — Марк Порций Катон Старший (234—149 до н. э.) — видный римский политический деятель, автор слов, из которых сохранились лишь фрагменты; считается основоположником латинской прозы. Энний Квинт (239—169 до н. э.) — выдающийся римский поэт, основоположник латинской поэзии; обогатил латинский язык новыми словами, многие из которых были заимствованы из греческого языка.

С. 54. *Равно как на лесах листы ~ и правило, как говорить.* — Ср. более ранний перевод Тредиаковского этого фрагмента:

Как лист с древес в лесах погодно опадает,
Так век старинных слов в языке пропадает;
Слова ж, рожденны вновь, прекрасно в нем цветут
И молодых людей подобием растут
Не так то, чтоб всегда речам быть тем же в гладких,
Из падших много нам покажется их сладких;
А коим честь, падут, когда всеобщий глас
Велит быть по сему — он в сем един указ.

(*Тредиаковский В.* Разговор между чужестранным человеком и российским об ортографии старинной и новой и всем, что принадлежит к сей материи. СПб., 1748. С. 321).

Ср. также позднейший его перевод:

Как листы на древах ежегодным меняются кругом,
Падают прежни, так-старый век речей погибает,
И младенцам подобно цветут и-крепятся родившись,
Многие падших из-них возродятся еще и-падут же,
Кои теперь в почтении суть, лишь обычай восхощет,
Ибо его власть и-право, и-правило, как-нам глаголать.

([*Тредиаковский В. К.*]. О слове, или Словесности // [Роллен Ш.]. Римская история от создания Рима. СПб., 1763. Т. 7. С. 13—14).

С. 54. *Видим и море ~ силою и иждивением.* — Ср. поздний перевод этого фрагмента:

. . Иль восприятый
Понт землей корабли защищает от ветров бурливых,
Царское дело.

([*Роллен Ш.*]. Римская история от создания Рима. СПб., 1766. Т. 15. С. 241).

С. 54, примеч. 5. *Озеро Авернийское ~ Иулий Октавиан просто.* — Перевод примечания Санадона (р. 572). Агриппа Марк Випсаний (64/63—12 до н. э.) — римский полководец, государственный деятель, сподвижник императора Августа.

С. 54, примеч. 6. *Не было еще ~ ехал в Бринд.* — Перевод примечания Санадона (р. 573).

С. 54, примеч. 7. *Агриппа по Августову указу ~ все поля.* — Перевод примечания Санадона (р. 573).

С. 55. *Пря* — т. е. спор.

С. 55. *...воружила Архилоха собственным ему ямбом.* — т. е. его собственным, изобретенным им ямбом. Архилох (650—623 до н. э.) — знаменитый древнегреческий лирик, первым использовавший жанр ямба, т. е. язвительного стихотворения, написанного ямбическим размером. Ср. перевод этого места в примечании ко второму тому «Древней истории» Ш. Роллена: «Ярость воружила Архилоха собственным ямбом» (СПб., 1751. Т. 2. С. 329).

С. 55, примеч. 8. *Хремет трагическим говорит голосом ~ «Ах, горе! ~ великого Нептуна».* — Перевод примечания Дасье (р. 143—144). Тредиаковский исправил неверные отсылки Дасье к цитатам из комедий Теренция.

С. 55. *...пешеходными речами.* — т. е. речами простолюдинов (у Горация: «Et tragicus plerumque dolet sermone pedestri...»).

С. 55, примеч. 9. *Мнится, что трагедии ~ и по нем Депрео.* — Составлено на основании примечания Дасье (р. 144) с добавлением оригинального пассажа о Теренции и ссылки на Буало (см.: «Наука о стихотворении и поэзии», Песнь третья, с. 32—33, ст. 9—60). Упоминание Тредиаковским комедии Теренция «Евнух» связано с его переводом этой комедии, см. преамбулу к коммент. к «Рассуждению о комедии вообще» (с. 626).

С. 55, примеч. 10. *Телеф и Пелей ~ или «Лягушки».* — Скомпилировано из примечаний Санадона и Дасье (Санадон: р. 575, Дасье: р. 145—146). Упоминаются две несохранившиеся трагедии Еврипида «Телеф» и «Пелей», которые пародируются в комедии Аристофана «Лягушки».

С. 56. *...полторафутные слова...* — В оригинале: «sesquipedalia verba» (v. 97).

С. 56. *...в Тебах ~ в Аргосе...* — Фивы — крупнейший город Беотии, во времена Горация римская провинция; Аргос — город в Арголиде, завоеванный Римом, во времена Горация крупный культурный центр.

С. 56. *Хотя и трудно обще ~ искусно станете обращаться...* — Ср. с поздним переводом Тредиаковского этого места: «Ведомую повесть после Омира, создавшего эпическую пииму, какова Троянская и последования из нея, всяк исправнее представлять может, нежели предлагать прежде не описанное. Общее вещество имеет быть собственное пииту, когда он в пространном его округе искусно обращаться станет» (Предызъяснение. С. XV).

С. 57. *Блюдитесь начинать так поэму, как площадной в древние времена начал писатель~ достойная мышь.* — В оригинале: «scriptor cyclicus» (циклический писатель). В настоящее время определение «киклический поэт» представляет собой термин; так называют поэтов, избиравших для своих поэм сюжеты из Троянского цикла мифов. Судя по толкованиям этого места Дасье и Санадоном, из которых Тредиаковский заимствует свои примечания: примеч. 11 — у Санадона (р. 580), примеч. 12 (за исключением слов: «коего я перевел площадным») — у Дасье (р. 184—185), термин «киклический» возводится ими к типу композиции поэм, построенных по круговому принципу, а не к их содержанию. В своем переводе Дасье сохраняет определение Горация как термин: «Ne commencez jamais vos Pièces comme a fait ce Poète cyclique...» (р. 23), а Санадон, подобно более ранним переводчикам Горация, не сохраняет: «poète impertinent» (дерзкий поэт). Сам Тредиаковский в переводе этого фрагмента следует иной традиции, в которой определение «cyclicus» понималось, по-видимому, как производное от греч. «cycla» (окружность города), а циклический поэт — мыслился неким рапсодом, распевавшим на городских площадях и рынках свои поэмы. В русле такого понимания это место было передано Мартиньяком: «ancien rapsodiste» (древний рапсод; Horace de la traduction de Mr. de Martignac, avec des remarques. Paris, 1678. T. II. P. 411) и вслед за И. К. Готшедом Н. Н. Поповским: «Не следуй легкого писателя примеру, По рынку что бродя, хвалился через меру» (*Гораций Флакк*. Письмо о стихотворстве к Пизонам. С. 67). В своем позднем переводе этих строк Тредиаковский следует толкованию определения «cyclicus», данному в примечаниях Санадона:

Не начинай так, как полнокружный древле писатель:
«Я воспою фортуну Приама и брань благородну».
Что ж достойное даст обещатель зева толика?
Пыщутся горы родить, а смешной родится мышонок?
(Предызъяснение. С. LIX).

С. 57, примеч. 11. ...*«Превращения» Овидиевы и «Ахиллеида» Стациева.* — «Превращения» — «Метаморфозы» Овидия. В незаконченной поэме Стация (см. о нем коммент. к с. 39, ст. 251 Песни третьей «Науки о стихотворении и поэзии», с. 530) «Ахиллеида» повествуется о пребывании Ахиллеса у Ликомеда и о сборах греков на Троянскую войну.

С. 57, примеч. 12. *Мевий* — бездарный поэт, имя которого сохранилось в истории благодаря Горацию.

С. 57, примеч. 13. *Гораций предлагает здесь ~ «Возвести мне, Муза ~ в градах многих народов».* — Перевод примечания Дасье (р. 189—191).

С. 58. *...как вощаный к восприятию изображения в сердце от пороков...* — В оригинале: «cereus in vitium flecti, monitoribus asper, / utilium tardus provisor, prodigus aeris» (v. 163—164).

С. 58—59, примеч. 14. *Драматическая поэма ~ прежде Аристотеля.* — Сокращенный перевод примечания Санадона (р. 585). «Следовательно, три действия италиянские есть погрешность» — вставка в текст примечания Санадона, вызванная, по-видимому, недовольством Тредиаковского распространением в Петербурге итальянских комедий, которые ему поручали переводить в 1730-е гг. (см.: *Ферацци М.* Комедии дель арте и их исполнители при дворе Анны Иоанновны (1731—1738). М., 2008). Ориген (185—255) —выдающийся раннехристианский богослов; Григорий Назианзин (329—390) — отец Церкви, поэт и писатель. «Песнь Песней» Соломона — книга Библии. Наблюдения над формами стихов Священного Писания и сопоставление их с античными жанрами — характерная черта средневековой филологии, сохранявшая свою актуальность еще в XVIII в.

С. 59. *...во время отверстых Янусовых врат...* — т. е. во время войны.

С. 59. Штуки — пьесы; см. коммент. к с. 15 статьи «К читателю» (с. 512).

С. 59. *...воскрилия...* — Ср.: ...облекая действующия лица в долгую и с воскрилиями одежду...» («Рассуждение о комедии вообще», с. 252).

С. 60, примеч. 15. *Все древние ~ отец Бакхов питательный.* — Перевод примечания Дасье (р. 279—280).

С. 61. *Акций* Луций (род. 170 до н. э.) — римский поэт, признанный римлянами величайшим трагиком, бóльшая часть его произведений представляет собой вольную обработку греческих трагедий.

С. 61. *...трагическия Музы род ~ отнято у него право к повреждению честных людей.* — Ср.: ст. 335—344 Песни третьей «Науки о стихотворении и поэзии» (с. 41—42) и с. 253—254 «Рассуждения о комедии вообще». Теспис — см. о нем коммент. к с. 33, примеч. 3 Песни третьей «Науки о стихотворении и поэзии» (с. 527); Эсхил (525—456 до н. э.) — великий древнегреческий трагик, положивший начало жанру трагедии.

С. 61. *...претекстаты ~ тогаты.* — См. коммент. к с. 255 и 256 «Рассуждения о комедии вообще», с. 631.

С. 61. *Нума Помпилий* — второй римский царь, основатель Римского государства.

С. 62, примеч. 16. *Диоген Лаертский объявляет ~ о нем сказывает.* — Перевод примечания Санадона (р. 595). Диоген Лаэртский — автор труда «Жизнеописания и мнения знаменитых философов» (ок. 220), важнейшего источника знания по философии досократиков.

С. 62. *...проносных...* — поносных, негодных.

С. 62, примеч. 17. *Сей Лицин ~ «Лицин лежит ~ что суть боги?»* — Перевод примечания Дасье (р. 321). Помпей (106—48 до н. э.) — выдающийся римский государственный деятель.

С. 62. *...за промышленною материею...* — т. е. за продуманным материалом.

С. 62. *...стихи, не имеющие вещей...* — В оригинале: «quam versus inopes rerum nugaeque canorae» (v. 322).

С. 63. *...целый асс (12 унций).* — Асс — римская мера веса, от которой произошло название денежной монеты; унций — двенадцатая часть какой-либо меры в Риме, в том числе весовой и денежной.

С. 63, примеч. 18. *Сей Албин ~ нежели от него требовалось.* — Перевод примечания Санадона (р. 598).

С. 63. *...стихи, достойные кедра и ~ кипарисных ковчегов?* — Римляне хранили книги в ларцах (ковчегах), натертых кедровым маслом.

С. 63. *Пиитам должно или полезное ~ что сильно есть увеселить* — Ср.: «Все вообше пииты ни о чем больше в сочинениях своих не долженствуют стараться, как чтоб или принесть ими пользу, или усладить читателя, или твердое подать наставление к честному и добродетельному обхождению в жизни», в примечании: «Aut prodesse volunt, aut delectare poetae, Aut simul et iucunda et idonea dicere vitae. Горац. Наук. о поэз. стих. 333—334» (Предуведомление. С. XIII).

С. 63. *...тот пиит удостояется ~ преподая ему наставление.* — Ср.: ...он совокупил полезное с приятным некоторым похвальным и благородным, если притом и не превосходным, образом (Omne tulit punctum, qui miscuit utile dulci. Горац. Наук. о поэз. стих. 343)» (Предуведомление. С. XIII).

С. 63, примеч. 19. *Созии были славные книгопродавцы ~ был токмо один человек.* — Скомпилировано Тредиаковским из примечаний Дасье: «Созии были славные книгопродавцы того времени» (р. 343); «Их было два брата. ~ один человек» (примечание ко 2-му стиху 20-й эпистолы I книги Горация: V. 9. Р. 253).

С. 63. *Того ради где многое блистает в стихах ~ усмотреть не могло человеческое несовершенство* — Ср.: ...„что погрешение сие в нем, как в пиите, всеконечно и по правде, есть простительное толь за него заплачено другими премногими подобными исправностями!“ (Verum, ubi plura nitent in carmine, non ego paucis / Offendar maculis... Горац. в Наук. о поэз. стих. 351, 352)» (Предуведомление. С. LXXXIV). Ср. с отсылкой к этому месту в статье «К читателю»: «больше ль в нем покажется хорошего, нежели неподтверждаемого, дабы удостоиться ему некоторого снисходительства» (с. 12).

С. 64. *Херилл* (2-я пол. V в. до н. э.) — древнегреческий поэт, писавший эпопеи.

С. 64. *...красноречивый Мессал ~ Авл-Касселий...* — Валерий Корвин Мессалла (64—13 до н. э.) — государственный деятель, оратор и писатель, покровитель поэтов; Авл-Касселий — правовед эпохи второго триумвирата.

С. 64. ...*Росциевым уставом*... — от имени Росция — великого комического актера эпохи Августа.

С. 65, примеч. 20. *Сей критик, или судия ~ касающимся до чистоты языка.* — Скомпилировано из примечаний Дасье: «Сей критик, или судия, есть Спурий Меций Тарпа» (р. 359); «Он был один из пяти учрежденных ~ рассуждавшим о театральных сочинениях» (примечание к 38-му стиху X сатиры I книги Горация: V 6. Р. 600). Воссий — Фосс Г Й. (Vossius G. J., 1577—1649), голландский филолог, полигистор. Последнее предложение, принадлежащее самому Тредиаковскому, подсказано концом примечания Дасье, в котором прославляется Французская академия. Под «Академиями Словесными» подразумевается прежде всего Французская академия, однако Тредиаковский, употребив здесь множественное число, думал, по-видимому, и о несуществовавшем уже Российском собрании; ср. данную характеристику «Словесных академий» с названием «Речи о чистоте российского языка», в которой Российское собрание рисуется по аналогии с Французской академией (см. преамбулу к коммент., с. 577).

С. 65, примеч. 21. *Чрез девять лет должно разуметь некоторое довольно долгое время.* — Тредиаковский варьирует примечание Дасье: «Il (Гораций. — *Н. А.*) met un temps défini pour un indéfini...» (р. 362).

С. 65. *Тиртей* (VII в. до н. э.) — поэт Спарты, автор военных песен и маршей.

С. 66, примеч. 22. *Сия пословица ~ у стены стоит прислонившись.* — Примечание принадлежит Тредиаковскому. Ср. у Дасье: «C'est une expression empruntée des enfans, qui dans certains jeux disoient, *la gale* prendre au dernier: *Malheur à ceux qui demeureht dans les derniers*» (р. 378—379) и Санадона: «*Que la gale prenne au dernier.* C'est un proverbe, dit le scoliaste, dont les enfans se servoient dans certains jeux, pour s'exciter à courir faire des vers un dangereux apas...» (р. 605).

С. 66. *Как крикун, бирюча, кличет народ*... — Бирюч — глашатай; однокоренной глагол не зафиксирован, однако Тредиаковский использует слово «бирюча» как деепричастие, а не родительный падеж существительного бирюч; «бирюча» — возглашая (?).

С. 66, примеч. 23. *Квинктилий Вар ~ коего по смерти плачет он в XXIV оде.* — Перевод примечания Дасье (р. 384).

С. 67, примеч. 24. *Аристарх ~ исправность в разумных сочинениях.* — Перевод примечания Санадона (р. 608—609). Имеется в виду египетский царь Птоломей Филопатор (240—204 до н. э.); Аристарх (217—145 до н. э.) — древнегреческий филолог, глава Александрийской библиотеки. «Следующих красоту и исправность в разумных сочинениях» — т. е. исследующих; у Санадона: «les censeurs judicieux des ouvrages d'esprit». Клавдий Элиан (сер. III в.) — софист, учитель красноречия в Риме.

С. 67, примеч. 25. *Эмпедокл был великий пиит и философ ~ коему Гораций следовал.* — Перевод примечания Дасье (р. 405). Эмпедокл (ок. 495—435 до н. э.) — древнегреческий философ; Лукреций Тит Кар (ок. 96—55 до н. э.) —

римский поэт и философ, автор знаменитой поэмы «О природе вещей»; здесь Тредиаковский вслед за Дасье цитирует ст. 729—733 первой книги первой песни поэмы.

С. 68, примеч. 26. *Древние почитали превеликим нечестием ~ своих предков.* — Перевод примечания Дасье (р. 405). Персий — см. коммент. к с. 30, ст. 155 Песни второй «Науки о стихотворении и поэзии» (с. 525), здесь цитируется ст. 113—114 его первой сатиры.

С. 68. *...сей ненавистный читатель ~ пока вся не напьется крови.* — Этот фрагмент Тредиаковский цитировал в «Письме, в котором содержится рассуждение о стихотворении...», имея в виду Сумарокова: «Был он тогда с нею (одой. — *Н. А.*) точная Горациева пиавица, которая от тела не отпадает, пока вся кровию не наполнится» (с. 453). «Читатель» — т. е. чтец своих стихотворений.

СПОСОБ К СЛОЖЕНИЮ РОССИЙСКИХ СТИХОВ, ПРОТИВ ВЫДАННОГО В 1735 ГОДЕ ИСПРАВЛЕННЫЙ И ДОПОЛНЕННЫЙ

Печатается по СП (т. 1, с. 94—155) с уточнениями и пропущенной вставкой по НР (л. 58—85 об.).

Замысел трактата по теории русского стиха возник, по-видимому, в период работы Тредиаковского над переводом новолатинских стихотворений из романа И. Барклая «Аргенида» и связан с теоретическим обоснованием использованных в нем стихотворных размеров (см.: Предуведомление. С. LXIII—LXXXII). Сходство описания основных категорий стиха и принципов русских шестистопных ямбов и хореев, а также дактило-хореических и анапесто-ямбических гекзаметров и пентаметров в «Способе к сложению российских стихов» и в «Предуведомлении от трудившегося в переводе» дает основания для датировки «Способа... Работа над ним началась, вероятно, вскоре после завершения статьи «Предуведомление... т. е. в конце зимы 1751 г. («Предуведомление...» было отдано в печать в конце января 1751 г.). О времени окончания трактата позволяют судить упоминаемые в нем произведения Тредиаковского. В главе седьмой (§ 7) «Способа...» он говорит о своем переводе «L'Art poétique» Буало как о готовом, а о названной тут же «Эпистоле к Пизонам» Горация таких сведений не сообщает, как и не сообщает о своем переводе Эзопа в статье о басне (§ 23). По всей видимости, «Способ... был закончен к концу 1751 г. или началу 1752 г.

В ходе работы Тредиаковский переписал часть своих стихотворений, входивших в «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (1735); строки новых редакций включены им в главы о размерах стиха. Примерами ямбических и хореических строф разного числа стоп и стихов (глава пятая «О строфе») служат строфы 16 псалмов и песен Священного Писания, переложенных Тредиаковским

(за исключением 143-го псалма), вероятно, в период создания «Способа...» (см. преамбулу к коммент. к «Одам божественным», с. 600). По-видимому, вообще бо́льшая часть поэтических произведений, включенных в СП, создавалась Тредиаковским параллельно со «Способом к сложению российских стихов» как своего рода упражнение в стихосложении. Возможно также, что работа над трактатом определила сам замысел издания собрания сочинений.

По своему жанру — руководство по стихосложению — «Способ к сложению российских стихов» связан с «Новым и кратким способом к сложению российских стихов» и должен был, по мысли Тредиаковского, восприниматься читателями как новая редакция раннего трактата. Об этом автор говорит и в предисловии к СП: «Он есть исправление и дополнение того, который выдан на свет в 1735 годе» («К читателю», с. 14), и в заключении к «Способу к сложению российских стихов»: «Всяк искусный видит, что сей способ к сложению наших стихов есть тот же самый, который был издан в 1735 годе, но дополненный и исправленный ныне» (с. 98). Близость обоих руководств подчеркивается их названием. Однако в действительности «Способ к сложению российских стихов» представляет собой совершенно новый трактат, его сходство с «Новым и кратким способом... ограничивается лишь тем, что и в том и в другом описывается русский силлабо-тонический стих. Но если в «Новом и кратком способе... Тредиаковский формулировал принципы недавно открытого им силлабо-тонического русского стиха, состоявшие в соблюдении и силлабической меры (равенство слогов), и тонической (равенство стоп), то в «Способе к сложению российских стихов» он излагает теорию силлабо-тонического стиха, введенного в русскую поэзию Ломоносовым. Восходя к «Письму о правилах российского стихотворства» Ломоносова (1739), «Способ к сложению российских стихов» явился трудом самостоятельным и оригинальным. Указанные Ломоносовым в «Письме...» теоретически возможные при силлабо-тоническом способе версификации размеры Тредиаковский обосновал, ясно описал и сопроводил примерами, превратившими их в реальность новой русской поэзии. Самостоятельной частью «Способа к сложению российских стихов» стала и разработанная Тредиаковским теория строфы (глава пятая «О строфе»). Таким образом, в «Способе...» впервые приведено в систему и описано все богатство русской силлабо-тонической версификации.

Однако Тредиаковский скорее готов был отказаться от заслуги в создании нового современного научного трактата о стихе, чем от напоминания о произведенной им в 1735 г. половинчатой реформы стихосложения. Искажающие значение «Способа к сложению российских стихов» авторские характеристики продиктованы тем, что он создавался и готовился к изданию в разгар споров между Тредиаковским, Ломоносовым и Сумароковым о первенстве в изобретении нового русского стиха (ср.: Предуведомление. С. LXV; Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении... С. 475—476).

При осмыслении значения «Способа к сложению российских стихов» в истории русской поэзии и стиховедения следует учитывать, что «Письмо о правилах россий-

ского стихотворства» Ломоносова в 1740-е гг. оставалось ненапечатанным и было известно лишь узкому кругу членов Российского собрания. До выхода «Способа к сложению российских стихов» поэты осваивали новую версификацию на основании поэтической практики Ломоносова и не выходили за пределы четырехстопного ямба или хорея и шестистопного ямба. Расширение метрического репертуара русской поэзии в 1750—1760-е гг. (трехстопные, пятистопные и разностопные ямбы, трехсложные размеры) было подготовлено «Способом к сложению российских стихов» и стало, пожалуй, самым значительным его результатом. До 1774 г., когда были изданы «Правила пиитические» Аполлоса Байбакова, начинающие поэты учились писать стихи по «Способу к сложению российских стихов» Тредиаковского, остававшемуся до этого времени единственным руководством по русскому стихосложению. Но и «Правила пиитические» Байбакова, сразу завоевавшие себе широкое признание, не отменили теорию стиха Тредиаковского, а, напротив, внедрили ее в русское стиховедение. «Правила пиитические» прямо восходят к «Способу к сложению российских стихов», часто дословно его повторяя. Многочисленные переиздания «Правил пиитических» (последнее 10-е изд.: 1826) обеспечили известность многих положений теории Тредиаковского еще в конце 1830-х гг. Авторы руководств этого времени, учившиеся сами в 1800—1810-х гг. по Байбакову, воспроизводили, часто не осознавая того, отдельные положения и даже формулировки Тредиаковского. «Письмо...» же Ломоносова в момент своего выхода в свет в 1778 г. представляло лишь исторический интерес.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

С. 69. *Речь есть двоякая: одна свободная ~ а другая заключенная...* — Ср.: «К читателю», с. 8.

С. 69. *Склады* — т. е. слоги. Впервые Тредиаковский употребил слово «склад» в качестве синонима термина «слог» в «Письме, в котором содержится рассуждение о стихотворении...»: «он (стих. — *Н. А.*) надлежащия своея меры не имеет, а именно: недостает в нем одного склада» (с. 470), а затем свободно его использовал в своих стиховедческих рассуждениях.

С. 69. *...в старых не наших, но польских ~ стихах...* — т. е. в силлабических стихах. «Нашими» стихами Тредиаковский здесь называет стихосложение народной поэзии. Народные стихи, на которые, по его собственному признанию, он ориентировался в реформе стиха (Новый и краткий способ к сложению российских стихов. С. 383), здесь впервые идентифицируются Тредиаковским с русскими (см. также коммент. к с. 106 «Мнения о начале поэзии», с. 568—569), силлабические же стихи определяются им впервые как польские и чужеродные (ср.: примеч. к ст. 146 Песни первой «Науки о стихотворении и поэзии», с. 22). В «Новом и кратком способе... Тредиаковский, напротив, подчеркивал родственность «во всем» польского «стихотворения» «нашему», т. е. силлабическому

(с. 384). Возможно, что оценка силлабики как искусственно навязанной русскому языку возникла у Тредиаковского под влиянием «Письма о правилах российского стихотворства» Ломоносова, в котором исключительное господство в русском силлабическом стихосложении женской рифмы объясняется происхождением силлабической поэзии из Польши (см.: Письмо о правилах российского стихотворства. С. 12, 16). В дальнейшем Тредиаковский развил это положение, впервые показав в статье «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» (с. 433—436) историю заимствования силлабики из Польши.

С. 69. *...не отменяет их от прозы...* — т. е. не отличает их от прозы. Характеристика силлабики как прозы, впервые прозвучавшая в «Новом и кратком способе...»: «Стихи наши 〈...〉 ничего в себе стиховного, кроме слогов и рифмы, не имеют 〈...〉 наши стихи все прозаичны и на стихи не походят» (с. 377), была общим местом рассуждений Тредиаковского о стихе, ср.: «вижу что она (силлабическая поэзия. — *Н. А.*) не состоит стихами, выключая рифму, но точно странными некакими прозаическими строчками» (О древнем, среднем и новом стихотворении российском. С. 441—442).

С. 69. *Исоколон* (греч.) — термин риторики, период, все члены которого одинаково построены и имеют равное количество слов в одинаковых грамматических формах.

С. 69. *...определенными числами падают...* — Здесь под числом имеется в виду интервал, период.

С. 70. *Гомиотелевтон* (греч.) — ср.: «...согласие с следующим стихом, называемое неправо по-эллински *рифмою* (числом), вместо правого *омиотелевта* (подобного окончания)» (Предызъяснение. С. XXXV).

С. 70. *Просодия* — от греч. prosodia (ударение, мелодия) — некоторая ритмическая и мелодическая схема.

С. 71. *Нет ни одного слова, которое можно б было выговорить не ударив его по какому-нибудь слогу однажды...* — Тредиаковский приводит здесь мнение Квинтилиана, цитируемое им в «Предуведомлении» к «Аргениде»: «Нет ни одного речения, в котором бы не было одного токмо ударения как у нас, так и у латин», в примечании: «Est autem in omni voce utique acuta; sed numquam plus una. Квинтил. Кн. 1. гл. 5. Ea vero, quae sunt syllabae unius, erunt acuta, aut flexa ne sit aliqua vox sine acuta. Там же» (с. LXXI; в латинской цитате Тредиаковским допущена опечатка: «nunquam», здесь исправленная).

С. 71. *...все односложные слова по естеству своему суть долгие.* — Вопрос о долготе и краткости (т. е. ударности и безударности) односложных слов в системе тонического стихосложения вызывал споры. В «Новом и кратком способе...» Тредиаковский заявил, «что все речения единосложные не могут быть, как токмо долгие» (с. 368), на что Ломоносов возразил: ...наши единосложные слова иные всегда долги 〈...〉, иные кратки 〈...〉, а иные иногда кратки, иногда долги...» (Письмо о правилах российского стихотворства. С. 12). Положение данного параграфа было высказано Тредиаковским уже в «Предуведомлении»

к «Аргениде», где содержится полемика с Ломоносовым об ударности односложных слов (с. LXX).

С. 71. *...количеством складов...* — т. е. количеством слогов. Термин «количество слогов» восходит к «Грамматике словенской» Мелетия Смотрицкого (1648), в которой он объясняется как «слога мера краткая или долгая по времени» (Грамматики Л. Зизания и М. Смотрицкого / Сост. Е. А. Кузьминова. М., 2000. С. 456). Хотя Тредиаковский находил классификацию русских гласных Смотрицкого, «временем меряющуюся, конечно, несвойственной славенскому языку» ((О древнем, среднем и новом стихотворении российском. С. 433—434); ранее систему Смотрицкого раскритиковал Ломоносов (см.: Письмо о правилах российского стихотворства. С. 10)), он заимствовал сам термин, наполнив его новым содержанием. Количество слогов, по Тредиаковскому, заключается в силе звука, или ударении, и характеризует слог количественно не по горизонтали (как у Мелетия Смотрицкого), а по вертикали. В «Новом и кратком способе» он говорил о «тоническом слогов количестве» вскользь (с. 368), но в дальнейшем эта категория неизменно у него присутствовала при определении нового русского стиха (ср.: Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении... С. 475; Предуведомление. С. LXV; «К читателю», наст. изд., с. 14). По-видимому, термин казался неудачным Ломоносову и Сумарокову, его не употреблявшим. Приведенное Тредиаковским в примечании доказательство его правомерности применительно к тонической версификации носит полемический характер и адресовано, вероятно, Ломоносову и Сумарокову; ср. схожее доказательство: «Количество сие есть собственно так называемое в просодии, ибо от пункта понижения к пункту возвышения есть расстояние, а сие — величина, и потому истинное количество» (О древнем, среднем и новом стихотворении российском. С. 444).

С. 72. *За обе сии стопы повсюду ~ полагается стопа пиррихий...* — В «Новом и кратком способе... Тредиаковский указывал на возможность взаимозаменяемости всех четырех двусложных стоп (ямба, хорея, спондея и пиррихия). Это положение было опровергнуто Ломоносовым (см.: Письмо о правилах российского стихотворства. С. 14), строгость которого в этом вопросе простиралась и на предпочтение чистых ямбов ямбам с пиррихиями. Уже к началу 1740-х гг. он вынужден был отказаться от своего принципа, признав тем самым правоту Тредиаковского. Тредиаковский же под влиянием Ломоносова отказался от допустимости взаимозаменяемости ямба и хорея (см. коммент. к с. 77 главы второй).

С. 72. *Не токмо не противны нашим стихам стопы дактиль и анапест ~ но еще и приятными кажутся знающим силу особам.* — Это утверждение носит явно полемичный характер, который может быть объясним недошедшими до нас сведениями о спорах по поводу трехсложных размеров. Оппонентом Тредиаковского мог выступать Сумароков, не знавший поэзии Древних, — ср.: § 17 главы второй, с. 77, где говорится о зависимости способности любоваться гекзаметрами от привычки к латинским стихам.

С. 72. *...некоторые из европейских...* — т. е. французский и польский языки, с фиксированным ударением.

С. 72. *...образец в Барклаиевой «Аргениде», переведенной по-нашему.* — Имеется в виду перевод Тредиаковского романа И. Барклая «Аргенида», включавший в себя первые русские стихотворения, написаннные трехсложными размерами (ср.: «Стихи из „Аргениды“» в наст. изд.).

С. 72. *Введено оно в наше стихотворение в 1735 годе.* — Имеется в виду «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», изданный осенью 1735 г.

ГЛАВА ВТОРАЯ

С. 73. *Гексаметр хореический* — т. е. шестистопный хорей.

С. 73 *Пресечение* — т. е. цезура.

С. 73. *Тетраметр, триметр, диметр хореический* — т. е. четырехстопный, трехстопный, двухстопный хорей.

С. 73. *...в десятистишных строфах ~ тремя слогами.* — См. с. 74—75 наст. главы и коммент. к ней, с. 550.

С. 73. *...она есть чистый хорей, а именуется женскою ~ называемая мужескою...* — Термины «женская» и «мужская» рифмы были предложены Ломоносовым в «Письме о правилах российского стихотворства» (с. 15). В «Предуведомлении» к «Аргениде» Тредиаковский сделал попытку их обсуждения: «Мужеская и женская рифма прозвана у нас с французского употребления; мы правильнее могли б называть мужескую *иамбическою*, а женскую *хореическою* рифмами» (с. LXV), однако термины, известные поэтам 1740-х гг. благодаря личному общению с Ломоносовым, уже, очевидно, вошли в русский язык. Тредиаковский их принял и ввел в русское стиховедение.

С. 73. *...рифма состоять имеет тремя складами ~ точный наш дактиль.* — Название рифмы с ударением на третьем слоге от конца стиха устанавливалось долго. Ломоносов, первым обосновав уместность ее в русском стихе, назвал ее «тригласной» (Письмо о правилах российского стихотворства. С. 16), Тредиаковский в «Предуведомлении» к «Аргениде» определил ее «дактилическою», с пояснением: «то есть трисложною рифмою» (с. LXXIV). Здесь он называет ее «обоюдной», но в статье «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» обозначает тремя терминами: «рифма трисложная дактилическая, названная обоюдною» (с. 448). А. Байбаков называл ее «сводной» (Байбаков, 1774. С. 7).

С. 74. *Делом бы одним ~ живучи правдиво.* — Пример взят из «Науки о стихотворении и поэзии» Буало (Песнь четвертая, с. 48, ст. 121—122).

С. 74. *Многими твореньми ~ предвозвещена.* — Пример взят из «Науки о стихотворении и поэзии» Буало (Песнь четвертая, с. 49, ст. 159—160).

С. 74. *Гиперкаталектик* — окончание стиха со слогом (слогами) сверх стопы. Категория каталектики (от греч. καταλήγω — оканчиваю), заимствованная Тредиаковским из теории античного стиха и излишняя для рифмических стихов, где окончание определяется рифмой, впервые введена им в «Предуведомлении» к «Аргениде»: «Первый есть женския рифмы, гиперкаталект, то есть лишний слог сверх шести стоп имеющий, так что в женском первое полстишие имеет три с половиною стопы, а второе три ровно; но в мужеском — первое три ровно, а второе три с половиною. Ямбический гексаметр женския рифмы есть также гиперкаталект... (с. LXIV). Этот термин использовал А. Байбаков, см. коммент. к с. 80 главы третьей, с. 553.

С. 74. *...непрерывную рифму...* — т. е. парную.

С. 74. *...рифму смешанную...* — т. е. перекрестную.

С. 74—75. *...в десятистишных хореических токмо строфах ~ диметрами...* — Такими строфами Тредиаковским написана ода из «Аргениды», девятая строфа которой приведена в качестве примера «строфы десятистишной, с трисложною дактилическою рифмою в средине» (см.: § 14 главы пятой, с. 87 и коммент. на с. 555).

С. 75. *...сочетание стихов.* — т. е. смешение стихов разных окончаний. Сочетание стихов, введенное в русское стихосложение Ломоносовым, оценивалось Тредиаковским как часть реформы стиха, по своей значимости сопоставимая с введением тонического принципа.

С. 75. *...отнюдь не надлежит употреблять сей перенос ~ до самого конца стиха.* — Ср.: с. 22, ст. 146 Песни первой «Науки о стихотворении и поэзии».

С. 76. *Гексаметр ямбический* — т. е. шестистопный ямб.

С. 76. *Повольный был бы труд ~ безумныя не зрят.* — Пример взят из «Науки о стихотворении и поэзии» Буало (Песнь первая, с. 23, ст. 71—72).

С. 76. *Исправивши уже ~ но чаще что убавьте.* — Пример взят из «Науки о стихотворении и поэзии» Буало (Песнь первая, с. 24, ст. 181—182).

С. 76. *Акаталектик* — окончание стиха, совпадающее с последней стопой. Ср.: «Ямбический гексаметр мужеския (рифмы. — *Н. А.*) — акаталект, то есть полное число стоп имеющий» (Предуведомление, С. LXIII).

С. 76. *...должно блюстись, чтоб в ямбическом гексаметре ~ но в немецких всегда он пресекается ямбом...* — Это положение, высказанное Тредиаковским уже в «Предуведомлении» к «Аргениде» (с. LXIV), по-видимому, являлось предметом спора с Ломоносовым. Сам Ломоносов и его последователи (Сумароков, Поповский) свободно применяли в шестистопных ямбах цезуру с пиррихием, что вызывало жесткую критику Тредиаковского (ср., например: Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении... С. 486). Этот недостаток, по-видимому, имел в виду Тредиаковский, оценивая в своем отзыве ямбы Поповского (см.: *Модзалевский Л. Б.* Ломоносов и его ученик Поповский // XVIII век. М.; Л., 1958. Сб. 3. С. 128—129). А. Байбаков повторяет требование

Тредиаковского: «Беречись должно, чтобы первое полстишие не окончивалось пиррихием» и т. д. (Байбаков, 1774. С. 12).

С. 77. *Французы, у коих один токмо род гексаметра, болезнуют, что они тем толь скудны. ~ и у Ролленя в «Древней истории», и у Дасиера в примечаниях его на переводы с Древних.* — По всей видимости, Тредиаковский ссылается на мнение Дасье, основываясь на пассаже из «Древней истории» Роллена о бедности французского стихосложения в сравнении со стихосложением Древних: «Господин Дациер делает о сем рассуждение очень основательное, говоря, что наша (французская) трагедия есть несчастлива тем, что имеет токмо, почитай, один род стихов, который служит совокупно эпопее, элегии, идиллии, сатире и комедии, вместо того что ученые языки содержат многие виды стихотворения» и т. д. (Древняя история. СПб., 1760. Т. 5. С. 89). На это мнение Роллена Тредиаковский ссылается и в своей поздней статье «Предызъяснение о ироической пииме» (с. LII).

С. 77. *...стих дактило-хореический гексаметр состоит ~ точно хорей.* — Это первое теоретическое обоснование, данное Тредиаковским дактило-хореическому гекзаметру, подробнее оно излагается в «Предызъяснении о ироической пииме» (с. XXXV—XXXVII). В русском стихосложении дактилический и дактило-хореический гекзаметры первым предложил Ломоносов, дав примеры (в одну строку) обоих размеров (см.: Письмо о правилах российского стихотворства. С. 14). Очевидно, осознавая первенство Ломоносова в изобретении дактило-хореического гекзаметра, Тредиаковский никогда не ставил его себе в заслугу (ср. с § 22, в котором подчеркивается новизна изобретенного им анапесто-ямбического гекзаметра). Возможно, поэтому в «Предуведомлении» к «Аргениде», в которую были включены первые русские стихотворения (иногда большого объема), написанные дактило-хореическими гекзаметрами, он дает самое общее описание этого размера: «Отважился я употребить здесь и такой гексаметр, какой древние греки и римляне употребляли, именно ж, дактилический, полагая токмо вместо их спондеев хореи (для того что наше количество слогов есть тоническое, а потому так оно требует), и также, по их, без рифмы. Мне он показался великолепен: толь мудрые народы не употребляли б оного, ежели б он не был по естеству своему таков. Он нам также свойственен, как и им, для преложения частей слова», т. е. свободного порядка слов в предложении (с. LXVI). Ломоносов, не писавший трехсложными гекзаметрами, несомненно, относился к тем «искусным людям», которые умели их ценить, однако, очевидно, возражал против допустимости в нем пиррихиев: ...сей толь простой способ приводится в затруднение от некоторого искусного человека. ⟨...⟩ Он не хотел же б, чтоб и в тех стихах, кои по образцу греческих и римских могут у нас быть сочиняемы, полагаема была стопа пиррихия по вольности вместо хорея и ямба» (Предуведомление. С. LXXI—LXXII); принадлежность этого мнения Ломоносову устанавливается по опущенному здесь фрагменту, в котором излагается его взгляд на ударность односложных слов (см. коммент. к с. 71 главы первой, с. 547—548).

С. 77. *Выше уж звезд как взнесли наставленны горы Тифона...* — Пример в измененном виде взят из «Аргениды»: «Выше уж звезд, почитай, наставленны горы Тифона» (*Барклай И.* Аргенида. СПб., 1751. Т. 1. С. 106).

С. 78. *Стал и очами полки фригийские осмотрел вкруг...* — Источник примера найти не удалось. Возможно, он принадлежит к стихотворениям из «Аргениды», не вошедшим в издание романа и раздел СП «Стихи из „Аргениды"».

С. 78. *Сей стих нового изобретения, и есть он подражание дактилохореическому.* — Назвав анапесто-ямбический гекзаметр стихом нового изобретения, Тредиаковский имел в виду его новизну не только по отношению к русской поэзии (Ломоносов в «Письме о правилах российского стихотворства», хотя теоретически и допускал этот размер, не привел его образца), но и по отношению к стихосложению Древних (непозволительность замены первого долгого слога дактиля двумя короткими делала стопу анапеста в греческом и латинском гекзаметрах невозможной). В современном русском стиховедении анапесто-ямбический гекзаметр не выделяется, отличие стиха такой схемы от дактилического гекзаметра объясняется за счет двудольной анакрузы.

С. 78. *Состоит сей стих ~ непременно анапест и по нем слог краткий.* — Более подробное описание анапесто-ямбического гекзаметра дано Тредиаковским в «Предуведомлении» к «Аргениде» (с. LXXVII—LXXVIII).

С. 78. *Отыди, премерзка мольба, приношение прочь нечестиво...* — Пример взят из «Аргениды»: «Отойди, премерзка мольба, приношение прочь нечестиво...» (Т. 2. С. 389). Эта строка приведена А. Байбаковым в «Правилах пиитических» в качестве примера анапеста: «Отыди, премерзка молва, приношение прочь нечестивым» (Байбаков, 1774. С. 15); «Отыди, премерзка молва, приношение прочь нечестивых» (Байбаков, 1780. С. 17). Искажение Байбаковым цитаты может свидетельствовать о ее популярности.

С. 79. *Бессмертных любезнейший род! превеликое Зевса племя.* — Источник примера найти не удалось. Возможно, он принадлежит к стихотворениям из «Аргениды», не вошедшим в издание романа и раздел СП «Стихи из „Аргениды"».

ГЛАВА ТРЕТИЯ

С. 79. *О стихе пентаметре.* — т. е. о пятистопнике. При оценке данной главы следует учитывать, что пятистопные размеры были наименее распространены в русской поэзии. Хотя первый образец пятистопного хорея был предложен еще в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» («Похвала цвету розе»).

С. 79. *Пентаметр хореический* — т. е. пятистопный хорей.

С. 79. *Злат железна ~ кедр коль высочайший.* — Пример взят из оды «Похвала цветку розе» (с. 160, ст. 43—44).

С. 80. *Толь ты превосходишь ~ всякий разный плод.* — Пример взят из оды «Похвала цветку розе» (с. 160, ст. 45—46). Эти строки приведены А. Байбаковым в «Правилах пиитических» как образец гиперкаталектика (Байбаков, 1774. С. 10).

С. 80. *Ясно, что пентаметр хореический мужеский и женский есть гиперкаталектик...* — Это место повторяет А. Байбаков: «Итак, видно, что пятистопный хореический мужеский и женский есть излишествующий гиперкаталектик» (Байбаков, 1774. С. 10).

С. 80. *Сим вольным пентаметром хотя и сочинено у меня с 20 строф...* — Ода, о которой здесь говорит Тредиаковский, неизвестна.

С. 80. *Пентаметр ямбический* — т. е. пятистопный ямб.

С. 80. *Но вам узреть ~ дивящихся о всем...* — Пример взят из оды «Похвала Ижорской земле» (с. 164, ст. 41, 43); здесь, вероятно, приведена начальная редакция строфы.

С. 81. *Из всех тех мест ~ где было пусто.* — Пример взят из оды «Похвала Ижорской земле» (с. 164, ст. 42, 44); здесь, вероятно, приведена начальная редакция строфы.

С. 81. *Штуки* — произведения; см. коммент. к с. 15 статьи «К читателю» (с. 512).

С. 81. *О пентаметре дактило-хореическом.* — Дактилический пентаметр был создан В. К. Тредиаковским при переводе новолатинских элегий И. Барклая.

С. 81. *Он хотя у древних также есть без рифмы ~ пентаметр — мужескую рифму.* — В «Предуведомлении» к «Аргениде» Тредиаковский писал: «Не могу не признаться, сердце мое сим сочетанием несказанно любуется, всем прочим оставляя, каждому из них, свое чувствие» (с. LXVIII).

С. 81. *Имеет он в первом месте стопу дактиля ~ составляет пятую стопу* — Ср.: «...о пентаметре дактило-хореическом нет нужды говорить: он точно есть греческий и римский и также в первом полстишии имеет или два хорея вместо спондеев, или два дактиля, или хорея с дактилем, или дактиля с хореем и долгий потом слог; а второе, всеконечно, — два дактиля и долгий же слог» (Предуведомление. С. LXVIII).

С. 82. Вы скажите ~ блеск адаманту дает. — Пример взят из «Аргениды» (Т. 2. С. 338). Эти строки с заменой во втором стихе «ваших» на «наших» приведены А. Байбаковым как пример того, что «можно иногда дактило-хореические читать анапесто-ямбическими» (Байбаков, 1774. С. 16). Во 2-м издании «Правил пиитических» Байбаков цитирует все приведенное здесь четверостишие (Байбаков, 1780. С. 16).

С. 82. *Квинтилиан* — см. коммент. к с. 13 статьи «К читателю» (с. 510).

С. 82. *Также барашком волна вьется и близ берегов.* — Пример взят из «Аргениды» (Т. 1. С. 83).

С. 82. *...всюду учат его мерять.* — На кого опирается в этом утверждении Тредиаковский, установить не удалось.

С. 82. *Сей пентаметр вновь найден...* — Как и анапесто-ямбический гекзаметр, анапесто-ямбический пентаметр был новым не только для русской поэзии,

но и по отношению к поэзии Древних (см. коммент. к с. 78 главы второй, с. 552). Первыми анапесто-ямбическими пентаметрами были написаны стихотворения, переведенные из «Аргениды», а описание размера дано в «Предуведомлении» к ней: «Но анапесто-ямбический пентаметр есть новый, и для того коротенько об нем скажу. Первое в нем полстишие имеет две стопы, а сии или два ямба, или два анапеста, или ямб с анапестом, или анапест с ямбом; но второе непременно долженствует иметь три анапеста» (с. LXIX).

С. 83. *Беззаконники! ~ разграбляет бессильнейших дол.* — Пример взят из «Аргениды» (Т. 2. С. 389).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

С. 83. *Тетраметр хореический* — т. е. четырехстопный хорей.

С. 83. *Что твое я имя знаю, Избавления тем чаю.* — Пример взят из «Парафразиса псалма 51» (с. 183, ст. 37—38).

С. 83. *Исповем тебя вовек, Тварь Твоя и человек.* — Пример взят из «Парафразиса псалма 51» (с. 183, ст. 35—36).

С. 84. *Тетраметр ямбический* — т. е. трехстопный ямб.

С. 84. *Своим Бог ~ не уморит.* — Пример представляет собой контаминацию из 141-го и 144-го ст. «Парафразиса вторыя песни Моисеевой» (с. 204); возможно, здесь приведена начальная редакция строфы.

С. 84. *И умолен об них ~ сам не забудет.* — Пример представляет собой контаминацию из 142-го и 145-го ст. «Парафразиса вторыя песни Моисеевой» (с. 204); возможно, здесь приведена начальная редакция строфы.

ГЛАВА ПЯТАЯ

С. 85. *Праведных стези ~ весь похитит.* — Пример взят из «Парафразиса псалма 1» (с. 176, стрф. 10).

С. 85—86. *Очи с плача ~ надежды уж лишен.* — Пример взят из «Парафразиса псалма 6» (с. 177, стрф. 7).

С. 86. *День всегда плывет ~ твердо стало.* — Пример взят из «Парафразиса псалма 18» (с. 178—179, стрф. 3).

С. 86. *Вниду к твоему престолу ~ И любви моей венец.* — Пример взят из «Парафразиса псалма 42» (с. 181, стрф. 4).

С. 86. *Се языки ворвались ~ Все расхитивши убранство.* — Пример взят из «Парафразиса псалма 78» (с. 183, стрф. 1).

С. 86—87. *В сердце их ~ Яд из уст течет и битва.* — Пример взят из «Парафразиса псалма 139» (с. 189, стрф. 2).

С. 87. *На защиту мне ~ в баснь и глум.* — Пример взят из «Парафразиса псалма 143» (с. 196, стрф. 7).

С. 87. *Прочь, боязнь, прочь! ~ Оны времена и слез.* — В качестве примера приведена девятая строфа оды, переведенной Тредиаковским с латинской оды Барклая (*Барклай И.* Аргенида. Т. 2. С. 878). Строфика оды представляет собой исключительный опыт в русской поэзии и описана в «Предуведомлении» к «Аргениде»: «Она составлена хореическим тетраметром, а строфа ея состоит из десяти стихов. Не было б нужды предлагать, что она хореическая и десятеростишная, но есть и в ней новенькое, которое мне показалось не худым. Сие новенькое касается до сочетания рифм. Десятеростишную сию строфу я так различил, что первое в ней четверостишие обыкновенно сочетывается мужескою и женскою рифмою, равным образом и второе нижнее. Но между обоими сими четверостишиями полагаемые два стиха непрерывныя рифмы, и имевшие прежде сего также женскую рифму, я согласил дактилическою, то есть трисложною рифмою. Сие я учинил для того, чтоб чувствительнее означить средину строфы. Употребление сие может быть и полюбится не мнимым и не тщеславным знатокам, также и ведающим силу в просодиях наших» (с. LXXIII—LXXIV).

С. 87—88. *Счастлив! ~ вечна в нем самом.* — Пример взят из «Парафразиса псалма 111» (с. 186, стрф. 1).

С. 88. *Простер десницу ~ тобой спасла.* — Пример взят из «Парафразиса первыя песни Моисеевой» (с. 199, стрф. 11).

С. 88. *Их из Содома виноград ~ Сок отравляет шумны мозги.* — Пример взят из «Парафразиса вторыя песни Моисеевой» (с. 204, стрф. 26).

С. 88. *Затем премудр ~ суд земным творить.* — Пример взят из «Парафразиса песни Анны, матери Самуила Пророка» (с. 207, стрф. 7).

С. 88—89. *Пред ним предыдет ~ весть несется.* — Пример взят из «Парафразиса песни пророка Аввакума» (с. 208, стрф. 4).

С. 89. *О! Господи и Боже наш ~ В Твоем нам имени есть доля.* — Пример взят из «Парафразиса Исаиина проречения» (с. 212, стрф. 4).

С. 89. *Вся высота ~ тогда я был злосчастный!* — Пример взят из «Парафразиса молитвы Иониной» (с. 213, стрф. 2).

С. 89—90. *Являющие люто злая ~ не сменен всяк прилог.* — Пример взят из «Парафразиса молитвы трех отроков» (с. 217, стрф. 9).

С. 90. *Он сам исторгнуть нас от ада ~ И славно величаем ввеки.* — Пример взят из «Парафразиса хвалы Богу от трех юнош» (с. 219, стрф. 9).

С. 90—91. *Сафические мужеские ~ Совесть кто в себе ~ Бодр и в напасти.* — Изложенная здесь теория сапфической строфы вызвала возражения Сумарокова, обратившегося к Тредиаковскому с не дошедшим до нас письмом, в котором, судя по ответу на него, она подверглась резкой критике (см.: *Тредиаковский В. К.* Ответ на письмо о сафической и горацианской строфах // Пекарский П. История имп. Академии наук в Петербурге. Приложения к жизнеописанию Тредиаковского. СПб., 1873. Т. II. С. 250—257). В основу теории сапфической строфы Тредиаковским был положен, по его собственному признанию, опыт латинских строф Горация, новолатинских строф польского поэта К. Сарбевского

(см. о нем коммент. ниже, на с. 560), а также строфы Мелетия Смотрицкого (*Тредиаковский В. К.* Ответ на письмо... С. 252). Не мог Тредиаковский не учитывать и опыта русских сапфических строф, широко распространенных в силлабической поэзии; об этом свидетельствует, в частности, их упоминание: ...мне равно, хотя будет сия строфа с рифмою и с сочетанием по-нашему, хотя без сочетания с одною женскою рифмою, как то было в называемом мною средним стихосложении» (Там же). В своем ответе Сумарокову Тредиаковский ссылается на данный параграф, повторяя его положения в расширенном виде. В качестве примера им приводится та же строфа, а также ее вариант с одними женскими рифмами. Как пример сапфической строфы приведенный здесь вариант строфы со смешанными рифмами помещен в статье «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» (с. 448), а затем в «Правилах пиитических» А. Байбакова (Байбаков, 1774. С. 18). О судьбе сапфической строфы в новой русской поэзии см.: Алексеева. Русская ода. С. 205—213, 352—354.

С. 91. *Сафическая строфа может состоять пятью стихами сафическими, шестым адоническим...* — Пример такой строфы Тредиаковским был дан в переводе оды Барклая:

Ныне мы кого из богов почтим?
Должно чей олтарь украсить цветами?
Всех небесных лик да почтится нами,
Галлы все ж спастись не могли одним,
Чтоб плескать царю за победу главну,
Счастием славну.

(*Барклай И.*
Аргенида. Т. 2. С. 467—468).

Ее описание помещено в «Предуведомлении» к «Аргениде»: «Есть у меня здесь в четвертой части *Ода*, которая сочинена *сафическим пентаметром*, состоящим в пяти, а не в трех стихах, но не смотрит, как говорят по-латински, волк на число (Lupus numerum non curat)» (С. LXIX).

С. 91. *...Сенека, трагик, в хоре «Тиэста»~ присовокупил ко 125-ти стихам сафическим один адонический.* — В хоре, о котором говорит Тредиаковский, из трагедии «Тиэста», насчитывается 75 стихов (545—620). Его начало: «Credat hoc quisquam? Ferus ille et acer...», адонический стих: ...turbine versat».

С. 91. *Строфа горацианская состоит всегда и непременно четырьмя разного рода тетраметрами. ~ в четвертое ж непременно стопу хорея.* — Впервые теоретическое обоснование горацианской (алкеевой) строфы было дано Тредиаковским в «Предуведомлении» к «Аргениде» (с. LXXV—LXXVII), на которое он ссылается в § 32 наст. главы (с. 92). Описание было сопровождено примером перевода на русский язык 9-й оды II книги Горация: «Не всегда дожди льют наводнение...». В отличие от сапфической горацианская строфа не была разработана в русской силлабической поэзии, и потому строфы Тредиаковского, так

же как их описание, явились первым опытом русской алкеевой строфы. Теория строфы вызвала возражения Сумарокова, которому Тредиаковский подробно отвечает в своем «Ответе на письмо о сапфической и горацианской строфах» (см.: *Тредиаковский В. К.* Ответ на письмо... С. 253—257). О судьбе горацианской строфы в новой русской поэзии см.: Алексеева. Русская ода. С. 205—212, 352—354.

С. 91. *Кедры не всегда ~ дерево процветает.* — В качестве примера горацианской строфы Тредиаковский использует вторую строфу своего перевода 9-й оды II книги Горация, помещенного в «Предуведомлении» к «Аргениде» (с. LXXX—LXXXI). Эта же строфа приводится им в статье «О древнем, среднем и новом стихотворении российском» (с. 449), она же иллюстрирует параграф о горацианской строфе «Правил пиитических» А. Байбакова (Байбаков, 1774. С. 19) и статью о горацианской строфе Н. Ф. Остолопова в «Словаре древней и новой поэзии» (СПб., 1821. Ч. 2. С. 236), благодаря чему она стала хрестоматийной.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

С. 92. *В женских стихах рифма ~ или конец ямба.* — См. коммент. к с. 73 главы второй (с. 549).

С. 92. *В старых строчках ~ всегда предкончаемый слог.* — т. е. в силлабических. Это положение повторяет замечание Ломоносова (см.: Письмо о правилах российского стихотворства. С. 16).

С. 92. *Впрочем, рифма есть не существенная стихам ~ введена в стихи.* — Мнение о необязательности рифмы в русском стихе впервые было высказано А. Кантемиром в «Письме Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских» (1744; *Кантемир Антиох.* Собрание стихотворений / Вступ. ст. Ф. Я. Приймы, подгот. текста и примеч. З. И. Гершковича. Л., 1956. С. 408. (Б-ка поэта)). О рифме как о «постороннем украшении стихам» Тредиаковский впервые высказался в «Предуведомлении» к «Аргениде»: «Привыкшие к рифме да благоволят быть уведомлены, что она есть игрушка, выдуманная в готические времена, и всеконечно постороннее украшение стихам. Простых наших людей песни все без рифмы, хотя идут то хореем, то ямбом, то анапестом, то дактилем, а сие доказывает, что коренная наша поэзия была без рифм и что она тоническая» (с. LXVI—LXVII), а затем — в развернутом виде — в «Предызъяснении о ироической пииме», где, в частности, им высказано мнение, близкое настоящему: «Согласие рифмическое отроческая есть игрушка, не достойная мужеских слухов. Вымысл сей оледенелый есть гофический, а не еллинское и латинское благорастворенным жаром блистающее и согревающее окончательство» (с. XXXVIII). Неоднократное повторение Тредиаковским рассуждения о значении рифмы в стихе носит полемический характер, который становится понятнее при сопоставлении

взгляда Тредиаковского на рифму с его критикой поэзии Сумарокова. В «Письме, в котором содержится рассуждение о стихотворении... Тредиаковский постоянно возвращается к вопросу о рифме, не раз подчеркивая, что преимущественное внимание Сумарокова к рифмам превращает его стихи просто «в строчки с рифмами» (с. 483). По-видимому, Сумароков в 1750—1760-е гг. не признавал безрифменных русских стихов, хотя позднее, в 1774 г., написал белым стихом ямбическое стихотворение — оду «Григорью Александровичу Потемкину». Для понимания позиции в этом вопросе Тредиаковского следует учитывать, что первоначально его отказ от рифмы был связан с его размышлениями о русском антикизированном стихе, относящимися еще к 1730-м гг. Первым опытом такого стиха можно считать его перевод новолатинского стихотворения Иоанна Фабри Паннония «Россия торжествующая» (СПб., 1734). Очевидно, что Ломоносов разделял позицию Тредиаковского; бóльшая часть его переводов из Древних выполнена нерифмованным стихом.

С. 92—93. *Падение есть гладкость стиха ~ также от способности сочинения.* — Ср.: «Наука о стихотворении и поэзии» Буало (Песнь первая, с. 21, ст. 115—120).

С. 93. *Употребление рифмы вобще долженствует быть такое ~ для богатства рифмы твердого смысла нигде и никогда не пренебрегать.* — Ср.: «Наука о стихотворении и поэзии» Буало (Песнь первая, с. 19, ст. 28—36), а также: «Но что нам нужды, что рифма привела к тому автора (Сумарокова. — *Н. А.*)? Нам надобен токмо эмфазис, то есть сильное изображение. Надлежало было стараться о том автору, чтоб и эмфазис, и рифма были у него между собою согласны» (Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении... С. 462).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

С. 93—94. *Эпическая поэзия, инако эпопеическая и героическая, есть самый высокий род ~ повествованием предлагает для возбуждения любви к добродетели.* — Ср.: «Наука о стихотворении и поэзии» Буало (Песнь третья, с. 36—37, ст. 160—172).

С. 94. *Лирическая. И сия есть высокий пиитического искусства род ~ иногда ж и нежную материю воспевает.* — Ср.: «Наука о стихотворении и поэзии» Буало (Песнь вторая, с. 27—28, ст. 58—72); «Рассуждение об оде вообще» (с. 156).

С. 94. *В сих древние греки, напоследок дошед до точного совершенства, получили себе верх. ~ но в трагедии не столько.* — Ср.: «Наука о стихотворении и поэзии» Буало (Песнь третья, с. 34, ст. 79—80).

С. 94. *Буколическую поэзию Виргилий представил в «Эклогах», а Теокрит — в «Идиллиях»* — Ср.: «Наука о стихотворении и поэзии» Буало

(Песнь вторая, с. 26, ст. 26). Теокрит — см. коммент. к с. 26, ст. 26 Песни третьей «Науки о стихотворении и поэзии» (с. 522).

С. 95. *Эпиграмматическая. ~ К ней принадлежат все надписи, также эпитафии, французские мадригалы и сонеты.* — В понимании эпиграмматического жанра Тредиаковский существенно расходится с Буало (см.: «Наука о стихотворении и поэзии», Песнь вторая, с. 29, ст. 103—104), описывающим эпиграмму в узком смысле этого термина. Тредиаковский здесь и в примеч. к Песни первой «Науки о стихотворении и поэзии» (с. 22) относит к эпиграмматическому жанру все небольшие стихотворения, следуя в этом школьным поэтикам.

С. 95. *Марциал из древних весьма в ней прославился, а от некоторого кесаря собственным себе Виргилием был за то почитаем.* — На что здесь ссылается Тредиаковский, неизвестно.

С. 95. *...Эмпедокл ~ Лукреций...* — См. коммент. к с. 67, примеч. 25 «Эпистолы к Пизонам» (с. 543—544).

С. 95. *Сатира приятным и насмехательным ~ славны ею на латинском языке...* — Ср.: «Наука о стихотворении и поэзии» Буало (Песнь вторая, с. 30, ст. 145—167). Луцилий — см. коммент. к с. 30, ст. 147—148 Песни второй «Науки о стихотворении и поэзии» (с. 525).

С. 96—97. *§ 10. Генетлиаческая. ~ им быть строфами не весьма прилично.* — В § 10—23 перечисляются виды стихотворений (поэмы) по доклассицистической классификации, обычной в латинских поэтиках, см., например: *Sarbiewski M. K.* O poezji doskonałej czyli Wergiliusz i Homer. (De perfecta poesi, sive Vergilius et Homerus). Wrocław, 1954. S. 492—494. Тредиаковский, по-видимому, прямо не заимствовал своих определений и составил свой перечень самостоятельно, собрав его из разных латинских и русских школьных поэтик. Список и определения Тредиаковского дословно повторяет А. Байбаков (1774. С. 32—33). Описывая здесь поэмы на основании их материи, а выше на основании разных признаков, Тредиаковский предлагает читателю две отчасти противоречащие друг другу классификации. Так, описываемые в этих параграфах стихотворения в большинстве своем принадлежат к лирическому (ода), эпическому или элегическому жанру, на что указывает сам Тредиаковский в описании присущих им форм стиха. Здесь всюду «строфы» означают оду, «лирическая поэма» — стихотворение, написанное строфами, т. е. оду; «гексаметры» и «героическая», представляя собой также синонимы, означают торжественное стихотворение, широко распространенное в европейской поэзии XVII в., но не получившее в классицистических поэтиках специального обозначения.

С. 96. *...«Силв.»...* — «Сильвы» — книга стихов Стация (см. о нем коммент. к с. 39, ст. 251 Песни третьей «Науки о стихотворении и поэзии», с. 530), состоящая из 32 стихотворений разной длины, написанных (все, кроме шести, гекзаметром) на случай, без тщательной отделки.

С. 97. *Пример сея поэмы у Овидия «От Понта» в кн. 2, элег. 1.* — Имеется в виду, очевидно, элегия Овидия «Германику Цезарю» (II, 1).

С. 97. *Схоластическая, или Симпосиастическая. ~ Примера мне нигде видать стихами не случилось, кроме сатирического Горациева и Боало-Депреова.* — Имеется в виду 8-я сатира II книги Горация и третья сатира Буало.

С. 97. *Сарбиевий* — Матвей Казимир Сарбевский (Sarbiewski, лат. Sarbievius, 1595—1640), новолатинский польский поэт; Тредиаковским допущена ошибка: у Сарбевского четыре книги од.

С. 97. *...у Федра, который Эзоповы фабулы изобразил ямбическим сенарием.* — Федр (ок. 15 до н. э.—ок. 50 н. э.) — латинский баснописец, стихотворные переложения басен Эзопа которого пользовались большой популярностью на протяжение Средневековья и Возрождения. «Ямбический сенарий» — римский стихотворный размер, аналогичный греческим триметрам, использовавшийся главным образом в комедиях (ср. отзыв об этом размере Тредиаковского в связи с переводом комедии Теренция «Евнух»: «Стих я употребил в перевод мой пентаметр хореический: он мне показался наибольше сходствующим с сенарием латинским» — «Варианты и редакции», с. 427). Буквальный перевод на русский язык этого термина — шестистопный ямб (от лат. senarius — шестикратный) — определил, по-видимому, форму переводов Эзоповых басен Тредиаковского (см. преамбулу к коммент. к разделу «Несколько эзоповых басенок, для опытка гексаметрами ямбическими и хореическими составленных», с. 572).

С. 98. *Парнас. Феб. Музы. ~ С Авзониевых гексаметров тетраметрами.* — Авсоний Децим Магн (Decimus Magnus Ausonius, IV в.) — римский поэт. Стихотворение, переведенное Тредиаковским, не принадлежит Авзонию, а относится к позднеантичной школьной поэзии, имевшей распространение в продолжение всей эпохи новолатинской культуры. В разных традициях стихотворение «Clio gesta canens trans actis tempora reddit...» (оригинал указан В. В. Зельченко) приписывалось, очевидно, разным позднеантичным поэтам. В издании Э. Беренса оно помещено под заглавием «Стихи Катона о музах» (Poetae Latini minores / Rec. et emend. Aem. Baehrens. Lipsiae, 1879. V III. P. 243—244; N 35; см. также: *Гаспаров М. Л.* Комментарии // Поздняя латинская поэзия. М., 1982. С. 674, 681). Можно предполагать, что оно входило в латинские учебные руководства, из которых его взял для перевода Тредиаковский, напечатавший его впервые в «Изъяснениях» к «Аргениде» (Ч. 1. С. 274—275). Стихотворение в переводе Тредиаковского было популярно в русских школьных поэтиках; его приводит Филофей Красногорский в «Bicollis Parnasus», курсе, прочитанном в Смоленске в 1758/1759 г. (см.: РНБ. Разнояз. Q. XIV № 61. Л. 175), и А. Байбаков во 2-м издании «Правил пиитических» как пример хореических тетраметров мужского и женского окончаний (Байбаков, 1780. С. 11).

С. 98—99. *...охотники жалуются на наше стихотворение ~ они не знают, чему последовать и на чем утвердиться.* — Это единственное известное нам прямое свидетельство о своеобразии ситуации, сложившейся в русской поэзии после реформы стиха. Русское стихосложение со второй половины 1730-х гг. и примерно до второй половины 1770-х гг. характеризуется сосуществованием

нескольких систем версификации: силлабической, силлабо-тонической по способу Тредиаковского 1735 г. и новой силлабо-тонической, введенной Ломоносовым. Судя по опущенному фрагменту, следовавшему сразу за этим местом (см. раздел «Варианты и редакции», с. 365), здесь имеется в виду и четвертая система: силлабика, модернизированная Кантемиром. В отличие от «прямых и существенных наших стихов», т. е. силлабо-тонических, стихотворения, написанные в других системах, не попадали в печать.

С. 98—99. *Может быть, жалуются они на разность нашего нынешнего стихотворения ~ по оному моему «Способу» не было в оных.* — Этот пассаж отчасти противоречит предыдущему. Исключенное из окончательной редакции трактата опровержение системы Кантемира свидетельствует о внимании к ней в среде стихотворцев, Тредиаковский не мог не знать и о преимущественном господстве в начале 1750-х гг. силлабики, однако он сознательно сводит сосуществование четырех систем к двум: к силлаботонике по способу 1735 г. и к современной силлаботонике, — сглаживая, как и всегда в подобных случаях, их принципиальное расхождение и тем самым превращая их в одну.

С. 99. *...душа и жизнь всего нашего стихотворения...* — Ср.: «душа и жизнь всего стихосложения, именно ж: тоническое количество слогов» (Предуведомление. С. LXV).

С. 99. *Да предпочитается ямб, понеже в некоторых такое есть благоволение...* — Здесь содержится намек на Ломоносова.

КОММЕНТАРИИ К ВАРИАНТАМ РУКОПИСИ С. 363—365.

Глава седьмая, стр. 197. *...увидели после моего «Способа» ~ чего ничто не может быть основательнее.* — Этот фрагмент впервые опубликован А. Б. Шишкиным (*Шишкин А. Б.* К истории работы В. К. Тредиаковского над «Сочинениями» (неизданные материалы) // Русская литература. 1982. № 3. С. 135). Тредиаковский критикует систему новой силлабики, изложенную Кантемиром в «Письме Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских» ([*Кантемир А.*] Квинта Горация Флакка десять писем первой книги... СПб., 1744), присланном в 1743 г. в Петербург. «Письмо» содержало в себе ответ Кантемира на вводимую Тредиаковским в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» тоническую систему стихосложения. Тон настоящего фрагмента, резко контрастирующий с почтительными и лестными высказываниями Тредиаковского о Кантемире при его жизни, был, по-видимому, причиной его изъятия Миллером и Таубертом при цензурировании СП. Ср. с позднейшей оценкой Тредиаковского системы Кантемира: «Что ж до новейшия системы нашему стихосложению, явившейся у нас 1744 года, а составленныя некоторым ученым человеком, то хотя автор благопохвальным мудрствованием своим показал ученому

российскому свету великую остроту вымысла, однако, если кто выкинет из его системы все ненужные обходы, крюки и кривизны, тогда всяк выдет по ней прямо токмо к среднему нашему стихосложению, то есть к прозаическим строчкам. О твердости ее оснований автор сам нам объявляет на конце 63 параграфа, говоря: „Буде кто спросит у меня всему того причину (причины), я иную (иныя) показать не могу, разве что ухо мое (слух мой) мне те осторожности советует" Видно и по немногому сему, что система сия сочинена, конечно, чужестранным человеком. Но что и по сей день ни един из наших стихотворцев не употребил ее в дело, то вероятно, что пребудет она у нас только для наполнения исторических росписей разным составам нашего стихосложения» («О древнем, среднем и новом стихотворении российском». С. 450).

МНЕНИЕ О НАЧАЛЕ ПОЭЗИИ И СТИХОВ ВООБЩЕ

Печатается по СП (т. 1, с. 156—177) с учетом правки по НР (л. 86—98).

«Мнение о начале поэзии и стихов вообще» может считаться первой русской филологической статьей, носящей научный, а не декларативный (как «Рассуждение о оде вообще» или «Письмо о правилах российского стихотворства» Ломоносова) характер. При этом «Мнение о начале поэзии...» и следующая за ним статья «Письмо приятелю о нынешней пользе гражданству от поэзии» тесно примыкают к «Способу к сложению российских стихов», образуя вместе с ним единое учение о поэзии. Обе статьи представляют собой модернизированный вариант обязательного раздела поэтик, в том числе «школьных», рассказывающих о происхождении поэзии, ее значении. Дополняя «Способ к сложению российских стихов» двумя рассуждениями, Тредиаковский воссоздавал полноту поэтик, в которых наука о поэзии не ограничивалась правилами стихосложения и учением о жанрах, но претендовала на универсальность и онтологическую целостность. Вместе с тем, превращая рассуждения о происхождении поэзии и ее пользе в самостоятельные статьи, Тредиаковский наносил традиции поэтик решительный удар. Впервые оказывалось, что проблематика знакомых по поэтикам вопросов имеет самостоятельное, не связанное с руководствами значение. В таком подходе Тредиаковский ориентировался на традицию французской филологии, воссоздавая на русской почве тип литературно-критической статьи эпохи классицизма. Вопрос о начале поэзии, восходящий к «Поэтике» Аристотеля и «Эпистоле к Пизонам» Горация, широко обсуждался в литературе французского классицизма, его решение иллюстрировало основополагающую для этой культурной эпохи идею подобия и единства разных культур, незыблемости законов искусства, не зависящих от различия времен и народов. Изложение Тредиаковским начальной истории поэзии испытало влияние поэтики Н. Буало (см.: «Наука о стихотворении и поэзии», Песнь вторая), однако здесь существенно расширен в сравнении с ней рассказ о древнееврейской поэзии. Прямо цитирует Тредиаковский лишь двух французских авторов: Ш. Роллена

и Б. Фонтенеля, но, вероятно, в работе над статьей пользовался и другими, не установленными пока источниками, видимо французскими. При очевидной зависимости от французской критической литературы «Мнение о начале поэзии...» Тредиаковского представляет собой труд в большой степени самостоятельный: центральная часть рассуждения более спекулятивна, чем это допускалось во французской классицистической филологии, и принадлежит, по-видимому, самому Тредиаковскому. Возможно, что оригинальным является и ракурс, в котором рассматривается начальная история поэзии и параллельно, но отдельно, — стиха.

Разграничение понятий поэзия и стих, поэзия и стихотворство, восходящее к Аристотелю, характеризует определенный этап развития поэтологической мысли. Хотя знаменитое аристотелевское противопоставление поэзии и истории, на которое ссылается и Тредиаковский, приводилось в русских «школьных» поэтиках, и в них также говорилось об истинной и мнимой поэзии, однако о божественной природе поэзии в них говорилось кратко. Само учение о поэзии как «скрытой теологии», восходя в культуре Нового времени к Ф. Петрарке (Le familiari. X. 4; *Франческо Петрарка*. Эстетические фрагменты / Пер., вступ. ст. и примеч. В. В. Бибихина. М., 1982. С. 107—108; см. об этом, например: *Curtius E. R.* Europäische Literatur und lateinische Mittelalter. Bern; München, 1984. S. 233—234), становится актуальным в литературе классицизма. Ощущаемая Тредиаковским потребность утверждения в России учения о высокой, божественной природе поэзии свидетельствует о его приверженности классицизму в важнейшем вопросе всего направления. Уже начало статьи, полемичное по отношению к обыкновенному в его время употреблению термина «стихотворение» в значении и стихотворства, и поэзии, показывает новизну позиции в этом вопросе Тредиаковского.

Заявленное в статье различие понятий поэзия и стих, имеющее для автора явно принципиальное значение, помогает уточнить время создания статьи. Слово «поэзия», долго означавшее поэтику, т. е. науку о сочинении стихов (см.: [*Вейсман Э.*]. Немецко-латинский и русский лексикон. SPb., 1737. С. 471; Словарь Академии Российской. СПб., 1793. Ч. IV. Стб. 1023; 1794. Ч. V Стб. 737), в современном смысле было употреблено Тредиаковским в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» (с. 366) и, вероятно, именно он и ввел этот термин в новом его значении в русский язык. Однако в «Письме, в котором содержится рассуждение о стихотворении...» (осень 1750 г.) отвлеченная совокупность произведений, написанных стихами, последовательно называется им «стихотворением», например: «Помнит ли почтенный автор, что он оду сочинял, то есть самый высокий род стихотворения?» (с. 456); «с самого еще начала нового нашего стихотворения» (с. 476), а «поэзией» — поэтика: «не обучался он надлежащим университетским образом грамматике, реторике, поэзии, философии...» (с. 496). Но уже в «Предуведомлении» к «Аргениде», написанном вскоре после «Письма, в котором содержится рассуждение о стихотворении...» (конец 1750 г.), Тредиаковский всюду вместо «стихотворения» употребляет термин «поэзия», например: «подобна она эпической поэзии» (с. XI),

«коренная наша поэзия была без рифм» (с. LXVII). Той же последовательностью в употреблении терминов отмечен «Способ к сложению российских стихов», в котором «стихотворение» означает «стихосложение». В статье «Мнение о начале поэзии...» обосновывается различие понятий поэзия и стихотворение, что, в свою очередь, служит доказательством необходимости употребления термина «поэзия». Таким образом, «Мнение о начале поэзии...», связанное со «Способом к сложению российских стихов» и терминологически, написано, вероятно, вскоре после него, т. е. в конце 1751—начале 1752 г. Проведенное Тредиаковским в статье разграничение понятий стихотворение и поэзия определило всю концепцию поэтического искусства, легшую в основу «Сочинений и переводов» (см., например, название перевода поэтики Буало). Однако, по-видимому, учение Тредиаковского опережало русскую поэтологическую мысль. Уже в статье «О древнем, среднем и новом стихотворении» (1755) сам Тредиаковский отказывается от жесткого разграничения понятий стихотворение и поэзия и употребляет их как синонимичные, а Сумароков на протяжении всего своего творчества удовлетворяется терминами «стихотворение», «стихотворство» и лишь в поздних своих статьях (сер. 1770-х гг.) дважды говорит о «поэзии». Только к 1790-м гг. понятие поэзия, а вместе с ним и термин становятся наконец органичными для русской мысли и речи. Таким образом, предложенное Тредиаковским учение о божественной природе поэзии, не оказав, по-видимому, прямого влияния на современников, предопределило понимание поэзии в литературе сентиментализма и романтизма.

В комментариях использована работа Г Ахингер: *Achinger G.* Der französische Anteil an der russischen Literaturkritik des 18. Jahrhunderts unter besonderer Berucksichtigung der Zeitschriften (1730—1780). Berlin; Zürich, 1970. S. 34—38.

С. 100. *Преизрядно после Горация уподобляется поэзия живописи...* — Уподобление поэзии живописи — общее место поэтик эпохи Возрождения и Нового времени, вплоть до Лессинга («Лаокоон», 1766). Это уподобление лежит в основе популярного во французской критике первой половины XVIII в. трактата Ж. Дюбо «Критические размышления о поэзии и живописи» (Les Réflexions ctitiques sur la poésie et sur la peinture. Paris, 1719), возможно, известного Тредиаковскому.

С. 100. *...Эризий Путеанский написал ~ «Иное быть пиитом, а иное стихи слагать».* — Эрик Путеанус (Ericius Puteanus, 1574—1646) — гуманист, выдающийся историк древностей и литературы, издатель, историограф. Тредиаковский, скорее всего, не был знаком с трудами Путеануса. Источник цитаты не установлен.

С. 100. *Наш язык весьма сему подвержен, когда поэзию называет стихотворением...* — См. выше преамбулу к коммент.

С. 100. *Первое сделал Иоанн Барклаий в своей «Аргениде» и Фенелон в «Телемаке», а другое — Лукан в описании «Фарсалическия брани»...* — Иоанн

Барклай (Barcly J., 1582—1621) — автор романа «Аргеннда», переведенного и изданного Тредиаковским в 1751 г.; Фенелон (F. S. Fénélon, de la Mothe, 1651—1715) — автор романа «Les Aventures de Télémaque», впоследствие переложенного Тредиаковским (Тилемахида. СПб., 1766). Схожая оценка обоих романов высказана Тредиаковским в 1735 г. в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» (с. 417). Лукан — см. коммент. к с. 21, ст. 98 Песни первой «Науки о стихотворении и поэзии», с. 519. Оценка Тредиаковского «Фарсалии» повторяет устойчивое о ней мнение, сложившееся уже во вторую половину I в. (см.: *Квинтилиан*. Наставление ораторам. X. 1, 90; *Марциал*. Эпиграммы. XIV. 194), а затем постоянно фигурирующее в европейской критике (ср.: «Наука о стихотворении и поэзии» Буало, Песнь четвертая, с. 47, ст. 83—84, см. коммент. на с. 533—534). Более развернуто такое мнение о «Фарсалии» высказано Тредиаковским в «Предызъяснении о ироической пииме», где, в частности, приводятся слова Квинтилиана: «Квинтилиан присвояет его более к риторам, нежели к пиитам», с отсылкой в примечании к указанному месту «Наставления ораторам» (с. XVII).

С. 100—101. *Сие разумение есть Аристотелево, он в своей «Поэзии», переведенной Александром Павийским...* — Имеется в виду «Поэтика» Аристотеля. Ее перевод с греческого на латинский язык был выполнен Александром Пакийским (Paccius, 1483—1530) и издан в 1536 г..

С. 101. *От сего, что пиит есть творитель ~ пиитическое вымышление бывает по разуму...* — Этот фрагмент почти дословно совпадает с соответствующим местом поэтики Киево-Могилянской академии «Lyra» (1696): «...на том основании, что поэт вымышляет, нельзя обвинять его, а равно и поэзию, в бессовестной лжи, потому что вымысел поэта не есть ложь, как обыкновенно понимают это слово, и не противное разуму говорит он, как лжецы; но преимущественно изображает предметы, согласные с разумом...». Этот пример возможного заимствования Тредиаковским из киевской поэтики приведен в собственном переводе с латыни В. Н. Перетцем в доказательство глубокой зависимости Тредиаковского от школьных поэтик (см.: *Перетц В. Н.* Историко-литературные исследования и материалы. СПб., 1902. Т. 3. С. 59). Однако вероятность знакомства Тредиаковского с киевской поэтикой требует доказательств. Не исключено, что Тредиаковский и автор поэтики «Lyra» пользовались одним источником. Защита поэтов и поэзии от обвинений в вымысле (лжи) имеет, по-видимому, давнюю традицию. Так, например, в словаре Э. Вейсмана слово «Dichter, factor, poeta» толкуется как «вымышленник, выгадыватель», а слово «Dichtkunst, poesis» как «пиитическая хитрость» (Немецко-латинский и русский лексикон. S. 133; рус. переводчики: И. Ю. Ильинский, И. С. Горлицкий, И. П. Сатаров).

С. 101. *Творить по-пиитически есть подражать подобием вещей возможных, истинных образу.* — Это положение, лежащее в основе понимания искусства как подражания, принадлежит Аристотелю.

С. 101. *...Цицерон в слове «За Архия-пиита» утверждает, говоря, что «пиит от самого естества силу себе получает ~ божественным одушевляется духом»...* — Цитата из «Речи в защиту поэта Авла Лициния Архия» Цицерона была общим местом в трудах о поэзии эпохи Возрождения и Нового времени.

С. 101. *...отмена...* — т. е. отличие; см. ниже: «отменить» — т. е. отличить.

С. 102. *Но сей Озирид многими приемлется, особливо ж из христиан Евсевием, а из язычников Диодором Сицилийским...* — Евсевий Памфил (Eusebi Pamphil, 263—340) — раннехристианский историк церкви и философ, см. также коммент. к с. 104; Диодор Сицилийский (ок. 90—21 до н. э.) — историк эпохи эллинизма.

С. 102. *Пеирид* — легендарный царь Македонии, обучивший своих дочерей музыке и поэзии, отчего они возомнили себя равными музам; Аполлон наказал их, превратив в ворон.

С. 102. *...отцом назван Муз, называемых от его имени Пиеридскими, или Пиеридовнами.* — Ср.: ...у греков есть в отечествах свой равномерный наш *-ич* ⟨...⟩ Есть у греков имена, называемые патронимика, а по-нашему *отчеименными*, переведены они в грамматике, из которых мужеские обще (не говоря об ионических и эолических окончаниях, также и об окончаниях женских) кончатся на *-дис*, как то: от *Приамос* (Приам) *Приамидис* (Приамович); от *Кронос* (Сатурн) *Кронидис* (Кронович); от *Лаертис* (Лаерт) *Лаертиадис* (Лаертович); от *Атрей Атреидис* (Атридович), так и от *Архилохос* — *Архилохидис*, а сие точно по нашему *Архилохович*» (Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении... С. 484).

С. 102. *...наподобие французских водевилей...* — См. коммент. к с. 31, ст. 182 Песни второй «Наука о стихотворении и поэзии» (с. 525).

С. 102. *Орфей и Амфион ~ ввели порядочное сожитие уставами.* — Ср.: «Наука о стихотворении и поэзии» (Песнь четвертая, с. 48—49, ст. 133—155). Оба поэта упоминались в поэтиках в разделах о происхождении поэзии (см., например: Феофан Прокопович. О поэтическом искусстве. С. 341).

С. 102. *Чего ради Энний и называет пиитов святыми...* — Эта ссылка на Энния (см. о нем коммент. к с. 54 «Эпистолы к Пизонам» (с. 538)) находится в «Речи в защиту поэта Авла Лициния Архия» Цицерона сразу после процитированного выше Тредиаковским места (см. коммент. к с. 101).

С. 102. *...Овидий признавает ~ «Есть бог в нас ~ семена святого ума».* — Стихи Овидия («Est deus in nobis, agitante calescimus illo, / Impetus hic sacrae semina mentis habet» (Fasti, lib. 6, 5—6)) были взяты Тредиаковским в качестве эпиграфа к «Новому и краткому способу к сложению российских стихов» (1735) и сопровождены переводом:

Стихотворчеству нас Бог токмо научает,
И Святый охоту в нас пламенну рождает.

В новом переводе Тредиаковский привел их в «Предызъяснении о ироической пииме»:

Есть Бог в нас, его сотрясением мы пламенеем:
Семя священна ума имать стремленность сия.
(с. IV)

С. 103. *Основательно Платон написал в третией своей книге об уставах, говоря: «Род пиитов есть божественный».* — См.: *Платон.* Законы. III, 682а.

С. 103. *...Блаженный Августин написанное негде оставил: «Первые пииты ~ о бессмертном боге воспевали».* — Августин (Sanctus Aurelius Augustinus, 354—430) — раннехристианский богослов. Источник цитаты найти не удалось.

С. 103. *...Платон в «Федре» утверждает еще: «Пииты ~ многую пользу грекам принесли».* — В «Федре» Платон называет Тиртея «божественным поэтом» (629b); приведенной Тредиаковским цитаты в тексте нет.

С. 103. *Овидий еще ж говорит: «Мы священными пиитами и божеским попечением именуемся».* — «At sacri vates et divum cura vocamur» (Amores, lib. III, 9, 17)

С. 103. *Так и Лукан восклицает: «О! Священный и великий всех пиитов труд».* — «O sacer et magnus vatum labor...» (Фарсалия. IX, 981).

С. 103. *...тропологически...* — т. е. метафорически, от слова троп.

С. 103. *...первая мысль обыкновенно приводит к подобной другой...* — Ср.: «Рассуждение о комедии вообще» (с. 251), см. коммент. на с. 627.

С. 103. *...природно...* — т. е. естественно.

С. 104. *...«Пастушеская поэзия ~ кои знакомее им были».* — Цитата из трактата «О природе эклоги» («Traité sur la natur de l'églogue», 1688) Б. Фонтенеля.

С. 104. *...Евсевий Памфилов в II Книге о «Предуготовлении Евангельском» ~ «как все прочие преизящные науки ~ совершенство, достигла».* — Во II книге «О приготовлении евангельском» (Praeparationis Evangelica, lib. I—XI) Евсевия Памфила приведенной Тредиаковским цитаты нет. Схожее положение он высказывает в XI книге (5, 7—11). Ссылка на мнение Евсевия о происхождении поэзии была обыкновенной в поэтиках. Ср.: «Евсевий в III книге „О приготовлении Евангельском“ говорит, что впервые поэзия процвела у древних евреев, которые жили гораздо раньше греческих поэтов, и что Моисей, перейдя через Чермное море, воспел благодарственную песнь Богу, составленную в стихах гекзаметрах» (Феофан Прокопович. О поэтическом искусстве. С. 340).

С. 104. *...истину сказанного Ролленем ~ «Узнаваем по ней (по истории) ~ из которого оные проистекли».* — Тредиаковский дословно цитирует свой перевод Ш. Роллена: «Предисловие. Польза языческия истории, а особливо

в рассуждении закона и богопочитания» (Древняя история... СПб., 1749. Т. 1. С. III).

С. 105. ...*случай к различению в речениях долгих и кратких слогов, меряющихся временем при их ударении ~ возвышением звона, а чрез то к некоторому немерному роду стиха.* — Тредиаковский не сомневался, что первые стихи были тоническими.

С. 105. ...*первая мысль, приводя к подобной ~ или уменьшением.* — Ср.: «Рассуждение о комедии вообще» (с. 251); см. коммент. на с. 627.

С. 106. ...*выразнее...* — т. е. выразительнее; ср.: «Наука о стихотворении и поэзии» (Песнь третья, с. 38, ст. 238).

С. 106—107, примеч. *Сие равным образом я разумею и о наших самых первоначальных стихах ~ Ох ты ро́|дило толь|ко роки́|тов куст.*— Здесь дается первое научное описание русского народного стиха. Первоначально обращение Тредиаковского к народному стиху было обусловлено поисками тонического звучания русского стиха в период реформы (см.: Новый и краткий способ к сложению российских стихов. С. 383—384). На опыт народной поэзии он ссылался и в дальнейшем, отстаивая правомерность безрифменного стиха: «Простых наших людей песни все без рифмы, хотя идут то хореем, то ямбом, то анапестом, то дактилем, а сие доказывает, что коренная наша поэзия была без рифм и что она тоническая» (Предуведомление. С. LXXVII) или: ...самое природное и первенствующее наше стихосложение было, всеконечно, без рифм, хотя и состояло стопами как двусложными, так и трисложными по тоническому количеству (рифмические стихи бесстопные от поляков, а ямвические пришли к нам от германцев)... (Предызъяснение. С. L). Вместе с тем интерес Тредиаковского к народному стиху не ограничивался практическими задачами, а носил научный характер. В использовании «подлых, но коренных стихов» как полноправного материала по истории и теории стиха сказалось, по-видимому, влияние французского классицизма, с пробудившимся в нем интересом к фольклору. Для русской культуры середины XVIII в. такой подход к народной поэзии был смелым новаторством. Теория народного стиха, предложенная Тредиаковским, не обратила на себя внимания его современников, однако, по-видимому, оказывала определенное влияние на последующее отношение к народной поэзии. Начавшееся в конце 1760-х гг. увлечение русским фольклором, проявившееся, в частности, в подражаниях былинному стиху, подтвердило намеченную Тредиаковским оппозицию народного и книжного стиха; за народным стихом уже в 1770-е гг. закрепилось данное Тредиаковским название «русский стих». А. Байбаков во 2-м издании «Правил пиитических» дал описание «русского стиха», в целом совпадающее со схемами Тредиаковского (см.: Байбаков, 1780. С. 16—17, 18—19).

Природа русского народного стиха оказалась иной, — только в 1810-е гг. к ее пониманию подошел А. Х. Востоков. В период создания им «Опыта о русском стихосложении» (СПб., 1817) возникло, по-видимому, обсуждение и теории Тредиаковского. Г. Р. Державин накануне смерти запросил мнения

Евгения Болховитинова о правомерности тонических схем Тредиаковского для народного стиха, сопроводив свое письмо (от 20 июня 1816 г.) выпиской примеров из настоящего примечания (см.: Москвитянин. 1842. № 1. С. 169—171). Теория народного стиха Тредиаковского в целом неверна. О «русском стихе» см.: *Бейли Дж.* Избранные статьи по русскому народному стиху. М., 2001; *Западов В. А.* «Русские размеры» в поэзии конца XVIII века // XVIII век. СПб., 1999. Сб. 21. С. 391—400.

С. 107. ...*соединенную поэзию с стихами ~ описывает Роллень, в самом начале второго на десять тома «Древния» своея «истории»*. — Двенадцатый том «Древней истории» не был переведен Тредиаковским, ниже следующий перевод был им сделан специально для этой статьи. Строки из него (292—296) цитируются и в «Рассуждении об оде вообще» (с. 158).

С. 108, примеч. *Сам Бог дал славное засвидетельствование в Деяниях, в главе 7, стих 22, что Моисей изучен был всей премудрости египетской...* — «и научен был Моисей всей мудрости египетской, и был силен в словах и делах» (Деян. 7, 22).

С. 108. ...*Пророки и Псалмы представляют пред нас еще подобные ж образцы...* — Имеются в виду песни пророков (например, переложенные Тредиаковским песни Моисея, пророка Аввакума и песнь Деворы) и псалмы Давида, традиционно считавшиеся образцами высочайшей поэзии.

С. 109. *Гезиод составил стихами родословие богов...* — Имеется в виду одно из сохранившихся произведений древнегреческого поэта Гесиода (ок. 700 г. до н. э.) «Теогония» («Происхождение богов»).

С. 109. ...*гимны, кои обыкновенно приписываются Гомеру...* — Речь идет о так называемых «гомеровских гимнах», приписывавшихся по старой традиции (VI в. до н. э.) Гомеру.

С. 109. *Каллимах* (ок. 310—235 до н. э.) — древнегреческий поэт александрийской эпохи, знаменитый своими элегиями, в его разнообразном поэтическом наследии много гимнов.

ПИСЬМО К ПРИЯТЕЛЮ О НЫНЕШНЕЙ ПОЛЬЗЕ ГРАЖДАНСТВУ ОТ ПОЭЗИИ

Печатается по СП (т. 1, с. 179—184) с учетом разночтений по НР (л. 98 об.—101 об.).

Написано не позднее мая 1752 г. Представляет собой литературную статью в форме письма. Первоначальное заглавие статьи «Письмо от приятелю к приятелю о нынешней пользе гражданству от поэзии» и стоявшая в конце ее рукописного текста дата, затем выскобленная, ставят ее в ряд открытых писем Тредиаковского, адресованных конкретным лицам: «Письмо некоего россиянина к своему другу» (возможный адресат — А. Д. Кантемир), «Письмо, в котором содержится рассу-

ждение о стихотворении, поныне в свет изданном, от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю» (адресат — Г Н. Теплов). Содержание и тон настоящего письма позволяют делать предположения и о его адресате — молодом вельможе, приближенном ко двору, влияющем на его культурную политику и при этом занимающемся сочинением стихов, как можно судить, слабых. Скорее всего, это И. И. Шувалов, бравший в 1751—1752 гг. уроки стихосложения у Ломоносова, но писавший, беспомощные стихи (см.: Пекарский. С. 505). Вероятность того, что адресатом был Шувалов, подтверждает уместность объяснения в письме значения поэзии для общества, которое могло быть небесполезным молодому меценату, взявшемуся покровительствовать наукам и искусствам. В то же время «Письмо» примыкает к предыдущей статье «Мнение о начале поэзии и стихов вообще» и так же, как и она, представляет собой обязательный раздел поэтик, в том числе «школьных», заключающийся в доказательстве важности поэзии, логически связанный с объяснением происхождения поэзии и следующий, как правило, вслед за ним.

Рассуждения о пользе поэзии имеют давнюю традицию, восходящую в литературе Нового времени к Петрарке, а у него, в свою очередь, к Цицерону и Аристотелю.

С. 110. *Письмо к приятелю о нынешней пользе гражданству...* — Здесь: приятель — добрый знакомый; гражданство — общество.

С. 110. *Леммы* — краткие надписи к изображениям.

С. 111. *Иоанн Дамаскин* (ок. 673—777) — Отец церкви, выдающийся поэт Восточной церкви. Греческие молитвы и гимны в русской церкви переводились ритмической прозой; ср.: «И еще более значительным (в доказательстве важности поэзии. — *Н. А.*) является то, что много Святых Отцов создавали замечательные поэмы. Таковы, например, Киприан, Иларий, Дамас, Павлин, Пруденций, Синезий, Иоанн Дамаскин» (Феофан Прокопович. О поэтическом искусстве. С. 344).

С. 111. *...«правилами состоящих и доказательствами утверждаемых»...* — Источник цитаты не установлен.

С. 112. *...ныне сия не весьма и всеконечно надобная ~ прославляющая наука здесь процвела и эпическою доброгласною трубою, как цветет уже некоторых струн звоном...* — Здесь впервые перед русской поэзией была поставлена задача создания эпопеи. «Прославляющая наука» — в строгом смысле, это панегирическая поэзия, но Тредиаковский, очевидно, так называет поэзию вообще. Высказанная здесь похвала одам Ломоносова («некоторых струн звон») должна была быть приятна И. И. Шувалову, оказывавшему уже в эту пору покровительство первому лирику. Этот фрагмент «Письма» и выше (с. 111), где говорится о деяниях Петра Великого как о предмете для эпопеи, могли зародить у Шувалова мысль заказать Ломоносову эпическую поэму о Петре Великом.

НЕСКОЛЬКО ЭЗОПОВЫХ БАСЕНОК, ДЛЯ ОПЫТКА ГЕКСАМЕТРАМИ ЯМБИЧЕСКИМ И ХОРЕИЧЕСКИМ СОСТАВЛЕННЫХ

Печатается по СП (т. 1, с. 185—226) с учетом разночтений по НР (л. 102—121 об.).

Бóльшая часть басен этого раздела была написана Тредиаковским предположительно в 1751—1752 гг., когда «Способ к сложению российских стихов» был уже закончен. Говоря в нем о жанре басни (глава седьмая, § 23), Тредиаковский не упоминает своих басен, что позволяет думать, что они еще не были написаны. Подготовленный им корпус был самым большим из появившихся к тому времени в печати стихотворных басен (слово «несколько» в названии раздела принадлежит к риторической гиперболе). Причина обращения Тредиаковского к жанру басни, по всей видимости ему чуждому, связана, вероятно, с начавшимся в конце 1740-х гг. освоением этого жанра поэзией классицизма. Ко времени создания Тредиаковским басен известностью в России пользовались переводы Эзопа с греческого Ф. К. Гозвинского (1609), с латыни А. Виниуса (1674) и с польского П. Кашинского (1675), ходившие в списках (см.: *Тарковский Р. Б.* Старший русский перевод басен Эзопа и переписчики его текста. Л., 1975), а также сборник басен Эзопа в английском переложении Рожера Летранжа, переведенный с французского перевода на русский язык прозой С. С. Волчковым (1747). По-видимому, на выборе сборника Иоахима Камерария для перевода (см.: «К читателю», с. 15) сказалось желание Тредиаковского противопоставить свои басни и русской силлабической басенной традиции, и французской классицистической. Можно согласиться с автором фундаментального исследования о русской басне Е. Иммендёрффер (*Immendörffer E.* Die Geschichte der russischen Fabel im 18. Jahrhundert. Harrassowitz Verlag, Wiesbaden, 1998. T. 1—2), предположившей, что своим выбором Камерария для перевода Тредиаковский сознательно связывал себя с басенной традицией немецкого гуманизма (Т. 1. S. 157). Иоахим Камерарий (Joachim Camerarius, 1500—1574), немецкий гуманист, знаток античности, разделял взгляд на басню своего учителя Филиппа Меланхтона (1497—1560) и Мартина Лютера (1483—1546). Оба старших гуманиста, признавая за басней большое значение, понимали ее как жанр низкий, простонародный, близкий шванкам. Составленный Камерарием сборник эзоповых басен («Fabellae Aesopicae...», 1538; всего за два века 30 переизданий) включал в себя не только басни Эзопа, но и басни, приписанные Эзопу средневековой традицией.

Традиция гуманистической басни существенно отличалась от классицистической, в которой басня, не относившаяся, правда, к высоким жанрам, ценилась за благородство и даже изящество. Так понимал басню и Сумароков, включивший в эпистолу «О стихотворстве» (1748) ее описание, отсутствовавшее в «Науке о поэзии» Буало. Возможно, оно было вызвано личным опытом Сумарокова в жанре басни, и первые его басни, ориентированные на прославленные образцы Лафонтена, были созданы в конце 1740-х—начале 1750-х гг. В этом случае высту-

пление Тредиаковского с подборкой басен может быть понято как ответ на басни Сумарокова. Антилафонтеновская трактовка жанра басни могла быть внушена Тредиаковскому Ролленом, хотя в цитируемом им фрагменте его рассуждения о басне (см.: «К читателю», с. 15) более чем сдержанное мнение Роллена о баснях Лафонтена и не приводится. Своими баснями Тредиаковский, по-видимому, хотел дать образец русской басни, приближенной, сколько возможно, к басне Древних и по своему содержанию, и по форме. Так, он исключил из басен Камерария пролог и эпилог, содержащие мораль и объяснения аллегорий, и, следуя Эзопу, оставил голую фабулу. Из этого можно заключить, что Тредиаковский, называя свои басни «эзоповыми», имел в виду не их принадлежность греческому баснописцу, а их тип (об эзоповой басне как разновидности жанра см.: Феофан Прокопович. О поэтическом искусстве. С. 379). Полагая, что античные образцы — это явление поэзии, Тредиаковский избрал для перевода стихотворную форму федровой басни. Назвав в «Способе к сложению российских стихов» идеальной формой для басни ямбический сенарий (см. с. 97 и коммент. к этому месту на с. 560), которым были написаны басни Федра, он, по-видимому, колебался в выборе эквивалентного ему русского стиха. Сенарии комедии Теренция «Евнух» он передал «хореическим пентаметром», а басни, подражая форме федровой басни, создал шестистопные, ямбические и хореические.

И в форме стиха, и в стиле он стремился к созданию «некудреватых стихов» (см.: «К читателю», с. 15), т. е. стихов простых, без затей, которые должны были противостоять разностопным ямбам сумароковских басен, претендовавшим на изящество. Комический эффект, производимый стилем его басен и относимый современниками и ближайшими потомками к невольному и постыдному курьезу, по-видимому, входил в задачу автора (ср., например, название раздела, в котором слова «басенки», «опыток» несут явную стилевую нагрузку). Непризнанные в XVIII—XIX вв., басни Тредиаковского сыграли немалую роль в создании его репутации как плохого поэта.

Басенка I. ПЕТУХ И ЖЕМЧУЖИНА

С. 113, ст. 1. *Петух взбег на навоз а, рыть начав тот вскоре...* — Строка приведена Сумароковым в статье «О стопосложении»: «Первые примеры дурного стопосложения возьму я из г. Тредиаковского. Начто долго искать, возьмем первую его басенку из „сочиненных им для опытка“, говоря его словом:

Петух взбег на навоз, а рыть начав тот вскоре...
◡ — — ◡ ◡ —
Пе тух взбег на на воз

Вторая стопа вместо желаемого ямба есть хорей.

Хвзбе. Тут изобильное слияние негласных литер и нежному слуху несносно. *Взбег* есть глагол, а *на* — предлог, от чего не та стопа и вылилась.

а рыть начав тот вскоре...

Союз *а* никак тут не вместен, потребен союз *и*; ибо сопротивления здесь нет. Если так было: *Петух взбег на навоз, а рыть его не мог*; тогда бы брело, колико стих ни скареден. Что до склада сего автора касается, так еще и критики недостойно, ибо всех читателей слуху он противен толико, что подобного писателя никогда ни в каком народе от начал мира не бывало, а он еще был и профессор красноречия! Все его и стихотворные сочинения, и прозаические, и все переводы таковы; так оставим его, ибо нет моего терпения смотреть в его сочинения» (*Сумароков А*. П. Полное собрание всех сочинений. М., 1787. Т. 10. С. 71). Между тем здесь, как и нередко в других местах, Тредиаковский употребляет союз *а* в значении союза *и* (заимствуя такое употребление из польского).

Басенка II. МУХА И МУРАВЕЙ

С. 114, ст. 17. ...*Дмящейся*... — возгордившейся.

Басенка IV ОБЛАКО И ЗЕМЛЯ

С. 115, ст. 2. ...*для своей оздобы*... — для своего украшения (от польск. ozdoba).

Басенка V ПЕС ЧВАН

Переложение басни древнегреческого баснописца Бабрия (II в.) «Собака с бубенцом». Единственная из басен Тредиаковского, ставшая известной до выхода СП. Написана, вероятно, в 1750 г. и направлена против Сумарокова. Впервые она была приведена в исключенном затем фрагменте «Предуведомления» к «Аргениде», отведенном полемике с Сумароковым, где басне предшествовал следующий пассаж: «Впрочем, хотя б и необходимо надобно когда было, чтоб сего сложения человеку в ответ нечто сказать, однако ж и в таком случае не надеюся я от себя, чтоб иным чем мог прыскание его возразить, как токмо тем, что благоразумный Эзоп в притчах своих предлагает об угрызающемся псе, да и сие еще тогда, в себе молча, и к пустозвону не прилагая, а именно». За басней следовало: «Но буде и сия моя умеренная в рассуждении Архилоша поступка честным... (СПбФАРАН. II. Оп. 1. № 77. Л. 37—37 об.; далее лист обрывается и подклеен новый). В подстрочном примечании приведен латинский текст басни Иоахима

Камерария. К строке «что пес тот лют добре, за тем бы прочь бежали...» дано примеч.: «Τῶν μνῆσαι, φίλε τέκνον... Илиад. X. Стих. 84. То есть: О сих помни, любезное чадо, а от злого человека бегай». Позднее басня вошла в так называемый Казанский рукописный сборник «Разные стиходействии» под заглавием «Эпиграмма сочинения В.П.Б.» в подборке сатирических произведений, направленных против Сумарокова.

Басенка VII. СОЛНЦЕ И БОРЕЙ (СЕВЕРНЫЙ ВЕТЕР)

С. 117, ст. 15. *Что путник епанчу с себя вот снял долой...* — Ср. со стихом басни Сумарокова «Феб и Борей»: «Накинул епанчу проезжий» (Полное собрание всех сочинений. М., 1787. Т. 7. С. 5).

Басенка XVIII. ОСЕЛ И ЩЕНОЧЕК

С. 121, ст. 4. ...*с кочку.* — т. е. с кочки (кочик — кочка, диалект.).

Басенка XIX. МИР У ВОЛКОВ С ОВЦАМИ

С. 122, ст 10. *Аманат* — друг.

Басенка XXVII. СТАРУХА, БОЛЯЩАЯ ГЛАЗАМИ

С. 127, ст. 6. ...*мастью...* — т. е. мазью.
С. 127, ст. 12. ...*невишная...* — т. е. незрячая.

Басенка XXIX. КОТ И МЫШИ

С. 128, ст. 7. ...*Напаствуемый...* — т. е. напитавшийся (от напасать, пасти).

Басенка XXX. МЕСК

С. 128. *Меск* — лошак или мул.
С. 128, ст. 1. ...*в тук...* — до ожирения.
С. 129, ст. 7. *Ристать* — скакать.

Басенка XXXI. ЛЕВ ЖЕНИХ

С. 129, ст. 12. ...*не щитился*... — т. е. не противился (не защищался).

С. 129, ст. 13. *Пазногти* — здесь: когти; последние суставы пальцев с ногтями.

С. 129, ст. 16. *Долбня* — большой деревянный молот.

Басенка XXXII. ПЕТУХИ

С. 130, ст. 6. *Котух* — хлев для мелкой скотины (диалект.).

С. 130, ст. 13. ...*хлудин*... — Хлуда — ссор, навоз, хлам.

Басенка XL. ЛЕВ И ЛИСИЦА

С. 134, ст. 15. ...*скушать нарохтился*... — т. е. собирался.

Басенка XLI. ПТИЧНИК И ЗМИЯ

С. 134, ст. 4. ...*с руку*... — т. е. с руки, удобно.

Басенка XLIX. ЛЕШИЙ И МУЖИК

С. 138, ст. 21. ...*наслеком*... — т. е. оставаться на ночь.

Басенка LI. САМОХВАЛ

У Эзопа басня носит название «Хвастливый пятиборец». Распространено мнение, что в этой басне Тредиаковский имел в виду литературную и ученую репутацию Ломоносова, когда тот возвратился из-за границы (ср.: *Куник А.* Сборник материалов для истории Академии Наук. СПб., 1865. Ч. I. С. XLIX; Пекарский. С. 166). Историк С. М. Соловьев относил стихотворение к кабинет-министру Волынскому (ср.: Пекарский. С. 166), считая его той «песенкой», за которую Тредиаковский был вельможей бит. Ни то ни другое предположение не представляются очевидными. Эти «намеки на личности» в 1752 г. уже не могли быть актуальными; кроме того, басня представляет точный, почти буквальный перевод из Эзопа. Вместе с тем общий смысл басенной притчи прозрачен. Сам Тредиаковский спустя несколько лет в споре о привилегированном положении иностранцев в Академии наук приноровил свой

перевод к новой ситуации: «Совсем неосновательный резон, чтобы для того такому члену (иноземному) отдавать старшинство, понеже он славен у себя в своем искусстве, ибо хотя он и преизрядно плясал на Родосе, как то басенка говорит, однако здесь для него должен быть Родос; может он и здесь также изрядно в свое время поплясать и тем показаться» (Пекарский. С. 181).

ТОМ ВТОРОЙ

РЕЧЬ, КОТОРУЮ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК К ЧЛЕНАМ БЫВШЕГО РОССИЙСКОГО СОБРАНИЯ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОГО ИХ ЗАСЕДАНИЯ МАРТА 14 ДНЯ 1735 ГОДА О ЧИСТОТЕ РОССИЙСКОГО ЯЗЫКА ГОВОРИЛ В. Т.

Печатается по СП (т. 2, с. 5—19) с исправлениями по НР (л. 129—136).

Новая редакция слова, произнесенного Тредиаковским 14 марта 1735 г. и вышедшего затем отдельным изданием (СПб., 1735).

«Речь» — первое ораторское слово, произнесенное в Академии наук на русском языке, она открывает ряд русских академических слов.

Сведения о деятельности Российского собрания скудны и неточны. Ни в первой редакции «Речи», ни во второй Тредиаковский не употребляет название «Российское собрание». Не названо оно так и в распоряжении президента Академии наук И. А. Корфа от 14 марта 1735 г. о создании специальной конференции переводчиков: «Академии наук переводчикам сходиться в Академии наук два раза в неделю, а именно: в среду и субботу, поутру и после обеда, и иметь между собою конференцию, снося и прочитывая все, кто что перевел, и иметь тщание в исправлении российского языка в случающихся переводах. Чего ради в оных конференциях присутствовать секретарю Тредияковскому, адъюнкту Ададурову и ректору немецкого класса Швановичу (Мартину Шванвицу. — *Н. А.*), а о тех конференциях журнал содержать Тоуберту (так!) и всегда в понедельники оный предлагать его превосходительству господину камергеру (президенту Корфу. — *Н. А.*) (Материалы для истории императорской Академиии наук. СПб., 1888. Т. II. С. 633). Вскоре, по-видимому, конференция переводчиков стала называться Российским собранием, однако в немногочисленных документах Академии наук, связанных с ней, она чаще упоминается как собрание переводчиков. По-видимому, президент Корф, объединяя переводчиков в особое сообщество, не преследовал иной цели, как повысить уровень подготавливаемых внутри Академии наук переводов. Однако Тредиаковский, возможно и раньше подумывавший о желательности специальной организации для развития русской литературы и языка, преисполнился

энтузиазмом в надежде превратить конференцию в собрание, сопоставимое по своему значению с Французской академией или Немецким обществом в Лейпциге. Себе же он отводил, судя по «Речи», ведущую в нем роль. Поставленные им перед членами Собрания задачи, сформулированы, очевидно, им самим, и трудно сказать, встретили ли они сочувствие слушателей. Собственной инициативой Тредиаковского была, по-видимому, и произнесенная в первом заседании конференции речь. Спустя полтора года Тредиаковский вполне оптимистично говорит о деятельности Собрания в «Письме некоего россиянина к своему другу, написанном по поводу нового российского стихосложения» (11 октября 1736), не упоминая однако в нем о своей лидирующей роли (Стихотворения. С. 354—355). Возможно, что в начале своего существования Российское собрание и было деятельным, однако с отъездом Тредиаковского в годовой отпуск в феврале 1738 г. оно, видимо, стало распадаться. В отличие от Французской академии и Немецкого общества у Российского собрания не было ни устава, ни своего печатного органа, не велись, по-видимому, и протоколы его заседаний (сведений о журнале, упомянутом в указе, нет). Роль названных в указе обязательных членов Собрания была в Академии наук слишком скромной, чтобы оно обрело какое-нибудь заметное значение. Работа по составлению грамматики и словаря русского языка, о которой с пафосом говорит в «Речи» Тредиаковский, была начата в Академии до учреждения Российского собрания и находилась в очень малой от него зависимости. То же можно сказать и о реформе русского стихосложения, над которой как раз в это время Тредиаковский трудился. Плохая организация Собрания привела к тому, что оно само собой постепенно сошло на нет, и уже в 1740-е гг. о нем мало кто помнил. Однако сама потребность иметь в Академии наук гуманитарное отделение, которое бы ведало вопросами русского языка и русской культуры, осталась. Генетически с Российским собранием связано организованное при Академии наук в 1748 г. Историческое собрание, а затем открытая в 1783 г. Академия Российская.

Публикация «Речи», обращенной к членам давно забытого сообщества, должна была казаться в 1752 г. анахронизмом. Вместе с тем «Речь» напоминала о задачах создания словаря и грамматики, так и не решенных к 1752 г., о необходимости специальной гуманитарной организации в рамках Академии наук и о некогда ведущей роли Тредиаковского в становлении новой русской литературы и языка.

В новую редакцию «Речи» внесены несущественные изменения, касающиеся главным образом отдельных слов. Мнение, что исправления вносились в соответствие с изменением языковой позиции Тредиаковского, заключающейся во все большем предпочтении «славянщизны» русскому разговорному языку (см. примеры таких замен: *Берков П. Н.* Литературно-критические взгляды Тредиаковского // Стихотворения. С. 312—313), не вполне справедливо. Наряду с заменами русских слов церковно-славянскими во второй редакции немало и обратных замен, часть из них оказалась в выписках Беркова (например: всячески *потщуся* (1735) — всячески *постараюсь* (1752)). Правка Тредиаковского, скорее, отвечала требованиям сложившегося за эти годы высокого стиля.

С. 145. *...главный в сей Императорской Академии командир...* — Здесь и далее имеется в виду И. А. Корф, назначенный в августе 1734 г. президентом Академии наук, действительный камергер.

С. 146. *...дополнение языка...* — т. е. расширение словаря литературного языка, — задача, которую ставили перед собой Французская академия и Немецкое общество. В «Письме некоего россиянина к своему другу» Тредиаковский писал: «Все те, кои принадлежат к числу членов Собрания, в настоящее время трудятся над переводами различных книг, чтобы таким образом овладеть большим запасом слов и первым долгом подчинить фразеологию истинному духу языка» (пер. с фр. З. В. Гуковской; Стихотворения. С. 355).

С. 146. *...степенных старых и новых авторов...* — т. е. выдающихся, первостепенных.

С. 147. *...императрица так поступила с французами, так поступает с депутатами гданскими...* — Обращение русского правительства с захваченными в плен французами и польской знатью покоренного летом 1734 г. города Гданьска отличалось предупредительностью, призванной продемонстрировать великодушие и цивилизованность русских. Еще в период осады Гданьска сдавшимся французам оказывался необычайный для пленных почет; известно, например, о приемах, устраиваемых для них фельдмаршалом Минихом. Особенное впечатление на общество произвело отношение к пленным французам в Петербурге. По свидетельству леди Рондо, с ними обращались здесь «очень обходительно, для поездок по городу им предоставлены дворцовые экипажи и им показывают все, что обычно показывают иностранцам», она же описала бал, устроенный в честь пленных французских офицеров (*Рондо.* Письма дамы, прожившей несколько лет в России, к ее приятельнице в Англию // Безвременье и временщики: воспоминания об эпохе дворцовых переворотов (1720—1760 гг.) / Подгот. текста, вступ. ст., коммент. Е. Анисимова. Л., 1991. С. 220). В числе достопримечательностей французские офицеры посетили и Петербургскую академию наук (см.: Санкт-Петербургские ведомости. 1734. № 79. 3 октября. С. 420), где с ними, вероятно, встретился Тредиаковский. «Гданские депутаты» — представители взятого русскими войсками города Гданьска, которые по условию мира прибыли в Санкт-Петербург и на торжественной аудиенции 29 сентября 1734 г. «именем города Данцига покорность принесли» (Санкт-Петербургские ведомости. 1734. № 78. 30 сентября. С. 411).

С. 147. *...не требуя с нас за целую половину года должных себе податей, состоящих не в нескольких тысячах, но во многих миллионах.* — В 1730 г. была сложена подушная подать за майскую треть, а в 1735 г. — за первую половину года, в сумме это составило 4 млн руб. (см.: Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. IX. С. 904—905).

С. 148. *...окаменен есть, кто не чувствует...* — Парафразис стиха молитвы Иоанна Златоуста: «окамененное нечувствие»; ср.: «Слово о мудрости...», с. 317.

С. 148. ...(*...и я ~ оною ~ насладился*)... — Имеется в виду прием Тредиаковского императрицей Анной Иоанновной 3 февраля 1732 г., на котором поэт был допущен к ее руке.

С. 148. *Маргариты* — жемчуг.

С. 149. ...*в самом начале Флорентийской академии старание приложить о чистоте своего языка?* — Флорентийская академия (Academia della Crusca — букв. Академия отрубей) была основана в 1582 г. с целью очищения итальянского языка.

С. 149. ...*Французской академии, чтоб совершеннейшим учинить свойство там употребляемого диалекта?* — Французская академия, основанная в 1635 г. по образцу Флорентийской академии, ставила перед собой задачу очищения и усовершенствования французского языка.

С. 149. ...*Лейпцигскому содружеству подражать толь благоуспешно вышереченным оным академиям...* — Немецкое общество в Лейпциге (Deutsche Gesellschaft in Leipzig) было реорганизовано в 1724 г. И. К. Готшедом (1700—1766) с целью направить его деятельность на исправление и очищение немецкого языка и поэзии. О Немецком обществе в Лейпциге Тредиаковский знал от Фр. Юнкера (см.: Алексеева. Русская ода. С. 96—97).

С. 149. ...*а наипаче хитрый и сладкий в слове Марк Туллий Цицерон.* — Цицерон (106—43 до н. э.) — римский писатель, сочинения которого в европейской литературной традиции признавались высшим образцом прозаической речи.

С. 149. ...*французские Балзаки, Костарды, Патрю...* — Бальзак (Balzac J.-L.-G. de, 1595—1654) — писатель, член Французской академии, признанный стилист, автор «Писем» («Lettres», 1658), повлиявших на французскую прозу. Костар (Costar P., 1603—1660) — друг Бальзака, писатель; его «Слово в защиту сочинений месье де Вуатюра» («Défense des ouvrages de M. De Voiture», 1653) служило в свое время образцом литературной критики. Патрю (Patru O., 1604—1681) — известный оратор своего времени. Тредиаковский называет выдающихся в период создания Французской академии авторов в трех ведущих направлениях литературного творчества: прозы, критики и ораторского искусства, — повторяя устойчивое о них мнение.

С. 149. ...*преславные немецкие...* — Вероятно, прежде всего имеются в виду Готшед и его товарищи, среди которых был и Юнкер.

С. 149—150. ...*главный наш командир ~ словом и речию, которую он говорил в здешней Императорской Академии наук к господам профессорам.* — 24 апреля 1733 г. И. А. Корф произнес надгробное слово Карлу Бирону, отцу герцога: «Lob- und Andankungs-Rede bey dem Grabe des Hochwohlgeborenen Herrn, Herrn Carl Biron...» (SPb., 1733); 11 ноября 1734 г. вскоре после своего назначения президентом И. А. Корф произнес «изрядную и витийственную речь к обретающемуся в конференцной палате собранию» (Протоколы Академии наук; цит. по: *Пекарский П.* История имп. Академии наук. СПб., 1872. Т. 1. С. 521).

По словам П. П. Пекарского, Корф был литературно одарен, и его письма и речи ценились в кругу петербургских академиков (там же).

С. 150. *...одно сложение стихов неправильностию своею утрудить вас может ~ способов не нет; некоторые ж и я имею.* — Тредиаковский намекает на реформу стихосложения, над которой он работал начиная с весны—лета 1734 г. и которую в период произнесения речи излагал в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов», вышедшем осенью 1735 г.

С. 150. *...пошлою...* — т. е. обыкновенной, привычной.

ОДЫ ПОХВАЛЬНЫЕ

Ода I. ТОРЖЕСТВЕННАЯ О СДАЧЕ ГОРОДА ГДАНСКА. 1734

Печатается по СП (т. 2, с. 20—25) с учетом исправлений по НР (л. 137—140).

Новая редакция «Оды торжественной о сдаче города Гданска, сочиненной в вящую славу имени всепресветлейшия, державнейшия, великия государыни Анны Иоанновны, императрицы и самодержицы всероссийския, чрез Василья Тредиаковского, Санкт-Петербургския императорския Академии наук секретаря» (СПб., 1734; см.: «Варианты и редакции», с. 373—378). «Ода о сдаче города Гданска» (в дальнейшем — Гданьская ода) была написана в июле 1734 г. по случаю победы русских войск при осаде Гданьска (Данцига), решившей исход войны за Польское наследство (1733—1735). С Гданьской одой в Академии наук связывали надежды на обретение русского поэта-классициста, поэтому ее роскошное издание с прозаическим посвящением герцогу Э. Бирону было выполнено на счет Академии наук. Видимо, по распоряжению И. Д. Шумахера, лучшим немецким поэтом Петербурга Фр. В. Г. Юнкером (1703—1746) был сделан немецкий перевод оды (очевидно, с немецкого подстрочника). И Гданьская ода, и прилагавшееся к ней «Рассуждение о оде вообще» были изданы параллельно на русском и немецком языках (перевод на немецкий «Рассуждения...», возможно, был также выполнен Юнкером).

Историческое значение Гданьской оды заключается в том, что она явилась первой одой в русской поэзии, принадлежащей к типу так называемой пиндарической оды. Этот тип оды, утверждавшийся французским классицизмом и его адептом в Петербурге Юнкером, своим лирическим началом, основанном на восторге, своим стилем и формой противостоял известному до этого в России типу горацианской оды. Появление Гданьской оды привело впоследствие к перевороту в русской лирике: к полному вытеснению горацианской оды одой пиндарической (см.: «Рассуждение об оде вообще», с. 156—157 и коммент. на с. 588; о произошедшей в русской поэзии смене лирических начал см.: Алексеева. Русская ода. С. 113—128). Созданию Гданьской оды предшествовала более чем двухлетняя работа Тредиаковского над переводами немецких классицистических од Юнкера

и над собственными опытами по созданию русской оды (из них известна «Ода приветственная всемилостивейшей государыне 〈...〉 Анне Иоанновне 〈...〉 19 генваря для радостного всем нам восшествия е. в. на всероссийский престол» (СПб., 1733)), состоявшая в разработке русской одической строфы и русского высокого поэтического стиля. Решение Тредиаковского об эквиметрии одической французской восьмисложной строфы русской девятисложной помешало внедрению формы Гданьской оды в русскую поэзию (известно лишь одно подражание форме Гданьской оды — «Песнь торжественная о состоявшейся оружия тишине с кратким изъяснением Хотинской баталии...» (СПб., 1740), написанная Петром Сувориным, учившимся вместе с Тредиаковским в Славяно-греко-латинской академии). Однако уже в 1739 г. Ломоносов введением в предложенную Тредиаковским строфу силлабо-тонического размера («Ода на взятие Хотина») утвердил пиндарический тип оды в русской поэзии. Таким образом, к Гданьской оде восходит ломоносовская ода, а вместе с нею вся высокая лирика XVIII в. Сам Тредиаковский долго считал открытую им силлабическую строфу оптимальной для пиндарической оды и в такой форме создал два перевода од Я. Я. Штелина («Ода на новый 1736 год» и «Ода на взятие Перекопа», 1736) и оду «Приветственную 〈императрице Елизавете Петровне 1742 года〉» (см. преамбулу к коммент. к ней на с. 595—596; см.: Алексеева. Русская ода. С. 150—152). Переработка Гданьской оды в 1752 г. в силлабо-тоническую форму не могла иметь особенного значения для ее популярности, поскольку к этому времени уже утвердился ломоносовский одический канон. Отдельные заимствования из Гданьской оды редакции 1752 г. встречаются в оде Г. Р. Державина «На взятие Измаила» (1791): «На подвиг твой 〈...〉 Ты идешь, как жених на брак» («На взятие Измаила») — «Лезут, как плясать на браки»; «Поникли гордой Мекки брови» («На взятие Измаила») — «Отрок Геркулу впреки Стал, подъемля бровь высоко».

«Ода о сдаче города Гданска» была написана с ориентацией на образцовую оду классицизма Н. Буало «Sur la prise de Namur» («На взятие Намюра», 1693), о чем Тредиаковский говорит во второй редакции «Рассуждения об оде вообще» 1752 г. (см. с. 158). Упреки, предъявляемые Тредиаковскому в подражательности Буало, на которые он отвечает в «Рассуждении об оде вообще» 1752 г. (см.: Там же), носили явно преувеличенный характер: Гданьская ода лишь отдельными и сравнительно немногими своими местами повторяет оду Буало. Подражание заключалось больше не в заимствовании, а в воспроизведении французской строфы и одического стиля, в подборе уместных в оде слов и сравнений. Для сопоставления русской и французской оды в комментариях приводятся стихи из оды «Sur la prise de Namur». В комментариях использованы примечания к «Оде торжественной о сдаче города Гданска» М. Я. Строчкова (Избранные произведения. С. 485—487).

С. 151, ст. 1—4. *Кое странное пианство ~ Музы! ум не вас ли зрит?* — Стихи представляют собой переложение ст. 1—4 «Оды на взятие Намюра» Буало, большая близость с которой была в редакции 1734 г. (см. с. 373).

Quelle docte et sainte ivresse
Aujourd'hui me fait la loi?
Chastes Nymphes du Permesse,
N'est-ce pas vous que je vois?

Первый стих был изменен под воздействием критики Сумарокова: «Любимое его изъяснение, чтоб сплетать существительное имя с весьма противным именем прилагательным, например: трезвое пиянство...» (*Сумароков А. П.* Ответ на критику // Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений. Т. 10. М., 1782. С. 95). Однако этот оксюморон представляет собой категорию платоновской эстетики и характеризует одический восторг (см.: *Живов В. М.* Язык и культура в России XVIII века. М., 1996. С. 251—253).

С. 151, ст. 8. *О! народы, все внемлите...* — Парафразис псалма 48 («Услышите сия вси языцы...», ст. 1); у Буало аналога нет; впоследствие стал общим местом русских од, ср., например: «Народы, с трепетом внемлите» (Ломоносов М. В. «Ода на день рождения императрицы Елизаветы Петровны 1757 года», ст. 113) или: «Слышите всех стран народы» (Сумароков А. П. «Ода на победы государя императора Петра Великого», ст. 13).

С. 151, ст. 9—10. *...Бурны ветры! не шумите, Анну стих мой воспоет.* — Ср. в редакции 1734 г.: «Бурливые ветры! молчите; Храбру прославлять хощу Анну»; ср.: ст. 9—10 оды Буало: «Et vous, vents, faites silence: Je vais parler de Louis». Призыв к ветрам стал позднее общим местом русских од, ср.: «Молчите, горы и леса, Моря и ветры беспокойны» (Ломоносов М. В. Ода «На новый 1762 год», ст. 57—58), или: «Молчите в норде, ветры люты» (Сумароков А. П. «Ода на день тезоименитства», 1766 г., ст. 1).

С. 151, ст. 11—20. *В слогах толь высокопарных ~ Восхищен был от нея.* — Вольное переложение 2-й строфы оды Буало, особенно близкое в редакции 1734 г.:

Dans ses chansons immortelles,
Comme un Aigle audacieux,
Pindare, étendant ses ailes,
Fuit loin des vulgaires yeux.
Mais, o ma fidèle lyre!
Si, dans l'ardeur qui m'inspire,
Tu peux suivre mes transports;
Les chênes des monts de Thrace
N'ont rien ouï que n'efface
La douceur de tes accords.

О сопоставлении Тредиаковским Пиндара и Горация (ст. 12) см.: «Рассуждение об оде вобще», с. 157 и 381 и коммент. на с. 586—588.

С. 151, ст. 18—19. *...Орфей Фракийский, Амфион бы и Фивийский...* — Ср.: «Наука о стихотворении и поэзии» (Песнь четвертая, с. 48, ст. 147—

150), «Мнение о начале поэзии и стихов вообще» (с. 102), см. коммент. на с. 566.

С. 151—152, ст. 21—30. *Се бряцаю в лиру сладку ~ Усладившей в нас сердца.* — Строфа не имеет аналога в оде Буало.

С. 152, ст. 31—32. *Сам Нептун что ль строил стены? Сии при море стоят?* — Ср.: ст. 21—22 оды Буало: «Est-ce Apollon et Neptune Qui, sur ces rocs sourcilleux, Ont, compagnons de fortune, Bâti ces murs orgueilleux?»

С. 152, ст. 33—40. *Нет ли Тройским к ним примены ~ Столнценберг, кой есть горой?* — Сравнение осады Гданьска с осадой Трои могло быть подсказано ст. 41—44 оды Буало:

Namur, devant tes murailles
Jadis la Grèce eut, vingt ans,
Sans fruit vu les funérailles
De ses plus fiers combattans.

«Тройским» — т. е. троянским (как было в редакции 1734 г.), смысл таков: не троянцы ли применили свой опыт к защите Гданьска. Смысл ст. 33—36 проясняет редакция 1734 г. (см. с. 374). В ст. 37—38 инверсия: Не Скамандру ль называют все там рекой Вислою? Сопоставление Вислы, реки на которой стоит Данциг (Гданьск), со Скамандром, рекой, на которой была расположена Троя, продолжает намеченную ранее аналогию осады Гданьска с осадой Трои. В редакции 1734 г. Скамандр мужского рода (Scamandros, m.), перемена рода была вызвана требованиями русской грамматики (ср. со ст. 12 оды «Похвала Ижорской земле... «Там почернил багряный ток Скамандру»), а не версификации, т. к. в редакции 1734 г. это был единственный хореический стих. Столнценберг — гора, на которой расположен Гданьск; Ида — гора вблизи Трои.

С. 152, ст. 47—48. *Явно, что от горних лиц, Со всего богиня вида...* — Стихи при переделке подверглись грамматической редукции, их смысл проясняет редакция 1734 г.: «Явно, что от небес посланна, И богиня со всего вида...

С. 152, ст. 49. *...Без щита страшна эгида...* — Смысл стиха не вполне ясен. По-видимому, эгида в данном случае означает Минерву, которой уподобляется императрица Анна начиная со ст. 46. Тогда смысл таков: Минерва, т. е. императрица Анна, страшна, воинственна и без специальных атрибутов войны, будучи сама ее символом. Эгида (от греч. *aigis* — шкура козы) — щит или доспех греческих богов (чаще всего Афины, или Минервы) из шкуры с изображением Горгоны; в общепринятом смысле чудесная защита, несущая в себе одновременно и угрозу.

С. 152, ст. 51. *Намало* — скоро, быстро.

С. 152, ст. 54. *...В воех...* — Здесь: в войнах.

С. 153, ст. 60. *...не двояк...* — т. е. не двуличен, нелицемерен.

С. 153, ст. 72. *Отрок Геркулу впреки...* — т. е. дитя против Геркулеса, в сравнении с Геркулесом; впреки — против.

С. 153, ст. 73—74. ...*Стал, подъемля бровь высоко, Из оград, из-за реки!* — Ср.: ст. 63—64 оды Буало: «A son secours il appelle Les peuples les plus vantés...».

С. 153, ст. 79—80. ...*не видит в тьме толикой, Всех и смертоносных доль.* — Т. е. не видит смертоносных участей, долей (доль — форма родительного падежа множественного числа).

С. 153, ст. 81—83. *Станислава принимает ~ В свой округ и уповает...* — Станислав Лещинский, которого поддерживала Франция, в 1733—1734 гг. вторично добивался Польской короны (первый раз в 1702 г.).

С. 153, ст. 85. ...*Чрез востекшего Нептуна...* — т. е. реки Вислы.

С. 153, ст. 87—88. ...*Дальный в помощь и народ Емлет от брегов Секваны...* — Ср. в редакции 1734 г.: «Ищет и помощи в народе, Что живет на брегах Секваны». Ср.: ст. 63—64 оды Буало: «A son secours il appele Les peuples les plus vantés... Секвана — латинское название реки Сены, протекающей во Франции.

С. 153, ст. 89—90. ...*на бедство ~ у Вексельминдских вод.* — Французские войска высадились в устье Вислы (немецкое название — Вексельминд (Weichselmünde, f.)) у крепости неподалеку от Гданьска; «на бедство» — т. е. на беду.

С. 154, ст. 93—94. ...*Целит махины разрезом В россов на раскатах сам.* — Т. е. направляет жерла пушек на русских; разрез — жерло; «раскат» — насыпь, где стоят орудия.

С. 154, ст. 107—108. *Поддаются племена добровольно и без брани...*— Имеется в виду успешная политика императрицы Анны в отношении юго-восточных народов, взаимовыгодные договоры с которыми и обложение данью приводило к постепенному переходу их из-под власти Персии под власть России.

С. 154, ст. 109—110. *Чтоб не дать когда ей дани, Хинска дважды чтит страна.* — Здесь риторическое преувеличение: Китаю отнюдь не грозила участь юго-восточных кочевных племен, которые платили дань России. Имеются в виду два китайских посольства в Россию (1731 и 1732 гг.), во время которых были заключены мирные соглашения.

С. 154, ст. 115—116. *Меч, оливою обвитый, В бранях токмо есть сердитый.* — Об употребленном в этих стихах выражении «меч сердитый» Тредиаковский говорит в «Рассуждении о оде вообще» 1734 г. (см. коммент. к вариантам «Рассуждения об оде вообще», к стр. 51—72 на с. 589).

С. 154, ст. 118—119. ...*Зришь, Алциды уж готовы, Жителям беды суровы...* — Ср. в редакции 1734 г.: «Видишь, что Алциды готовы, Жителям зришь беды суровы». Алциды — Геркулесы (по имени матери Геркулеса Алкмены); ср.: ст. 31 оды Буало: «Dix mille vaillants Alcides».

С. 154, ст. 120. ...*не гинь.* — не пропади.

С. 154, ст. 121. *Тысящами ты атлетов...* — Ср.: ст. 107 и 31 оды Буало: «Ces athlètes belliqueux», «Dix mille vaillants Alcides».

С. 155, ст. 131—135. *Купно хоть державы б стали ~ Воины в тебе всем были...* — Инверсия: Хоть б державы от сердец купно стали за тебя, Гданск, Хоть б стихии защищали, [хотя] бы воины от конец многих стран были в тебе всем; т. е.: хотя бы и державы по сердечному чувству все вместе стали за тебя, Гданьск, хотя бы тебя стихии защищали и с концов многих стран воины бы были во всем тебе.

С. 155, ст 139. *Безгода* — безвременье.

С. 155, ст. 143. *...Не вредят им огнь и воды...* — Ср.: ст. 108 оды Буало: «Et dans les eaux, dans la flamm...

С. 155, ст. 151—155. *Все еще разятся страхом ~ С башни магистрат последней...* — Ср.: ст. 141—144 оды Буало:

Cependant l'effroi redouble
Sur les remparts de Namur.
Son gouverneur, qui se trouble,
S'enfuit sous son dernier mur.

В ст. 151—152 инверсия: В стенах бедного града все еще разятся страхом; «разятся» — т. е. поражены.

С. 155, ст. 155. *Магистрат* — входивший в Ганзейский союз Данциг управлялся магистратом.

С. 155, ст. 156. *...в силе не соседней...* — т. е. без помощи соседей французов (которые не смогли прорваться к Данцигу).

С. 155, ст. 161—162. *Хочет быть, что я пророчил: Начинает Гданск трястись...* — Ср.: ст. 91—92 оды Буало: «Mes présages s'accomplissent: Il commence à chanceler»; возможно, этот стих Буало сделал упоминания о предсказаниях поэта общим местом классицистической оды, например немецкой. Ср., например, с началом оды Я. Штелина «На сдачу крепости Азов»: «Nun ist die Prophezeiung wahr...» («Теперь пророчество сбылось...» — Sieges-Ode auf die 〈...〉 erfolgte Übergabe der Vestung Asov... SPb., 1736). В русской оде до Державина (ср. ст. 34 его оды «На победы в Италии» (1799): «Сбылось пророчество, сбылось...») этого топоса избегали.

С. 156, ст. 163. *...Сдаться всяк, как биться прочил, Мыслит..* — т. е. думает так же сдаваться, как предполагал биться.

С. 156, ст. 165—166. *От оружий, бомб летящих И от всех зараз, град тлящих...* — Ср.: ст. 97—98 оды Буало: «Et les bombes, dans les airs Allant chercher le tonnerre».

С. 156, ст. 171—174. *Сталось так. Знак виден в сдаче ~ Огнь погас; конец бедам.* — Ср.: ст. 153—154 оды Буало: «Battre un signal pour se rendre. Le feu cesse, ils sont rendus».

С. 156, ст. 181. *Лики* — хор, букв. церковный хор, клирос.

С. 156, ст. 184. *...как леть...* — т. е. должным образом.

РАССУЖДЕНИЕ ОБ ОДЕ ВООБЩЕ

Печатается по СП (т. 2, с. 25—27) с учетом исправлений по НР (л. 140 об. — 142 об.).

Новая редакция статьи «Рассуждение о оде вообще», которая была приложена к изданию «Оды торжественной о сдаче города Гданска» (СПб., 1734). Первый в России классицистический трактат о поэзии «Рассуждение о оде вообще» определил поворот к становлению новой русской лирики. Его значение заключается не только в утверждении нового жанра пиндарической оды, но и в утверждении нового, неизвестного в русской поэзии лирического начала, высокого и пламенного, связанного с именем древнегреческого поэта Пиндара (522?—446 до н. э.). Здесь впервые Пиндар и стоявшая за ним лирическая традиция, находившиеся в русских поэтических руководствах под негласным запретом, рекомендуются как образцовые. Трактат Тредиаковского оказал в русской поэтической культуре действие, близкое к революционному. Уже к 1740-м гг. русская лирика откажется от господствовавшей в ней ранее горацианской лирической традиции и перейдет к новой пиндарической оде. Победивший в поэзии стиль оды, выразительно описанный в «Рассуждении о оде вообще» Тредиаковским, получил название «одического», «парящего», «пламенного».

«Рассуждение о оде» представляет собой переработку трактата Н. Буало «Discours sur l'ode» (1693), с прямым заимствованием из него отдельных мест. Однако существенное различие французского и русского трактатов, заключающееся в оценке Горация и Пиндара, позволяет считать русский трактат вполне самостоятельным. В отличие от Буало Тредиаковский ставит Пиндара в один ряд с Горацием, примиряя две одические традиции, горацианскую и пиндарическую: среднюю, умеренную, ровную оду Горация и высокую оду Пиндара. Сопоставленность обоих поэтов, немыслимая в европейской литературной культуре, звучала много явственнее в редакции 1734 г. и отвечала желанию Тредиаковского сделать свое выступление не столь откровенно вызывающим по отношению к отечественной традиции горацианской лирики (см.: Алексеева. Русская ода. С. 113—128).

Новая редакция «Рассуждения» создавалась, по-видимому, в период работы над новым составом второго тома, т. е. в июне—июле 1752 г. В ней отразилось развитие русской лирики за прошедшие 18 лет. Помимо отдельных уточнений в новой редакции была изъята пространная похвала латинской оде Феофана Прокоповича и сокращены пояснения к оде «О сдачи города Гданска» (см.: «Варианты и редакции», с. 380—382).

С. 157. *...общей...* — т. е. народной.

С. 157. *Станс* — строфа (от фр. stance).

С. 157. *Они только одни умели ~ душу у лирическия поэзии.* — Здесь дается описание лирического неистового стиля, закрепленного в европейской

поэтической культуре за Пиндаром и противопоставляемого умеренному стилю Горация; Тредиаковский объединяет обоих поэтов. Практически все предложение почти дословный перевод из Буало: «...pour marquer un esprit entièrement hors de soi, rompt quelquefois de dessein formé la suite de son discours; et afin de mieux entrer dans la raison, sort, s'il faut ainsi parler, de la raison même, évitant avec grand soin cet ordre méthodique et ces exactes liaisons de sens, qui ôteraient l'âme à la Poésie Lyrique».

С. 157. *Son stile ~ effet de l'art ~ Быстра в оде ~ искусства плод.* — Цитаты из «L'Art poétique» Буало (chap. 2, v. 71—72; это место приведено и в его «Рассуждении...») и из перевода Тредиаковского «Науки о стихотворении и поэзии» Буало (Песнь вторая, с. 28, ст. 71—72).

С. 158. *Признаваюсь необиновенно ~ от Пиндара и Горация.* — Оправдательный тон этих строк указывает на неизвестную нам критику оды «О сдаче города Гданска», исходившую, по-видимому, от Ломоносова и Сумарокова и касавшуюся обвинений Тредиаковского в плагиате.

С. 158. ...*«неисчетное множество ~ от лица своего Зиждителя»...* — Эта же цитата из «Древней истории» Ш. Роллена в расширенном виде приводится во «Мнении о начале поэзии и стихов вообще» (с. 107, см. коммент. на с. 569).

С. 158. ...*она нечто имеет в себе, как мнится, несколько небесславное, а именно, самая первая есть на нашем языке.* — Определяя оду «О сдаче города Гданска» первой на русском языке, Тредиаковский отрицает всю предшествующую ей лирическую традицию. Ни горацианские песни и канты, ни собственные его оды (из которых первой была «Ода о непостоянстве мира» (см. с. 228—230 и коммент. к ней на с. 612—613), а второй — «Ода приветственная всемилостивейшей государыне 〈...〉 Анне Иоанновне 〈...〉 19 генваря для радостного всем нам восшествия е. в. на всероссийский престол», 1733)) в контексте данного рассуждения, точнее, основного его смысла, одами называть было нельзя. Такая строгость по отношению к жанру оды, противоречившая началу трактата, была вызвана, видимо, желанием поставить в начало русского одописания оду, полностью отвечавшую требованиям классицистической пиндарической оды.

КОММЕНТАРИИ К РЕДАКЦИИ 1734 г.
С. 378—382.

Стр. 2. *Статейка* — в языке последней трети XVII—первой трети XVIII вв. — период речи, строфа.

Стр. 7. ...*ода насилу более девятнадцати строф, хотя б меньше десяти стихов каждая строфа имела, содержать может* — Указание возможного объема оды — дань традиции школьных поэтик и связано с большим опытом Тредиаковского в русских горацианских одах и немецких иллюминационных одах Юнкера, которые он переводил (см. коммент. к стр. 8—9). Классицистические

оды были, как правило, больше горацианских: ода «На взятие Намюра» Буало насчитывает 17 строф, ода «О сдаче города Гданска» — 19.

Стр. 8—9. *понеже ода никогда не пишется героическим стихом, в российской поэзии тринадцатью слогами а шестью стопами состоящим...* — Упоминание здесь стопы как меры русского стиха указывает на то, что параллельно с «Рассуждением о оде» Тредиаковский вел работу над «Новым и кратким способом к сложению российских стихов» (СПб., 1735). «Рассуждение о оде» было написано до надписи Корфу ([*Тредиаковский В. К.*]. Новою достойно украшенному честию ⟨...⟩ господину Иоанну Альбрехту барону фон Корфу... [СПб.], 1734), созданной в сентябре и долгое время считавшейся первым образцом русской силлаботоники, но после первого силлабо-тонического перевода оды Юнкера ([*Тредиаковский В. К.*]. Краткое описание онаго феиэрверка, которои апреля 28 дня 1734 года ⟨...⟩ при великои иллуминации в царственном Санкт-Петербурге представлен был. [СПб., 1734]; о ранних опытах Тредиаковского в силлабо-тонике см.: *Алексеева Н. Ю.* На пути реформы русского стиха // Русская литература. 2002. № 4. С. 45—51). Впервые в печати термин «стопа» Тредиаковский употребил в предисловии к изданию «Езда в остров Любви»: ...они не много мне могут пользы учинить чрез свое освидетельствование в мере стоп» ([*Тредиаковский В. К.*]. К читателю // Тальман П. Езда в остров любви. СПб., 1730. С. [3]) — не вполне ясно, что он имел при этом в виду.

Стр. 21. *...Новый год начинаем...* — Начало «Песни, сочиненной на голос и петой пред е. и. в. Анною Иоанновною» (см. о ней преамбулу к коммент. к «Песни на новый 1732 год», с. 622).

Стр. 23. *хотя некоторые, доброго вкуса не имеющие, и противилися было, что Пиндар, пиита лирический на эллинском языке...* — Это полемическое замечание направлено против русской литературной традиции, охранительной в отношении всякого неистовства в поэзии и самого Пиндара; ср.: «Этот пресловутый, как говорят, небесный порыв, который одни прозвали восторженностью (furorem), а другие энтузиазмом (enthusiasmum), без помощи наставников окажется, если верить Горацию, бесполезным» (Феофан Прокопович. О поэтическом искусстве. С. 345); подробнее см.: Алексеева. Русская ода. С. 121—123.

Стр. 43. *...не могу я умолчать о природном нашем россиянине ~ в толь великий энтузиазм удивления и сам пришел...* — Фрагмент посвящен латинской оде Феофана Прокоповича (стихотворного перевода не было): «Ad augustissimum totius Russiae imperatorem Petrum II. Cum Mosquam tenderet insignia regni capessures» (Petroburgi, [1727]).

В оде содержится парафразис 100-го псалма, см. об этом: *Берков П. Н.* Одно из первых применений эзоповского языка в России (латинская «Ода Петру II» Феофана Прокоповича, 1727 г.) // Проблемы теории и истории литературы. М., 1971. С. 74—82.

Тредиаковский приехал в Петербург не из Франции, а из Гамбурга в сентябре 1730 г.; далее имеется в виду В. Е. Адодуров.

Будучи умеренной горацианской одой, ода Феофана Прокоповича далека от «превысокого энтузиазма», ср. оценку энтузиазма, данную Феофаном Прокоповичем; здесь Тредиаковский, возможно намеренно, приписывает оде Феофана черты пиндаризма, смягчая этим введение в русскую поэзию нового поэтического стиля.

Стр. 51—72. *И понеже еще я по сие время ~ чрез пять-шесть од господина Юнкера...* — Традиция рассмотрения псалмов по критериям древнегреческой и древнеримской поэтики восходит к Отцам Церкви; в России о роде стихов в «Псалтири» говорит Симеон Полоцкий, основываясь на Кирилле Божественном, Николае Лиранском и Моисее (см.: *Симеон Полоцкий*. Избранные сочинения. М.; Л., 1953. С. 213), по словам Феофана Прокоповича, блаженный Иероним, «распознавал в Священном Писании, — разного рода стихи ⟨...⟩ в Псалмах содержатся и ямбы, и алкеевы, и сапфические, и стихи в половину стопы...» (Феофан Прокопович. О поэтическом искусстве. С. 340).

«Божий язык» — имеется в виду, вероятно, не боговдохновенность царя Давида, а божественное вдохновение, описанное Платоном.

Употребленный Тредиаковским глагол пиндаризировать, образованный им по аналогии с фр. pinderiser и нем. pindarisieren, введенным во французский и немецкий языки соответственно П. Ронсаром и М. Опицем, в русском языке не привился; «я в ней меч сердитым, а трезвым пианство назвал» — см.: «Ода о сдаче города Гданска» (ст. 1, 115—116), «Варианты и редакции», с. 373, 376; первая фраза в редакции 1752 г. была оставлена, вторая изменена (см. коммент. к с. 151, ст. 1 «Оды торжественной о сдаче города Гданска», с. 581—582).

Под дифирамбами в европейской традиции Нового времени понимали высокую неистовую оду, отличающуюся от пиндарической оды формой (строфы короткого стиха). Употребляя «дифирамбичество» в положительном смысле, Тредиаковский полемизирует с русской литературной традицией, ср., например, определение Феофана Прокоповича: ...дифирамб — вид радостной оды, связанной строфами без всякого определенного порядка», не утратившей связи с песнопениями, которые «воспевали неистовые вакханки без всякого порядка» (Феофан Прокопович. О поэтическом искусстве. С. 442). Ср. замечание о гиперболе со ст. 158 Песни первой «Науки о стихотворении и поэзии» Буало, см. коммент. к нему на с. 525.

Гданьск (Данциг) был взят русскими войсками под командованием фельдмаршала Б. К. Миниха.

«Pindarum quisquis studet aemulari...» — начало оды Горация: «Кто, о Юл, в стихах состязаться — дерзкий — С Пиндаром тщится» (IV, 2; перевод Н. С. Гинцбурга), приведенное и в трактате Буало; следующий далее пересказ оды — перевод Буало: «où Horace donne assez à entendre que, s'il eût voulu lui-même s'élever à la hauteur de Pindare, il se seroit crû en grand hazard de tomber».

Гданьская ода была издана вместе с переводом ее на немецкий язык Ф. В. Г. Юнкера; имеются в виду его оды, включенные в его описания иллюминаций и фейерверков (см.: Алексеева. Русская ода. С. 94—95).

Ода II. ПОХВАЛА ЦВЕТКУ РОЗЕ

Печатается по СП (т. 2, с. 28—39) с учетом исправлений по Нр (л. 143—144).

Новая редакция «Оды в похвалу цвету розе» (см.: «Варианты и редакции», с. 382—384), включенной Тредиаковским как пример «нового российского пентаметра», т. е. 11-сложника пятистопного хорея (с дополнительным долгим слогом), в «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (С. 103—104). В отличие от других переработанных Тредиаковским стихотворений «Похвала цветку розе» претерпела наименьшие версификационные изменения. Новый вариант оды остался силлабо-тоническим (по образцу Тредиаковского): во всех его строках сохранен 11-сложник пятистопного хорея (с дополнительным долгим слогом). Работа над стихом коснулась лишь характера цезур. Очевидно, Тредиаковский пробовал заменить силлабическую цезуру, падающую после пятого слога, на тоническую, приходящуюся после третьей стопы, о чем свидетельствует первая ее строфа, в которой число тонических цезур наибольшее, но по какой-то причине не смог осуществить замысла на протяжении всей оды, оставив в ней ровно половину силлабических цезур. Таким образом, небольшая правка коснулась в основном стиля оды и была направлена на прояснение смысла и очищение ее языка от церковнославянизмов. Так, повсеместно заменены формы местоимений: краткие энклитические формы *тя*, *ти* — на соответствующие им *тебя*, *тебе*.

Ода, вероятно, восходит к неустановленному французскому стихотворению. Предмет ее — похвала розы — классическая тема новолатинской и европейской поэзии Нового времени. К общим местам относится противопоставление, намеченное во второй строфе, розы и лилии; причем в первой редакции оно носило следы классического спора между этими цветами:

Лилее б молчать с белостью немалой,
К белизне тебе цвет дала желт, алый.

См.: *Алексеев М. П.* Споры о стихотворении «Роза» // Алексеев М. П. Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л., 1984. С. 366—370. По мнению М. П. Алексеева, своей одой Тредиаковский положил начало традиции многочисленных прославлений розы в России (см.: Там же. С. 371).

Ода «Похвала цветку розе» была, по-видимому, первым из ранних стихотворений Тредиаковского, подвергшихся исправлению: ст. 41—44 приведены в качестве примера хореического пентаметра (пятистопного хорея с дополнительным долгим слогом) в «Способе к сложению российских стихов» (см: глава третья, § 1, с. 79, 80).

С. 159, ст. 4. *Грунт* — основание (ср.: «Грунт вольности она, Грунт мудрости всея, Не сущее, но тень доброта без нея» (*Тредиаковский В. К.* Феоптия // Избранные произведения. С. 249)).

С. 159, ст. 18. ...*Мягкости б от грубой во вреде не стать*... — т. е.: чтобы мягкой розе не было вреда от грубой земли.

С. 159, ст. 31. ...*коль ты*... — сколько ты.

С. 159—160, ст. 33—40. *Испытать хотела багрецом своим ~ Само небо в чем тщательно трудилось?* — В строфе обыгрывается распространенная в новоевропейской поэзии тема соревнования искусства с природой.

С. 160, ст. 41. *Адамант перл сколько выше оценен*... — Инверсия: сколько адамант оценен выше перл; адамант — алмаз; перл — жемчуг.

С. 160, ст. 43. ...*Злат железна коль есть крушец дражайший*... — Инверсия: коль есть злат крушец дражайший железна, т. е.: насколько золотая руда дороже железной; крушец — руда.

С. 160, ст. 44. ...*Отраслей своих кедр коль высочайший*... — Инверсия: коль высочайший кедр своих отраслей, т. е.: насколько кедр выше своих отраслей; «отрасли кедра» — ср.: Сир. 50, 14.

С. 160, ст. 47. *Предо всеми что есть луна звездами*... — Инверсия: что луна есть предо всеми звездами.

С. 160, ст. 50. *Зряй* — зрящий.

С. 160, ст. 55. ...*истых*... — т. е. подлинных.

Ода III. ПОХВАЛА ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ ПРАВДЕ НАД ЛЖЕЮ

Печатается по СП (т. 2, с. 37—40) с учетом исправлений по НР (л. 144—145 об.).

Новая редакция стихотворения «Ода вымышлена в славу Правды, побеждающия Ложь и всегда торжествующия над нею», включенного Тредиаковским как пример «простого российского стиха», т. е. 9-сложника, в «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (с. 404—406). Переработка состояла в замене силлабической строфы строфой четырехстопного ямба; к прежним строфам были добавлены новые 7-я и 8-я строфы. Рисунок рифм сохранен, в 1-м и 2-м, в 4-м и 5-м стихах строфы рифмы почти всюду оставлены, версификационные требования мужской рифмы привели к замене окончаний 3-го и 6-го стихов каждой строфы. Стихи 7, 8, 10, 16, 22-й совпадают с 1-м вариантом; стихи 13, 17, 32, 56, 71, 72-й подверглись незначительным изменениям. Помимо версификационной ода подверглась стилистической правке: 35-й стих, в котором была использована энклитическая форма местоимения *тя* полностью переделан. В последней строфе церковнославянские формы инфинитивов заменены на краткие (см. «Варианты и редакции», с. 385—386). Время создания новой редакции неизвестно, возможно, она была сделана в связи с работой над «Способом к сложению российских стихов».

С. 160—161, ст. 7—12. *Чудовище свирепо, мерзко! ~ Разинуло тройной жерык!* — Здесь Ложь уподобляется Церберу; ср.: со строками из «Телимахиды»: «Чудище обло, озорно, огромно с тризевной и лаей» (т. 2, кн. XVIII, ст. 514).

С. 161, ст. 24. *...слетка.* — т. е. с лета, на ходу.

С. 161—162, ст. 37—48. *Ах горе! зрится брань задорна ~ Противника низверг в посмех.* — Здесь борьба Правды с Ложью сравнивается с единоборством юного Давида, еще пастуха, с великаном Голиафом (1 Цар., 17).

С. 161, ст. 40. *...обратах...* — оборотах.

С. 161, ст. 42. *Приклад* — пример.

С. 162, ст. 47. *Некосный* — немедленный.

С. 162, ст. 61. *Раз* — удар.

С. 162, ст. 71. *...Всклицаниями ей сипеют...* — Этот стих, как и вся строфа, в целом построен на общих местах русского государственного доклассицистического панегирика.

Ода IV ПОХВАЛА ИЖОРСКОЙ ЗЕМЛЕ И ЦАРСТВУЮЩЕМУ ГРАДУ САНКТ-ПЕТЕРБУРГУ

Печатается по СП (т. 2, с. 42—45) с учетом исправлений по НР (л. 146—147 об.).

Первый стихотворный панегирик Санкт-Петербургу. Предположение М. Я. Строчкова, что ода написана «в связи с предстоящим 50-летием со дня основания города» (Избранные произведения. С. 503), по всей видимости, неверно, как и предложенная им датировка — 1752 г. Как показало исследование М. А. Алексеевой, юбилей города в 1753 г. не только не отмечался, но и, по-видимому, не был замечен современниками (*Алексеева М. А.* Михайло Махаев мастер видового рисунка XVIII века. СПб., 2003. С. 105—106).

Приведение строф из оды в «Способе к сложению российских стихов» (глава третья, § 5, с. 80—81) для примера ямбического пентаметра устанавливает верхнюю дату создания оды — 1751 г. (аргументацию датировки «Способа» см. в преамбуле к коммент. к нему на с. 544).

По своему содержанию ода тесно связана со словом Гавриила Бужинского «В похвалу Санкт-Петербурга и его основателя императора Петра Великого... (СПб., 1717), а также с первым трудом по истории города «Описание Санкт-Петербурга» А. И. Богданова. Возможность прямых перекличек оды с «Описанием» Богданова обусловлена одновременностью работы Богданова и Тредиаковского над панегириками Петербургу (рукопись «Описания» была поднесена автором Академии наук в июне 1752 г. (Сводный каталог русских книг гражданской печати. 1725—1800. М.; Л., 1972. Т. I. С. 110)). К своему «Описанию» Богданов приложил слово Гавриила Бужинского, озаглавив его «Описательная похвала царствующему граду Санкт-Петербургу и при том государю императору

Петру Великому, яко создателю оного града, сочиненная обер-иеромонахом Гавриилом префектом, которая зде точно внесенная и примечаниями изъясненная 1750 году». «Описание» Богданова было издано только в 1779 г. (*Богданов А. И.* Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга... СПб., 1779). В комментариях используется издание: *Богданов А. И.* Описание Санкт-Петербурга. СПб., 1997 (в дальнейшем: Описание).

С. 163. *Похвала Ижорской земле и царствующему граду Санкт-Петербургу* — Ижерской землей в первой половине XVIII в. обыкновенно называлась область вокруг Петербурга. «Описание» Богданова начинается с описания Ижерской земли как древнего места обитания славян, на котором позднее был основан Санкт-Петербург (с. 105). Вторая часть заглавия повторяет фрагмент названия рукописи Богданова «Описание 〈...〉 царствующего града Санкт-Петербурга...» и соответсвующего фрагмента названия слова Гавриила, данного Богдановым (см. преамбулу к наст. коммент.).

С. 163, ст. 3. *О! прежде дебрь, се коль населена!* — По поводу этого стиха Л. В. Пумпянский писал: «Тредиаковский прибегает к латинизму, потому что помнит Вергилия:

Miratur molem Aenas magalin quondam
(Aen. I, 421)

Тут дивится Эней громадам на месте лачужек
(Фет)...

(*Пумпянский Л. В.* «Медный всадник» и поэтическая традиция XVIII века // Временник пушкинской комиссии. М.; Л., 1939. Вып. 4—5. С. 95). Этот стих повторяет уже устойчивую к началу 1750-х гг. формулу похвалы Петербурга; к примерам, приведенным Пумпянским (Там же. С. 93—96), следует добавить стихи Тредиаковского при переводе оды Я. Я. Штелина «Торжественный день рождения 〈...〉 императрицы Анны Иоанновны самодержицы всероссийския одою всеподданнейше прославляет Академия наук. 28 января 1736» (СПб., 1736): «Где болота, лесы где, там мы зрим палаты, Жидка прежде грязь была, там те тверди златы».

С. 163, ст. 5—8. *Немало зрю в округе я доброт ~ Осушены почти уж блата мшисты.* — Общее место, восходящее к античной «похвале городу»; но в слове Гавриила Бужинского похвала климату отсутствует. Богданов описание петербургского климата заканчивает так: ...хотя здешнего места клима и нарочита студеная, но весьма к сожитию человеческому здоровая» (с. 119).

С. 163, ст. 9—12. *Где место ты низвергнуть подала ~ Там почернил багряну ток Скамандру.* — О «честном месте» расположения Санкт-Петербурга, прославленном победой Александра Невского над шведами в 1240 г., говорит

и Гавриил Бужинский (Описание. С. 378); комментируя это место, Богданов сравнивает потери шведов при Невской битве с потерями ассирийцев при разрушении Израиля царем Сеннахеримом (см.: 4 Цар., 18, 19), повторяя тем самым Новгородскую летопись (см.: Академический и Комиссионный списки. Новгородская первая летопись. М.; Л., 1950. С. 293—294), но отсылая к так называемой Сильвестровой летописи (С. 395). Это сравнение, возможно, повлияло на сравнение Невской битвы с битвой при реке Скамандре в оде Тредиаковского. Александро-Невский монастырь официально стал лаврой по указу Павла I от 18 декабря 1797 г.

В ст. 12 инверсия: Там ток почернил багряну Скамандру; «почернил» — зачеркнул, отменил, затмил; т. е.: битва при Неве превзошла своими потерями знаменитую битву при Скамандре. Скамандра — река, на которой стоял Иллион, ставшая багряной от крови во время битвы. Упоминание Скамандры при описании битв — общее место новоевропейской поэзии (ср.: «Вислою там все рекой не Скамандру ль называют» в «Оде торжественной о сдаче города Гданска» (с. 152, ст. 37—38), см. коммент. на с. 583)).

С. 163, ст. 13—14. *Отверзла путь, торжественны врата, К Полтавским тем полям сия победа...* — О Полтавской победе Петра Великого над шведами (1709) довольно подробно говорится в слове Гавриила Бужинского (Описание. С. 377).

С. 163, ст. 17—18. *Преславный град, что Петр наш основал И на красе построил толь полезно...* — «Пользы», приносимые Санкт-Петербургом России и всему миру, — сквозной мотив и слова Гавриила Бужинского, и «Описания» Богданова.

С. 163, ст. 19. *...Уж древним всем он ныне равен стал...* — Этот стих, возможно, восходит к сравнению Петербурга с Римом, Афинами и Фивами, сделанному Гавриилом Бужинским (см.: Описание. С. 381); см. также следующий коммент.

С. 163, ст. 21. *Не больше лет как токмо с пятьдесят...* — Ср. с посвящением в «Описании» Богданова: ...град сей распространён и новыми преславными зданиями украшен и возвеличен так, что перед многими главнейшими и древностью превозносящимися городами имеет знатное преимущество ⟨...⟩ мудрым промыслом не больше как в сорок восемь лет в сие пространство и великолепие произведен быть стал» (с. 99—100).

С. 163, ст. 22. *Отнеле* — с тех пор как.

С. 163, ст. 25—28. *Что ж бы тогда, как пройдет уж сто лет? ~ В восторг пришед, хвалы петь будет громки.* — Эти строки перекликаются с заключительной частью слова Гавриила Бужинского и комментарием к ней Богданова (см.: Описание. С. 384, 403), где говорится об удивлении потомков и иностранцев красоте и мощи Санкт-Петербурга. «Коль» — усилительное местоимение, относящееся к слову «громки»; т. е.: вам слышать то, сколь громкие хвалы будет петь сему городу свет.

С. 164, ст. 29. *Авзонские страны* — поэтическое название Италии.

С. 164, ст. 30. *Батавский* — Батавия — латинское название Нидерландов.

С. 164, ст. 31. *...тот долгий Лондон...* — М. Я. Строчков предлагает понимание смысла эпитета долгий как «распространенный», «протяженный» (Избранные произведения. С. 504); но, возможно, что «долгий» употреблен в значении «далекий».

С. 164, ст. 41—44. *Но вам узреть, потомки, в граде сем ~ Гласящих: «Се рай стал, где было пусто!»* — Строфа повторяет заключительную часть слова Гавриила Бужинского и комментарии к ней Богданова (см.: Описание. С. 384, 403), где говорится об удивлении потомков красоте и мощи Санкт-Петербурга. На ст. 25—28 и 41—44 ориентировался А. С. Пушкин во вступлении к «Медному всаднику», когда говорил о Петербурге через сто лет после его основания.

С. 164, ст. 45—47. *Явится им здесь мудрость по всему ~ Санкт-Петербург не образ есть чему?* — Смысл стихов не совсем ясен. М. Я. Строчков предлагает следующее не вполне убедительное толкование: «Здесь мудрость явится им (иноземцам) во всех делах не отраженною. Чему образцом не может быть сам Санкт-Петербург?» (Избранные произведения. С. 504). Скорее: Здесь во всем (по всему) явится им мудрость; ведь (и) чему из всех Петровских дел (из всего Петрова) Санкт-Петербург не есть прямое, незеркальное (не в зерцале) отражение (образ)? Этому толкованию мешает знак двоеточия, поставленный Тредиаковским в конце 46-го стиха и сохраненный Строчковым. Однако двоеточие означало в середине XVIII в. простое синтаксическое деление, по своей функции близкое к запятой.

С. 164, ст. 49—52. *О! Боже, Твой предел да сотворит ~ Из всех градов везде Петрову граду.* — Смысл строфы, возможно, следующий: Твое предопределение (Твоя воля) да сотворит так (да именем Петра в отраду всей России), чтобы никогда и нигде не было города равного Санкт-Петербургу. «Предел» — предопределение (ср.: «Стихи „Из Аргениды"», с. 277, ст. 186, см. коммент. на с. 641).

Ода V ПРИВЕТСТВЕННАЯ ⟨ИМПЕРАТРИЦЕ ЕЛИЗАВЕТЕ ПЕТРОВНЕ 1742 ГОДА⟩

Печатается по СП (т. 2, с. 32—42) с учетом исправлений по НР (л. 147 об.— 153).

Новая редакция «Оды приветственной» 1742 г. (см.: «Варианты и редакции», с. 387—393).

Появление «Оды приветственной» ко дню коронации императрицы Елизаветы Петровны 25 апреля 1742 г. было вызвано «советом знатных благодетелей» Тредиаковского, в числе которых, по-видимому, находился кн. Б. А. Куракин, встретить новое царствование одой. Об этом Тредиаковский, бывший в то время в Москве, писал И. Д. Шумахеру в письме от 18 марта 1742 г., сопрово-

ждавшем посылку оды в Петербург для издания ее в Академической типографии (Пекарский. С. 86—88). Подносной экземпляр оды, специально оговоренный Тредиаковским в том же письме, должен был быть напечатан «на бумаге высшего достоинства (т. е. на александрийской. — *Н. А.*) и переплетен в желтый бархат». Поднесение оды, как правило, осуществлялось третьим лицом, меценатом панегириста, в данном случае, возможно, кн. Куракиным.

Явившись первой русской одой Елизаветинского царствования, «Ода приветственная» оказала влияние на формирование одического канона похвалы имп. Елизаветы Петровны. Сама же она была написана под воздействием «Слова в высочайший день рождения 〈...〉 императрицы Елисаветы Петровны...», произнесенного Амвросием Юшкевичем 18 декабря 1741 г. и изданном в январе 1742 г., и оды Я. Я. Штелина в переводе Ломоносова «Всеподданнейшее поздравление для восшествия на всероссийский престол 〈...〉 императрицы Елизаветы Петровны 〈...〉 декабря 18, 1741...» (СПб., 1741).

Переработка оды состояла в замене силлабической 9-сложной строфы строфой четырехстопного ямба. Первоначальная редакция оды относится к последним известным нам силлабическим стихотворениям Тредиаковского. Силлабическая строфа оды соответствовала разработанной Тредиаковским десятистишной одической строфе торжественной оды, примененной им в оде «На сдачу города Гданска». Несмотря на недовольство Я. Я. Штелина силлабической формой перевода его од (см.: *Штелин Я.* Замечания / Пер. З. В. Гуковской // Стихотворения. С. 479) и на первые успехи ямбических од Ломоносова, Тредиаковский еще весной 1742 г. считал силлабический девятисложник эквивалентом французского восьмисложника (одического стиха). Это позволяет датировать переход Тредиаковского к силлабо-тонической системе, предложенной Ломоносовым, интервалом времени с весны 1742 г. по весну—лето 1743 г. (вероятное время создания «Парафразиса псалма 143»; см. преамбулу к коммент. к нему на с. 604—605). Переработка «Оды приветственной» (как и Гданьской оды) означила полную победу введенной Ломоносовым силлабо-тонической версификации и ломоносовского одического канона. Новых торжественных од Тредиаковский уже не писал.

С. 166, ст. 1. *...давно молчаща лира...* — В этом стихе, как и в ст. 201—202 («...глас Музы, Молчавшия премноги дни...»), содержится намек на семилетнюю паузу (1734—1741 гг.) в творчестве Тредиаковского, наступившую после оды «О сдаче города Гданска». Причины ее связаны, по-видимому, с неизвестными обстоятельствами положения Тредиаковского (или его мецената кн. Б. А. Куракина) в обществе во второй половине 1730-х гг.

С. 166, ст. 18. *...Венец от каменя толь честна?* — Здесь традиционно обыгрывается имя императора Петра — от греч. камень.

С. 166, ст. 21. *...Зефирный ветры дух да веют...* — В редакции 1742 г.: «Зефирный дух ветры да веют»; ср.: «Какой приятный Зефир веет» (Ло-

моносов М. В. Ода на прибытие ⟨...⟩ императрицы Елизаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1742 года по коронации», ст. 1).

С. 166, ст. 29. ...*Ея и земли пременились*... — Здесь содержится намек на успехи Русско-шведской войны 1741—1743 гг. К весне 1742 г. русские войска заняли бóльшую часть Финляндии и велись мирные переговоры на выгодных для России условиях.

С. 167, ст. 41—44. *Стремится тщетно мысль на горы ~ Оставить поpеваясь дол*. — Инверсия: Мысль тщетно стремится на горы, пореваясь оставить дол, [и] дерзко возводит взоры туда, где престол сладкогласных муз; «поpеваясь» — порываясь.

С. 167—168, ст. 51—70. *Елисавете подобало ~ Верховнейшею в сей стране*. — Эти две строфы, не повторяя прямо «Слово» Амвросия Юшкевича, восходят к его пространному описанию притеснений, испытанных Елизаветой и ее народом в эпоху царствования Анны Иоанновны. Изображение царствования Анны Иоанновны и эпохи регенства как эсхатологического ужаса стало затем общим местом русских од 1740—1750-х гг.

С. 167, ст. 56. *Оборона* — щит.

С. 168, ст. 69—70. *Уж видите, что милосерда Верховнейшею в сей стране*. — Стихи при переделке подверглись грамматической редукции, их смысл проясняет редакция 1742 г.: «Уже от Бога милосерда Ту достойну и мы приняли...».

С. 169—170, ст. 101—150. *Поставлены уж сети были ~ Колика мудрость в сем твоя*. — Этот фрагмент, продолжая тему 6-й и 7-й строф (ст. 51—70), восходит к «Слову» Амвросия Юшкевича.

С. 169, ст. 110. *Спон* — помеха, препятствие, препона (цркcл. спона).

С. 169, ст 116—117. ...*Уже и самые все прахи Любезну гнали небесам*. — В редакции 1742 г.: «Да уже и самые прахи презирали небом любезну»; т. е.: ничтожества гнали любезную небесам, т. е. помазанницу Божью.

С. 169, ст. 121. ...*благородство*...— т. е. дворянство, обычное, а не поэтическое название дворян в ту эпоху.

С. 169, ст. 122. *Синклит* — высшее духовное правительство.

С. 169, ст. 127—129. ...«*О! буди время, наша Мать ~ Потщись, а дело есть возможно*...». — Смысл стихов не ясен.

С. 169, ст. 134. ...*не крушил налог*. — не противостоял нападению.

С. 170, ст. 143. *Безумно в дерзком зрюсь быть сваре*... — т. е. поэт может ожечься, т. к. слишком высоко вознесся в своем «ревнительнейшем жаре», позволяя себе обсуждать терпение императрицы (см. предыдущую строфу).

С. 170, ст. 144. ...*Впреки терпению гремлю*. — Смысл стиха проясняют соответствующий стих редакции 1742 г.: «Зрюсь безумно в дерзком быть сваре, Что терпение обвиняю» и рукописная редакция строки: «что я терпение виню» (см.: «Варианты и редакции», с. 391); т. е. выступаю против терпения императрицы Елизаветы Петровны.

С. 170, ст. 151—154. *Судеб я бездну вышня Бога ~ Бегу, потопа не стыдясь.* — Смысл стихов, по-видимому, следующий: Я почитаю только бездну (глубину) судеб, которые в руках вышнего Бога, и избегаю дерзости испытывать эту глубину, не стыдясь большого потопа, т. е. возмездия (?).

С. 170, ст. 169. *...с колом...* — т. е. с колесом, символом непредсказуемых перемен.

С. 171, ст. 181—182. *Враги тебя где нудят к брани — Остряе тотчас росский меч...* — Речь идет об успехах русских войск в Русско-шведской войне 1741—1743 гг.

С. 171, ст. 193. *К единым казнем лютым косна...* — В ночь переворота 25 ноября 1741 г. будущая императрица Елизавета Петровна дала слово перед Богом не предавать своих подданных смертной казни. «Казнем» — церковнославянская форма дательного падежа множественного числа; «косна» — медленна, неспешна (ср.: «косен на гнев» — Иак. 1, 19).

С. 171, ст. 198—200. *Вкушай намерений плод чистых ~ Но в дар тебе? — сердца взимай.* — т. е.: вкушай плод с тех самых ветвей, который созрел от чистых намерений Петра, а в дар прими сердца подданных; «истых» — тех же самых.

С. 171, ст. 204. *...не отжени...* — не отгони.

С. 172, ст. 207—208. *...На искренность ея воззри, На верну должность и подданства...* — Инверсия: Воззри и на верну должность подданства (ср. в редакции 1742 г.: «воззри И на верну должность подданства»); т. е. воззри и на верное исполнение долга подданного.

КОММЕНТАРИИ К РЕДАКЦИИ 1742 г.
С. 387—393.

С. 387. *Господи! велия слава ея спасением Твоим.* — Пс. 20, 6.

Ст. 12. *О императрица! о дева!* — Ср.: «Чтоб не девические тако» (ст. 69), «Красоту же мы зря в девице» (ст. 89). Именование императрицы Елизаветы Петровны девой было перенято Сумароковым: «Се дело днесь одной девицы... «звук ужасный Подвалстен деве днесь молчит», «Теперь девическая сила Полсвета скиптру покорила» (ода «На день восшествия имп. Елизаветы Петровны», 1743), но вызвало, очевидно, критику и бесследно ушло из елизаветинской оды (ср. изменения, внесенные Тредиаковским в соответствующие стихи).

Ода VI. БЛАГОДАРСТВЕННАЯ

Печатается по СП (т. 2, с. 51—56) с учетом правки по НР (л. 152 об.—154).

Ода написана в знак благодарности императрице Елизавете Петровне за оказанную ею милость. М. Я. Строчков, перечисляя все известные оказанные императрицой милости автору и Академии наук, колеблется в датировки оды от 1745 до 1752 г. (см.: Избранные произведения. С. 504).

Первоначальный вариант 7-го и 8-го стихов: «О! Муза, в краткий слог, что в сердце, собери, Елизавету в нем со мной благодари» исключает предположение, что ода могла быть написана от лица Академии. Значительная правка, содержащаяся в рукописи оды, склоняет в пользу даты 1752 г. По-видимому, ода была написана в короткое время в связи с получением денежной суммы на издание СП, т. е. весной—летом 1752 г., и последняя правка осуществлялась уже в рукописи.

С. 172, ст. 3. *Не оных общих лика...* — т. е. не принадлежишь к общему сонму героинь.

С. 172, ст. 14. *Толь* — так.

С. 172, ст. 18. ...*Созиждешь им и дом...* — Речь идет об Академии наук; см. коммент. к с. 349 «Речи приветственной...» на с. 654.

С. 172, ст. 19. *Докуки* — нужды.

С. 172, ст. 24. ...*сим...* — т. е. наукам.

С. 173, ст. 29. ...*о твоей порфире...* — т. е. благодаря твоей порфире.

С. 173, ст. 34. ...*Блаженство есть не тще...* — т. е. не пустое блаженство.

С. 173, ст. 50. ...*Не втуне где мольба...* — т. е. за которым не пропадает молитва.

С. 173, ст. 60. ...*В ком мало службы доль...* — т. е. тот, кто мало уделяет себя службе; ср. коммент. к с. 153, ст. 80 оды «О сдаче города Гданска», с. 584.

С. 174, ст. 69—70. ...*Зришь и кладешь со други За самые заслуги.* — т. е. поощряешь меня за заслуги наряду с другими.

С. 174, ст. 73—74. *Тебе неоднократно Угодно награждать...* — Здесь содержится намек на милости императрицы, оказанные Тредиаковскому, например указ о выдаче писателю книг на сумму 2 тыс. руб. для компенсации ущерба от пожара, случившегося в его доме 30 октября 1747 г.

С. 174, ст. 78. ...*Подданство само исто.* — т. е. самое подлинное подданство.

С. 174, ст. 85—86. ...*Венцом здесь славну честным Прославит Бог небесным.* — Инверсия: Славну здесь честным венцом, Бог прославит небесным (венцом).

ОДЫ БОЖЕСТВЕННЫЕ

Печатается по СП (т. 2, с. 62—149) с учетом исправлений по НР (л. 155—250) и по: Петровский (с. 16—23).

Время создания основного корпуса «Од божественных», за исключением од XVI («Парафразис псалма 143») и XXVIII («Парафразис песни Девворины») не известно. 16 од (VII—XIII, XV, XVII—XXIV), вероятно, были написаны в период работы над «Способом к сложению российских стихов», в котором они приведены в качестве примеров разных по числу стихов строф (см.: глава пятая, § 7—13, 15, 17—24). В предисловии «К читателю» Тредиаковский говорит, что последовательность божественных од в разделе соответствует «порядку времен, в кои сочинены» (с. 15). Хотя этому свидетельству и противоречит «Парафразис псалма 143» (ода XVI), написанный еще в 1743 г., в целом оно кажется правдоподобным. Почти полное соответствие числа од с возможным числом разнообъемных строф (16), а также отсутствие намерения их публиковать (раздел включен в СП в результате переработки состава второго тома), позволяют предположить, что при создании большей части од Тредиаковский ставил перед собой определенные задачи в стихосложении. Последовательность в разделе хореических од не только отвечает последовательности псалмов в Псалтири, но и длине строф по нарастанию (псалом 1 — четырехстишная строфа, псалом 6 — пятистишная и т. д.). Кроме парафразисов десяти псалмов в раздел включены девять песней и молитва Захария, входящие в состав служебной Псалтири, что образует симметрию в числе переложений основного текста Псалтири с числом песней из служебной Псалтири. Симметрия поддерживается тем, что песни переведены ямбами, с возрастанием длины строф в соответствии с канонической последовательностью песней (песнь 1 — четырехстишная строфа, песнь 2 — пятистишная и т. д.).

Сличение од с соответствующими Священными текстами позволяет заключить, что парафразисы песней служебной Псалтири и «песни Девворинои» близки к текстам оригиналов, они повторяют не только отдельные выражения, но и сохраняют пропорции объема. Напротив, парафразисы псалмов часто далеки от оригинала и по языку и стилю, и по своему объему. Это объясняется, очевидно, влиянием европейской традиции в переложении псалмов, возможно, прямым использованием отдельных мест французских или немецких парафрастических од. На какие европейские образцы ориентировался Тредиаковский, установить не удалось.

Подборка божественных од Тредиаковского была второй в новой русской поэзии после 10 парафрастических од Ломоносова, изданных в «Собрании разных сочинений в стихах и прозе» (1751 г.). Поскольку Ломоносов колебался в выборе жанровой дефиниции своих од, оставив их раздел в издании без всякого обозначения, в русской поэзии за парафрастическими одами закрепилось определение, данное Тредиаковским, «божественные оды». Работа над первыми стихотворными переводами псалмов побудила Тредиаковского переложить в одической форме всю Псалтирь, к чему он приступил, вероятно, сразу после выхода СП. В течение года «Псалтирь, или Книга псалмов блаженного пророка и царя Давида, преложенных лирическими стихами и умноженных пророческими песньми» была подготовлена, и 9 декабря 1753 г. Тредиаковский обратился в Синодальную

контору с просьбой ее освидетельствовать. С этого прошения начались многолетние хлопоты Тредиаковского о ее издании, ничем не завершившиеся (издана: *Trediakovskij V K.* Psalter 1753 / Besorgt und kommentiert von A. Levitsky; hrsg. von R. Olesch und H. Rothe. Paderborn; München; Wien; Zürich, 1989; о деле по изданию «Псалтири» см.: *Шишкин А. Б.* Судьба «Псалтири» Тредиаковского // Там же. С. 521—540).

В данном разделе стихи из библейских текстов приводятся по изданию: Библия. СПб., 1751; в отдельных случаях даются пояснения на современном русском языке.

Ода VII. ПАРАФРАЗИС ПСАЛМА 1

С. 175. *Парафразис* — букв. описание (от греч. παρα-φράσις), в риториках — пересказ. Первоначально все божественные оды Тредиаковским были обозначены как «претолкование» (см.: «Варианты и редакции», с. 395—402). Не исключено, что исправление дефиниции было сделано под влиянием Ломоносова, давшего своим парафрастическим одам в «Собрании разных сочинений в стихах и прозе» (1751) заглавие «Парафразис» (см.: *Ломоносов М. В.* Полн. собр. соч. М.; Л., 1959. Т. 8. С. 369). Вопрос о том, что представляет собой стихотворный перевод псалмов, да и стихов вообще, Тредиаковский обдумывал на протяжении всей жизни. Если в конце 1740—начале 1750-х гг. он считал возможным буквальный перевод стихотворных произведений (см. статью «К читателю», с. 11), то в 1766 г. он полагал, что стихотворный, в особенности рифмический перевод, не может не уводить от подлинника: «Рифмический перевод больше необходимо есть пара`фрасис (произложение), отнюдь же не мета`фрасис (преложение). Следовательно, парафрастический перевод с Тилемаха, не знаю, коль попремногу удалится от точного содержания Тилемахова» (Предызъяснение. С. XLVIII), понимая, очевидно, свой поэтический перевод французской прозы как метафразис (под «произложением» здесь имеется в виду, вероятно, свободное переложение, а под «преложением» — переложение на другой язык, перевод). Вместе с тем свои рифмические переводы псалмов Тредиаковский называет в «Псалтири... «преложенными лирическими стихами».

С. 175, ст. 5. *Нижé* — ни даже.

С. 175, ст. 11. *...пробол...* — поразил (от цркcл. пробости).

С. 176, ст. 20. *Угобженный* (цркcл.) — преумноженный, в избытке.

С. 176, ст. 37—40. *Праведных стези весть Бог ~ Грозна гибель весь похитит.* — Строфа приведена в «Способе к сложению российских стихов» (глава пятая, § 7, с. 85) в качестве примера четырехстишной хореической строфы.

Ода VIII. ПАРАФРАЗИС ПСАЛМА 6

С. 177, ст. 25. ...*Кой во гробе есть предлог?* — Ср.: «...во аде же кто исповестся тебе» («...во гробе кто будет славить тебя»; Пс. 6, 6); «предлог» — выражение, изъявление.

С. 177, ст. 31—35. *Очи с плача помутились ~ Я надежды уж лишен.* — Строфа приведена в «Способе к сложению российских стихов» (глава пятая, § 8, с. 85—86) как пример пятистишной хореической строфы.

С. 178, ст. 44. *Ловитва* (црксл.) — лов.

С. 178, с. 46. *Презор* (црксл.) — гордость, высокомерие.

С. 178, ст. 50. ...*сломление рогам*... — уничтожение гордыни.

Ода IX. ПАРАФРАЗИС ПСАЛМА 18

С. 178, ст. 3—4. *Ваш доколе погубленный Вне рассудок правоты?* — Инверсия: доколе ваш погубленный рассудок вне правоты.

С. 178, ст. 9. *Прилог* — прибавление.

С. 178, ст. 10. ...*ей! без при!* — т. е.: да, не прекословьте; пря (црксл.) — ссора, прекословие.

С. 178—179, ст. 13—18. *День всегда плывет за днем ~ То от тверди твердо стало.* — Строфа приведена в «Способе к сложению российских стихов» (глава пятая, § 9, с. 86) в качестве примера шестистишной хореической строфы. Твердь — небеса (црксл.); ср. спор Тредиаковского с Сумароковым о значении этого слова в «Письме, в котором содержится рассуждение о стихотворении... ...чрез слово твердь разумеется у нас греческое слово στερέωμα и ἔρεισμα, латинское — firmamentum, а французское firmament, то есть небо» (с. 480).

С. 179, ст. 23—24. ...*Вся земля внушает слово, Мира всем концам не ново.* — Инверсия: Вся земля внушает слово, не ново всем концам мира, т. е. внимает.

С. 179, ст. 37. *Встока шествуя с границ*... — т. е. с границ востока.

С. 179, ст. 39. ...*Препоножным*... — т. е. перепончатолапым.

С. 180, ст. 61. *Злато, ни камык толь драг!* — т. е. ни золото, ни камык не столь дороги; камык (црксл.) — камень. Ср.: «судьбы господни ⟨...⟩ вожделенны паче злата и камене честна» (Пс. 18, 10—11).

С. 180, ст. 65. ...*Заповедей тех презором*... — т. е. презрением заповедей.

С. 180, ст. 66. ...*скверн зазором.* — т. е. срамом скверн; зазор (црксл.) — стыд, срам, поношение.

С. 180, ст. 71. ...*Да не буду гордых лика*... — т. е. не буду среди гордых.

Ода X. ПАРАФРАЗИС ПСАЛМА 42

С. 181, ст. 22—28. *Вниду к Твоему престолу ~ И любви моей венец.* — Строфа приведена в «Способе к сложению российских стихов» (глава пятая, § 10, с. 86) в качестве примера семистишной хореической строфы. «Проявленн в горе святой» — т. е. явленный в горе (олтарь); «исполнение изволу» — исполнение волеизъявления, желания.

С. 181, ст. 29. *В гуслях проповем играя...* — т. е. играя на гуслях проповедуем; ср.: «...исповемся тебе в гуслях» (Пс. 42,4).

С. 182, ст. 42. *Налог* (црксл.) — напор, нападение.

Ода XI. ПАРАФРАЗИС ПСАЛМА 51

С. 182, ст. 4. *Втай* (црксл.) — тайно.

С. 182, ст. 12. *...яро толь восторгнет...* — т. е. яростно исторгнет.

С. 182, ст. 15. *Удовлит* (црксл.) — удовлетворит.

С. 183, ст. 20. *...не коргнет.* — Значение слова установить не удалось.

С. 183, ст. 35—36. *Исповем Тебя вовек Тварь Твоя и человек...* — Эти стихи приведены в «Способе к сложению российских стихов» (глава четвертая, § 1, с. 83) в качестве примера четырехстопного мужского хорея.

С. 183, ст. 37—38. *Что Твое я имя знаю, Избавления тем чаю...* — Эти строки приведены в «Способе к сложению российских стихов» (глава четвертая, § 1, с. 83) в качестве примера четырехстопного женского хорея.

Ода XII. ПАРАФРАЗИС ПСАЛМА 78

С. 183, ст. 1—8. *Се языки ворвались ~ Все расхитивши убранство.* — Строфа приведена в «Способе к сложению российских стихов» (глава пятая, § 11, с. 86) в качестве примера восьмистишной хореической строфы.

С. 184, ст. 13. *...мужей удобных...* — т. е. рядовых; удобь (црксл.) — нетрудно, просто.

С. 185, ст. 46—47. *...Коими не призван Ты И ни Имя с слепоты...* — т. е.: ни Ты не призван, ни Имя Твое.

С. 185, ст. 57—58. *Первых беззаконий днесь Помняй, Господи, не буди...* — т. е. не поминай днесь первых беззаконий (наших).

С. 186, ст. 81. *В седмерицу* — в семь крат.

Ода XIII. ПАРАФРАЗИС ПСАЛМА 111

С. 186, ст. 1—6. *Счастлив! Бога кто боится ~ Правда вечна в нем самом.* — Строфа приведена в «Способе к сложению российских стихов» (глава пятая, § 15, с. 87—88) в качестве примера неравной хореической строфы. Ст. 1 — ср.: «Блажен муж, бояйся господа» (Пс. 111, 1). В передаче этого стиха отразилось влияние французской традиции, в которой «beatus» последовательно переводится как «heureux». Ср.: «Beatus vir qui timet Dominum...» (лат.); «Heureux l'home qui craint Yahvé...» (фр.). Ср. также: ст. 30, 33 «Парафразиса псалма 136» и ст. 1 «Строф похвальных поселянскому житию» (с. 188 и 246).

Ода XIV. ПАРАФРАЗИС ПСАЛМА 136

С. 188, ст. 5. *...обесили...* — повесили; ср.: «На вербиех посреде его обесихом органы» (Пс. 136, 2).

С. 188, ст. 20. *Гонзну* (цркcл.) — убегу прочь, скроюсь.

С. 188, ст. 23. *...Грозным воплем он рыкал всякого льва сроже...* — Этот стих, отсутствует в псалме 136, заимствован из Книги пророка Иеремии (51, 38).

С. 188, ст. 31. *Наянство* (цркcл.) — нахальство.

Ода XV. ПАРАФРАЗИС ПСАЛМА 139

С. 189, ст. 10—18. *В сердце их всегдашня лесть ~ Яд из уст течет и битва.* — Строфа приведена в «Способе к сложению российских стихов» (глава пятая, § 12, с. 86—87) в качестве примера девятистишной хореической строфы.

С. 189, ст. 29. *Сило* (цркcл.) — затягивающаяся петля для ловли больших зверей.

С. 190, ст. 54. *Ков* (цркcл.) — злой умысел.

С. 190, ст. 63. *...будут в доле.* — т. е. будут низвержены (в доле — предложный падеж существительного дол).

Ода XVI. ПАРАФРАЗИС ПСАЛМА 143

⟨Рассуждение о стопе хорея и ямба⟩

Новая редакция предисловия «Для известия», открывающего издание «Три оды парафрастические псалма 143, сочиненные чрез трех стихотворцов, из которых каждый одну сложил особливо» (СПб., 1744). Рассуждение содержит в себе полемику между Ломоносовым, Тредиаковским и Сумароковым о значении двусложных метров, начавшуюся, по-видимому, весной—летом 1743 г. и впервые выне-

сенную на публику в издании «Трех од парафрастических... Она была продолжена Тредиаковским в «Письме, в котором содержится рассуждение о стихотворении... Сумарокова (1750), в «Предуведомлении» к «Аргениде» (1751) и в СП (см.: «К читателю», с. 12—14). Инициатором соревнования был Сумароков. Об этом поэтическом соревновании см.: *Гуковский Г. А.* К вопросу о русском классицизме: состязания и переводы // Поэтика. Сб. 4. Л., 1928. С. 126—148; *Шишкин А. Б.* Поэтическое состязание Тредиаковского, Ломоносова и Сумарокова // XVIII век. Л., 1983. Сб. 14. С. 232—246. Рукопись книги «Три оды парафрастические... была отдана в Канцелярию Академии наук не позднее августа 1743 г.; 31 августа Канцелярия распорядилась печатать ее «под смотрением» Тредиаковского тиражом 500 экземпляров (300 экземпляров на счет авторов, 200 экземпляров казенных для продажи в Академической книжной лавке). 24 декабря последовало «устное известие» от генерал-прокурора Синода Н. Ю. Трубецкого дополнительно допечатать еще 600 экземпляров. Однако заказ этот оплачен не был, и Академическая Канцелярия 28 декабря распорядилась издать брошюру на счет авторов тиражом всего 150 экземпляров; печатание было закончено в первые дни января 1744 г.

С. 191. *Некоторый из нас ~ нежели высоту и устремительное течение.* — Имеется в виду Ломоносов. Ср. его аргументацию преимуществ ямба в предисловии «К читателю» (с. 13).

С. 192—193. *...то бы Гомеровой «Илиаде» и Виргилиевой «Энеиде» ~ а не дактилями, кои и падают сверху вниз...* — Ср.: «К читателю» (с. 14).

С. 192, примеч. *Некто из знающих людей ~ Touua leae ~ lupusip seca pellamo!* — Ср.: «К читателю» (с. 14). Музыкальными нотами расписан стих Вергилия: «Львица за волком бежит свирепая, волк за козою...» (Буколики, II, 63).

С. 193. *На сие третий из нас ~ точно изображает любовническое воздыхание.* — Имеется в виду Сумароков.

С. 193, примеч. *Сего есть самая первая ~ и подобное.* — Ср.: «К читателю» (с. 13).

«Парафразис псалма 143» — самая ранняя из известных нам духовных од Тредиаковского, впервые опубликована в книге «Три оды парафрастические... (с. 12—18) в доказательство возможной высоты звучания хорея.

С. 194, ст. 11—12. *Кто ин толь бы храбро руки Без Тебя мне ополчил?* — Инверсия: Кто ин (иной) без Тебя ополчил бы мне толь храбро руки?

С. 196, ст. 61—70. *На защиту мне смиренну ~ И приемлет в баснь и глум.* — Строфа приведена в «Способе к сложению российских стихов» (глава пятая, § 13, с. 87) в качестве примера десятистишной хореической строфы. Вариант ее приведен в качестве примера деления слов на склады в «Разговоре между чужестранным человеком и русским об ортографии»: «На ѕа-шчі-ту смі-рен-ну ру-ку про-стрі съ вы-сот отъ вра-говъ пре-ѕрѣн-ну по ве-лі-кості шче-дротъ і

шче-дротъ да-руй спо-собъ is-ба-влюсь, i is-бав-люсь. Bos-не-сi рогъ про-славлюсь i про-сла-влюсь родъ чу-жiхъ как буйнъ водъ шум бы-стро съ воп-лемъ i воп-лемъ на-бѣ-га-етъ не-мошчь мо-ю ру-га-ет, прi-е-млетъ, i ем-летъ в баснь» (*Тредиаковский В.* Разговор между чужестранным человеком и российским об ортографии старинной и новой и всем, что принадлежит к сей материи. СПб., 1748. С. 427). Стихи 67—68, как и соответствующее место оды Ломоносова, приведены в «Письме, в котором содержится рассуждение о стихотворении...» при разборе Тредиаковским переложения псалма 143 Сумарокова в качестве примера правильного осмысления стихов Давида (в отличие от строк Сумарокова: «Изми мя от сынов чужих, Разрушь бунтующи народы, И станут брань творящи воды») со следующим пояснением: «Ибо Давидова сего „избави мя от вод многих, из руки сынов чужих“ есть сей разум: избави мя как от превеликого и сильного наводнения из руки сынов чужих» (с. 446). «Приемлет в баснь и глум» — т. е. принимает за неправду и поношение.

С. 197, ст. 109. ...*Толь нет храмов испещренных...* — Этот стих, как и соответствующий стих оды Ломоносова, приведен в «Письме, в котором содержится рассуждение о стихотворении...» при разборе Тредиаковским переложения псалма 143 Сумарокова в качестве примера правильного переложения этого места псалма. Критикуя стихи Сумарокова «И дщери их преукрашенны, Подобьем красоты церквей» (ср.: «Дщери их удобрены, преукрашены яко подобие храма»; Пс. 143, 12), Тредиаковский осуждал употребление слова «церковь», обозначающего «собрание верующих во Христе», вместо слова «храм», то есть «языческое капище». По мнению Тредиаковского, Сумарокова ввел в заблуждение немецкий перевод псалма, в котором «стоит *кирхе*» (с. 450). Это единственное указание на источник переложения Сумарокова, однако, о каком именно немецком переводе идет речь, установить не удалось.

С. 197, ст. 118. *Тать* (др.-рус.) — вор.

Ода XVII. ПАРАФРАЗИС ПЕРВЫЯ ПЕСНИ МОИСЕЕВЫ

С. 198, ст. 11—12. ...*Он фараонов строй оброчно К дну тьмы низверг и силы длань.* — Инверсия: Он низверг оброчно строй и длань силы фараонов к дну тьмы; «оброчно» — т. е. в наказание. Ср.: «...колесницы фараоновы и силу его вверже в море» (Исх. 15, 4).

С. 199, ст. 41—44. *Простерл десницу — пожрала ~ И всех людей Тобой спасла.* — Строфа приведена в «Способе к сложению российских стихов» (глава пятая, § 17, с. 88) в качестве примера четырехстишной ямбической строфы. В ст. 41—42 инверсия: Земля пожрала в свои недра противных.

С. 199, ст. 52. ...*Ты, Ханаан, растай, зла жди.* — Ср.: ...растаяша вси живущии в Ханаане» («...уныли все жители Ханаана»; Исх. 15, 15); растаяти (цркл.)— обессилеть, опечалится.

С. 200, ст. 57. *Дондеже* (црксл.) — до сих пор.

С. 200, ст. 67—68. ...*Израиль сухо те безгоды Прешел*... — Ср.: ...сынове же Израилевы проидоша сушею посреде моря...» (Исх. 15, 19).

Ода XVIII. ПАРАФРАЗИС ВТОРЫЯ ПЕСНИ МОИСЕЕВЫ

С. 200, ст. 9. ...*То мыслей призвано не в мрак*... — Инверсия: То (имя) призвано не во мрак мыслей.

С. 201, ст. 20. *Оброк* — здесь: плата.

С. 201, ст. 21. *Сих оный есть народ делец*... — Смысл этого стиха не ясен; ср.: «Сии людие, буии и немудри» (Втор. 32, 6). По-видимому, здесь инверсия: Сих делец есть оный народ; делец — множественное число, родительный падеж существительного дельце.

С. 201, ст. 30. ...*Познаешь старших все от света*. — Инверсия: Все познаешь от старших света; «старшие света» — старцы (см.: Втор. 32, 7).

С. 201, ст. 33—35. ...*Пределов столько поставлял, Коль верных слуг себе счислял*... — Ср.: «Постави пределы языков по числу аггел божиих» (Втор. 32, 8).

С. 202, ст. 58. *Тук* — жир.

С. 202, ст. 63. *Утыл* (црксл.) — растолстел; ср.: «Уты, утолсте, разшире; и остави Бога, сотворшаго его» (Втор. 32, 15).

С. 202, ст. 66—67. *Во нравах все Творца чужих И в мерзостях преогорчили*... — Инверсия: все преогорчили Творца во нравах чужих и в мерзостях.

С. 202, ст. 68. *Пожерли* (црксл.) — пожертвовали.

С. 202, ст. 69—70. ...*Богам, отцам что странны их, От напитавша ж отступили*. — Инверсия: Богам, что странны их отцам, от напитавша ж отступили. Ср.: «...богом, их же не ведеша, нови и секрати приидоша, их же не ведеша отцы их» («...богам, которых они не знали, новым, ⟨которые⟩ пришли от соседей и о которых не помышляли их отцы»; Втор. 32, 17).

С. 202, ст. 79. *Род развращенный, веру тщу*... — Ср.: «Яко род развращен есть, сынове им же несть веры в них» (Втор. 32, 20); «веру тщу» — т. е. пустую веру, ср.: «...тща же и вера ваша...» (Кор., 15, 14).

С. 203, ст. 89—90. ...*Все попалит страны всея Гор основания для глада*. — Ср.: «Снест землю и жита ея, попалит основания гор» (Втор. 32, 22).

С. 203, ст. 105. ...*убожу*... — т. е. сделаю нищими.

С. 203, ст. 113. *Чтоб ныненалящи посметь*... — Смысл стиха не ясен.

С. 204, ст. 126—130. *Их из Содома виноград ~ Сок отравляет шумны мозги*. — Строфа приведена в «Способе к сложению российских стихов» (глава пятая, § 18, с. 88) в качестве примера пятистишной ямбической строфы.

С. 205, ст. 163—164. ...*Вещая словом на среду, Да будет слышимо преду*... — Смысл стихов не ясен.

С. 205, ст. 170. ...*И ненавидящих поряду*. — Смысл стиха не ясен.

Ода XIX. ПАРАФРАЗИС ПЕСНИ АННЫ, МАТЕРИ САМУИЛА ПРОРОКА

С. 206, ст. 5. *Устне* — здесь: уста.

С. 207, ст. 34. *Наветы* (цркcл.) — козни.

С. 207, ст. 37—42. *Затем премудр, чтоб не хвалился ~ И в правде суд земным творить.* — Строфа приведена в «Способе к сложению российских стихов» (глава пятая, § 19, с. 88) в качестве примера шестистишной ямбической строфы.

С. 207, ст. 48. ...*Рог Своего христа взнесет.* — Ср.: «и вознесет рог христа своего» (1 Цар. 2, 11); христос (греч.) — помазанник.

Ода XX. ПАРАФРАЗИС ПЕСНИ ПРОРОКА АВВАКУМА

С. 208, ст. 17. ...*Величия доброт от чистых...* — Инверсия: От величия чистых доброт.

С. 208, ст. 22—28. *Пред ним предыдет в слове смерть ~ Языки тают, весть несется.* — Строфа приведена в «Способе к сложению российских стихов» (глава пятая, § 20, с. 88—89) в качестве примера семистишной ямбической строфы.

С. 209, ст. 32. ...*ефиоплян...* — т. е. эфиопов.

С. 209, ст. 34. ...*мадиамский...* — т. е. принадлежащий мадиамам, жителям земли Мадиамской, истребленным евреями за их враждебность (см.: Чис. 31; Суд. 8).

С. 209, ст. 43—44. *Твой лук уже есть налячен По слову Твоему на скиптры* — Ср.: «наляцая налечеши лук твой на скиптры» (Авв. 3, 9); наляцати (цркcл.) — натягивать (лук)

С. 209, ст. 51—52. ...*Они шли стрел Твоих по свету Оружий и по блеску в мету...* — Инверсия: Они шли по свету Твоих стрел и по блеску оружий в мету; ср.: ...солнце и луна ⟨...⟩ во свет стрелы твоя пойдут, в блистании молний оружий твоих» (Авв. 3, 11).

С. 209, ст. 54. *Прещение* (цркcл.) — угроза; ср.: «Прещением умалиши землю» (Авв. 3, 12).

С. 210, ст. 87—88. ...*Печаль всему настанет граду, И стару, юну и кой ссет...* — Этих стихов нет в Книге пророка Аввакума, они переложены из второй песни Моисеевой, ср.: «юноша с девою, ссущие, с совершенным старцем» (Втор. 32, 25); «кой ссет» — т. е. грудной младенец, ссати (цркcл.) — сосать.

С. 211, ст. 101. ...*Творит мои Он ноги красны...* — Ср.: «и учинит нозе мои на совершение» (Авв. 3, 19).

Ода XXI. ПАРАФРАЗИС ИСАИИНА ПРОРЕЧЕНИЯ

С. 212, 25—32. *О! Господи и Боже наш! ~ В Твоем нам имени есть доля.* — Строфа приведена в «Способе к сложению российских стихов» (глава пятая, § 21, с. 89) в качестве примера восьмистишной ямбической строфы.

Ода XXII. ПАРАФРАЗИС МОЛИТВЫ ИОНИНЫ

С. 213—214, ст. 10—18. *Вся высота по мне прешла ~ О! коль тогда я был злосчастный.* — Строфа приведена в «Способе к сложению российских стихов» (глава пятая, § 22, с. 89) в качестве примера девятистишной ямбической строфы.

С. 214, ст. 52—53. *...Воздам, спасенный, жертву многу, Котора сердце, не волы...* — Этого стиха нет в молитве Ионы; ср.: «...всесожжения не благоволиши. Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» (Пс. 50, 18—20).

Ода XXIII. ПАРАФРАЗИС МОЛИТВЫ ТРЕХ ОТРОКОВ

С. 215, ст. 6. *...Твоими истинны делами...* — т. е.: мы истинны Твоими делами; ср.: «Яко праведен еси о всех, яже сотворил еси нам, и вся дела твоя истинна» (Дан. 3, 27).

С. 215, ст. 9. *...И на Святый Град в напреженном...* — Смысл стиха не ясен.

С. 215, ст. 17—20. *...Мы сделали единый срам ~ Да благо будет в жизни нам.* — Смысл стихов не ясен.

С. 215, ст. 26. *Пелынь* (цркcл.) — полынь.

С. 216, ст. 57. *Пожреть* (цркcл.) — принести в жертву.

С. 216, ст. 61. *...в сердце ~ сотренном...* — т. е. в сокрушенном.

С. 217, ст. 81—90. *Являющие люто злая ~ С Тобой не сменен всяк прилог.* — Строфа приведена в «Способе к сложению российских стихов» (глава пятая, § 23, с. 89—90) в качестве примера десятистишной ямбической строфы. Гонзая (цркcл.) — убегая.

Ода XXIV ПАРАФРАЗИС ХВАЛЫ БОГУ ОТ ТРЕХ ЮНОШ

С. 217—218, ст. 1—16. *Благословен Господь Бог наших всех отец ~ И славно величайте ввеки.* — Эти две строфы представляют собой парафразис стихов служебной Псалтири «Росою пещи трех юнош хвала» (Дан. 3, 52—55), следующих после песни седьмой «Молитва святых трех отроков» и примыкающих к ней.

С. 218—219, ст. 17—72. *Благословите вы все Господа дела ~ И славно величаем ввеки.* — Парафразис «Песни осьмой» служебной Псалтири (Дан. 3, 56—91).

С. 218, ст. 28. *Небренный* — здесь: неразрушимый.

С. 218, ст. 33. *Слота* — здесь: слякоть; см. также: «Наука о стихотворении и поэзии» (Песнь первая, с. 19, ст. 40 и коммент. на с. 518).

С. 219, ст. 44. *Мшиц* — мошек.

С. 219, ст. 52. *Странный* — здесь: чужестранный.

С. 219, ст. 58—59. *...Ананий и Азарий ~ Мисаил...* — Трое юношей, товарищей пророка Даниила, получившие в Вавилонии имена Седрах, Авденаго, Мисах, брошенные в раскаленную печь царем Навуходоносором за непоклонение золотому тельцу и уцелевшие, спасенные Богом (см.: Дан. 3, 19—94).

С. 219, ст. 65—72. *Он сам исторгнуть нас от Ада днесь сулил ~ И славно величаем ввеки.* — Строфа приведена в «Способе к сложению российских стихов» (глава пятая, § 24, с. 90) в качестве примера неравной ямбической строфы.

Ода XXV ПАРАФРАЗИС ПЕСНИ БОГОРОДИЧНЫ

С. 220, ст. 6. *...изобрел...* — т. е. избрал.

Ода XXVI. ПАРАФРАЗИС ПРОРОЧЕСКИЯ МОЛИТВЫ ЗАХАРИИ, ОТЦА ПРЕДОТЕЧЕВА

С. 221, ст. 4. *...И всем воздвигнувый нам рог...* — См. коммент. к с. 36, ст. 160 Песни третьей «Науки о стихотворении и поэзии», с. 528.

С. 222, ст. 29. *Присетил* — посетил.

Ода XXVIII. ПАРАФРАЗИС ПЕСНИ ДЕВВОРИНЫ

Написана летом—осенью 1752 г., в период доработки Тредиаковским нового состава второго тома СП. Так как песнь не принадлежит к каноническим текстам Псалтири, то ода выпадает из раздела «Оды божественные». Остается не ясным, чем было обусловлено ее спешное создание в период работы над вторым томом.

Песнь Деворы посвящена победе израильтян над царем Ханаанским Иавином, описанной в Книге Судей (гл. 4-я). Иавин в течение 25 лет угнетал израильтян, пока не восстала Девора пророчица, бывшая в то время судьей Израиля. Призвав Варака, она именем Бога велела ему идти на гору Фавор с 10 000 человек из сынов Неффалимовых и сынов Завулоновых и сразиться против Сисары, военачальника Иавина. Произошла битва, в которой погибло все войско Сисары, сам он, спрятавшись у Иаили, был убит ею.

Тредиаковский переложил песню Деворы, уложив один стих Писания в одну строфу, за исключением 1-го стиха гл. 5-й.

С. 222, ст. 7—8. *Услышьте, о! цари земли И каждый из князей, внушая...* — Начало строфы стало во второй половине XVIII в. одическим топосом. Ср.: «Услышьте, судии земные И все державные главы» (Ломоносов М. В. Ода «На восшествие на престол» (1762), стрф. 17).

С. 222, ст. 14. *Сиир* (Сеир) — горный хребет, тянущийся от Мертвого до Красного моря.

С. 223, ст. 25—26. *...Самгар ~ в дни Иаили...* — Самгар (Самегар) — один из судей израильских, сын Анафа, современник или непосредственный предшественник описываемых событий (см.: Суд. 3, 31); Иаль — жена Хавер-Кинеева (Хевера Кинеянина), совершившая подвиг убийства Сисары (см. ст. 133—156). Далее описывается запустение Израиля, наступившее вследствие утеснений царя Иавина.

С. 223, ст. 36. *...И матерню быть не стала.* — т. е. не стала матерью народу израильскому.

С. 223, 37—38. *Едва Израиль изберет Богов, как новый хлеб ячменный...* — Речь идет об измене израильтян Богу, за что они были наказаны господством царя Иавина.

С. 223, ст. 43—46. *Но во Израиле всех глав ~ Как любит сердце, так мой нрав...* — Инверсия: Как любит сердце, так мой нрав, всех глав во Израиле и добровольных (глав) от народа, собравшихся от мест окольных.

С. 223, ст. 49. *В полы дня* — в полдень.

С. 224, ст. 63. *Варак* — израильтянин, сын Авинеема (Авиноама), из колена Неффалима, возглавлял войско израильтян против Сисары.

С. 224, ст. 70—72. *...Мне сильнейших уже Сам Бог ~ Дал быть под властию моею.* — Речь идет о силе собранного Вараком войска.

С. 224, ст. 73—78. *От мест Ефремлих корень их ~ И письменник от Завулона.* — Речь идет о составе собранного Вараком войска; перечисляются израильские племена, носящие имена их прародителей, совпадающие с названиями местностей, где они жили. Ефрем — младший брат Иосифа; Амалик — правнук Исава; Вениамин — младший сын Иакова от Рахили, восходящее к нему одно из колен израильских отличалось особой воинственностью; Махир — сын Галаада, внук Иосифа, к нему восходит одно из многочисленных и сильных племен израильских; Завулон — последний сын Иакова от Лии, к нему восходит одно из сильнейших колен израильских. В ст. 75—76 инверсия: Но тогда как брат тебе Вениамин был от лика твоих; т. е. он, будучи тебе братом, выступал на твоей стороне.

С. 224, ст. 79. *Начальник Иссахарский...* — Имеется в виду одно из колен израильских, восходящее к Иссахару, пятому сыну Иакова от Лии.

С. 224, ст. 82. *...Рувим разделом где раздран...* — Имеется в виду одно из колен израильских, восходящее к Рувиму, старшему сыну Иакова от Лии, малочисленное и слабое.

С. 224—225, ст. 91—96. *Сбег Галаад за Иордан ~ Или он ни к чему не годен?* — Здесь перечисляются израильские племена, не поддержавшие Варака: израильское племя, восходящее к Галааду, одному из сыновей Махира; одно из

колен израильских, восходящее к Асиру, сыну Иакова от служанки Зельфы; одно из колен израильских, восходящее к Дану, пятому сыну Иакова от служанки Валлы, отличавшееся хитростью.

С. 225, ст. 97—102. *Но Завулон есть сей народ ~ Исшел и стал на чистом поле.* — Здесь прославляются те два колена, которые сражались против Сисары. Неффалим — шестой сын Иакова от служанки Валлы, к нему восходит одно из главных колен израильских.

С. 225, ст. 103. *Цари к нему пришли...* — т. е. цари Ханаанские.

С. 225, ст. 105. *Фанаах* — город Ханаанский.

С. 225, ст. 106. *Магеддонские воды* — о чем идет речь, установить не удалось.

С. 225, ст. 115. *Поток Кисонов...* — Киссон — извилистый ручей в Палестине, сбегающий с горы Фавор.

С. 225, ст. 116. *Ток наводнения подобно...* — т. е. так же как и наводнение.

С. 225, ст. 117. *Кадимин* (Кедумим, Кедудим) — название потока или ручья, здесь: Киссон.

С. 225, ст. 119—120. *Душа моя! Тем всюду рана, И сила их тобой попрана* — Ср.: ...поперет его душа моя силная» («Попирай, душа моя, силу!»; Суд. 5, 21).

С. 225, ст. 121—124. *С ристания от конских ног ~ Копыта оный твердый рог...* — Инверсия: Оный твердый рог копыта от конских ног с ристания скочил, рассекаясь на полы или сокрушаясь на части; «на полы» — пополам.

С. 226, ст. 128. *Мазор* (Мероз) — город в Палестине, известный тем, что был проклят Деворой за отказ участвовать в битве с Сисарой.

С. 226, ст. 139. *...он...* — т. е. Сисара.

С. 226, ст. 142. *...То изнесла все до среды...* — Смысл стиха не ясен.

С. 227, ст. 166. *...Так знаменитые госпож...* — Ср.: Мудрии начальствующии ея отвещаша ей...» (Умные из ее женщин отвечают ей...; Суд. 5, 29). По-видимому, здесь дана грамматическая конструкция симметричная ст. 163, но с пропуском предлога «из», т. е.: знаменитые из госпож (госпожей, от «госпожа»).

ОДА XXVIII. О НЕПОСТОЯНСТВЕ МИРА

Печатается по СП (т. 2, с. 150—152) с учетом разночтений по НР (л. 187—188 об.).

Новая силлабо-тоническая редакция силлабической оды под тем же названием. Первоначально ода «О непостоянстве мира» была включена вместе с ее оригиналом на французском языке, принадлежащим Тредиаковскому, в раздел «Стихи на разные случаи» (Езда в остров Любви. СПб., 1730. С. 184—186; Избранные произведения. С. 78—79). Ода «О непостоянстве мира», первое в России произведение с таким жанровым обозначением, по своему содержанию и по форме в

ее силлабическом варианте принадлежит к типу горацианских од. Философское содержание оды, а также история ее создания указывают на ее самостоятельность по отношению к разделу «Оды божественные». Данная Тредиаковским сплошная нумерация всех од, независимо от выделенных внутри их разделов, нередко вводит исследователей в заблуждение относительно принадлежности оды «О непостоянстве мира» к разделу «Оды божественные» (см., например: *Vroon R.* Ody Božestvennye // Der russische Gedihctzyklus (ein Handbuch). Beiträge zur Slavische Philologie. Heidelberg [s. a.]. Bd. 14. S. 3—10).

Время создания новой редакции неизвестно. Переработка оды происходила, вероятно, одновременно с переработкой других силлабических стихотворений, включенных Тредиаковским в разделы СП «Оды похвальные» и «Несколько штук, сочиненных строфами...», т. е. предположительно в 1751 г.

Силлабический вариант оды был написан сапфической пятистишной строфой, семисложник четверостишия рифмовался abab, последний адонический стих — классический для русской сапфической силлабической строфы — холостой пятисложник. Переведя оду в четырехстопный ямб с мужской опоясывающей рифмой, Тредиаковский оставил последний стих четырехстопного ямба холостым с женским окончанием. Ямбическая строфа с холостым стихом стала позднее использоваться Державиным, считается даже, что он ввел ее в русскую поэзию, заимствуя из немецкой. Горацианское содержание од Державина, написанных такой строфой («Ключ», 1779; «На новый год», 1781; «Похвала сельской жизни», 1797), позволяет думать, что их форма восходит к этой оде Тредиаковского, в которой холостой стих имитирует адонический стих сапфической строфы. Рифмовка Тредиаковского пятых стихов строф между собой, сохраненная в новой редакции оды (см.: Избранные произведения. С. 476), во французском варианте оды отсутствует и, видимо, является отзвуком барочной поэзии.

С. 228, ст. 14. *Не утре ль нет что днешня честь?* — т. е.: Не утром ли нет дневной чести?

С. 229, ст. 28. *...с важным...* — т. е. тяжелым.

С. 229, ст. 29—30. *...Ни ветхость ~ и ни старость — младость.* — т. е.: ни ветхость, ни новость меж собой не мирны, как не мирны и старость с младостью.

С. 229, ст. 37. *Косно* — медлительно.

СЛОВО «О ТЕРПЕНИИ И НЕТЕРПЕЛИВОСТИ» ФОНТЕНЕЛЕВО, ПОЛУЧИВШЕЕ НАГРАЖДЕНИЕ ЗА КРАСНОРЕЧИЕ

Печатается по СП (т. 2, с. 153—172) с учетом исправлений по НР (л. 189—198).

Слово «О терпении и нетерпеливости» представляет собой перевод с французского языка слова Б. Фонтенеля «Discours sur la Patience Qui a remporté le prix

d'éloquence par le jugement de l'Academie Française, en l'année 1689» («Рассуждение о терпении, удостоенное Французской академией премии за красноречие в 1689 году»), входившего во все собрания сочинений писателя.

Перевод был выполнен Тредиаковским в 1743 г., уточнение датировки связано с историей рукописного сборника «Речи краткие и сильные, состоящие в рассуждениях благоразумных, нравоучительных, политических, христианских, духовных, стоических и общих, из которых каждое разделяется на десять десятков. Переведены с латинского чрез особливое тщание между академических трудов Василья Тредиаковского», в состав которого входит ранняя редакция перевода (см.: «Варианты и редакции», с. 405—406), и с историей ходатайства Тредиаковского о получении звания профессора элоквенции при Петербургской академии наук. Рукопись «Речей кратких и сильных...», переведенных из книги испанского теолога Иоанна Эузебия Ниремберга (Eusebius Nieren(m)-berg, 1595—1658), с посвящением великому князю Петру Федоровичу была подготовлена Тредиаковским к концу осени 1743 г. и через Я. Я. Штелина поднесена наследнику, вероятно, в последних числах года. В этот не дошедший до нас беловой экземпляр рукописи слово Фонтенеля, по-видимому, не входило. Оно было приложено к черновому списку «Речей кратких и сильных...» при передаче его в Канцелярию Академии наук в период переговоров об издании книги (см.: «Варианты и редакции», с. 406). Однако по неизвестной причине издание не состоялось.

Занятия в течение второй половины 1743 г. переводами латинских слов Ниремберга и французского слова Фонтенеля и связанные с ними размышления Тредиаковского об ораторском жанре могли позволить ему получить место профессора элоквенции, латинской и русской. Перевод Фонтенеля был осуществлен, вероятно, позднее, чем переводы Ниремберга; сам его замысел мог возникнуть в ходе обсуждения вопросов стиля русской ораторской прозы с Ломоносовым, завершавшим как раз осенью 1743 г. работу над «Кратким руководством к риторике». Возможно, перевод был сделан уже после того, как Тредиаковский принял решение издать книгу «Речей кратких и сильных... специально для этого издания. Несомненно лишь то, что он готовился осенью или в начале зимы 1743 г., когда Тредиаковский и Ломоносов находились еще в дружеских отношениях и оба были заняты вопросами русской ораторской прозы.

Своим переводом слова Фонтенеля Тредиаковский преследовал одновременно две цели: представить современный образец светского ораторского слова и дать его на новом для русского красноречия русском литературном языке. В предпосланном переводу примечании Тредиаковского, характеризующем стоявшую перед ним задачу «самим делом показать, что истинное витийство может состоять одним нашим употребительным языком, не употребляя мнимо высокого славенского сочинения» (см.: «Варианты и редакции», с. 406—407), различим отзвук ведущихся с кем-то, возможно с Ломоносовым, теоретических споров о стиле русской ораторской прозы.

Спустя десять лет после своего создания перевод слова «О терпении и нетерпеливости» утратил значение стилистического эксперимента. Решение о его включении в СП было принято на третьем этапе работы над составом второго тома, ни в первом, ни во втором варианте предисловия «К читателю» (см.: «Варианты и редакции», с. 359—361) о слове не говорится. При подготовке перевода к изданию, осуществленной предположительно с 10 по 25 июня 1752 г., Тредиаковский его отредактировал, последовательно заменяя придаточные предложения с союзным словом *который* на причастные обороты, местоимение *который* в разных формах на *кой*, наречие *только* на *токмо*, а также давая новые стилевые варианты отдельных слов. Таким образом, правка заключалась в «славенизации» стиля и была вызвана не только изменившимся за этот период взглядом Тредиаковского на русский литературный язык, но и развитием самого ораторского стиля, получившего новую жизнь с выходом в свет «Краткого руководства к красноречию» (1748) и «Слова похвального императрице Елисавете Петровне» (1749) Ломоносова.

Включение слова «О терпении и нетерпеливости» в готовившееся издание отвечало непреходящему, по мнению Тредиаковского, его достоинству, о котором он говорит спустя более десяти лет после выхода своего перевода: «Могу уверить, что слово сие не токмо удовлетворяет разуму твердостью дела, но и сердце услаждает верховным красноречием на французском языке, хотя и добровещанность сия не такова есть на нашем от моея малыя к тому способности, однако ж без тщеславия неподалеку следует за подлинною французскою» ([*Тредиаковский В. К.*]. Предуведомление // [Роллен Ш.]. Римская история. Т. 13. СПб., 1765. С. XXIX).

С. 232. *...славные Даниловы седмицы ~ скипетр Иудин...* — Даниловы седьмицы — «семьдесят седьмиц» лет, по истечении которых, по предсказанию пророка Даниила, ожидалось пришествие Иисуса Христа (см.: Дан. 9, 24); по пророчеству Иакова, Иуда (иудеи) будет держать в своих руках скипетр (власть) до пришествия Примирителя, Иисуса Христа (см.: Быт. 49, 10).

С. 237, примеч. *Посидоний Анамейский Сирянин ~ Фабриц. Библиот. греч. кн. 3. гл. 14.* — Тредиаковский приводит в тексте буквальный перевод из энциклопедии «Греческая библиотека» И. А. Фабриция (Иоганн Альберт Фабрициус; 1668—1736), немецкого филолога, теолога, одного из первых патрологов, автора энциклопедий-библиотек («Bibliotheca Graeca», «Bibliotheca Latina», «Bibliotheca ecclesiastica»). Однако им неверно указано место (Bibliotheca Graeca. Hamburgi, 1708. Lib. III. Cap. 15. P. 409), хотя оно, по-видимому, воспроизведено непосредственно по изданию. На «Греческую библиотеку» Фабриция он ссылается и в статье «О древнем, среднем и новом стихотворении» (с. 430). Посидоний Анамейский Сирянин — Посидоний из Анамеи (Сирия) (ок. 135—51 до н. э.) — древнегреческий философ, глава школы на острове Родос, стремившийся примирить учение стоиков с философией Платона и Аристотеля.

С. 239. *...молит Его, чтоб, ежели возможно, мучения, кои представляет себе в помысле, обошли Его.* — Речь идет о молитве Иисуса Христа в Гефсиманском саду, см.: Мф. 26, 39.

С. 239. *«Буди воля Твоя»...* — Последние слова второй молитвы Иисуса Христа в Гефсиманском саду (см.: Мф. 26, 42).

НЕСКОЛЬКО ШТУК, СОЧИНЕННЫХ СТРОФАМИ, О РАЗНЫХ МАТЕРИЯХ

Три первые стихотворения раздела были написаны на рубеже 1720—1730-х гг., публикуемая здесь вторая редакция стихотворений относится предположительно к 1751 г. (аргументацию см. ниже).

В своей первой редакции три первые стихотворения (см.: «Варианты и редакции», с. 414—420) представляют собой важный этап в становлении нового русского стихотворного панегирика и русской лирики в целом. Связанные с традицией школьной оды, или кантов, они вместе с тем свободны от важнейших цеховых признаков школьной поэзии: ученической подконтрольности и прямой зависимости от новолатинской и польской поэзии. Язык их оригинала русский, а не латинский, что было обыкновенно для школьных панегирических кантов. Ориентированность на русское звучание определила, по видимому, нечистоту силлабической метрики: в силлабически отмеренные строки прорываются тонические ритмы. Сделанный в этих панегириках шаг в сторону от латинской и польской зависимости наметил произошедший вскоре разрыв с вековой традицией русской лирики старого типа.

Переработка стихотворений, направленная в первую очередь на замену силлабической метрики силлабо-тонической, заметно изменила и их стиль. Судя по ямбическому метру двух первых панегириков, они создавались не ранее конца 1740-х гг., после того как Тредиаковский обратился наконец к ямбу (см. статью «„Сочинения и переводы как стихами, так и прозою“ в творчестве В. К. Тредиаковского», с. 456). Стих и стиль «Строф похвальных России... в которых проскальзывают ломоносовские интонации и выражения (например: «Доброты ныне все ея Взять в мысль охота есть моя»), что это стихотворение было написано уже после поэтических опытов при переводе романа «Аргенида», в которых изощрилось поэтическое искусство Тредиаковского. Хотя в «Способе к сложению российских стихов» ни одна из строк этих панегириков и не приводится, переделка их, как и других ранних стихотворений, вошедших в СП, делалась, вероятно, в период работы над трактатом по стихосложению, то есть предположительно в 1751 г.

В новой редакции связь панегириков с традицией школьных кантов стала почти неразличима. И все же на нее указывает сохраненная Тредиаковским форма панегириков: короткие в сравнение с одической формой строфы. Подобными строфами,

восходящими к горацианским одам, часто, как во втором стихотворении, полиметричными, писались канты. Во второй редакции «Рассуждения об оде вообще» стихотворения, написанные в такой форме, Тредиаковский определял как среднюю оду или стансы : «Есть и еще род строф, который всегда как в средней материи, то есть ни очень благородной, ни весьма общей обращается, так и словами средними, именно ж: ни весьма высокими, ни очень низкими, больше нечто от высоты, нежели от низкости занимающими, и́дет. Сей род строф французы называют *стансами*. Но сказать праведнее, стансы их — все то ж, что оды, но токмо нежные и непарящие в высоту» (с. 157). Раздел «Несколько штук, сочиненных строфами, о разных материях», иллюстрирует данное положение. Его название требует перевода. «Штуками» в этот период Тредиаковский еще неизменно называет то, что позднее станет обозначать как «пьеса»; слово «сочиненные» при указании в заглавии формы произведения было в ту пору обыкновенным; «строфы» указывают на форму произведений. При осмыслении заглавия раздела и заглавий первого и последнего его стихотворений следует учитывать, что слова «строфа» и «станс» были для Тредиаковского синонимичны. Жанр стансов, получивший в России такое название только в середине 1750-х гг., обозначался Тредиаковским как «строфы». Включение в раздел переложения второго эпода Горация «Строфы похвальные поселянскому житию» подчеркнуло генетическую связь средней оды, или стансов, с горацианской одой. В контексте абсолютного торжества в этот период высокой пиндарической оды, писавшейся длинной строфой, опубликованные в СП панегирические стансы могли быть восприняты как анахронизм.

I. СТРОФЫ ПОХВАЛЬНЫЕ РОССИИ, СОЧИНЕННЫЕ В ПАРИЖЕ 1728 ГОДА

Печатается по СП (т. 2, с. 174—176) с учетом НР (л. 198 об.—205 об.).

Новая редакция «Стихов похвальных России», входивших в книгу «Стихи на разные случаи» (Езда в остров Любви. СПб., 1730. С. 160—161; Избранные произведения. С. 60—61). Переработка состояла в замене силлабического 10-сложника четырехстопным ямбом; при сохранении числа строф сами строфы из четырехстишных выросли до шестистишных.

Силлабическая редакция стихотворения датируется по указанию автора, данному в названии второй редакции, 1728 г. Тредиаковский находился в Париже с конца 1727 по конец 1729 г., где в Сорбонне проходил курс «математических и философских наук», слушая параллельно курс богословия. Одновременно он был, по-видимому, связан с партией янсенистов, ведшей переговоры об объединении православной и католической церквей. С этой нелегальной и полностью не проясненной деятельностью Тредиаковского (см.: *Успенский Б. А., Шишкин А. Б.* Тредиаковский и янсенисты // Символ. 1990. № 23. С. 125—143) исследователи связывали звучащие в этом стихотворении намеки на церковную политику

(см.: *Строчков Я. М.* Примечания // Избранные произведения. С. 473—474). Очевидно, современники, переписывая и распевая «Стихи похвальные России», не понимали открывшуюся в XX в. подоплеку стихотворения и истолковывали его иначе. «Стихи похвальные России» принадлежали к наиболее популярным на протяжении всего XVIII в. песням (см.: *Позднеев А. В.* Произведения В. Тредиаковского в рукописных песенниках // Проблемы истории литературы. М., 1964. С. 91). В новой редакции политические оценки звучат определеннее, чем в первой.

С. 241, ст. 10. *Чужих паств не прибегну к стаду.* — Речь идет о верности автора православию (см. преамбулу к коммент.).

С. 241, ст. 19—21. *Не ведает уж ныне кто ~ Твое есть благородство что?* — Инверсия: Уж кто ныне не ведает повсюду в толь пространном мире, что есть твое благородство?

С. 241, ст. 22. *По Риме, от язык попранном...* — т. е. после Рима, завоеванного варварами.

С. 242, ст. 23. ...*(А в Византии змий царит)...* — т. е. Византия, завоеванная турками, находится во власти мусульманства. В этой строфе сказалось влияние петербургской немецкой панегирической поэзии 1730-х гг., разрабатывавшей тему места России в геополитике (см.: Алексеева. Русская ода. С. 147—151). Здесь утверждается значение России как оплота христианства, третьего Рима. Ср. со строкой первой редакции: «Божие ты, ей! светло изводство» (с. 415; «изводство» — избрание).

С. 242, ст. 29—30. ...*И недвоякий твой догмат — Раскол стремится токмо в ад.* — Комментируя это место первой редакции стихотворения («В тебе не будет веры двойныя») с учетом его второй редакции Я. М. Строчков считал, что «от понимания слов „веры двойныя" и „раскол" зависит идея всего стихотворения» (Избранные произведения. С. 473). Отклонив мнение исследователей XIX в., полагавших, что в этих строках говорится о расколе внутри православной церкви, на том справедливом основании, что «раскольники отстаивали не особый догмат, а некоторые церковные обряды», Строчков первым обратил внимание, что речь здесь идет об объединении православной и католической церквей. Однако с интерпретацией Строчкова трудно согласиться: «Говоря о пагубности „веры двойныя", Тредиаковский, вероятно, имел в виду Польшу, где в 1720-х годах 〈...〉 начались новые ожесточенные гонения со стороны католиков и униатов против православного населения Украины и Белоруссии» (там же). Приведенная им далее аргументация возможных в 29-м стихе аллюзий на Польшу не кажется убедительной. К тому же «двоякий догмат» («двойная вера») означает не присутствие внутри страны двух конфессий, а один догмат, возможный в результате объединения церквей. В 30-м стихе под «расколом», по мнению Строчкова, Тредиаковский вслед за Феофаном Прокоповичем имел в виду разделение православной и католической церквей (там же). В таком случае выходит, что Тредиаковский выступает здесь за

их объединение (что само по себе едва ли вероятно). Оба стиха оказываются не согласованными и даже противоречащими друг другу. Эти строки действительно, по-видимому, говорят об объединении православной и католической церквей, но не как о желанном деле, а как о нависавшей, но уже прошедшей угрозе. «Двойная вера», «двоякий догмат» и «раскол» — вот самые вероятные следствия объединения. Парафразировать эти строки можно так: в тебе, Россия, единый православный догмат, а если бы он стал вследствие объединения церквей двояким, греко-римским, то это привело бы к внутреннему расколу, отступлению от единой Церкви, к аду; ср.: ст. 41—42 «Песни на новый 1732 год», с. 245.

С. 242, ст. 33—34. *...Защита — всяк мал и велик, Что ты едина всем ограда...* — т. е.: все граждане суть защита России, потому что она ограда (защита) им. Употребление слова «ограда» в таком значении в торжественной оде могло быть навеяно знаменитой строкой Ломоносова: «Блаженство сел, градов ограда» (ода «На восшествие на престол имп. Елизаветы Петровны» 1747 г., ст. 3).

С. 242, ст. 35. *Мзда* — здесь: награда.

С. 242, ст. 40. *...вне уду...* — т. е. извне, вне самой себя, за границей; уд — тело.

С. 242, ст. 43—44. *Звезд растворение твоих Всем здравие вливает...* — Эти строки соотносятся со ст. 29 первой редакции стихотворения: «Коль в тебе звезды все здравьем блещут» (с. 415); в них — дань риторическому канону похвалы климата восхваляемой страны или города (см. коммент. к с. 163, ст. 5—8 оды «Похвала Ижорской земле и царствующему граду Санкт-Петербургу», с. 593—594). Выражение «растворение звезд» связано, по-видимому, с молитвенными словами «благорастворение воздухов», где «благорастворение» означает «очищение». Ср. также ст. 17 одновременно переправляемой «Песни на новый 1732 год»: «Воздух дхнет чист, растворенн...» (см. коммент. на с. 622). При таком понимании строки первой и второй редакций совпадают по своему смыслу: яркое (в первой), чистое (во второй) сияние звезд вливает бодрость.

II. ПЕСНЬ НА КОРОНОВАНИЕ БЛАЖЕННЫЯ ПАМЯТИ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ИОАННОВНЫ, САМОДЕРЖИЦЫ ВСЕРОССИЙСКИЯ, СОЧИНЕННАЯ В ГАМБУРГЕ 1730 ГОДА

Печатается по СП (т. 2, с. 176—179).

Новая редакция стихотворения «Песнь. Сочинена в Гамбурге к торжественному празднованию коронации ея величества государыни императрицы Анны Иоанновны, самодержицы Всероссийския, бывшему тамо августа 10-го (по новому стилю) 1730», изданного отдельно, вероятно, уже в сентябре этого года (СПб., 1730; к изданию прилагался листок с гравированными на меди нотами), а затем — в разделе «Стихи на разные случаи» (Езда в остров Любви. СПб., 1730. С. 151—153).

Песнь была написана к празднованию коронации императрицы Анны Иоанновны в Гамбурге, устроенному русским посланником И. Фр. Бёттигером 10 августа 1730 г. (см.: *Heithuns Cl.* Trediakovskij und Hamburg // Die Welt der Slaven. 1978. XXIII. Hft. 2. S. 304—318).

Выбор песни для переработки связан с ее популярностью (см.: *Позднеев А. В.* Произведения В. Тредиаковского в рукописных песенниках // Проблемы истории литературы. М., 1964. С. 90); строки из нее использовались в приветственных кантах еще в 1740-е гг. По своему жанру Гамбургская песнь принадлежит к средней оде, или стансам, называемой Тредиаковским также песнью (см.: «Рассуждение об оде вообще», с. 157). Переработка состояла в замене силлабической полиметрической строфы (11—9—11—9—9—7) силлабо-тонической строфой, в которой первые два стиха шестистопные ямбы, а следующие четыре — трехстопные; смелая для силлабической поэзии опоясывающая рифма (аабссб) изменена лишь введением в 3-й и 6-й стихи мужского окончания.

С. 243, ст. 7. *Се нам всем благодать от горних мест лиется!* — Анна — греч. благодать.

С. 243, ст. 8. *...вязется!* — т. е. вяжется, сплетается.

С. 243, ст. 9. *Златый век облистал!* — т. е. внезапно просиял. Это слово было употреблено Тредиаковским при переводе одной из од романа «Аргенида»: «Свет мужествен наш облистала» (*Барклай И.* Аргенида. СПб., 1751. Т. 1. С. 197), т. е. озарила.

С. 243, ст. 25. *Враждебные все прочь отсюду ныне ссоры...* — Ср. первую редакцию: «Прочь все отсюду враждебные ссоры» (с. 417). Стих связан с традицией русских кантов первой трети XVIII в.; ср., например: «Враждующие ссориться забыли» (Песнь приветственная в славном ⟨...⟩ вхождении ⟨...⟩ Петра Великого... // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 3. М., 1994. С. 336).

С. 244, ст. 33—34. *...Всяк возраст, пол и чин Да плещет днесь руками...* — Парафразис псалма 46: «Вси языцы восплещите руками...» (Пс. 46, 2).

С. 244, ст. 39—42. *...В России Анны всей ~ Повелевает ей.* — Инверсия: Уж (Вышний) имеет в всей России державу Анны; И повелевает ей в бесконечну славу.

КОММЕНТАРИИ К РЕДАКЦИИ 1730 г.
С. 416—417.

Ст. 1. *...императрикс Анна!* — Необычное в русском языке титулование «императрикс» восходит к гамбургской иллюминации, посвященной коронации императрицы Анны Иоанновны и описанной в издании: «Ausfürliche Relation, Wegen der am 28. April (9. May) jetztlauffenden MDCCXXX. Jahrs Geschehenen

Glorwürdigsten Crönung Annae Iwanownae, des ganzen Russlands Kayserin und Selbsthalterin, etc. etc. Von dem Wohlgebohrnen Herrn, Herrn Johann Friedrich von Böttiger ⟨...⟩ Am 10. Augusti, ejusd. Anni, celebrirten Sollennen Festins: Und Besondere Beschreibung derer, bey diesem Festin ⟨...⟩ von Herrn Lediard Erfundenen Illuminationen; Nebst allen dabey praesentirten Sinn-Bildern und Auffschrifften, Schönen Abbildungen Derselben, Auff das sauberste in Kupffer gestochen. Hamburg, gedruckt mit Stromerischen Schrifften» (РНБ. 13. 15. 1. 137). На гравированном центральном плане иллюминации, помещенном в издании, значится надпись: «ANNA IMPERATRIX».

В России первая строка песни вызывала разное к себе отношение. Она послужила поводом для навета на одного из костромских любителей этой песни, дело попало в Тайную канцелярию, и на запрос начальника Тайной канцелярии А. И. Ушакова Тредиаковский 16 октября 1735 г. отвечал: «Первый самый ея стих, в котором положено слово императрикс, есть пентаметр, то есть пять мер, или стоп, имеющий и, конечно, в российском стихотворстве одиннадцать слогов, ни больше ни меньше, содержащий. Слово сие *императрикс* есть самое подлинное латинское (от которого и нынешнее наше сие производится *императрица*) и значит точно во всей своей высокости императрица, в чем я ссылаюсь на всех тех, которые совершенную силу знают в латинском языке. Употребил я сие латинское слово *императрикс*, для того что мера стиха сего требовала, ибо лишний бы слог был в слове *императрица*; но что чрез оное слово никакого нет урона в высочайшем титле ея императорского величества, то не токмо латинский язык довольно меня оправдывает, но сверх того еще и стихотворная наука.

Подлинно, что в прозе, то есть в том, что не стихами пишется, слова сего *императрикс* употребить не возможно, для того что тут мера стиха и число слогов к тому не принуждают. Кому неизвестно, что в стихе всемилостивейшая наша государыня императрица просто иногда называется Анна, без приложения, монархиня или императрица? В чем красное великолепие стиха состоит. Но никто сие в прозе, то есть не в стихах, положить никогда не дерзнет. Так, французские стихотворцы короля своего Людовика в стихах по стиховной мере называют *Людоикс*, а для великолепия в стихе Генриха 3 — *Валоа*, для того что он был от Валезийского колена, Генриха ж 4 — просто *Бурбон*, для того что оный происшел от Бурбонской фамилии... (Пекарский. С. 61—63; данное здесь объяснение употребления в силлабической песни слова «императрикс» условиями тонической меры связано с увлеченностью Тредиаковского в ту пору реформой стиха). В 1742 г. строки песни использовали в канте, посвященном короновании императрицы Елизаветы Петровны: «Да здравствует днесь императрикс Елисавет На престол седши увенчанна...» (Сборник кантов // РНБ. Q. XIV. 141. Л. 240 об.).

Ст. 40—41. *То-то есть прямая царица! То-то бодра императрица!* — Судя по более позднему признанию Тредиаковского в этих стихах выражено отношение народа к императрице Анне: ...автору не раз приходилось слышать высказывания простых людей: „то-то есть прямая царица! То-то бодрая императрица“ »

(Панегирик, или Слово похвальное 〈...〉 Анне Иоанновне 〈...〉 в день тезоименитства ея поднесенное февраля в 3 день 1732 года... СПб., 1732. С. 5). Следует при этом иметь в виду, что «Песнь» была сочинена в Гамбурге, где если и находились «простые люди», они не могли видеть новую императрицу.

III. ПЕСНЬ НА НОВЫЙ 1732 ГОД

Печатается по СП (т. 2, с. 180—182).

Новая редакция стихотворения «Песнь, сочиненная на голос и петая пред ея императорским величеством Анной Иоанновной, самодержицею всероссийскою», вошедшего в состав «Нового и краткого способа к сложению российских стихов» (СПб., 1735. С. 74—79; Избранные произведения. С. 412—414) как образец «песни, каковы у французов стансами называются». В том же смысле Тредиаковский говорит о ней в «Расуждении о оде вообще» (см.: «Варианты и редакции», с. 379). В первой редакции песнь была написана силлабическим семисложником с явной тонизацией стиха (в большинстве своем стихи состоят из двух хореев и анапеста); новая редакция — четырехстопный хорей с парными женскими и мужскими окончаниями.

В заглавии новой редакции Тредиаковским допущена ошибка в датировке, песнь написана не к наступлению 1732 г., а к новому 1733 г. Правильно датирует ее Тредиаковский в «Рассуждении о оде вообще» (см.: «Варианты и редакции», с. 379). Композиция и тематика песни испытали влияние первой в России торжественной пиндарической оды, сочиненной Фр. В. Юнкером на новый 1732 г. (см.: Anmerkungen über die Zeitung. 1732. T. 1. S. 3—7; рус. перевод: Примечания на Санкт-Петербургские ведомости. 1732. Ч. 1. С. 3—7), во второй части которой (стрф. 6—10) перечисляются и характеризуются государственные институции. В новой редакции вторая часть песни исправлена в соответствие с совершившимися за двадцать лет изменениями в России.

С. 244, ст. 5—6. *...здравие без бед Спеет всем...* — т. е. здравие споспешествует всем (от цркск. спѣти — способствовать). Ср.: ст. 53 «Эпиникических ямбических» «Стихов из „Аргениды"»: «Вы оба — род богов! вы спейте толь исправно...» (с. 263). Ср. ст. 7—8 первой редакции: ...здравие цело В много лет ей приспело...» (с. 418).

С. 246, ст. 17. *Воздух дхнет чист, растворенн...* — Ср. первую редакцию: «Воздух чист, растворенный...» (с. 418). Этот стих восходит к восьмому прошению Великой ектении («О благорастворении воздухов, о изобилии плодов земных и временех мирных...»); ср.: ст. 44 «Строф похвальных России...», с. 242, см. коммент. на с. 619.

С. 245, ст. 24. *...А худое станет грубо.* — т. е. худое, злое станет явным; в первой редакции: «Худо явится грубо» (с. 419).

С. 245, ст. 26. ...*горда бровь...* — Ср.: «Подъемля бровь горду высоко» («Ода на сдачу города Гданска», ст. 73, в редакции 1734 г., с. 375).

С. 245, ст. 31—32. ...*Зрим Престола одесную В образ Истину Святую.* — т. е. видим справа от престола в образец святую истину (в первой редакции: «Трона зрим одесную Уж мы правду святую...», с. 419). Ср.: ...удостоит ⟨...⟩ прощения в тот образ, что и первый я...» (Новый и краткий способ к сложению российских стихов. С. 377). Смысл этих стихов, видимо, следующий: все перечисленные в предыдущих (21—31) и последующих (33—56) стихах успехи возможны потому, что царский престол осенен Святой Истиной в пример («в образец») всем.

С. 245—246, ст. 33—56. *Нечестива прочь война! ~ Содружая в скоро время.* — В этих строфах последовательно говорится об основных государственных учреждениях: армии, церкви, управлении, науках, производстве и торговле. Такое перечисление, чуждое русской панегирической традиции, заимствовано из оды на новый 1732 г. Фр. В. Юнкера (Примечания на Санкт-Петербургские ведомости. 1732. Ч. 1. Стрф. 6—10).

С. 245, ст. 41—42. *Благочестия догмат Устоит от адских врат...* — В этой редакции (в первой редакции: «Благочестие право Пребудет всегда здраво», с. 419) стихи близки к ст. 29—30 «Строф похвальных России...» и означают, видимо, то же, что и они (см. коммент. на с. 618—619).

С. 246, ст. 45. *И синклита тверд совет...* — Ср. первую редакцию: «И министры советны» (с. 420), т. е. вельможи, участвующие в управлении государством. По верному замечанию М. Я. Строчкова, существенное изменение этого стиха связано с возвращением имп. Елизаветой Петровной Сенату прежнего статуса, отнятого у него имп. Анной Иоанновной. Синклит, по-видимому, означает Сенат. Ср.: «Также всех в Сенате седящих ⟨...⟩ Чтоб был совет их во всем зрелый» ([*Юнкер Фр.*]. Ода // Примечания на Санкт-Петербургские ведомости. 1732. Ч. 1. С. 6; русский перевод предположительно М. Шванвица, см.: Алексеева. Русская ода. С. 92).

С. 246, ст. 51—52. ...*Мудрость вяща, неж в Афинах, Дело чище, нежель в Хинах.* — В первой редакции: «Мудрость больша, неж в Афинах, Дело чище, неж в Хинах» (с. 420). По предположению М. Я. Строчкова, высокая оценка китайского производства, звучащая здесь, связана с дарами, поднесенными императрице во время Китайского посольства 1731 и 1732 гг., поразившими общество искусностью своей выделки (Избранные произведения. С. 535).

С. 246, ст. 55—56. ...*Все Японско с нами племя Содружая в скоро время.* — В первой редакции: «Нам содружит народы, американски роды» (с. 419). Изменение этого места в новой редакции стихотворения отражает произошедшее за эти двадцать лет изменение представления о восточных соседях России. В 1739 г. был открыт северный путь в Японию и началось интенсивное освоение Дальнего Востока. Постоянные дальневосточные экспедиции 1740-х гг. имели целью и установление контактов с Японией и налаживание с ней торговых отношений (см.: *Файнберг Э. Я.* Русско-японские отношения в 1697—1875 гг. М., 1960. С. 30—34).

IV СТРОФЫ ПОХВАЛЬНЫЕ ПОСЕЛЯНСКОМУ ЖИТИЮ

Печатается по СП (т. 2, с. 183—188) с учетом НР (л. 204—205 об.).

Вольное переложение второго эпода V книги Горация. К переложению этого знаменитого эпода Тредиаковский приступил, возможно, из чувства соревнования: перевод того же эпода выполнил Н. Н. Поповский. Пять од и эпод Горация, переведенных Поповским в период прохождения им «стихотворческого» курса у Ломоносова и, очевидно, под его руководством, были, по-видимому, известны в рукописи уже в конце весны 1752 г. (опубл.: *Гораций Флакк*. Письмо о стихотворстве к Пизонам. СПб., 1753. С. 29). Строки одного из переводов с критическим к ним отношением Тредиаковский цитирует в предисловии «К читателю» (см. с. 11 и коммент. на с. 509—510). Там же Тредиаковский подробно говорит о возможной форме переводов стихотворных произведений. Согласно французской филологической и поэтической традиции, важность которой для себя Тредиаковский продемонстрировал своим переводом «Эпистолы к Пизонам» Горация (см. преамбулу к коммент. к ней, с. 536—537), перевод древних авторов в большинстве случаев осуществлялся прозой, стихотворная форма передачи классических текстов заведомо считалась подражанием или переложением. Сделав перевод «Эпистолы к Пизонам» в прозаической форме, Тредиаковский предлагает в поэтической форме не перевод второго эпода, а его вольное переложение, обозначая его удаленность от Горация уже самим названием. Таким образом, «Строфы похвальные поселянскому житию» соответствуют французской поэтической традиции и, возможно, имеют во французской поэзии непосредственный источник, найти который не удалось. Состязание с Поповским в передаче второго эпода было продолжено Тредиаковским в статье «О беспорочности и приятности деревенской жизни» (Ежемесячные сочинения 1757. Июль. С. 77—79), в конце которой предлагаются анонимно переложение Тредиаковского, перевод Поповского и прозаический перевод того же эпода, выполненный Тредиаковским. По мысли Тредиаковского, прозаический перевод вступал в соревнование с поэтическими (читателям предлагалось судить, «не лучше ль наши стихотворцы изобразили мысли римского пиита рифмами, нежели я свободным слогом»), но стихотворные переводы также находились между собой в соревновании: «Не мое дело ⟨...⟩ рассуждать, кои из их обоих стихов удачнее. Мню только, что первый сочинитель (Поповский. — *Н. А.*) вознес собственным способом, согласнейшим с образом и с употреблением нынешних врéмен, здание, утвержденное на Горациевом токмо основании, то есть он не больше списывал с Горация, коль ему подражал своими подобиями. Но второй, изображая подлинные мысли автора своего, есть точный переводчик стихами с Горациевых стихов и обыкновений того века провозвестник» (Там же. С. 88). На основании высказанных соображений «Строфы похвальные поселянскому житию» могут быть датированы весной 1752 г. По своему жанру это произведение, как и «Строфы похвальные России...», относится к средней оде, о которой Тредиаковский говорит в «Рассуждении об оде вообще» (с. 157), и слово «строфы» в данном случае синонимично жанровому обозначению «стансы».

С. 246, ст. 1. *Счастлив! в мире без сует живущий...* — Знаменитое начало эпода Горация «Beatus ille» в русской традиции впоследствии переводили как «Блажен кто...». Перевод Тредиаковского отражает французское влияние; ср.: коммент. к с. 186, ст. 1—6 «Парафразиса псалма 111», с. 604.

С. 246, ст. 8. *...Свой палат дом лучше для него.* — Инверсия: Свой дом для него лучше палат.

С. 247, ст. 19. *...волны ~ ради...* — Имеется в виду волнистая шерсть овец.

С. 248, ст. 49. *В поле ездит он или с собаки...* — Инверсия: Он или ездит в поле с собаки.

С. 248, ст. 51. *...То с волками смотрит псовы драки...* — Инверсия: То смотрит псовы драки с волками.

С. 248, ст. 52. *...оными травя.* — т. е. псами.

С. 248, ст. 58. *Инде* (црксл.) — в другом месте.

С. 248, ст. 67. *...Сарра ~ или Сусанна...* — Сарра (Сара) — олицетворение жениной верности по имени жены Авраама (см.: Быт. 11, 29; 20, 12); Сусанна — олицетворяет благочестие по имени одной из двух названных в Евангелии от Луки (8, 3) благочестивых жен, служивших Иисусу Христу. Упоминание библейских имен в переложении эпода Горация объяснимо давней поэтической традицией контаминировать места отдельных од Горация с текстами Священного Писания.

С. 249, ст. 81—84. *Каплуны прочь, птицы африкански ~ Дале прочь и ты, густой понтак.* — Вся строфа, вероятно, заимствована из неизвестного французского переложения этого эпода. Каплун — блюдо французской кухни, откормленный на мясо кастрированный петух, запекавшийся целиком; «птицы африкански» — блюдо, названное Горацием «Afro avis», т. е. цесарка; «густой понтак» — французское вино.

РАССУЖДЕНИЕ О КОМЕДИИ ВООБЩЕ

Печатается по СП (т. 2, с. 189—209) с учетом разночтений по НР (л. 206—216). Датируется летом 1752 г.

Статья «Рассуждение о комедии вообще» возникла в ходе переработки статьи «Рассуждения о комедии вообще и в особливости», написанной, очевидно, специально для СП и по первоначальному плану предварявшей перевод комедии Теренция «Евнух», намечавшийся ко включению во второй том СП (см. статью «„Сочинение и переводы“: история издания», с. 488—490). Изменение в ходе работы над СП состава второго тома привело к исключению из него драматических сочинений и к сокращению в связи с этим «Рассуждения о комедии вообще и в особливости», превратившему его в «Рассуждение о комедии вообще». В новой редакции «Рассуждение о комедии вообще» получило характер самостоятельного, не связанного с «Евнухом» теоретического трактата.

«Рассуждение о комедии вообще и в особливости», так же как и перевод «Евнуха», явились своего рода ответом на комедии Сумарокова «на лицо» «Тресотиниус» (июль 1750 г.) и «Чудовищи» (лето 1750 г.; см.: *Гринберг М. С., Успенский Б. А.* Литературная война Тредиаковского и Сумарокова в 1740-х—начале 1750-х годов. М., 2001. С. 40—45), в которых был осмеян Тредиаковский. Тредиаковский был глубоко задет выходкой Сумарокова, но, очевидно, испытывал не только личное оскорбление, но и возмущение той легкостью, с какой начинающий писатель преступал принятые в литературе правила. Задумывая научный трактат о жанре комедии и перевод образцовой комедии Теренция, Тредиаковский возвышался над личными обидами и переводил свое недовольство в общий план теоретического обсуждения принципов комического. Трактат и перевод должны были показать всю недостойность использованных Сумароковым приемов и предостеречь других от подражания им. Обеспокоенность Тредиаковского за судьбу русской комедии и, шире, сатиры становится понятной из опыта стихотворной полемики 1753 г., продемонстрировавшей уровень русского литературного юмора в этот период. Прямым следствием выступления Тредиаковского с трактатом о комедии, возможно, стало молчание Сумарокова в этой полемике, а также его дальнейший отказ от сатиры «на лицо». Отдаленным следствием — характер русской сатиры «на нравы», установившийся с выходом первых сатир и притч Сумарокова.

У Тредиаковского, широко обдумывавшего теорию разных жанров, своей теории драмы и сатиры, по-видимому, не было. Возможно, поэтому, «Рассуждение о комедии вообще» принадлежит к наименее самостоятельным его трудам и представляет собой компиляцию из классического для этого периода труда «Рассуждение о греческой комедии» («Discours sur la comedie Greque») П. Брюмуа (Brumoi, le Père Pierre, 1688—1742), известного филолога, автора антологии «Греческий театр» (Le Théâtre des Grecs. P., 1730. V 1—3), и главы «О борениях разума, о зрелищах и представлениях театральных» (§ III. «Комедия старая, средняя, новая»), включенной Ш. Ролленом в пятый том «Древней истории», в свою очередь, сильно зависимой от Брюмуа. Сопоставление приведенных Тредиаковским в статье фрагментов из Роллена с более поздним его переводом этих мест в составе пятого тома (СПб., 1760) обнаруживает, что при подготовке тома он держал перед глазами свое «Рассуждение о комедии вообще». Меняя в целом стиль этих мест, он иногда дословно повторял уже найденные обороты (см. коммент.). Использование Тредиаковским «Рассуждения о греческой комедии» Брюмуа (Le Théâtre des Grecs. V. 3. P. I—LIV; далее в коммент. — Брюмуа) и главы Роллена много шире, чем можно заключить из сделанных им отсылок. Вместе с тем сами ссылки на авторитеты в теории комедии продиктованы, вероятно, не только академической этикой, но и желанием Тредиаковского показать единство взгляда на комедию разных ученых и несоответствие ему комедий Сумарокова.

С. 251. *Первоначалие комедии ~ во время собирания винограда.* — Перевод из Брюмуа (p. V).

С. 251. *...человеческого разума такое есть состояние ~ или убавлением первыя.* — Ср.: «Cela doit paroître d'autant moins surprenant, que les idées de l'esprit humain sont toujours succesives, et que les arts ne s'inventent guère que par imitation. Une première idée renferme le germe d'une seconde, et celle-ci en se développant donne la naissance à une troisième, et ainsi de suite. Telle est l'allure de l'esprit des hommes... (Брюмуа. P. VII). Ср.: «Мнение о начале поэзии», с. 103 и 105.

С. 251, примеч. 1. *Ignotum tragicae ~ Horat. Art. poet.* — Брюмуа начинает историю комедии с цитаты о Тесписе из «Эпистолы к Пизонам» Горация в переводе Е.-Н. Санадона, отсылка к 275-му стиху Горация дана на полях (Брюмуа. P. VI). Те же стихи Горация цитирует Н. Буало, а вслед за ним Тредиаковский в примечании к «Науке о стихотворении и поэзии» (ср.: примеч. 3 на с. 33 Песни третьей; перевод см. в коммент., с. 527).

С. 251, примеч. 2. *Post hunc personae ~ nitique cothurno. Id. Ibid.* — Эти же стихи Горация (278—280) цитирует Буало, а вслед за ним Тредиаковский в примечании к «Науке о стихотворении и поэзии» (см.: примеч. 6 на с. 34 Песни третьей, перевод см. в коммент., с. 527).

С. 251—252. *И как весьма много того находится в Гомеровых поэмах. ~ какую мы ее ныне имеем...* — Близкий перевод из Брюмуа (р. VI).

С. 252. *Роллень в пятом томе «Древния» своея «истории» ~ в «Илиаде» и в «Одиссее».* — Ср.: «И подлинно сей пиит обыкновенно говаривал, что его трагедии не что иное, как токмо крошки, оставленные от пиршеств, представленных в „Илиаде“ и „Одиссеи“» ([*Роллен Ш.*]. Древняя история... СПб., 1760. Т. 5. С. 78).

С. 252. *...как к трагедии ~ Гомерова ж сатирическая поэма, называемая «Маргитис», была предводительницею.* — Пересказ приведенной Брюмуа (р. VI) цитаты на французском языке из «Поэтики» Аристотеля. В русском переводе М. Л. Гаспарова: «Гомер как в важных стихах был поэтом по преимуществу ⟨...⟩ так и в комедии первый показал ее формы ⟨...⟩ ибо его „Маргит“ относится к комедиям так же, как „Илиада“ и „Одиссея“ к трагедиям» (*Аристотель*. Поэтика. 1448в34—1449а2). Характерно, что Тредиаковский приписывает Брюмуа это известное место из Аристотеля, которого, по-видимому, знал плохо. «Маргит» (Маргитис) — древнегреческая комическая поэма, авторство которой необоснованно приписывалось Гомеру, дошла в небольших фрагментах.

С. 253. *Но кто почерпнул ~ а особливо Аристофан...* — Перевод из Брюмуа (р. VII). Эвполь (Эвполид, 446—412 до н. э.), Кратин (ум. после 423 до н. э.), Аристофан (ок. 445—ок. 386 до н. э.) — выделенные традицией три автора древней комедии; от двух первых сохранились лишь фрагменты. Аристофан — автор 44 комедий, из которых сохранилось 11. Тредиаковский указывает источник своего знакомства с Аристофаном — издание Брюмуа, напечатавшего в «Греческом театре» все 11 комедий Аристофана во французском переводе Анны Дасье (см.: «Варианты и редакции», «Рассуждение о комедии вообще», с. 426).

С. 253, примеч. 5. *Eupolis, atque Cratinus ~ quorum Comoedia prisca virorum est.* — Перевод:

Аристофан и Кратин, Эвполид и другие поэты,
Мужи, которые древней комедии славою были.
(ст. 1—2; перевод М. А. Дмитриева).

С. 253. *Комедия получила ~ некоторым родом личины.* — Не совсем точный перевод из Брюмуа (p. IX—X).

С. 253, примеч. 6. *Successit vetus his Comoedia non sine multa Laude...* — Эту строку Горация (ст. 281) цитирует Буало, а вслед за ним и Тредиаковский в примеч. 12 на с. 42 Песни третьей «Науки о стихотворении и поэзии» (перевод см. в коммент., с. 531).

С. 253, примеч. 7. *Si quis erat dignus describi ~ multa cum libertate notabant.* — Перевод:

Если кто стоил представленным быть на позорище людям,
Вор ли, убийца ль, супружник ли прав оскорбитель бесчестный,
Смело, свободно его на позор выставляли народу.
(ст. 3—5; перевод М. А. Дмитриева).

С. 253. *В области, где народ был властелином ~ приправлена аттическою солию.* — Ср.: «В государстве, в коем Политика хотела обличать все, что имело вид пышности, отменности или плутовства, комедия сделала себя провозвестительницею, исправительницею и советницею такою, что она могла побудить народ к наблюдению любезнейших своих потребностей. Никто не обойден в городе толь вольном или, лучше, толь самовольном, каков был тогда Афины. Полководцы, градоначальники, правление, сами боги — все было предано сатирической желчи пиитов, да и все то было угодно, только б комедия была увеселительна и приправлена солию, то есть вкусом аттическим» ([*Роллен Ш.*]. Древняя история... Т. 5. С. 91).

С. 253. *Сия точно комедия обругала Сократа...* — Имеется в виду комедия Аристофана «Облака» (423 г. до н. э.). Ср.: «Наука о стихотворении и поэзии» Буало (Песнь третья, с. 42, ст. 341—344).

С. 253—254. *Старая комедия ~ Находятся сего рода комедии и в Аристофане.* — Ср.: «Старая комедия продолжилась до самых тех времен, как Лизандр, овладев Афинами, переменил в сем городе правление, давши оное в руки тридцати человекам из главных людей. Сия сатирическая вольность на театре им не полюбилась, так что рассудили оную уничтожить. Причина сея перемены есть сама собою ясна ⟨...⟩. Сии были тогда тираны, имевшие всю власть в Афинах. Демократия была уничтожена. Народ не имел больше участия в правлении. Он не был уже царем, не был и верховным властелином. Не имел он больше права давать свой голос в государственных делах и в крайнем находился несостоянии дерзать

оглашать сам собою или услугами пиитов мнения и дела своих господ. Итак, запрещено было называть кого именем на театре. Но хитрость пиитов нашла тотчас способ, как прехитрить силу устава ⟨...⟩. Стала она уловлять то, что было смешное в человеках, и изображать характеры подлинные и удобь познаваемые, так что получила преимущество тем, что делала хитрейшее удовольствие тщеславию пиитов и сбойству смотрителей. ⟨...⟩ Находятся такие и в Аристофане» ([*Роллен Ш.*]. Древняя история... Т. 5. С. 98—99). Лисандр (ум. 395 до н. э.) — спартанский полководец, покорив Афины, способствовал установлению тирании тридцати (405—403 до н. э.). «Сбойство» — буйство.

С. 254. *Описание сие средней греческой комедии ~ но, сколько возможно, сокращеннее.* — Как видно из приведенной выше цитаты, этот фрагмент Тредиаковский полностью заимствовал из Роллена, опиравшегося в изложении истории средней комедии на Брюмуа, но отнюдь не дословно его повторяя.

С. 254. *Продолжение средней комедии ~ и дела их равным же образом вымышленные.* — Ср.: «Она продолжалась до времен Александра Великого, который, всеконечно, завладев Греческою империею чрез разбитие тебанцов, был причиною, что обуздано стало быть сие своеволие пиитов, которое умножалось отчасу более. Сие самое и произвело новую комедию, которая токмо была подражанием общей жизни и выводила уже на театре одни приключения вымышленные и имена подложные...» ([*Роллен Ш.*]. Древняя история... Т. 5. С. 99). Александр Великий (Македонский, 356—323 до н. э.) в 336 г. до н. э. разрушил союзные Афинам Фивы, чем подтвердил зависимость Афин от Македонии, установившуюся еще в царствование Филиппа II Македонского.

С. 254. *Сие самое, по речам иезуита Брюмоа, как очистило театр, так его и обогатило.* — Ср.: ...ce que purgea le Théâtre comique et l'enrichit» (Брюмуа. P. XI).

С. 254. *...как говорит Роллень, подражание общей жизни...* — См. выше конец цитаты из «Древней истории» Ш. Роллена. «Общей жизни» — т. е. не отдельной, индивидуальной, а типичной.

С. 254. *...а как Брюмоа еще, приятное и непорочное зеркало.* — Ср. ...devint un miroir agréable et innocent de la vie humaine» (Брюмуа. P. XI).

С. 254. *...Изображенный всяк ~ что взят с него тот сколок точно.* — Эту цитату из поэтики Буало приводит Ш. Роллен. И здесь, и в переводе «Древней истории» (т. 5, с. 99) Тредиаковский цитирует Буало по собственному переводу «Науки о стихотворении и поэзии» (см.: Песнь третья, с. 42, ст. 353—358).

С. 255. *Сент-Эвремонт* (Saint-Evremond Ch., de, 1610—1703) — французский писатель, автор комедий и рассуждений («Dissertations») о трагедии и комедии Древних. Приведенную Тредиаковским характеристику комедии найти не удалось.

С. 255. *Сия комедия ~ предпочитаем ему был Филемон, комический же пиит.* — Ср.: «Сия есть свойственно самая красная комедия, именно ж комедия

Менандрова. Изо ста осьмидесяти или, правее, по Суидову мнению, из осьмидесяти комедий им сочиненных, о которых притом сказывают, что они все были переведены на латинский язык Теренцием, осталось нам только самое малое число отрывков. Можно рассудить о достоинстве подлинника по превосходству списка. Квинтилиан, говоря о Менандре, не сомневается нимало сказать смело, что „блистанием своего имени и красотою сочинения помрачил он или, лучше, загладил славу всех писателей в том же роде" [в примеч. здесь также приведена латинская цитата из Квинтилиана со ссылкой на 1-ю главу 10-й книги его «Наставлений оратору», — см. примеч. 9 на с. 255]. Он объявляет на другом месте, что „Менандру в его время не отдана вся справедливость, должная ему, как то случалось сие со многими, но зато он награжден уже с лихвою чрез благоприятные рассуждения потомков" [в примеч. приведена латинская цитата из Квинтилиана со ссылкой на 4-ю главу 3-й книги его «Наставлений оратору», — см. примеч. 10 на с. 255]. И поистине, предпочитали ему Филемона, пиита, так же как и он, комического» ([*Роллен Ш.*]. Древняя история... Т. 5. С. 100). Это место почти дословно списано Ролленом с примечания Брюмуа (p. IV).

О Менандре см. коммент. к с. 9 статьи «К читателю», с. 506; во времена Тредиаковского были известны лишь фрагменты комедий Менандра (ср.: «из новых Менандровых не имеем ни единыя, кроме отрывков» — «Варианты и редакции», «Рассуждение о комедии вообще», с. 426) и о его творчестве судили главным образом по римским переделкам Плавта и Теренция. О Теренции см. коммент. к с. 9 статьи «К читателю», с. 506; ср. с оценкой Теренция, данной Тредиаковским в статье «К читателю», с. 9.

Суид — византийский лексикон X в. «Суда», о названии которого ведутся споры. В эпоху Тредиаковского считалось, что оно восходит к имени автора, известного в России как Свида (Suidas).

Филемон (365/360—264/263 до н. э.) — выдающийся представитель новоаттической комедии, автор 97 драм, известных по нескольким фрагментам и трем переработкам Плавта.

С. 255—256. *Греческая комедия ~ города Ателлы...* — Перевод из Брюмуа (p. X—XIII).

С. 255. Ливий Андроник (ум. ок. 204 до н. э.) — первый по времени римский поэт; грек, захваченный в плен римлянами, через свои переводы знакомил римлян с греческой поэзией, положил начало основным жанрам римской литературы.

С. 255. *...и Невий ~ и Энний...* — Невий Гней (ум. ок. 201 до н. э.) — второй по времени римский поэт, автор трагедий и комедий, в которых впервые использовал прием контаминации, создатель жанра претекстат; Энний — см. о нем коммент. к с. 54 «Эпистолы к Пизонам» (с. 538).

С. 255. *Второй век ограничивается Пакувием, Акцием, Цецилием ~ Плавтом...* — Пакувий Марк (220—130 до н. э.) — римский поэт, автор трагедий на греческие сюжеты и претекстат; Акций Луций — см. о нем коммент.

к с. 61 «Эпистолы к Пизонам» (с. 541); Цецилий, Плавт — см. о них коммент. к с. 54 «Эпистолы к Пизонам» (с. 538).

С. 255. *Претекстата* (fabula praetextata) — ранняя оригинальная римская трагедия, получившая свое название от претексты (praetexta), одеяния римских магистров и жрецов.

С. 256. *Трабеата* (fabula trabeata) — комедия из жизни римского высшего общества, получившая название от парадной одежды всаднического сословия (trabea), разновидность тогаты. Успеха не имела, кроме Мелисса, трабеаты никто не писал.

С. 256. *Тогата* (fabula togata) — римская оригинальная комедия, получившая свое название от тоги (toga), верхней одежды римских граждан; пришла на смену комедиям Теренция и стала новым этапом в развитии римского театра.

С. 256. *Туника* (tunica) — длинная до колен рубаха, которую римляны носили под тогой.

С. 256. *Таберна* — дощатая хижина, лачуга (от лат. taberna).

С. 256. *Табернария* — ранняя римская комедия из жизни низших слоев римского общества, получившая свое название от харчевни (taberna).

С. 256. *Ателлана* (atellana) — одноактная народная импровизированная драма, использующая устойчивые карикатурные маски; название происходит от кампаньского города Ателла (Atella).

С. 256, примеч. *Ливий «Истории» в книге 7, главе 2 ~ Мелисс им, знатно, дал прямую форму комедии в свое время.* — Ср.: ...шутки в стихах, ⟨...⟩ как их называли позже, эксодии исполнялись главным образом вместе с ателланами» (*Тит Ливий.* История основания Рима / Пер. Н. В. Брагинской. М., 1989. Т. 1. С. 324). О Мелиссе см. следующий коммент.

С. 256. *...которыя заводчиком был Мелисс, библиотекарь Меценатов, как то утверждает Светоний в сочинении «О славных грамматиках»...* — Имеется в виду сочинение римского историка Светония Транквилла (ок. 75—150) «О знаменитых мужах» («De grammaticis»), посвященное римским писателям и ученым; рассказ о Мелиссе, использованный Брюмуа, находится в 21-й части. Гай Цильний Меценат (ум. 8 до н. э.) — римский государственный деятель и покровитель искусств.

С. 256. *...не говорю также ~ истинный характер латинския комедии.* — Перевод из Брюмуа (р. XIII). Паллиата (fabula palliata) — жанр ранней римской драмы (III—II вв. до н. э.), возникший на основе аттической комедии и получивший свое название от плаща (palliatus — одетый в плащ).

С. 256. *...утвердился на рассуждении иезуита Рапеня...* — Приведенные далее в тексте в пересказе слова Рапена заимствованы Тредиаковским у Брюмуа (см.: р. XV—XIX). Рапен (Rapin R., 1621—1687) — видный представитель французского классицизма, автор «Рассуждений об элоквенции, поэтике, истории и философии» (Reflexions sur l'Eloquence, la Poétique, l'Histoire et la Philosophie. P., 1684). Брюмуа также сопровождает цитирование рассуждением о Рапене

и близости его оценок Аристофана и Менандра к характеристикам Плутарха, использованном Тредиаковским (см.: Брюмуа. P. XV). В корпусе сочинений Плутарха (так называемых «Моралий») сохранился краткий пересказ «Сравнения Аристофана и Менандра», отголоски которого находятся и в его беседе «Какая музыка предпочтительнее за обедом» («Застольные беседы», кн. 7).

С. 257, примеч. 11. *At nostri Proavi Plautinos ~ Ne dicam stulte...* — У Брюмуа в примечании строки Горация (Поэтика. 270—273) приведены в оригинале, а на полях дана отсылка к французскому переводу Е.-Н. Санадона. Перевод М. Л. Гаспарова: Правда, ваши прадеды хвалили и ритм и остроты Плавта, но и тому и другому они дивились по чрезмерной снисходительности, чтобы не сказать — по глупости.

С. 257. *...Теренциевы басни...* — т. е. сюжеты его комедий.

С. 257. *...как то видно из «Андрии», содержащия две любви.* — «Андрия», или «Андрианка» («Andria»), — комедия Теренция, сюжет которой восходит к двум комедиям Менандра «Андрианка» и «Перинфянка», отсюда происходит переплетение двух любовных интриг.

С. 257. *...Теренция укоряли, что он одну латинскую комедию составлял из двух греческих для большего оживления...* — Теренций использовал прием контаминации, введенный Невием и широко применявшийся в римской комедии.

С. 257—258, примеч. 12. *Tu quoque, tu in summis ~ et doleo tibi deesse, Terenti.* — У Брюмуа в цитируемом тексте Рапена стихи Цезаря даны во французском переводе без латинского оригинала. Оригинал известен из труда Светония «О поэтах». Этими стихами заканчивает свою биографию Теренция Э. Донат (Publii Terentii Carthaginiensis Afri comoediae ...Francofurti, 1623), откуда они и были известны Тредиаковскому (ср. коммент. к с. 9 статьи «К читателю», с. 507). Перевод М. Л. Гаспарова:

Также и ты, полу-Менандр, стоишь по заслугам
Выше всех остальных, любитель чистейшего слога,
Если бы к нежным твоим стихам прибавилась сила,
Чтобы полны они были таким же комическим духом,
Как и у греков, и ты не терялся бы, с ними равняясь!
Этого ты и лишен, и об этом я плачу, Теренций.

(*Светоний.* Жизнь двенадцати Цезарей / Изд. подгот. М. Л. Гаспаров и Е. М. Штаерман. М., 1993. С. 234).

С. 258. *Оно у него положено в 25 «Рассуждении о поэзии», на странице 154 парижского издания 1684 года...* — т. е. в 25-й главе «Размышлений об элоквенции, поэтике...» Рапена. Ссылка на источник есть у Брюмуа (p. XVI), который указывает, правда, другое «рассуждение» и иную страницу: «Reflexions sur l'Eloquence, la Poétique... P. 156. Paris 1684. Ref. 26».

КОММЕНТАРИИ К ПЕРВОЙ РЕДАКЦИИ С. 421—427.

Стр. 241. *...Клименд Александрийский часто приводит его, а святый Иоанн Златоуст непрестанно его читал и полагал на ночь под головы, ежели верить Алду Мануцию в дедикации пред комедиями сего комика.* — Климент Александрийский (ок. 150—ок. 220) — христианский философ, богослов. Иоанн Златоуст (ок. 354—407) — отец Церкви, богослов. Сведений, приведенных Тредиаковским, нет в небольшом предисловии Альда Мануция к единственному изданию Аристофана в XV в. (Comoediae novem. Venezia, Aldus Manutius, 1498), к которому между тем восходят позднейшие схолии к Аристофану. Возможно, этот факт приведен в греческих статьях М. Музура или в комментариях к текстам Аристофана. Однако источником знаний о восприятии Златоустом Аристофана Тредиаковскому служило не это издание, почти наверное ему неизвестное, а статья Брюмуа (p. LXIV).

Стр. 331.

Стр. 18—20. *...называемыя малая комедия, какие явились и на нашем языке прозою, а чтоб сказать об них по совести, больше сквернящие наш язык, нежели обогащающие.* — Имеются в виду комедии Сумарокова «Тресотинус» (1750) и «Чудовищи» (1750), которые игрались после трагедий и назывались «нах-шпиль».

Стр. 33. *...но из новых Менандровых не имеем ни единыя, кроме отрывков.* — См. коммент. к с. 255 основного текста, с. 630.

Стр. 50. *Пентаметр хореический* — пятистопный ямб.

Стр. 51. *Сенарий латинский* — см. коммент. к с. 97 главы седьмой «Способа к сложению российских стихов», с. 560.

Стр. 52. *Гиперкаталектик* — см.: «Способ к сложению российских стихов», глава вторая, § 10, с. 74 и коммент. на с. 550.

Стр. 58. *Перечневое описание* — т. е. краткий пересказ сюжета.

СТИХИ ИЗ «АРГЕНИДЫ»

Печатается по СП (т. 2, с. 210—235) с учетом исправлений по НР (л. 216—229).

Представляют собой опыт перевода одних и тех же стихотворений разными метрами: двусложными силлабо-тоническими и трехсложными силлабо-тоническими. Первые стихотворения в парах выбраны Тредиаковским из своего перевода романа И. Барклая «Аргенида» (СПб., 1751) и датируются временем создания перевода, т. е. 1748—1749 гг. Вторые, представленные Тредиаковским «в соревнование» с первыми, создавались, по-видимому, позднее. В варианте предисловия «К чи-

тателю», отразившем второй план второго тома, не содержится упоминаний о стихотворениях из «Аргениды», хотя в нем говорится о намерении включить в состав тома «несколько гексаметров хореических и ямбических, также дактило-хореических и анапесто-ямбических без рифмы» (см.: «Варианты и редакции», «К читателю», с. 360). Намеченные к публикации гекзаметры Тредиаковский, по-видимому, не успел подготовить и вместо них поместил пары стихотворений «Из „Аргениды“», изменив место предисловия, ср.: «После сего представлено несколько стихов из „Аргениды“, сочиненных нашим образом и римским...

В выборе Тредиаковского для метрического перевода этих шести стихотворений из романа «Аргенида», содержащего всего 52 стихотворения, наблюдается и элемент случайности, и результат определенного замысла. К случайности, по-видимому, относится принадлежность всех отобранных стихотворений ко второму тому русского издания «Аргениды». Отбор стихотворений внутри этого тома был продиктован серьезностью их содержания и принадлежностью к определенным жанрам, о которой говорится в сделанных в романе замечаниях о них (они приведены в комментариях). При этом были пропущены те стихотворения, которые или не имеют жанровой определенности, или в самом романе не признаны образцовыми. «Стихами из „Аргениды“» Тредиаковский, очевидно, думал одновременно с образцами русского и «римского» стихосложения дать образцы разных родов стихов, или поэм, проиллюстрировав ими главу «Способа к сложению российских стихов», в которой говорится о родах поэм (см.: «Способ к сложению российских стихов», глава седьмая, с. 93—97).

При переводе стихотворений из «Аргениды» Тредиаковский стремился к соблюдению размера и объема подлинника. В комментариях приводится первая строка подлинника (по изд.: *Barclaii Jo.* Argenis. Amstelodami, ex officiana Elsiviriana, 1671) и указывается число его строк.

В комментариях использованы «Изъяснения на митологические места, находящиеся в „Аргениде“», данные Тредиаковским к соответствующим стихам в «Аргениде»; они обозначаются Изъясн., в скобках после цитаты дается указание тома и страницы издания «Аргениды», где они помещены.

Реальный комментарий к паре стихотворений дается общий, косая черта разделяет номера стихов двух стихотворений.

ЭПИНИКИЧЕСКИЕ
С. 260—262 / С. 262—264.

С. 260. ...*число 8.* — Здесь и далее «число» означает пронумерованный Тредиаковским раздел главы.

Оригинал «Vicimus, o magnis tandem exaudita piorum...» (Argenis. P. 221) содержит 61 стих. Определение этого рода стихотворения см.: «Способ к сложению российских стихов», глава седьмая, § 16, с. 97.

В романе стихотворение произносит ученый поэт Никопомп, который «хотя от сражения был утружден, однако не знаю, какою веселостию возбудился к сочинению стихов; ибо радости устремительство добровольно тем возгорается жаром, который восхищенные пиитов разумы с богами соединяют. Того ради или для того, чтоб заблаговременнее царю своему принесть поздравление, или чтоб от скорости больше похвалили его искусство, а может быть, и ради того, дабы ему устрашить негодных стихотворцев, которые, без сомнения, если тотчас удержаны не будут, велеречием утрудят победу, весьма в крайнее время сочинил следующие стихи и, дав сыну, еще отроческую одежду носящему, который бы их по утру рано царю, как будто собственные свои труды, поднес всеподданнейше» (т. 2, с. 17). Победа, которая прославляется в стихотворении, была одержана Сицилийским войском над войском непокорной сицилийской провинции Сардинии.

Ст. 5—6 / 5—6. *Усмотрел неверных полков ~ вредно шалели... / В противных усмотрел ~ злое непотребство.* — Речь идет о мятежных настроениях народа Сардинии, заражающих и сицилийцев.

Ст. 13 / 12. *Палленейские поля* — поля на Паллене, одном из полуостровов Халкиды, где происходила битва Гигантов.

Ст. 17 / 15. *...Фракийски поля и Фриксейски заливы... / ...Фракию, Фриксов вал...* — Фракийские поля — поля во Фракии, области, простирающейся от Эгейского до Черного моря; изъясн.: «Чрез Фриксейские заливы разумеется Понт Эвксинский, или Черное море...» (т. 2, с. 274) , по имени Фрикса, сына Тебанского царя.

Ст. 18 / 16. *Пахин* — какое место имеется в виду, установить не удалось.

Ст. 21 / 20. *Нечестивец* — имеется в виду царь Сардинии Ликоген.

Ст. 22 / 21. *Мелеандр* — царь Сицилии, один из главных действующих лиц романа «Аргенида».

Ст. 36—40 / 37—42. *...Таков иногда Сатурн ~ пребыл поныне... / ...Подобен был Сатурн ~ бессменно и поныне...* — Изъясн.: ...Сатурн, вспомнив, что один из его сынов долженствовал у него отнять престол, старался всячески избыть Юпитера. Но сей сам выгнал его из области и принудил убежать в часть Италии, называемую Лаций, и в ней спрятаться от него, где Янус царь ⟨...⟩ его принял, а он, по баснословию, принес туда Золотой век... (т. 1, с. 263—264).

Ст. 48 / 52. *Ливийские страны* — т. е. африканские страны (от поэтического названия Африки — Ливия).

Ст. 53 / 59. *О! спешно иди, Победа... / О! ты среди предстать, Победа...* — Изъясн.: «Победа, коя по-гречечски Νίκη, Νίκημα, Νῖκος, а по-латински Victoria, есть богиня, бывшая в почтении у древних язычников...» (т. 2, с. 274).

Ст. 58—59 / 64—65. *...Уже вселютого их вождя ~ ратоборцем в победе Ливийским. / Уж голова вождя ~ Подъята на копье Ливийским тем героем...* —

Имеется в виду царь Сардинии Ликоген, голова которого была отсечена в бою Архомбром.

Анапесто-ямбические без рифм

С. 260, ст. 7. *...проразисты...* — т. е. пробивающие (проразить (црксл.) — пробить).

С. 260, ст. 9. *Ратовище* — пахота.

Те ж самые ямбические

С. 263, ст. 36. *...не дая плещей...* — Смысл не ясен.

С. 263, ст. 46. *Обраты* — здесь: обратные выстрелы.

С. 263, ст. 47. *...тулится...* — укрывается.

С. 263, ст. 48. *...сугубый меч...* — т. е. обоюдоострый.

С. 263, ст. 53. *...спейте...* — спешите; спѣти (црксл.) — спешить, стремиться, способствовать.

ГЕРО-ЭЛЕГИАЧЕСКИЕ

Оригинал «Victor ades, tecumque redux (Pater optime gentis / Sicaniae) facto Pax cingitur aurea cultu...» (Argenis. P. 278—279) содержит 12 строк. В романе стихотворение было выбито на «картине» (tabula), которая завершала триумфальное шествие по случаю воспетой в предыдущем стихотворении победе. Картина, «прибитая под изображением (Мира. — *Н. А.*) приветствовала Мелеандра следующими стихами» (т. 2, с. 33). К жанру геро-элегии эти стихи отнесены Тредиаковским по роду их метра — пентаметра. О геро-елегиаческих стихах см.: «Способ к сложению российских стихов», глава третья, член III, § 7, с. 81.

Анапесто-ямбические

С. 264, ст. 1—4. *Победитель ~ осеняет бог в силе святой!* — Эти стихи приводит Аполлос Байбаков во 2-м издании «Правил пиитических» как пример анапесто-ямбических стихов (Байбаков, 1780. С. 18). «Отец Силилийский» — царь Сицилии Мелеандр.

ПАНЕГИРИЧЕСКИЕ
С. 265—267 / С. 267—С. 269.

Оригинал «Fortunata nimis solesque habitura serenos / O quecunque tuos diffuso vertice ramos...» (Argenid. P. 258—259) содержит 62 строки. В романе Аргенида «показала целый лист, исписанный стихами, незадолго перед тем не от незнатного пиита поднесенный. Оными тот красоту и счастие царския рощи прославлял, в которую Аргенида ⟨...⟩ для гуляния обыкновенно ходила» (т. 2, с. 131). О панегирической поэме см.: «Способ к сложению российских стихов», глава седьмая, § 18, с. 97.

Ст. 5—8 / 4—6. *Сам Хаонский к вам и лес ~ ни дремучий Пинд с верхов. / Леса Хаонска ~ ни вершин дремучего Пинда.* — Изъясн.: «Чрез Хаонский лес разумеется ответ Юпитеров, бывший в Эпире в Дадонском лесу ⟨...⟩ Нисейская роща была в Аравии, недалеко от города Нисы, построенного Бакхусом ⟨...⟩ Ида есть гора Троадская в Малой Азии, славна Парисовым судом ⟨...⟩ Пинд есть гора Эпирская, или Тессалийская, которая густым лесом покрыта. Одна ее часть называлась Парнасом, а другая — Геликоном» (т. 2, с. 286).

Ст. 19 / 18. *Фригийские сосны* — т. е. северные, выросшие во Фракии (см. коммент. к ст. 17 / 15 «Эпиникических стихов», с. 635).

Ст. 26—28 / 22—24. *...Роды сих производить Зефир ~ ее Стигийску мужу здесь не похищать. / ...Зефир их произвесть ~ жену похищаемой тамо.* — Изъясн.: «Зефир — бог языческий (ныне приемлимый за тонкий, легкий и тихий западный ветер) споспешествовал, по баснословию пиитов, рождению цветов и плодов земных тихим и благоприятным дыханием, которое одушевляло теплоту естественную в травах ⟨...⟩ Баснословие говорит, что когда Прозерпина была похищена Плутоном, то она тогда рвала цветки близ Этны, города в Сицилии. Но Плутон для того назван мужем стигийским, что он бог ада, а в аде пиитическом была река, называемая Стигом, или Стиксом...» (т. 2, с. 286). В дактило-хореическом варианте в ст. 24, возможно, следует читать «жене».

Хореические

С. 265, ст. 18. *...ростом отмененных...* — т. е. отличающихся своей высотой (отмена — отличие).

С. 266, ст. 44. *Ков* — см. коммент. к с. 190, ст. 54 «Парафразиса псалма 139», с. 604.

С. 266, ст. 51. *Вразни* — внезапно.

С. 266, ст. 60. *...На корах причину перстом нежно вобразить.* — т. е. нацарапать на коре причину посещения этого леса.

С. 266, т. 64. *...Весть...* — т. е. вести, приводить.

С. 267, ст. 73—76. ...*След весь чистые поля ~ сами предварят.* — Инверсия: Чистые поля, распестрив цветами, означат там на траве весь след, где пойдешь стопами. Местоимения тот и оный (ст. 75—76) относятся к следу.

Те ж самые дактило-хореические

С. 268, ст. 28—29. ...*Буде когда овец заблуждших ~ страшит околицу рыком.* — Инверсия: Буде когда лев пожирает с голода заблуждших овец или страшит околицу хриплым рыком.

С. 268, ст. 33. ...*Рыском или небольшим по лесочку бегущих от страха...* — Инверсия: Или бегущих от страха небольшим рыском по лесочку; «рыском» — прытким бегом.

ЭПИТАФИЧЕСКИЕ

Оригинал «Busta vides, saevique, hospes, monumenta doloris... (Argenis. P. 338) содержит 6 стихов. Они посвящены покончившей собой Селениссе, няньке Аргениды. В романе о стихотворении говорится следующее: ...а после, как уже о причине убийства стало известно, то не знаю, кто из пиитов следующий ей эпитафий написал» (т. 2, с. 336). В «Способе к сложению российских стихов» нет специального параграфа, описывающего эпитафию, она отнесена к эпиграмматической поэме (см.: глава седьмая, § 6, с. 95).

ТЕОДИКЕИЧЕСКИЕ
С. 270—271/ С. 271—272.

Указание 10-й главы неверно, в издании «Аргениды» она пропущена, и после 9-й главы следует 11-я. Стихотворение входит в 9-ю главу, 48-го числа (т. 2, с. 432—433).

Оригинал «O sontes animae, quarum vesana lacessunt...» (Argenis. P. 378) содержит 28 стихов. В романе о стихотворении говорится: «Гобрия 〈...〉 произнес следующие стихи, недавно от него, как сказывал, сочиненные, которыми справедливость богов была прославляема тем, что они, долго терпевши озлобления, потом по достоинству казни насылают» (т. 2, с. 431). В «Способе к сложению российских стихов» нет параграфа о теодикеической (т. е. прославляющей богов) поэме.

Ст. 16/11. *Тритон* — изъясн.: «Тритон есть бог морской...» (т. 2, с. 296).

Ст. 23/17. *Браноносный отец* — изъясн.: «чрез браноносного отца разумеется Марс» (т. 2, с. 296).

Хореические

С. 270, ст. 11. *Блазнь* (цркcл.) — соблазн, обольщение.
С. 271, ст. 30. *Проказы* (цркcл.) — злоумышление, козни.
С. 271, ст. 31. *Крепость* — сила.

Те ж самые дактило-хореические

С. 272, ст. 27. *...Разны безумно притом припадки пустыя Фортуны.* — Инверсия: Притом безумно ⟨виним⟩ разны пустыя припадки Фортуны.

СОТЕРИЧЕСКИЕ
С. 272—278 / С. 279—283.

Оригинал «Vivet io. Quid se, velut acceptura merentem...» (Argenis. P. 448—452) содержит 167 стихов. В романе стихотворение написано поэтом Никопомпом («которые он назвал сотерическими, хотя долго спустя после того были сочинены...», т. 2, с. 646—652), по случаю выздоровления царя Галлии Полиарха от смертельных ран, полученных им в единоборстве с Радиробаном, царем Сардинии. О сотерической поэме см.: «Способ к сложению российских стихов», глава седьмая, § 17, с. 97.

Ст. 9—14/8—13. *Где стигийску грань ~ радуясь гуляют... / Где от Стигийских стран ~ согласие ввек примирило.* — Изъясн.: «Чрез все сии стихи описываются так называемые в баснословии Элисийские поля, то есть языческий рай» (т. 2, с. 912).

Ст. 17/14—15. *...страну ~ Дитову / ...царство ~ Дитово...* — Изъясн.: «Дит, или Дис, есть бог адский Плутон. Слово Дис есть латинское, сокращенное от Dibes, то есть богатый. ⟨...⟩ здесь чрез Дитово царство разумееется ад, но ад языческий и баснословный» (т. 2, с. 912).

Ст. 28—30/23—25. *...Симоент ~ Гектор сильный... / ...река Симоент ~ Гектор сильнейший...* — Изъясн.: «Река Симоент, или Симонс, текла при городе Трои. ⟨...⟩ чрез тевкров разумеются трояне, а чрез грайев — греческая осаждающая армия. ⟨...⟩ Гектор был сын Приама, троянского царя...» (т. 2, с. 917). В ст. 24 дактило-хореического варианта упоминаются также пеласги (пелазги) — поэтическое название греков.

Ст. 36/30. *Олимп* — изъясн.: «Олимп есть гора в Фессалии, приемлемая обыкновенно от пиитов ради высоты своея за Небо. Находится она близ Оссы и Пелиона. Говорят, что она ныне называется Лаха» (т. 2, с. 950).

Ст. 75/55. *...(...секущих спряденную жизни нить)... / ...(...пресекающих жизненны нити)...* — Изъясн.: «чрез секущих жизни нить разумеются адские богини Парки» (т. 2, с. 950).

Ст. 77—78 / 57—58. *...балеарски роды ~ лигурски народы... / ...балеарски народы, Лигуры...* — Речь идет о народах, заселявших побережье Лигурейского моря.

Ст. 83/61. *Эния* — изъясн.: «Эния есть Марсова сестра, или спутница, инако называется Беллона ⟨...⟩ Но здесь автор принял Энию за адскую мучительницу (кои у пиитов называются Фуриями)» (т. 2, с. 950).

Ст. 117/88. *Сестры змиевласны* — изъясн.: «чрез сестр змиевласных разумеются адские Фурии ⟨...⟩ пииты говорят, что они все в змеях и что в руках имеют черные факелы с огнем» (т. 2, с. 950). Радиробан был осужден на муки Тантала, стоявшего в прозрачном потоке со склоненными над ним ветвями с яблоками, но не могущего ни напиться из потока, ни схватить висящих у лица яблок.

Ст. 135/100—101. *Гиблейские долины* — т. е. долины горы Гиблы в Сицилии, славившиеся своим медом.

Ст. 155/113. *...Ледейски взоры... / ...божества Ледейского взоры...* — Изъясн.: «Божеством Ледейским назван здесь Кастор, ибо Юпитер его родил от Леды, которую он прельстил видом лебедя» (т. 2, с. 951).

Ст. 205—224/151—161. *„...Сын! иди поспешно ~ жизнь спаси прекрасну" / „...Сын мой! ~ победить для царя превелика"* — В этих стихах Юпитер обращается к Аполлону, своему сыну, богу врачебного искусства.

Ст. 218/158. *Мавританский дом* — т. е. африканский дом.

Хореические

С. 272, ст. 2. *...твердь ~ чрез обраты многи...* — вращение небес.

С. 272, ст. 4. *Вертограды* — здесь: райские сады.

С. 273, ст. 48. *Скрания* (цркск.) — висок.

С. 274, ст. 55. *Вдруг пристав, схвативши, непреклонный на посул...* — Инверсия: Вдруг непреклонный на посул пристав, схвативши; пристав — должностное лицо, призывающее ответчика к суду.

С. 274, ст. 67. *...дмясь...* — т. е. гордясь.

С. 274, ст. 72. *...Повести о злобах не сплетет ли тень хвалы.* — Инверсия: Не сплетет ли тень хвалы повести о злобах.

С. 274, ст. 93. *Что к хищению являть сицилийску дерзость?* — Инверсия: Что являть дерзость к Сицилийску хищению, т. е. что вспоминать дерзость грабежей в Сицилии. Ср.: ст. 69 дактило-хореического варианта, с. 280.

С. 275, ст. 114. *...Как соперника б чрез то он искал внутрь уду...* — т. е.: как бы он искал тело (уд) соперника внутри пропасти.

С. 275, ст. 121. *Зиятель* — завистник (зиять — вожделеть).

С. 275, ст. 128. *...присный цвет...* — т. е. истинный, вечный свет.

С. 275, ст. 131. *...разряжают...* — распределяют (цркск.).

С. 276, ст. 133. *Ваия* — пальмовая ветвь.

С. 277, ст. 175. *Зрак* — вид.

С. 277, ст. 186. *Предел* — предопределение, судьба.

С. 277, ст. 189. *...И хотя тмы много чрез доброты удивил...* — Инверсия: И хотя много удивил чрез тмы доброты

С. 278, ст. 221—222. *...предел ~ конечный...* — т. е. конечное предопределение.

Те ж самые дактило-хореические

С. 280, ст. 64. *...кровь пречестную...* — т. е. благородную.

С. 281, ст. 86. *...осужденного правды пределом...* — т. е. осужденного предопределением истины.

С. 281, ст. 90. *...Будто тебя ~ не стает...* — нет; стаяти (црксл.) — быть.

С. 282, ст. 129—131. *...в коем бы месте Тонка эфира души сей чистым огнем просветиться Юпитер сам повелел?* — т. е.: в каком бы месте тонкого эфира повелел сам Юпитер просветиться чистым огнем сей души (зажечь новую звезду)?

С. 282, ст. 132. *...при северных Урсах?* — т. е. рядом с созвездиями Большой и Малой Медведицы (от лат. ursa — медведица).

С. 283, ст. 165. *...зияния их же...* — т. е. зияния язв.

СЛОВО О МУДРОСТИ, БЛАГОРАЗУМИИ И ДОБРОДЕТЕЛИ

Печатается по СП (т. 2, с. 236—315) с учетом исправлений по НР (л. 251—276).

Начато во второй половине октября или в ноябре, окончено в начале декабря 1752 г. Основанием для нижней датировки служит заявление Тредиаковского о начале работы над словом «во время самого печатания» второго тома, отданного в типографию не ранее 7 октября 1752 г.; верхняя граница датировки определяется датой отзыва на слово Г Ф. Миллера и И. К. Тауберта — 11 декабря (Подробнее см. статью «„Сочинения и переводы“: история издания», с. 492). Ни в одном из планов второго тома «Слово» не значилось и было написано, как видно из преамбулы к нему, неожиданно для самого автора. Вероятной причиной его создания послужила недавно вышедшая и возможно только что полученная Тредиаковским книга Ж.-Ж. Руссо «Discours qui a remporte le prix à l'Academie de Dijon, en l'année 1750, sur cette question proposée par la même Académie: „Si le rétablissement de sciens et des arts a contribué à épurer les moeurs“ Par un citoyen de Genève» (Genève, 1750; «Рассуждение, удостоенное премии Дижонской Академии в 1750 году, на тему, предложенную самой Академией: „Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов“ От жителя Женевы»). В своем «Слове» Тредиаковский последовательно обосновывает единство врожденного, или естественного, разума,

просвещенного разума и добродетели, что подводит к полемике с Руссо и опровержению его мнения о вреде просвещения (см. с. 314—317).

«Слово» — единственное произведение «Сочинений», вызвавшее затруднения при прохождении цензуры. Его рецензенты, Миллер и Тауберт, пришли к разным заключениям, первый не нашел в нем ничего предосудительного, Тауберт рекомендовал его к рассмотрению русских членов Исторического собрания, ссылаясь на трудность его содержания и «употребленных г. автором многих новых философских терминов, о силе которых ни он, ни г. Миллер рассуждать не в состоянии», а также «для приложенного на конце панегирика ее императорскому величеству». На это в тот же день Тредиаковский ответил заявлением в Академическую канцелярию, в котором ссылался на высокую оценку «видевших оное слово»: «И во-первых, преосвященный епископ Гавриил Коломенский, который еще оное и великих своих похвал удостоил; видел его и его высокопревосходительство г. камергер Иван Иванович Шувалов; читал оное и обер-секретарь Яков Герасимович Леванидов и очень похвалял; чтено оное и г. поручику Красильникову и похвалено; чтено и г. учителю математических наук, кои в Москве преподаются на Сухаревой башне, Василью Афанасьевичу Ушакову» (Пекарский. С. 167—168). О новых терминах Тредиаковский заявлял, что они «подтверждаются все книгами нашими церковными, из которых я оные взял» (Там же. С. 167). Возможно, на разрешение к печати слова повлиял И. И. Шувалов.

В дальнейшем Тредиаковский написал целый ряд философских трактатов, в которых развивал положения, высказанные в «Слове о мудрости...».

К «Слову» Тредиаковский приложил перечень терминов («Французский с латинского и греческого перевод философическим званиям, в сем слове употребленным по-славенски, сделанный нарочно в пользу умеющим из наших по-французски для лучшего им понятия оных званий»), усматривая в нем, очевидно, самостоятельное значение: он был вынесен как отдельная работа в оглавление ко второму тому. Составлявшийся, по-видимому, в спешке, перечень не отличается сколько-нибудь продуманной системой, в нем в разных формах повторяются одни и те же термины, и включены термины, не использовавшиеся в «Слове». Характерно, что Тредиаковский специально делает французский перевод латинских и греческих терминов, адресуя свой перечень «в пользу умеющим из наших по-французски», то есть к новой генерации русских читателей, не знающих латыни (см. статью «„Сочинения и переводы как стихами, так и прозою“ в творчестве В. К. Тредиаковского», с. 479).

С. 284. №3. *В предисловии при первом томе на XXIII странице объявлено, что в сем втором томе по стихах, сочиненных нашим образом и римским, еще положена речь ~ отставлена...* — Имеется в виду «Речь приветственная ⟨...⟩ Кириле Григорьевичу Разумовскому...», намеченная согласно второму плану СП во второй том (см.: Дополнения, с. 348—349), которая была издана в «Прибавлениях к Санкт-Петербургским ведомостям» (13 июня 1746 г.). Ее объем намного меньше «Слова о мудрости...

С. 284. СС — так Тредиаковский обозначает слушателей, к которым обращается в «Слове».

С. 285. *...образованием...* — Имеется в виду «вображение», буквальный перевод «imaginatio».

С. 286. *Наприклад* — например (от польск. na przykład).

С. 287. *Борзость* — здесь: спешка; скорость, бойкость.

С. 287. *Поверенность* — доверие, доверчивость.

С. 288. *Не может приличнее уподоблено быть ~ всходы от добрых семен и показывают, что будто б они токмо там и насеяны были.* — Парафразис Евангельской притчи о сеятеле (см.: Мф. 13, 18—23, Мк. 4, 13—20, Лк. 8, 4—8); «чреждение» — забота.

С. 290. *Вероимство* — доверчивость, легковерие.

С. 290. *...«должные деяниям назначать причины»?* — Источник цитаты не установлен.

С. 291. *...«преднаписывает правило правым деяниям»...* — Источник цитаты не установлен.

С. 292. *...в Соборных и Учительских...* — Имеются в виду Соборные уложения и духовные труды Учителей Церкви.

С. 293. *...любомудрие есть «мудрости, состаривающаяся или уже и в бред впадшия, знамение»...* — Источник цитаты не установлен.

С. 294. *Стыд, срам и бесчестие римлянину не уметь по-латински, как то восклицает римский сатирик Ювенал!* — Ювенал. VI, 188.

С. 295. *...рачат...* — т. е. стараются.

С. 295. *Чего ради да не помышляет безумный в сердце своем: нет Бога.* — Парафразис начала псалма 13: «Рече безумен в сердце своем: несть Бог» (Пс. 13, 1).

С. 297. *Картезианская...* — т. е. философское учение Декарта; Cartesius — латинизированное имя Декарта (Descartes R., 1596—1650).

С. 297. *Лейбницианская...* — т. е. философское учение Лейбница (Leibniz G. W., 1646—1716) о предустановленной гармонии.

С. 298. *Картезий — в железе остроголовчетой...* — Ср.: «Душа имеет свое местонахождение преимущественно в маленькой железе, расположенной в центре мозга, откуда она излучается во все остальное тело посредством духов, нервов и даже крови, которая принимая участие в действие духов, может развести их по артериям во все члены...» (*Декарт Р.* Страсти души // Декарт Р. Сочинения: В 2 т. / Сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 497).

С. 298. *...Клерик с Вортоном — в мозолистом или шероховатом тельце...* — Клерик — Леклерк (Cleric J., le Clerc, 1657—1736), философ, богослов, автор многочисленных, популярных в свое время трудов, в которых он выступал против предрассуждения разума; Вортон — очевидно, имеется в виду Томас Вартон (Wharton Th., 1614—1673), английский анатом и физик.

С. 298. *...Рудигер с Генриком Мором — в продолжающемся от мозга мозжечке.* — Рюдигер (Rüdiger A., 1671—1731) — немецкий философ, ученик

Хр. Томазия. Теория, на которую ссылается Тредиаковский, изложена в его сочинении «Disputatio de sensu veri et falsi» (Halle, 1709). Генрик Мор (More G., 1614—1687) — английский философ, автор сочинения «Enchiridion metaphicum» («Руководство по метафизике», 1674), в котором изложено учение о разуме.

С. 299. «*Сему движению, — утверждает она, — быть или прикасающимся подвигновением, или отстоящим привлечением*». — В кавычки заключено самое общее положение «Физики» Аристотеля (VII, 1, 2), а не прямая из нее цитата.

С. 300. *Кобылки* — разновидность саранчи.

С. 300. *...обоюдужительные, чрепокожные...* — Обоюдужительные — то же, что пресмыкающиеся, земноводные; к чрепокожным по классификации, изложенной Тредиаковским, относили раковины и черепах.

С. 301. «*Счастлив! кто мог познать причины вещей*»... — *Вергилий*. Георгики, II, 490.

С. 301. *Гномоника* — наука об устройстве солнечных часов.

С. 301. *Форономия* — то же, что кинематика, наука о чистом движении, независимом от производящих его сил. В эпоху Тредиаковского эта область физики находилась в начале своего развития. В Петербургской Академии наук специалистом в ней был Якоб Герман, автор работы «Phoronomia, seu de viribus et mortis corporum solidorum et fluidorum» («Форономия, или О силах и движениях твердых и жидких тел», 1716).

С. 301—302. *...«что хотя Всемогущий Зиждитель твари и преградил нам путь ~ произведет на свет должайшего века трудолюбие и рачение»*. — Источник цитаты не установлен.

С. 302. *Перипатетические философы* — последователи Аристотеля.

С. 307. *...«не меньшая есть добродетель полученное хранить, коль и о получении стараться»*. — Цитата из «Науки любви» Овидия (II, 13). В примечании она приведена Тредиаковским, по-видимому, по памяти, у Овидия: «Nec minor est virtus, quam quarere, parta tueri».

С. 308. *...«показывать способ к употреблению и способность в употреблении средствий»*. — Источник цитаты не установлен.

С. 309. *...в винограде Христове ~ да он принесет плод сторичный*. — т. е. в Церкви; «плод сторичный» — прибыток от зерна, упавшего на добрую землю (см. евангельскую притчу о сеятеле: Лк. 8, 8).

С. 310. *...диететическое...* — т. е. диетическое.

С. 311. *...«не имеет тот ума, кто в надлежащее время гнева не имеет»*... — Ссылка Тредиаковского на Сенеку ошибочна. Ни в трактате «О гневе», ни в других его произведениях такой сентенции нет.

С. 312. *Ощадство* — бережение, бережливость (от «щадить»).

С. 315. *...произник...* — возник, явился.

С. 315. *...«от учений больше повреждения произошло добронравию ~ пребывают и жительствуют в обществе»*. — Здесь, как и ниже, в кавычки

Тредиаковским взята основная мысль «Рассуждения, удостоенного премии Дижонской Академии...» Руссо, а не прямая цитата из него.

С. 316. ...«*мудрость есть матерь всем изрядным учениям ~ ничто не дано свыше человеческой жизни*»? — В примеч. Тредиаковский неточно цитирует латинский текст Цицерона: «Ita fit, ut mater omnium bonarum rerum etc...» (Cic. De leg. I, 22, 58; «Таким образом матерью всех благ становится мудрость, от любви к которой и произошло греческое слово „философия“ (любомудрие), а философия самый благодетельный, самый щедрый, самый лучший дар бессмертных богов, принесенный ими человеку» (перевод В. О. Горенштейна)). Вторая цитата приведена Тредиаковским также неточно, у Цицерона: «Princepsque omnium Virtutum est illa Sapientia, quam Σοφίαν. Graeci vocant» (Cic. De offic. I, 43, 153; «И первая из всех доблестей — та мудрость, которую греки называют σοφία», «Об Обязанностях», перевод В. О. Горенштейна).

С. 316. ...«*научись, о! каждый отрок, добродетели и совокупно постоянному, великодушному да и достодолжному трудолюбию*»? — Цитата из «Энеиды» Вергилия (12. XII, 435; в СП неверно указан стих: 436). Приведенная Тредиаковским в примеч. латинская цитата дана по неустановленному источнику, у Вергилия: «Disce, puer, virtutem ex me, verumque Laborem». Ср. с цитатой, пояснением к ней и переводом, приведенными Тредиаковским в заключение статьи «Предызъяснение о ироической пииме»:

> Disce, Puer, virtutem ex me proprіumque laborem.
> Должности, Отрок, учись от меня и стяжи добродетель.

(В примечании к слову proprіumque: «Некоторые читают: verumque», с. XLIII).

С. 316—317. ...«*кто обучился исправно ~ ни грубым, ни невеждою*»? — Цитатата из элегии Овидия к «Царю Котису» (De Pont. II, 9, 47—48). В СП неверно указан стих: 77.

С. 317. ...*окамененное нечувствие*... — Слова из молитвы Иоанна Златоуста «24 часа». Ср. с парафразисом этого стиха молитвы в «Речи ⟨...⟩ о чистоте российского языка» (с. 148).

С. 318—319. *Да и кое в нас толь отвращенное сердце ~ Матери Отечества и Великия проименование.* — Этот фрагмент вписан в рукопись (см.: «Варианты и редакции», с. 430) после 15 декабря 1752 г., когда вышел всемилостивейший манифест о прощении недоимок подушного сбора с 1724 по 1747 г., составлявших в сумме 2 534 008 рублей (Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. 13. С. 756). Ср. с аналогичной похвалой императрице Анне Иоанновне в «Речи ⟨...⟩ о чистоте российского языка» (с. 147).

С. 319. ...*не могу быть укорен и малейшим, а неизлишествующим, ласкательством.* — Здесь эти слова не только дань панегирическому отступлению, но и содержат намек на обвинение Тредиаковского в «излишнем ласкательстве» посвя-

щения императрице Елизавете Петровне перевода романа И. Барклая «Аргенида», выдвинутое Ломоносовым, С. П. Крашенинниковым и Н. И. Поповым при ее освидетельствовании (см.: Пекарский. С. 148).

С. 320. *...великого князя Петра Феодоровича ~ вожделенным им самим и всей России чадом!* — Здесь Тредиаковский говорит о великом князе Петре Федоровиче (1728—1762) и его супруге великой княгине Екатерине Алексеевне (1729—1796), названной так в память императрицы Екатерины I, с пожеланием рождения наследника.

С. 321. *...по Волфию ~ или бывают, или быть могут.* — Христиан Вольф (Wolf Chr., 1679—1754) — немецкий философ и математик. Тредиаковский излагает здесь основные идеи работ Вольфа о разуме «Vernunfftign Gedancken von der Krafften des menschlichten Verstandes und ihrem richtigen Gebrauche in Erkantniss der Wahrheit» (Halle, 1736), позднее изданной в России: Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды... СПб., 1765, ср., например: «Возможным я называю все, что может быть, независимо от того есть ли оно в действительности или нет» (§ 1) и «Замечания к благоразумным мыслям о мировом боге и человеческой душе», ср.: ...сущность вещи заключается не в ее отдельности и обособленности, а в обусловленности бесконечным количеством причин, за которыми стоит тотальность бытия (производной от которой и является отдельная вещь), познавать вещь можно только через познание *всеобщей взаимосвязи*, являющейся содержанием изначальной гармонии универсума. Разум заключается в познании взаимосвязи вещей» (*Wolff Chr.* Anmerckungen zu den Vernunfftigen Gedancken von Gott der Welt und der Seele des Menschen. Halle, 1720. § 115). Цитаты приведены в переводе Г. Н. Крупнина (см.: *Крупнин Г. Н.* Философия Хр. Вольфа в контексте теоретической проблематики Нового времени // Философский век. Альманах 3. Христиан Вольф и русское вольфианство. К 275-летию Академии наук. СПб., 1998. С. 47—72).

С. 321. *...оно ж есть знание, по Картезию, произведенное твердо из достоверных начал.* — Тредиаковский излагает здесь основную идею «Метафизических размышлений» (1640) Декарта, в которых устанавливается «достоверное основание» знания.

С. 321. *Оно есть знание, по Аристотелю, истинное и достоверное по причинам.* — Тредиаковский излагает здесь положение из «Метафизики»: «Мудрость есть наука об определенных причинах и началах» (гл. 1).

С. 321. *...знание, по Платону, вещей божественных и человеческих и купно причин, коими сии вещи содержатся.* — Трудно сказать, какое из положений философии Платона имеет здесь в виду Тредиаковский. Знаменательно, что наиболее смутно из названных им в заключении «Слова» учений о познании, он говорит о платоновской философии.

ПЕРЕВОД С СЕНЕКИНЫХ ЛАТИНСКИХ СТИХОВ...

Печатается по СП (т. 2, с. 316).

Вольный перевод текста хора из трагедии Сенеки «Фиест» (ст. 336—403). Существенное сокращение русского текста в сравнении с оригиналом и ряд отступлений в нем позволяют предполагать, что Тредиаковский переводил не текст Сенеки, а переложение, французское, новолатинское или польское, найти которое не удалось. Данная редакция представляет собой переработку ранней силлабической редакции стихотворения «Стихи Сенековы о смирении», входившего в подборку «Стихи на разные случаи» (см.: «Варианты и редакции», с. 430—431). Переработка состояла в замене двух силлабических десятистишных строф 13-сложника на силлабо-тонический стих по способу Тредиаковского без строфического деления. При этом 13-сложная мера стиха была сохранена и тонизирована 6-стопным хореем. Время создания новой редакции неизвестно. Перевод не входил ни в первый, ни во второй планы издания (см.: «Варианты и редакции», «К читателю», с. 359—360), решение о его публикации было принято на последнем этапе работы над СП. Образ ученого «простачка и старичка», данный в стихотворении, был близок, по-видимому, самоощущению Тредиаковского.

С. 326, ст. 1. ...*кому годно есть...* — т. е. кому угодно.

СОНЕТ С СЛАВНОГО ФРАНЦУЗСКОГО ДЕ БАРОВА

Печатается по СП (т. 2, с. 317).

Последняя редакция перевода сонета Ж.-В. Барро «Grand Dieu, tes sont remplis d'equité». В первый раз Тредиаковский перевел сонет для публикации «Перевода LX разговора из 6 части аглинского Спектатора» (Spectator. 1712. N 513) в «Примечаниях на Санкт-Петербургские ведомости» (1732. Апрель. Ч. XXVI. С. 132). В статье сонету предшествует пояснение: «Господин Беле на некотором месте рассуждает, что оные стихи очень хороши, и некоторый славный сочинитель риторики предлагает оные яко преизрядный сонет, который есть следующий... В конце статьи приводится сонет в оригинале и в русском переводе (в «Спектаторе» помещен английский перевод сонета, выполненный четырехстишными строфами). Ж.-В. Барро (Jacques Vallée Des Barreaux, 1599—1673) — французский поэт, славящийся свободолюбием и эпикуризмом. Беле, о котором речь идет в статье «Спектатора», — Пьер Бейль (Bayle P., 1647–1706), автор знаменитого энциклопедического словаря «Dictionnaire historique et critique» (1697). Оценки сонета Барро в статье «Спектатора» восходят к помещенной в нем статье «Desbarreaux» (Vol. 4. P. 486).

Французский оригинал сонета Барро приводит в качестве образца жанра Н. Ф. Остолопов в статье о сонете, в которой дается и перевод Тредиаковского,

выписанный вместе с его «правилами» сонета из «Нового и краткого способа к сложению российских стихов»; публикацию предваряет следующее замечание о переводе: ...в оном не только сохранена приличная форма, но даже и слог приятнее многих других сочинений сего писателя» (*Остолопов Н.* Словарь древней и новой поэзии. СПб., 1821. С. 209—210).

Сонет Барро — единственное известное нам стихотворение, которое Тредиаковский «переправил» по новому способу версификации и поместил в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» в качестве образца жанра сонета (с. 31). Публикуемой редакции предшествовала еще одна редакция сонета (НР, л. 235; см.: «Варианты и редакции», с. 432), что позволяет ее довольно точно датировать летом—осенью 1752 г.

Отзывом на последнюю редакцию перевода можно считать пародию Сумарокова на Тредиаковского в форме «сонета, нарочно сочиненного дурным складом», с примечанием пародиста: «Для показания того, что если мысль изрядна, стихи порядочны, рифмы богаты, однако при неискусном, грубом и принужденном сложении все то сочинителю никакого плода кроме посмешества не принесет» (Ежемесячные сочинения. 1755. Август. С. 191; *Сумароков А. П.* Избранные произведения. Л., 1957. С. 285. (Б-ка поэта. Большая серия)) и его перевод того же сонета Барро (Ежемесячные сочинения. 1756. Февраль. С. 146):

Великий Боже! Твой исполнен правдой суд,
Щедроты от Тебя имети смертным сродно;
Но в беззаконии все дни мои текут,
И с правосудием простить меня не сходно.
Долготерпение Ты должен окончать
За тму моих грехов по правости устава,
И милосердие днесь должно умолчать,
Того теперь сама Твоя желает слава.
Во мщеньи праведном Ты тварь свою забудь,
Пренебрегай ток слез и тем доволен будь,
Гремя, рази, свою Ты ярость умножая!
Хотя и трепещу, я чту Твой гнев стеня,
Но в кое место Ты ударишь поражая,
Не крыла что бы где Христова Кровь меня.

С. 327, ст. 5. *...грех ~ довольный...* — т. е. достаточный.
С. 327, ст. 7. *...не вольный...* — не имеющий воли, желания.

ОБРАЗ ДОБРОДЕТЕЛЬНОГО ЧЕЛОВЕКА

Печатается по СП (т. 2., с. 318—319).

Редакция «Стихов, научающих добронравию человека», вошедших в «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», с пояснением: «Переведены

с французских покойного Франциска де Салиньяка де ла Мотта Фенелона, учителя детей королевских, славного автора Телемака французского, и бывшего потом архиепископа, дюка Камбрейского, священныя Римския империи принца. Нарочно сочинены российским новым эксаметром для примеру» (С. 385—386). Затем в редакции 1735 г. под названием «Правила благоразумия, или Образ добродетельного человека» стихотворение было напечатано в книге «Истинная политика знатных и благородных особ» (СПб., 1737. С. 223—224; 2-е изд.: СПб., 1745. С. 163—164; 3-е изд.: СПб., 1765. С. 188—190; 4-е изд.: СПб., 1787. С. 167—169). Со стихотворением Фр. Фенелона «Le portrait de l'honneste homme» (отд. изд.: 1725) Тредиаковский познакомился по книге «La véritable Politique des personnes de qualité» (Paris, 1699), куда начиная с 1722 г. включалось это стихотворение. Свой перевод книги «La véritable Politique... Тредиаковский и сделал по этому парижскому изданию 1722 г. (экземпляр этого издания принадлежал Библиотеке Академии наук, но погиб в пожаре 1987 г. и остался недоступен). Публикацию стихотворения «Le portrait de l'honneste homme» в следующем по времени издании «La véritable Politique...» (Paris, 1743) предваряет замечание: «Ces maximes ont été trouvées dans la cassette de Monseigneur le Dauphin ci devant Duc de Bourgogne après sa mort. C'est feu Messire François de Salignac de la Mothe Fénélon Archevêque de Cambrai etc, qui en est l'Auteur» («Сии максимы найдены в шкатулке монсеньора дофина графа Бургундского после его смерти. Покойный месье Франсуа де Салиньяк де ла Мот Фенелон, архиепископ Комбре, их автор»). Возможно, авторство этого стихотворения подало Тредиаковскому мысль о принадлежности ему и самого трактата (о чем он говорит в предисловии в книге), который выходил без имени автора и принадлежит Н. Ремонду де Куру (Rémond Des Cours N., ?—1716).

Новая редакция стихотворения была создана, по-видимому, в 1751—1752 гг. Публикация перевода не входила ни в первый, ни во второй планы издания (см. «Варианты и редакции», «К читателю», с. 359—360), решение о ней было принято на последнем этапе работы над СП. Помимо стиля (замена церковнославянских форм местоимений, инфинитивов и возвратных глаголов) переработка коснулась версификации нечетных двустиший. В них семистопный хорей с мужской цезурой и женским окончанием заменен семистопным хореем с женской цезурой и мужским окончанием, что изменило длину полустиший (вместо: 3+4 стало 4+3); в ряде случаев полустишия были переставлены местами. Все это привело к ритмическому обособлению каждого нового полустишия. Обе редакции стихотворения переведены стих в стих (оригинал содержит 52 стиха).

С. 329, ст. 32. *...злость на всю без взора.* — Инверсия: на всю злость без взора.

С. 329, ст. 35. *Долг искусство почитать в каждом благонравно...* — Инверсия: Долг благонравно почитать в каждом искусство; в оригинале: «Estimez un chacun dans sa profession».

С. 329, ст. 45. *Было б слов, не мыслей, меньше...* — т. е.: было бы меньше слов, а не мыслей; в оригинале: «Parlez peu, pensez bien...

ОБРАЗ ЧЕЛОВЕКА ХРИСТИАНИНА

Печатается по СП (т. 2, с. 320—322) с учетом разночтений по НР (л. 236 об.—238).

Перевод с неизвестного французского стихотворения. Датируется предположительно 1751—1752 гг.

ПЛАЧ О КОНЧИНЕ БЛАЖЕННЫЯ И ВЕЧНОДОСТОЙНЫЯ ПАМЯТИ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА И САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКОГО ПЕТРА ВЕЛИКОГО ОТЦА ОТЕЧЕСТВА

Печатается по СП (т. 2, с. 323—330) с учетом разночтений по НР (л. 238—241 об.).

Последняя редакция «Элегии о смерти Петра Великого». Первоначально элегия была написана по-латыни и по-русски к траурному торжеству, устроенному Славяно-греко-латинской академией в день похорон Петра Великого 20 марта 1725 г. (см.: *Николаев С. И.* Ранний Тредиаковский. (К истории «Элегии о смерти Петра Великого») // Русская литература. 2000. № 1. С. 126—132); в той же редакции элегия была опубликована автором в корпусе «Стихов на разные случаи», приложенном к изданию «Езда в остров Любви» (СПб., 1730. С. 154—159; см.: «Варинты и редакции», с. 436—439). Для СП Тредиаковский перевел элегию в силлабо-тоническую метрику, почти вдвое расширив ее, но мало изменив при этом ее содержание. Переделка отражает изменения, произошедшие в русской поэзии за 20—25 лет. Барочные образы главных персонажей элегии сменились экспрессивными классицистическими, исчезли элементы драмы. Существенным добавлением стали ст. 175—184 и ст. 197—200, отражающие поздний взгляд на внутреннюю и внешнюю политику России 1730-х гг.

С. 333, ст. 21. *...внушить слов ~ слезных...* — т. е. внять словам.

С. 334, ст. 32. *...художник...* — здесь: Творец, Бог.

С. 334, ст. 55. *Предел* — предопределение.

С. 335, ст. 64. *...упразднит...* — т. е. украсит.

С. 335, ст. 74. *...Политика равно туж, как без ума...* — т. е.: Политика столь же сильно тужит.

С. 336, ст. 111. *...бодет...* — мучает (от цркcл. бости — мучить).

С. 336, ст. 117—118. ...*Кир? ~ Александр? Юлий, Август...* — Сравнения монарха с персидским царем Киром (590—530 до н. э.), Александром Македонским, Гаем Юлием Цезарем, Октавианом Августом принадлежат к устойчивым топосам европейского панегирика.

С. 336, ст. 130. ...*В выспреннейших оных брани нет местах...* — Инверсия: в выспреннейших местах нет брани.

С. 336, ст. 132. ...*Не ушло б и после время быть в звездах».* — Инверсия: Не ушло б и время после быть в звездах; т. е. не упустить бы времени обессмертить себя.

С. 337, ст. 139. *Скосырь* — забияка, хват; ср. в «Элегии о смерти Петра Великого»: «Марс, не Марс без тебя есмь, ах! но волокита...» (с. 438, ст. 86).

С. 337, ст. 142. *Вреть* — кипеть; ср. в «Элегии о смерти Петра Великого»: «Тебе не сущу, в слезах чтобы не кипети» (с. 438, ст. 88).

С. 337, ст. 163. ...*Та не скромна быть превесьма блюдется...* — Смысл стиха не ясен, возможно, была допущена описка и вместо «не» следует читать «же».

С. 338, ст. 180. ...*И ученым добрым подданным быть дал...* — Инверсия: И дал добрым ученым быть подданным, т. е. разрешил хорошим ученым быть подданными. Имеется в виду открытие Академии наук с приглашением иностранных ученых, некоторые из них (как например Г.Ф. Миллер в 1748 г.) приняли русское подданство.

С. 338, ст. 185. ...*взбуяли...* — т. е. взбушевались.

С. 338, ст. 197—200. *Мечется и Понт ~ Град исторгнуть у тирана сей.* — Речь идет о планах русского правительства занять проливы Босфор и Дарданеллы и освободить Стамбул — бывшую столицу Византии Константинополь; идея, популярная во время Русско-турецкой войны 1735—1740 гг. и забытая к 1752 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Печатается по СП (т. 2, с. 331—332).

Стихотворение не входило не в один из планов издания и было написано в конце лета—начале осени 1752 г., перед сдачей второго тома СП в типографию. Правка, содержащаяся в рукописи (см.: «Варианты и редакции», с. 439—440), позволяет заключить, что стихотворение дорабатывалось, а может быть, даже частью создавалось прямо в НР.

Стихотворение принадлежит к традиционному в доклассицистической поэзии жанру заключающих книгу стихотворных надписей.

В заключительной части стихотворения (ст. 18—22) речь идет, по-видимому, о И. И. Шувалове (о его предполагаемой роли в издании СП см. статью «„Сочинения и переводы" В. К. Тредиаковского: история издания», с. 484—485).

С. 339, ст. 1—3. *Досужных дней труды или трудов излишки ~ Вы знаете, что вам у многих быть в руках...* — По поводу этих строк П. А. Вяземский писал:

«Досужных дней труды или трудов излишки,
О, малые мои, две собранные книжки,
Вы знаете, что вам у многих быть в руках, —

сказал Тредьяковский в предисловии к одному из своих сочинений. Чем же это не нашего времени стихи? В них и ясность и простота» (*Вяземский П. А.* Старая записная книжка / Сост., ст. и коммент. Л. Я. Гинзбург. Л., 1927. С. 43).

С. 339, ст. 8. *...Не бодрствуйте...* — т. е. не дерзайте.

С. 339, ст. 13. *...нравом пчел...* — т. е. как пчелы.

С. 339, ст. 22. *Предстатель* — заступник, проситель за другого, ходатай, изначально заступник перед Богом, молельщик о другом. Здесь имеется в виду, по-видимому, И. И. Шувалов.

Ломоносов, как и Тредиаковский (а может быть, вслед за ним) под «предстателем» подразумевал сначала К. Г. Разумовского («Ободрить начинающияся науки ⟨...⟩ приняв в собственное свое покровительство, отворить им к себе свободной доступ, поручив их доброхотному предстателю из своих ближайших...» — «Слово похвальное императрице Елизавете Петровне...» (1749); «Един у нас теперь предстатель Полидор...» — идиллия «Полидор» (1750)), а затем И. И. Шувалова («предстателя муз» — посвящение к поэме «Петр Великий», 1761). Характерна правка, произведенная Ломоносовым, строки из «Письма о пользе стекла», обращенного к Шувалову (декабрь 1752 г.): «А ты, о меценат, присутствуя пред нею» (в издании 1753 г.), на: «А ты, о меценат, предстательством пред нею» (в издании 1757 г.).

ДОПОЛНЕНИЯ

ИДИЛЛИЯ. НИСА И ТИРС

Печатается по НР (л. 202 об.—204).

По второму плану издания стихотворение предназначалось ко включению во второй том СП, в раздел «Несколько штук, сочиненных строфами», следовало после «Строф похвальных поселянскому житию» (см.: «Варианты и редакции», «К читателю», с. 360). Позднее идиллия была напечатана анонимно в «Ежемесячных сочинениях» (1757. Март. С. 283—286) и в течение долгого времени приписывалась А. А. Нартову, автору следующего в журнале за идиллией стихотворения. Авторство Тредиаковского установлено А. Б. Шишкиным (*Шишкин А. Б.* К истории работы В. К. Тредиаковского над «Сочинениями»

(неизданные материалы) // Русская литература. 1982. № 3. С. 138—142). В настоящей редакции стихотворение печатается впервые, разночтения с журнальной редакцией даются в разделе «Варианты и редакции», с. 440—441.

С. 343, ст. 19. *В резных цветах...* — т. е. в цветах, вырезанных на коре.

С. 344, ст. 57. *...снижу...* — нанижу (от «нанизывать»).

ПАСТУШОК ДОВОЛЬНЫЙ

Печатается по НР (л. 206).

По второму плану СП стихотворение предназначалось ко включению во второй том, в раздел «Несколько штук, сочиненных строфами... и должно было следовать после «Строф похвальных поселянскому житию» Стихотворение впервые было опубликовано А. Б. Шишкиным (*Шишкин А. Б.* К истории работы В. К. Тредиаковского над «Сочинениями» (неизданные материалы) // Русская литература. 1982. № 3. С. 142).

РЕЧЬ ПРИВЕТСТВЕННАЯ, ГОВОРЕННАЯ ЕГО ГРАФСКОМУ СИЯТЕЛЬСТВУ КИРИЛЕ ГРИГОРЬЕВИЧУ РАЗУМОВСКОМУ ⟨...⟩ 11 ДНЯ ИЮНЯ 1746 ГОДА

Печатается по НР (л. 230—231 об.).

11 июня 1746 г. в Академии наук состоялось торжественное заседание по случаю назначения К. Г Разумовского президентом (указ Сената от 21 мая 1746 г.). Сообщение об этом было напечатано в «Прибавлениях к Санкт-Петербургским ведомостям» (1746. 13 июня), за чем следовали публикации речи К. Г. Разумовского, «Ответ Академии наук советника господина Шумахера» и «Приветствие, которое говорил профессор элоквенции Тредиаковский».

«Речь приветственная...» была намечена ко включению в СП во втором плане издания и была заменена «Словом о мудрости...» на самом последнем этапе работы над вторым томом, что вынудило автора сделать преамбулу к «Слову о мудрости, благоразумии и добродетели» (см. с. 284; см. также: «Варианты и редакции», «К читателю», с. 361). При подготовке СП Тредиаковский внес в «Речь приветственную...» несущественные изменения. Разночтения с первой редакцией см. в разделе «Варианты и редакции» (с. 441—442).

С. 348. *...ныне ясновельможному гетману...* — К. Г Разумовский получил чин гетмана Украины 5 июня 1750 г.

С. 348. *...как без Апелловы линеи...* — Имеется в виду кредо греческого художника Апеллеса (2-я пол. IV в. до н. э.) «nulla dies sine linea», т. е. «ни дня без черты» (строчки).

С. 349. *...виноград учений, насажденный от Петра Великого, учрежденный от Екатерины Августейшия, но орошенный от ~ Елисаветы...* — Императорская Академия наук и художеств в Санкт-Петербурге была основана указом Петра Великого от 28 января (8 февраля) 1724 г.; торжественное открытие состоялось 27 декабря 1725 г. уже в царствование Екатерины I; первый регламент (устав) был утвержден имп. Елизаветой в 1747 г. «Виноград ученый» — ср.: «Слово о мудрости...», с. 309.

С. 349. *Собственный уже твой ~ Аполлин в тебе господствует.* — Цитата из «Эклоги IV» Вергилия (ст. 10).

ЕМУ ЖЕ РЕЧЬ БЛАГОДАРСТВЕННАЯ ⟨...⟩ 1748 ГОДА

Печатается по НР (л. 231 об.—232 об.).

По второму и третьему планам СП (см.: «Варианты и редакции», «К читателю», с. 361) речь намечалась ко включению во второй том; позднее была заменена «Словом о мудрости, благоразумии и добродетели» (см.: «Варианты и редакции», «К читателю», с. 360).

Экзамен в реорганизованном весной 1748 г. Академическом университете проходил 3 декабря 1748 г. (см.: СПбФАРАН. Ф. 21. Оп. 1. № 102. Л. 41: «Die III Decembris praesente Exellentissimo academiae Praeside examen publicum habitum est cum alumnis, ubi quilibet Professor suos auditores in disciplinis, quas adhuc professus est, examinavit» — «3 декабря в присутствии сиятельнейшего президента Академии был устроен публичный экзамен с учениками, на котором каждый профессор экзаменовал своих слушателей по предметам, которые успел им преподать»). Поручение Тредиаковскому произнести речь было связано, вероятно, с тем, что из всех преподававших в первые месяцы занятий профессоров Тредиаковский был единственным, кто мог подготовить речь на русском языке. В то же время выступление Тредиаковского свидетельствует о его если не лидирующей, то заметной роли в работе университета. Настоящая речь — один из немногих сохранившихся документов, связанных с недолгой преподавательской деятельностью Тредиаковского.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ТОМ ВТОРОЙ

ДОПОЛНЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЯ

Научное издание

Василий Тредиаковский

СОЧИНЕНИЯ И ПЕРЕВОДЫ КАК СТИХАМИ, ТАК И ПРОЗОЮ

Утверждено к печати
Редколлегией серии «Литературные памятники»

Редактор издательства *Л. Н. Мурзенкова*
Художник *Е. В. Кудина*
Технический редактор *Е. Г. Коленова*
Корректоры *Ф. Я. Петрова* и *Е. В. Шестакова*
Компьютерная верстка *Е. С. Егоровой*

Лицензия ИД № 02980 от 06 октября 2000 г.
Сдано в набор 19.06.08. Подписано к печати 15.04.09.
Формат 70 × 90 $^1/_{16}$. Бумага офсетная.
Гарнитура Академическая. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 49.6. Уч.-изд. л. 39.7
Тираж 1000 экз. Тип. зак. № 3922. С 154

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
E-mail: main@nauka.nw.ru
Internet: www.naukaspb.spb.ru

Первая Академическая типография «Наука»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

ISBN 978-5-02-027039-8

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА «НАУКА»

ГОТОВИТ К ВЫПУСКУ
В СЕРИИ «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПАМЯТНИКИ»

Н. В. Гоголь

АРАБЕСКИ

Гоголевский сборник «Арабески» — второй после «Вечеров на хуторе близ Диканьки» — по своему пестрому составу напоминает «альманах одного автора»: здесь представлены статьи по искусству, истории, географии, фольклору, исторические фрагменты и первые «петербургские» повести. Подобная многоплановость соответствовала занятиям молодого Гоголя — писателя, историка, педагога. Впоследствии из сборника перепечатывались только повести, и по существу это первое научное издание «Арабесок», приуроченное к 200-летию со дня рождения писателя, где восстановлена творческая история сборника, приведены сопутствовавшие тексты, даны подробные комментарии.

Н. П. Гиляров-Платонов

ИЗ ПЕРЕЖИТОГО

Автобиографические воспоминания

Т. 1, 2

Книги содержат воспоминания выдающегося философа, публициста, богослова и литературного критика Н. П. Гилярова-Платонова (1824—1887), охватывающие период с конца XVIII в. по 1840-е гг. и принадлежащие по своим художественным достоинствам и познавательной ценности к лучшим образцам русской мемуарной прозы. Воспоминания представляют выразительную картину быта и нравов провинциального (коломенского) и московского духовенства и купечества. Дополняют книгу дневниковые записи автора и очерки, запечатлевшие малоизвестные события литературно-общественной жизни 1840—1870-х гг., участниками которых были митрополит Филарет (Дроздов), К. С. и И. С. Аксаковы, А. С. Хомяков, М. Н. Лонгинов и др. Издание снабжено статьей, обширным реальным комментарием, аннотированным именным указателем; богато иллюстрировано.

АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ТОРГОВОЙ ФИРМЫ «АКАДЕМКНИГА»

Магазины «Книга — почтой»

121009 Москва, Шубинский пер., 6; 241-02-52
197137 Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7Б; (код 812) 235-40-64

Магазины «Академкнига» с указанием отделов «Книга — почтой»

690088 Владивосток-88, Океанский пр-т, 140 («Книга — почтой»); (код 4232) 5-27-91
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 («Книга — почтой»); (код 3432) 55-10-03
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 298 («Книга — почтой»); (код 3952) 46-56-20
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90
220012 Минск, пр-т Независимости, 72; (код 10-375-17) 292-00-52, 292-46-52, 292-50-43
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; 124-55-00
117192 Москва, Мичуринский пр-т, 12; 932-74-79
103054 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; 921-55-96
103624 Москва, Б. Черкасский пер., 4; 298-33-73
630091 Новосибирск, Красный пр-т, 51; (код 3832) 21-15-60
630090 Новосибирск, Морской пр-т, 22 («Книга — почтой»); (код 3832) 30-09-22
142292 Пущино Московской обл., МКР «В», 1 («Книга — почтой»); (13) 3-38-60
443022 Самара, пр-т Ленина, 2 («Книга — почтой»); (код 8462) 37-10-60
191104 Санкт-Петербург, Литейный пр-т, 57; (код 812) 272-36-65, бук. 273-13-98
197110 Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7Б; (код 812) 235-40-64
199034 Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1; (код 812) 328-38-12

199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9 линия, 16;
(код 812) 323-34-62
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 22-60-36
450059 Уфа-59, ул. Р. Зорге, 10 («Книга — почтой»); (код 3472) 24-47-74
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 22-91-85